

Виктор Шейнис

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

переломные годы
в российской политике
(1985–1993)

II

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Carnegie Endowment for International Peace

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
ФОНД ИНДЕМ

ВИКТОР ШЕЙНИС

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

Переломные годы в российской политике
(1985—1993)

Том 2

Москва
2005

УДК 329
ББК 66.3(2Рос)6
ШЗ9

Sheynis V. The Rise and Fall of Parliament: Watershed Years in Russian Politics (1985—1993). Vol. 2

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York и Фонда ИНДЕМ.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги и Фонда ИНДЕМ.

Шейнис В.

ШЗ9   Взлет и падение парламента : Переломные годы в российской политике (1985—1993). — Т. 2 / Виктор Шейнис ; Моск. Центр Карнеги ; Фонд ИНДЕМ. — М., 2005. — 771 с.

ISBN 5-86280-034-4(Том 2)

ISBN 5-86280-033-6

Воссоздание в России парламента после перерыва в три четверти века, его политические превращения и крушение, трудные роды и родовые травмы российской Конституции 1993 г. — основная тема книги. Нетвердые шаги парламентаризма автор — исследователь и участник событий — рассматривает в широком контексте драматических перемен, происходивших в стране в 1985—1993 гг. Документы эпохи, в том числе фрагменты публикаций и выступлений автора по горячим следам событий, их анализ и переосмысление с исторической дистанции, неопубликованные архивные материалы, мемуарные зарисовки, портреты героев и антигероев того времени воссоздают объемную панораму переходного периода российской истории.

Книга адресована читателю, равнодушному к нашему прошлому, размышляющему о том, как и почему многообещающие начала, как то бывало в большинстве революций, не принесли ожидаемых плодов.

УДК 329
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 5-86280-034-4(Том 2)
ISBN 5-86280-033-6

© Шейнис В. Л., 2005

© Carnegie Endowment for International Peace, 2005

© Фонд ИНДЕМ, 2005

Оглавление

Глава 14. VI Съезд: предвестие перелома	14
Новая расстановка сил в парламенте	14
Политический кризис	17
«Старая» и «новая» Конституции под огнем	30
Соревнование по перетягиванию каната	30
Как это виделось тогда	45
«Мы должны извлечь уроки из распада Союза»	45
«Проект Конституции — разумный компромисс»	49
Итоги съезда	52
Глава 15. Ставки повышаются. Напряжение растет	67
Взгляд из 1992 года	67
Судороги российского парламентаризма	67
Через год после Августа	86
«Уходит ли “Демократическая Россия”»?	94
Взгляд сквозь годы	99
Натиск оппозиции	99
Президент: амплитуда колебаний	106
Правительство на узкой тропе	109
Заявка на центр: группа «Реформа»	112
Заявка на центр: Гражданский союз	114
Демократы на пути к расколу	118
В преддверии VII Съезда	123
Глава 16. VII Съезд российских депутатов	133
Взгляд из 1992 года. Горький вкус поражения	133
Взгляд сквозь годы. Политическая драма в пяти действиях	145
Действующие лица и исполнители	146
Действие первое. Судилище (1—5 декабря)	149
Действие второе. Игра без правил	
против правил игры (3—4 декабря)	154
Интермедия первая. Танцы на минном поле	159
Действие третье. Гамбит президента (8—9 декабря)	163

Действие четвертое. Испытание шоком (10—12 декабря)	167
Интермедия вторая. Фантом Учредительного собрания	175
Действие пятое. Финал (14 декабря)	178
Вместо эпилога	180
ЧАСТЬ 5. 1993. ГРОЗОВОЙ ГОД	193
Глава 17. Компромисс рушится	195
Взгляд из 1993 года. Реформистские фантазии	195
«93-й год — что дальше?»	195
Две тактики на референдуме	202
«Если не референдум, то что?» — К вопросу о Конституционном соглашении	202
«Уйти от беды»	205
Постскриптум	207
Взгляд сквозь годы. Референдум или соглашение вождей?	210
Глава 18. Мартовские иды	234
VIII Съезд. Последняя развилка	235
Взгляд из 1993 года. Съезд: соглашение или конфронтация?	235
Взгляд сквозь годы	237
Удар мимо цели	254
Последний Съезд российских депутатов	261
Глава 19. Апрель: непочетная ничья	289
На пути к референдуму	289
Итоги референдума	301
Взгляд из 1993 года	309
По горячим следам события	309
«Но избиратели оказались умнее»	310
Референдум прошел. Что дальше?	316
Глава 20. Страсти по Конституции	322
Два проекта: кто кого?	324
Соревнование проектов	324
Проект Конституционной комиссии: итоговый документ	333
«Президентский» проект	339

Взгляд из 1993 года. Мой выбор	347
«Опасно черта изгонять дьяволом»	347
«Федеративные отношения — узловой вопрос Конституции»	351
«Идеальное решение — совместить оба проекта»	356
Конституционное совещание на старте	362
Дела и дни Конституционного совещания	376
Июльский проект	396
Глава 21. Завершение конституционного процесса	417
Как принимать Конституцию	417
Последний тайм-аут	433
Заключительные превращения конституционного проекта	454
Взгляд из 1993 года. Как это виделось тогда	469
«Июльский проект нуждается в пересмотре»	469
«Без Конституции жить опасно»	473
«Новый основной закон: за и против». Аргументы эксперта	477
Глава 22. Крушение российского парламента	504
Я вспоминаю...	504
Взгляд из 1993 года	507
Четыре сценария	507
«Две невозможности»	511
«Идти на выборы»	513
Постскриптум	515
Накануне	516
Указ № 1400. Что дальше?	525
Четыре дня в октябре	548
По следам трагедии	564
Глава 23. Избирательный закон (Как голосовать России)	578
Инициативная группа	578
Закон обретает очертания	583
Гонка с препятствиями	588
«Не сенаторы и не ходатаи — политики». Ответ оппонентам	594

Предмет дискуссии — закон о выборах	608
Кремлевский детектив	615
Глава 24. Декабрьский эпилог	629
В режиме «указного права»	629
Всплеск партийно-блокового строительства	641
Рождение «Яблока»	660
Взгляд из 1993 года. Как это виделось тогда	682
«Мне все время хочется провести черту»	682
Политическая ситуация перед выборами	687
«Двенадцатый день декабря»	690
 Послесловие. Двадцать лет спустя	 726
 Именной указатель	 734
 Перечень таблиц	 759
 Список сокращений	 760
 Summary	 763
 О Фонде Карнеги	 767
 О Фонде ИНДЕМ	 769

Contents

Chapter 14. VI Congress: Forerunner of Change	14
Redistribution of Forces in Parliament	14
Political Crisis	17
«Old» and «New» Constitutions under Fire	30
Playing Tug of War	30
As it Looked Back Then	45
«Lessons to Be Derived from the Fall of the USSR»	45
«Draft Constitution — a Reasonable Compromise»	49
Congress Results	52
 Chapter 15. The Stakes Are Being Raised. Tension Is Growing	 67
A View from 1992	67
Spasms of Russian Parliamentarianism	67
August — One Year Later	86
«Is “Democratic Russia” Leaving the Stage?»	94
Looking Back Through the Years	99
Onset of Opposition	99
President: Amplitude of Vacillations	106
The Government’s Narrow Path	109
Request to the Center: the «Reform» Group	112
Request to the Center: Civic Union	114
Democrats en Route to Secession	118
On the Threshold of the VII Congress	123
 Chapter 16. VII Congress of Russia’s Deputies	 133
A View from 1992. Bitter Taste of Defeat	133
Looking Back Through the Years. Political Drama in Five Acts.	145
Cast and Performers	146
Act One. The Judiciary (December 1—5)	149
Act Two. Game Without Rules versus	

the Rules of the Game (December 3—4)	154
First Intermission. Dancing in a Mine Field	159
Act Three. Presidential Gambit (December 8—9)	163
Act Four. Test by Shock (December 10—12)	167
Second Intermission. The Phantom of the Constituent Assembly	175
Act Five. Finale (December 14)	178
Instead of an Epilogue	180
PART 5. 1993. STORMY YEAR	193
Chapter 17. The Compromise Crumbles	195
A View from 1993. Reformist Fantasies	195
«1993 — What Next?»	195
Two Tactics at the Referendum	202
«If Not the Referendum, Then What?» — Concerning the Matter of the Constitutional Agreement	202
«Avoiding Disaster»	205
Postscript	207
Looking Back Through the Years. Referendum or Agreement Between Leaders?	210
Chapter 18. The Ides of March	234
VIII Congress. The Final Crossroads	235
A View from 1993. Congress: Accord or Confrontation.	235
Looking Back Through the Years	237
Missing the Target	254
Last Congress of Russia's Deputies	261
Chapter 19. April: A Draw Without Honors	289
En Route to a Referendum	289
Results of the Referendum	301
A View from 1993	309
On the Hot Trail of Events	309
«But the Voters Were Smarter»	310
The Referendum Passed. What Next?	316

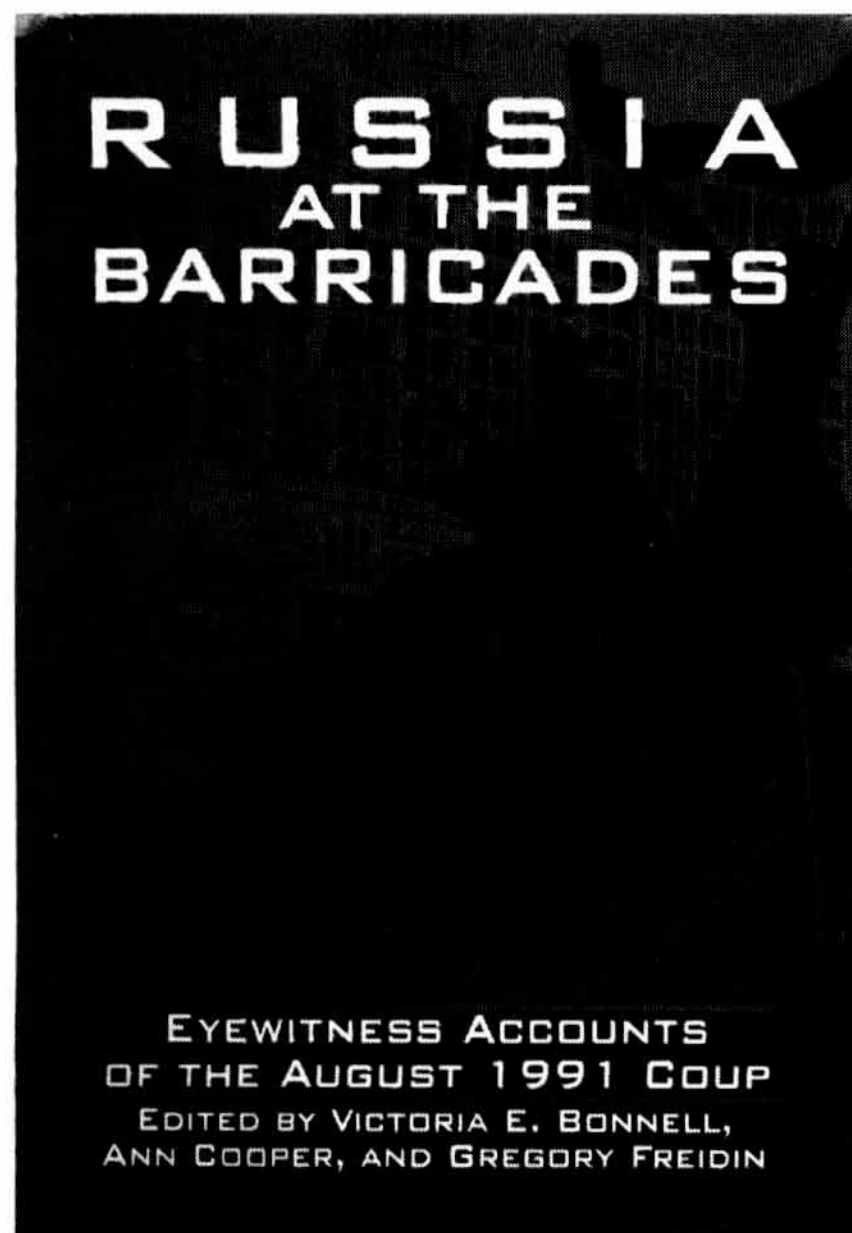
Chapter 20. Passions Surrounding the Constitution	322
Two Projects: Who Will Get the Upper Hand	324
Competition Between Projects	324
Constitution Commission's	
Draft: Final Document	333
"Presidential" Project	339
A View from 1993. My Choice	347
«The Dangers of Exorcizing Demons	
by Using Satan»	347
«Federative Relations — Key Question	
of the Constitution»	351
«Ideal Solution — Merging the Two Projects»	356
The Constitutional Assembly at the Starting Line	362
Agenda and the Days of the Constitutional Assembly	376
The July Project	396
 Chapter 21. Conclusion of the Constitutional Process	 417
How Should the Constitution Be Adopted?	417
The Last Time-Out	433
Final Transformations of the Constitutional Project	454
As it Looked Back Then	469
«The July Project Needs to Be Reconsidered»	469
«The Dangers of Living Without a Constitution»	473
«The New Basic Law: For	
and Against». Expert's Arguments	477
 Chapter 22. The Collapse of the Russian Parliament	 504
I Remember	504
A View from 1993	507
Four Scenarios	507
«The Two Impossibilities»	511
«Go to the Poll Station»	513
Postscript	515
On the Eve of...	516
Decree No. 1400. What Next?	525
Four Days in October	548
In the Wake of Tragedy	564

Chapter 23. Election Law. (How Russia Should Vote)	578
The Initiative Group	578
The Law is Taking Shape	583
Hurdle Race	588
«They're Neither Senators Nor Intercessors — They're Politicians». Responding to Opponents	594
Subject of Discussion — the Law on Elections	608
The Kremlin Detective	615
Chapter 24. December Epilogue	629
In the Regime of 'Rule by Decree'	629
A Burst of Party and Bloc Construction	641
The Birth of «Yabloko»	660
A View from 1993. As It Looked Back Then	682
«I Keep Wanting to Draw the Line»	682
Political Situation Before the Elections	687
«The Twelfth Day in December»	690
Afterword: Twenty Years Later	726
Name Index	734
List of Tables	759
List of Abbreviations	760
Summary	763
About Carnegie Endowment for International Peace	767
About INDEM Foundation	769

Ваше время прошло, — сказала ранней весной 1992 г. одна моя приятельница. Я согласился, хотя до конца тогда еще этого не осознал. Пройдет несколько месяцев, и от августовской эйфории не останется и следа.

Юрий Афанасьев
Леонид Баткин
Владимир Библер
Елена Боннэр
Владимир Буковский
Юрий Буртин
Владимир Гельман
В. Кардин
Андрей Козырев
Зоя Крахмальникова
Владимир Лопатин

ГОД ПОСЛЕ АВГУСТА ГОРЕЧЬ и ВЫБОР

Кронид Любарский
Марина Павлова—Сильванская
Элла Памфилова
Борис Пинскер
Лариса Пияшева
Аркадий Попов
Эльдар Рязанов
Василий Селюнин
Джон Симмонс
Лев Тимофеев
Лилия Шевцова

глава 14

VI Съезд: предвестие перелома

Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Михаил Лермонтов

НОВАЯ РАССТАНОВКА СИЛ В ПАРЛАМЕНТЕ

В начале 1992 г. еще оставались какие-то надежды на то, что промедление, допущенное Ельциным и его командой в первые недели после Августа, политически восполнимо, ошибки исправимы, а процессы, не только вырывавшиеся из-под контроля, но и приносившие много неожиданностей, обратимы. Но VI СНД, состоявшийся 6—21 апреля, таких надежд не оставил. Этот Съезд обозначил исходную точку противостояния с новой расстановкой сил: поскольку судьба СССР уже была решена, основной конфликт приобрел внутрirosсийский характер. Ряды оппозиции расширились. На Съезде она захватила политическую инициативу.

К началу Съезда соотношение сил в парламенте выглядело следующим образом. На оппозиционном фланге четыре фракции: «Коммунисты России», «Россия», «Отчизна» и «Аграрный со-

юз», объединившиеся в блок «Российское единство», насчитывали 290 депутатов. Сформированный уже в ходе Съезда блок «Созидательные силы» («Промышленный союз», «Рабочий союз» и «Смена — Новая политика»), заявивший свои претензии на роль «третьей силы», но по многим ключевым вопросам голосовавший вместе с непримиримой оппозицией, располагал 170 депутатами. Главной интеллектуальной силой этого блока была фракция «Смена» с ее квалифицированной экспертной группой. На первых Съездах молодые интеллектуалы-«сменовцы» действовали вместе с демократами, но разошлись с ними, не согласившись с полномочиями, предоставленными президенту. На этой точке, однако, «сменовцы» не остановились и стали эволюционировать от либерализма неокосомольцев к необольшевизму прагматиков. Пропрезидентские силы были представлены оформившимся после Собрания граждан блоком демократических фракций — «Коалицией реформ» («Демократическая Россия», «Радикальные демократы», «Свободная Россия», «Левый центр — Объединенная фракция РПР и СДПР» и «Беспартийные депутаты») с 294 депутатами. Вне блоков оставалась фракция политических элит автономий «Суверенитет и равенство» (64 депутата), озабоченная главным образом тем, как закрепить и расширить завоевания, зафиксированные в Федеративном договоре. Его парадное подпи-

сание состоялось накануне Съезда. Вне фракций пребывали 269 депутатов¹.

Если бы на Съезде действовала фракционная дисциплина голосования, а поведение депутатов в каждом случае соответствовало политическим позициям, заявленным от их имени лидерами фракций, можно было бы ожидать повторения сценариев прежних Съездов. При равенстве сил двух противостоящих коалиций и относительной малочисленности «болота» демократы завладевали инициативой и по большинству вопросов добивались решения в свою пользу. Но в стране произошли существенные изменения. Давление кризиса, который начавшиеся наконец экономические реформы перевели в новое качество значительно усилилось. Курс реформ утрачивал былую популярность. Это наложило отпечаток на поведение депутатов безотносительно к их фракционной принадлежности. Голосования многих из них стали менее предсказуемыми.

Жесткое противостояние и переток депутатов в ряды оппозиции обозначились в первые же часы работы Съезда. При обсуждении повестки дня с обеих сторон были заявлены крайние позиции. Оппозиция потребовала включить вопрос о доверии правительству, но не собрала необходимого числа голосов, хотя за это предложение проголосовало немногим меньше депутатов, чем против². Зато и предложения, вносившиеся наиболее радикальным крылом демократов: рассмотреть вопросы о доверии председателю ВС, о введении прямого президентского правления на всей территории России на период реформ, об ограничении полномочий Советов, ставших, как утверждал Виктор Миронов, «главным препятствием на пути экономических реформ», «коммунистическими отстойниками», — проваливались с треском³. Выдвижение заведомо провальных предложений, даже не прошедших обкатку среди депутатов демократической коалиции, нагнетало истерию, наглядно демонстрировало, что их авторы уже поставили крест на Съезде и на представительной власти вообще.

Оппозиции, действовавшей значительно более сплоченно, не удалось, правда, реализовать программу-максимум (хотя предложения вынести вотум недоверия правительству и даже лишить президента дополнительных полномочий, которые он получил на V Съезде, еще не раз будут повторены и даже поставлены на голосование). Но в целом сражение за повестку дня она выиграла. Основной ее пункт — о ходе экономической реформы — был существенно «утяжелен» добавлением пунктов о состоянии агропромышленного комплекса и о социальной защите населения. Так была воспроизведена тактика демократов на I Съезде, настоявших на том, чтобы начать с обсуждения вопросов наиболее болезненных и сделать их обсуждение продолжительным⁴. С помощью одного только этого приема удалось поставить в положение обвиняемых правительство, находившееся у власти менее полугода, президента, назначившего такое правительство, и приступить к «раскачиванию» колеблющейся части депутатского корпуса. Было продавлено решение начать, а не закончить обсуждение докладом президента. Это дало оппозиции тактический выигрыш: реформаторам пришлось с самого начала выводить из резерва свою тяжелую артиллерию. Состоявшиеся в первый день голосования по повестке выявили расстановку сил, не вполне совпадавшую с фракционным делением и существенно иную, чем на предыдущих Съездах⁵.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В этой ситуации реформаторам предстояло сделать выбор: предпринять жесткую силовую акцию, сметающую с пути данный состав Съезда, как это предлагали некоторые ораторы на Собрании граждан, или попытаться так или иначе его убаготворить. Еще накануне Съезда в Верховном Совете прошло постановление, содержавшее неудовлетворительную оценку работы правительства и рекомендацию президенту: «рассмотреть вопрос о персональ-

ной ответственности членов правительства... за серьезные упущения в работе по социальной защите населения»⁶.

В ответ была избрана оборонительная тактика. В заглавном докладе Ельцин счел необходимым высказаться по широкому кругу вопросов: о перспективах СНГ, международной политике России, Федеративном договоре и сепаратизме номенклатуры в регионах, армии, перемещении культурных ценностей и т. д. Но в центре, конечно, стояли проблемы экономической реформы и судьбы правительства. В жестких выражениях обрисовав ситуацию конца 1991 г. («Тенденция распада, разложения всех сфер общественной жизни перешла за критическую черту... Для России стала реальной угроза социального хаоса и распада»), Ельцин заявил, что страна стояла перед альтернативой: «чрезвычайное положение, жесткие административные меры» (они все равно «не спасли бы Россию» и могли привести к гражданской войне) или незамедлительное начало реформ, «запуск важнейших рыночных механизмов» в сжатое время. Агрессии депутатов президент противопоставил позицию «большинства населения», которое «твердо уверено в том, что необходимо пережить значительное, но временное снижение уровня жизни, чтобы избежать катастрофы».

В целом выступление президента было выдержано в успокоительных и примирительных тонах. Он перечислил ряд признаков, которые как будто бы обещали позитивные экономические сдвиги, но признал, что «перелом пока что не произошел». Впрочем, повинна в том затратная экономика: ее «разрушительный потенциал... оказался настолько велик, что она буквально прорвала все линии защиты», поставив под удар население, бюджетные и приоритетные отрасли, конверсию, инвестиционный комплекс и т. д. Назвав ряд мер, с помощью которых предполагалось смягчить социально-экономическую ситуацию, президент сделал большой шаг навстречу критикам реформы, пообещав «пригласить в состав правительства масштабно мыслящих производителей, предпринимателей». На пост первого заместителя премьера, сказал он, будет предложена кандидатура, «кото-

рая вам импонирует». Это уже была политическая уступка. Однако Ельцин не был бы самим собой, если бы не дал понять, что отступление имеет пределы. Если депутаты попытаются перекроить Конституцию, заменив президентскую республику парламентской, или отнять дополнительные полномочия, предоставленные ему V Съездом, сказал он, то «...люди не останутся безучастными... Наш народ способен сказать свое веское слово в минуту опасности»⁷.

На предыдущих Съездах выступления Ельцина, тщательно отработанные его спичрайтерами, задавали тон дискуссии. Теперь этого не произошло. В зале стоял гул, речь президента сопровождалась протестующими и насмешливыми репликами, она как-то затерялась среди других докладов и речей, с которыми вслед за президентом выступали члены правительства и Верховного Совета, сторонники и противники реформ. «Я еще не осознал, что Съезды начинают вырождаться в политическую коммунальную кухню»⁸, — так оценит Ельцин впоследствии эволюцию нашего первого парламента, как бы запамятавав, что нечто подобное его поклонники учинили в Верховном Совете Горбачеву в августе. Не успокоило депутатов и выступление Гайдара, в котором была дана в меру критическая оценка ситуации, в общем виде обещана корректировка экономической политики, а главным основанием для оптимистических ожиданий было представлено обещанное Западом выделение только в 1992 г. 24 млрд долларов⁹.

С каждым днем обсуждение, дирижируемое Хасбулатовым, все более шло вразнос. Поднимавшиеся один за другим на трибуну критики реформы говорили о бедственном положении сельского хозяйства, всех без исключения отраслей промышленности, науки, образования, незащищенных социальных слоев. Все это в большей или меньшей степени соответствовало действительности, хотя не обходилось без перехлестов: доктор медицинских наук, например, поставил в вину трехмесячной реформе падение рождаемости¹⁰. Однако в качестве альтернативы ораторы предлагали решения несовместимые: например, снизить налоги и

предоставить льготные государственные кредиты. Взаимоисключающие меры нередко отстаивали одни и те же депутаты¹¹. Экономические идеи, с которыми выступила оппозиция, сводились к реставрации государственного социализма: восстановлению управляемости народным хозяйством, широкому применению методов государственного нерыночного регулирования. Требовали затормозить либерализацию цен и восстановить государственный контроль над ценами там, где они были отпущены. Декларируя приверженность «реформаторскому курсу, выбранному нами на I Съезде», оппозиция требовала такой «корректировки способов, форм и методов проведения кардинальных экономических реформ», которая предполагала бы сохранение «государственного воздействия на экономику, науку и культуру» не только «на переходный к рынку период, но и в перспективе»¹². Правительство, говорили его критики, должно не витать в макроэкономических эмпиреях, а заняться микроэкономикой, «проводить осмысленную индустриальную политику», что означало льготы и финансовые вливания в отдельные отрасли и предприятия, т. е. создание условий, при которых депутаты могли бы играть роль лоббистов.

При всей остроте экономической дискуссии было очевидно, что ни президент, ни правительство ретроградные и дилетантские идеи критиков реализовывать не будут. На Съезде по существу впервые после Августа был поставлен вопрос о власти. Боевые порядки оппозиции выстраивались следующим образом. Впереди шла группа факельщиков. Националисты, красные директора, некоторые бывшие активисты демократического движения, особенно выделявшиеся непримиримой позицией и цветистой риторикой, требовали отправить в отставку правительство в полном составе и лишить президента дополнительных полномочий. Однако менее экзальтированная и более трезво оценивавшая собственные возможности часть оппозиции рассчитывала решить эту задачу постепенно. На данном этапе требовали (под благовидным предлогом: надо вывести президента из-под удара) поставить во

главе правительства «нормального» премьера, который, в отличие от Ельцина, подлежал бы утверждению на Съезде и, следовательно, был бы значительно более уязвим. Поставить вопрос о доверии не правительству в целом, а «той его части, которая формирует политику». Ввести в него не просто «компетентных практиков» (что уже Ельцин пообещал), а критиков проводимого курса. Издать закон о правительстве, который позволил бы Верховному Совету оперативно вмешиваться в действия исполнительной власти и определять ее персональный состав.

Итак, уже через три месяца после начала реформ все обвинения и требования, которые будут звучать, пока просуществует этот парламент — да и за пределами отведенного ему срока, — произнесены. Виновные названы по именам. Почти все предложения по «корректировке» начатых преобразований и реорганизации структуры власти, изменению ее баланса уже сформулированы. Остается лишь осуществить хирургическую операцию. Всеми силами нагнетается подходящая политическая атмосфера — ожидания катастрофы. Даже депутаты, на поддержку которых, казалось, могли бы рассчитывать реформаторы (Владимир Шумейко, Владимир Исправников, Михаил Захаров, Сергей Филатов), соревнуются друг с другом в критике правительства, подчеркнуто отделяя его от президента. Само правительство находится в глухой обороне. Со второго дня Ельцин на Съезде появляется редко. Теперь следует лишь прикинуть, для завоевания каких позиций антиправительственная коалиция может сформировать большинство на Съезде.

Кульминацией Съезда стало обсуждение проекта постановления по экономической реформе. Перетягивание каната началось в редакционной комиссии, куда поступили предложения разных фракций, в том числе — вынести неудовлетворительную оценку правительству и ввести его дальнейшую деятельность в узкие рамки, которые в месячный срок надлежит определить законом о правительстве¹³. На пятый день работы Съезда комиссия выработала свой проект, довольно жесткий, но не включивший

далеко идущие требования, которые звучали в зале. Он был принят за основу с незначительным превышением числа необходимых голосов: проголосовали против, воздержались или не приняли участия в голосовании депутаты, занимавшие крайние позиции на обоих флангах¹⁴. При обсуждении проекта противники правительства стремились нагрузить его поправками, неисполнимыми экономически и неприемлемыми политически¹⁵. А некоторые из его не в меру усердных сторонников дразнили Съезд поправками, в которых осуждалась деятельность Советов на местах и предлагалось предоставить президенту право приостанавливать и возвращать на доработку любые акты и законы Верховного Совета¹⁶. Натиск с обеих сторон разрушал хрупкий баланс разделения властей. Но если большинство антипрезидентских и антиправительственных поправок, прохождение которых Хасбулатов спускал на тормозах, собирали 350—500 голосов, то выпады против представительных органов власти недотягивали и до сотни.

Правительство как могло — то разъясняя депутатам, к каким тяжким последствиям могли бы привести предлагаемые ими решения, то демонстрируя лояльность Съезду и готовность частично откорректировать экономический курс — пыталось воспрепятствовать тому, чтобы в постановление были внесены нормы, сковывающие его деятельность. Однако 11 апреля оно решило, что предел уступок, при которых сотрудничество с депутатами еще возможно, исчерпан. После утомительных дебатов, голосований и переголосований (всего к четырехстраничному проекту постановления было представлено 400 поправок) Съезд подошел к 3-му пункту. В нем президенту предлагалось в месячный срок внести проект закона о правительстве РФ и представить в ВС на согласование кандидатуру не только премьера, но и министров — парламент стремился восстановить свое влияние на исполнительную власть, утраченное после V Съезда. Президент предложил иную формулировку: законопроект о правительстве он должен внести до 1 сентября, а ВС принять закон до 1 декабря; вопрос о представлении кандидатур на согла-

сование был опущен. Президентскую поправку Съезд отклонил: для ее принятия не хватило 33 голосов¹⁷. Как только результаты голосования высветились на табло, сидевшие в первом ряду министры демонстративно покинули зал. В тот же день правительство подало президенту прошение об отставке.

Между тем за кадром разворачивалась коллизия, о которой мало кто знал. Люди в зале увидели эффектную театральную сцену: по взмаху руки Геннадия Бурбулиса, которого и друзья, и враги сочли дирижером акции, два десятка министров поднялись и вышли из зала. Заявление об отставке правительства, весть о котором вскоре разнеслась, была расценена как логичное продолжение демонстрации. Но вдали от депутатов и прессы события шли по ненаписанному сценарию, который чуть позже завершился смещением Бурбулиса. Оно было проведено в несколько приемов. После VI Съезда он лишился поста первого вице-премьера, а также, как тогда казалось, в угоду разбушевавшейся оппозиции (вопрошавшей: где это в Конституции записана такая должность — госсекретарь РФ?!) был изменен и другой его статус — он стал госсекретарем при президенте, что ставило под вопрос и его руководящую роль в Государственном совете. А перед VII Съездом — переведен на должность руководителя группы советников президента, которую тоже утратил в феврале 1993 г. Но это произойдет позже, а на VI Съезде полосы отчуждения пролегли между президентом, первым вице-премьером и министрами во главе с Гайдаром.

Рассказывает Геннадий Бурбулис: «Мой жест, оказавшийся в центре внимания, не был заранее запланированной заготовкой, это был ответ на оскорбительные высказывания Хасбулатова. Если бы не ушли министры, я бы ушел сам — надо было обозначить предел терпения. Что до отставки, то я был против нее, и “ребята” это знали, когда вырабатывали и принимали свое решение без меня. Для меня покинуть зал, когда циник оскорбляет наше дело, было естественно, а оставить рабочее место — неестественно. Масштаб ответственности правительства таков, что прибегать к отставке недопустимо»¹⁸. Так выглядела сложившаяся ситуация в

глазах второго в то время человека в государстве. Иначе отнесся к происшедшему Ельцин. Выход правительства из зала, инициатором которого был Бурбулис, он не одобрил. Состоявшаяся демонстрация, видимо, переполнила чашу его терпения.

Таковы были подоплека и последствия событий, начало которым положил демарш правительства. Но из возникшего кризиса надо было искать какой-то выход. Выступивший сразу после ухода правительства Анатолий Шабад сказал: раз так, продолжение реформы заблокировано, все принесенные жертвы оказались напрасны. И поскольку Съезд оказался неадекватным историческим задачам, которые перед ним стоят, большая группа депутатов любыми законными средствами будет добиваться, чтобы Съезд прекратил существование. Леонид Волков заявил, что для президента принятое решение не обязательно: по Конституции Съезд не может обязывать президента предлагать какие бы то ни было законы¹⁹.

Тем временем Съезд 683 голосами одобрил поправку Николая Рябова, которая предписывала Верховному Совету принять закон о правительстве и ряд других законов в трехмесячный срок (на четыре месяца раньше, чем предлагал Ельцин в своей отклоненной депутатами поправке) и предлагала президенту представить в ВС кандидатуру премьера (без указания срока). Хасбулатов тут же заявил, что принятое решение — предельный компромисс, а правильное было бы записать, что закон следует принять в течение месяца²⁰. В конце дня внушительным большинством постановление было одобрено в целом²¹. Но все это уже не имело значения и не меняло главного: Съезду был брошен вызов, начался правительственный кризис, исход которого был неясен, поскольку никто не мог предсказать, что сделает президент.

Принятая формулировка не столь уж сильно отличалась от отвергнутой поправки Ельцина, с которой правительство готово было согласиться. Вряд ли кто-либо мог рассчитывать, что за четыре месяца социально-экономическая и политическая ситуация в стране разрядится. Но правительство сочло, что перейден ру-

беж, за которым его дальнейшее существование становится бессмысленным, так как и проектируемый закон, и иные действия ВС свяжут ему руки. Оно решило преподать урок не только депутатам, но и президенту, а также дать понять обществу, что правительство, как позже напишет Гайдар, становится «самостоятельным игроком на политической сцене»²². Гайдар и его ближайшие сотрудники пошли ва-банк и выиграли партию самостоятельно и без каких-либо телодвижений со стороны президента.

«Коалиция реформ» ожидала, что в обострившейся ситуации Ельцин выступит в роли арбитра. Но еще до этого парламент дрогнул, «большинство Съезда запаниковало, отступило»²³. На следующий день, в воскресенье, когда депутаты осмысливали произошедшее, была назначена встреча лидеров правительства с Президиумом ВС.

Заседанию ПВС предшествовала беседа Гайдара, Бурбулиса, Полторанина, Махарадзе и Шахрая с депутатским активом — сторонниками правительства. Изложенная нам позиция была предельно жесткой. На Съезде, говорил Махарадзе, произошел конституционный переворот, который завершится через три месяца: создадут рабочие дружины, проведут съезд компартии. Чтобы предотвратить такое развитие событий, надо действовать: перестать финансировать ВС, отключить электричество, телефоны... Либо Съезд, сказал Гайдар, даст правительству работать, либо он должен взять ответственность на себя. Мы в любом случае подаем в отставку. Решение — за президентом. Ельцин, продолжал Бурбулис, должен проявить решительность. Его рейтинг растет. Люди не понимают, почему он не действует. Сомнения, высказанные рядом депутатов (в том числе мое предложение поискать формулу компромисса), парировал Шахрай: говорить о компромиссе бессмысленно; выход — выборы нового депутатского корпуса. Бурбулис предложил сохранить за депутатами лишь возможность работать в округах, где они были избраны. Он же подвел итог: едем на совещание, но не участвуем в дискуссии, только объявляем наше решение²⁴.

Как видно, сценарий, реализованный осенью 1993 г., уже рассматривался за полтора года до того. Но обсуждение на Президиуме ВС приобрело в то воскресенье иной оборот. Приняв постановление, говорили министры, депутаты поставили правительство в невыносимые условия. Во-первых, Съезд уклонился от прямой оценки курса реформ, а по существу, вынес им отрицательную оценку и не взял на себя ответственность за их продолжение. Во-вторых, ряд позиций, записанных в постановлении, носит «декларативно-морализаторский характер». Их не может выполнить ни одно правительство: «если честных профессионалов искать, то сформировать кабинет не удастся вообще, чтобы он реализовал такую программу». Эти пункты ставят правительство перед необходимостью «либо постоянно оправдываться, почему оно не выполняет решения Съезда, либо пустить под откос любые усилия в направлении реформы и финансовой стабилизации»²⁵. В-третьих, что особенно неприемлемо, «Съезд провозгласил временное правительство в России» — его работа будет парализована не через три месяца, а со вчерашнего дня; с таким правительством никто не будет иметь дело ни внутри страны, ни за рубежом. В-четвертых, рекомендовав упразднить должности представителей президента на местах, Съезд вступил на путь ограничения президентских полномочий.

Таким образом, лидеры правительства отвергли не только злополучный пункт 3 постановления, спровоцировавший взрыв, но и всю идеологию этого документа. Однако они ни слова не сказали об отставке, не воспроизвели того, что было сказано утром «своим» депутатам, и заявили, что готовы работать, если постановление в той или иной форме будет дезавуировано. Многочасовое обсуждение на Президиуме, собственно, и свелось к поиску того, как это сделать.

Сначала члены Президиума ВС попытались уговорить министров примириться с постановлением то ли потому, что, как сказал Филатов, открывая заседание, «Съезд проявил и зрелость, и мудрость, не пошел... ни на какие крутые решения», то ли по-

тому, что, хотя постановление «страшное», в нашем государстве так повелось, что его можно просто-напросто не исполнять. Не надо драматизировать предписание II Съезда по финансированию сельского хозяйства, говорил Шумейко, «99%, кроме аграрников, забыли вообще, что там написано». Вас страшит закон о правительстве? Но еще неизвестно, каким он будет. Вы говорите, развивал эту линию Захаров, что некоторые положения выполнить невозможно. Но их и не нужно выполнять на 100%. Когда президенту рекомендуют упразднить на местах его представителей, что страшного в этом? Где-то надо упразднить, где-то не надо... И вообще, когда записывают: что-то надо сделать «с учетом», это может означать — рассмотреть и сделать противоположное... (Замечу в скобках, что если выступления эти о чем-либо говорили, то лишь о поразительной безответственности видных народных избранников, их дремучих представлениях о роли парламента, отношениях депутатов с правительством, значимости принятых Съездом документов и т. п.)

Такой подход, однако, не устроил ни правительство, ни радикально настроенных депутатов. «Большая часть Верховного Совета будет каждый день напоминать правительству, что оно не выполняет решений Съезда. Тем более, что здесь предложен закон об ответственности должностных лиц за невыполнение таких решений», — вполне реалистически оценил перспективу Бурбулис. «За этим постановлением будут следить те, кто пытался на этом Съезде организовать попытку реванша по отношению к тому курсу, который был поддержан большинством на прошлом Съезде. И эти люди будут использовать все, чтобы поднимать людей на местах, используя недовольство, чтобы говорить, что пункт такой-то не выполняется...», — говорил Сергей Красавченко. «Смотрите, что происходит, — восклицал Сергей Ковалев. — Члены Верховного Совета убеждают правительство в том, что постановление — это ерунда, сколько было невыполненных постановлений...».

Поскольку подавляющее большинство ораторов с обеих сторон признавали, что пытаться вернуть Съезд к новому обсужде-

нию принятого решения безнадежно, казалось, ареопаг политиков зашел в тупик. Где-то за кадром маячила не названная прямо перспектива роспуска и перевыборов парламента. Как бы отвечая на эти невысказанные мысли, Алексей Адров предсказывал: «Сейчас такой Съезд будет, и придется работать при таком Съезде... Призвать этот Съезд распустить? Вопрос: кого изберем?... Если к осени выборы организуют, то придут люди типа Жириновского».

Решение поистине византийское нашел Евгений Амбарцумов. Напомнив министрам, что Съезд — это сколок с народа («Вы хотите другого народа? Вы его не получите»), он предложил перекрыть постановление другим документом, по духу и смыслу ему противоречащим, — короткой декларацией, которой «Съезд сам себя свяжет». Обещанием Бурбулиса подготовить к вечеру проект декларации и примирительными замечаниями Филатова («Не мы с вами этот Съезд придумали... мы его получили в наследство... Мы все четко понимаем, что ни одну власть сегодня трогать нельзя ради стабильности в обществе») закончилось это драматическое заседание²⁶. По-видимому, в сложившихся условиях это был оптимальный выход. Но на этом конфликт еще не был исчерпан.

13 апреля, когда Съезд возобновил работу, на авансцену вновь вышел Хасбулатов, который на заседании Президиума отсутствовал: то ли сам устранился, то ли ему это порекомендовали члены Президиума, небезосновательно посчитав, что его присутствие станет еще одним раздражающим фактором. Теперь председатель ВС выступил в привычном амплуа. Он пренебрежительно отозвался о министрах («уважаемые друзья из правительства столкнулись со Съездом впервые и растерялись»), назвал их действия шантажом, сообщил, что «мы ничего и никого не боимся». Не преминул он напомнить и о собственной компетентности («Председатель Верховного Совета не только юрист, но и экономист. И группа консультантов у него не хуже, чем у правительства») и заслугах («столько я проявил изворотливости, чтобы спасти это правительство от растерзания»)²⁷. Ничего

неожиданного в стиле поведения Хасбулатова не было. Но обстановка на Съезде была настолько накалена, подозрения, что спикер ведет двойную игру, так сильны, возможность соглашения казалась столь призрачной (а для многих и нежелательной), что произошел взрыв. Хасбулатов под шум и протестующие крики поспешно закрыл заседание, а оставшиеся в зале демократы еще часа два обсуждали, что делать с постановлением, с Хасбулатовым, со Съездом. Кипели страсти, вносились самые радикальные предложения («не уберем Хасбулатова — провалим все»), прикидывали тактику на следующий день.

Но на следующий день наступила разрядка. За председательским пультом депутаты увидели Филатова. Он предложил считать инцидент исчерпанным, поскольку, выступая накануне по телевидению, спикер сказал, что не хотел никого обидеть, — при желании это можно было расценить как извинение. Демократы сделали еще несколько попыток вернуть постановление на обсуждение и поставить вопрос о спикере, но успеха не добились. 15 апреля, после ряда стычек, декларация была принята²⁸. Она была составлена так, что каждая из сторон конфликта могла найти в документе то, что отвечало ее устремлениям. Съезд заявил о поддержке действий президента и правительства, направленных на преобразование экономики, но вставил в этот ряд и Верховный Совет. Он высказался за принятие закона о Совете министров без указания срока, но отметил, что это должно быть сделано в соответствии с постановлениями V и VI Съездов — постановлениями, идеология которых была различна, если не противоречива²⁹. Правительству поручали разработать меры по поэтапному выполнению постановления VI Съезда, спровоцировавшего конфликт, но «с учетом складывающихся экономических и социальных условий». В заключение Съезд призвал народы России перед лицом «неизбежных временных трудностей» проявить мудрость и терпение — качества, которых так не хватало самому парламенту³⁰. Если кто-либо мог думать, что Съезд удалось развернуть на 180°, то комментарии Хасбулатова, успокаивавшего оппозиционеров,

весьма возбужденно воспринявших неожиданный для них поворот, должны были снять это заблуждение. «Только чтобы не было и тени сомнения, будто бы мы ревизуем то постановление — оно справедливое... — говорил он. — Данная декларация... с точки зрения правовой не является обязывающим документом»³¹.

Опасная точка была пройдена. Но Ельцин явно выдавал желаемое за действительное, написав о «полной победе над оппозицией»³². Ближе к истине был Гайдар, оценивший произошедшее более сдержанно: «пусть тактическая и временная, но несомненная политическая победа». Он хорошо знал, что правительство прошло свою половину пути, отозвав свою отставку и отказавшись продавливать у президента меры, заявленные на встрече с депутатами, о которой я рассказывал выше³³. По той же причине, глядя на события изнутри и зная настроения депутатов, мне трудно согласиться с Лилией Шевцовой, что Ельцин упустил «возможность “додавить” Съезд и убедить его формально утвердить Гайдара в должности премьера». Такой возможности у него не было, оппозиция вовсе не была ошарашена, что видно из того, как трудно проходил квазикомпромиссный вариант выхода из кризиса. Права же Шевцова в том, что самостоятельная акция правительства могла возбудить ревность президента, к тому же не созревшего еще для решительного расчета с парламентариями³⁴.

«СТАРАЯ» И «НОВАЯ» КОНСТИТУЦИИ ПОД ОГНЕМ

СОРЕВНОВАНИЕ ПО ПЕРЕТЯГИВАНИЮ КАНАТА

Экономическая реформа и судьба правительства не были единственным вопросом, вокруг которого на Съезде ломали копья. Не успел разрешиться правительственный кризис, грозивший разгоном Съезда, как выяснилось, что заминированное поле еще не пройдено. В очередной раз перед депутатами встал вопрос: «Что делать с Конституцией?». Встал более широко и остро, чем на всех предыдущих Съездах. Надо было выбрать один из

двух путей: продолжить операцию на старой Конституции, заменяя ее отдельные статьи и целые блоки новыми текстами в соответствии со складывавшимся в каждом случае соотношением сил, или продвинуть наконец новую Конституцию, работа над которой продолжалась уже почти два года. Из двух путей Съезд выбрал оба. Но продвижение на каждом из этих направлений было трудным и конфликтным.

Приведению Конституции в соответствие с кардинально изменившейся ситуацией много часов посвятил Верховный Совет. Никогда прежде правка Основного закона не была столь обширной. Как сообщил председатель Комитета по законодательству Михаил Митюков, в Конституции, которая к тому времени содержала 192 статьи, частичным изменениям подверглись 93 статьи, в новой редакции были даны 11, полностью исключены 47 и частично — 5³⁵. Старый конституционный текст ВС подверг правке на шести главных направлениях: название государства, возникшего на руинах СССР; прекращение существования Советского Союза; права и свободы человека и гражданина; правоотношения по земле; новый федерализм; организация государственной власти в центре, в республиках, краях и областях и местное самоуправление. Подготовленный законопроект Верховный Совет предложил рассмотреть Съезду, поскольку внесение дополнений и изменений к Конституции относилось к его исключительным полномочиям. Кратко изложив содержание проекта, прошедшего в Верховном Совете два чтения, Митюков осторожно предложил обсуждение на Съезде не проводить и сразу утвердить закон в целом. Но депутаты вовсе не были готовы отказаться от столь лакомого блюда на пиру, не столько законодательном, сколько политическом. Обсуждению этого вопроса были посвящены полностью или частично 13 заседаний Съезда из 28. Сразу же выяснилось, что большинство депутатов, не включенных в повседневный законодательный процесс, занимают более консервативные позиции, чем члены Верховного Совета, хотя тот и был, как мы видели, сформирован в номенклатурном порядке.

Сравнительно спокойно был утвержден большой блок поправок, инкорпориовавших в Конституцию Декларацию прав и свобод человека и гражданина, которая была принята Верховным Советом еще в ноябре 1991 г. и опиралась на международные пакты о правах, и тексты, подготовленные рабочей группой Конституционной комиссии. Не могу не упомянуть здесь одну важную новеллу, впервые появившуюся в российской Конституции. Еще в 1990 г. киевский социолог Роман Ленчовский предложил мне устранить из официальных документов пресловутый «5-й пункт» — важный ориентир для анкетного отбора и контроля, привлекавший пристальное внимание кадровых служб и доставивший немало горя многим советским людям. Для этого требовалось ввести в Конституцию норму, согласно которой национальная (этническая) принадлежность гражданина — его частное дело; каждый может свободно определять свою национальность, и никто не может быть принужден к тому, чтобы ее указывать. Я попросил Ленчовского прислать его предложение на конкурс, который объявила тогда Конституционная комиссия. Идея моим товарищам по рабочей группе КК понравилась, ее автору присудили премию, а формулировку, чуть подредактировав, включили в проект. Оттуда она и перешла в поправки к действовавшей Конституции, утвержденные на VI СНД, а впоследствии — в Конституцию 1993 г. Это был выход на цивилизованное понимание этничности, утвердившееся в демократических странах. На Съезде, как ни странно, статья эта прошла довольно легко ³⁶.

В других случаях ортодоксально-коммунистическое крыло Съезда, стремившееся сохранить социальные нормы советской Конституции, которые могли существовать только в условиях государственной монополии и в немалой мере носили декларативный характер, попыталось дать бой. Но демагогический характер поправок, большая часть которых была внесена Юрием Слободкиным, яростным обличителем новой власти, был очевиден большинству депутатов. Поправки эти набирали от 300 до 500 голосов,

но ни одна из них не была принята. Впрочем, и торжество демократов было неполным: им не удалось учредить пост парламентского уполномоченного по правам человека, отстоять норму, по которой смертную казнь мог назначить лишь суд с участием присяжных, а задержание разрешалось производить только по решению суда. Провалена была и норма, ставившая под запрет разжигание классовой (в смягченном виде — социальной) ненависти наряду с национальной, расовой и религиозной: ведь пресловутый «классовый подход» почитался многими депутатами за доблесть³⁷.

Не удалось продвинуть и земельную реформу с точки, на которой она была заморожена на II СНД. Аграрно-колхозное лобби и его союзники заблокировали одобренные в Верховном Совете поправки, которые легализовали право граждан на земельную собственность, распространяли равные права на иностранных физических и юридических лиц, снимали десятилетний мораторий на куплю-продажу земли. Оставили в силе и запрет продавать или иным образом отчуждать земельные участки в чью-либо пользу, кроме государства (помимо передачи по наследству).

Обсуждение этих и других конституционных вопросов обнажило стратегически выигрышные позиции, которыми могло завладеть любое весомое меньшинство депутатов. Для внесения изменений в Конституцию требовалось две трети (700) голосов. Собрать их было нелегко, но по той же причине не очень большого труда стоило помешать внесению поправок, неугодных тому или другому весоному меньшинству. Оппозиция сопротивлялась исключению ряда идеологических «бантиков», которыми была щедро украшена прежняя советская Конституция. Она также безуспешно блокировала прохождение формулировок, исходящих из того, что СССР прекратил существование, и высвобождающих Российскую Федерацию из «союзной оболочки», в которой конституционно она все еще пребывала. По тому, какой афронт вызвало прохождение этих статей, легко было оценить, как резко изменилась ситуация всего за три-четыре месяца по сравнению с декабрем, когда Верховный Совет стоя приветство-

вал роспуск СССР. Оппозиция не желала признавать новую реальность. Это отвечало настроению многих депутатов, еще не веривших в необратимость распада СССР. Раз Беловежские соглашения не были одобрены Съездом и даже не вынесены на него, говорили представители оппозиции, нет достаточных юридических оснований менять Конституцию в этой части³⁸. Преамбула и соответствующие статьи Конституции многократно ставились на голосование, но всякий раз недобирали 100—150 голосов. Потребовалось колоссальное давление из президиума Съезда и недюжинная искусность Хасбулатова, чтобы получить все-таки в последний день согласие необходимого числа депутатов по большинству спорных статей (но не по всем).

Противостояние значительной части законодателей исполнительной власти, достигшее высочайшего накала при обсуждении экономической реформы, было воспроизведено в спорах о прерогативах и взаимоотношениях властей. Объектом атаки здесь стало уже не столько само правительство, сколько президент и его полномочия по формированию всех структур исполнительной власти, созданию и реорганизации государственных органов и постов (госсекретарь, представители на местах, советники и т. д.). Это уже была борьба за власть в чистом виде.

Верховный Совет одобрил поправку в Конституцию, согласно которой лишь с его согласия президент мог назначать не только премьера, но и всех министров, руководителей государственных комитетов и ведомств. Столь масштабное вторжение на территорию, которую президент и его сторонники на Съезде до поры считали неприкасаемой, было отвергнуто, хотя в его поддержку проголосовала почти половина депутатов — 505 человек. Тогда редакционная комиссия предложила вариант, который можно было выдавать за компромиссный, либо не понимая сути дела, либо обладая избыточным чувством юмора. Согласовывать с Верховным Советом надлежало кандидатуры не только первых и иных заместителей премьера, «силовики» и министра иностранных дел, но и министров экономики, финансов, юстиции, пе-

чати и средств массовой информации — в общей сложности восемь министров. «Отдать формирование правительства исключительно президенту... — говорили оппозиционеры, — непозволительная роскошь». Им возражал Сергей Шахрай, назначенный представителем президента при обсуждении конституционных поправок: «Одни министры идут в одном порядке в правительство, другие — в другом. Это полный развал правительства как коллегиального органа исполнительной власти». Самые непримиримые противники правительства тут же перевели спор на личности. Решается вопрос, сказал Николай Павлов, «будет ли президент назначать министров и с нами согласовывать или будут назначать министров Геннадий Эдуардович Бурбулис вместе с Шахраем». «Компромиссная» формулировка едва не была принята: за нее проголосовали 690 депутатов.

Следовательно, по вопросу, которому предстояло выйти на первое место в конституционных борениях президента и парламента в 1992—1993 гг., уже на VI Съезде сложилось почти конституционное большинство³⁹. Депутаты также решительно воспрепятствовали попытке президента укрепить свои позиции в сфере законодательства, отклонив поправку, по которой для преодоления вето требовалось бы две трети, а не простое большинство голосов⁴⁰. И совсем уж походя Съезд отбросил коварную поправку Леонида Волкова, предоставлявшую президенту право распускать Верховный Совет и назначать новые выборы, если парламент трижды отклонит кандидатуру премьера⁴¹.

На Съезде была также предпринята попытка устранить фундаментальное противоречие Конституции. Еще в рамках горбачевских реформ в Конституции СССР и всех союзных республик было внесено положение, согласно которому Съезд соответствующего уровня объявлялся правомочным принять к рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению СССР или республики. Демократы, шедшие на выборы 1989 и 1990 гг. под лозунгом «Вся власть Советам!», энергично поддержали эту норму, которая была тогда заострена против всевластия партийной

номенклатуры. Теперь она становилась уязвимой в их глазах и юридически, и политически. Юридически — потому что уже на IV Съезде с введением института президентства было учреждено фактически, а на VI Съезде поправкой в статью 1 Конституции зафиксировано и формально разделение властей как одна из «незыблемых основ конституционного строя». Политически — потому что претензии Съезда на верховенство становились инструментом тех сил, которые постепенно завоевывали на нем большинство и утверждали себя в качестве оппозиции. Владимир Иловский, ссылаясь на противоречие этой нормы принципу разделения властей и правам Конституционного суда предложил ее из Конституции исключить. Однако и его поправка была провалена — в том числе голосами части демократических депутатов, еще не оценивших деструктивный характер этой нормы в изменившихся условиях⁴². Так накапливались конституционные расхождения между президентом и съездовским большинством, которые чуть позже приведут Ельцина и его ближайших сотрудников к заключению, что провести удовлетворительный проект Конституции через этот парламент не удастся.

Когда Съезд перешел к тому, как следует отразить в Конституции федеративное устройство государства, расстановка сил заметно изменилась. Атакующую роль взяла на себя фракция «Суверенитет и равенство». Еще до того, как началось обсуждение законопроекта об изменениях в Конституции, Съезд без обсуждения, со слуха, единодушно поддержал предложение Хасбулатова: одобрить Федеративный договор (а точнее, три договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти «суверенных республик в составе РФ»; краев и областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга; автономной области и автономных округов), заключенный как раз перед Съездом — 31 марта, и включить его содержание как составную часть в Конституцию. Когда результаты голосований высветились на табло, депутаты встали, бурными аплодисментами приветствуя принятое решение, и постано-

вили показать это событие в полном объеме по телевидению⁴³. Вскоре, однако, разгорелась острая дискуссия, в ходе которой выплеснулись неумные амбиции одних, запоздалые сожаления других и призывы проявить сдержанность третьих.

С позиций сегодняшнего дня заключение федеративных договоров кажется хотя и нестандартным, но разумным решением, ослабившим опасную напряженность, приглушившим разгоравшиеся страсти и направившим развитие внутри Федерации в конституционное русло. Но весной 1992 г., всего лишь через несколько месяцев после распада СССР, это не было очевидно. Региональные элиты (в первую очередь номенклатура автономий) не были заинтересованы в том, чтобы продолжилась цепная реакция распада государства, но постарались, ссылаясь на действительные и мнимые угрозы такого рода, расширить отвоеванные позиции. Борьба развернулась вокруг того, в какой форме договоры следует инкорпорировать в Конституцию.

Представители вчерашних автономий настойчиво требовали, чтобы полные тексты договоров — один за другим — были включены в Конституцию в неизменном виде. Это означало бы, во-первых, что в основу федеративного устройства кладется не волеизъявление парламента как такового, а договорное начало, и любые изменения, следовательно, потребуют вновь запускать договорный процесс (подразумевалось: с правом каждого участника наложить вето или выйти из Федерации). Парламенту предлагалось лишь подтвердить исходную юридическую базу Федерации — договор. Во-вторых, такая диковинная, изобилующая повторами форма конституционного акта закрепляла бы трехуровневое построение государства и фиксировала привилегированное положение «республик в составе Федерации» (в договоре прилагательное «автономные» было заменено на «суверенные», притом четыре из пяти прежних автономных областей возвысили свой статус до республик). Предполагалось, что республики, не подписавшие договор — Татария и Чечено-Ингушетия, — установят отношения с Федерацией на основе отдельных догово-

ров, еще более усиливающих асимметричность системы. В-третьих, в текст Конституции намеревались втиснуть не только сами договоры, но и приложения к ним. В одном из них «доводилось до сведения органов власти», что на совещании, проведенном перед подписанием договоров, его участники согласились предоставить автономным образованиям в одной из палат парламента не менее половины мест⁴⁴.

Редакционная комиссия предложила компромиссную формулу: основное содержание договоров перелагается в тексте Конституции. После ожесточенных споров Съезд одобрил этот вариант. В итоге получился длинный, не лишенный повторов и внутренних противоречий, несообразный с точки зрения канонов юридической техники текст. Договоры продолжали нависать над Конституцией в редакции VI Съезда (они стали печататься во всех изданиях в виде приложений) и над дальнейшим конституционным процессом. Но все же «суверенитеты» республик были введены в некоторые рамки, хотя и довольно широкие⁴⁵, а прямую ссылку на то, что разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами власти осуществляется на основе Федеративного договора (так было в проекте, одобренном Верховным Советом), удалось снять⁴⁶.

Компромисс, тяжкий для обеих сторон, не разрядил атмосферу обид и подозрений на Съезде, и гроза вскоре разразилась при обсуждении вопроса, имевшего символическое значение: о названии государства. Верховный Совет определил его — Российская Федерация. Оно уже фигурировало в Федеративных договорах. Теперь окончательное решение должен был принять Съезд. В ходе обсуждения были, однако, выдвинуты семь вариантов. Коммунисты предложили назвать республику советской. Националисты заклинали: проводить голосование по вопросу о названии позорно! Не вы давали этой стране имя, оно всегда было и останется одно — Россия. «Автономы», естественно, отстаивали Федерацию. Шахрай объявил, что президент предлагает записать в Конституцию: названия «Российская Федерация» и «Россия» —

синонимы и имеют одинаковую юридическую силу. Варианты были поставлены на голосование. Первое место с большим отрывом заняла «Россия». Это название при ликовании съездовского большинства было тут же утверждено 871 голосом⁴⁷. Мотивы у голосовавших были разные. Одних захватила волна возвышавших их в собственных глазах историко-патриотических чувств. Другие склонялись к короткому названию, нейтральному по отношению к государственному устройству. Третьи воспользовались возможностью «поставить на место» досадивших своими претензиями «автономов» («мы доцацкались с нашими республиками», — заявил один из них⁴⁸). Четвертые полагали, что таким образом можно будет вырвать встречные уступки, объединив при голосовании название государства в пакете, скажем, с вопросом о купле-продаже земли.

Но здесь Съезд вновь подошел к остро конфликтной точке. «Автономы» заявили, что своим голосованием депутаты дали неопенимые козыри сепаратистам и положили начало распаду Федерации. Посему они предлагают провести консультации с президентом и председателем ВС — в противном случае они не считают возможным участвовать в работе Съезда, не посоветовавшись со своими избирателями⁴⁹. Теперь представители республик повторили прием, за несколько дней до того опробованный правительством: предъявили ультиматум. И хотя они были в явном меньшинстве, уход, которым они пригрозили, мог сорвать Съезд, что привело бы к далеко идущим последствиям. К чести депутатов на следующий день, после ряда совещаний, где Хасбулатов сыграл роль главного примирителя, и еще нескольких часов дискуссии и голосований, было принято решение, с которым протестовавшие согласились. В основе его лежало исходное предложение президента. Оно же было воспроизведено в Конституции 1993 г. Правда, в официальном словоупотреблении название «Россия», которому был придан равный статус с «Российской Федерацией», оказалось вытесненным, но об этом мало кто теперь вспоминает. Из второго политического кризиса на Съезде можно было выне-

сти два урока. Первый: огромная роль символов в российской политике, что спровоцировало небывалый взрыв страстей и едва не привело к срыву Съезда. Второй: российские политики запомнили, что у национальных республиканских элит есть мощные инструменты давления, какими не располагала ни одна другая группа меньшинства. Это был еще один отзвук «парада суверенитетов» 1990 г. и «зарубка на память» для разработчиков новой российской Конституции.

К обсуждению этого вопроса и перешел Съезд, буквально испещрив заплатами Конституцию действующую. К весне 1992 г. рабочая группа Конституционной комиссии подготовила новый вариант проекта Конституции. На этот раз он был одобрен не только самой комиссией, но и палатами Верховного Совета: Советом Республики — полностью, Советом Национальностей — за исключением наиболее спорных разделов. Это не могло не отразиться на содержании проекта.

Формально в основу государственного устройства был положен замысел Зорькина: «президент — глава исполнительной власти». Дуализм вариантов А и Б, сохранявшийся в прежних проектах, был устранен. За президентом было сохранено назначение и общее руководство правительством, хотя важная роль была отведена парламенту. Проект не предусматривал право Верховного Совета выражать вотум доверия или недоверия правительству, но фактически правительство было поставлено под контроль парламента: назначение председателя и министров (а также всех иных высших чиновников) требовало согласия ВС; кроме того, он получил право отправлять каждого из них в отставку. Права парламента по отношению к правительству не получали противовеса в виде права президента распускать при определенных условиях Верховный Совет и назначать новые выборы, на чем безуспешно настаивали Леонид Волков и я. Зато процедура импичмента президента могла быть осуществлена — коль скоро его поддержала бы одна треть депутатов в нижней палате, две трети в верхней и получено соответствующее заключение Конституционного суда — в

одновременно. Президенту сохранили право отлагательного вето в законодательном процессе. Конституционная комиссия записала, что оно может быть преодолено двумя третями голосов, но Верховный Совет поправил: большинством.

По некоторым другим параметрам конституционный проект все же превосходил то, на что согласился Съезд, корректируя Конституцию 1988 г. В нем предусматривался двухпалатный парламент без самостоятельной многовластной суперструктуры в лице Президиума. В организацию и деятельность судебной системы были заложены нормы, которые тоже не удалось внести в действующую Конституцию: смертная казнь только по приговору суда присяжных, учреждение института мировых судей, изъятие предварительного следствия из рук ведомств и передача его в федеральный следственный комитет. Значительно лаконичнее излагалось федеративное устройство: хотя некоторое превосходство республик перед другими субъектами Федерации устранить не удалось, текст в меньшей степени воспроизводил все детали Федеративных договоров. Не было в нем и щедрого подарка, зафиксированного в протоколе к договору с республиками, — половины мест в одной из палат парламента для их представителей. Идя навстречу депутатскому корпусу, разработчики проекта отступили от принятой в мире практики, когда собрание, принявшее Конституцию, немедленно распускают и назначают выборы по новому закону. Пространные переходные положения, многие нормы которых были призваны ослабить сопротивление проекту, предусматривали не только сохранение за депутатами мандатов, прав и полномочий до окончания срока, на который они избраны (т. е. до 1995 г.), но и проведение очередных и внеочередных Съездов, за которыми также сохранялись важные права (кроме законодательства). Таким, в общих чертах, был проект, вынесенный на усмотрение Съезда⁵⁰.

Доклад Хасбулатова о проекте Конституции напоминал скорее лекцию, разъяснявшую элементарные вещи (что, возможно, не было лишним, учитывая уровень правовых и исторических познаний большинства депутатов). Докладчик очень старался сде-

лать проект привлекательным для аудитории. Он рассказал, сколь широкие права предоставляются парламенту. Понимая, с какой стороны развернется главная атака, спикер заявил, как бы извиняясь: «Нам классическая парламентская форма правления, к сожалению (!), не предстоит как практическая реальность в ближайшем будущем»⁵¹. Отметив, что проект — плод колоссального труда двух-трех тысяч людей (это, конечно, было преувеличением порядка на два, но призвано было произвести впечатление), он тем не менее сказал, что работу следует продолжить и перенести утверждение Конституции на следующий Съезд. А пока надо одобрить проект и принять его за основу. Рабочая группа КК, которая и была настоящим создателем проекта, получила, таким образом, внушительную поддержку, но по понятным причинам Хасбулатов об этом не упомянул: для слишком большого числа депутатов она была явным раздражителем.

Однако с самого начала обсуждение проекта стало резко отклоняться от колеи, проложенной заместителем председателя Конституционной комиссии. Выяснилось, что помимо официального проекта в оборот введены еще четыре. Два из них исходили от коммунистов. Один, сравнительно умеренный, представила их фракция (совместно с аграриями и «Отчизной») в расчете на то, что при дальнейших доработках произойдет «органическое слияние» альтернативных проектов⁵². Другой принадлежал перу депутата Слободкина, выделявшегося даже в собственной фракции крайней ортодоксией⁵³.

Поразительным, однако, было другое — появление еще двух проектов. Первый был разработан под руководством одного из лидеров Российского движения демократических реформ Анатолия Собчака. Но подлинным сюрпризом оказался проект, который был подготовлен Сергеем Шахраем и внесен 52 депутатами из групп «Смена» и «Левый центр». Шахрай, член Конституционной комиссии и ее рабочей группы, с января по май 1992 г. возглавлял Государственно-правовое управление Администрации президента, а до марта был также вице-премьером. Официальный проект, го-

ворил он, выступая на Съезде, испорчен поправками Верховного Совета: «по всей вертикали “торчат уши” полновластия Советов». Мало кто знал в то время, что Шахрай весной 1992 г. разошелся с командой Гайдара, задававшей тон в правительстве, и стал, по его словам, «раздражителем для Ельцина». До своего ухода из исполнительной власти он полтора месяца находился «в простое» и воспользовался невольным досугом, чтобы подготовить собственный проект, который, рассказывает Шахрай, был «моим манифестом», своего рода протестом против нерешительности в поведении президента. И хотя для Ельцина появление проекта Шахрая «было полной неожиданностью», воспринят он был на Съезде как пробный шар, запущенный из ближайшего окружения президента, чтобы столкнуть в лузу проект КК⁵⁴. Так явственно обозначилась новая линия размежевания в конфликте вокруг Конституции, острая фаза которого приближалась⁵⁵.

Я не думаю, что план делегитимации Съезда, первая попытка реализации которого будет предпринята в конце года, был одобрен весной. Но такой вариант развития событий, вероятно, уже рассматривался. Как видно, в «Коалиции реформ» по одному из кардинальных вопросов наметилось расхождение между теми, кто все еще рассчитывал провести компромиссный вариант Основного закона через парламент (хотя и среди них были разные взгляды на границы компромисса), и теми, кто уже изготавился идти «другим путем».

Между тем депутаты сначала сняли с обсуждения все альтернативные проекты, а затем развернули дискуссию по проекту Конституционной комиссии. От их внимания не укрылось, что в этом проекте были механически совмещены два варианта: исходный, одобренный Конституционной комиссией (по существу, он отражал позицию рабочей группы, ибо на заседания комиссии теперь ни разу не удавалось собрать кворум), и разбросанные по тексту поправки Верховного Совета, с которыми комиссия не согласилась. Какой проект нам предлагают одобрить? — спрашивали депутаты.

Фронт оппозиции на этот раз оказался очень широким: он включал коммунистов, державников-националистов, борцов за суверенитет республик, депутатов «Смены». Если Шахраю (и, вероятно, многим в окружении президента) проект представлялся излишне «пропарламентским», то критики из рядов оппозиции увидели в нем «законодательную основу под режим личной власти». «Автономы», воодушевленные успехом своего недавнего демарша, предъявили собственный, далеко идущий счет. Проект, по их мнению, плох тем, что посягает на суверенитет республик, ставит их «в разряд бедных родственников или в ряд административно-территориальных образований», лишает нации права на самоопределение, не фиксирует права на выход республик из Российской Федерации, не предусматривает института двойного гражданства и т. д. В нем «нет и намека на то, что новая Российская Федерация является договорной федерацией». Подчас обличительная риторика до боли напоминала времена сусловского агитпропа: новую Конституцию для России «келейно» изготовили антисоветчики... «Хищник вышел на волю, и Конституция закрепляет это страшное для всего общества состояние».

Представители самых разных течений утверждали, что с принятием новой Конституции не следует торопиться. В том, когда это следует делать, критики расходились. По мнению одних, все надо отложить до следующего Съезда (а за это время основательно переработать проект). Другие предлагали сначала, как собирались на I СНД, провести референдум по основным конституционным положениям. Третьи говорили, что вечные конституции вообще не создаются в ситуации острого кризиса и потому следует лишь улучшать старую Конституцию. Неотложным же многим ораторам представлялось одно — перетрясти состав Конституционной комиссии (подразумевалось — рабочей группы), пополнить ее авторами альтернативных проектов, а лучше всего — преобразовать в комитет Верховного Совета⁵⁶.

Так шло обсуждение новой Конституции на Съезде — разгромно. Сторонники даже изрядно потрепанного Верховным Советом проекта были в явном меньшинстве. Любимое дитя Олега Румянцева грубо затаптывали. Не помогало и то, что отцовские права на него заявил Руслан Хасбулатов, принявшийся урезонивать особенно разошедшихся критиков этого «превосходно написанного проекта»⁵⁷. В итоге Съезд не согласился ни принять представленный проект за основу, ни одобрить его «в основном». Была утверждена витиеватая формулировка, предложенная «Сменой»: одобрение заслужил не проект новой Конституции, а «общая концепция конституционных реформ», положенная в его основу, а также «основные положения проекта», но в редакции Верховного Совета, а не Конституционной комиссии. Правда, постановление было несколько уравновешено включением президентской поправки, согласно которой главы об организации федеральной государственной власти следует дорабатывать «с учетом предложений и замечаний президента»⁵⁸. Но это означало лишь то, что дальнейшая работа — в соответствии с принятыми на Съезде решениями — может идти в противоположных направлениях и в оставшийся период перетягивание каната будет продолжаться. Обозначив «бег на месте», парламент в очередной раз остановил продвижение к новой Конституции.

КАК ЭТО ВИДЕЛОСЬ ТОГДА

«Мы должны извлечь уроки из распада Союза»⁵⁹

— *Вы предвидите горячую дискуссию по этой проблеме?*

— Во всяком случае, повод для дебатов есть. Ведь речь пойдет не просто о столкновении амбиций, как это случается нередко, а о столкновении реальных интересов.

— *Кстати, Конституционная комиссия, видимо, учла пожелания, высказанные по поводу федеративного устройства России на предыдущем съезде?*

— Да. Причем мы, разработчики Конституции, старались во всем, что не отходит от наших принципиальных установок,

пойти навстречу тем пожеланиям, которые выдвигаются бывшими автономиями. Я не думаю, что абсолютно все эти пожелания имеют под собой реальную основу, что в них полностью отсутствуют амбициозные политические соображения, связанные с борьбой различных политических групп за власть, однако в них есть идеи рациональные, разумные. И все, что приемлемо, мы старались учесть в новом варианте Конституции. Причем больше всего пошли навстречу нашим оппонентам именно в четвертом разделе [относящемся к федеративному устройству].

— *В чем это выразилось конкретно?*

— Во-первых, мы согласились с тем, что Россия является конституционно-договорной федерацией. Уже в этом большая уступка. Ибо до сих пор сталкивались две позиции. Россия — конституционная федерация, говорили мы. Россия — договорная федерация, требовали представители бывших автономных республик и других национально-государственных образований. Однако сегодня встает вопрос о существовании Российской Федерации как государства. Пойдет ли дальше процесс разобщения, который уже привел к распаду Союза? Принадлежа к демократическому крылу депутатского корпуса, я не разделяю позиции тех, кто в СССР видел только империю. Для меня распад Союза в тех формах, в которых он произошел, — и политическая, и личная трагедия (родился я на Украине, теперь как бы в иностранном государстве). В отличие от группы громко говорящих депутатов, которые организовали так называемый Конгресс патриотических сил, я признаю реальности и выступаю против применения силы для восстановления Союза. Но хотелось бы, чтобы общество вынесло определенные уроки из того, что произошло с Союзом, и не допустило развала России,

— *Чем вас тревожит позиция поборников «чисто договорной федерации»?*

— Фактически Россия, создававшаяся сложным историческим путем, сложилась как единство краев и областей, с одной стороны, и автономных образований — с другой. А неко-

торые представители автономий (это другая крайность по отношению к экстремистам правонационалистического толка) предлагают как бы разрубить Россию на куски, чтобы потом между этими кусками заключить договор. Крайние сторонники этой точки зрения выдвигают даже требование создания Русской республики.

— *В Верховном Совете кто-нибудь поддерживает это требование?*

— Да, ряд депутатов из фракции «Суверенитет и равенство».

— *Между прочим, в предыдущем проекте Конституции предлагалось создавать земли, то есть объединения областей и краев, которые были бы более или менее равнозначными с республиками, имели бы свои конституции и т. д. Почему Конституционная комиссия отказалась от этой идеи?*

— Против нее достаточно резко возражали автономии. Мотив: обеспечьте нам более высокий статус по сравнению с краями и областями — я не могу признать уважительным. Но тем не менее, идя навстречу пожеланиям бывших автономий, исходя из других соображений (сложность перекройки административного деления), мы отказались от земель,

— *Что бы вы отнесли к новациям федеративного устройства, включенным в проект Конституции?*

— Хотелось бы особо выделить те статьи раздела, в которых четко зафиксированы предметы ведения и полномочия Российской Федерации, республик (входящих в состав РФ), краев и областей. Определяя объем исключительных прав Федерации, Конституционная комиссия отнесла к ним только то, что необходимо для сохранения единства государства. Это позволило значительно расширить сферу совместной компетенции, а также круг исключительных прав республик, полномочий краев и областей.

Республикам, краям и областям предоставлены полномочия, которые не содержались ни в сталинско-бухаринской, ни в бреж-

мени Хасбулатов создал в ВС, мобилизовав кадры из бывшего аппарата ЦК КПСС и научных институтов, занимавших консервативные позиции.

Критики напичканной поправками Конституции неизменно указывали на противоречие ст. 1 и 3, утверждавших разделение властей, — ст. 104, сохранявшей всевластие Съезда. Тут, правда, был элемент либо лукавства, либо незнания: чохом осуждали поправки, которые будто бы ухудшили Конституцию, тогда как именно ст. 1 и 3 были модернизированы в ходе начавшейся конституционной реформы, а ст. 104 была реликтом, унаследованным от ранней перестройки. Отказываться от нее Съезд упорно не хотел, но противоречие было налицо. Концы с концами и попытался свести Рябов. Равный статус Съезда и президента, уверял он, проблематичен. Разделение властей предусмотрено на втором уровне — между президентом, ВС и Конституционным судом. Но система эта не вполне сбалансирована, а потому стоит на фундаменте Съезда и страхуется им⁷.

Аргументация эта очень понравилась некоторым депутатам⁸. Однако как только Рябов кончил свое выступление, возник небольшой скандал. Сначала докладчика уличили в противоречии с позицией, которую он высказывал незадолго перед тем. А затем поинтересовались, чью точку зрения выражал Рябов, коль скоро его не уполномочивали на то ни ВС, ни даже его Президиум. Это было уже прямым посягательством на подковоерную кухню Хасбулатова. Рябову ничего не оставалось, как признать, что заглавный доклад он делал от собственного имени. Но спикер, спасая положение, поправил своего выдвиженца, объяснив, что в докладе «учитывался огромный объем материалов, поступивших из разных источников»⁹.

Теперь предстояло перевести основные положения доклада Рябова (и стоявшего за ним Хасбулатова) в пункты съездовского постановления. Дело оказалось не очень простым. Большинство участников развернувшейся дискуссии, хотя и высказывались за отмену постановления VII Съезда, не спешили заблокировать

щее Закону о референдуме РСФСР: не половина пришедших, а половина плюс один голос от числа всех избирателей.

— *А вас не смущает то обстоятельство, что в соответствии с проектом Основного закона республики имеют свои конституции, а края и области — всего лишь статуты, то есть чисто формально положение республик несколько приподнято над положением краев и областей?*

— К сожалению, определенная приподнятость республик над краями и областями в предлагаемой нами Конституции действительно ощущается. Но, исходя из реальной ситуации, я не вижу возможности сегодня отказаться от такого положения. К тому же неравенство субъектов Федерации фактически на этом и кончается, ибо в области экономики, в сферах социально-культурного развития, в области международных связей и т. п. они пользуются одинаковыми полномочиями.

— *Со стороны каких политических сил вы ожидаете наибольшую критику проекта Конституции?*

— Вокруг проекта Конституции (его вариантов) было немало споров, в ходе которых не всегда соблюдались правила сдержанности по отношению к оппонентам. Причем характерно, что очень часто проект критикуют представители двух противоположных точек зрения: и сторонники унитарного государства, и поборники конфедерализации. И те, и другие говорят: Конституция никуда не годится.

Мне представляется, что предложенный проект — хорошая база для компромисса. Хотелось бы подвести черту под бесконечными спорами и заняться конструктивной работой по окончательной доработке текста документа, без которого просто немыслима жизнь цивилизованного общества.

«Проект Конституции — разумный компромисс»⁶⁰

Уважаемые коллеги! Один известный итальянский политический деятель в тот момент, когда в 1947 г. в Италии наконец приняли новую Конституцию, сказал, что это Конституция,

в которой каждый из нас, к какой бы партии он ни принадлежал, найдет то, за что он боролся, то, с чем он в принципе может согласиться, и какие-то моменты, против которых он боролся. Это был инструмент национального согласия, и именно таким в основе своей мне представляется проект, предложенный Конституционной комиссией.

Да, уважаемые коллеги, мучительный процесс, которым мы занимались в течение многих дней, позволил убрать самые серьезные завалы и отразить некоторые основные реальности. Но прав был автор, который написал в «Известиях», что старая Конституция осталась в основе своей старой Конституцией. Пусть это не совсем точно, но нам нужен цельный, внутренне сбалансированный документ. Один из самых широко распространенных тезисов сегодня звучит так: Конституция не принимается в момент перехода, в момент острого кризиса. Уважаемые друзья! Я должен сказать, что это исторически неверно. Во всех странах, которые совершали в последние полвека переход от авторитарного режима к режиму демократическому, как раз именно Конституция принималась в начале этого перехода и служила инструментом стабилизации.

Мне хотелось бы коротко, тезисно остановиться на четырех моментах, которые показывают, что проект Конституции избирает среднюю линию, отсекает крайности и справа, и слева.

Первая проблема — так называемая социалистичность проекта. Мы слышим обвинения с двух сторон. С одной стороны: Конституция лишает народ его завоеваний, с другой стороны: проект не открывает путь эффективной экономике и свободному обществу, основанному на частной собственности. Я не согласен ни с тем, ни с другим утверждениями. Я думаю, что как раз в проекте счастливо найдена средняя линия, когда, с одной стороны, ликвидируется чудовищный монстр распределительной системы, при которой концентрируются огромные ресурсы в руках государства и затем якобы бесплатно распределяются среди граждан, а с другой стороны, неверно и то, что проект Конституции не открывает путь инициативе, частной предпринимательской дея-

тельности. Хотя, конечно, известные улучшения могут быть внесены.

Вторая проблема — проблема Союза. Я не принадлежал к тем, кто видел в союзных структурах только империю зла. Должен сказать, что я не голосовал в Верховном Совете за тот пункт, который предусматривал роспуск СССР. Я тоже надеюсь на возрождение великого государства, хотя и на новых основах. Однако вопрос стоит таким образом: как легче к этому идти — предъявляя территориальные претензии нашим соседям и не отдавая себе отчет в том, какова будет реакция, или путем признания реальностей и борьбы за проницаемость, за прозрачность границ? Я хотел бы отметить, что проект новой Конституции, во-первых, открывает возможность вступления в Российскую Федерацию новых республик, новых областей и краев, а во-вторых, он достаточно однозначно ставит вопрос о том, чтобы Российская Федерация защищала права своих граждан за рубежом.

Третья проблема — проблема Федерации. Это самый трудный вопрос. Идет натиск с двух сторон. Здесь и унитаристы, которые не хотят считаться с реалиями, и конфедералисты, которые хотели бы изменить конституционную основу на договорную, оставляя лишь символ Федерации. Мы сделали огромный шаг на пути превращения символа в реальность. Мы вчера показали способность к согласию. Я думаю, что в проекте действительно не все вопросы решены. Но, уважаемые товарищи, уважаемые господа, давайте сделаем следующий шаг: найдем согласие по Федеративному договору.

Наконец, четвертая проблема — проблема организации государственной власти. Я вполне согласен с Русланом Хасбулатовым в том, что само противопоставление президентской и парламентской республик является ложным противопоставлением, противопоставлением черно-белого типа. В проекте Конституции намечен сбалансированный вариант, с которым могут примириться и сторонники преимущественно президентской, и сторонники преимущественно парламентской республики.

И последнее. Уважаемые участники Съезда! Есть силы, которые выступают с разных сторон. Вольно или невольно «бешеные» с разных сторон заинтересованы в том, чтобы этот парламент ушел со сцены. Я неизменно выступал и выступаю за то, что парламент должен работать, ибо исполнительная власть не должна остаться наедине с собой. Я за то, чтобы парламент учился, чтобы парламент развивался, чтобы парламент выражал общественные настроения. Я думаю, что принятие Конституции в первом чтении, принятие ее за основу было бы хорошим доказательством того, что Съезд народных депутатов все-таки чего-то стоит. Спасибо за внимание.

ИТОГИ СЪЕЗДА

VI Съезд стал важной вехой в политической истории постсоветской России. Не теми решениями, которые он принял: большинство из них — в отличие от главных решений предшествовавших Съездов — либо не были реализованы, либо не оказали существенного влияния на дальнейший ход событий. Съезд был знаменателен тем, что расстановка сил в парламенте кардинально изменилась по меньшей мере в двух существенных отношениях. Проанализировав на основе оригинальной методики результаты 60 важнейших поименных голосований на этом Съезде и сопоставив их с голосованиями на III СНД, когда поляризация сил была наибольшей, Александр Собянин и его группа показали, что за год произошли буквально тектонические сдвиги.

Во-первых, резко ослабла парламентская поддержка президента, правительства, курса проводимых ими реформ. Число их более или менее последовательных сторонников сократилось вдвое — с 479 до 240 депутатов, число противников возросло с 464 до 571, колеблющихся — с 95 до 227. Причем 98 бывших активных сторонников превратились в яростных противников⁶¹. Так выглядела расстановка сил по главному вопросу, расколовшему Съезд.

Во-вторых, — тоже в отличие от предыдущих Съездов — противостояние стало многомерным. Позиция, которую депутаты занимали по одним актуальным вопросам, стала значительно реже коррелировать с их же позицией по другим значимым вопросам. Это видно из табл. 6, составленной по данным Собянина. Оппозиция объединила разнородные силы на платформе противостояния парламента исполнительной власти, но лишь сравнительно небольшая ее часть готова была несмотря ни на что защищать советский и социалистический выбор. Столкновение перемещалось от символов к реалиям.

В-третьих, Съезд открыл новую страницу во взаимоотношениях исполнительной и представительной власти. Он отчетливо показал слабость «Коалиции реформ», на которую возложили было немалые надежды и президент, и правительство, и сами ее члены. Правда, президент и министры продолжали встречаться с активом демократических фракций. Очередная встреча состоялась на следующий день после окончания Съезда. Бурбулис и Гайдар постарались зарядить депутатов оптимизмом. «Неверно, что Съезд окончился вничью; это победа реформ, — сказал Бурбулис. — Надо занимать не упадническую, а конструктивную позицию». В этот момент появился Ельцин. «Как настроение?» — спросил он. Кто-то ответил вопросом на вопрос: «А у вас?» — «Ничья! — ответил президент, но, посмотрев на министров, добавил: — Или небольшая победа: не отдали реформу, правительство, пост его председателя, дополнительные полномочия... Вот если бы не Декларация, пришлось бы проводить референдум. Но у депутатов сработал инстинкт самосохранения... Сейчас мы проходим пик трудностей. Перелом в экономике изменит настроения. К концу года начнется стабилизация». «По крайней мере, не будет однонаправленного ухудшения», — поправил его трезвее оценивавший перспективу Гайдар.

Президент благодарил демократов «за работу, за самоотверженность», заявил, что поддерживает ранее подписанный протокол, открыт для дальнейшего сотрудничества. Тут же

Таблица 6. Рубежи противостояния на VI СНД РФ.
Распределение 1038 депутатов по их позициям

Некоторые линии противостояния	Радикаль- ная позиция	Консерва- тивная позиция	Промежу- точная позиция
1. Отношение к президенту, правительству, курсу реформ*	240	571	227
В том числе:			
отношение к правительству и реформам	277	461	300
отношение к президенту (дополнительные полномочия, президентские структуры, советники и т. п.)	277	542	219
2. Отношение к СССР и СНГ**	694	157	187
3. Отношение к сохранению в Конституции коммунистических и социалистических символов***	567	196	275
4. Отношение к властным полномочиям Съезда****	55	837	146

* Радикальная позиция — сторонники президента и правительства; консервативная позиция — противники президента и правительства.

** Радикальная позиция — исключение из Конституции упоминаний о СССР, поддержка политики России в СНГ; консервативная позиция — сохранение в Конституции упоминаний о СССР, предъявление претензий странам СНГ.

*** Радикальная позиция — отрицательное; консервативная позиция — положительное.

**** Радикальная позиция — за ограничение; консервативная позиция — за сохранение и увеличение.

Примечание

Составлено по данным группы А. Собянина, рассчитанным на основе рейтингов каждого депутата по голосованиям, в которых наиболее отчетливо проявлялась его политическая позиция по соответствующим вопросам (VI съезд народных депутатов России: политические итоги и перспективы. Аналитический отчет по результатам поименных голосований на VI съезде народных депутатов РФ (6—21 апреля 1992). Москва—Архангельское, 6.04—6.05 1992, т. 1, с. 8—9).

Петр Филиппов в загодя подготовленных десяти пунктах очертил конкретные параметры возможного сотрудничества: раз в две недели — встречи по готовящимся законопроектам; подбор квалифицированных экспертов для коалиции; регулярная информация депутатов о положении на местах; создание электронных банков с данными о «наших сторонниках» и т. д. «Филиппов обозначил то, что должен был сказать я», — сказал Гайдар. «Принимаем все пункты Филиппова, — пообещал Ельцин. — Новые члены правительства будут вашими людьми...». Участники встречи демонстрировали взаимное расположение, но в ее атмосфере явственно ощущалось недосказанное: «Коалиция реформ» не выдержала испытания Съездом⁶². В дальнейшем ставка будет сделана на что угодно: на экономическую стабилизацию, перемены в правительстве, на худой конец — на референдум; парламент же можно только попытаться нейтрализовать. Именно в таком ключе были предприняты ближайшие действия, в частности, назначение в правительство трех новых вице-премьеров — Георгия Хижи, Виктора Черномырдина и Владимира Шумейко, которые, конечно же, не были ни «нашими», ни людьми Гайдара.

В отличие от демократов оппозиция вышла со Съезда более многочисленной, консолидированной, уверенной в своих силах и новых возможностях, которые вскоре не замедлят проявиться. Она добилась многих из поставленных перед собой целей: «подвесила» правительство, настояла на запрете совмещения постов в законодательной и исполнительной власти, на удалении Бурбулиса с должности вице-преьера, сдержала приватизацию земли, отсрочила конституционную реформу и т. д. Драматургия Съезда явила с ее стороны немало тактически неплохо скоординированных шагов. Было налажено новое разделение труда. Лидеры коммунистов, «засветившиеся» на первых Съездах, оставаясь в тени, обеспечивали дисциплину присутствия и голосования (намного более высокую, чем у демократов). А от микрофонов не отходили перебежчики из числа вчерашних демократов — Михаил Астафьев,

Виктор Аксютин, Михаил Челноков, Игорь Муравьев и др. Небезынтересно отметить еще одно обстоятельство, на которое обратил внимание Собянин. В выступлениях многих оппозиционеров агрессивные нападки на правительство сочетались с панегириками по адресу президента. Но в то же время собственно антипрезидентские предложения собирали существенно больше голосов, чем антиправительственные (см. табл. 6). Это тоже было элементом тактики. Оппозиция понимала, что свалить правительство, пока за ним стоит президент, ей не удастся, и поставила цель — измордовать команду Бурбулиса — Гайдара, предельно связать ей руки. Президента же, его крутых действий, к которым назойливо призывали некоторые «отвязанные» демократы, она побаивалась. В этой атмосфере Съезд под занавес без обсуждения более чем конституционным большинством утвердил постановление «О защите конституционных органов власти»⁶³. Это была превентивная мера, которой, однако, предстояло сыграть большую роль в дальнейшем развороте событий.

На VI Съезде громогласно заявила о себе «третья сила». Это не были ни РДДР, ни Гражданский союз, тщетно пытавшиеся заполучить для себя базу в парламенте. «Третьей силой» стали представители вчера автономных, а с момента подписания Федеративного договора — «суверенных» республик. Особое место они занимали и на предыдущих Съездах, но тогда были главным образом ударной силой коммунистической оппозиции. Теперь их возросшие претензии стали раздражать и оппозицию, особенно ее национал-державническое крыло. Но было очевидно, что политический вес «автономов» превосходит число их мандатов на Съезде. Поэтому обе противостоявшие на Съезде силы — а вскоре и президент — начнут включаться в конкурентную борьбу за благорасположение «невесты с приданым».

Ход и исход Съезда подталкивали президента к пересмотру своих отношений с парламентом. Он как будто еще рассматривает происшедшее, не выходя за пределы ранее принятой парадигмы, не считает обозначившиеся сдвиги необратимыми и несколько пе-

реоценивает значение собственных успехов. Это видно и из его поведения на встрече с депутатами, о которой я рассказал чуть выше, и из его заключительного выступления на Съезде, где он в очередной раз пообещал экономическую стабилизацию к концу года и наметил некоторые контуры взаимодействия с критиками своего курса. Отметив, что «ожесточенное противостояние повышает роль недостатков и пороков людей, находящихся у власти», он категорически заявил: «Оппозиция — не враги, не противники и не преступники... Мы готовы сотрудничать с ней, вести конструктивный диалог... Съезд и Верховный Совет — это высшие конституционные органы законодательной власти страны. Какое-либо стремление низложить их открывает дорогу политическому беспределу и ведет в тупик... Как председатель правительства гарантирую, что оно готово пройти свою половину пути навстречу Верховному Совету». Далее Ельцин сказал, что он понимает под «половиной пути»: исправление перекосов в социальной политике, поэтапный характер исполнения экономического постановления Съезда, экономный бюджет, сокращение аппарата исполнительной власти. Что же касается структуры и состава правительства, то президент пообещал учитывать мнение парламента. В неявной форме он дал понять, что перестанет сам возглавлять правительство, назначит премьера с согласия парламента и позволит Верховному Совету своим голосованием оценивать работу «отдельных членов правительства». Если оценка будет отрицательной и президент с нею согласится, то такие министры могут быть отправлены в отставку. Ельцин выразил надежду, что и парламент «пройдет свою часть пути», а это значит, прекратит «попытки “подмять” под себя правительство».

Отдавал ли себе президент отчет в том, что шансы на реализацию изложенного плана в ситуации, складывавшейся в 1992 г., невелики? Ответить на этот вопрос трудно, но, по-видимому, окончательного выбора Ельцин в тот момент еще не сделал. Он допускал возможность относительного замирения, рассчитывал, что ход экономической реформы вскоре начнет работать на не-

го, а тогда опять станет меняться расстановка сил в парламенте. Он, конечно, не мог не слышать призывов выйти за рамки Конституции, с которыми к нему обращались самые нетерпеливые сторонники на собраниях демократов и, надо полагать, в его кабинете. Недаром в его речи прозвучала мысль, что «путь обновления Конституции через частичные поправки давно изжил себя» и недвусмысленная угроза: «если бы депутатский корпус отверг курс на радикальные реформы», пришлось бы «вынести на референдум вопрос о доверии Съезду» (что, как мы помним, выходило за рамки его конституционных полномочий)⁶⁴. Но это пока казалось частью психической контратаки, оружием, которое президент приберегал про запас.

Иным из съездовского испытания вышел парламент. За неимением настоящих политических партий он становится самостоятельной политической силой не только в системах власти, но и в обществе. И вдобавок осознает свой корпоративный интерес. Его новое большинство консолидируют и угрозы, которые оказывают обратное действие, и успехи, и даже неудачи (я это отчетливо помню: доминирует настроение, что завоеваны важные позиции и вскоре можно будет отыграться). Немаловажно и то, что парламент получил во многом адекватного ему лидера.

Свой пост первого заместителя Хасбулатов, до того ничем не выделявшийся из шеренги претендентов, выиграл в 1990 г., как в лотерею. Дважды после того, в критические дни — в марте, во время бунта «шестерки» и в Августе — он остался рядом с Ельциным, заслужив имя «верного Руслана». Унаследованная им, хотя и не без некоторых треволнений, должность председателя ВС, была заметно обесценена учреждением поста президента, но все же открывала немалые возможности. Дважды обойденный Ельциным, он затаил обиду, но был достаточно терпелив и скрытен, чтобы до поры это не выказывать. Теперь у него в руках оказались явные и скрытые нити управления депутатами, парламентом, местными Советами. Конфликт между правитель-

ством, на которое он смотрел свысока, не забывая всякий раз напоминать, что не в пример «завлабам» он профессор и доктор экономических наук, с одной стороны, и оппозицией, которая ему не доверяла⁶⁵, — с другой, открывал для Хасбулатова выигрышную возможность сыграть роль защитника парламента и парламентаризма, но — в отличие от микрофонных крикунов — модератора и примирителя.

Парламент — его единственная опора. Ему был нужен парламент и парламенту нужен он. Возглавив Съезд и Верховный Совет, он методически выстраивал свои отношения с парламентом по образцу советского учреждения. До поры Хасбулатов неизменно демонстрировал уважительное отношение к президенту и желание сотрудничать с ним. Разумеется, публичное поведение этого коварного человека далеко не всегда раскрывало его истинные намерения, но пока он выступал за согласие. За согласие политически равнозначных субъектов — президента и парламента. Для этого он пытался решить тройную задачу: поставить правительство под контроль Верховного Совета, отодвинуть от Ельцина его ближайших советников и убедить парламент завершить конституционное переустройство государства на компромиссной (иного не дано) основе⁶⁶.

Единственное, на чем он стоит твердо: гарант демократии, высший судья в проведении реформы — парламент. Закрывая последнее заседание Съезда, он дает собственную оценку исходу разразившегося на нем политического кризиса: никакая это не ничья, «депутаты дали действительно реальную оценку хода реформы и ее последствий» — и воспроизводит основные положения постановления, спровоцировавшего взрыв⁶⁷. В программной статье, опубликованной вскоре после Съезда, он еще более категоричен: главная осевая линия развернувшихся событий — борьба между «сторонниками формирования режима личной власти» и их противниками. Мы не предполагали, «...что давление на Съезд с целью склонить его перед исполнительной властью, заставить играть по фальшивым нотам будет таким ог-

ромным. Съезд выдержал давление, проявил мудрость, осторожность, твердость в отстаивании ценностей демократии». Верховный Совет не отказывает правительству в праве на ошибку, но чтобы сводить такие ошибки к минимуму, необходим «парламентский контроль за деятельностью правительства» и, в частности, согласование кандидатур министров»⁶⁸.

По-видимому, компромисс на базе раздела власти, как он был предусмотрен в варианте проекта Конституции КК, дошедшем до VI Съезда, — как бы к этому варианту ни относиться — не был исключен. Противостояние обострялось, дело шло к открытому конфликту. Но пока не было predetermined, в каких политических и правовых формах он будет разворачиваться и до какой стадии дойдет. Весной 1992 г. еще не был упущен шанс на достижение компромисса. Для этого надо было, поторговавшись по наиболее спорным пунктам, либо тут же на Съезде утвердить новую Конституцию, либо, как минимум, принять ее за основу и одобрить курс на завершение процесса в жесткие сроки. В этом случае устремления конфликтующих сторон были бы введены в ограничивающие рамки нового Основного закона, который обрел бы бесспорную легитимность. Но к тому не были готовы основные акторы. Правительство, опасавшееся, что вмешательство парламента сорвет его замысел реформы. Президент, который если и не собирался устанавливать «режим личной власти», то уж во всяком случае не желал делить с кем бы ни было контроль над исполнительной ее ветвью (непонятную слабинку он даст вдруг на следующем Съезде). Координационный совет «Демократической России», который перед открытием Съезда призвал депутатов голосовать против проекта Конституции, так как он ограничивает «существующие в настоящее время права и полномочия исполнительной власти в пользу власти Советов», «закрепляет не сильную президентскую республику, а иную форму правления» и т. д.⁶⁹ Аналогичное требование, продиктованное совершенно другими мотивами, выдвинуло «Российское единство»⁷⁰. Основная ответственность за срыв компромиссного решения лежит на большинст-

ве Съезда, которое отвергло проект, в общем, довольно благоприятный для парламента. Не прислушавшись к своему председателю, депутаты вообразили, будто время работает на них, что, заняв жесткую, агрессивную позицию, можно добиться еще большего. Свою канистру бензина в костер добавили «автономы», предъявившие совсем уж несуразные требования.

Я не утверждаю, что принятие новой Конституции в той обстановке наверняка остановило бы скатывание по наклонной плоскости. Но оно могло бы задержать его, ослабить набиравшее силу противостояние. Люди, не обремененные исторической памятью, даже когда говорили о компромиссе, жаждали не согласия, а победы. Возможно более полной. Так была пройдена еще одна историческая развилка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Численность фракций приведена по данным регистрации в секретариате VI Съезда. — Архив автора. «Левый центр» и Объединенная фракция республиканской и социал-демократической партий не смогли перерегистрироваться, поскольку число вошедших в них депутатов оказалось меньше предусмотренного регламентом, и ненадолго объединились.

² 412 «за», 447 «против», 70 воздержались (Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. — Т. 1. — М., 1992. — С. 31).

³ За эти предложения было подано 112, 81 и 65 голосов соответственно. «Я удивляюсь, что среди нас нашелся 81 депутат — сторонник ГКЧП», — саркастически прокомментировал результаты голосования по введению прямого президентского правления Р. Хасбулатов (Там же. — С. 25, 47, 48).

⁴ Насколько такой сценарий расходился с установкой ближайших сотрудников президента, видно из замечаний Бурбулиса на встрече с близкими ему депутатами: «Обсуждения экономических вопросов на Съезде не должно быть. Говорить о реформе в этом зале — полная бессмыслица. Скажут: включай станок, открывай кредиты...». — Запись встречи с Г. Бурбулисом. 18.03.1992. — Архив автора.

⁵ Проанализировав данные 11 голосований по вопросам взаимоотношений между Съездом и правительством, Александр Собянин пришел к заключению,

что из 1049 депутатов безусловно поддерживали правительство 130, частично — 266, не поддерживали — 653, в том числе встали в жесткую оппозицию — 483. Таким образом, общая конфигурация сдвигов уже определилась (Информационный бюллетень о первом дне работы VI Съезда (по результатам поименных голосований). — С. 2. — Архив автора).

⁶ Постановление Верховного Совета РФ «О социальной защите населения в условиях перехода к рыночным отношениям» от 20 марта 1992 г. — Архив автора.

⁷ Шестой Съезд... — Т. 1. — С. 119—121, 124—126, 137—138; Т. 2. — С. 19.

⁸ Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 254.

⁹ Шестой Съезд... — Т. 1. — С. 154.

¹⁰ Там же. — С. 361—362.

¹¹ Так, депутат Н. Харитонов, посетовав на унижающий крестьян бартер, потребовал «дать им возможность через государственные каналы приобретать все необходимое за счет реализации своей продукции». Депутат Ю. Сидоренко заявил, что сначала надо насытить рынок товарами и лишь затем переходить к рынку и т. п. (Там же. — С. 353, 360).

¹² Выступление вице-председателя ВС Ю. Воронина (Там же. — С. 364).

¹³ Проекты постановлений VI Съезда «О деятельности органов государственной власти и управления РФ по осуществлению экономической реформы», внесенные блоком «Российское единство» и фракцией «Смена — Новая политика». — Архив автора

¹⁴ При минимальном кворуме для прохождения постановления в 525 голосов за него проголосовали 536 депутатов, против — 217, 82 воздержались (Шестой Съезд... — Т. 2. — С. 15). Председатель редакционной комиссии В. Шумейко объяснил в своем докладе отказ включить пункт о недоверии правительству тем, что косвенно это означало бы недоверие возглавлявшему правительство президенту и народу, избравшему Ельцина. В ответ послышались выкрики «Позор!», а выступивший затем С. Бабурин предложил аннулировать полномочия комиссии (Там же. — С. 10, 12).

¹⁵ Так, несмотря на возражения Е. Гайдара, была принята поправка об индексации вкладов населения в Сбербанке в соответствии с темпом инфляции. Несколько раз голосовали предложения о вотуме недоверия правительству и лишении президента дополнительных полномочий (Там же. — С. 183—188, 210, 214—216, 228, 239—240, 244 и др.).

¹⁶ Там же. — С. 161, 194.

¹⁷ Там же. — С. 246.

¹⁸ Запись интервью с Г. Бурбулисом. 26.07.2004. — Архив автора.

¹⁹ Шестой Съезд... — Т. 2. — С. 247, 249. Правда, президентская поправка тоже пренебрегла этой конституционной нормой.

²⁰ Там же. — С. 249, 251.

²¹ За постановление проголосовали 647 депутатов, против — 69, воздержались 28 (Там же. — С. 286).

²² «Ультиматум ведь обращен не только к Съезду, но и к президенту, подталкивает его к тому, чтобы четко обозначить свою позицию» (*Гайдар Е.* Дни поражений и побед... — С. 176). Ельцин утверждает, что первое серьезное политическое решение правительства оказалось для него совершенно неожиданным и не было согласовано даже с Бурбулисом (*Ельцин Б.* Записки президента... — С. 256). О том, что президент тогда еще не воспринимал идею более жесткого разговора со Съездом, свидетельствуют его помощники (*Эпоха Ельцина.* — М., 2001. — С. 200; *Костиков В.* Роман с президентом. — М., 1997. — С. 74).

²³ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 177.

²⁴ Запись встречи группы депутатов с правительством. 12.04.1992. — Архив автора.

²⁵ На следующий день среди депутатов было распространено заключение правительства о последствиях реализации принятого постановления. В нем, в частности, отмечалось, что только индексация заработной платы в бюджетных отраслях и финансирование агропромышленного комплекса на уровне, предусмотренном решениями II Съезда, привело бы к увеличению бюджетного дефицита в 1992 г. до 1,5 трлн руб. (23% ВВП и 80% всех доходов). В этом случае годовая инфляция достигла бы 1600—2000%. Решения отрицательно сказались бы на уровне жизни, земельной реформе и отношениях с Западом («О последствиях реализации постановления VI СНД РФ «О ходе экономической реформы в РФ» (Заключение правительства РФ). — Архив автора). По большинству позиций постановление так и не было выполнено, но уровень инфляции в 1992 г. составил 2600%.

²⁶ Стенограмма заседания Президиума ВС 12 апреля 1992 г. — Архив автора.

²⁷ Шестой Съезд... — Т. 3. — С. 110—111.

²⁸ За нее проголосовало несколько меньше депутатов, чем за постановление, — 578 человек, 203 были против, 64 воздержались (Там же. — Т. 4. — С. 106).

²⁹ Ссылку на VI Съезд, по сути — на постановление, развязавшее конфликт, вставили в текст в последний момент.

³⁰ Шестой съезд... — Т. 3. — С. 327—328.

³¹ Там же. — С. 105.

³² *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 256.

³³ *Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 177. По завершении острой фазы кризиса Гайдар сказал на встрече с группой депутатов, что это будет стоить ему дополнительно столько-то миллиардов рублей льгот и субсидий.

³⁴ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 81.

³⁵ Шестой съезд... — Т. 2. — С. 27.

³⁶ Проблемы возникли позже, когда шовинисты уяснили, что теперь труднее им станет выявлять «инородцев», а националисты в некоторых республиках

увидели в том угрозу размывания национальной идентичности «титulyных» народов. Но поползновения тех и других разбивались о конституционную норму.

³⁷ Эту норму жестко отстаивала в своем проекте рабочая группа Конституционной комиссии. В конечном счете она вошла в Конституцию РФ 1993 г.

³⁸ Проект постановления, одобряющего ратификацию соглашения о создании СНГ, был роздан депутатам, но так и не был поставлен на голосование.

³⁹ Шестой съезд... — Т. 3. — С. 207, 213—217. Голосование по «компромиссной» поправке выявило число депутатов, безусловно поддерживавших президента в данном вопросе. Против поправки были 216 человек из 940 принявших участие в голосовании.

⁴⁰ Не помогла даже поддержка этой поправки Хасбулатовым (Шестой съезд... — Т. 5. — С. 387—388).

⁴¹ За поправку проголосовали 95 депутатов, против 723, воздержались 30 (Шестой съезд... — Т. 4. — С. 25).

⁴² Шестой съезд... — Т. 4. — С. 46—47, 143—144, 576—598. За поправку проголосовали 200 депутатов, против 597, 45 воздержались. Сказался и низкий уровень организации в блоке демократических фракций: по поправке Иловского не была распространена рекомендация, и для многих голосование по ней оказалось неожиданным.

⁴³ За это решение проголосовали 848 депутатов, против — 10, 40 воздержались. «В последний раз, — не без яда отметил проголосовавший против одобрения договора С. Бабурин, — стоя мы приветствовали решение о ликвидации Советского Союза в декабре прошлого года» (Шестой съезд... — Т. 2. — С. 20—23). Договор, писал позднее один из главных его разработчиков Рамазан Абдулатипов, был «перегружен совместными полномочиями... Все вопросы, которые мы не смогли согласовать, сбрасывались в корзину совместных полномочий федеральной и региональной властей» (Известия. — 2000. — 30 марта.).

⁴⁴ Конституция (Основной закон) Российской Федерации — России. — М.: ВС РФ, 1993. — С. 101—102.

⁴⁵ Была, например, воспроизведена формула прежней Конституции, отсутствовавшая в Федеративном договоре: «Республика имеет свою Конституцию, соответствующую Конституции Российской Федерации и учитывающую особенности данной республики» (Шестой съезд... — Т. 5. — С. 469).

⁴⁶ Там же. — Т. 4. — С. 58, 68—69.

⁴⁷ Против проголосовали только 30 депутатов, 30 воздержались. Анализ поименных голосований показывает, что ажиотаж охватил и большинство автономий. Опомнились они после перерыва (Там же. — С. 164—178, 622—644).

⁴⁸ Там же. — С. 233.

⁴⁹ Там же. — С. 183.

⁵⁰ Конституция Российской Федерации: Проект // Конституц. вестник. — 1992. — Апр.—май. — № 11. — С. 154—242.

⁵¹ Шестой съезд... — Т. 4. — С. 297.

⁵² Там же... — Т. 5. — С. 38.

⁵³ Юрий Максимович Слободкин, судья из Подмосковья, — фигура, на мой взгляд, трагикомическая. В отличие от многих своих сотоварищей он искренне верил в то, что отстаивал. Его убежденность, готовность идти наперекор течению и бойцовские качества могли вызывать уважение. Я, сказал он в Конституционном суде во время процесса над КПСС, готов отвечать за всю историю и за каждый день деятельности партии. Сказать такое мог только верующий (или циничный демагог, которым Слободкин не был). Но он жил и мыслил в иллюзорном мире возвышенной советско-коммунистической догматики, не замутненной прозаической реальностью. Взгляд на политических противников и их дела у него был ленинский.

⁵⁴ Шестой съезд... — Т. 5. — С. 64—66; Запись интервью с С. М. Шахраем. 01.07.2004. — Архив автора.

⁵⁵ Подробнее о проектах А. Собчака и С. Шахрая см. с. 328—331.

⁵⁶ Шестой съезд... — Т. 2. — С. 57; Т. 4. — С. 312; Т. 5. — С. 33—35, 38, 43—47, 56—57, 66—68, 79 и др.

⁵⁷ Там же. — Т. 5. — С. 71.

⁵⁸ Там же. — С. 442—443. Конституционная комиссия, собравшаяся во время VI Съезда, 42 голосами против 2 при 3 воздержавшихся (чуть меньше половины от списочного состава) рекомендовала принять проект за основу.

⁵⁹ Интервью газете «Подмосковные известия» (1992. — 2 апр.).

⁶⁰ Выступление на VI СНД РФ 18.04.1992 (Шестой съезд... — Т. 5. — С. 26—28).

⁶¹ Шестой Съезд народных депутатов России: Политические итоги и перспективы: Аналитический отчет о результатах поименных голосований на VI Съезде народных депутатов РФ (6—21 апреля 1992 г.). — Т. 1. — Москва; Архангельское, 1992. — С. 14—15.

⁶² Запись встречи депутатов «Коалиции реформ» с президентом 22.04.1992. — Архив автора.

⁶³ Шестой съезд... — Т. 5. — С. 489—490.

⁶⁴ Там же. — С. 430—438.

⁶⁵ «Сегодняшняя опора Хасбулатова — парламентское «болото»: инертное, уставшее, дезориентированное, не настроенное на глубокое изучение вопросов», — писал Исаков (*Исаков В.* Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 82). Это, конечно упрощение. Хасбулатов формировал более широкую опору, привлекая активистов разных парламентских фракций на платформу утверждения прав парламента.

⁶⁶ Поведение Хасбулатова при обсуждении конституционных вопросов было школой лицедейства, театром, в котором сценические линии снова и снова возвращались к главному герою. Пробивая поправки к старой Конституции, он

уговаривал, упрашивал, умолял, взывал к совести и разуму, бесконечно комментировал, оспаривал, одобрял, поощрял почти каждое выступление и голосование. Как сказал кто-то из депутатов, он один вел «митинг у микрофона». Представляя проект новой Конституции уже в качестве главного лица, спикер снова представлял миротворцем: «Посмотрим, обсудим, расширим рабочую группу Конституционной комиссии... Но не отвергайте с порога — ведь все мы только учимся!».

⁶⁷ Шестой съезд... — Т. 5. — С. 438—440.

⁶⁸ Рос. газ. — 1992. — 12 мая. Выступая в своем отечестве, Хасбулатов тогда еще соблюдал известную сдержанность. Но перед зарубежной аудиторией скрывать необузданные свои эмоции необходимым он не считал. С языка парламентского он переходил на площадную брань. В интервью итальянской газете он пообещал, что Съезд свергнет правительство — «разных там Шахраев», «червяков», к которым он, Хасбулатов испытывает «глубокое внутреннее презрение». (Выдержки из интервью Р. Хасбулатова газете «Repubblica». 01.04.1992. Аудиозапись. — Архив автора.)

⁶⁹ Заявление Координационного совета движения «Демократическая Россия». 05.04.1992. — Архив автора.

⁷⁰ Исаков В. Указ. соч. — С. 71—72.

глава 15

Ставки повышаются. Напряжение растет

Никакая чужая жертва во имя мира не может считаться слишком большой.

Карел Чапек

ВЗГЛЯД ИЗ 1992 года

Изменившейся после VI Съезда ситуации были посвящены мои публикации того времени. Проглядев их, читатель может сказать: автору настолько дорог был уход от жесткой конфронтации, что невероятное развитие событий представлялось ему возможным. Тем не менее у меня и сегодня нет желания пересматривать выраженную тогда политическую позицию — если не считать немногих опрометчивых суждений, которые я не счел нужным исключить из текстов. Финал процессов, развернувшихся на VI Съезде и сразу после него, известен. Но еще не все было предрешено, и отстаивание неосуществившейся альтернативы — независимо от шансов на успех — не кажется мне делом бессмысленным.

Судороги российского парламентаризма¹

В конце 60-х годов, когда незыблемость социально-политического строя в нашей стране казалась неоспоримой, А. Амальрик, автор известного «самиздатского» памфлета «Просущест-

вует ли СССР до 1984 г.?», отмерил срок существования могущественному государству в полтора десятка лет. Если учесть, что дата была названа условно, ради переклички со знаменитой оруэлловской антиутопией, а перемены, которые повели к распаду СССР, начались в 1985-м, предсказание оказалось точным.

Чтобы оценить долговечность российского парламента образца 1990 г., не надо обладать дерзостным провидением Амальрика. Во многом аналог союзного Съезда, бесславно сошедшего с политической сцены вслед за гибелью Союза, российский Съезд вроде бы движется по тому же пути. Его престиж в глазах общественного мнения неудержимо катится вниз, а требования тем или иным путем покончить с этим Съездом — лишь верхушка айсберга. Под нею угадывается целеустремленная и упорная работа влиятельных сил, направленная на досрочный роспуск Съезда.

Новое противостояние. Не успел завершиться VI Съезд народных депутатов, на котором противоборствующие стороны, померявшись силами, сошлись все-таки на том, что худой мир лучше доброй ссоры, как стала набирать новые обороты анти-съездовская кампания. <...>

В политическом развитии России все более отчетливо прорисовывается содержание новой фазы: раздробление каждой из двух главных коалиций, прежде противостоявших друг другу, размывание прежней границы между ними и возникновение новых политических союзов, тяготеющих к институтам либо законодательной, либо исполнительной власти. <...>

Полюсами нового размежевания, своеобразными центрами притяжения в общероссийском масштабе (поскольку партийная система все еще остается в младенческом состоянии) начали становиться исполнительная и законодательная власти. Противоречия между ними, которые прежде были подчинены главному противоречию и имели сравнительно второстепенное значение в политической борьбе, выдвигаются на главенствующую роль.

К сожалению, не только многие участники событий, но и аналитики не смогли преодолеть инерцию доавгустовских представлений, увидеть свежим взглядом новую расстановку сил и изменившуюся роль различных государственных институтов. Новая ситуация рассматривается в прежнем ключе противостояния демократов и партократов, в общественное сознание внедряется черно-белая схема, в которой президент и правительство — двигатель, а парламент — тормоз реформы, а поскольку доверие к президенту в обществе значительно выше, чем доверие к парламенту, возникает искушение: воспользоваться моментом и освободиться от такого парламента одним ударом, как было покончено с союзным Съездом. В действительности и президентские, и парламентские структуры в ходе реформы играют неоднозначную роль.

Президент. И сегодня президент России остается одной из основных движущих сил, более того, символом реформы в сознании широких общественных слоев. Но нельзя отождествлять громоздкие наслоения структур исполнительной власти вокруг президента и демократический лагерь (тоже, впрочем, быстро дифференцирующийся). Бесспорно, что своими успехами, самым избранием Б. Ельцин во многом обязан демократам. В свою очередь, для демократических политиков и депутатов Ельцин сыграл роль своеобразного локомотива, без которого состав мог бы остаться на запасных путях. И он это обстоятельство не просто понимает, но и строит, исходя из него, отношения со своей парламентской базой.

Неразвитость партийной инфраструктуры и отсутствие устойчивого большинства в парламенте создают вокруг президента политически разреженное пространство, делают его курс в значительной мере личной политикой, открывают ему немалый простор для выбора сотрудников, в том числе ближайших, позволяют часто обращаться к импровизациям. Вместе с тем жесткие социально-экономические реалии, кадровый голод, черты личности политика, прошедшего всем известную школу, накладывают

свой отпечаток на действия президента, делают его политику равнодействующей разных влияний: влияний людей и влияний обстоятельств.

Кажется непостижимым, что в течение нескольких месяцев после августа 1991 г. в системе президентской администрации правительство представляли люди временные, не облеченные необходимыми полномочиями, отчетливо сознававшие эту свою ущербность и потому не способные к решительным действиям. Потеря темпа, серьезно осложнившая всю экономическую и социально-политическую ситуацию в России, определялась, вероятно, трудностями адаптации. Главные проблемы теперь оказались связаны не с расширением полномочий президента (они и так достаточно велики) и не с сокращением какой-то организованной политической силы, а с комплексом созидательных задач в экономике и обществе, которые ни президент и его правительство, ни поддерживающие его демократические силы в стране и парламенте решать не научились. Обучение, как теперь стало ясно, обещает быть трудным и длительным. Есть, однако, два момента, вызывающих особую тревогу.

Во-первых, в органах исполнительной власти, как, впрочем, и в парламенте, формируются и отвердевают новые структуры, преследующие собственные, далеко не всегда благовидные цели. На ключевые посты в президентской администрации один за другим стали выдвигаться люди, мягко говоря, не вызывающие доверия у демократов; напротив, честные и самостоятельные люди нередко оказываются под огнем со стороны своих влиятельных коллег в институтах исполнительной власти. Ближайшее окружение, своего рода «личный кабинет», регулирующий доступ к президенту, потоки идущей к нему информации, разнороден и разнокалиберен и, как мне видится, не отличается от парламента ни квалификацией, ни приверженностью демократическим ценностям.

Во-вторых, серьезную озабоченность вызывает непредсказуемость, видимая импульсивность ряда важных шагов президен-

та, что уже демонстрировалось неоднократно и всякий раз повергало в смятение его сторонников, имеющих и ценящих собственную самостоятельную позицию, давало новые поводы, не всегда обосновательные, для нападков его противникам. Накануне VI Съезда между президентом и «Коалицией реформ» — объединением демократических депутатов — был заключен своего рода пакт о сотрудничестве и взаимных консультациях. Логично ожидать, что новую инициативу президента по поводу референдума, равно как и переформирование правительства, следовало бы обсудить с его союзниками в парламенте. Вместо этого произошла (или была сознательно организована) утечка информации о том, что в президентском окружении хладнокровно разрабатываются различные варианты досрочного роспуска парламента, а затем последовали персональные назначения сомнительного свойства².

В итоге президентская администрация, неизвестно на основе каких критериев сформированная, чудовищно разбухшие министерские структуры, многие представители президента на местах, в своеволии и лихоимстве превзошедшие старую партбюрократию, вовсе не являются чистым воплощением демократии. Если на все это еще можно было закрывать глаза тогда, когда структуры российской исполнительной власти в масштабе СССР оставались в оппозиции, то неслабый противовес им в виде парламентского контроля необходим и сейчас, и на будущее.

Парламент. Но, может быть, нынешний российский парламент (или, точнее, квазипарламент) настолько негоден, что его надо удалять безотносительно к качествам исполнительной власти? Ведь в нашей стране так повелось, что прошлые заслуги — скорее отягчающие, чем смягчающие сегодняшнюю вину обстоятельства. К тому же в революциях прошлого (а Россия, несомненно, переживает, хотим мы этого или нет, революционный переход от одного общественного строя к другому) парламенты нередко отставали от хода событий и оказывались чаще «короткими», чем «долгими».

Главных вопросов, на которые надо ответить, определяя отношение к судьбе Съезда, на мой взгляд, три. Во-первых, выполняет ли он по-прежнему определенные, хотя и ограниченные, полезные функции или стал тормозом развития, основным оплотом консервативных сил? Во-вторых, можем ли мы на данном этапе получить лучший парламент? И, в-третьих, насколько продуктивны с точки зрения утверждения демократического строя в России те способы, которыми может быть проведена замена либо удаление Съезда (а заодно, возможно, и Верховного Совета)? Надо признать, что немалый вклад в дискредитацию Съезда и, что особенно скверно, парламентаризма вообще внес сам Съезд, в особенности на шестой своей сессии. Утомительный марафон обсуждения и голосования сотен поправок к документам, когда Съезд превращался в собственную редакционную комиссию численностью в тысячу человек, прерывался сражениями за немногочисленные микрофоны, чуть ли не доходившими до рукопашной, щедро рассыпаемыми оскорблениями, истериками целых делегаций и неиссякавшими репликами председательствующего, вообразившего себя великим шутником и непревзойденным ментором. Уровень политической культуры нашего парламента был продемонстрирован *urbi et orbi* со всей наглядностью.

Справедливости ради надо сказать, что российский Съезд, действительно, дефектен и по замыслу, и по исполнению. <...> С таким парламентом, конечно, надо расставаться. При всех различиях между разными проектами новой Конституции, выброшенными на политическую биржу, все они — за единственным исключением проекта маловлиятельной группы коммунистов-ортодоксов³ — исходят из ликвидации двухступенчатого законодательного органа. Вопрос заключается, однако, в том, когда и как это следует делать. Антисъездовская позиция состоит в том, что время для его устранения пришло, потому что на VI Съезде обозначился отчетливый сдвиг вправо и ставить судьбу реформ в зависимость от законодательного собрания, пре-

тендующего на собственное верховенство в духе известного лозунга «Вся власть Советам!», означает идти на слишком большой риск. Ни одно из этих утверждений не кажется мне вполне обоснованным.

Прежде всего возникает вопрос: почему же, обладая столь явным перевесом, противники президента и правительства не добились открыто заявленных ими еще до Съезда целей: уволить правительство в отставку, вывести президента из правительства и лишить его дополнительных полномочий, утвержденных V Съездом. Ответ прост: <...> большинство Съезда вовсе не занимало непримиримую позицию по отношению к президенту и правительству.

Однако еще важнее: к VI Съезду весьма существенные сдвиги произошли в социально-политической ситуации, в расстановке сил в парламенте и в обществе. Непременным атрибутом демократических сил перестала быть безусловная поддержка президента и тем более правительства, равно как и оппозиция им в более или менее резкой форме — характерным признаком консервативной платформы. Конечно, прежнее противостояние было слишком глубоким и острым, чтобы не наложить отпечаток на политические сражения в ходе VI Съезда, что особенно отчетливо проявлялось при голосованиях по вопросам, традиционно раскалывавшим Съезд (частная собственность на землю) или связанным с идеологической символикой. К тому же политические и личностные связи обладают немалой инерционностью. Но деление на «наших» и «не наших», которое показывают принятые рейтинги депутатов, не в силах отразить движение к значительно более сложной, многополюсной политической структуре Съезда: при голосованиях по разным вопросам одни и те же люди выступают в различных комбинациях.

Эта тенденция будет усиливаться, потому что время сравнительно простых альтернатив с однозначным выбором («план» или «рынок», Союз или Россия, Горбачев или Ельцин и т. д.) ушло, осталось в доавгустовской эпохе, противостояние двух —

только двух! — организованных сил закончилось. Даже сделав выбор в пользу правительства реформ, надо понимать, что не всякое оппонирование этому правительству, включая голосование против его предложений по тем или иным вопросам, есть оппозиция реформам. Сама экономическая реформа не предполагает однозначных решений: предпочтение варианта Гайдара варианту Сабурова может иметь бóльшие или меньшие экономические резоны, но не является признаком большей или меньшей «демократической» ориентации, равно как и критика курса правительства не соединяет в один лагерь Явлинского со Слободкиным или Бабуриным.

Да, в ходе бесчисленных голосований по экономической реформе и Конституции Съезд совершенно определенно склонился в пользу прерогатив парламента и ревниво относился к расширению полномочий исполнительной власти, к превращению временных прав, предоставленных президенту, в постоянные конституционные нормы. Состязание исполнительной и законодательной власти, доходящее подчас до острых столкновений, присуще политической жизни многих стран. Российский парламент еще не определил окончательно своей позиции в том, как должен выстраиваться баланс между двумя ветвями государственной власти. Но его претензии (в чем-то, возможно, чрезмерные, а в чем-то и вполне обоснованные) можно оценить как угрозу демократии, только приняв в качестве бесспорной предпосылку, настойчиво вбиваемую в массовое сознание: «антинародный» парламент противостоит «народному» президенту.

О превращениях президентской администрации уже говорилось выше. Меняется и российский парламент. Неудержимо идет естественный процесс дифференциации и вчерашних демократов, и вчерашних консерваторов. Если вынести за скобки действительно спорные вопросы о распределении полномочий законодательной и исполнительной власти, оптимальная модель которого для наших условий еще не найдена и по которому большинство на VI Съезде оказывалось то на одной, то на дру-

гой стороне, то показательна как раз относительная слабосильность тех, кто выступал с крайних позиций, будь то правых или левых. <...>

Несомненно, работа Съезда поражает малой своей продуктивностью, но главный его дефект — неспособность в полной мере и своевременно дать законодательное обеспечение проводимым реформам; соперничество не программ, а групп и лиц; предпринимаемые с разных сторон постоянные попытки вмешательства во все без исключения сферы государственной политики и социальной жизни — от московских демонстраций до положения в Ленинской библиотеке. В конечном счете это связано с провалом всех до сих пор предпринимавшихся попыток создать в парламенте устойчивое большинство, способное взять на себя ответственность за принятый курс.

Отчетливо выявившейся экспансии исполнительной власти в законодательную деятельность противостоит стремление конкурирующих сил в парламенте снова и снова вторгаться в сферу непосредственного управления посредством предписаний и указаний, по всякому поводу возбуждать общественное мнение во славу честлюбивых парламентариев, легко зарабатывающих политический капитал на критике действительных и мнимых недостатков и упущений. Баланс исполнительной и законодательной власти в сложившейся практике стал строиться не на их разделении и взаимном уважении «территории» партнера, а на постоянных стычках и перетягивании каната.

Выход из создавшегося положения непримиримая оппозиция в парламенте видит в том, чтобы переформировать и подчинить себе правительство, связать руки президенту и обеспечить доминирование Съезда над Верховным Советом. В свою очередь, сторонники жесткой линии в окружении президента, видимо, к весне 1992 г. решили взять курс на роспуск парламента или по меньшей мере его наиболее раздражающей и наименее работоспособной составляющей — Съезда.

Референдум. Существует, по-видимому, только один более или менее укладывающийся в конституционные рамки способ решения этой задачи: проведение референдума то ли о судьбе Съезда непосредственно, то ли о новой Конституции, утверждение которой на референдуме предполагает роспуск данного Съезда и новые парламентские выборы в близкой перспективе.

Вопрос о проведении референдума с разными формулировками, но непременно референдума и непременно возможно скорее (а за ним и новых выборов) стал еще в преддверии VI Съезда все более настойчиво выталкивать в центр политической жизни различные силы, не удовлетворенные существующим положением. Спустя некоторое время возникла парадоксальная ситуация: противники данного парламента еще не определили, с какими вопросами следует обратиться к избирателям, но уже начали выстраивать своих сторонников в боевые порядки, формируя комитеты по проведению референдума, орггруппы на местах и т. п. Готовится звонкая политическая кампания апелляции к народу, высшую волю которого будто бы призван выразить референдум, коль скоро этого не может сделать консервативный парламент. Возражения против скорейшего проведения референдума и выборов уверенно квалифицируются как явный признак антидемократической позиции, лишение граждан их прав. Какие доводы можно противопоставить этой быстро набирающей обороты кампании?

Следует прежде всего подчеркнуть, что референдум — лишь один из инструментов, которыми располагает демократия. Но это отнюдь не единственный и даже не наиболее совершенный ее инструмент, как полагают безоглядные защитники «прямого народоправства». Представительная демократия более приспособлена к решению сложных проблем, когда выбор приходится осуществлять не из двух-трех, а из множества вариантов, находить промежуточные, компромиссные решения. Но даже и в тех случаях, когда избирателю предлагается ответить «да» или «нет» на сравнительно простые вопросы, большинство вовсе не заведомо принимает верные решения. Хоро-

шо известны бонапартовские плебисциты середины прошлого века во Франции, обеспечившие победу президента над Законодательным собранием, а затем и переход от республики к империи, референдум 1938 г. в Австрии, санкционировавший гитлеровский аншлюс, и многие другие. На нашей памяти и всесоюзный референдум в марте 1991 г. с хитроумно поставленным вопросом, ничего не выявивший и ничего не решивший.

Правда, роспуск Съезда предлагается осуществить не напрямую, а посредством принятия на референдуме новой Конституции (как вариант отстранения Съезда от утверждения Конституции). Вообще-то в конституционной истории ряда государств можно найти случаи вынесения исполнительной властью Основного закона на утверждение плебисцитом; обычно это происходило в странах с авторитарным режимом, но именно таким образом вышла и Франция из острого политического кризиса в 1958 г. Примеры такого рода довольно редки и к тому же Россия — не Франция с укорененным в глубокие исторические традиции гражданским обществом. В принципе трудно что-либо возразить против одобрения всеобщим голосованием проекта Конституции, прошедшего основательную проработку в парламенте или Учредительном собрании: она получает дополнительную легитимацию. Но нам предлагают референдум не в *дополнение*, а *взамен* парламентского вотума, либо такой порядок, при котором последнее слово по спорным статьям проекта (прежде всего по соотношению между исполнительной и законодательной властями) останется за президентом. Это означает, что вынесенный на референдум текст придет к избирателям не из парламента, где можно достичь взвешенного баланса интересов, а из круга лиц, которые в силу тех или иных причин получают контроль над ним на заключительной стадии процесса. Скорее всего, это будут люди, в решающий момент приобретшие, как уже бывало, наибольшее влияние в окружении президента.

Собственно, этого и добиваются сторонники скорейшего референдума, сомневающиеся в способности данного Съезда

принять цельный демократический проект. Основания для таких сомнений есть. Но лучше, на мой взгляд, подождать с Конституцией, чем базировать сам процесс ее утверждения не на принципе разделения властей, в соответствии с которым принятие законов — дело парламента, а на плебисцитарном единении главы исполнительной власти и народа, восторженно скандирующего его имя. Людям, возбужденным благородным нетерпением, следовало бы задуматься, какого рода прецедент они пытаются создать на старте новой конституционной истории России. Ведь оружием референдума как средством разрешения конфликта между исполнительной и законодательной властью могут снова и снова соблазняться и будущие политики, противостояние между которыми, надо думать, будет персонифицировано не так, как сегодняшний по видимости простой выбор между любезным им президентом и ставшим сейчас несимпатичным спикером парламента. Как же можно, добиваясь ближайшей цели, не просчитывать чуть более отдаленных последствий своих действий? Ведь огромный исторический опыт говорит, что усиление исполнительной власти и принижение законодательной — путь куда угодно, но только не к конституционной демократии. Между тем все варианты референдума нацелены как раз на изменение баланса, пусть неустойчивого, во многом неудовлетворительного, в пользу исполнительной власти.

Есть соображения и более практического характера. Наше общество для проведения экономической реформы (чем в первую очередь озабочены сторонники конституционного референдума, судя по их утверждениям) нуждается в политической стабильности, в преемственности курса государственных институтов. Проведение референдума, а за ним и выборов, в сложившихся условиях неизбежно отвлечет силы политического актива, действующего ныне в общественных организациях, в парламенте и правительстве, в органах власти на местах, от конструктивной работы в сферу политического соперничества, переключит социальную энергию из трудной, неосвоенной сферы в привычную.

Более того, референдум обострит противостояние в обществе, усилит его поляризацию. Вопросы на плебисците будут сформулированы не с одной, но с двух, как минимум, или больше сторон. Это будет не атака на редуты дезорганизованного противника, как наивно рассчитывают лидеры некоторых демократических организаций, а встречный бой. Собрать миллион подписей за проведение референдума — дело не слишком сложное. Но вопросу о доверии Съезду может быть противопоставлен вопрос о доверии президенту, одному набору основных принципов новой Конституции — другой, одному конституционному проекту — два или еще больше. Все это уже наготове. К чему приведет в сегодняшней обстановке подобная политическая рубка?

Проведение референдума резко сузит возможности создания и деятельности умеренного политического центра, воплотит в новом оформлении вреднейший принцип: «кто не с нами, тот против нас». Ориентация на победу, а не на соглашение в условиях бедственного социального положения широких масс будет усиливать конфронтацию, нагнетать худшие эмоции — злобу и ненависть к действительным и мнимым противникам. Каждая из конфронтирующих сторон будет внушать своим сторонникам, что происходит противоборство добра и зла, Бога и Дьявола. Реальные общественные проблемы при этом будут подвергаться неизбежной мистификации, объективные трудности и последствия собственных просчетов — подаваться как порождение злой воли «врагов», число которых видится тем большим, чем труднее достается победа. К тому же благоприятный для сторонников президента исход референдума вовсе не запрограммирован: его главным результатом может стать глубокий раскол общества надвое, натрое и т. д. Провал референдума в мае 1992 г. за введение президентской республики в Литве, где, казалось бы, ситуация значительно более стабильна, чем в России, — полезное предупреждение.

Досрочные выборы. Референдум, по замыслу его сторонников, должен открыть путь новым парламентским выбо-

рам уже в этом или следующем году. Насколько своевременно проведение двух избирательных кампаний на пике безвременья? Ведь одно время, ранней осенью прошлого года, когда еще действовала инерция августовской победы, безвозвратно упущено, а другое, когда могут сказаться благотворные результаты начатых реформ, еще не наступило. Ориентировать при таких обстоятельствах общество на скорейшее проведение выборов можно лишь в том случае, если не задумываться всерьез об их вероятных результатах.

Во-первых, референдум, в особенности если на него будет вынесен так называемый «президентский» вариант Конституции и выборы в сложившихся условиях дадут новые импульсы центробежным силам в России. Перспектива утверждения «президентской республики» едва ли вызовет прилив энтузиазма в бывших автономиях, еще не вкусивших горькие плоды сепаратизма. Многие из них, не только Татарстан и Чечня, референдум, а за ним и выборы в российский парламент, скорее всего, вообще проводить не станут либо проведут их так, чтобы результаты были объявлены недействительными.

Во-вторых, даже в краях и областях с преобладанием русского населения выборы не везде дадут новому парламенту необходимую легитимацию. Это весьма вероятно, так как задавленные свалившимися на них бедами и разуверившиеся в продуктивности политической борьбы люди во многих местах на выборы просто не придут. Если сохранится нынешняя избирательная система, то многие округа не будут представлены в парламенте. Конечно, можно понизить порог явки избирателей и заменить мажоритарную избирательную систему пропорциональной, но такого закона у нас пока нет, как нет и развитой партийно-политической инфраструктуры, и даже в лучшем варианте на законодательное утверждение нового порядка выборов потребуется время.

В-третьих, и это, может быть, главное, не существует серьезных оснований надеяться, что избранный с сегодня на завтра

парламент будет лучше по политической ориентации и профессиональной квалификации. Существующий Съезд — зеркало нашего общества. Оно смотрит и отшатывается, не отдавая отчета в том, что видит самого себя. Мне возразят: этот Съезд — вчерашний день общества, «свет далеких звезд», ибо за истекшие с момента выборов два года мы прошли длинный путь. Не спорю, путь длинен, но едва ли тот его отрезок, на котором мы сейчас оказались, — самое подходящее место для развертывания электоральных баталий.

Далеко не все свои позиции утратила в провинции старая номенклатура. Голосование ее представителей на ряде Съездов по вопросу о частной собственности на землю выразило не только их корыстные клановые интересы, но и предпочтения значительной части избравших их людей.

Этого не хотят принимать во внимание те демократические политики, которые видят в отказе нескольких сот депутатов ввести частную собственность на землю немедленно и в полном объеме непререкаемый аргумент за разгон Съезда или по меньшей мере основание для проведения референдума, ограниченного одним вопросом — о неурезанном праве частной собственности на землю. Сломить такое сопротивление референдумом, может быть, и заманчивая идея, но следовало бы просчитать, например, что мы будем делать, если желаемое решение будет принято против воли большинства сельского населения...

Следует учитывать, далее, что не только в провинции, но и в столицах прежнее противостояние демократов и консерваторов все более замещается соперничеством старой и новой номенклатуры, имеющей «демократическую» окраску, выдвинувшейся под демократическими лозунгами, но с весьма отдаленным отношением к подлинной демократии и не менее чуждой интересам своих избирателей, чем ее коммунистические предшественники. Вопреки утвердившимся представлениям демократы не находятся у власти — они лишь обрели некоторые по-

зиции влияния на власть. Но ответственность за резкое ухудшение условий жизни людей, и не без оснований, они все будут нести вместе с властью. Если к этому добавить явный кризис демократических партий и организаций — многочисленные расколы, перебежки, соперничество, столкновение личных амбиций, популистские трансформации, — то перспективы демократов на выборах, проведенных до экономической стабилизации, плоды которой едва ли скажутся до истечения срока полномочий нынешнего парламента, вовсе не представляются заманчивыми.

На выборах 1989—1990 гг. люди голосовали не столько «за», сколько «против», против старой, надоевшей, растерявшей свой авторитет власти. На ближайших выборах, если они состоятся, значительная часть избирателей проголосует против тех, кто не успел, не захотел, не смог оправдать их надежды. На прошлых выборах оппозиция старой власти разворачивалась под демократическими лозунгами. На будущих выборах скорее всего будут доминировать лозунги национально-государственные и популистские. Я не предвижу большого политического будущего, скажем, лично для Жириновского, но бессовестные демагоги — государственники, националисты и популисты его стиля — могут занять многие места бывших партократов и потеснить пеструю демократическую коалицию.

Кому это нужно? <...> Возникает вопрос: отдают ли себе отчет люди, разворачивающие кампанию против Съезда, в вероятных и не слишком отдаленных последствиях своих действий? Наверное, в действиях многих из них присутствует и элементарный просчет, кого-то подхватил и несет азарт противостояния. Но все-таки главное — нарастающая дифференциация интересов социально-политических сил, которые объединял в недавнем прошлом демократический блок.

Антисъездовская установка объединила сегодня — и противопоставила другой части демократов, а не только сохраняю-

щей серьезные позиции в парламенте консервативной части депутатского корпуса, — по меньшей мере три силы.

Первая — это влиятельные политики раннеперестроечного призыва, утратившие важную часть своих позиций после крушения союзных структур. Их лидеров не удовлетворяют локальные масштабы деятельности. Они рассчитывают занять подобающее место в новом российском парламенте и добиться прямого представительства в нем таких политических новообразований, как Движение демократических реформ в обоих его ответвлениях, которые пока этого представительства лишены. Демарш с конституционным проектом Собчака перед VI Съездом — одна их акция, участие в подготовке референдума — следующая⁴.

Вторая — радикалы, специализация которых — организация массовых кампаний и демонстраций. Неоценимы их заслуги в прошлом, когда общество было четко поляризовано и стенка шла на стенку. Сотни тысяч людей, вышедших на улицы наших городов в январе—марте и в августе 1991 г., защитили страну от реванша реакционных сил. Выборы — это поприще, на котором такие организации, как Координационный совет движения «Демократическая Россия» в его нынешнем составе, могут, действуя привычными средствами, наилучшим образом проявить свои возможности, оправдать свое существование в качестве мобилизационных институтов. Средство трансформируется в цель, инструмент — в целеполагающее устройство.

Третья — самая серьезная и влиятельная — истеблишмент, сформировавшийся в аппаратах исполнительной власти из демократов, партократов и людей без политического рода и племени. Представительные учреждения в их сегодняшнем виде такие люди рассматривают (не без некоторых оснований) как досадную помеху в своей работе и рассчитывают, что вновь избранный парламент либо будет более сговорчив (это, на мой взгляд, ошибка), либо будет сформирован не скоро (что вполне вероятно).

Всем им для оправдания своего бытия, собственных промахов, для расширения влияния позарез нужны новые победы, хотя

бы и призрачные. Именно из этих кругов исходят призывы к разгону Съезда, проведению референдумов, выборам Учредительного собрания и т. д.

Кризис или агония? Кризис, к которому пришел российский парламент и который вызвал серьезные напряжения вокруг него, — лишь одно из проявлений общего глубокого политического кризиса. Судорожные движения, призванные как-то разрешить его, могут иметь разные исходы.

В принципе в досрочных парламентских выборах, в приведении состава депутатского корпуса в соответствие с новым раскладом сил в обществе нет ничего плохого. Во многих демократических странах правящие партии внимательно следят за политической конъюнктурой и стараются провести выборы в наиболее благоприятный для себя момент. Но в России речь идет не о конъюнктуре, а о мощном сдвиге социальных пластов, который только начался. Беда в том, что здесь не существует пока ни конституционных норм роспуска Съезда и структуры будущего парламента, ни удовлетворительного избирательного закона, ни партийно-политической инфраструктуры, обеспечивающей проведение выборов на демократической основе. Ростки парламентаризма на российской почве еще очень слабы. <...> Убрать, хотя бы на некоторое время, с политической сцены парламент, хотя бы и крайне несовершенный, оставить исполнительную власть наедине с собой означало бы пойти на риск значительно больший, чем риск вотума недоверия прогрессивному правительству. Насильственное удаление данного Съезда нанесло бы серьезный удар не только по его нынешнему составу (в известной мере он заслужил это), но и по перспективам российского парламентаризма.

Выдвигается подчас и паллиативное предложение: упразднить Съезд, но оставить пока Верховный Совет. В нем есть некоторые резоны, так как Верховный Совет от Съезда отличается хотя и не очень высоким, но все же постепенно благоприоб-

ретаемым профессионализмом. Но это решение мне кажется несправедливым по отношению к большинству депутатов, получивших от избирателей такой же мандат, что и члены Верховного Совета, и весьма опасным, ибо Верховный Совет легитимен лишь до тех пор, пока существует Съезд. Он не выдержит давления антипарламентских сил, которые немедленно станут развивать свой успех: достаточно вспомнить судьбу Верховного Совета СССР.

В сложившихся условиях кампания за референдум может привести к дальнейшему нагнетанию борьбы между исполнительной и законодательной властями, в результате чего либо они обе, обессилив друг друга, будут сметены в нынешнем составе «третьей силой» (вызревшей то ли на улицах и площадях, то ли в «силовых» министерствах), либо, не имея внушительных противовесов, ныне существующая исполнительная власть пойдет по пути авторитарного вырождения, частичной замены некоторых ключевых фигур в составе прогрессивного правительства и переориентации курса. Причем эта переориентация может совершаться исходя из лучших намерений, однако известно, что именно такими намерениями «вымощена дорога в ад». Какой-то вариант подобного развития событий представляется достаточно вероятным, и тогда не столь уж важно, соберется ли еще раз либо два наш Съезд или в апреле 1992 г. он пропел свою лебединую песнь.

Означает ли все это, что инструмент референдума ни при каких условиях не может быть использован для проведения досрочных парламентских выборов? Отнюдь нет. Но все дело в том, что представления о тормозящей роли нынешнего Съезда, хотя и имеют под собой определенные основания, сильно преувеличены. На мой взгляд, нет доказательств, что данный парламент, хотя его абсурдная конструкция представляет достойный плод аппаратной фантазии прежних правителей, полностью исчерпал свой полезный потенциал и стал неодолимой преградой на пути реформ. При всех дефектах он выполняет также и роль необходимого противовеса исполнительной власти.

Реформы блокирует не столько отказ Съезда изменить те или иные законы, сколько «сопротивление материала» в широком смысле, всей инертной социальной среды, а также наше собственное незнание и неумение проводить реформу, неадекватность ее задачам не только законодательных, но и исполнительных и судебных органов в центре и на местах. Изображая парламент главным препятствием на пути реформы, мы создаем иллюзию простого решения там, где простых решений нет. Серьезным политикам не следует заниматься безответственными играми: блефовать, ставить «на кон» все свое достояние, грозить партнеру референдумом, не зная, во что он может вылиться в стране, в одночасье впавшей в нищету, в атмосфере, накаленной страхом и ненавистью.

Однако нет, может быть, худа без добра. Усилившееся давление, если только не перегибать палку и не допустить, чтобы ход событий вырвался из-под контроля, способно побудить депутатский корпус ускорить назревшие реформы и, в частности, реформу самого парламента еще до следующих выборов. Следовало бы передать значительную часть функций от Съезда к Верховному Совету, изменить принципы формирования последнего, вовлечь в него конструктивные силы, сделать его более работоспособным, покончить с бездумной растратой времени на политические декларации рекламного типа. Сумеет ли нынешний депутатский корпус осознать, сколь опасны судороги на глубокой воде, и начать переход от вече к настоящему парламенту? Не знаю. Но, быть может, это последний шанс для российской демократии на пороге XXI века.

ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ АВГУСТА ⁵

Одно из самых поразительных событий не только прошедшего года, но в всей современной истории — быстрота, с которой рухнула, рассыпалась, разбежалась многомиллионная «партия нового типа». Напрашивается аналогия: столь же быстрое крушение трехсотлетней романовской монархии, причитания по

которой в последнее время стали заглушать голоса немногочисленных плакальщиков по КПСС. Собственно, у ортодоксальных коммунистических «партий», «союзов» и иных группировок шансов на возрождение еще меньше, чем у монархической белой гвардии. Густая тень зловещего семидесятилетнего эксперимента плотно накрыла в России социалистическую идею, которая, будем справедливы, внесла свой вклад в мировую цивилизацию. В стране медленно, трудно, в чем-то даже извращенно стал заявлять о себе процесс становления многопартийной политической системы.

Расстановка политических сил. В нормальных условиях в гражданском обществе партии выражают различные социальные интересы. У нас еще нет ни гражданского общества с его многообразной структурой, ни оформившихся и осознанных интересов. Партии или, точнее, протопартии создаются поэтому в значительной мере вокруг символов, лозунгов, лидеров. Тем не менее среди многих десятков объявивших о себе и мало кому известных партий формируются три политических течения. Они различаются в основном по отношению к структурам российской государственной власти (к разным структурам — разное отношение), к экономической реформе, к национально-государственному устройству России и ее месту в мире.

Непримиримую оппозицию Б. Ельцину, его правительству, демократическим организациям <...> образует странное сообщество ортодоксальных коммунистов и национал-патриотов, причем в идеологии и пропаганде агрессивной оппозиции крайние национал-патриотического крыла явно преобладают над крайними крыла коммунистического.

Идеология коммунизма, как я полагаю, в нашей стране мертва. В национал-коммунистическом блоке убежденные коммунисты (если такие там еще сохранились) играют и будут играть подчиненную роль. На летних демонстрациях перед «Останкино» преобладали не портреты Ленина и Сталина, а

шовинистические, имперские, антисемитские лозунги. Но когда возникла проблема, которая касается только коммунистов, а не национал-патриотов, — слушание по иску КПСС к президенту в Конституционном суде, то практически даже жиденькую демонстрацию протеста обиженная сторона организовать не смогла. В первый день возле здания суда собралась жалкая кучка людей. В большой Москве — лишь несколько десятков человек, подписывающих петиции, — это ли не приговор компартии?

Иное дело — патриотические движения. Я с большим уважением отношусь к патриотическим чувствам и отнюдь не считаю, что Советский Союз был исключительно «империей зла». Распад его для меня стал не только политической, но и личной трагедией. Однако убежден, что пытаться изменить создавшееся положение силой, утверждать право России вмешиваться во внутренние дела бывших союзных республик, под какими бы благовидными предлогами это ни предлагалось, спекулировать на патриотических чувствах — дело неблагодарное и неблагодарное. Тем более что на фланге этого движения присутствуют лидеры и организации вроде издателей фашистского листка «Русское воскресение».

Здесь необходимо объяснить. В национал-патриотической оппозиции рядом со Стерлиговым и бывшими писателями, непостижимым образом ставшими во главе «Русского собора», присутствуют деятели, не вышедшие еще за рамки цивилизованного политического спектра. Сегодняшние национал-патриоты — это бывшие коммунисты, бывшие антикоммунисты и бывшие демократы. В первую очередь это относится к лидерам кадетов и христианских демократов, известных не принадлежностью к карликовым партиям, о которых мало кто знает, а речами от микрофонов в парламенте. С одним из них, М. Астафьевым, я активно сотрудничал в академической кампании 1989 г. за избрание депутатов по «сахаровскому списку» в противовес официальным кандидатам Президиума Академии наук. В 1990 г. Астафьев победил на выборах человека с одиозной славой —

С. Куняева, который выступал под шовинистическими и анти-демократическими лозунгами. Сегодня Куняев, если бы у него хватило широты, мог бы поздравить своего бывшего противника, ибо Астафьев и его новые друзья все более склонны к переходу именно на куняевские позиции.

Впрочем, некоммунистические образования вроде ОФТ, «Трудовой Москвы» и подобных им организаций вносят в этот блок свой вклад в виде заряда социальных требований. Не коммунистическое светлое будущее, а социальные лозунги — их козырная карта. Они играют как на объективных трудностях перехода, так и на просчетах социально-экономической политики правительства.

Мы недооцениваем подчас силы ностальгических образов, отбирающих из прошлого светлые или просто тешащие самолюбие людей картинки. Они сияют холодным светом, особенно во времена нестабильности, слома привычного образа жизни и привычных представлений. Люди вспоминают не ГУЛАГ и не беспаспортное бесправие половины населения, а величие государства, порядок и снижение цен.

Это не исключительно российское явление. Очень давно нечто подобное я читал у польского журналиста Мариана Брандыса. Он работал в Италии в первые послевоенные годы, когда страна была разорена и превращение ее в первоклассное европейское государство было впереди. Брандыс жил в итальянской семье, снимал комнату с пансионом и описал свои наблюдения. Мне запомнился один эпизод. Молодая женщина баюкает ребенка. Жизнь ее много труднее, чем была прежде. Ее муж, кажется, погиб или ушел от нее. Семья потеряла прежний достаток. Для нее прежние времена — ушедшая сказка. Брандыс вдруг замечает, что, баюкая ребенка, она напевает фашистский гимн. Он для нее — символ былых, лучших времен⁶.

Прошрое несытое, но гарантированное и устойчивое существование соседствует в воспоминаниях рядом с величием и могуществом государства. «Социальная справедливость», истол-

кованная в духе всеобщего уравнивания, соседствует рядом с идеологическим комплексом, символом которого у национал-патриотов выступает «держава».

Конечно, восстановить Союз силой никому не удастся: не те времена. Возрождение союзного государства, если ему суждено осуществиться, возможно только на добровольной основе. Возня вокруг Крыма, Черноморского флота, которую с обеих сторон подогревают экстремисты, с моей точки зрения, только отдаляет возможное — конечно, на иной основе — воссоединение Украины с Россией. Я уже не говорю о том, что ни у национал-патриотов, ни у неокommunistов, конечно же, нет никакой позитивной экономической программы. Это исключительно какие-то обрывки из концепции планово-распределительного рая, одобренные демагогией, вроде памятного обещания ГКЧП поднять зарплату и снизить цены.

И все же течение, включившее в свой поток идеологически разнородные части, имеет в нашей стране определенное будущее. Его сторонники будут получать голоса на выборах и, что особенно важно, будут иметь определенную поддержку в «силовых» структурах: армии, органах безопасности и внутренних дел.

Это в моих глазах — основной противник продвижения России по пути демократии, цивилизации, реформы, вхождения в мировое сообщество. И поэтому, если демократы не будут тверды в проведении своей политики, если они будут, с одной стороны, заигрывать с лозунгами национал-патриотов (проталкиваться, к примеру, в первые ряды борцов за «исконно русские» Курилы)⁷, а с другой стороны, не будут решать те социальные проблемы, которые эксплуатируют неокommunisty, то эта опасность будет расти.

Активизация агрессивной оппозиции происходила на фоне ослабления демократических организаций, многочисленных расколов в них, взаимных обвинений лидеров и, следует подчеркнуть особо, известного дистанцирования структур госу-

дарственной власти, прежде всего ряда звеньев президентской администрации, от политической базы, ковавшей победу. <...>

Некоторые шаги, предпринятые в начале лета 1992 г. (Форум демократических сил, создание Объединения в поддержку демократии и реформ, выход на более постоянные контакты с президентом), вселяют кое-какие надежды. Главное, однако, не дать этим процессам уйти в песок.

Прошедший год ознаменовался также выходом на политическую арену еще одной, третьей силы: заявивших о себе предпринимательских кругов, директорского корпуса, местной администрации и ориентирующихся на них групп интеллигенции. Если большинство демократических организаций более или менее определенно заявило о поддержке экономического курса «правительства реформ» и его внешней политики, то образовавшие «Гражданский союз» партии Травкина, Руцкого и Вольского ищут формулу «конструктивной оппозиции».

Многие демократы по понятным причинам относятся к этим лидерам и политическим организациям достаточно сдержанно. Я тоже имею серьезные оговорки и возражения против ряда деклараций и заявлений, с которыми выступают их лидеры и партии в целом. Тем не менее думаю, что эта сила в основе своей конструктивна, и демократы должны быть готовы к сотрудничеству с ней. Не исключено, что это будет блок партий, который займет весьма влиятельные позиции у власти завтра то ли в результате выборов, то ли на основе соглашения президента с частью нынешнего парламента.

Я бы предпочел, разумеется, чтобы решающее влияние на власть оказывали демократы. Но и приход к власти либо, скажем, раздел власти с этим центристским (или, точнее, правоцентристским) блоком, на мой взгляд, сохранил бы возможность движения вперед, когда в России совершится неизбежный переход от правительства специалистов, назначаемых по выбору президента, к правительству политических партий, опирающемуся на парламентское большинство. Во всяком случае, это не

повлекло бы за собой такую катастрофу, как переход власти в руки агрессивной оппозиции во главе с некоторыми нашими парламентскими ораторами, поторопившимися объявить о своих президентских амбициях, а за стенами парламента — лихими генералами, выступающими с провокационными политическими суждениями⁸.

Кого представляют фракции? Как видно из всего сказанного выше, расстановка политических сил в обществе чем дальше, тем больше отклоняется от расстановки сил в парламенте, хотя и там она не остается неизменной. На то есть по меньшей мере две причины. Первая и главная заключается в том, что парламент был избран два с половиной года назад, а это колоссальный срок, в особенности в период революционных, по сути дела, изменений. Парламент, избранный тогда, не может отражать изменения, которые происходят сегодня, начавшийся процесс партийного размежевания, хотя, разумеется, партийно-политическая система находится только в начале своего становления.

Вторая причина в том, что выборы в парламент проходили по избирательному закону, который, хотя он и был на голову или даже на две выше того закона, по которому избирался союзный парламент в 1989 г., все же нельзя считать вполне демократическим. Выборы происходили не на партийной, а на личной основе. Когда баллотировались тысячи не известных людям кандидатов, колоссальное значение приобретали случайные обстоятельства: умение выступать, показать себя, острота тех или иных постановок. В других случаях успех обеспечивали старые связи номенклатуры, которая, в особенности в сельских районах, уверенно проводила своих кандидатов.

Сочетание этих двух обстоятельств дало чрезвычайно пестрый состав парламента, в котором многие депутаты стали самоопределяться уже после выборов. <...>

Фракции, возникшие рядом или выделившиеся из двух исходных блоков, со временем приобретали самостоятельную

роль. Благодаря им происходило политическое структурирование парламента. Следует, однако, иметь в виду, что за большинством существующих у нас фракций (а их число ныне достигло полутора десятков), как правило, непосредственно не стоят какие-то определенные партии или общественные объединения. Возьмем «Рабочий союз». Было бы естественно, если бы он опирался на профсоюзы. Но этого, насколько мне известно, нет: фракция объединяет представленных в парламенте рабочих, да и то не всех. С другой стороны, партии или осколки, которые именуют себя партиями, как правило, не имеют сколько-нибудь заметного представительства в парламенте. Поэтому наши фракции — образования с весьма размытыми краями, текучим составом и политическими позициями, которые далеко не во всем разделяются всеми их членами. Хотя по регламенту Съезда во фракции полагается иметь полсотни депутатов, практически в каждой из них значительно меньшее число активно работающих людей. Кроме того, примерно треть депутатов Съезда вообще не принадлежит ни к каким фракциям. Таким образом, их формирование в парламенте у нас еще не завершено, как и формирование партий в обществе.

Усложнение политической структуры парламента не просто отражает процессы, происходящие вне его, но и оказывает обратное влияние. Некоторые политические фракции становятся центром притяжения близких им сил, своего рода ядрами, вокруг которых идет кристаллизация будущих партий. <...>

Необходимо подчеркнуть, что активисты всех фракций, даже вместе взятые, составляют меньшинство парламента. Фракции сформировались внутри парламента более или менее произвольно, не имея проекции на партийно-политическую структуру в стране, и поэтому их состав во многом определялся не политическими, а профессиональными, личными и иными связями. И хотя, в общем, большинство фракций имеет свое политическое лицо, границы между некоторыми из них достаточно условны, позиции по конкретным вопросам изменчивы, дисциплины голо-

сования нет. В этих условиях непропорционально большую роль играет председатель Верховного Совета как дирижер заседаний. Надо сказать, он мастерски усвоил некоторые простые приемы и в ряде случаев может проводить решения, которые считает нужными, манипулируя голосами депутатов, по тем или иным причинам не вникших в существо вопроса, который поставлен в удобный момент на голосование. Характерным примером является принятое под занавес четвертой сессии Верховного Совета решение о газете «Известия». Решение, на мой взгляд, абсолютно незаконное и подрывающее авторитет парламента⁹. Конечно, политическая борьба в стране не может не находить отражения в парламентских дебатах. Увы, слишком часто места у микрофонов на заседаниях Верховного Совета, и в особенности Съезда, становились подмостками для политических деклараций, которые не давали и не могли дать никакого иного эффекта, кроме демонстрации перед всей страной жаждущих популярности ораторов. Разумеется, политические дискуссии в парламенте необходимы, но они слишком часто шли в ущерб законодательной работе. Высший представительный орган обязан прежде всего выполнять свои прямые функции независимо от политических симпатий и антипатий парламентариев, И здесь на первый план выходят профессионализм, стремление искать точки соприкосновения, возможность сотрудничества даже удаленных друг от друга сил и готовность находить приемлемые для большинства решения.

Я хотел бы надеяться, что на ближайшем Съезде удастся провести давно назревшую реформу парламента, которая, не посягая на срок полномочий избранных депутатов, расширит права и численный состав его постоянно действующего органа — Верховного Совета.

«Уходит ли “Демократическая Россия”?»¹⁰

«Демократическая Россия» была ядром коалиции и имела немало возможностей стать лидирующей политической силой.

Этого не произошло, на мой взгляд, скорее по субъективным, чем по объективным причинам. Сыграли свою роль многочисленные расколы, дефицит ответственности, неумные амбиции некоторых вождей, кризис лидерства, поведение яркой плеяды идеологов и публицистов, оказавшихся в плену звонкой обличительной фразы. На политическую арену выходят совсем новые игроки...

Коалиция сил, противостоявших коммунистическому государству и его номенклатуре, в августе получила свой главный приз — власть. Сумела ли она властью распорядиться? Любой однозначный ответ был бы неверен.

Да, сумела. Потому что начала наконец социально-экономическую реформу, покончила с вихляющим политическим курсом, который, как говорил Анатолий Лукьянов, должен был убаготворить и консервативные, и радикальные круги нашего общества (и не удовлетворял никого), подвела черту — надеюсь, окончательно — под коммунистическим, абсолютным вариантом тоталитарного режима, непревзойденным по долгожитию в XX веке.

Нет, не сумела. Потому что не предотвратила нарастания социального напряжения, не смогла продвинуть реформу так далеко, чтобы возврат отдельных элементов планово-распределительной системы и диктатуры в коммунистическом оформлении стал невозможен. Вообще возвращение с тупикового пути на историческую магистраль происходит так мучительно, что только ленивый или предельно ангажированный не предъявляет счет президенту, правительству, демократам.

На то существуют веские причины: разнородность победившей коалиции и ограниченность ее возможностей, вытекавшая как из ее собственных качеств, так и из сопротивления материала, или, точнее, вязкости той социальной среды, которую она была призвана преобразовать. Многое, конечно, досталось в наследство от прошлых лет. Но и в перестроечный период реформаторам из руководства КПСС не хватило решимости и понимания вещей, а демократам, приступившим к формированию

оппозиционного фронта, — мудрости, чтобы направить ход событий в иное русло. Не удалось, своевременно расколов КПСС, создать влиятельную и культурную социал-демократию (как это произошло в ряде стран Восточной Европы) и провести главную линию фронта не левее, а правее Горбачева и ориентированных на него сил. В результате углубилась резкая поляризация вокруг двух — увы, только двух — центров, которая стала неиссякаемым источником социального ожесточения и дестабилизации. Не удалось сохранить Союз хотя бы в виде конфедерации. Неосторожное обращение с острым оружием суверенитета подтолкнуло цепную реакцию распада. Решающий удар по Союзу нанесли, конечно, гэкачеписты. Но и демократам следовало бы понять, что Союз был не только репрессивной империей, и взять на себя долю ответственности...

Коренная смена всех вех — экономических, политических, идеологических — была легитимирована не выборами, а августовской победой. В нормальных условиях демократического развития победившая партия или блок партий получают парламентское большинство на выборах, формируют правительство из своих лидеров и экспертов и приступают к реализации собственной программы. Ничего подобного у нас не было.

Революционный характер преобразований нельзя было всецело уложить в рамки конституционной законности, строгое соблюдение которой было написано на знамени победителей. Уже одно это противоречие не могло не стать источником нарастающей напряженности.

Парламентское большинство, поддержавшее августовские декреты Бориса Ельцина, оказалось эфемерным. В депутатском корпусе заметное влияние приобрела группа перебежчиков из демократического лагеря, воссоединившаяся с национал-патриотами и наиболее ортодоксальными коммунистами.

Теперь все чаще звучит пароль, объединяющий новую оппозицию: словечко «держава», когда-то в едином порыве поднявшее на ноги почти весь союзный депутатский корпус на demonstra-

цию против Андрея Сахарова. К сожалению, восприимчивыми к этому поветрию оказываются и некоторые демократы — «перехватчики» чужого знамени.

Законодательное обеспечение реформы нельзя признать вполне адекватным и своевременным, а поведение парламента в острых ситуациях и вовсе непредсказуемо.

Правительство пришлось формировать на марше. Выбор и перемещения ключевых фигур носили довольно случайный и субъективный характер. Исполнительная власть разделена между правительством, лицо которого определяет группа смелых молодых ученых-экономистов, и собственно президентской администрацией, рекрутированной преимущественно из второго и третьего эшелонов старого аппарата. Вне демократического контроля остаются и «силовые министерства»; личное доверие, президента к их руководителям не представляется достаточной гарантией лояльного поведения этих мощных структур в возможных критических ситуациях.

Не возник и достаточно авторитетный и эффективный мозговой центр такого типа, на который опираются, например, американские президенты со времен Рузвельта. Консультативный совет при президенте носит в основном декоративный характер. Поэтому ни к Августу, ни после него не было целостной программы преобразований, а их реализация осуществлялась спазматически.

При таких обстоятельствах преобразование социально-экономического строя в распавшемся государстве оказалось делом значительно более сложным, чем это представлялось демократам в Августе и до него. Синдром оппозиции прочно укоренился в нашем сознании: если дело не идет, повинны враги. Конечно, директорское лобби, социалистические феодалы, окопавшаяся во многих местах бюрократия вносили и продолжают вносить свой вклад в торможение и искажение реформы. Противоречивую роль сыграл парламент, искусно манипулируемый своим председателем.

Но иного, собственно, и нельзя было ожидать. Реформа такого масштаба, какая начата в России, может быть успешной, если реформаторы учитывают различие и многообразие интересов в обществе. Это не значит, что реформу надо укоротить и замедлить. Но она должна опираться на адекватную социальную и — в особенности пока не сформировалось гражданское общество и не оформились новые интересы — политическую базу. Эта база видится мне как союз, пусть временный, двух главных составляющих.

«Демократическая Россия» волею обстоятельств создавалась как механизм проведения уличных манифестаций, мобилизации политического актива общества на акции гражданского мужества. С этой задачей она справилась блестяще. Без мощных демонстраций января—марта 1991 г. не было бы августовской победы. Даже сегодня, когда на демократов извергаются потоки хулы, «Демократическая Россия» проводит более внушительные демонстрации, чем это в состоянии сделать «Трудовая Россия» или национал-патриоты.

Недостает же «Демократической России» универсализма, желания и умения стать партией или по крайней мере протопартией, объединяющей и дисциплинирующей всех, кто стоит на позициях действительно радикальной реформы и политической демократии, кто решительно отвергает сладкие сказки о благодетельной роли «рыночного» авторитаризма. Нельзя сказать, что попытки создания массовой политической партии не предпринимались. Но беда в том, что они шли враздробь. Напор и личное обаяние Травкина, энергия и вездесущность Румянцева, методичность Лысенко, к сожалению, не объединяли, а разъединяли.

Создание сильной партии (или для начала межпартийного объединения) последовательно демократической ориентации — только половина дела. Эта партия должна найти свое место в политической жизни и определить своих союзников.

Подготовка к выборам 1995—1996 гг. (а в местные органы — еще раньше) уже началась. На политическую арену вы-

ходит еще одна сила, тоже внутренне разнородная, но опирающаяся на внушительную материальную базу и проявившая волю к организации. Речь идет «Гражданском союзе» и составляющих его силах. Я не думаю, что естественный процесс формирования «третьей силы» должен тревожить демократов. Директора директорам рознь. Все дело в том, на какой фланг их политическое представительство будет опираться: на «людей Вольского», стоящих на собственных ногах, или на «людей Гехта»¹¹, настойчиво требующих благодеяний от государства.

Прошло, надеюсь, время, когда российское общество было разделено на две противоборствующие коалиции, каждая из которых, добиваясь победы, вербовала сторонников на своем крайнем фланге, заостря лозунги противостояния. Завтра определять положение будут те силы, которые займут доминирующее положение в центре политического спектра, обеспечат широкую социальную поддержку выполнимой, а не пропагандистской программе, сумеют дистанцироваться от «бешеных» справа и слева, от звериного национализма и пещерного антикоммунизма.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Натиск оппозиции

Решения, принятые на VI СНД, не удовлетворили ни одну из противоборствующих сил. Оппозиция довольно быстро уяснила, что, хотя на Съезде у нее был известный перевес, главного добиться не удалось. Жесткое постановление Съезда по экономической реформе как будто бы набросило удавку на правительство, однако не дало его противникам ни контроля над деятельностью министров, ни кадровых рычагов. Атака захлебнулась, но тем не менее амбициозная цель — подчинить правительство Верховному Совету — все еще казалась лидерам оппозиционного блока достижимой: надо лишь настойчиво развивать успех.

Противники президента и правительства, правда, переоценивают свои возможности, полагая, будто соотношение сил уже изменилось в их пользу не только в парламенте, но и в обществе: ведь теперь им, а не только демократам, удастся выводить людей на улицу. Их демонстрации немногочудны, но агрессивны и каждый раз дают вождям и идеологам оппозиции повод апеллировать к обществу с воинственными призывами¹².

Не располагая «приводными ремнями» — сетью общественных организаций в стране (если не считать начавших оправляться после Августа приверженцев компартии, распущенной указами президента), лидеры оппозиции занялись строительством верхнего эшелона собственной политической структуры. Был создан политсовет объединенной «лево-правой» оппозиции. В конце июня он предъявил 10 требований президенту и правительству. Внушая своим сторонникам фантазии, будто бы «режим Ельцина в нынешнем его виде доживает последние месяцы или даже недели», что «агония режима... уже началась», оппозиция объявила, что ее непосредственная и близкая цель — смена власти. На первом месте среди ее требований стояли «отставка правительства Ельцина — Гайдара», лишение президента дополнительных полномочий, предоставленных V Съездом, отказ от всякого вмешательства в экономику, «формирование правительства народного доверия», располагающего чрезвычайными полномочиями. Вслед за этими, как видим, далеко не слабыми притязаниями, следовали пункты, предусматривавшие кардинальный пересмотр всей политики. Экономической: «отмена антинародной программы приватизации» (одобренной, кстати, Верховным Советом), защита госсектора, колхозов и совхозов, запрет на продажу земли иностранцам и т. д. Внешней и оборонной: «проведение подлинно национальной внешней политики», «прекращение одностороннего разоружения и развала армии». Информационной: предоставление трети времени на радио и телевидении «для выражения взглядов оппозиции» (что вообще-то было уже излишеством: осуществление всех осталь-

ных требований означало бы, что власть переходит в руки оппозиции)¹³.

Воображали ли лидеры оппозиции, что власть уже находится от них на расстоянии вытянутой руки, или же сознательно вели игру на повышение ставок — не столь важно. Они решительно отклоняли примирительные жесты исполнительной власти и нагнетали истерию, в атмосфере которой, как они рассчитывали, легче будет мобилизовать под свои знамена всех, кого реформы выбивали из привычной колеи. В сентябре была опубликована Политическая декларация «левой» и «правой» оппозиции. Цветистая риторика в концентрированном виде воспроизводила все то, что говорилось на митингах и собраниях оппозиционеров — от клише «оккупационный режим», которое теперь надолго войдет в политический вокабуляр, до угроз гражданской войны и несбыточных обещаний стабилизировать цены и восстановить «определенную Конституцией СССР территориальную целостность страны». Но замечателен этот документ был не столько известными клише, сколько перечнем подписавших его лиц. Среди них были сравнительно респектабельные лидеры парламентской оппозиции Сергей Бабурин, Владимир Исаков и Светлана Горячева, вчерашние демократы Михаил Астафьев и Илья Константинов, бывшие союзные депутаты — антигорбачевцы Виктор Алкснис, Александр Крайко и Сажо Умалатова, председатель бог весть кем и как сформированной «Комиссии по расследованию антиконституционной, антигосударственной деятельности М. С. Горбачева» Виктор Илюхин, представленный как председатель Совета народно-патриотических сил России и сопредседатель Думы Русского национального собора Геннадий Зюганов, сопредседатель той же Думы, чуть ранее открыто ратовавший за военную диктатуру Александр Стерлигов, известный коммунистический публицист Ричард Косолапов, писатели национал-шовинисты Станислав Куняев и Александр Проханов, а также люди, отличившиеся вскоре на совсем уж уголовной ниве: генерал Альберт Макашов, предводитель одной из «диван-

ных» партий, вскоре аннигилировавшейся, провокатор Николай Лысенко, боевик Станислав Терехов и др.¹⁴

Даже самое беглое ознакомление с этим списком, в основном коричневого и желтого окраса, недвусмысленно предвещало, что могло бы ожидать страну, вырви эта оппозиция власть у «антинародного режима Ельцина», как бы кто критически к нему ни относился. Вслед за тем был образован оргкомитет по созданию так называемого Фронта национального спасения (ФНС), выступивший с аналогичными призывами. Помимо большинства вышеназванных деятелей его состав украсили еще несколько российских депутатов (Сергей Михайлов, Юрий Сидоренко, Аман Тулеев, Михаил Челноков и др.), а также неизвестно почему выпавший из первого списка редактор «Советской России» Валентин Чикин, писатель Валентин Распутин и академик Игорь Шафаревич¹⁵. Страна должна помнить своих «героев», часть которых ныне незаслуженно позабыта.

Выступая на публике, оппозиция громко заявляла свою цель: удалить от власти правительство, а если удастся — и президента. В Верховном Совете она решала локальные задачи. Основная атака была развернута против экономической реформы. Существенно продвинуться на этом направлении не удалось. Когда правительство, выполняя решение VI Съезда, представило Программу углубления экономических реформ, обсуждение закончилось вничью: Верховный Совет постановил принять доклад Гайдара о проекте программы к сведению и рекомендовать провести его дальнейшее обсуждение¹⁶. Но каждый новый законопроект по реализации этой программы депутаты оппозиции встречали скандалом. Отвергалась, впрочем, не только социально-экономическая политика правительства. Президенту и правительству приходилось решать действительно сложные вопросы в самых различных сферах государственной жизни: война в Югославии, проблема Южных Курил, распад Грузии и статус Приднестровской республики, судьба Черноморского флота, неконтролируемые процессы в армии и крушение ВПК, перемещение культурных ценностей и

многое другое. Ответы на эти вопросы, которые давала исполнительная власть, действуя в условиях дефицита времени и ресурсов, не всегда были оптимальными. Но в каждом случае оппозиция предлагала решения arrogantные, не учитывающие реальных возможностей и положения вещей. Чего стоило хотя бы заявление «Российского единства», что подписанное Ельциным вместе с Бушем рамочное соглашение по СНВ — «преступление», и если ВС его ратифицирует, блок РЕ не исключает, что в стране начнется вооруженная борьба за свержение «антирусского, антинародного режима»¹⁷. Осуществимость собственных предложений оппозицию заботила мало. Вносили их в расчете на пропагандистский эффект с единственной целью — дискредитировать власть в глазах населения. Не гнушались и выпадами, совсем уж выходявшими за грань элементарного приличия: так, 15 мая в ВС было предложено обсудить, свидетельствует ли картинка, показанная накануне по ТВ, о «запойном пьянстве» президента¹⁸.

Речи, с которыми выступали оппозиционеры, очень часто находились на уровне кухонной свары. Но из них несложно было вышелушить суть парламентской стратегии оппозиции. 13 ноября ВС, хотя и не уложившись в срок, предписанный VI Съездом, принял закон о правительстве, отклонив при этом поправки президента¹⁹. Это был поразительный документ. Стреляли дуплетом. С одной стороны, правительство было поставлено в полную зависимость от Верховного Совета. Не один лишь премьер, но и все его заместители, а также восемь ключевых министров должны были и назначаться, и освобождаться от должности только с согласия Верховного Совета. Мало того, все прочие министры и председатели госкомитетов подлежали назначению и освобождению после обсуждения их кандидатур в комитетах и комиссиях ВС. Не согласившись с Верховным Советом, президент мог оставить министра в ранге исполняющего обязанности, но лишь на три месяца, а до истечения этого срока обязан был представить другого кандидата. Ничего подобного не знает конституционное законодательство европейских стран —

и полупрезидентской республики во Франции, и парламентских государств. Авторы законопроекта ссылались на США. Но в США существует устойчивая традиция, в соответствии с которой республиканское большинство в сенате не может отказать президенту-демократу (и наоборот) в назначении должностного лица, будь то министр, судья или посол, по политическим мотивам. В законе предусматривалось также, что ВС ежегодно заслушивает отчеты не только председателя правительства, но и министров по вопросам их ведения, и принимает в каждом случае постановления. Это означало, что вопрос о доверии приобретал перманентный характер. В странах, где парламент может отправить в отставку правительство, право это уравновешивается возможностью (хотя и ограниченной, как правило, рядом условий) президента, монарха распустить парламент и назначить новые выборы. Ничего такого, разумеется, наш закон не содержал.

С другой стороны, закон предоставлял правительству самостоятельное право законодательной инициативы. Мы помним, что попытка Павлова заполучить такое право в ВС СССР незадолго до путча спровоцировала скандал. Ведь президент по действовавшей тогда Конституции был главой исполнительной власти. Наделение правительства, наряду с президентом, правом законодательной инициативы означало, что оно теперь может обращаться к парламенту через голову президента. Эта и некоторые другие нормы означали, что, опираясь на ВС, премьер мог стать фигурой, конкурирующей с президентом. Конечно, если правительство удастся противопоставить президенту, но оппозиция рассчитывала, что закон позволит ей поставить правительство под контроль, здесь она вполне могла положиться на Хасбулатова²⁰.

Российские законодатели внесли в закон немало и иных экзотических изобретений. В совокупности это был прямой вызов конституционному принципу разделения властей. Страну обрекали на перманентный правительственный кризис, дезорганизацию

строю?». Откладывать решение, соблюдая все положенные процедуры, Конституционный суд, по мнению его председателя, не мог: слишком велика угроза и напряжена ситуация. Но ведь и президент правомерность своего указа тоже, хотя, по-видимому, и с несколько меньшими основаниями, выводил из складывавшейся ситуации: из выявившихся намерений парламентского большинства ущемить конституционный принцип разделения властей и ограничить его полномочия, а также из убеждения, что легитимность его мандата выше, чем у Съезда, — хотя бы потому, что мандат этот был получен на год с лишним позже. Президент тоже действовал на опережение. Во всяком случае, правомерность заключения Конституционного суда, адекватность его действий были оспорены тремя судьями: Эрнестом Аметистовым, Николаем Витруком и Тamarой Морщаковой, заявившими особые мнения. Доводы этих судей сводились к следующему. «По своему содержанию и целям обращение Президента было политической декларацией о намерениях», а намерения, которые «не сопровождались какими-либо реальными действиями и решениями... не могут составлять объективную сторону какого-либо правонарушения». Конституционный суд дал свое заключение на основе двух материалов — фонограммы телевизионного выступления президента и документа, представленного судьям как проект его указа. Аутентичность этих материалов не была установлена, а опубликованный позднее указ отличался от проекта. «Президент имел право скорректировать (в том числе с учетом конституционных принципов и норм) свои намерения в виде конкретных действий и решений в соответствии с той реакцией, которую вызвало его публичное выступление по телевидению 20 марта, о чем и свидетельствовала ситуация последующих дней вплоть до 23 марта». Если бы даже неконституционность действий и решений президента была установлена, Конституционный суд «...обязан был решить, является ли степень такой неконституционности достаточной, для того чтобы служить основанием для отрешения Президента от должности

ПРЕЗИДЕНТ: АМПЛИТУДА КОЛЕБАНИЙ

Что должен был делать Ельцин в таких обстоятельствах? Или, точнее, что он, обладая известными политическими и личностными качествами, мог делать? Ведь оказался он в непривычной и достаточно дискомфортной ситуации. Его стиль — резкие, волевые решения, казавшиеся, а нередко и являвшиеся импровизациями. Встречающиеся на пути узлы он не любил и не умел распутывать — предпочитал рубить. «Только так — на слом, на разрыв — порой человек продвигается вперед. Вообще выживает», — скажет он позднее о себе²⁴. Вообще-то он не отвергал компромиссы — он продемонстрировал это сразу после своего избрания председателем ВС на I СНД. Но его последующий опыт на этом пути был невелик и не слишком успешен. Его согласие на «разноцветье» замов менее чем через год обернулось демаршем «шестерки». А главное, перед ним были силы, добивавшиеся не компромисса, а победы. Для ведения позиционной борьбы, индивидуальной работы с депутатами (на что, говорят, американские президенты тратят большую часть своего времени), для распутывания интриг — а плетут их мастера этого дела и сам гроссмейстер, унаследовавший председательское кресло в ВС, — нужны качества, которые никогда не были сильной стороной Ельцина.

Он, собственно говоря, оказался перед двумя невозможностями: работать с таким Съездом или убрать его. При всей своенравности характера он — политик, и понимает, что Съезд добровольно на досрочные перевыборы не пойдет, что конституционным путем удалить его невозможно, а время, когда можно было относительно безболезненно выйти за рамки Конституции, упущено. Поэтому в политической карьере Ельцина наступает период, так не вяжущийся с его устоявшимся обликом. Мы увидели — и резче всего это проявилось между VI и VII Съездами — Ельцина, мечущегося между двумя противоположными линиями поведения. Некоторым политикам, имевшим доступ в его кабинет, казалось, что он подвержен внешним влияниям и в выигрыше оказывается тот, с кем он говорил последним²⁵. Если это в какой-то мере и бы-

ло так, то только потому, что ни твердой линии, ни принятого решения у него тогда не было.

Проследим виражи в поведении Ельцина, как они были видны на публике. На заключительном заседании VI Съезда он заявил, что стремление низложить Съезд и Верховный Совет «открывает дорогу политическому беспределу и ведет в тупик». (А на следующий день, встречаясь с депутатами «Коалиции демократических реформ», подтвердил, что вопрос о референдуме мог бы встать, лишь если бы Съезд не принял Декларацию о поддержке экономической реформы.) Но через несколько дней, уловив настроение череповецких избирателей, он отозвался о Съезде весьма нелестно («большая говорильня») и порекомендовал им начать сбор миллиона подписей за проведение референдума по новой Конституции, в которой для Съезда места не останется²⁶.

На этой позиции Ельцин продержался до середины мая. 18 мая в Барнауле, откликаясь на кампанию, развернутую его сторонниками, он сказал: «...де-факто в России существует конституционный кризис. Новая Конституция должна узаконить сильную президентскую форму правления... Поскольку Съезд не пойдет на самоустранение, надо дать президенту право самому объявлять референдум либо собрать подписи за проведение референдума»²⁷. Но и на встрече глав СНГ в Ташкенте, где это уже нельзя было объяснить эмоциональной реакцией на пожелания избирателей, он повторил идею о перевыборах Съезда.

В мае—июне президент проводит реорганизацию правительства. С одной стороны, в характерном для него стиле — без объяснений и предупреждения он 30 мая смещает члена гайдаровской команды, министра топлива и энергетики Владимира Лопухина и заменяет его Виктором Черномырдиным. Гайдар усмотрел в этом эпизоде сдачу позиций правительства под натиском парламентской оппозиции²⁸. В том же ключе поиска компромисса произошло назначение в июне вице-премьерами трех представителей директорского корпуса. Но, как бы демонстрируя приверженность сбалансированному подходу, Ельцин 15 ию-

ня, перед отлетом в США, в аэропорту объявил еще об одной рокировке: собственном уходе из состава правительства и назначении исполняющим обязанности его председателя Гайдара.

На встречах со своими сторонниками из демократических фракций парламента президент выступает в примирительной тональности. В июне он призывает не драматизировать перестановки в правительстве, оправдывается за отставку Лопухина, уверяет, что все новопришельцы — заместители премьера — прогрессисты и сторонники реформ, и срыгает зло на Горбачеве, который к тому времени, конечно, никакой опасности для Ельцина не представлял. Как кажется, в итоге одной из таких встреч Ельцина удалось убедить в двух важных вещах: не настаивать на референдуме о судьбе Съезда и возобновить участие в работе Конституционной комиссии²⁹. 30 июля, после большого перерыва, президент действительно председательствовал на очередном заседании комиссии и объявил, что возобновляет в ней свое присутствие вплоть до принятия новой Конституции.³⁰ На другой встрече, в августе, порекомендовав демократам заняться партийным строительством, Ельцин так определил собственную позицию: в этот период президенту нельзя склоняться в одну сторону. Отношения надо поддерживать даже с красными... «Но только не с коричневыми», — уточнил я. Да, согласился с таким ограничением Ельцин³¹.

Казалось бы, президент укрепился в необходимости искать компромисс. Но его оппоненты ни о чем подобном не помышляли. Все настойчивее звучат призывы отправить правительство в отставку, а президента подвергнуть импичменту. В октябре—ноябре он вновь делает жесткие заявления и вроде бы переходит от угроз к делу. После того как лидеры агрессивной оппозиции вновь стали выступать с провокационными, особенно вызывающими призывами³², Ельцин 28 октября издает, наконец, указ «О мерах по защите конституционного строя в России». Указ предписывает, в частности, распустить оргкомитет Фронта национального спасения, а Минюсту, МВД, Совету безопасности и прокуратуре «принять меры по недопущению создания и деятельности указанного

образования и его структур». Немедленно, однако, с протестами выступили лидеры не только ФНС, но и некоторых Советов и даже демократических организаций, усмотревших в указе ущемление свобод и сползание к диктатуре. Группа депутатов направила запрос в Конституционный суд. С представителями ФНС не постеснялся вступить в переговоры о согласованных действиях на VII Съезде Гражданский союз (о нем ниже). А главное, выстрел был сделан мимо цели. На пресс-конференции лидеры ФНС заявили, что указ запретил лишь оргкомитет, который к этому моменту автоматически прекратил свое существование, поскольку еще 24 октября прошел Учредительный конгресс Фронта³³. А 12 февраля 1993 г. Конституционный суд признал указ в части роспуска ФНС не соответствующим Конституции.

За два дня до открытия VII Съезда на многолюдном II Форуме сторонников реформ Ельцин неожиданно отказывается от не раз провозглашенной им роли «президента всего народа». Надо формировать, говорит он, нового типа коалицию сторонников реформ. Это может быть движение или партия. Я долго размышлял и пришел к выводу: как президент я должен быть с ней и в ней³⁴. Как выяснилось вскоре, никуда вступать Ельцин не собирался. Это был пробный шар наравне с акциями противоположного свойства. Накануне VII Съезда божки оппозиции получили новые жертвоприношения: от руководства российским радио и телевидением был отстранен Егор Яковлев, из правительства выведен Михаил Полторанин, Геннадий Бурбулис лишился теперь уже и должности госсекретаря.

С той же тактикой попеременных угроз и уступок президент пришел на VII Съезд. Самое малое, что о ней можно сказать: она деморализовывала сторонников и распаляла противников.

ПРАВИТЕЛЬСТВО НА УЗКОЙ ТРОПЕ

Все это побуждало правительство или, точнее, команду Гайдара в нем (мы все более превращаемся в правительстве во фракцию меньшинства, скажет он на встрече с депутатами³⁵) к

реальному, а не преимущественно демонстративному, как у Ельцина, лавированию. На уровне действий, а не слов. Правительству, объясняли министры на встречах с депутатами, постоянно приходится делать выбор: ускорять реформы или подстилать подушку. И хотя основная цель была сформулирована четко: сделать реформу необратимой, в выборе инструментов экономической политики оно было далеко не свободно. Ельцин мог издавать указы, имевшие силу закона. Но ВС, если действовал оперативно, мог в соответствии с постановлением V Съезда эти указы отменять. Правительство смогло провести даже в ВС программу приватизации (ответственность за ее действительные и мнимые дефекты возложат исключительно на Чубайса) и посредством президентского указа, не опротестованного ВС, заменить именные счета анонимными ваучерами. Но закон о банкротстве, важный для санации экономики, не удалось провести ни через ВС, ни указом, который под влиянием директорского лобби депутаты отвергли.

Весной 1992 г. резко обострилась проблема неплатежей. Руководители предприятий, как государственных, так и приватизируемых, не желали и не умели заниматься структурной перестройкой производства и маркетингом (а часто не имели для этого и необходимых ресурсов). Действуя по правилам привычной госплановской логики, они направляли продукцию, цены на которую могли теперь вздуть, не натываясь на какие-либо ограничители, потребителям, не имевшим свободных средств для ее оплаты. В результате сами предприятия оказывались несостоятельными должниками. Выход из порочного круга мог бы дать закон о банкротстве. Но правительство вынудили произвести массивный взаимозачет неплатежей, т. е. от имени государства санкционировать производство невостребованной продукции по несообразным ценам и консервацию неконкурентоспособных экономических структур.

Это, а также накачка экономики деньгами, которой занялись Верховный Совет³⁶ и Центральный банк (его возглавил Виктор

Геращенко, как раз и осуществивший взаимозачет неплатежей), привели к скачку инфляции. Инфляционная волна, которая пошла было на спад весной, вновь резко поднялась осенью³⁷, как раз к открытию VII Съезда. Первая волна роста цен была отчасти компенсирована переводом подавленной инфляции в открытую и началом насыщения рынка товарами. Теперь экономику накрывала вторая волна. Стремясь предотвратить гиперинфляцию³⁸, правительство прибегло к болезненным мерам — недофинансированию капиталовложений, зарплаты бюджетников, социальной сферы и т. п. Все это меняло настроения и ожидания значительной части общества. Реформа провалилась — объявили маститые экономисты. Требования отставки правительства, которое привело страну к экономической катастрофе, стали раздаваться все громче и настойчивее.

«Правительство Гайдара, — писал Ельцин, — работало с первых дней в ужасающей моральной обстановке, когда удары сыпались один за другим, когда стоял непрерывный свист и гвалт в прессе и парламенте. Им не дали никакого разгона и хотя бы относительной свободы...»³⁹. К критике правительства, нередко разносной и несправедливой, присоединились высшие лица государства: Руцкой (ему принадлежала оскорбительная кличка «мальчики в розовых штанах») и Хасбулатов. 8 октября парламент вновь выставил неудовлетворительную оценку правительству. К чести лидеров правительства, они не жалели времени на встречи с депутатами, разъясняли каждый свой шаг, не отклоняли компромиссы и в то же время не боялись обозначать черту (в экономике и кадровой политике), за которой дальнейшие компромиссы становились невозможными. Они решительно дистанцировались от тех своих сторонников, которые полагали, что все проблемы решит роспуск Съезда. «Я в эти игры не играю, — отвечал Гайдар. — Самое страшное — экстремизация конфликта»⁴⁰. Тем не менее именно Гайдар к концу 1992 г., по мере того, как отходил в тень Бурбулис, стал главной фигурой, на которую оппозиция обрушивала озлобление, наветы, клевету.

ЗАЯВКА НА ЦЕНТР: ГРУППА «РЕФОРМА»

В 1992 г. мне, как и многим другим депутатам демократических фракций, представлялось, что единственная возможность сохранения правительства реформаторов, как и самого данного парламента, — создание в нем сознающего свою ответственность большинства. Пусть временного, разнородного, неустойчивого, как свершилось на I и III Съездах. Время показало, что такой возможности не было. Или, точнее, депутаты ею не воспользовались. Одни — потому что не вполне отдавали себе отчет, куда ведут события, предоставленные собственному ходу. Другие — потому что пришли к убеждению, что правительство и президент реализуют дьявольский иноземный план сокрушения России. Третьи — потому что полагали, что у них хватит сил вырвать власть. Четвертые — потому что рассчитывали осуществить переход к рынку методами командной экономики. И т. д.

Тем не менее попытки создания парламентского большинства, поддерживающего основное направление курса правительства и в то же время добивающегося его частичных коррективов, предпринимались. После VI Съезда стало ясно, что «Коалиция реформ» не состоялась. При списочной численности около 250 человек в межсъездовский период на ее собрания приходили 20—30 депутатов. На Съезде «Коалиция стала отторгающей силой», — констатировал Бурбулис⁴¹. Из нее вышли фракции «Беспартийные депутаты», «Левый центр» и «Свободная Россия», прежде, хотя и в разной степени, ассоциированные с нею. И тогда была выдвинута в апреле и реализована в мае идея создания внефракционной парламентской группы «Реформа», или, как значилось в учредительных документах, «фракции здравого смысла». В информации для депутатов говорилось: «Сегодня попытки создания спокойной конструктивной центристской фракции или блока в Российском парламенте на основе одной из существующих фракций не могут привести к успеху, ибо за каждой закрепился определенный имидж, каждая имеет некоммуникабельных членов, компрометирующих самые хорошие на-

чинания». А раз так, пришла пора создать объединение, вокруг которого будет происходить кристаллизация центристских сил.

Политическая позиция инициируемой группы формулировалась следующим образом. Поддержка общего курса правительства, проведение которого нуждается в существенной корректировке. Решительная оппозиция предложениям о роспуске парламента. Конституционная реформа, осуществляемая конституционным путем. Дополнительные полномочия, предоставленные президенту, не следует ни расширять, ни сужать. До новых выборов на основе новой Конституции необходимо обеспечить эффективную работу нынешнего парламента. Считая, что основную законодательную работу должен выполнять Верховный Совет, мы рассчитываем на политический разум большинства депутатов, который позволит еще до истечения срока их полномочий снять блокаду неотложных реформ, провести давно назревшую реорганизацию иррациональной двухступенчатой структуры парламента, привлечь в Верховный Совет новые силы и сделать его более профессиональным, покончить с бездумной растратой времени на политические декламации и саморекламу. Мы — за сильное, единое государство, территориальную неделимость России. С величайшим уважением мы относимся к правам всех народов, но исходим из безусловного приоритета прав человека и гражданина по отношению к правам различных сообществ. В российском парламенте мы особо тесно связаны с «Коалицией демократических реформ» и Блоком демократических фракций, но открыты для взаимодействия с различными парламентскими фракциями, со всеми депутатами, готовыми сотрудничать с нами⁴².

Под заявлением о создании группы стояли подписи 18 депутатов: Алексея Адрова, Евгения Амбарцумова, Вячеслава Брагина, Николая Воронцова, Георгия Задонского, Юрия Зайцева, Бориса Золотухина, Сергея Ковалева, Евгения Кожокина, Сергея Красавченко, Владимира Лысенко, Владимира Подопригоры, Олега Румянцева, Сергея Сироткина, Петра Филиппова, Виктора Шейниса, Владимира Шумейко и Сергея Юшенкова. В состав

группы при ее создании вошли также Олег Басилашвили, Леонид Волков, Дмитрий Волкогонов, Александр Гранберг, Владимир Лукин, Борис Немцов, Олег Попцов, Сергей Степашин, Сергей Шахрай и другие — всего 80 человек.

И программное заявление, и, в общем, не одноцветный состав участников, казалось бы, открывали перспективу воссоздания парламентского большинства, как оно складывалось на первых Съездах. Однако парламент к тому времени был настолько поляризован, что призыв к «политическому разуму» депутатов в противостоявших фракциях не был услышан. Наметанный глаз оппонентов сразу же наткнулся на фамилии ряда радикалов, вызывавших отторжение, хотя их в «Реформе» было немного. Не привлекало и присутствие в группе нескольких членов Президиума ВС во главе с вице-спикером Шумейко. Но главное, неприемлемым представлялся основной тезис, хотя и высказанный с оговоркой: поддержка правительства. На собрания, организуемые «Реформой», приходили в основном те же депутаты, что и на встречи «Коалиции реформ». Так «Реформа» оказалась — и по составу, и по реальной политической роли — не более чем иной формой бытия демократической коалиции, терявшей былые позиции, а наш первый парламент прошел еще одну развилку на пути к собственному крушению.

ЗАЯВКА НА ЦЕНТР: ГРАЖДАНСКИЙ СОЮЗ

Сформировать центристское большинство помимо «Реформы» — впрочем, с тем же успехом — попытались и иные политики. В парламенте на эту роль претендовал блок «Созидательные силы», вне стен парламента — Гражданский союз (ГС), который в мае—июне создали фракции, входившие в этот блок, и ряд общественных организаций (наиболее заметной среди них была Демократическая партия Травкина). На ведущие роли в новой организации выдвинулись Аркадий Вольский и Александр Владиславлев, годом раньше принимавшие активное участие в создании ДДР. 21 июня было устроено многолюдное собрание наподобие тех, которые до того про-

водили демократы при поддержке исполнительной власти, — Форум общественных сил, учредивший Гражданский союз.

Вольский в заглавном докладе говорил преимущественно об экономике. Реформы начаты, но вместо них — отчаянная борьба без правил, поэтому результаты обратны задуманным. Ответственность несут исполнители. И повинны в том не МВФ и Мировой банк (о чем неустанно твердила агрессивная оппозиция), а мы сами: ведь это наше собственное ноу-хау, собственные глупости — не платить заработную плату, не снабжать горючим село. Надо заняться микроэкономикой: определить приоритеты — это продовольствие, медикаменты, энергетика — и принять необходимые меры для поддержки приоритетных отраслей. Взаимная задолженность выросла с 34 млрд рублей в начале года до 2 трлн. Выход — круговой взаимозачет или вексельная отсрочка платежей. Не управляемый рынок нужен нам, а управляемый переход к рынку. Экономика рушится. Табун летит к пропасти. Всадник должен увести его в сторону... Корень разногласий, согласился с ним Травкин, — в экономике, а не в политике. Надо замедлить темп экономических преобразований ради сохранения стабильности — на этой скорости потеряем все.

Как водится на собраниях, где присутствует разношерстная публика, дискуссия пошла вразнобой. Но в большинстве выступлений прослеживалась генеральная линия: надо создавать реальную политическую центристскую силу в парламенте и в стране, искать компромисс, кончать с поиском врагов, готовить и предъявлять в нужную минуту конкретные программы и команду людей, способных эту программу реализовать. Как ни жестка была критика исполнительной власти, никто не потребовал отставки правительства и отрешения от должности президента⁴³.

Готовность к диалогу, со своей стороны, продемонстрировали руководство Верховного Совета и правительство. На Форуме выступил Филатов, огласивший приветствие Хасбулатова и призывавший к гражданскому согласию. А Шумейко пообещал, что после прихода в правительство трех генеральных директоров «вы

вскоре увидите результаты». Организаторы Форума продемонстрировали, что в их активе есть еще и фигура куда как крупная — сам вице-президент. Вероятно, и Руцкой в то время рассчитывал обрести в новой партии главную политическую опору. Заявив, что на прошедшем СНД не удалось продвинуться ни на одном из направлений, он по многим пунктам отмежевался от политики власти, которую формально представлял, и призвал создавать программу действий, не опасаясь, что ее сочтут оппозиционной по отношению к президенту и правительству. На заключительной пресс-конференции Вольский сообщил, что программа, над которой идет работа, скоро будет представлена, и если кое-кто «не захочет прислушаться к голосу разума, мы с Шумейко найдем способ изолировать тех людей в правительстве»⁴⁴. Это была уже прямая угроза.

При всех оговорках и отмежеваниях ГС от агрессивной оппозиции было очевидно, что формируется сила умеренно оппозиционная, претендующая по меньшей мере на участие во власти. Она заявила собственную политическую позицию, определила свое место в раскладе сил, предъявила лидеров, которые в отличие от предводителей ФНС не были аутсайдерами в складывавшейся политической системе, пообещала в недалеком будущем представить альтернативный вариант реформы и обозначила его контуры. Проект программы «Альтернативы экономической политики»: «переход от макроэкономического регулирования к непосредственному управлению хозяйственными процессами... стимулирование конечного спроса... смягчение налоговой политики... интеграция социальной проблематики в программы экономической реформы» и т. д. — был представлен менее чем через месяц. Приоритеты, объявленные учредителями ГС: целостность России, формирование на базе СНГ союза с более тесными связями, сохранение до конца года сложившегося распределения полномочий между законодательной и исполнительной властями, противодействие политическому радикализму, от кого бы он ни исходил, отказ от покушений на роспуск Съезда, корректировка

правительственного курса⁴⁵ — теоретически могли бы стать базой компромисса с президентом и демократами. Известно, однако, что практическая реализация принципов, заявленных в общем виде, — дело непростое, а к поднятому ГС флагу стали сбегаться не только респектабельные политики.

Развернулась сложная игра. Вначале в адрес ГС и его программы были сделаны благожелательные жесты некоторыми демократическими депутатами и, что особенно важно, Ельциным и Гайдаром⁴⁶. Однако лидеры ГС переоценили свои силы и влияние, преувеличенное представление о которых создавали российские и зарубежные СМИ. В известной мере они стали жертвой самообмана. На переговоры они вынесли не столько различия в экономических программах (где, возможно, удалось бы найти компромиссный вариант, поскольку правительство все равно вынудили смягчить первоначальный курс), сколько вопрос о том, кто будет политику (и не только экономическую) осуществлять. Запросы ГС, касавшиеся не только новых назначений, но и смещений действующих министров, показались чрезмерными. Между тем заговорили они языком ультиматумов, который Ельцин на дух не переносил. Усмехаясь, Василий Липицкий предупредил: «То, что произойдет на Съезде, зависит от того, что произойдет до Съезда; людей волнует больше, кто уйдет, чем кто придет». И тут же простодушный, но не лишенный хитрецы Травкин выложил список кадровых притязаний Гражданского союза. И хотя ГС опирался на поддержку значительной части директорского корпуса, военных и т. д., его лидеры не могли представить доказательств, что они обеспечат на Съезде президенту и правительству необходимое число голосов. К тому же за их спиной Ельцин легко различил фигуры политиков, вызывавших у него нарастающее отторжение, — Руцкого и Хасбулатова. При таких обстоятельствах было сочтено, что не только удовлетворять претензии лидеров ГС, но и продолжать с ними переговоры бессмысленно⁴⁷.

«Третья сила» в России не состоялась. Ее потенциальная парламентская база стала дрейфовать в сторону «Российского един-

ства», а президент шел на очередной Съезд, зная, что его сторонники — в явном меньшинстве.

ДЕМОКРАТЫ НА ПУТИ К РАСКОЛУ

А это меньшинство тоже переживало не лучшие времена. Если в парламенте еще удавалось поддерживать какое-то согласие и по большинству острых вопросов депутаты демократических фракций голосовали, как правило, солидарно, то за его стенами в организациях демократов (и прежде всего «Демократической России») то и дело вспыхивали острые конфликты, выплескивавшиеся на публику и приводившие к расколам. Не было ни одного, кажется, серьезного вопроса стратегии и тактики, по которому не сталкивались бы различные, нередко противоположные взгляды.

Радикальное крыло в «Демократической России» пришло к выводу, что единственный выход из тупика — скорейшее принятие новой Конституции и досрочный роспуск парламента, упрямо блокировавшего каждый шаг по пути реформ. Сделать это предлагали посредством референдума, на который надлежало вынести в тех или иных формулировках три вопроса: о принятии новой Конституции Учредительным собранием, о праве частной собственности на землю и о праве президента выносить на референдум важнейшие вопросы государственной жизни. Радикалы небезосновательно опасались, что если Конституцию будет принимать Съезд, то баланс властей будет смещен в интересах тех сил, которые доминировали в парламенте. Поэтому в одном из вариантов взамен прямого вопроса о созыве Учредительного собрания (по которому боялись не получить необходимой поддержки) предлагалось выяснить, согласны ли граждане с тем, что принимая новую Конституцию, Съезд обязан либо согласовать проект с президентом, либо вынести его на референдум⁴⁸. Вопрос о земле был подверстан к конституционному выбору, чтобы гарантировать участие в референдуме необходимого числа избирателей. Демократы придавали введению частной собст-

венности на землю исключительное значение, поднимали его на всех своих собраниях в острой форме⁴⁹ и, по-видимому, переоценивали готовность общества поддержать их замысел.

Совет представителей «Демократической России», состоявшийся 6—7 июня, не поддержал инициативу о проведении референдума. Но часть наиболее радикальных сторонников его проведения еще накануне заседания Совета образовала оргкомитет по созыву внеочередного съезда «Демократической России». Оргкомитет опубликовал исключительно резкое заявление, отвергавшее и утверждающийся режим, и политический курс ДР — поскольку те, кто его определяет, «откровенно перешли на позицию безусловной поддержки официальных властей». «Предотвратить контрреформу и реставрацию тоталитаризма в том или ином виде в России, — гласило заявление, — можно только создав мощную последовательно демократическую оппозицию существующему режиму, задачей которой явится учреждение нового государственного устройства путем принятия Конституции независимым представительным органом народа (типа Учредительного собрания). Это и будет подлинной демократической альтернативой имитаторам демократии — номенклатурщикам из нынешних властных структур»⁵⁰. Досрочно съезд «Демократической России» созвать не удалось. Он состоялся в декабре, после VII СНД, когда политическая обстановка в стране резко изменилась. Но уже летом берут начало два новых процесса.

Во-первых, все чаще всплывает идея ввести новую Конституцию посредством референдума в обход Съезда. Какой должна быть эта Конституция — мнения расходятся и среди демократов. Одни считают, что ее текст следует подвергнуть обязательному согласованию с действующим президентом⁵¹. Другие, например, авторы цитированного заявления, надеются провести на референдуме Конституцию, отсекающую от власти и старую, и новую номенклатуру. Сам президент пока еще не сделал выбор, но внимательно следит за разворачивающейся дискуссией, а его эксперты анализируют варианты. Как бы то ни было, проблема Конститу-

ции, института, на который следует возложить ее подготовку, референдума займет главное место в политических баталиях следующего года.

Во-вторых, нарастает отторжение части демократов от режима, который утверждался не без их участия. Здесь также начинает формироваться центр оппозиции. В начале июля была проведена еще одна масштабная акция — Форум сторонников реформ, на котором выступили все ведущие члены правительства. Доминировали призывы создать широкую демократическую коалицию, сплотиться против фашистской угрозы и «партии войны». Это был, конечно, ответ на учредительный Форум ГС, хотя об оппонентах-«центристах» говорили мало, а если и упоминали, то в контексте объединения всех антифашистских сил. О новых диссидентах в демократическом движении не говорили вообще. Но подчеркнутое замалчивание брошенного ими вызова было своеобразной формой ответа.

Между тем летом 1992 г. демократические критики режима, в недавнем прошлом «прорабы перестройки» и идеологи «Демократической России», опубликовали сборник статей и иных материалов под выразительным названием «Год после Августа. Горечь и выбор». Это был политико-идеологический манифест, авторы которого обозначили свое противостояние режиму по всем главным вопросам. Власть, объявили они, — не наша, реформа — не наша, социальной справедливости как не было, так и нет. «И власти, и находящиеся у них на подхвате руководители “ДемРоссии” выстраивают перед обществом дилемму: нам предлагают выбор между “хорошим” Б. Ельциным и “плохим парламентом”, между “демократическим” правительством и “красно-коричневой” опасностью, — писал Юрий Афанасьев. — Но это ложная дилемма, это не более чем выбор между старой и новой номенклатурой»⁵².

Примерно так же характеризовал расстановку социальных сил Юрий Буртин: их всего две. «Первая — это “августовский блок”, сложившийся в результате компромисса между новой,

квазидемократической номенклатурой и преобладающей частью старой партократии, пожертвовавшей коммунистической идеологией ради власти и обогащения. Его политическим представителем является ельцинско-хасбулатовское руководство России и поддерживающие его межпартийные образования, ориентированные на различные фракции данного блока (от “Демократической России” до “Гражданского союза” и “Российского народного собрания”). Вторая сила — это именующая себя “оппозицией” наиболее реакционная часть той же партократии: отодвинутая в сторону, она отвергает любые реформы и, спекулируя на недовольстве масс, пытается увлечь их лозунгами коммунистического и имперско-шовинистического реванша». Если в России в самом близком будущем не возникнет третья сила, организованная демократическая оппозиция, заключал Буртин, то «нашей стране уже не поможет никто и ничто»⁵³.

Вновь, как и много раз до того, российские интеллигенты пытались ответить на вопрос: что делать? Ответ Афанасьева: не заниматься «демонстрациями всероссийского единодушия» наподобие фарса с Собранием граждан — его нет и никогда не будет, а «превратить политику в средство согласования разных интересов»⁵⁴, — был вполне разумен, но совершенно неконкретен. Ибо оставалось неясным, как и кто это может и должен сделать. Но когда разговор переходил на реальную почву, оказывалось, что у авторов сборника нет не только убедительного ответа, но даже общего мнения. Взять тот же референдум. «Я категорический противник очередных затей послушной ельцинскому руководству официальной “ДемРоссии” — авантюры референдума... Нам предлагают проголосовать о принципах Конституции! — это же бред собачий!...» — восклицал Леонид Баткин и весьма резонно ставил убийственный для протагонистов референдума вопрос: «Где та независимая и мощная демократическая сила в стране, которая проведет своих кандидатов в это учредительное собрание?»⁵⁵. Нет, возражал Василий Селюнин, нам нужна сильная представительная власть как противовес диктатуре. «И я не

вижу другого способа получить ее иначе, как через референдум и последующие выборы нового парламента»⁵⁶.

Баткин отдавал себе отчет в том, что для победы на референдуме и выборах необходима демократическая партия — не чета существующим. Он напоминал, какую роль сыграла «Искра» в становлении РСДРП, и предлагал аналогичное решение в век электронных СМИ: создать «непременно массовую, дешевую “газету-копейку”», вокруг которой сформируется партия ее читателей⁵⁷. Полезная, но паллиативная (и трудно осуществимая) мера — одно из немногих практических предложений. Немногие участники дискуссии попытались вывести позиционирование демократов на реальную почву главного конфликта, расколовшего общество. Отношение к правительству, говорил Леонид Гордон, должно быть примерно таким: «Первое — политическая поддержка в противостоянии сторонникам реставрации и фашизма, а уж потом оппозиция...»⁵⁸. «Кризис в рядах демократов, — писала Лилия Шевцова, — трудно преодолеть, не решив стоящей перед ними дилеммы: стать опорой власти или оппозицией к ней... Выступив против реформы, они рискуют сыграть на руку реваншистам. Балансировать же в роли “конструктивной оппозиции” долго никогда и никому не удавалось. Пока демократические группировки пытаются найти свое новое лицо, политическая игра идет своим чередом и — увы — без их активного участия»⁵⁹.

Необходимо воздать должное людям, принадлежавшим к интеллектуальной элите демократического движения. Заметив опасные деформации новой власти, в чем не хотело отдавать себе отчет большинство демократов, опьяненных азартом борьбы на прежних фронтах, они первыми начали бить в колокола тревоги. Слово предупреждения следовало сказать, и его произнесли. В стане вчерашних победителей была выявлена глубокая линия размежевания: мы и они. Без этого российская демократия не могла оценить свое место в историческом процессе. Однако политические выводы из такой констатации, на мой взгляд, бы-

ли сделаны не только неверные, но и опасные. Проводя черту между демократами и новыми властными группировками, многие демократические критики режима игнорировали более важную грань, отделявшую и все более обособлявшуюся властную группировку, и их самих от реваншистов, «красно-коричневых», набиравших силу. Отвлекаясь от этого, они пытались увлечь демократическое движение в непримиримую оппозицию, хотя и с других позиций. Исторический опыт свидетельствует, что подобная политика не раз приводила к катастрофическим последствиям. Не желая превращаться в клиентелу власти и возлагая опрометчивые надежды на то, что демократам удастся поднять «вторую волну» массового движения, критики не сумели предложить здесь и сейчас реалистическую стратегию и тактику, обеспечивающие самостоятельность политических организаций демократов по отношению к президенту и в то же время не позволяющие национал-коммунистическим силам почувствовать слабину в противостоящем им фронте. Интеллектуальные дискуссии в кругах демократической элиты не были лишены смысла. Но как было претворить их в практические рекомендации низовым организациям «Демократической России» и иных демократических движений? Этот вопрос не только не получил ответа, но и не был внятно поставлен.

В ПРЕДДВЕРИИ VII СЪЕЗДА

VII, переломный Съезд приближался. Попытки Ельцина отсрочить «судный день» успехом не увенчались. Трижды в Верховном Совете ставилось на голосование предложение президента и первых лиц восемнадцати входящих в Федерацию республик перенести съезд на март—апрель 1993 г. и трижды было отвергнуто⁶⁰. ФНС, «Народное единство» с вожделием ждали момента, когда, наконец, можно будет лишить Ельцина дополнительных полномочий, разделаться с правительством Гайдара, внести нужные им изменения в Конституцию. Их влияние на депутатов, занимавших промежуточные позиции, усилилось. А главное, у них появился

влиятельный союзник, в руках которого были нити воздействия на многих депутатов, — контингент квалифицированных экспертов, многие из которых прошли школу ЦК КПСС, и эффективный инструмент управления парламентом — микрофон.

Речь идет о Руслане Хасбулатове. К этому времени разрыв между ним и демократами стал полным. 3 сентября «Коалиция реформ» и группа «Реформа» провели пресс-конференцию, участники которой объявили, что выходят на «тропу войны», т. е. начинают борьбу за переизбрание Хасбулатова и с этой целью готовы блокироваться со своими оппонентами. Полномочия, которые присвоил себе спикер, объяснили депутаты, огласив подписанные ими документы, далеко выходя за рамки Конституции. Здесь и попытки ограничить права депутатов, и выстроить Верховный Совет как иерархическую структуру со спикером-распорядителем, где приближенные к нему сотрудники аппарата возвышаются над парламентариями, и прямые вторжения в компетенцию правительства⁶¹. Грубость, нарочитое хамство председательствующего стали притчей во языцех. Поведению Хасбулатова были посвящены многие выступления на парламентских слушаниях. ВС, наблюдая своего спикера, должен постоянно испытывать чувство стыда, сказал Сергей Ковалев, а Леонид Волков предложил упразднить пост председателя ВС — «второго президента». «Российское единство», немало в прошлом настрадавшееся от поведения спикера, однако, в разрыве Хасбулатова с теми, кто прежде добивался его избрания, увидело свой шанс⁶². Гневная риторика ушла в песок, спикер остался на своем месте и стал дожидаться часа, когда он сможет сполна отплатить обидчикам.

С президентом Хасбулатов вел себя иначе. «У него всегда по одному и тому же вопросу заготовлено несколько мнений. Вслух он высказывает только одно, а остальные держит при себе наготове... — рассказывает Ельцин. — И только теперь понимаю — он специально втягивал меня в эти изнурительные, изматывающие отношения. Это была его главная идея: угрожая против-

стоянием, заставить отступать, уступать, отрезать самому себе хвост по кусочкам»⁶³. Хасбулатова впоследствии не раз обвиняли в том, что он стал лидером национал-коммунистов. Это не так. Оппозиционеров он презирал, как и демократов, как и людей из окружения Ельцина. Он настойчиво созидал управляемый парламент. Это была та площадка, которая позволяла ему предъявить претензии на власть. До поры они были затаенными. Расчетливый политик, он почти всегда верно оценивал свои возможности. Его притязания росли чуть ли не с каждым днем. Обстоятельства, сложившиеся к VII СНД, сделали их неумными.

Все говорило, что на Съезде предстоит жестокая схватка. Президент, его советники, большинство его сторонников в парламенте, в общем, отдавали себе в этом отчет, но подобно генералам, которые готовятся к прошлой войне, проецировали ход и исход предыдущего Съезда на предстоявший. Несколько более реалистически оценивала вероятный ход событий созданная перед самым Съездом демократическая фракция «Согласие ради прогресса» (о ней я расскажу дальше), но и она, представлявшая меньшинство демократов, была захвачена общим потоком.

Подготовка же к Съезду проходила по ранее отработанным, рутинным стандартам. Перед самым Съездом один за другим прошли с большим шумом Конгресс интеллигенции и II Форум сторонников реформ. На обоих выступал Ельцин. На обоих при его появлении вспыхивала овация, участники скандировали фамилию президента. Восторженными аплодисментами встречали самые жесткие заявления. «Любые проявления нашей слабости, выходящие за рамки компромиссы, — сказал Гайдар, — опасны и вредны. Умиротворение агрессора — худшая политика». (Все хорошо знали, как плохо умиротворять агрессора, но мало кто знал, где проходят рамки приемлемых компромиссов. Да и не на многочисленном собрании это можно было обсуждать.) «Исполнительная власть переоценивает силу оппозиции. Резерв терпения у населения еще не исчерпан. У красно-коричневых нет ни лидера, ни идей, — говорил Селюнин. — Не представляют реальной силы и

те, кто называют себя центристами. Их программа и программа право-левой оппозиции — один к одному. Хотят жить дружно — пусть примыкают к правительственной программе, которую надо проводить более решительно»⁶⁴.

II Форум сторонников реформ зафиксировал образование универсальной суперструктуры — блока «Демократический выбор», в который, помимо парламентской «Коалиции реформ» и группы «Реформа», вошли «Демократическая Россия» и еще более 20 организаций («Московская трибуна», Союз защитников Белого дома «Живое кольцо», Содружество союзов писателей, Ассоциация крестьянских и фермерских хозяйств и др.). Это было верхушечное образование; большинство его членов состояли в нескольких организациях. Форум принял резолюцию, которая также была выдержана в жестких тонах. «Мы выступаем за то, — гласила резолюция, — чтобы правительство сохраняло свой состав и свою программу. Все допустимые уступки политическим оппонентам правительство и президент уже сделали»⁶⁵.

Так взбадривали сами себя интеллигенты и сторонники реформ, нимало не задумываясь, как все это может повлиять на расклад голосов на Съезде. Между тем, момент истины приближался. Но и на Съезде не все сумели это оценить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полис. — 1992. — № 3.

² В июне 1992 г. в правительство в ранге вице-премьеров были введены Г. Хижа, В. Черномырдин, В. Шумейко. «Может быть, и нужно было их взять, — писал тогда Ю. Афанасьев, — но, проговорив, на каких условиях» (Год после августа. Горечь и выбор. — М., 1992. — С. 223).

³ Проект Ю. Слободкина.

⁴ После распада СССР возникшее летом 1991 г. Движение демократических реформ разделилось на две ветви: российскую, выступившую на выборах 1993 г., и международную (в рамках СНГ), которая вскоре сошла на нет. Незадолго до VI Съезда прошло представление инициативного проекта новой Конституции, подготовленной под руководством А. Собчака в московской мэрии (подробнее см.

с. 328—330). Открывший обсуждение Г. Попов сформулировал стратегию РДДР: созыв Учредительного собрания — выработка новой Конституции — выборы.

⁵ См.: Народный депутат. — 1992. — № 15.

⁶ «Они не являются сознательными фашистами... — пишет М. Брандыс. — Не удивляйтесь, что старая фашистская песня вызывает на их лицах мечтательную и тоскливую улыбку. Ведь в то время было все иначе... Однако эта тоска по прошлому опасна, и всегда могут найтись люди, которые захотят ею воспользоваться в своих темных целях» (*Брандыс М. Итальянские встречи.* — М., 1950. — С. 58).

⁷ Летом 1992 г. в связи с намечавшимся визитом Ельцина в Японию тема Курил оказалась в фокусе общественного внимания. 28 июля состоялись закрытые парламентские слушания «О российско-японских отношениях и проблеме целостности РФ», на которых были высказаны диаметрально противоположные мнения. 6 августа 1992 г. в «Известиях» была опубликована моя статья «Испытание Курилами». В ней, в частности, говорилось: «В среде некоторых политиков прорастает заманчивая идея перехвата знамени. Защита национальных интересов способна завоевать широкую поддержку? Отлично, подхватим это знамя, чтобы привлечь внимание и голоса, не слишком задаваясь вопросом: в чем же он, действительный национальный интерес?.. Молодая российская демократия проходит испытание Курилами. Один неверный шаг — и она окажется под чужим знаменем».

⁸ С резкой критикой сдержанной политики России по отношению к конфликтам, разгоравшимся в бывших советских республиках, задолго до своей отставки с поста командующего 14-й армии, размещенной в Приднестровье, стал выступать Александр Лебедь.

⁹ Свою весеннюю сессию в 1992 г. ВС завершил принятием постановления «О газете “Известия”». И содержание этого постановления, в котором ВС волевым образом попытался вернуть «новой независимой газете “Известия”», учрежденной журналистским коллективом, прежний статус «газеты представительных органов государственной власти на территории Российской Федерации», и характер предшествовавшей тому дискуссии немало способствовали самодискредитации ВС. Комментируя этот эпизод, я писал тогда: «Понимали ли депутаты, завершившие четвертую сессию Верховного Совета, что именно последние часы этой сессии и позорное голосование по газете “Известия” запомнятся и будут восприняты общественным мнением, наложатся на все остальное, что было сделано Верховным Советом, мне сказать трудно... Да простят мне коллеги не слишком вежливое сравнение, в памяти возникает прежде всего образ из “Охоты на волков”, известного произведения Высоцкого: “кричат загонщики и лают псы до рвоты...”» (см.: Сборник постановлений Верховного Совета. — Вып. 16. — М., 1992. — С. 27—28; Лит. газ. — 1992. — 22 июля).

¹⁰ См.: Моск. новости. — 1992. — 23 авг.

¹¹ Ю. Г. Гехт — депутат от Московской области, генеральный директор производственного объединения, председатель фракции «Промышленный союз».

¹² Наиболее заметным событием в этом ряду была многодневная демонстрация-пикет возле телестудии Останкино в июне 1992 г., проходившая под антиправительственными, антипрезидентскими и антисемитскими лозунгами. Контраст по сравнению с демонстрациями, которые ранее проводили демократы и которые всегда отличались цивилизованным порядком, был разительным. От грубых выкриков и поношений пикетчики стали переходить к рукоприкладству, перед которым работники телевидения, покидавшие телестудию или приходившие на работу, особенно в ночное время, оказывались беззащитными. Когда палаточный лагерь у Останкина был, наконец, ликвидирован, один из тогдашних идеологов оппозиции Сергей Кургинян, подбрасывая свое полено в разгоравшийся костер, написал: «Нации брошен вызов. Мы этот вызов поняли. И прекращая призывы к примирению, которые в этой ситуации уже просто смешны, мы этот вызов приняли. На войне как на войне!». Каким бесстыдством (или, что менее вероятно, невежеством) надо было обладать, чтобы ставить в пример терпимость зарубежных властей к пикетчикам «вблизи гораздо более серьезных объектов в тех же США и Европе...» (День. — 1992. — 5—11 июля). Я не раз наблюдал демонстрантов, днями и ночами выстаивавших перед Белым домом и Вестминстером с плакатами (нередко противоположного содержания). Они никого не задирали и вели себя спокойно и корректно.

¹³ Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 73; Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 222.

¹⁴ Сов. Россия. — 1992. — 22 сент.

¹⁵ Там же. — 1992. — 1 окт.

¹⁶ Сборник постановлений Верховного Совета Российской Федерации, Президиума Верховного Совета Российской Федерации и других документов. — Вып. 17. — М., 1992. — С. 6—7.

¹⁷ Россия-2000. Современная политическая история (1985—1999). — Т. 1: Хроника и аналитика. — М., 2000. — С. 181.

¹⁸ Поразительно, что вопрос этот поднял Исаков, один из наиболее интеллигентных деятелей оппозиции. В дневниковых записях он задним числом размышляет: «До сих пор спрашиваю себя, правильно ли я поступил, что вышел тогда к микрофону. Никогда не уважал политики грязной, неинтеллигентной» (Исаков В. Указ. соч. — С. 67, 89). Между тем, такие отравленные булавоочные уколы действовали на Ельцина сильнее, чем обвинения в «антинародной политике». «Бориса Николаевича этот эпизод очень беспокоит, — сказал нам Бурбулис. — Он не может работать. А Исаков может себе такое позволить, потому что с него сняли удавку», т. е. угрозу отзыва. (Запись встречи депутатов демократических фракций с Г. Бурбулисом 18.05.1992. — Архив автора).

¹⁹ Закон Российской Федерации «О Совете Министров — Правительстве Российской Федерации» от 13 ноября 1992 г. — Архив автора.

²⁰ Даже при нынешней Конституции, которую некоторые ее критики именуют «сверхпрезидентской» (что, конечно, не так), опираясь на противостоявшие президенту силы в парламенте, Евгений Примаков попытался в 1998—1999 гг. стать альтернативной президенту политической фигурой.

²¹ На проведенных 23 ноября парламентских слушаниях известные специалисты по конституционному праву Владимир Туманов, Виль Кикоть и другие подвергли закон убийственной критике (Стенограмма парламентских слушаний 23 ноября 1992 г. — Архив автора).

²² *Исаков В.* Указ. соч. — С. 210—211.

²³ Выступая на парламентских слушаниях, Владимир Туманов процитировал не потерявшие актуальность слова Томаса Джефферсона: «173 деспота, несомненно, будут угнетать народ так же, как и один... Законодательная власть может захватить все в свои руки, а захватив все, она может свести все к одному человеку, которого назовет председателем» (Стенограмма парламентских слушаний 23 ноября 1992 г. — Архив автора).

²⁴ *Ельцин Б.* Записки президента. — М., 1994. — С. 239.

²⁵ Это говорил Г. Попов, объясняя депутатам, избранным на Съезд от Москвы, мотивы своей отставки (Запись на встрече группы депутатов с Г. Поповым. 08.06.1992. — Архив автора).

²⁶ Даже среди близких к президенту депутатов этот поворот был воспринят по-разному. На собрании «Коалиции реформ» Сергей Филатов объяснял: на Съезде президент излагал свою личную точку зрения, а теперь превалируют взгляды «окружения», это очень опасно. Нет, возражала Бэла Денисенко, опасность — в уступках, в связях с людьми из блока «Созидательные силы», в поползновениях на роль всенародного президента (запись на собрании депутатов «Коалиции реформ». 01.06.1992. — Архив автора.).

²⁷ *Россия-2000...* — Т. 1. — С. 175.

²⁸ Обстоятельства этого эпизода Ельцин и Гайдар освещают по-разному. К ответственному совещанию в Кремле по проблемам нефтегазового комплекса, рассказывает Гайдар, Лопухин подготовил несколько основополагающих документов и готовился сделать доклад. Открывая совещание, Ельцин неожиданно объявил о замене министра. «Все было решено за моей спиной... Сразу после совещания Ельцин позвонил мне, извинился, сказал, что хотел меня предупредить, но, к сожалению, не успел, не смог связаться... Первый импульс — немедленно подать в отставку, снять с себя ответственность за неизбежные негативные и болезненные последствия, к которым поведет отступление от реформ или просто их замедление» (*Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 190—191). Депутатские фракции, излагает свою версию Ельцин, еще на VI Съезде потребовали отставки четырех министров и в их числе Лопухина. Сначала президент пе-

редал этот список Гайдару через Бурбулиса, потом «я лично переговорил с Гайдара и назвал эти четыре фамилии». «Гайдаровская команда восприняла мои предложения о коррективах в составе правительства крайне болезненно». Когда отставка, наконец, была объявлена, «...помню два лица: совершенно пунцовое, почти алое — Гайдара, и белое как полотно — Лопухина. На них тяжело было смотреть... Будущие историки определят, кто из нас был прав» (Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 255—257).

²⁹ Запись встречи группы депутатов объединения «Реформа» с Б. Ельциным. 03.06.1992. — Архив автора.

³⁰ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 233. Как выяснилось на встрече, Ельцин не знал, что проект Конституции, хотя и претерпел ряд увечий при прохождении через ВС, оставил за президентом довольно широкие права. Но этот выход в комиссию, в которой все решительнее задавал тон Хасбулатов, остался единственным эпизодом.

³¹ Запись встречи депутатов демократических фракций с Б. Ельциным. 01.08.1992. — Архив автора.

³² Национально-патриотическая оппозиция и, в частности, Русский национальный собор, заявил его председатель Стерлигов, «снимают с себя всякую ответственность за последствия социального взрыва, который произойдет в самом ближайшем будущем...» (Россия-2000... — Т. 1. — С. 194).

³³ Там же. — С. 200—202, 204, 219.

³⁴ Запись дискуссии на II Форуме сторонников реформ. 29.11.1992. — Архив автора.

³⁵ Информация депутатов Л. Волкова и Л. Пономарева. 15.07.1992. — Архив автора.

³⁶ «Апофеозом финансовой безответственности» назовет Гайдар обсуждение в ВС бюджета на 1992 г. (Гайдар Е. Указ. соч. — С. 193).

³⁷ Индекс прироста потребительских цен с 20—40% в январе—апреле снизился до 9—12% в мае—сентябре, а затем вновь увеличился до 25—28% (Ясин Е. Российская экономика: Истоки и панорама. — М., 2002. — С. 253).

³⁸ Уровнем гиперинфляции признается месячный прирост индекса цен свыше 50% в течение трех месяцев.

³⁹ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 244.

⁴⁰ Запись встречи Е. Гайдара с депутатами демократических фракций. 22.10.1992. — Архив автора.

⁴¹ Запись встречи Г. Бурбулиса с депутатами демократических фракций. 18.05.1992. — Архив автора.

⁴² Документы группы «Реформа: Фракция здравого смысла», Обращение к депутатам, Заявление о создании внефракционной группы «Реформа» в российском парламенте. — Архив автора.

⁴³ Представитель «Смены» Игорь Муравьев заявил, что президент и правительство — главное препятствие на пути, но не пошел дальше предложения

создавать теневое правительство, теневой парламент (?) и парламентские партии.

⁴⁴ Записи на Форуме общественных сил. 21.06.1992. — Архив автора.

⁴⁵ Россия-2000... — Т. 1. — С. 182, 187, 190.

⁴⁶ Там же. — С. 201; Записи на Форуме сторонников реформ 04.07.1992, собрании группы «Реформа» 21.10.1992 и на конференции «Коалиции реформ», посвященной экономической реформе, 21.09.1992. — Архив автора.

⁴⁷ О негласных переговорах Ельцина с лидерами ГС довольно подробно рассказали помощники президента (Эпоха Ельцина... — С. 235—240; Костиков В. Роман с президентом. — М., 1997. — С. 136—139).

⁴⁸ Материалы пленума Совета представителей «Демократической России». 06—07.06.1992. — Архив автора.

⁴⁹ «Если мы не проведем нормальную аграрную реформу, — говорил Юрий Черниченко, — то погибнем под копытами тех, кто сбегается к Останкино. Почему мы не выбрасываем на рынок триллионы — землю?». «Землей мы сможем расплатиться с армией, с частью городского населения», — предлагал Леонид Волков (записи на Форуме сторонников реформ 04.07.92, на собрании группы «Реформа» 10.06.1992. — Архив автора).

⁵⁰ Заявление Оргкомитета по проведению внеочередного съезда движения «Демократическая Россия». 05.06.1992. — Архив автора.

⁵¹ Отсюда прямая линия поведет к президентскому проекту 1993 г., Конституционному совещанию — субституту Учредительного собрания и референдуму, проведенному по указу, тоже в обход закона о референдуме.

⁵² Год после августа. Горечь и выбор. — М., 1992. — С. 11.

⁵³ Там же. — С. 255—256.

⁵⁴ Там же. — С. 115.

⁵⁵ Там же. — С. 215.

⁵⁶ Там же. — С. 217.

⁵⁷ «Газета, а не телевизор», — акцентирует он свою мысль. Да, она нужна для «концептуализации демократии» как орган «постоянного раздумья, уточнения, развития концепции, развития сил гражданского общества», — соглашается с ним Владимир Библер. «Ну, от телевизора тоже не отказались бы», — замечает Ю. Афанасьев (Там же. — С. 216, 240—241).

⁵⁸ Там же. — С. 236.

⁵⁹ Там же. — С. 119. С этим можно согласиться при одной оговорке: в состоявшихся демократических режимах партии оппозиции выполняют вполне конструктивные функции.

⁶⁰ Обращение к Верховному Совету РФ подписали руководители всех республик, кроме Чечни и еще не конституировавшейся Ингушетии. Предложение мотивировалось стремлением обеспечить стабильность до принятия новой Конституции, «подготовка которой вступила в завершающую фазу». — Архив автора.

⁶¹ Рос. газ. — 1992. — 4 сент.; Известия. — 1992. — 4 сент. Отмечалось, в частности, что на высокий пост в аппарате Хасбулатов назначил видного гэкачеписта генерала Ачалова.

⁶² Запись на парламентских слушаниях «О совершенствовании работы ВС». 21.09.1992. — Архив автора.

⁶³ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 286—287.

⁶⁴ Записи на Конгрессе интеллигенции 28.11.1992 и на II Форуме сторонников реформ 29.11.1992. — Архив автора.

⁶⁵ Резолюция и другие документы II Форума сторонников реформ. 29.11.1992. — Архив автора. Собравшиеся уже в дни Съезда представители организаций, вошедших в «Демократический выбор», высказались за проведение референдума о досрочном прекращении полномочий СНД и ВС и поддержали выдвижение Гайдара на пост премьера.

глава 16

VII Съезд российских депутатов

Если нельзя, но очень надо, то можно.

«Литературная газета». Клуб «12 стульев»

ВЗГЛЯД ИЗ 1992 года.

ГОРЬКИЙ ВКУС ПОРАЖЕНИЯ¹

1992 г. для большинства граждан России был самым трудным годом посткоммунистического периода, начало которому положила перестройка, объявленная горбачевским руководством. События, разыгравшиеся на VII Съезде народных депутатов и вокруг него, стали закономерным итогом и политической кульминацией истекшего года. По своей фабуле VII Съезд был одним из самых драматичных, изобиловал непредсказуемыми поворотами и потенциально грозными последствиями. В известной мере это было связано с продолжающимися сдвигами в депутатском корпусе. Но главным, конечно, было изменение ситуации в обществе.

В преддверии Съезда, когда не удалось попытку отложить его на весну, я высказал предположение, что очередная сессия Съезда, этого реликта советской системы, будет дорогостоящим и бесполезным спектаклем. Эта оценка оказалась слишком мягкой. Проведение Съезда в накаленной ситуации стало делом

опасным и вредным: противостояние в Большом Кремлевском дворце, транслированное камерами телевидения на всю страну, вплотную подвело к грани, за которой оно могло выплеснуться на улицы и площади, сделать ход событий неконтролируемым.

В основе всего этого — объективные последствия реформы и их отражение в массовом сознании. Единственное, что могло бы надежно укрепить социальные позиции команды реформаторов, получившей в свое распоряжение правительство (но не весь объем исполнительной власти), — стабилизация, а затем и улучшение экономического положения. Драматизм нашего переходного периода к рынку и демократии заключается в том, что курса реформ, способного в короткое время изменить ситуацию, вероятно, не существует в природе. В России нет и не может быть в ближайшие годы и тем более месяцы популярного правительства и популярного курса экономической реформы, какие бы силы ни стояли у власти. Но общество по понятным причинам не хочет этого понять и принять. Существует порочный круг: в ближайшем будущем радикальная реформа не будет иметь достаточно внушительной социальной базы, связывающей свои интересы с ее энергичным продвижением. Но без такой базы реформа будет периодически пробуксовывать и зависеть от более или менее произвольных политических комбинаций.

Между тем социальная ситуация в течение всего 1992 г. продолжала ухудшаться. <...> Можно спорить о точности экономических показателей (не учитывающих обороты теневой экономики, в которую вовлекается растущая часть граждан), о доле населения, оказавшегося за чертой бедности, но непереложная констатация: столь резкого единовременного ухудшения материального положения огромных масс населения в России и других республиках бывшего СССР не было со времен Отечественной войны.

Последнее обстоятельство заслуживает специального внимания. Критика курса российских реформ, как добросовестная, так и демагогическая, неизменно повторяет одни и те же обви-

нения: пренебрежение административным вмешательством государства в экономику, которое нельзя тотально демонтировать в переходный период; недооценка специфики российских условий, включая антисобственнический, нерыночный менталитет значительной части населения; ставка на одномоментный, скачкообразный переход, чреватый разрушением производства и социальным взрывом; разрушение социальной сферы и обнищание народа и т. д. В этих суждениях, вероятно, есть доля истины, а в методах проведения реформы, как об этом сказало само правительство на VII Съезде, были свои ошибки и просчеты. Искажение, однако, начинается там, где неудовлетворительное состояние экономики однозначно связывается либо с реформой, либо с типом ее проведения. Небезынтересно поэтому сопоставить ситуацию в России и других бывших советских республиках, в большинстве из которых к экономической реформе переходили значительно более осторожно и старались избегать шоковых мер.

В ноябре 1992 г. солидный парижский журнал «Euromoney» опубликовал оценку экономического положения 159 стран мира в 1992 и 1993 (прогноз) г., основанную на сопоставлении данных многочисленных экспертов и учитывающую темпы экономического роста, состояние финансов, бюджета, платежный баланс, уровень безработицы, структурные диспропорции. При всей условности этих оценок весьма характерно, что Россия, занимающая в списке 107-е место, опережает все без исключения республики бывшего СССР, располагающиеся на этой шкале между 116-м (Литва) и 143—144-м местами (Таджикистан и Грузия). Падение производства в значительных масштабах и рост цен, все сопутствующие негативные процессы не удалось остановить нигде: безболезненного выхода из тупика, в который зашла планово-распределительная экономика, нет. Украина, народное хозяйство которой по масштабам и структуре более всего сопоставимо с Россией, в декабре 1992 г. устами нового премьера вынуждена была признать развал фи-

нансовой системы республики, взлет инфляции, не меньший, чем в России, неспособность дотировать из госбюджета производство товаров массового потребления, иными словами — приближение катастрофы, несостоятельность примерно того экономического курса, который настойчиво предлагают в России критики правительства Гайдара.

Такова объективная сторона дела. Но в массовом сознании ухудшение экономического положения выражается в нарастающем отторжении от политики реформ. Об этом свидетельствуют многочисленные социологические опросы, проведенные перед и во время VII Съезда организациями, придерживающимися разных политических ориентаций и использующих различные методики.

Более 70% опрошенных оценивают свое материальное положение как в той или иной мере ухудшившееся в 1992 г. <...> Среди факторов, определивших это ухудшение, на первое место неизменно выдвигается либерализация цен. <...> Это не могло не отразиться на отношении населения к «правительству реформ»: по тем же данным, в его поддержку высказались 13%, против — 57%; ни в одной социально-профессиональной группе число сторонников правительства не превышало числа его противников.

Впрочем, выводы, которые делали граждане России из своей оценки ситуации, как можно судить по данным еще одного опроса, которые приводит социолог Л. Бызов, существенно различались: 28% высказались за ускорение проведения реформ, 24% — за их замедление, 30% — за приостановку. Можно спорить, отталкиваясь от всех этих данных, подошел ли антиреформаторский потенциал к критической точке или еще нет, но сдвиги в обществе не могли не найти отражение в позиции большинства депутатского корпуса на VII Съезде, в его решительном повороте против «правительства реформ», против Президента и тех политических сил, на которые они опираются. По данным информационно-аналитической группы А. Собянина,

регулярно подсчитывающей рейтинги по голосованиям депутатов (+100 — все голосования с позиций демократических фракций, -100 — все голосования с позиций консервативных фракций), средняя «температура» понизилась с +7 на первом Съезде до -11 на шестом и -20 на седьмом.

Ничего опасного и тем более чреватого катастрофой в этом сдвиге не было бы, если бы в России существовала пусть не политическая стабильность — исторический опыт свидетельствует, что в период острого экономического кризиса такой стабильности не бывает и в исторически утвердившихся демократиях, — но хотя бы были достроены основы новой государственной системы, а основные участники политического процесса соблюдали конституционные правила игры. Более того, переход власти от правительственной партии к оппозиции, которая приступает к реализации альтернативной программы, — вполне нормальное явление. Но в России нет ни партийной системы, ни партий большинства и меньшинства, ни цивилизованной оппозиции, ни альтернативной программы реформ. Вместо признанной обществом Конституции и реализуемой на ее основе законности страна имеет пока под таким названием лишь весьма эклектичный и противоречивый документ, в котором соединены в причудливых сочетаниях разные типы государственно-правового устройства, обилие сходящих с конвейера законов, которые общество и даже правоприменительные органы не успели не только реализовать, но и толком уяснить, и тотальное, исторически наследственное неуважение, небрежение всякой законностью.

При таких условиях всякое раскачивание государственно-го корабля, апелляция к улице, использование непарламентских форм давления на Съезд народных депутатов, который, строго говоря, и сам представляет не парламент, а многодневный многолюдный митинг, не приспособленный ни к законодательной, ни к контрольной, ни к какой-либо вообще профессиональной парламентской деятельности, но легко превращается в бушующее море политических страстей, настойчивое стремление ис-

пользовать такой Съезд для давления на Верховный Совет, Президента и правительство — не что иное, как безответственная игра с огнем. Тем более, если участники вступают в эту игру с завязанными глазами или стараются завязать глаза другим. Между тем все основные политические силы либо сами шли на Съезд во власти иллюзий, либо сеяли, вольно или невольно, иллюзии, либо сочетали то и другое.

Самую неблагоприятную роль взяла на себя агрессивная «право-левая» оппозиция. Пытаясь увлечь за собою людей, теряющих почву под ногами, лидеры и ораторы этой оппозиции в средствах массовой информации, от которых они были якобы отторгнуты, на улицах и площадях, скликая туда своих немногочисленных приверженцев, в залах государственных учреждений развернули яростную кампанию, нацеленную на дестабилизацию существующих политических институтов. Настойчиво внедряя в сознание своих сторонников броские формулы об «оккупационном правительстве», «кабальной зависимости от стран Запада», «национальной измене» и т. п., агрессивная оппозиция энергично противилась внесению в действующую Конституцию поправки, устанавливающей ответственность за разжигание социальной розни.

Арсенал приемов, которые широко использовали вожди агрессивной оппозиции, поразительным образом напоминал известные исторические образцы, хотя бы описанные в классической работе К. Гейдена «История германского фашизма», где было обстоятельно показано, как под лозунгами национализма и социализма Гитлер и его сообщники шли к власти и осуществляли политическую мобилизацию масс людей, выбитых кризисом из привычной жизненной колеи. Перед VII Съездом была предпринята и прямая попытка организовать этот идеологически и социально разнородный конгломерат в так называемый Фронт национального спасения.

Направленный сноп иллюзий излучали и силы, которые претендовали на роль политического центра и нарекли себя

«конструктивной оппозицией». Во-первых, явно преувеличивались силы и влияние тех политических организаций, которые образовали Гражданский союз, и ориентированных на него депутатских фракций. Благосклонное внимание средств массовой информации как в России, так и за рубежом к каждой заявке на власть и влияние, с которыми не уставали выступать лидеры Гражданского союза, утверждали иллюзию, будто бы речь идет о собственной, а не заемной силе, на которую он мог рассчитывать, поглядывая в сторону то президентской команды, то агрессивной оппозиции. Во-вторых, недооценивалась разнородность политических составляющих квазицентристской коалиции, ничуть не меньшая, чем у «право-левой» оппозиции, и переоценивалась степень контроля его лидеров над поведением депутатов соответствующих фракций. В-третьих, не без участия серьезных ученых, заслуживших в отличие от профессоров марксизма-ленинизма, вошедших в научную службу блока «Российское единство», действительный научный авторитет, старательно распространялась иллюзия, будто бы квазицентристы имеют продуманную и реалистичную альтернативную программу вывода страны из кризиса. Наивная интерпретация, будто правительство Гайдара сделало неверный выбор между американской и западноевропейской моделями, в первый же день VII Съезда была дана в популярной лекции, с которой выступил спикер парламента и которая заслужила успех в этой не слишком экономически подготовленной аудитории.

С искривленным видением ситуации шли на Съезд и демократы. Они, конечно, принимали во внимание ослабление своих парламентских позиций, но недооценивали его масштабы. Они верили в прогноз своей информационно-аналитической группы, предрекавшей высокую вероятность утверждения Съездом Гайдара в должности премьера. Они подталкивали Президента к жесткой, предельно бескомпромиссной кадровой линии. Не желая видеть сдвиг в общественных настроениях и столкнувшись с неожиданными и обидными поражениями, они попытались

оказать давление на Съезд, как это успешно делали в прошлом, обличая посткоммунистическую номенклатуру, пытаясь сорвать кворум на Съезде, организуя политические кампании в Большом Кремлевском дворце и за его стенами и инициируя различные референдумы, от которых их противники легко защитились голосованием большинства на Съезде.

Вместе с демократами переоценил силу своего влияния на Съезд и общество Президент, ошибочно ориентированный собственным окружением. Недавний опыт подсказывал, что чем более твердую позицию противостояния консервативным силам на Съезде и вне его занимал в 1990—1991 гг. Б. Н. Ельцин, тем вернее он одерживал победы. Не учитывалось, однако, что теперь критика Президента и правительства приносила уже не меньшие политические дивиденды, чем критика партократии за полтора-два года до того. Не случайно среди самых ярких его обличителей оказалось немало бывших сторонников, которые прежде с той же неумной яростью клеймили Горбачева, коммунистов и отвергали решительно все, что происходило в нашей стране в предшествовавшие 70 лет.

Но помимо объективной ситуации против Президента работала его тактика, отличавшаяся поразительной непоследовательностью и неадекватностью менявшимся ситуациям. Наталкиваясь на неудачи, он, по моей оценке, менее чем за месяц, с середины ноября до середины декабря 1992 г., пять раз круто сменил линию поведения. Он делал невзвешенные и бестактные уступки, которые не удовлетворяли его противников и раздражали сторонников, и обращался к скрытым или явным угрозам, которые не пугали первых и не прибавляли силы вторым. Мне не хотелось бы делать поспешное заключение об утрате Президентом острого политического чутья, которое давало ему сильные преимущества, но едва ли может быть оспорено, что работавшая вразнобой президентская команда не обеспечила его ни объективной информацией, ни адекватными тактическими работками.

Неподготовленным пришло на Съезд и правительство или, точнее, его политическое и интеллектуальное ядро — команда Гайдара. Эта команда, на мой взгляд, была не только лучшей частью всех государственных структур послеавгустовской России, но и заметно возвышалась соответствием и пониманием действительных долговременных интересов общества над всеми правительствами нашей страны в последние 75, а может быть, и 100 лет. Оно проводило экономический курс настолько целеустремленный и последовательный, насколько позволяли складывающаяся ситуация и колоссальное давление Верховного Совета, Центрального банка, директорского корпуса, мест. Но, изначально заявив о себе как о кратковременном «правительстве камикадзе», оно чрезмерно полагалось на щит президентской защиты, не имело собственной комплексной стратегии, включающей меры социального маневрирования, и не задумывалось над тем, сколь велик еще потенциал терпения у народа и запас прочности у институтов власти.

Ход VII Съезда, его драматические перипетии достаточно хорошо известны. Попытки различных, в том числе и внушительных меньшинств решить или по крайней мере поставить в центр внимания Съезда вопросы, которым они придавали особое значение, как правило, не достигали успеха. Агрессивная оппозиция уже при обсуждении повестки дня потерпела поражение в своих попытках превратить Съезд в суд над Президентом и правительством. Равным образом и демократам не удалось добиться решений, углубляющих реформы (прежде всего, существенных коррекций земельного законодательства или хотя бы назначения референдума по данному вопросу) и вводящих в рамки конституционной легальности и элементарного приличия деятельность Президиума Верховного Совета и его председателя. Более того, проведенная в рутинном порядке частичная ротация Верховного Совета усилила сдвиг в пользу сторонников «Российского единства» (по данным А. Собянина, их число увеличилось со 127 до 137 при общей численности Верховного

Совета в 247—248 депутатов) и, вероятно, сделала его более управляемым для спикера.

Точно так же были озвучены, но не получили развития попытки, с одной стороны, под флагом реализации Федеративного договора сдвинуть конституционное устройство России в сторону конфедерации, а с другой — ограничить своеволие органов власти некоторых республик, подталкивающих Российскую Федерацию на путь, по которому чуть раньше прошел Союз.

Вопрос об экономическом положении и экономической политике, казалось бы, и мотивировал созыв Съезда в декабре, и занял на нем заметное место. На деле данное многолюдное собрание абсолютно не приспособлено решать сложные вопросы, требующие детальной проработки в комитетах, неторопливого выслушивания экспертов, аналитического изучения проблем, составляющих существо дела. Надрывные декламации перед камерами телевидения и поспешно проведенные голосования нимало не продвигают в решении кардинальных практических вопросов: о величине налога на добавленную стоимость и процентной ставки банковского кредита, условиях и процедуре банкротства предприятий, способах разрешения кризиса неплатежеспособности предприятий, темпах и условиях приватизации, формах и размерах социальной компенсации, которые может выдержать ослабленная экономика. Все это по-прежнему будет решать правительство под более или менее действенным контролем Верховного Совета.

Постановление по экономическому положению, принятое с грубейшими нарушениями парламентской процедуры, хотя и принесло столь желанную сатисфакцию ненавистникам правительства, выставив ему очередной «неуд», представляет весьма малосодержательный текст с рекомендациями общего порядка, реализация которых в одной части вообще неосуществима, как это уже было с аналогичным документом VI Съезда, а в другой зависит от того, каким должно было стать правительство и как оно станет формироваться.

Поэтому действительно центральным вопросом VII Съезда оказался вопрос о правительстве — о его персональном составе и конституционных нормах его образования и устранения, — который в крайне огрубленном виде был представлен как выбор между президентской и парламентской (или даже советской) формой государственного устройства.

Зрительская аудитория зачастую воспринимала происшедшее как дуэль Ельцина с Хасбулатовым. Борьба, действительно, — не будем пытаться увидеть вещи в лучшем свете, чем они есть на деле, — во многом отражала столкновение амбиций и властолюбивых стремлений честолюбивых политиков, которые объединились в кланы, ориентированные либо на президентские, либо на съездовские структуры. Голосования по предложениям демократов и консерваторов, собиравшие периодически то большинство, то меньшинство голосов, нередко выражали не столько осознанный выбор по конкретному оспариваемому вопросу, сколько приверженность общей прежней или новообретенной позиции, ориентацию на поведение лидеров, формальных и неформальных. Но все же в основе драматических схваток на Съезде, при всех наслоениях и побочных мотивациях, был выбор между продолжением избранного типа и темпа реформ и такой его корректировкой, которая означает — осознается это или нет — сохранение тепличных условий для большинства предприятий, патронаж государства по отношению к производителям и потребителям и срыв антиинфляционного курса, т. е. обесценение всех ранее принесенных жертв, и ревизию внешнеполитического курса, представляющего развитие столь ненавистой агрессивной оппозиции линии Горбачева—Шеварднадзе на вхождение России в сообщество демократических государств.

Если эти констатации верны, то итог VII Съезда можно определить следующим образом. Первое. Он не решил ни одной из стоявших перед ним задач: ни тех, в решении которых заинтересовано российское общество, ни тех целей, которые рассчиты-

вала достичь оппозиция, навязывая сроки его созыва. Баланс власти остался, в основном, таким, каким он был до Съезда. Решающие столкновения были отложены до апреля: до референдума и следующего Съезда.

Второе. Все без исключения участники политического процесса вышли со Съезда с потерями. Наиболее очевидно поражение демократов, Президента, прежнего правительства. Сначала казалось, что у них есть некоторые шансы сохранить во главе правительства Гайдара и непререкаемая возможность заблокировать нежелательные изменения в Конституции. Обострение ситуации, которое нагнеталось с обеих сторон, привело к тому, что они не смогли рассчитывать даже на одну треть голосов.

Тактика открытого нажима со стороны Президента на депутатский корпус обнаружила свою бесперспективность. Именно она была главной причиной подвижки квазицентристских фракций в сторону блока «Российское единство». Еще до Съезда распространялись слухи, что у Президента есть силовые заготовки на случай неблагоприятного хода событий. Была ли это нацеленная утечка информации или намеренная дезинформация, исходившая от агрессивной оппозиции, но сыграла она крайне провоцирующую роль. Шаг, на который в конечном счете решился Президент, — обращение к народу через голову Съезда — наиболее отчетливо выявил сузившееся поле его влияния и возможностей. Президент утратил какую-то часть своего прежнего победоносного имиджа, правительство — роль ведущего идеолога реформ и некоторые конституционные редуты, ограждавшие его от чрезмерных и некомпетентных вторжений оппозиции в его текущую деятельность, демократы — роль той политической силы, с которой должен считаться парламент.

Необходимо подчеркнуть, поскольку это менее очевидно, что поражение на Съезде потерпела также оппозиция — и «конструктивная», и агрессивная. Первая так и не обрела собственно-

го лица и не завладела какими-либо серьезными дополнительными рычагами воздействия на политический курс Президента и правительства. Вторая терпела поражение всякий раз, когда пыталась реализовать собственные, далеко идущие цели, и оказывалась в изоляции, когда пыталась сорвать с трудом выработавшийся консенсус.

Перечень потерпевших поражение был бы неполон, если бы не был назван еще один, главный пострадавший — российское общество, вышедшее из декабрьских потрясений с ослабленными государственными структурами, с дискредитированными, теряющими авторитет и общественную поддержку представительными институтами (по данным ВЦИОМ, 52% опрошенных москвичей оценили работу VII Съезда как беспорядочную и бессодержательную, 24% — как разрушительную), с лишившимся стержневой фигуры и политически амбивалентным правительством.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ ²

VII Съезд открылся 1 декабря и завершился, хотя его намеревались провести за неделю, 14 декабря. Это был если и не самый продолжительный, то один из наиболее напряженных Съездов. Противостояние выливалось в острые схватки. Временами казалось, что этот Съезд станет последним. Его основная драматургия была сконцентрирована на том, каким станет и кому будет подчинено правительство. Эта борьба прошла пять стадий, в моем изложении — действий. Съезд рассмотрел также множество иных, связанных с основной интригой лишь косвенно, вопросов. Кроме того, некоторые важные события, имевшие отношение к Съезду, происходили в те дни за стенами зала или даже Кремля. По законам сценического действия я их выделяю в интермедии, которые, однако, не укладывались в промежутки между актами и подчас шли параллельно во времени и пространстве.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Перед самым открытием Съезда, 30 ноября, был разыгран эпилог другой драмы, растянувшейся на многие десятилетия. На сцене вновь появилось, как ведьмы в «Макбете», главное действующее лицо того представления — сила в некотором роде потусторонняя или казавшаяся тогда таковой. Завершив полугодовые слушания, Конституционный суд вынес свой вердикт по «делу КПСС» — решение далеко не соломонино, хотя и претендовавшее на объективность. Оно оказало серьезное влияние и на разворот событий на самом Съезде, и на все дальнейшее политическое развитие страны. Суть оглашенного постановления сводилась к следующему. Указы Ельцина о запрете КПСС и российской компартии конституционны в той мере, в какой они относятся к высшим руководящим органам этой партии, ибо только их деятельность нарушала Конституцию. Поэтому «возможность их восстановления в прежнем виде» исключается. Что же касается первичных организаций КПСС и КП РСФСР, образованных по территориальному принципу, то они имеют право на деятельность в соответствии с законом. Под тем предлогом, что миллионы граждан, вступивших в партию, не могут нести ответственность за преступления своего руководства, а их членам должны быть предоставлены права, равные с другими гражданами, — ведь идеи запрету не подлежат, был открыт путь к воссозданию компартии. Ходатайство же о признании неконституционности КПСС и ее подразделения — КП РСФСР было признано лишенным предмета на том замечательном основании, что уже в течение года эти партии не существуют — в нашу историю Конституционный суд вдаваться не стал! Чтобы оценить юридическую и политическую правомерность этого решения, достаточно вообразить немыслимое: будто бы Нюрнбергский международный трибунал, выносивший приговор в 1946 г., т. е. через год после соответствующих актов военной администрации союзников, разрешил деятельность низовых структур нацистской партии, позволил им создать новое руководство и отказался рассматривать

иск о преступном характере этой партии и государства на том основании, что они более не существуют³. Постановление это не только подтолкнуло процесс консолидации реваншистских сил. Оно предвещало позицию, которую готовилась занять высшая судебная власть в обострившемся конфликте.

Заметные изменения к началу Съезда произошли — и, что не менее важно, продолжались в его ходе — во фракционной и блоковой структуре российского парламента. К четырем фракциям блока «Российское единство» («Коммунисты России», «Россия», «Отчизна» и «Аграрный союз»), официально насчитывавшему перед Съездом 323, а в конце — 304 депутата, присоединилось объединение, назвавшее себя «Гражданским обществом». На установленный минимум численности оно так и не вышло и в последний день было зарегистрировано как группа, а не фракция. Но на протяжении всего Съезда оно пользовалось всеми правами фракции (внеочередные выступления, место в совете фракций и т. п.), что было немаловажно, поскольку лидеры этой группы — Виктор Аксютин, Михаил Астафьев, Михаил Челноков и другие — не отходили от микрофонов и во многом определяли атмосферу, в которой шел Съезд.

«Коалиция реформ», которая была создана на индивидуальной, внефракционной основе и насчитывала перед VI Съездом около 250 человек и на которую тогда и президент, и демократы возлагали большие надежды, свой статус подтвердить не смогла и к концу VII Съезда официально прекратила существование. От ее имени на Съезде выступали две фракции — «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы», не без труда набравшие к моменту регистрации по 50 членов. К открытию Съезда была сформирована третья демократическая фракция — «Согласие ради прогресса» (СрП)⁴.

Была сделана еще одна попытка, не сходя с общей демократической платформы (сохранение «команды Гайдара», уважение к Конституции, ближайшие союзники — «ДемРоссия» и «Радикальные демократы» и т. д.) создать полюс консолидации боль-

шинства, чужающегося любых крайностей. На пресс-конференции, проведенной в день открытия Съезда, лидеры фракции заявили, что она претендует на роль моста между «Коалицией реформ» и центристскими объединениями, но не идентифицирует себя ни с той, ни с другими. С первой — поскольку на Форуме сторонников реформ она высказалась за немедленный роспуск СНГ. Со вторыми — поскольку они поддержали «абсолютно неприемлемые» экономические предложения Гражданского союза⁵. Как вскоре выяснилось, Съезд был слишком поляризован и накален страстями, чтобы эта попытка удалась. С таким же успехом матросы плохо управляемого судна бросали бочонок масла в штормовое море. Программа СрП стала, скорее, заявкой на будущее. В существенных чертах она была позднее воспроизведена «Яблоком», предтечей которого (и одним из источников кадров) эта фракция была. А пока ей предстояло занять не более чем особое место на демократическом фланге нашего саморазрушавшегося парламентаризма. Все три демократические фракции едва удержались на отметке 154 членов — вдвое меньше, чем «Российское единство».

«Свободная Россия» и «Левый центр» вместе с фракцией «Суверенитет и равенство», оппозиционность которой умеряло заключение Федеративного договора, образовали идеологически и политически довольно рыхлый блок «Демократический центр». Его численность на Съезде сократилась со 188 до 164 человек. В значительной мере потому, что распалась ранее входившая в его состав фракция «Беспартийные депутаты».

Наконец, между «Демократическим центром» и «Российским единством», все более склоняясь к позициям последнего, располагался блок «Созидательные силы — Новая политика» («Смена», «Промышленный союз» и «Рабочий союз — Реформы без шока»), численность которого за время Съезда выросла со 129 до 155 депутатов. Вне всех фракций оставались более 200 депутатов самой различной политической ориентации: от Юрия Афанасьева и Сергея Шахрая до Татьяны Корягиной и Юрия Си-

доренко, проделавших путь из завзятых демократов в яростных оппозиционеров, и Геннадия Саенко, посчитавшего коммунистическую фракцию слишком оппортунистичной⁶.

Так выглядел расклад сил по данным официальной регистрации. Могло создаться впечатление, что наряду с ослабевшим демократическим крылом и окрепшим национал-коммунистическим существует центр, более массивный, чем на первых Съездах. Но в конце 1992 г., как и ранее, принадлежность депутата к той или иной фракции далеко не всегда предопределяла его общую политическую позицию и тем более — поведение в конкретных ситуациях. Более тонкий анализ был предложен группой Александра Собянина, представившей распределение депутатов на основе учета их поименных голосований по итогам сначала первого дня VII Съезда, а затем — значимых голосований на всем его протяжении. В обобщенном виде результаты выглядели так. Доля депутатов, более или менее решительно поддерживавших президента, правительство и то, что тогда называлось курсом реформ, в дни Съезда сократилась с 40 до 35%, а занявших противоположную позицию выросла с 60 до 65%. Причем число тех, кто твердо поддерживал президента и правительство, составило менее 200 из 1040 депутатов⁷.

Все это, конечно, было известно и оппозиции, и президенту. Но если первая тщательно готовила сценарий, который собиралась разыграть на Съезде, то президент, его команда и демократические фракции слабо себе представляли, как развернутся события. Определять (и менять) собственную роль в не ими режиссируемом спектакле предстояло на ходу.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. СУДИЛИЩЕ (1—5 ДЕКАБРЯ)

Уже при обсуждении повестки дня стало ясно, что основным пунктом обвинения, как и на VI Съезде, станет экономическая политика, а главным обвиняемым — правительство. Предвзятость обвинителей проявилась уже в том, что вопрос о главе правительства по инициативе «Созидательных сил» был 565 го-

лосами дополнительно втиснут в повестку, рекомендованную Верховным Советом, но тут же 387 депутатов проголосовали за то, чтобы «убрать... доклад Егора Тимуровича»⁸. Мотивировка была столь же откровенной, сколь и циничной: мы знаем все, что он скажет. Своей ирреальностью действо, начавшееся с первых минут на Съезде, мне стало напоминать сцены спектакля по сказке Гоцци «Ворон». Злой волшебник повторял скрипучим голосом герою: «Нет, я тебя не стану слушать!».

Ельцин знал не раз испытанный в прошлом магнетизм своего слова. На этот раз он выступил первым, рассчитывая, видимо, переломить настроение. Косвенно дезавуировав прежние свои предложения убрать Съезд, он объявил призывы к отставке правительства, роспуску Съезда, «перетряске» Верховного Совета абсурдными и призвал к «полноценному сотрудничеству парламента и правительства». Президент пообещал «поворот политики реформ к человеку», но тут же подчеркнул, что «главные упущения и просчеты были в тактике проведения правильной стратегии». Уловив, что обещанная корректировка курса сводится к частным изменениям, депутаты потеряли интерес к тому, что говорил докладчик. Начался шум, хождение по залу. К такому обхождению Ельцин не привык, его длинная речь начала терять энергию.

Когда он подошел к главному — формуле предлагавшегося им якобы компромисса с депутатами, внимание было рассеяно, да и сами предложения не показались им заманчивыми. Уступкой, на первый взгляд, мог выглядеть отказ от продления предоставленных президенту V Съездом дополнительных полномочий по законодательному регулированию экономической реформы. Но эти полномочия и так истекли в день открытия VII Съезда, и к тому же это было сказано в связке с иными предложениями. Новые же предложения, несомненно, ревизовавшие Конституцию, предусматривали передачу важнейших полномочий от Съезда Верховному Совету, от Верховного Совета — правительству, от правительства — президенту. Решение же вопроса, который стал едва

ли не главным камнем преткновения в отношениях президента и парламента — о контроле ВС над назначением министров — предлагалось отложить на весь стабилизационный период (продолжительность которого никто не знал)⁹. Это, конечно, был никакой не компромисс, а условия, которые мог бы продиктовать победитель. В докладе Ельцина, таким образом, были совмещены два не стыкующиеся меж собой начала: примирительное — на уровне деклараций и наступательное — на уровне предложений о дальнейшем перераспределении власти. Президент не сделал еще окончательного выбора между компромиссом, который требовал сдачу каких-то позиций, и ударом. Это чувствовали депутаты, что побуждало их «додавливать» показавшего, как они полагали, слабинку противника. Следует ли удивляться тому, что Съезд не стал даже обсуждать эти предложения президента?¹⁰

То, что заглавный доклад Ельцина оказался холостым выстрелом, было явлено в тот же день — по контрасту. Когда при обсуждении повестки Бабурин предложил поставить содоклад об экономическом положении от объединенной оппозиции, Хасбулатов отвел это предложение по формальному основанию и добавил как бы в пространство: «а потом, извините, я могу предложить вам такой доклад, который не снился никакой оппозиции»¹¹.

Тщательно подготовленный, блестящий по форме, уверенно поданный доклад Хасбулатова вполне отвечал настроению зала. Он не раз прерывался аплодисментами, а в конце был вознагражден бурной, продолжительной овацией. Не вступая в прямой спор с президентом, а кое-где расставляя знаки уважения к нему, председатель ВС явственно подчеркивал различие в подходах. Ситуация, говорил он, ссылаясь на оценку, данную Верховным Советом, ухудшающаяся, взрывоопасная, кризисная. Ошибки во всех сферах экономической политики породили кумулятивный эффект огромной разрушительной силы, справиться с которой не в состоянии никто, какими бы диктаторскими полномочиями он ни был наделен. Кого уж не щадил оратор, так это правительство. С апломбом знатока он рассказал депутатам о двух моделях рыноч-

ной экономики: либеральной и социально ориентированной, из чего сделал вывод: мы все за рынок, но правительство ведет страну по ложному пути¹².

Нужды нет, что на следующий день Гайдар покажет: некоторые важные показатели, на которые ссылался Хасбулатов, элементарно подтасованы. Признает: многого еще правительство сделать не сумело. Призовет к объективной оценке того, чего все же добилось правительство, впервые перешедшее от разговоров о реформе, которые велись несколько лет, к действиям. Хотя пока реальные преобразования не начались, говорил он, никто не знал, «как отреагирует огромная, не знавшая в течение трех поколений рынка страна на принципиально новый механизм социально-экономического регулирования». Разъяснит ложность хасбулатовской альтернативы двух путей: «Реальная дилемма, которая стоит сегодня перед нашим обществом, к сожалению, гораздо более тяжела и драматична, чем выбор между скандинавской и американской моделями». Ее суть — «сумеет ли вытащить нашу страну из слаборазвитости... или все-таки инерция спада, инерция развала потащит нас дальше вниз...»¹³.

Сила хасбулатовского доклада, впрочем, была не только в его форме и манере произнесения. Некоторые его пассажи вполне определенно задевали болевые точки нашего развития, порожденные в том числе и способом проведения реформы и чувствительные поныне¹⁴. Дискуссия, сопоставление разных подходов и совместный поиск решений могли бы быть продуктивны. Но экономические материи были лишь полем, на котором разворачивалась главная схватка — борьба за власть, за контроль над правительством. Об этом вполне откровенно и заявил председатель ВС: «Выбор Съездом модели рынка должен быть непосредственно связан с составом правительства и его главой»¹⁵.

Никто так не глух, как тот, кто не хочет слушать. Съездовское большинство не желало вникать в логику Гайдара и рукоплескало обличительным выпадам, как бы они ни были несправедливы и даже разнузданны. Развернулся и продолжался пять дней

шабаш, еще более макабрический, чем на VI Съезде. «Все происходящее не только в экономике, но и в России в целом — это не ошибки реформаторов, а комплекс сознательных, целенаправленных действий, направленных на разрушение экономической основы государства, приведший к развалу России... — возглашал с трибуны съезда лозунги ФНС Аман Тулеев, все более выдвигавшийся на роль златоуста агрессивной оппозиции. — Это правительство не реформаторов, а разрушителей»¹⁶. Поразительное дело, в дискуссии почти не прорезался голос сторонников правительства — то ли по причудам электронной системы записи выступающих, то ли по произвольному выбору председательствующего, то ли по охватившему их оцепенению. Психическая атака удалась на славу. Отповедь, которую в кратком заключительном слове Гайдар дал непримиримой оппозиции¹⁷, мало кто услышал.

Дискуссия по экономической реформе имела два важных последствия. Она утвердила, во-первых, роль Хасбулатова как распорядителя, а по сути, хозяина парламента. Спикер сделал то, что не удалось ни президенту, ни демократам, — сформировал большинство, но на платформе антиправительственной явно и антипрезидентской латентно, соединив агрессивную оппозицию и фракции центра. Возникла своеобразная конфигурация: «бешеные» из «Российского единства» — штурмовой отряд, два центристских блока — эшелон поддержки, Хасбулатов — модератор, связующее звено. Отчетливо вырисовывалась его цель: сменить состав правительства и прежде всего его главу, ввести туда независимых от себя людей, вырвать исполнительную власть из рук президента и, следовательно, стать по меньшей мере соизмеримой с ним фигурой. Какую программу стал бы осуществлять Хасбулатов и подчиненное ему правительство, сказать не может никто: слишком часто его подлинные намерения расходились с декларациями. Скорее всего, он действовал бы по обстоятельствам, а обстоятельства во многом формировали его союзники из «Российского единства».

Во-вторых, на пятый день Съезд принял очередное постановление «О ходе экономической реформы». Оно было еще более жестким, чем аналогичное постановление VI Съезда, по отношению к правительству, и совершенно фантастическим по предписанным мерам экономической политики: разного рода стимулирующие меры, выплаты и льготы никаким образом не были соотнесены ни с ресурсами, ни с инструментами, которыми могло располагать правительство, чьим бы оно ни было¹⁸.

На этот раз, однако, никто не устраивал демарша, не уходил из зала и не подавал в отставку. Было ясно, что суровые формулы постановления — не подготовка плацдарма на будущее, а лишь первый шаг в многоходовой игре, которую намеревались на этом же Съезде завершить отставкой правительства и подчинением его Верховному Совету. Споры и занудные голосования по постановлению продолжались, когда на незавершенное еще первое действие стал наползать второй акт драмы — обсуждение ключевых поправок в Конституцию.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ ПРОТИВ ПРАВИЛ ИГРЫ (3—4 ДЕКАБРЯ)

Поправок было много, были они явно не равнозначны и в разной степени конфликтны. В центре стояли изменения в треугольнике президент — парламент — правительство. По ходу обсуждения были выделены четыре спорные нормы:

- право Верховного Совета давать согласие не только на назначение, но и отставку заместителей премьера (первых и остальных), министров финансов, экономики, иностранных дел, обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, печати и средств массовой информации, а также председателей госкомитетов по управлению государственным имуществом и антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур;

- право Верховного Совета проводить образование, реорганизацию и упразднение министерств, госкомитетов и ведомств

(правда, по представлению президента, но до того он решал эти вопросы самостоятельно);

- самостоятельное право законодательной инициативы для правительства;
- подотчетность правительства СНД, ВС и президенту (именно в такой последовательности).

Эти нормы были представлены семью поправками к разным статьям Конституции¹⁹. Как только Съезд подошел к этому вопросу, завязались острые споры. Не только по существу, но и по процедуре. Хасбулатов извлек некую бумагу, только-только поступившую в раздачу и сообщил, что то ли 10, то ли 11 фракций настаивают на том, чтобы провести голосование по конституционным поправкам тайно, через кабины. 10—11 фракций — это внушительное большинство Съезда. Внимательное же изучение этого наскоро, от руки написанного текста, могло выявить, что его подписали 11 депутатов от имени 6 фракций, причем первой, как это нередко теперь бывало, стояла подпись представителя «Смены»²⁰. Поразительное дело: «Смена», неизменно толковавшая о соблюдении закона, регламента, ответственности депутата перед избирателями инициировала предложение о тайном голосовании, направленное к сокрытию позиции депутатов по принципиальному политическому (а не персональному, что было бы естественно) вопросу, и поддержали его не только коммунисты, но и промышленники и даже руцкисты из «Свободной России».

Процедурная уловка эта мало кого могла ввести в заблуждение: не зная заранее, удастся ли получить поддержку конституционного большинства на Съезде, авторы поправок и их сторонники рассчитывали, что при тайном голосовании за поправки проголосуют те депутаты, которые не решатся сделать это открыто. Демократы, обвинив своих оппонентов в трусости, потребовали провести **поименное голосование по существу конституционных поправок**. Чтобы оно стало поименным (и, следовательно, открытым) по регламенту требовалось 215 голосов. Но Хасбулатов, несмотря на шумные протесты, поставил

БЮЛЛЕТЕНЬ

**тайного голосования по проекту закона
"Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона)
Российской Федерации"**

На голосование за основу ставится следующий текст:

Статью 122 изложить в следующей редакции:

"Совет Министров - Правительство Российской Федерации - орган исполнительной власти, подотчетный Съезду народных депутатов Российской Федерации, Верховному Совету Российской Федерации и Президенту Российской Федерации."

ЗА

ПРОТИВ

Примечание. Если Вы голосуете за принятие этого текста, то оставляете слово "ЗА", вычеркивая слово "ПРОТИВ".

Если голосуете против принятия этого текста, то оставляете слово "ПРОТИВ", вычеркивая слово "ЗА".

Текст действующей Конституции Российской Федерации:

"Статья 122. Совет Министров Российской Федерации - Правительство Российской Федерации - орган исполнительной власти, подотчетный Президенту Российской Федерации."

Один из восьми бюллетеней, которые получил и унес В. Шейнис

Решение о тайном голосовании по принципиальному политическому вопросу грубо нарушило Конституцию, закон и регламент Съезда. Демократы призвали бойкотировать голосование.

4 12.92

К НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ - СТОРОННИКАМ РЕФОРМ, ГРАЖДАНСКОГО
МИРА И НОРМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЛАСТИ

С помощью манипуляций, нарушая Конституцию и регламент, Съезду Народных депутатов навязали изменения Конституционного строя, установленного на основе согласия между различными политическими группами и с одобрения народа. Цель этой акции ясна - власть. Голосованием будет решаться вопрос, кто будет возглавлять государство: Ельцин или Хасбулатов.

Мы призываем всех народных депутатов, которые заинтересованы в продолжении реформ, гражданском мире и нормальном функционировании власти:

1. Не принимать участия в голосовании бюллетенями по всем вопросам;
2. Взять бюллетени и либо сохранить их у себя до подведения итогов голосования, либо сдать со своей подписью специально уполномоченному сборщику.

Коалиция реформ

фракция "ДЕМОкратическая Россия"

фракция "РАДикальные демократы"

группа депутатов, не входящих ни в какие фракции

Фрону уполномочить 100 энз

Фр Радикальные Демократы

Д.С. -

Обращение демократических фракций к депутатам

вопрос иначе: вы требуете поименного голосования? Добро, голосуйте **поименно** за **тайное** голосование. Более того, он приписал такую постановку Сергею Юшенкову, хотя тот предлагал прямо противоположное. Зал выступления Юшенкова не услышал (оно не попало и в стенограмму), и председательствующий получил желанный результат. 630 депутатов (некоторые из них в воцарившемся беспорядке так и не поняли, за что голосуют) высказались за тайное голосование. Дискредитация парламента была полной: те, кто стремились во что бы то ни стало продать конституционные поправки, грубо нарушили и Конституцию, и закон, и собственный регламент²¹.

Кроме семи поправок, относившихся к правительству, на тайное голосование вынесли еще две: о возвращении двуглавого орла в качестве герба²² и о земле. Последняя предусматривала некоторое продвижение вперед по сравнению с прежними решениями по вопросу о купле-продаже земли²³. Съездовское большинство, не стыдясь, показало, что в борьбе за контроль над правительством оно не остановится ни перед чем, а председатель не погнушался даже процедурным подлогом, что спровоцировало в зале драку. Однако объявленные 5 декабря результаты всех этих манипуляций оказались сравнительно скромными. Главные поправки — о назначении и отставке министров — не прошли (две из них недобрали по 4 голоса, а голосование по третьей было признано несостоявшимся по техническим причинам). Не прошла и одна из двух поправок, в соответствии с которыми реорганизации структуры исполнительной власти становились прерогативой ВС. Была провалена и поправка о гербе. Против нее голосовали коммунисты, и она не собрала даже простого большинства. Возвращение императорской символики отодвинулось на восемь лет. Итого из девяти поправок были приняты четыре²⁴.

Оппозиция не добилась своей главной цели, но вплотную подошла к заветным рубежам и стала готовить диспозицию к продолжению боевых действий.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ. ТАНЦЫ НА МИННОМ ПОЛЕ

Обсуждение других поправок в действующую Конституцию, растянувшееся на много заседаний, напоминало какое-то причудливое танцевальное действо, в котором принимали участие сотни людей. Дирижировали Хасбулатов (либо кто-то из сменявших его заместителей) и председатель редакционной комиссии Митюков, объявлявший очередной танец-поправку из законопроекта, подготовленного в ВС (вскоре его в этой роли сменил Рябов). В зависимости от характера поправки фигуранты либо механически исполняли ритуальные па, либо, выбиваясь из музыкального ритма и расталкивая партнеров, пытались изобразить нечто невообразимое. В эти моменты возникали столпотворения у микрофонов, из которых председательствующий выдергивал нужных ораторов.

Значительная часть предложенных ВС поправок приводила Конституцию в соответствие с новыми реалиями. Закреплялись меняющиеся отношения собственности, в том числе — на землю. Убирались рудименты советской и социалистической фразеологии. Некоторые поправки реализовали положения Федеративного договора. Существенные дополнения в Конституцию были внесены в соответствии с утвержденной еще в 1991 г. концепцией судебной реформы, которая была разработана Борисом Золотухиным и группой привлеченных им экспертов.

Некоторые поправки проходили на пределе, а иные были отвергнуты. Особенно упорно оппозиция отстаивала советско-социалистические «бантики»: ссылки на Конституцию СССР, на Советы как политическую основу государства, на «развертывание социалистической демократии». Конечно, никакого реального значения эти нормы уже не имели и ничего не регулировали. Но в нашей культуре всегда особое место занимали символы, и здесь каждая позиция отвоевывалась (или сохранялась) с боем. Впрочем, сопротивление оппозиции во многом питалось надеждой на то, что наступившие перемены обратимы. «Нынешний режим, — говорил Исаков, — по-видимому, не так уж вечен. Я не знаю, сколько он

просуществует — полгода или меньше... Давайте подумаем о тех, кому придется восстанавливать единое союзное государство»²⁵. Особенно упорно (хотя и безуспешно) сопротивлялась оппозиция посягательству на одну из «священных коров» коммунистической идеологии, от которой давно отказались социал-демократы, — классовую борьбу. Авторы законопроекта разжигание социальной розни поставили в один ряд с рознью национальной и религиозной. Конечно, такого уравниения ленинско-сталинской политической идеологии с гитлеровской адепты рухнувшей системы стерпеть не могли²⁶. Яростные споры вызвала и поправка о земле.

Обсуждение многострадального проекта новой Конституции показало, что все, даже очень важные вопросы находятся на периферии внимания Съезда, большинство которого знало «одной лишь думы власть» — вырвать контроль над правительством здесь и сейчас. С докладом о состоянии и перспективах работы над проектом на этот раз выступил Олег Румянцев — третье лицо в Конституционной комиссии²⁷. Нерегулярно собиравшиеся заседания Конституционной комиссии были похожи одно на другое и происходили примерно так. Вслед за вступительным словом Ельцина или Хасбулатова выступали члены рабочей группы, повествовавшие о том, какие изменения внесены в порученные им разделы. Затем открывалась дискуссия, в которой Слободкин клеймил проект, Бабурин, Исаков или Глозов требовали переделать то, что они считали его дефектами, «автономы» жаловались на ущемление прав республик, «демороссы» одобряли, и в конечном счете принималось гуттаперчевое решение общего характера о продолжении работы. Но в 1992 г. рабочая группа уже получила реального контролера — ВС. В его палатах статья за статьей проекта перерабатывались и ставились на голосование. ВС чем дальше, тем больше «натягивал одеяло на себя». В частности, в проекте предусматривался тот же порядок назначения ключевых министров, за которые оппозиция сражалась на Съезде (в одном из вариантов — даже всех министров)²⁸. Выступая на Съезде, Румянцев описал поступательное шествие проекта с

1990 г., назвал его «продуктом высокой степени политического и юридического согласия» и предложил следующий график: до 1 марта 1993 г. согласовать нормы об основах конституционного строя, в марте, апреле или июне провести по ним референдум, а в сентябре на VIII Съезде принять новую Конституцию.

Здесь-то выяснилось, что согласие — далеко не полное. Во-первых, депутатам не понравился график, ибо в неявном виде он предполагал досрочное прекращение их полномочий. Во-вторых, в штыки была встречена идея референдума. Референдум, сказал Аксючиц, — популистское решение, инструмент давления на Съезд. Исаков, уяснив, что в проекте постановления, внесенном рабочей группой от имени Конституционной комиссии, предлагается утвердить основы конституционного строя большинством избирателей, пришедших на референдум (а не от списочного состава), заявил, что проект противоречит закону о референдуме и обвинил Румянцева в подлоге. Референдум опасен, время для него неблагоприятное, он может дать неожиданные результаты, повторяли ораторы. В-третьих, некоторые депутаты потребовали перетрясти состав Конституционной комиссии (подразумевалось: рабочей группы, заслужившей стойкую нелюбовь оппозиции) и сменить или отодвинуть, разводнить ее руководство (при этом одни имели ввиду Румянцева, другие — Ельцина). Можно было ожидать, что обсуждение будет сопровождаться скандалами типа того, который учинили «автономы» на VI Съезде в связи с названием государства. Но они ограничились тем, что еще раз помахали своим знаменем — Федеративным договором (как они говорили, «основополагающим правовым актом долговременного действия») и повторили, что договор приоритетен по отношению к Конституции²⁹. Известное значение имело то, что рабочая группа еще в начале года перестала быть политически одноцветной. Это было разумное решение, показавшее, какой нерастраченный потенциал согласия присутствует там, где люди, хотя бы и разных политических убеждений, объединяются для дела, которое признают приоритетным³⁰.

В итоге из проекта постановления Съезда «О дальнейшей работе над проектом новой Конституции» были исключены референдум и срок, когда следующему Съезду надлежало вернуться к рассмотрению проекта. Но задание, которое дал Конституционной комиссии V Съезд, было признано «выполненным в основном», дальнейшая работа поручена комиссии и ВС, предложение о кадровых перестановках оставлено без удовлетворения³¹. Хасбулатов мастерски провел свою партию: сдал референдум, за который высказался вначале, взял под защиту Конституционную комиссию, поддержал Румянцева, в очередной раз выразил приверженность Федеративному договору, категорически отверг предложение об удалении Ельцина с поста председателя комиссии, а под конец Съезда неожиданно для депутатов, с голоса провел решение о назначении вторым заместителем председателя комиссии Рябова, на которого он тогда очень рассчитывал.

Вопрос о новой Конституции прошел сравнительно спокойно, главным образом потому, что содержание проекта по существу не рассматривалось: все внимание было сосредоточено на поправках к действующей. Подразумевалось, что они будут перенесены в новую Конституцию. А пока Хасбулатов предложил не гнать лошадей, «создать в обществе нормальное восприятие Съезда» и решить все вопросы на следующем Съезде. Румянцев же выразил убеждение, что Съезд этот получит «текст высокой степени готовности», так что принять его можно будет «за неделю»³². Ни тот, ни другой еще не знали, что форсмажорные обстоятельства не дадут на следующем Съезде продолжить замедленный танец вокруг проекта новой Конституции.

Обсуждали то бурно, то спокойно множество иных вопросов: положение о вооруженных силах и военную политику, состояние законности, борьбу с преступностью и коррупцией, как и когда проводить выборы глав администраций и соответствует ли национальным интересам России заключенное накануне соглашение с США об уничтожении и предотвращении распростра-

нения ядерного оружия. Но как ни резки и злы были нападки агрессивной оппозиции на президента, его помощников, на правительство, было очевидно, что все это — лишь сопутствующие темы, что она намеренно раскаляет атмосферу, чтобы тем вернее решить главный вопрос.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ГАМБИТ ПРЕЗИДЕНТА (8—9 ДЕКАБРЯ)

Еще 4 декабря, выступая против конституционных поправок по правительству, Ельцин произнес фразу, как бы выпадавшую из контекста его короткой речи, но не оставленную депутатами без внимания: «Я не против того, чтобы на какие-то ключевые посты министры утверждались Верховным Советом»³³. Какие министры, на какие посты — ясно было, что это может стать предметом будущего политического торга.

Когда 8 декабря перед заседанием президент пришел на Совет фракций, он, по-видимому, уже принял решение. Две главные задачи поставил он перед собой на этом Съезде: институциональную (не допустить подчинения правительства Верховному Совету) и персональную (оставить Гайдара во главе правительства). И хотя результаты тайного голосования, вопреки расчетам оппозиции, казалось бы, снимали вопрос об утверждении министров, он был уже внутренне готов к размену: принести в жертву свой неограниченный контроль над формированием правительства ради сохранения премьера. «Вы не удовлетворены, и я не удовлетворен, — сказал он. — Конфронтация выливается в физическое единоборство. С этим надо кончать, добиться консолидации в оставшиеся дни. Премьером будет Гайдар. Я дважды предлагал этот пост академику Рыжову, но он категорически отказался. Иной кандидатуры у меня нет». — Координатор «Свободной России» Ирина Виноградова возразила: «Мы не сможем развернуть Съезд к поддержке Гайдара, пусть он до следующего Съезда останется исполняющим обязанности». — «Само собой, так и выйдет», — согласился Ельцин. — «Мы могли бы оказать теньевую поддержку Гайдару, если бы он выступил с нормальной программой», —

пообещал «промышленник» Гехт. — «Гайдар вырос. Программа более чем достаточная», — парировал Ельцин.

Казалось, все остаются на своих позициях. Неожиданную струю в разговор вдруг внес Иван Рыбкин, представлявший «Коммунистов России»: «Требуется компромисс с вашей стороны, и тогда под знаком компромисса мы закончим Съезд. Вот если бы СНД или ВС утверждал несколько министров...». — «Прислушайтесь к Рыбкину», — поддержал Умар Темиров («Суверенитет и равенство»). — «Утверждение 4—5 министров нас устроит. Гайдар становится проходным», — уговаривал Чернов («Рабочий союз»). Вероятно, Ельцин ждал такого поворота обсуждения. Выслушав еще несколько выступлений, он дал понять, что сейчас от Гайдара не отступится, а вот к апрелю (т. е. к следующему Съезду) «мы отработаем приемлемую для всех кандидатуру». На худой конец Гайдар останется исполняющим обязанности. Но гораздо лучше, если бы Съезд его сейчас утвердил. «Давайте разменяем, — завершил он встречу. — Вот если бы была уверенность в том, что вы поддержите Гайдара...»³⁴.

Уверенности, конечно, быть не могло хотя бы потому, что Рыбкин не контролировал голосование коммунистов, а Хасбулатов (с которым вели закулисные переговоры³⁵) — Съезда. Да и в том, что Хасбулатов намерен выполнить взятые обязательства, можно было усомниться. Как бы то ни было, едва открылось заседание Съезда, президент сделал эффектный (но, как вскоре выяснится, совершенно неэффективный) жест: в порядке законодательной инициативы предложил назначать с согласия ВС четырех министров-«силовики» и иностранных дел³⁶.

Съезд проглотил угощение, не выразив особого восторга, и продолжил работу с поправками к Конституции. Он тут же продемонстрировал меру своей готовности к согласию, отклонив ряд принципиальных поправок. В частности, в свою пользу Съезд решил спор с президентом по жгучему вопросу, который будет стоять в центре их конфронтации в течение всего следующего года, — о референдуме. По Конституции всероссийский референ-

дум мог быть назначен по решению СНД, по требованию миллиона граждан или трети депутатов Съезда. Президентская сторона настаивала на том, что в этот перечень следует включить и президента, поскольку его избирательная база шире, чем у трети депутатов. Но депутаты отлично представляли, каким сильным оружием в руках президента может оказаться референдум. Против президентских поправок проголосовали 350—450 депутатов, т. е. также изрядная часть «центристов»³⁷.

В тот же день Ельцин официально предложил кандидатуру Гайдара на пост председателя правительства. Да, говорил президент, «...правительство реформ наследует ответственность за все, что делали и не делали его предшественники. Оно обречено ... делать самую черную, самую неблагодарную работу, зная, что ее результаты не могут проявиться сразу, ... обречено принимать непопулярные решения». Тем не менее в итоге года работы «глава правительства заметно вырос, набрал опыта, чувствует пульс реформ, главное, видит их перспективы». Говоря далее о Гайдаре, Ельцин сказал, что он «пользуется большим авторитетом и в нашей стране, и в мире» (в стране, полагали оппозиционеры, — нет, а если его уважают в мире, то это лишнее подтверждение того, что премьер проводит антинациональный курс), «это человек мужественный, преданный своему делу и просто умный»³⁸. Оживление в зале, зафиксированное в этом месте стенограммой, свидетельствовало, что последнее было «не в коня корм»: каково было депутатам, многие из которых страдали комплексами, услышать, что некто — умный!

На следующий день Гайдар изложил свои намерения. В короткой речи четко были расставлены акценты. Программа неотложных мер, сообщил он, разработана вместе с Гражданским союзом. В ближайшее время правительство берется сократить темпы падения производства, сформировать очаги роста в отдельных отраслях, остановить падение уровня жизни и затормозить инфляционные процессы. Зная, что для депутатов состав правительства намного важнее заявленной программы, Гайдар сказал,

что его костяк будет сохранен, но кадровые изменения станут существенными, а отдельные блоки — «укреплены» (намек: практиками). В заключение претендент заявил, что важнейшей задачей он считает нормализацию отношений с ВС, в том числе по кадровым вопросам³⁹.

Предлагалась, таким образом, взвешенная, реалистическая платформа для компромисса. Конечно, она была изложена с позиций одной стороны, но при наличии доброй воли и доверия со стороны депутатов она могла бы стать отправной точкой для его достижения. Во многих последовавших затем выступлениях не просматривалось, однако, ни того, ни другого. Как можно, твердили ораторы, утверждать главу правительства, работу которого мы только что сами признали неудовлетворительной? (Вот почему так важно было для оппозиции отстоять соответствующий пункт постановления.) Кандидатура Гайдара — не компромисс. Разве он «настолько умен, как было сказано, что он единственный умный гражданин в России» — говорил Аксючиц, играя на уязвленных чувствах депутатов. Если президент хочет согласия, пусть предложит кого-либо другого⁴⁰. Исхода голосования ждали с нетерпением. Пока счетная комиссия устанавливала итоги голосования, Съезд завершал работу над поправками в Конституцию, воспользовавшись подарком, полученным накануне от президента. В конце дня были объявлены результаты: за Гайдара подано 467 голосов, против — 486⁴¹.

Вечером небольшая группа депутатов отправилась на Старую площадь. Настроение было поганое. Кто-то сказал, что надо все оставить по-старому: Гайдар — исполняющий обязанности. «Вялый вариант никуда не годится. Зачем нам правительство, которое все время должно что-то кому-то давать? — возразил Сергей Ковалев. — Нужны экстраординарные меры». — «Я готов баллотироваться до посинения, но не готов ни в чем уговаривать президента», — сказал Гайдар. И на вопрос «Что мы делаем завтра?» ответил: «Ничего не делаем»⁴². Но завтрашний день готовил сногсшибательный сюрприз.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИСПЫТАНИЕ ШОКОМ (10—12 ДЕКАБРЯ)

Действия президента на VII Съезде видятся мне цепью ошибок. Одна совершённая ошибка тянула за собой следующую. Не надо было быть тонким аналитиком, чтобы оценить шансы прохождения Гайдара — после всего, что было сказано и проголосовано, — как весьма низкие. Поэтому когда Ельцин согласился сдать позицию, которую агрессивной оппозиции так и не удалось отвоевать, несмотря на тайное голосование (назначение нескольких министров с согласия парламента), в обмен на обещание Рыбкина проголосовать за Гайдара (в которое, возможно, Иван Петрович сам поверил), он допустил серьёзную ошибку. Самой же грубой ошибкой была импровизация, с которой президент выступил 10 декабря.

Утром 10 декабря на собрании фракции «Согласие ради прогресса» встал тот же вопрос, что и накануне в кабинете Гайдара: «Что делать дальше?». Неожиданно меня вызвал посланец Филатова. Сергей Александрович сообщил, что менее чем через час президент попытается расколоть Съезд, призвав своих сторонников выйти из зала. Я сказал, что успех подобной акции маловероятен. Решение принято, возразил Филатов⁴³. Когда я вернулся, до открытия очередного заседания Съезда оставалось чуть более получаса. Мнение фракции было единодушным: задуманная акция не просто рискованна, она бесперспективна и опасна. Поэтому было решено отрядить к Ельцину делегацию: Владимира Лукина, Павла Медведева и меня, чтобы убедить президента отказаться от задуманного⁴⁴. Фракция проявила непростительную для политиков наивность, рассчитывая удержать президента в момент, когда он принял одно из самых знаменитых своих волевых решений. А поскольку времени было в обрез, мы не успели даже обсудить, как вести себя, когда Ельцин выступит с запланированной речью. Впрочем, решение вряд ли было бы единодушным.

Тем не менее делегация, сознавая ответственность порученной миссии, отправилась к Ельцину. Но вступить с ним в разго-

вор на этом Съезде даже депутатам было уже не так просто, как прежде: на пути встали коржаковские люди с каменными лицами и оловянными глазами. Мы попытались им объяснить, что от нашей встречи с президентом до открытия заседания зависит судьба парламента и более того — демократического процесса в России. Нам бесстрастно отвечали, что Ельцин еще не приехал. Поэтому мы смогли подойти к нему, лишь когда он занял свое место в президиуме Съезда, а Хасбулатов открывал заседание. Мы подошли сзади и стали произносить какие-то пронзительные, как нам казалось, слова. Ельцин сидел набычившись, не поворачивая к нам головы. Кажется, он ничего не сказал в ответ и только махнул рукой. Через минуту он уже стоял на трибуне.

Повинившись в том, «что ради достижения политического согласия неоднократно шел на неоправданные уступки» и терял на это время, поскольку «договоренности, как правило, не соблюдались», и отметив, что «нас подводят к опасной черте, за которой — дестабилизация и экономический хаос, толкают к гражданской войне», он подошел к главному: «С таким Съездом работать дальше стало невозможно». Невозможно далее работать и с Хасбулатовым, которого «защищал грудью только что созданный Фронт национального спасения» и который стал «проводником этого обанкротившегося курса»⁴⁵.

Содержалось ли в этом выступлении Ельцина посягательство на Конституцию, как поторопилась объявить оппозиция? Думаю, что в тот момент президент за ее рамки еще не вышел. Он сделал важную оговорку («Я не призываю распустить Съезд») и предложил решить спор уже через месяц, в январе 1993 г., посредством референдума. Формулировка вопроса на референдуме «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу Съезда и Верховного Совета или Президенту России?» была юридически не вполне корректной. Но ее политический смысл заключался в том, чтобы вынести на суд избирателей вопрос о поддержке той или иной стороны из

схлестнувшихся в конфликте. В зависимости от исхода референдума вслед за тем должны были последовать перевыборы президента либо парламента. Ельцин не назначил референдум, поскольку Конституция не наделяла его таким правом, а предложил сделать это тем, кто мог инициировать и принять решение: миллиону граждан, депутатам, Съезду. Он, вероятно, верил в свой успех на референдуме и не так далек оказался от истины, как то и показало волеизъявление граждан, состоявшееся даже не по следам событий, а в апреле.

Акция эта, однако, провалилась политически. И дело даже не в том, что опасен и вреден был сам курс на обострение конфронтации. На каждый шаг принявшего очередное импульсивное решение президента⁴⁶ оппозиция, тоже обреченная на импровизации, находила в общем-то адекватный ответ. На призыв к сторонникам президента тут же выйти из зала в Грановитую палату (подразумевалось — чтобы лишить Съезд кворума) — мобилизацией собственных сил и воздействием на нейтралов. В результате сразу же объявленной регистрации кворум был сохранен: число зарегистрировавшихся депутатов — 715 — превысило необходимый минимум на 24 человека⁴⁷. На заложенную в президентском сценарии попытку первого заместителя председателя ВС Филатова по старшинству взять на себя ведение Съезда и объявить перерыв — молниеносной реакцией уже объявившего о своей отставке Хасбулатова, передавшего председательствование Юрию Ярову, который продолжил заседание. На выход сотни с небольшим депутатов из зала — предложением «приостановить на данном Съезде» полномочия депутатов, «срывающих его работу», которое сделал Исаков, предусмотрительно заготовивший соответствующую письменную поправку в регламент⁴⁸. На заявление Ельцина, что Гайдар останется исполняющим обязанности премьера — предложением Андрея Головина сразу же на Съезде утвердить закон о правительстве в редакции ВС⁴⁹. На демонстративную отставку Хасбулатова — ее практическим отклонением и скорым возвращением преодолевшего обиду спикера⁵⁰.

Наконец, на туманную информацию об угрозе Съезду со стороны новоявленного матроса Железняка, на слухи о передвижениях войск, ОМОНа и т. п. Съезд ответил вызовом «силовых» министров, которые один за другим выразили свою лояльность парламенту и Конституции, что в данной ситуации означало по меньшей мере дистанцирование от президента. Таким образом, к неожиданному повороту событий оказались неподготовленными не только депутаты демократических фракций, но и министры, за контроль над которыми еще только бился Съезд. Впрочем, удостоверившись, что перспектива насильственного разгона Съезду не угрожает, большинство депутатов утратило интерес к ораторам. Депутаты слушали их вполуха, входили и выходили из зала, разговаривали, поворачиваясь к трибуне спиной. Внимание, пожалуй, привлекло лишь выступление Руцкого, также в очередной раз заявившего о приверженности «Конституции, закону, Съезду, российскому народу» (выпадение из этого перечня президента было, конечно, не случайным) и потребовавшего «именно на этом Съезде ставить точку в ориентации таких экономических экспериментов, которые не отвечают интересам общества, интересам людей». Вице-президент призывал к согласию, опоре на центристские силы, но некоторые пассажи этой речи давали ясное представление, где, по его мнению, проходит центр. Ни слова не сказав о провокационной роли агрессивной оппозиции, он под аплодисменты депутатов заклеил «политическую кучку», которая «прилипла к президенту» — эти люди, заявил он, «давно заслужили, чтобы ответить наконец за содеянное»⁵¹.

Живой контраст являло поведение Съезда и президента в первые часы после его выступления. Хотя зал содрогался, одобряя самые злые, оскорбительные выступления, его капитаны — Хасбулатов, Воронин, Яров — удерживали дискуссию в рамках заведенного порядка. Ельцин же в духе добрых советских традиций отправился к рабочим АЗЛК. Возможно, он хотел снова ощутить себя на танке. Но моральное состояние общества за прошедшее время сильно изменилось. Собранные на митинг ра-

ботники завода выслушали президента, не выразив особых восторгов, и одобрили заготовленную спичрайтерами резолюцию без всякого энтузиазма⁵².

Президент проигрывал по всем статьям. Съезд, проскрипев на крутом вираже, продолжал работу: он шел по повестке, ранее утвержденной и постепенно дополняемой. Демократы, застигнутые врасплох, не сумели ни повлиять на решения парламента, ни организовать массовую поддержку президента за стенами Кремля. Рассчитывать на поддержку силовых структур — если такой расчет и был — не приходилось.

Зато Хасбулатов оказался в своей стихии. Обстановка открывала самые широкие возможности для реализации всех его умений и освоенных приемов. После короткого срыва он вернул себе роль модератора. Произнес относительно взвешенную речь, в которой защищал Съезд от президента и президента — от его окружения. Подхватил идею Лукина о создании согласительной комиссии. Утвердив на Съезде один ее состав, вскоре явочным порядком его изменил. Создал правовой плацдарм для последующего размена: 11 декабря провел поправку в закон о референдуме, согласно которой вводился запрет на внесение вопросов «о доверии и досрочном прекращении полномочий высших представительных, исполнительных и судебных органов»⁵³. Еще 9 декабря с третьей попытки при перевесе в один голос была продавлена конституционная поправка о немедленном (вне предусмотренных Конституцией процедур) отрешении президента от должности в случае «ропуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти»⁵⁴ — этой поправке предстояло сыграть в недалеком будущем видную роль. Так выстраивалась неприступная, как казалось, линия обороны, за которой можно было готовить смену правительства и дальнейшее ограничение полномочий президента⁵⁵. Непродуманный ход Ельцина Хасбулатов рассчитывал, опираясь на взрыв страстей, раздуваемых непримиримой оппозицией, обратить в свою пользу⁵⁶.

Выход для президента из тупика, в который он устремился сам, да и для здравомыслящей части депутатского корпуса, страшившегося бесперспективной конфронтации с неясным исходом, был теперь в согласительных процедурах. В их центре оказался Валерий Зорькин. Его позицию многие демократы расценили как одностороннюю, склоняющуюся в пользу съездовского большинства, которое действительно одобрительно восприняло его выступление на вечернем заседании 10 декабря. На деле же сама ситуация требовала третейского вмешательства лица авторитетного и по закону равноудаленного от сторон конфликта. Выход из глубочайшего кризиса конституционного строя, говорил Зорькин, требует немедленного компромисса, а для того лидерам противоборствующих сил сегодня же следует начать консультации, в которых председатель Конституционного суда готов принять участие⁵⁷.

Идея компромисса была заявлена, теперь надлежало выработать его формулу. Позиция Ельцина, высказанная на встрече с нашей фракцией 11 декабря, была жесткой. Выход из клинча в его изложении выглядел следующим образом. Проведение референдума о доверии⁵⁸ или о новой Конституции. Отмена или приостановление действия неприемлемых поправок в Конституцию и в закон о референдуме (в том числе поправок о порядке назначения министров, принятых, как мы помним, с согласия президента); изменение редакции ряда других статей. Сохранение существующего состава правительства до марта (а там «будем решать дальше»). К шабашу, устроенному на Съезде агрессивной оппозицией, он отнесся довольно спокойно («переспят — успокоятся»), сказал, что «отодвинет куда-нибудь» Бурбулиса, вызывающего раздражение депутатов, «разберется с Руцким», пожаловался на ненадежность любых договоренностей с Хасбулатовым (то же самое мы уже слышали, но по адресу президента днем раньше от спикера) и пообещал чаще встречаться с влиятельными депутатами. Единой позиции фракции Ельцин не услышал. Одни участники встречи говорили о бесперспективности жесткой позиции, другие (прежде всего Сергей Ковалев) призывали президента к решительным дей-

ствиям: «нечего заявлять резкие вещи, если потом они обращаются в мыльный пузырь»⁵⁹.

Переговоры, несмотря на успокоительные сообщения некоторых участников, периодически появлявшихся в зале из-за кулис, были трудными: «если бы вы знали исходные платформы перед тем, как мы начали согласительные процедуры...» — скажет Зорькин вечером 12 декабря, излагая депутатам выработанный наконец компромисс⁶⁰. Проект постановления из 9 пунктов представлял некий баланс, зафиксировавший соотношение сил. Съезд назначил референдум, но не на январь, а на 11 апреля, и не о доверии к властям, а по основным положениям новой Конституции. Эти положения Верховному Совету надлежало согласовать с президентом и Конституционным судом. Если такого согласия достичь не удастся — на референдум могли быть вынесены альтернативные формулировки. Вдогонку было принято еще одно постановление, запрещающее проведение референдумов по любым иным вопросам в России до 11 апреля.

Решения по конституционному и иному законодательству можно было считать полупобедой Ельцина. Особенно неприемлемые для него поправки в Конституцию — о праве Верховного Совета приостанавливать действие указов и распоряжений президента до того, как Конституционный суд вынесет свой вердикт по спорному вопросу, о предоставлении права законодательной инициативы правительству и об автоматическом прекращении полномочий президента в случае его незаконных действий — не были отменены. Но их вступление в действие откладывалось до референдума по новой Конституции, из которой Ельцин рассчитывал их изъять. Почему сговорились на этих поправках, а не на более зловредных для президента (согласование министров-«силовиков» и министра иностранных дел), мне не ведомо. Кроме того, не подлежали рассмотрению поправки, нарушающие сложившийся баланс властей, и аннулировалась поправка в закон о референдуме (это снимало препятствие к референдуму, который позднее был назначен на 25 апреля).

Что же касается назначения премьера, то соглашение открывало путь (пока только путь) к решению, в котором было заинтересовано парламентское большинство и особенно Хасбулатов. Назначение должен был утвердить этот же Съезд по многоступенчатой схеме: фракции и субъекты Федерации выдвигают удобных им кандидатов, президент выносит на мягкое рейтинговое голосование Съезда несколько из них, а затем представляет на его утверждение одну из трех, поддержанных наибольшим числом депутатов. Правда, за президентом сохранялась возможность оставить премьера в статусе исполняющего обязанности до следующего Съезда, если депутаты не согласятся с его выбором.

Наконец, президент отзывал обращение, с которым он выступил за два дня до того, Съезд же отменял свое постановление по данному поводу, которое он успел принять. Соглашение содержало еще один хитроумный пункт: заключалось оно пакетом и ни один пункт не мог действовать отдельно от всех остальных⁶¹.

Соглашение было оформлено постановлением «О стабилизации конституционного строя в РФ», которое Хасбулатов тут же провел, несмотря на шум и крики, игнорируя столпотворение у микрофонов⁶². Таким был компромисс. Вскоре выяснится, что он вовсе не «исторический», а конъюнктурный, с недолгим сроком жизни. А пока наиболее непримиримая часть оппозиции развернула яростную атаку на текст, принятый без обсуждения, — как сказал один депутат, посредством «кавалерийской атаки». Некоторые его положения были поставлены под сомнение с точки зрения соответствия Конституции. Нельзя, говорили его критики, приостанавливать действие конституционных поправок простым большинством. В документе, распространенном от имени Конституционной комиссии, содержался контраргумент: Съезд принял решение не о приостановлении действия конституционных изменений (они ведь еще в силу не вступили), а только о времени такого вступления⁶³.

Худой мир, очень худой и неустойчивый, сменил вовсе не добрую ссору. Достигнутое согласие не бесспорно, убеждал сво-

их коллег — членов оппозиционных фракций Виктор Степанов, но ставить его под сомнение нельзя⁶⁴. Сторонам конфликта хватило разума сделать маленький шаг от пропасти. Пока только шаг. Оценивая завершение этого акта драмы ретроспективно, я думаю, что бесновались «ястребы» не зря. Несколько бóльшие возможности соглашения открывало президенту. Он мог вынести альтернативные формулировки по Конституции на референдум и добиваться их принятия. Он сохранял известную свободу маневра. Но до завершения драмы, разворачивавшейся по ненаписанному сценарию, оставался еще один акт.

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ.

ФАНТОМ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Положению, в котором оказался президент, позавидовать было трудно. Главной цели предпринятого им демарша — срыва кворума, что если и не сделало бы Съезд неспособным, то во всяком случае лишило бы оппонентов легитимности, — добиться не удалось. Это видела вся страна. Вячеслав Костиков без тени неловкости рассказывает, как он вместе с Олегом Попцовым и Вячеславом Брагиным, руководителями двух главных телевизионных каналов, за спиной парламента, втайне готовил на утро 10 декабря трансляцию выступления Ельцина, которая должна была продемонстрировать *urbi et orbi* триумф президента⁶⁵. Бумеранг вернулся, триумфа не получилось.

Теперь можно было рассчитывать только на то, что поведение парламента поправит давление извне, как это было в дни первого и третьего Съездов. Но здесь произошла еще одна осечка. Под боком у Кремля, где заседал Съезд, на Васильевском спуске демократы после полудня 10 декабря собрали малочисленный митинг, не шедший ни в какое сравнение с морем человеческих голов, которое можно было видеть с балкона Белого дома в августовские дни 1991 г. Немного поодаль противники президента организовали свой митинг. Можно было утешаться тем, что второй был еще малочисленнее первого. Но ресурс для реального и

немедленного — потому что замах уже был сделан — политического действия был явно недостаточен. Люди смотрели на развернувшуюся схватку по телевидению, не обнаруживая желания примкнуть к какой-либо из борющихся сторон. И, возможно, даже с бóльшим интересом наблюдали трансляцию футбольного матча двух популярных команд. Один русский царь говорил, что у России есть два союзника — ее армия и флот. «Силовые» министры, приносившие, по сути, присягу на верность Съезду, продемонстрировали, что и таких союзников у Ельцина нет.

Союзник оставался один — активисты демократических организаций на Съезде и за стенами Кремля. Но многие из них, недовольные колебаниями президента, побуждали его и дальше продвигаться в тупиковом направлении, требуя решительных действий. Нечто подобное рекомендовали Ельцину и некоторые из его ближайших сотрудников. «Неделя Съезда показала, что Президента можно заставить смириться не только с давлением, но и игнорировать его точку зрения», — гласило заключение одного из аналитических обзоров, которые пресс-служба подавала Ельцину⁶⁶.

Представление о том, какие настроения доминируют среди демократического меньшинства парламента, могло дать собрание «Коалиции реформ» 11 декабря, в разгар кризиса. Вносились предложения одно другого фантастичнее. Сделать то, что не удалось вчера: сломать кворум на Съезде. Не регистрироваться. Нет, уйти со Съезда. Стать у микрофонов и отбить запрет референдума. Вступить в переговоры с коммунистами и добиться смещения Хасбулатова, ибо все зло в нем. Собрать подписи за повторное выдвижение Гайдара (по Конституции это прерогатива президента, а не депутатов). Президент слишком деликатно относится к своим сотрудникам. В решительный момент его призыву не последовали главы администраций, советники, послы. Пусть он издаст указ об увольнении всех этих лиц, тогда те, кто держат нос по ветру, остерегутся. Фракции СрП следует передать своих членов «демороссам» и радикальным демократам; в их боевых поряд-

ках не хватает людей до установленного минимума. Сформировать группу, которая будет иметь постоянный выход на президента. Предложить президенту издать указ о приостановлении деятельности Съезда и ВС. Все, что происходит, — к лучшему. На следующих выборах мы победим. Обмен этими и другими столь же замечательными идеями показывал полнейшее замешательство в поредевшей когорте демократических депутатов, еще недавно побеждавших в наступлении, но совершенно не готовых, как и Ельцин, вести маневренную, позиционную, оборонительную борьбу⁶⁷.

Чем более тупиковой становилась ситуация, тем настойчивее звучали призывы заменить Съезд, где все равно ничего сделать нельзя, Учредительным собранием, которое примет демократическую Конституцию. Каким образом можно произвести такую замену, не знал никто. Но демократам референдум (не тот, о котором договорились на Съезде, а учредительный референдум, сметающий все консервативные государственные структуры) представлялся спасительным мощным ветром, который вынесет их к желанному берегу.

«Разбор полетов» — попытка оценить итоги VII СНД и перспективы на будущее — была сделана на III съезде «Демократической России» 19—20 декабря. Как уже повелось, разброс мнений был велик. Демократы должны приложить все силы, чтобы выиграть референдум, — в этом большинство ораторов было согласны. Однако общие рассуждения о полезности и спасительности Учредительного собрания уводили от главных проблем: что можно и чего нельзя достичь на референдуме при существующем соотношении сил, как формулировать вопросы, на которые будет предложено отвечать гражданам, и как их включить в бюллетени, опираясь на компромисс, о котором договорились на VII Съезде⁶⁸.

Между тем в наступающем 1993 г. России предстояло пройти через слом всех компромиссов, два референдума и квазиучредительное собрание, которые оказались в центре политической жизни.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. ФИНАЛ (14 ДЕКАБРЯ)

В последний день Съезда, 14 декабря, предстояло решить главный вопрос: определиться с председателем правительства. Но сначала надо было отбить новую атаку на принятое накануне постановление. Оппозиция сделала то, что несколькими днями ранее только намеревались делать демократы: выставила своих златоустов у микрофонов. Участие Хасбулатова в соглашении она расценила как предательство. Совершен антиконституционный переворот, заявил Астафьев, к власти пришла хунта в лице президента, спикера и председателя Конституционного суда, которая «теперь будет решать, что может и не может делать ВС». Соглашение было проведено «словно по-воровски», обличал недавний демократ Сидоренко. От имени блока «Российское единство» Горячева, осудив «соглашательство с предъявляемыми ультиматумами» и референдум, который «окончательно расколется общество», заявила: «Съезд подпишет себе политический приговор, проголосовав за Гайдара»⁶⁹.

На этот раз, однако, Хасбулатов был не на стороне оппозиции и вновь продемонстрировал мастерство в управлении Съездом. Он уверенно вел дело к отставке Гайдара, а конституционные позиции, захваченные несколькими днями раньше, уже были сданы, и в возврате к ним он смысла не видел. Он провалил попытки вернуть на обсуждение принятое накануне постановление «О стабилизации конституционного строя» и, чтобы ослабить натиск, с голоса провел решение создать комиссию для подготовки еще одного постановления о том, как надо толковать вчерашнее постановление⁷⁰.

Теперь можно было переходить к процедуре, оговоренной в соглашении. На своих собраниях 14 фракций и депутатских групп выдвинули 18 кандидатов на пост премьера⁷¹. Перед Ельциным, который к этому времени еще не потерял надежду оставить Гайдара во главе правительства хотя бы в качестве исполняющего обязанности, стояла непростая задача. Надо было провести такой отбор в список, чтобы Гайдар обязательно попал в тройку лиде-

ров, из числа которых и должен был выдвигаться кандидат на утверждение. Это означало, что кандидатов, за которых заведомо проголосует антигайдаровское большинство, должно быть не более двух. Таких лиц в списке было девять, и из их числа президент выбрал Черномырдина и Скокова. Тремя другими претендентами были названы Гайдар, директор ВАЗа Каданников и Шумейко, зампред правительства, заслуживший расположение президента тем, как он выступал в качестве его официального представителя на Съезде. Обсуждение практически не состоялось: все всех знали. Оппозиция в очередной раз попробовала устроить бунт, не увидев в списке Хижу, но ей было указано, что президент не вышел за рамки соглашения⁷².

Тут же было проведено тайное «мягкое» голосование через электронную систему. В результате Скоков получил 637 голосов, Черномырдин — 621, Гайдар — 400, Каданников — 399, Шумейко — 283⁷³. Как и следовало ожидать, съездовское большинство дисциплинированно выбрало две из двух своих кандидатур. Гайдар же получил голосов существенно меньше, чем 9 декабря. Во время перерыва президенту предстояло сделать политически и нравственно трудный для него выбор. Самым тяжелым, учитывая бойцовский темперамент Ельцина, был отказ от нового витка конфронтации со Съездом. Я пошел бы на выдвижение Гайдара, объяснял он позднее свой выбор, если бы разрыв по числу полученных голосов не был так велик. Стало ясно, что ни при каких обстоятельствах Съезд Гайдара не утвердит. «Оставалась одна возможность сохранить Гайдара — назначить его до следующего Съезда исполняющим обязанности премьер-министра. Но при этом ни мне, ни ему парламент не дал бы работать. Любые действия Гайдара будут блокированы, реформа может зайти в тупик. На это я не мог пойти»⁷⁴. Побеседовав в зимнем саду Кремлевского дворца с каждым из трех фигурантов, он сделал окончательный выбор в пользу Черномырдина, которого тут же легко одобрил Съезд⁷⁵.

Так завершилась главная интрига политической драмы, в которой принимало участие множество акторов. Заключительное

слово на этот раз произносил один Хасбулатов. Его оценка того, что произошло на VII Съезде, была не просто высокой, а панегирической. Мы же, группа депутатов, не дожидаясь конца заседания, отправились на Старую площадь, в кабинет, который Гайдар должен был на следующий день сдать преемнику. По сути, справлялась тризна. Гайдар решительно отверг вариант, при котором он остался бы в составе правительства: «Если остаюсь я, — сказал он, — это означает, что остается правительство Гайдара под Черномырдиным, которое ничего не может, но за все несет ответственность». На мой вопрос «Какие у вас отношения с новым премьером?» Гайдар быстро ответил: «Отличные! Прекрасный исполнитель». Но тут же добавил: «У него очень технологичное видение экономики, и это опасно». Разговор завершил Борис Золотухин: «Сегодняшним днем жизнь не кончается... За наши будущие успехи!»⁷⁶.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Пожалуй, ни один из девяти состоявшихся российских Съездов не вызвал столь разноречивых суждений. Оппозиция в лице своих идеологов оценила итоги Съезда как упущенный шанс. «Вслед за победой — отступление», — записал Исаков. Съезд «вдруг неожиданно устал, размяк, расслабился и — заскользил вниз»⁷⁷. По сути о том же, хотя и с иных позиций, сказал Ельцин: «Перепуганный угрозой референдума, Съезд развернулся и пошел на уступки... После выступления 10 декабря мне вообще задышалось как-то легче. Я увидел впереди просвет. Можно идти на уступки, но не тогда, когда тебя припирают к стенке»⁷⁸. «Почетная ничья», — осторожнее оценивает итог Гайдар⁷⁹. «Высшая исполнительная власть безоглядно ринулась в пропасть, увлекая туда все общество... — таково суждение Хасбулатова. — Президентство было спасено Съездом»⁸⁰. О ликованиях национал-коммунистической прессы и глубоком унынии, изливавшемся со страниц демократических изданий, пишут помощники Ельцина⁸¹.

Диаметрально противоположными были и суждения лидеров демократического движения. VII Съезд — стратегический выигрыш демократических сил, сказал на III съезде «Демократической России» Гавриил Попов. С ним не соглашалась Галина Старовойтова: «14 декабря — трагический день». «На VII Съезде было предательство и крушение надежд, сделан шаг к фашизму. Кончается период восхождения Ельцина и шедших с ним демократов, — говорил Юрий Афанасьев. — Консолидировалась власть, которая представляет интересы новой бюрократии. Но неизбежен новый подъем демократического движения, действующего самостоятельно». «Президент наш, и никому мы не должны его отдавать», — убеждал делегатов Сергей Юшенков. А Лев Пономарев предлагал потребовать от президента отмежеваться от курса нового правительства. Иную линию отстаивали Анатолий Чубайс и Андрей Нечаев: «Хочется хлопнуть дверью, но нельзя поддаваться этому желанию. Новому правительству нужна “Демократическая Россия”»⁸².

Можно было бы привести и иные высказывания, порой провидческие, порой наивные. Ясно одно: VII Съезд породил замешательство в обществе. Экспресс демократических преобразований, то быстрее, то медленнее продвигавшийся несколько лет, вдруг резко затормозил: пути перед ним были разобраны. Никто толком не знал, что делать завтра. Мало сказать, что сам Ельцин, стоя во главе государства, прежде не сталкивался со столь консолидированной, уверенной в себе и решительно добивающейся своих целей политической силой. С подобным вызовом не имел дела ни один лидер нашей страны, по меньшей мере с начала 20-х годов прошлого века. Задачи преобразования оказались неизмеримо более трудными, груз исторического наследия и груз сделанных в последние годы собственных ошибок и просчетов — много более тяжелым, а противник — более многоликим, изощренным и коварным, чем все это представлялось в пору демократической весны. В сходном положении оказались и демократы, с той разницей, что их представления о себе, стране и мире были

еще более, чем у Ельцина, догматическими, поле для маневра — значительно более ограниченным, а их собственное влияние на ход событий сжималось, как шагреновая кожа.

VII Съезд должен был показать и президенту, и демократам, что «время бури и натиска» прошло, что надо осваивать трудную науку маневрирования, а не идти напролом. Но, во-первых, заниматься этим Ельцин не любил и не умел; во-вторых, более жесткой позиции от него требовали многие его сторонники, в том числе его советники; в-третьих, хотя окончательное решение так и не было принято, то, что произошло на Съезде, должно было подталкивать его к выводу о губительности колебаний и уступок. А главное, для сохранения и развития компромисса, нелегко давшегося на Съезде, требовалось, чтобы к тому же стремилась и другая сторона. Агрессивная же оппозиция вообразила, что она чего-то недополучила на Съезде, что успех надо развивать и лишение президента части его полномочий — в пределах ее возможностей. Поэтому VII Съезд открыл цикл боев с еще более острой драматургией.

К сожалению, взвешенный анализ того, что произошло на Съезде, не был проделан. Простое противопоставление «демократы — партократы» доминировало в рассуждениях, звучавших на многочисленных собраниях и конференциях, пронизывала разнообразные издания. Такой подход не позволял осознать усложнившуюся расстановку сил, принципиальные сдвиги, которые меняли лицо и демократического движения, и оппозиции. В ее рядах партийные функционеры лигачевско-полозковского типа постепенно вытеснялись национал-державниками, а также некоторыми вчерашними демократами, пришедшими в парламент на волне противостояния прежней власти и озабоченными признаками авторитарной деформации власти новой. Еще важнее, что демократы продолжали твердить, будто Съезд отражает вчерашний день, не желая признавать объективных сдвигов в положении и сознании широких общественных слоев. Не были разобраны и ошибки президента и самих демократов. Фракция СрП не достучалась до

в то время еще широкого политизированного слоя общества и осталась на периферии демократического лагеря.

Замену Гайдара Черномырдиным также нельзя было оценить однозначно. С одной стороны, правительство на какое-то время стало более устойчивым. Нового председателя значительная часть оппозиционеров с большим или меньшим основанием приняла за «своего»⁸³. К тому же правительство еще более ослабило монетаристские вожжи, чем это сделал Гайдар после VI Съезда. С другой, не следует забывать, что при всех ошибках и просчетах гайдаровская команда была лучшим, наиболее квалифицированным и на тот момент менее подверженным коррупции и бюрократизму компонентом всех российских государственных структур⁸⁴.

Демократы осуждали Ельцина за то, что он дважды (12 и 14 декабря) принял компромиссные решения. Ельцин, говорили и писали многие из них, уступил натиску агрессивной оппозиции. Слов нет, хотя президент и отвоевал некоторые утерянные в ходе Съезда позиции, компромиссы эти трудно было считать его достижением. Но привели к ним его собственные неквалифицированные импровизации, неспособность его аналитиков просчитывать последствия таких шагов, которым сам президент впоследствии подберет удачное название «загогулины». В сложившихся условиях новые попытки жестких действий с его стороны могли бы в лучшем случае вернуть уже проигранную 10 декабря ситуацию, а в худшем — спровоцировали бы взрыв и вынесли конфликт на улицу.

В «сухом остатке» Съезда остались смена главы правительства и решение о проведении в апреле референдума. Замена министров не была тотальной и одномоментной, правительство не подпало под контроль ни оппозиции, ни Хасбулатова. Да и любое правительство, останься во главе его хоть Гайдар, оставалось бы скованным в своих действиях на ограниченном социально-экономическом пространстве. Что же касается референдума, то он был главной завоеванной на будущее позицией реформаторов. Вопрос заключался в том, как ею распорядиться. Ельцин и демо-

краты оказались перед выбором одной из двух тактик. На обострение — и тогда перед избирателями надо ставить вопрос о том, какую из двух конфронтирующих ветвей власти они предпочитают, как это сделал Ельцин в своем выступлении 10 декабря. Или на снижение конфликтности — и тогда следовало либо попытаться договориться с Верховным Советом, какие положения новой Конституции будут согласованно вынесены на референдум, либо воспользоваться предоставленным президенту на VII Съезде правом внести в бюллетень собственные, альтернативные предложения по Конституции. Но эти предложения, хотя бы и дискуссионные, надо было бы сформулировать так, чтобы они обеспечивали возможно более широкую базу поддержки и мирный переход.

Исторически VII Съезд завершился проигрышем для всех: для президента и его сторонников, для оппозиции, для поддерживавших ее квазицентристов, для всего общества. Из того, что произошло на нем, основные акторы — реформаторы и консерваторы, революционеры белые, красные и коричневые, — сделали для себя одинаковый вывод: уступки противнику ничего хорошего не дают, бороться надо за победу. Поэтому события вскоре же стали развиваться по одному из худших сценариев — хуже мог быть только приход к власти агрессивной оппозиции. Впереди был грозовой год.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрагмент статьи «Переход к рынку и демократии: три акта российской драмы» (Рос. мониторинг. — 1993. — Вып. 2).

² Основные положения этого раздела изложены в статье, опубликованной в журнале «Полития» (2003. — № 1).

³ Конституционный суд, рассматривая «дело КПСС», объединил два ходатайства: о проверке указов президента РФ о деятельности КПСС и КП РСФСР и о их имуществе, изданных в августе и ноябре 1991 г. и опротестованных рядом депутатов-коммунистов (в том числе И. М. Братищевым, В. И. Зоркальцевым, М. И. Лапиным, И. П. Рыбкиным, Ю. М. Слободкиным и др.); и встречный иск

о проверке конституционности этих партий, поданный депутатами И. А. Безруковым, А. А. Котенковым, О. Г. Румянцевым и адвокатом А. М. Макаровым (Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности Указов Президента РФ, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. 30.11.1992 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — 18 марта. — № 11. — Ст. 400).

⁴ В программном документе фракции были объявлены четыре главных ее принципа, сформулированных Юрием Нестеровым: реформизм, толерантность, конституционность, конструктивность. Координаторами СрП стали Евгений Кожокин, Владимир Лысенко, Юрий Нестеров, Владимир Подопригора и Виктор Шейнис. В нее вошли также Михаил Арутюнов, Анатолий Беляев, Александр Блохин, Александр Гранберг, Сергей Ковалев, Павел Медведев, Владимир Лукин, Валерий Лунин, Олег Попцов, Михаил Сеславинский, Владислав Старков и др. (Четыре принципа фракции «Согласие ради прогресса». 01.12.92. — Архив автора).

⁵ Россия-2000. Современная политическая история (1985—1999 годы). — Т. 1: Хроника и аналитика. — М., 2000. — С. 207.

⁶ Все цифровые данные по фракциям и блокам см.: Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчет. — Т. 4. — М., 1993. — С. 286; Парламентские фракции и блоки: Справочник для парламентских журналистов. — М., 1993; Список членов парламентской «Коалиции реформ»; Предложения парламентских фракций ВС РФ по кандидатурам на пост председателя правительства РФ. — Архив автора.

⁷ Собянин А., Гельман Э. Анализ первого дня работы VII СНД РФ 03.12.92; Корпус народных депутатов Российской Федерации. Состав и рейтинги политических позиций. Приложение к отчету «VII СНД России в зеркале полных голосований». — Архив автора.

⁸ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 29—30.

⁹ Там же. — С. 46—65.

¹⁰ Собравшийся на следующий день совет фракций категорически отверг предложения президента. «Проект внесет еще больший разлад, лучше бы президент отозвал его», — высказал У. Темиров точку зрения республик. «Не просить, а предложить надо президенту отозвать его план», — суетился аграрий Н. Харитонов. Итог подвел «сменовец» И. Муравьев: это вредные, провокационные предложения. Если президент будет настаивать на своем плане, пусть включает его в повестку дня и предлагает внести изменения в Конституцию (Запись заседания совета фракций 02.12.1992. — Архив автора).

¹¹ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 41—42. Стенограмма фиксирует в этом месте «шум в зале», а у меня за спиной кто-то присвистнул.

¹² Там же. — С. 75—79. В доклад Хасбулатова целыми блоками был включен материал, подготовленный группой квалифицированных экспертов из Отде-

ления экономики Академии наук, одного из оплотов консерватизма. «Бесспорно, сильное популистское выступление, рисующее простую и понятную для народных депутатов картину: в России идет борьба между двумя путями развития, один — монетаристский, американский, гадкий, по нему нынешнее правительство пытается тащить страну, другой — социально ориентированный, шведский. Спасительный для России, милый сердцу большинства людей... — иронически комментировал впоследствии это построение Гайдар. — Съезд заморожен. Как все оказывается просто и замечательно! И депутаты в зале многозначительно, с гордостью поглядывают друг на друга: выходит, они вовсе не отраслевые лоббисты, выколачивающие из казны ничем не обеспеченные деньги, и не демагоги, раздающие избирателям невыполнимые обещания. Они — последовательные борцы за установление в России хорошей, шведской модели социализма!» (Гайдар Е. Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 219).

¹³ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 117—135.

¹⁴ «Вульгарная либерализация привела к высвобождению сверхмонопольных монстров, традиций, отношений, систем и связей командной экономики, — писал в 1993 г. Явлинский. — Мы же хотим свободы общества от такой экономики» (Явлинский Г. Уроки экономической реформы. — М., 1993. — С. 94).

¹⁵ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 80.

¹⁶ Там же. — С. 286—287, 290.

¹⁷ Отметив, что «теперь все за реформы», Гайдар показал, за какие реформы стоят депутаты от «Российского единства»: «Нам предлагают в рамках развития реформ отказаться от частной собственности на землю. Нам предлагают остановить процесс приватизации. Нам предлагают заморозить цены и заработную плату. Нам предлагают восстановить Госплан, призвать к порядку много возмнившие о себе бывшие союзные республики, а потом, наверное, построить и лагерь для агентов мирового империализма» (Там же. — С. 304—305).

¹⁸ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 536—542.

¹⁹ Проект закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации — России», внесенный ВС на рассмотрение VII СНД. — Архив автора.

²⁰ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 320; Текст без заголовка на бланке «Народный депутат РФ». — Архив автора

²¹ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 322—332. По ошибке за тайное голосование проголосовали не менее 85 депутатов, занимавших реформаторские позиции, в том числе некоторые лидеры ДР. — Распечатка итогов голосования на VII СНД РФ. 03.12. 1992. — Архив автора.

²² Я распространил тогда в виде обращения к Съезду стихи «шестидесятника XIX в.» Василия Курочкина: «Я нашел, друзья, нашел, / Кто виновник бестолковый / Наших бедствий, наших зол. / Виноват во всем гербовый / Двуязычный, двуголовый / Всероссийский наш орел. / Я сошлюсь на народное слово, / На ве-

ликую мудрость веков. / Двуголовье — эмблема, основа / Всех убийц, идиотов, воров» (Курочкин В. Стихотворения, статьи, фельетоны. — М., 1957. — С. 14).

²³ В ст. 10 впервые вносилось понятие частной собственности, а в ст. 12 — норма, в соответствии с которой земельные участки могли быть отчуждены (в том числе проданы) их собственниками без изменения целевого назначения независимо от сроков вступления в собственность — местному совету на тех же условиях, на которых земельный участок был предоставлен (это было воспроизведение прежней нормы, но добавлялось: с учетом произведенных на нем затрат), а также физическим и юридическим лицам, но с ограничением (только для ведения подсобного, дачного хозяйства, для садоводства и жилищного строительства). Прежде Конституция устанавливала, что купля-продажа участка не допускается в течение 10 лет со дня его приобретения в собственность, а после того вопрос может быть решен лишь квалифицированным большинством на Съезде либо референдуме. Теперь закон обещал разрешить продажу земель сельскохозяйственного назначения физическим и юридическим лицам через 10 лет, если они были приобретены бесплатно, и через 5 лет, если были куплены (Сборник документов, принятых Седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации. — М., 1992. — С. 27—28).

²⁴ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 507—512.

²⁵ Седьмой съезд... — Т. 3. — С. 47.

²⁶ Против запрета на разжигание социальной розни проголосовали 444 депутата (Там же. — С. 55).

²⁷ Румянцев к этому времени уже заслужил славу «русского Мэдисона» и без тени иронии примеривал на себя этот образ. Впрочем, он, действительно, был главной движущей силой работы над проектом).

²⁸ Проект Конституции Российской Федерации (Сборник материалов). — М., 1992. — С. 88—89.

²⁹ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 368—398.

³⁰ По инициативе Румянцева в состав рабочей группы на постоянной основе были введены Сергей Булдаев («Суверенитет и равенство»), Анатолий Ковлягин («Родина»), Ондар Чимит-Доржу («Коммунисты России»), а секретарем стал Иван Федосеев («Россия»), до избрания занимавший высокий пост в иркутском КГБ и не скрывавший своей антиельцинской позиции. Он удивительно вписался в коллектив рабочей группы, внес в ее работу столь недостававшую ей четкость, разумную организацию. Искренне заинтересованный в том, чтобы поскорее довести дело до принятия новой Конституции, он говорил об этом на Съезде, возражая критикам. Я не знаю, что он делал в Иркутске, мы с ним занимали разные политические позиции, но у меня вызывал искреннее уважение этот сдержанный, деликатный человек.

³¹ Сборник документов, принятых Седьмым съездом... — С. 34—35.

³² Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 382—383, 398—400; Т. 3. — С. 89—92; Т. 4. — С. 244—245.

³³ Седьмой съезд... — Т. 1. — С. 345—346.

³⁴ Запись встречи Б. Ельцина с советом фракций 08.12.1992. — Архив автора.

³⁵ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 254.

³⁶ Седьмой съезд... — Т. 2. — С. 105—106.

³⁷ Там же. — С. 158—161, 184—186.

³⁸ Там же. — С. 124—126.

³⁹ Седьмой съезд... — Т. 3. — С. 5—9.

⁴⁰ Там же. — С. 14—16.

⁴¹ Там же. — С. 124.

⁴² Запись встречи группы депутатов с Е. Гайдаром 09.12. 1992. — Архив автора.

⁴³ Как рассказывает Филатов, накануне ночью его вызвали в Кремль, где в кабинете Г. Бурбулиса с участием С. Шахрая и В. Старкова (главного редактора «Аргументов и фактов» — самого тиражного издания) обсуждался план реализации принятого президентом решения (*Филатов С. Совершенно несекретно.* — М., 2000. — С. 207—208).

⁴⁴ Бессмысленность идеи быстро понял и Гайдар, которому о принятом решении сообщили примерно за час до того, как о нем узнали мы. «Срочно собираю совещание членов правительства, — пишет он. — Еще есть надежда убедить на нем президента не делать непросчитанных ходов. Но нет, сообщают, что он на заседание не приедет, поедет прямо на Съезд. Звонит Г. Бурбулис, информирует: сейчас зайдет Сергей Михайлович Шахрай, принесет документ, вы не удивляйтесь — это полезное дело, правильное решение. Убеждение, что мы и второй ногой — в ведьмин студень, крепнет... Уже хорошо зная Бориса Николаевича, понимаю: пытаться в этот момент удержать его за фалды — абсолютно бесполезно, будет то же самое, только еще хуже» (*Гайдар Е. Указ. соч.* — С. 229—230).

⁴⁵ Седьмой съезд... — Т. 3. — С. 126—130. Публично обозначенная позиция спикера, конечно, не давала оснований для столь категорической оценки. Но президент был информирован об интенсивной закулисной деятельности, которую в те дни развил Хасбулатов. Работу с податливой частью депутатского корпуса он вел не только непосредственно, но и через прибывших на Съезд председателей региональных советов, которых он собирал в своем кабинете едва ли не в каждом перерыве (Моск. новости. — 1992. — 13 дек.).

⁴⁶ «Видно, я по природе своей плохо приспособлен к терпеливому ожиданию, к хитрой, скрытой борьбе, — комментировал Ельцин позднее свою эскападу на VII Съезде. — Как только ситуация обнажается с полной ясностью — я уже другой человек. Это и хорошо. И плохо, наверное». Однако критического переосмысления своей акции ему хватило лишь на то, чтобы признать «неверным решением» собственный выход из зала (*Ельцин Б. Записки президента.* — М.,

1994. — С. 304). Этот шаг, а следовательно, и призыв к сторонникам последовать за ним были очень уж элементарным просчетом, свидетельствовавшим о том, что президентские аналитики либо не умели считать, либо не были услышаны. Но ошибочной, на мой взгляд, была вся игра.

⁴⁷ Седьмой съезд... — Т. 3. — С. 131. Бабурин тут же выразил «признательность тем членам “Демократической России”, которые остались в зале и за столом президиума» (Там же. — С. 132).

⁴⁸ Правда, Н. Рябов призвал не торопиться с принятием такого предложения, и Исаков согласился, что это «преждевременно» (Там же. — С. 134, 140). Можно, однако, не сомневаться, что оно было бы пущено в ход, чтобы снизить кворум, если бы требуемого числа депутатов в зале не оказалось. Ведь именно так и произошло на так называемом X Съезде.

⁴⁹ Предложение было принято 665 голосами против 82 при 22 воздержавшихся (Там же. — С. 137, 141).

⁵⁰ Там же. — С. 139, 160.

⁵¹ Там же. — С. 165—167. Эту мысль от имени четырех фракций тут же подхватил депутат Ребриков, потребовавший принять меры, исключающие выезд из страны Бурбулиса, Козырева, Попова, Собчака, Полторанина и др. (Там же. — С. 198).

⁵² «Неудачная поездка на АЗЛК стала для Ельцина своего рода уроком и рубежом в его публичной работе, — комментируют этот эпизод помощники президента. — Он понял, что этап “хождения в народ” миновал» (Эпоха Ельцина... — С. 251).

⁵³ «Мне, — жаловался Хасбулатов, — как пескарю на сковородке, приходится крутиться на заседаниях Верховного Совета... Я делаю все для того, чтобы быть верным закону и Конституции, чтобы не позволять превратить в “половую тряпку” Верховный Совет и Съезды и в то же время выводить Президента из-под ударов» (Седьмой съезд... — Т. 3. — С. 160—164; Т. 4. — С. 83—84, 159—160, 204—205, 221—222).

⁵⁴ Проводя эту поправку «сменовца» Олега Плотникова, Хасбулатов был виртуозен. С одной стороны, взывал к чувству самосохранения депутатов: «Пусть уж сам Съезд думает. Если Съезд не думает о своей защите... Имейте в виду: демократия, представительные органы власти не имеют никакого оружия, кроме закона. Исполнительная власть имеет все, что нужно». С другой стороны, демонстрировал уважение и доверие Ельцину: «Наш Президент не собирается всего этого делать. В это я верю... Я уверен, что нам никогда не придется заниматься этим делом... Слишком много времени уделяем смакованию этого — отрешение — не отрешение. Хватит этим, по-моему, не очень приличным делом заниматься» (Седьмой съезд... — Т. 2. — С. 192—195; Т. 3. — С. 63—67).

⁵⁵ Спокоен и рассудителен Хасбулатов был на встрече с активом нашей фракции, хотя за каждым его словом сквозила обида. В этом разговоре, зная, что следом за тем мы будем встречаться с Ельциным, он продолжал решать свою

главную задачу. Я кое-что сделал, чтобы конституционные поправки не прошли в кабинетах, объявил он и поведал, что при тайном голосовании подал свой голос за Гайдара: он талантливый человек, но при всем моем и вашем желании с его утверждением на Съезде ничего не получится, ибо депутаты голосовали против стоящей за ним шайки Бурбулиса. Скажите Б. Н., чтобы он не настаивал: Съезд отвергнет — будет хуже...». (Запись встречи актива фракции СрП с Р. Хасбулатовым 10.12.1992. — Архив автора). Даже если Хасбулатов сказал правду, его голос, поданный в кабине, потерялся среди сотен других. А просьбу Ельцина о публичном выступлении за Гайдара он не выполнил.

⁵⁶ При обсуждении вопроса о ротации ВС 11 декабря Хасбулатов бросил пробный шар: несколько председателей комитетов и комиссий, сказал он, сбежали вчера из зала. Съезд должен высказаться, следует ли их оставить председателями и членами ВС (Седьмой съезд... — Т. 4. — С. 31). Заменой неугодных послушными людьми спикер займется в следующем году.

⁵⁷ Седьмой съезд... — Т. 3. — С. 203—204.

⁵⁸ Экспресс-опрос ВЦИОМа, на который он сослался в разговоре, как будто бы показывал и одобрение его демарша, и превосходство его рейтинга на рейтингом Хасбулатова и Съезда (Эпоха Ельцина... — С. 250).

⁵⁹ Запись встречи актива фракции СрП с Б. Ельциным 11 декабря 1992 г. — Архив автора. Некоторые фрагменты иной записи этой встречи, которые воспроизводит В. Костиков, могут создать искаженное впечатление: получается, будто Ельцин просто отчитывал своих колеблющихся сторонников. Неточно и его утверждение, что фракция СрП осталась в зале (*Костиков В.* Роман с президентом. — М., 1997. — С. 150—152).

⁶⁰ Президента на переговорах представляли Гайдар, его заместитель Шахрай, секретарь Совета безопасности Скоков, министр обороны Грачев, глава администрации Московской области Тяжлов, а депутатский корпус — вице-спикеры Яров и Рябов, председатель ВС Карелии Степанов, президент Якутии Николаев, председатель Архангельского облсовета Гуськов, депутаты Шорин и Травкин. Работу комиссии с президентской стороны возглавлял Гайдар, с парламентской — Рябов. Хасбулатов не включил в делегацию «ястребов», заинтересованных лишь в разжигании скандала. Пока соглашение дорабатывалось, выступили представители всех фракций. Чаще других звучали три предложения: сразу же принять закон о правительстве, назначить премьера и не проводить референдум.

⁶¹ Седьмой съезд... — Т. 4. — С. 191—193.

⁶² Там же. — С. 194, 301—303. Постановление предусматривало также, что заполнение вакансий в Конституционном суде откладывается до принятия новой Конституции, а обязанность президента согласовывать назначение и смещение глав администраций с местным советом — до новых выборов в эти советы. За постановление проголосовал 541 депутат, против — 98, воздержались 67.

⁶³ Разъяснение Конституционной комиссии. 12.12.1992. — Архив автора.

⁶⁴ Седьмой съезд... — Т. 4. — С. 197—198.

⁶⁵ Костиков В. Указ. соч. — С. 148—149.

⁶⁶ Там же. — С. 147.

⁶⁷ Запись на собрании «Коалиции реформ» 11.12.1992. — Архив автора.

⁶⁸ Запись на заседании III съезда «Демократической России» 19—20 декабря 1992 г. — Архив автора.

⁶⁹ Седьмой съезд... — Т. 4. — С. 215, 216, 223, 228—229.

⁷⁰ Там же. — С. 217, 218, 222—224.

⁷¹ Предложения парламентских фракций ВС РФ по кандидатурам на пост председателя правительства РФ. — Архив автора.

⁷² На трибуну был приглашен только Каданников, который на этом заседании подписал себе приговор, сказав, что главная линия правительства «совершенно правильная», что у него «совершенно нет опыта работы на государственном уровне» и что председателем правительства должен быть Гайдар (Седьмой съезд... — Т. 4. — С. 257).

⁷³ Там же. — С. 260—261.

⁷⁴ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 298.

⁷⁵ Результаты тайного голосования через электронную систему были таковы: за Черномырдина проголосовал 721 депутат, против — 172, воздержались 48 (Седьмой съезд... — Т. 4. — С. 264). Выбор Ельцина был в значительной мере предопределен рекомендацией Гайдара, который не согласился сам снять свою кандидатуру («так как не уверен в том, что политика реформ будет продолжена преемником»), но сказал, что из двух оставшихся Скоков неприемлем, а в пользу Черномырдина говорят его деловые и человеческие качества: «...был человеком исполнительным, в общеэкономические вопросы не вступал и, на мой взгляд, неплохо справлялся со своими обязанностями, В премьеры, расталкивая других руками, не рвался и с самого начала сказал, что если будет необходимо, снимет свою кандидатуру» (Гайдар Е. Указ. соч. — С. 234—235). Примерно в те же часы, когда Ельцин встречался с Гайдаром, Чубайс, беседуя с группой демократических депутатов, иронизировал: «Виктор Степанович непрестанно задает нам вопрос “Когда отзывать свою кандидатуру?”».

⁷⁶ Запись встречи Гайдара с группой депутатов 14.12.1992. — Архив автора.

⁷⁷ Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 218.

⁷⁸ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 296—297.

⁷⁹ Гайдар Е. Указ. соч. — С. 233.

⁸⁰ Рос. газ. — 1993. — 9 янв.

⁸¹ Эпоха Ельцина... — С. 253—254.

⁸² Записи на заседании III съезда «Демократической России» 19—20.12.1992. — Архив автора.

⁸³ Лидеры «Российского единства» на пресс-конференции 17 декабря заявили об условной поддержке правительства Черномырдина.

⁸⁴ Когда я об этом сказал, политолог Виктор Кувалдин заметил: если правительство Гайдара — лучшее, что у нас есть в структурах власти, то бедная Россия! (Запись на Ученом совете ИМЭМО РАН. 15.01.1993. — Архив автора). К несчастью, это не было полемическим преувеличением.

часть 5

1993. ГРОЗОВОЙ ГОД

Сложные проблемы всегда имеют простые,
легкие для понимания, неправильные решения.

Закон Гроссмана

В начале года выдалось несколько свободных дней. Я взял с полки книгу, давно прочитанную, к которой потянуло, из которой забылось все, кроме сюжета и нескольких запавших в память сцен. Выбор был не случаен: это был «Девяносто третий год» Гюго. То, что вершилось 200 лет назад во Франции, казалось, готово повториться здесь, в России. Праздник всеобщего братства, ликующие толпы парижан на развалинах сдавшейся Бастилии были в прошлом, а на смену через четыре года пришли голодные очереди у закрытых лавок, одичание и озверение, сменявшие друг друга трибуны, бессильные справиться с силами, которые вышли на поверхность, доносы и казни. Все это — неотвратимый путь великих революций?

Два символа, два разноликих зла столкнулись друг с другом на страницах знаменитого романа — средневековая башня Тург, старинное страшное обиталище феодалов в Вандее, и воздвигнутая рядом с нею гильотина. «Это страшилище, эта каменная громада была величественна и гнусна, но плаха с треугольником была хуже. Развенчанное всемогущество трепетало перед

всемогуществом новоявленным. Историческое преступление взирало на историческое возмездие. Былое насилие тягалось с сегодняшним насилием; старинная крепость, старинное страшное обиталище сеньоров, в стенах которого звучали вопли пытаемых, это сооружение, предназначенное для войн и убийств, ныне непригодное ни для жилья, ни для осад, опозоренная, поруганная, развенчанная груда камней, столь же ненужная, как куча золы, мерзкий и величественный труп, эта хранительница ужасов минувших столетий смотрела, как наступает грозный час живого времени. Вчерашний день трепетал перед сегодняшним днем; жестокая старина лицезрела новое страшилище и склонялась перед ним; то, что стало ничем, глядело сумрачным оком на то, что стало ужасом; видение всматривалось в призрак»¹.

Ассоциации казались слишком навязчивыми, аллюзии — чрезмерно прозрачными. Ведь столетия, пел Александр Галич, — пустяк. Неизбежна ли гильотина, чтобы уйти от старой, сталинской и послесталинской империи? Или, того хуже, гильотина станет орудием реванша и башня будет воздвигнута вновь? Видения и призраки заполняли не открывшееся еще пространство начавшегося года.

глава 17

Компромисс рушится

Нам мало добиться успеха.

Надо еще, чтобы друзья

наши потерпели крах.

Франсуа де Ларошфуко

ВЗГЛЯД ИЗ 1993 года.

РЕФОРМИСТСКИЕ ФАНТАЗИИ

«93-й год — что дальше?»²

Новый год Россия встретила в условиях острого экономического и политического кризиса, без утвержденного государственного бюджета, с продолжающимся противостоянием Президента и большинства депутатского корпуса, сковывающими друг друга, с правительством, обреченным на лавирование между ними, без новой Конституции и четкой перспективы ее утверждения, с ощущением тупика и неясными надеждами на улучшение, которое обещано к концу года. Год этот, однако, еще предстоит пройти, а сам его порядковый номер вот уже двести лет вызывает ужасные реминисценции у всех, кто помнит историю.

Если бы можно было быть уверенным, что демократические преобразования, изменившие лицо страны после 1985 г., необратимы, то разумнее всего в создавшейся ситуации было бы

сыграть на опережение событий и поручить формирование правительства лидерам Гражданского союза с тем, чтобы они попытались реализовать рекламируемую ими экономическую программу. Это означало бы переход движения «Демократическая Россия» и ориентированных на него сил в оппозицию и отход Президента от непосредственного управления, как это было во Франции в короткий период сосуществования социалистического президента и правоцентристского правительства, опиравшегося на парламентское большинство.

Дальнейшее развитие событий — при соблюдении демократических «правил игры» — должно было бы показать одно из двух. Либо экономическая стратегия правительства Гайдара была ошибочной и существуют менее болезненные для общества формы перехода. Либо реалистической альтернативы этой стратегии в ее фундаментальных чертах (а не в частных корректировках, к которым было готово само это правительство) нет. Если, конечно, не считать таковой возврат к госзаказу, распределительной системе, нажиму на собственников, продразверстке, административному контролю над ценами и заработной платой и, в конечном итоге, к Гулагу, ибо он, пусть не в сталинском, а в смягченном, брежневско-андроповском варианте, необходимый элемент этой системы.

Но именно потому, что отход России от вековых традиций авторитарного строя нельзя считать необратимым, сдача власти квазицентристам сопряжена с двумя серьезными опасностями. Во-первых, весьма вероятно, что новый экономический эксперимент — включение заднего хода на значительной скорости — ослабленное хозяйство может не выдержать. Ведь все содержательные положения экономической программы оппозиции сопряжены с развязыванием либо открытой инфляции (субсидии, выплаты, льготы), либо инфляции в подавленной форме, в виде товарного дефицита, бартера, карточной системы, черного рынка и т. д. А это означало бы, что денежно-финансовую стабилизацию придется начинать сначала, но в усло-

виях еще более разваленной экономики и снизившегося уровня общественного благосостояния. Сомнительно, что столь непопулярный курс, да еще и при отсутствии собственного парламентского большинства у квазицентристов вообще удастся проводить при сохранении демократического строя.

Во-вторых, сила квазицентристов, как уже отмечалось, во многом носит заемный характер, их коалиция рыхла и разнородна. Получив власть, она в еще большей мере, чем в оппозиции, будет раздираться разными программами вошедших в нее политических организаций и честолюбивыми амбициями лидеров. При таких обстоятельствах правительство, опирающееся на Гражданский союз, может повторить судьбу кабинетов Брюнинга и фон Папена в Германии в трагическом 1932 г.: на ее плечах в условиях обострения социально-экономической ситуации может прорваться к власти агрессивная оппозиция.

Но даже если рассчитывать, что игра не выйдет за рамки парламентаризма, Президент и поддерживающие его демократические силы, сдав власть, ничего не выиграют: Президент — потому что он все равно будет нести ответственность за происходящее, демократы — потому что, потеряв даже те ограниченные рычаги влияния на государственную политику, которые у них еще сохранялись, не успеют реализовать преимущества оппозиции к моменту следующих выборов.

Впрочем, если добровольной сдачи власти и не произойдет, но социально-экономическая ситуация будет ухудшаться и события будут предоставлены их собственному ходу, дрейфующий вправо и уже выражавший свое разочарование составом правительства Черномырдина парламент на VIII Съезде может внести в Конституцию поправки, которые не удалось провести на VII Съезде, и поставить правительство под свой контроль.

Теоретически существует иной выход из политического тупика: опираясь на поддерживающий Президента политический актив общества и используя инструментарий референдума, форсировать досрочный роспуск Съезда и Верховного Совета,

досрочные парламентские выборы на основе новой Конституции, которая резко сместит баланс властей в пользу Президента и будет проведена также посредством референдума. Вступление на этот путь представляется мне не менее опасным и вредоносным, чем ползучая реставрация.

Во-первых, надо понять всю иллюзорность противопоставления «всенародно избранного Президента» «партократическому» Съезду. После президентских выборов в обществе произошел сдвиг не меньший, чем между парламентскими выборами 1990 г. и президентскими 1991 г. Поэтому нет никакой уверенности в том, что референдум, если ему будет придан конфронтационный характер, укрепит позиции Президента, а не поднимет противостояние на более высокую ступень. Согласно декабрьскому опросу ВЦИОМ среди горожан России идею референдума поддерживали 42%, не поддерживали 38%. Правда, Президента поддерживают 41%, а Съезд — лишь около 16% респондентов, но 43% либо еще не определили свою позицию, либо не собираются участвовать в референдуме. Обольщаться низким рейтингом Съезда опрометчиво: прямая схватка, скорее всего, приведет к поражению обеих сторон. Недаром в ходе декабрьских опросов от 40 до 50% граждан констатировали ослабление позиций Президента.

Во-вторых, если за референдумом пройдут выборы до появления ощутимых признаков улучшения социально-экономического положения будь то в парламент, будь то в Учредительное собрание, и если их вообще удастся провести, то они, скорее всего, дадут представительный орган еще менее профессиональный, более популистский, более раздираемый на части не только политическими, но и местническими устремлениями. Не исключено, что некоторые республики вообще будут бойкотировать как референдум, так и выборы.

В-третьих, в проблематичном случае успеха «президентской партии» на референдуме, достигнутый перевес лишит исполнительную власть необходимого противовеса, как бы дефек-

тен он ни был в нынешнем оформлении, и откроет дорогу авторитарным поползновениям с той стороны, откуда диктатура чаще всего угрожает обществу: от гипертрофии исполнительной власти. Это опасно при данной конъюнктуре, ибо и нынешние президентские государственные структуры не столь уж отличаются по профессиональным качествам и демократическим убеждениям от парламентских, а сам Президент слишком часто, формируя штат своих сотрудников, приближая одних и удаляя других, демонстрировал неизжитый «обкомовский», волевой стиль. Еще более опасно закреплять в новой Конституции, рассчитанной на долговременное существование, черты президентской, плебисцитарной формы государственного устройства. В стране с неустоявшимися демократическими традициями это может дать очень горькие плоды — и не в столь уж отдаленном будущем. Президентские выборы 1996 г. не за горами. Надо ли торопиться наделять неизвестного пока избранника максимумом конституционных прав?

Здесь, изложив два, по-видимому, наиболее вероятных типовых варианта дальнейшего развития событий, можно было бы поставить точку. Но в российской политической литературе подобного жанра принято напрямую связывать анализ с ответом на вопрос: «Что делать?».

Прежде всего, на мой взгляд, необходимо уяснить, что в сложившихся условиях — а условия эти, прежде всего социально-экономические, по мановению волшебной палочки изменить нельзя — нового прорыва к либеральной демократии быть не может. Прорыв может быть только к диктатуре.

У демократов никогда не было парламентского большинства, и их линия никогда, разве что за исключением августовских дней и еще двух-трех эпизодов, не определяла всецело политику Б. Ельцина, в особенности кадровую политику. Новое заключается в том, что рядом с демократическими и посткоммунистическими структурами возникают иные, претендующие на свою долю власти и влияния. Одни из них стремятся окрасить

в коричневый цвет то, что осталось от компартии, другие — претендуют на роль политического центра. И те, и другие ищут и находят собственную социальную базу. Первые — в лице социальных групп с ригидными жизненными ориентациями, в одночасье утративших привычный государственный патронаж, невысокий, но стабильный жизненный уровень, согревавшее их сознание мирового величия державы. Они черпают свой актив преимущественно из кругов люмпен-интеллигенции. Основная социальная база вторых — бóльшая часть директорского корпуса, работники местной и центральной администрации, предпринимательские круги.

В общем виде задачи, которые стоят перед демократами, я бы сформулировал следующим образом: добиваться политической изоляции актива агрессивной оппозиции (а это предполагает, в частности, внимательное, уважительное отношение к нуждам тех дезориентированных людей, к которым она апеллирует) и находить пути соглашения, хотя бы по отдельным вопросам, с организующимися квазицентристами, с наиболее разумными и ответственными из них.

Необходимо отдать себе отчет в том, что ни референдум, ни выборы в данной ситуации не могут принципиально изменить соотношение сил. Проведение экономической реформы и упрочение демократического строя нуждаются в устойчивой, не зависящей от конъюнктурных политических колебаний поддержке парламента. Если нельзя сформировать парламентское большинство вокруг того проекта реформ, который демократы считают оптимальным, то надо так модифицировать сам проект, чтобы он получил необходимую поддержку парламента, каков он есть.

Можно ли это сделать, не поступаясь главными составляющими проекта? Окончательный ответ на это может дать, конечно, только практика. Но далеко не все возможности некатастрофического развития событий исчерпаны. Главная задача, которая, как мне видится, стоит перед демократами, — созда-

ние настоящего политического центра. Они займут в нем ведущее место, освободившись от искушений силового давления и от влияния тех групп, которые убеждены, что общественную поддержку можно восстановить, главным образом обличая «коммунистическую номенклатуру», организуя массовые кампании и придумывая все новые референдумы. Но для этого надо научиться находить общий язык и с промежуточными фракциями парламента, и с частью депутатов, голосующих обычно с позиций блока «Российское единство», — далеко не все они принадлежат к агрессивной оппозиции. Поддерживая решительные меры против Фронта национального спасения, подталкивающего страну к гражданской войне, я бы весьма спокойно отнесся к попыткам восстановления компартии на реформистской основе, коль скоро не состоялась пока в России массовая социал-демократическая партия. Социал-демократия — необходимый и весьма полезный компонент современной конкурентной политической системы, и если ее становление происходит в одеянии реформистского коммунизма, то не следует тормозить этот процесс раздражающими эскападами вроде требований пресловутого закона о люстрациях, международного суда над компартией и т. п.

Главное — сохранить хотя бы относительную политическую стабильность до поры, когда экономическая реформа начнет приносить ощутимые для массы народа социальные плоды, а процесс приватизации размоет важнейшую опору, базу возможного возрождения авторитарного режима.

В былые годы ленинградская поэтесса писала о временах, «когда дыханья не перевести от мерзости стоактного Макбета», автор и режиссер которого надежно укрылся за кремлевской стеной. Но хотя драма российского перехода к демократии далека от завершения, есть все-таки основания для надежды, что на этот раз история не повторится ни в виде трагедии, ни в виде фарса.

ДВЕ ТАКТИКИ НА РЕФЕРЕНДУМЕ³

Вопрос о возможности сохранения парламентского развития событий во многом будет решаться на референдуме. Он ставит демократическое движение перед выбором: как действовать? Есть две возможные тактики. Одна — ленинская: предельное обострение ситуации, выдвижение самых крайних, конфронтационных лозунгов. Иногда такая тактика приводила к победе. Но в ситуации, когда избиратели начинают отходить от той политики, которую поддерживали вплоть до августа 1991 г., она, на мой взгляд, губительна.

Другая тактика — тактика позиционной борьбы — гораздо труднее, но только она может привести к результатам, в которых заинтересовано общество. Следовать ей — значит не стараться вынести на референдум как можно больше вопросов, раскалывающих общество. Нужно ограничиться не максимумом, а минимумом того, что необходимо, чтобы политическая реформа не остановилась. Демократическое движение нельзя сплотить на базе крайних лозунгов. А массовую демократическую партию вряд ли удастся создать к апрелю и даже к следующим выборам. Значит, необходим избирательный блок на общей демократической платформе.

«ЕСЛИ НЕ РЕФЕРЕНДУМ, ТО ЧТО?» —

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ СОГЛАШЕНИИ⁴

Идея конституционного соглашения взамен намеченного на апрель референдума постепенно завоевывает все новых сторонников. В основе складывающегося предпочтения лежат следующие соображения:

- **референдум, вероятнее всего, не решит задачи, которые возлагают на него его сторонники:**
- согласованный (а потому дистиллированный) текст не привлечет общественного интереса и может не получить необходимого вотума в силу неявки избирателей;
- если даже такой вотум будет получен, формулировки об-

щего характера при переложении в Конституцию потребуют интерпретации и конкретизации и, таким образом, решение споров просто будет отложено;

- бюллетень с альтернативными вопросами едва ли принесет решительную победу любой из сторон; крайне маловероятно, что одна из альтернатив получит большинство голосов от списочного состава избирателей и, следовательно, окончательное решение останется за законодателями;

- **референдум сопряжен с серьезными общественными опасностями:**

- общая дестабилизация и дискредитация власти, организовавшей дорогостоящую и нерезультативную кампанию по политическим и правовым вопросам, тогда как людей гораздо более волнуют повседневные проблемы жизнеобеспечения;

- усиление дезинтеграционных тенденций в регионах, которые могут отказаться от участия в референдуме или выдвинуть вопросы, работающие на разрыв с трудом достигнутого статус-кво;

- углубление раскола общества, нагнетание напряженности, расширение поприща для тех сил, которые не скрывают своих целей — сломать существующие государственные институты и прорваться к вожаемой власти;

- **задачи, которые референдум мог бы решить, следовало бы попытаться реализовать иным путем — посредством конституционного соглашения тех общественных сил, которые сознают свою ответственность и готовы отложить выяснение отношений на более спокойные времена, предпочитают эволюцию революции.**

Вместе с тем представляется **крайне опасным**, чреватым непредсказуемыми последствиями предложенный выход — **созвать досрочно Съезд и искать решение на нем**. Этот вариант правомерно отторгается значительной частью депутатов, справедливо опасаящихся возникновения на нем нового, еще более острого конституционного кризиса.

Достижение конституционного соглашения требует договоренности по двум комплексам проблем:

- содержанию соглашения;
- способу его достижения.

Содержание соглашения могло бы включать следующие пункты:

1. После драматических событий на VII Съезде был достигнут пусть хрупкий, никого не удовлетворяющий полностью, но все же позволяющий функционировать государственным институтам баланс между Президентом и съездовским большинством. Его не надо пытаться сейчас изменять в чью бы то ни было пользу. Поэтому важнейшие положения соглашения 12 декабря 1992 г. необходимо пролонгировать, скажем, на год.

2. На год следует отложить и проведение Съездов, чреватых серьезными политическими кризисами и непредвиденным ходом вырывающихся из-под контроля событий.

3. Независимо от того, удастся ли согласовать и утвердить до следующих выборов новую Конституцию России, необходимо зафиксировать конституционным большинством, что в ней не останется Съезда, то есть выборы будут производиться непосредственно в двухпалатный Верховный Совет. Это изменение целесообразно внести в действующую Конституцию, оговорив, что оно вступает в силу после выборов.

4. Целесообразно обозначить, что будущая избирательная система станет комбинированной: депутаты будут избираться как по одномандатным избирательным округам, так и на пропорциональной основе, по спискам партий, общественных организаций и их блоков (с соответствующим барьером для мелких групп, как это принято в избирательном праве многих стран).

5. Устанавливается срок проведения новых парламентских выборов (предположительно весной 1994 г.).

6. В пакете — и только в пакете — с этими и, возможно, некоторыми другими условиями принимается решение об отмене назначенного на 11 апреля референдума.

Механизм достижения и гарантирования подобного соглашения мог бы выглядеть следующим образом.

1. Инициатива об отмене референдума, уже заявленная рядом депутатов от Московской области, вместе с условиями ее реализации обсуждается в депутатских фракциях. Срок: неделя. Выясняется принципиальная возможность достижения соглашения на приемлемых для большинства депутатов условиях.

2. Рабочая группа, включающая представителей Президента и Верховного Совета и созданная на условиях, которые можно обсудить отдельно, вырабатывает проект соглашения. Срок: 2—3 дня.

3. Проект поступает на рассмотрение Президента, Верховного Совета и Конституционного суда. Если между ними достигается согласие, три ветви власти в лице уполномоченных на то лиц публично принимают на себя обязательство добиваться ратификации Конституционного соглашения на внеочередном Съезде. Срок: 3—4 дня.

4. Аналогичное обязательство принимает на себя большинство депутатского корпуса, поддерживающее соглашение.

5. Верховный Совет принимает решение о созыве внеочередного Съезда. Съезд созывается в конце февраля — начале марта на один день с единственной задачей: конституционного оформления достигнутого соглашения.

Если такого соглашения достичь не удастся, референдум остается единственным выходом.

«УЙТИ ОТ БЕДЫ»⁵

Уважаемые коллеги! Должен признаться, что сегодня в этом зале мне подчас становилось страшно, гораздо страшнее, чем в те августовские дни и ночи, когда, как нам казалось, ожидался штурм Белого дома. Мне становилось страшно потому, что волна ненависти, озлобления, волна ожесточения захлестывает этот зал и грозит перекинуться за его пределы.

Давайте попытаемся поразмышлять. Есть вещи, от которых нам не уйти. Есть глубокие экономический, социальный, политический кризисы. Если мы сегодня станем обсуждать, как это делали многие ораторы, кто виноват, почему возник этот кризис, то едва ли мы найдем согласие. И даже если мы большинством выявим ту или иную точку зрения, это еще не будет означать, что найден выход из кризиса.

Я глубоко согласен с теми выступавшими передо мной коллегами, в частности с депутатом Сергеевым, которые говорили о том, что ориентация на победу — ложная ориентация. Нам необходимо поискать решение проблемы в соглашении, перемирии, принятии, цивилизованных правил игры.

Соглашение между кем и кем? На первый план вроде бы выходит соглашение между Президентом и Съездом, между Ельциным и Хасбулатовым. Но я бы сказал, что это ложная постановка вопроса. На самом деле глубокие расхождения существуют внутри самого депутатского корпуса, глубокие расхождения существуют в нашем обществе. И Президент, выражая, скажем, преимущественно одну позицию, в последнее время сделал несколько шагов, которые мне представляются важными и перспективными.

Я принадлежу к той части парламента, которая обычно поддерживает Президента, хотя это не означает, что я и мои коллеги одобряем каждый шаг Президента. Тем не менее, я говорил позавчера на встрече с Президентом и хочу повторить здесь: наиболее перспективные шаги Президента в последнее время — это выход на Гражданский союз, это встреча с фракциями коммунистов, и мне кажется, что и нам необходимо пройти свою часть пути.

Депутат Бабурин, с которым я обычно бываю не согласен, говорил здесь о гражданском соглашении. Я хочу попытаться хотя бы наметить те первые конкретные шаги, которые, как мне кажется, нам необходимо сделать на пути именно к гражданскому соглашению.

Первое. Съезд не должен превратиться в арену, на которой пойдет «перетягивание каната». Референдум, говорят нам, не готов. Я согласен. Но и открывать Съезд 10 марта мы явно не готовы. Давайте перенесем Съезд, как минимум, на неделю. Как минимум, на неделю.

Далее. Нам говорят о том, что Съезд необходимо проводить для того, чтобы решить вопрос с референдумом. Думаю, что этот вопрос может быть решен иными путями. Отмена референдума, к которой, по-видимому, склоняется большинство, может быть проведена не обязательно за месяц, сделать это можно и за более короткий срок.

И, наконец, последнее. Мне кажется, что нам сейчас необходимо поискать вариант соглашения, который не будет выражать крайнюю позицию одной стороны. Я не думаю, что крайние предложения, которые здесь звучали и которые содержатся в розданных документах (вроде импичмента Президента и так далее), могут быть приемлемы. Но я думаю, что нельзя принять за основу и тот документ, который представлен Президентом. Давайте создадим группу, которая будет представлять все политические силы нашего парламента, и попытаемся уйти от беды.

ПОСТСКРИПТУМ

В моих размышлениях и публикациях той поры бросается в глаза сочетание двух, казалось бы, трудно совместимых подходов: довольно трезвый анализ складывавшейся ситуации и политические мечтания. Реальный ход событий подводил к выбору между двумя вариантами. Один из них — «ползучая реставрация», приход к власти агрессивной оппозиции, которая, несомненно, отбросила бы всех претендовавших на лидерство модераторов: и Хасбулатова, явно переоценившего свои возможности, и сладкоголосых сирен из Гражданского союза, возомнивших себя в «позиции силы». Второй — насильственное удаление СНД и ВС. Соответствующие планы после VII Съезда не просто возгла-

шались безответственными радикалами, но стали прорабатываться президентом и его ближайшими сотрудниками.

То, что эти сценарии наиболее вероятны, было очевидно уже тогда. Был ли в пределах возможного иной, более мягкий вариант: изоляция агрессивной оппозиции, сохранение безраздельного контроля над правительством (и исполнительной властью вообще) в руках президента, корректировка социально-экономического курса, способная ублаготворить квазицентристов и иные промежуточные силы, и консолидация демократов на умеренной платформе? Категорического ответа на этот вопрос у меня нет и сегодня. Вроде бы напрашивается отрицательный ответ: чтобы такой вариант осуществился, основные акторы разворачивавшейся исторической драмы должны были быть не такими, какими они вышли из-под обломков тоталитарной системы.

Идея создания настоящего политического центра, достижения исторического компромисса вызывала резкое отторжение едва ли не у большинства демократов. Один из видных демократических публицистов той поры, Александр Щелкин, комментируя мое предложение уходить от вопросов, раскалывающих общество, писал: «Компромисс — могучее средство в руках опытных и дальновидных политиков, а не тех, кто с экзальтацией первооткрывателя толкует о нем везде, прежде всего там, где он неуместен. Заранее кастрировать себя ограниченными требованиями — значит не получить даже и этого скромного результата. Политика — это творчество. И в ней действует аксиома, которую еще никто не опроверг: “Будьте реалистами — требуйте невозможного!”»⁶.

Щелкин был прав в том, что в России 90-х был явный дефицит опытных и дальновидных политиков. Провокационный же лозунг, который был брошен в толпы разбушевавшейся молодежи Сартром, грезившим во Франции 1968 г. маоистской «культурной революцией», конечно, никакая ни аксиома. В обществе с устоявшейся политической системой, научившемся гибко и результативно реагировать на самые разнообразные возмущения,

призывы подобного рода не могли причинить непоправимого вреда, хотя и поспособствовали тому, что в течение нескольких недель в великом городе бесчинствовали лихие погромщики⁷. Иное дело — Россия, где призывы выдвигать требования по максимуму, с чьей бы стороны они ни раздавались, могли закончиться не поваленными деревьями и «сорбонским стриптизом», а большой кровью.

Взгляды, которые я тогда высказывал и которые в большей или меньшей мере разделяли мои единомышленники по фракции «Согласие ради прогресса» — и не только они⁸, — среди политиков демократического направления вызывали не просто отторжение. Были попытки подвергнуть фракцию форменному ostracism. В этой связи заслуживает упоминания один январский эпизод, который с моих слов пересказал в собственной манере известный журналист Павел Гутионтов.

«Президент, как известно, встретился с лидерами демократических фракций парламента. Давно это он обещал и наконец собрался. Смог выслушать точку зрения своих сторонников, и это, конечно же, полезно. Хотя бы тем, что могло помочь снять возникшие между ними вопросы. Но вот депутат Виктор Шейнис, лидер фракции “Согласие ради прогресса”, на встречу допущен не был. Мне он рассказал об этом с некоторым изумлением. Оказывается, от его фракции Лев Пономарев предварительно потребовал вступления в блок “Демократический выбор”, с которым и только с которым якобы согласился беседовать Ельцин. Шейнис позвонил помощнику Президента, и Лев Суханов сказал, что, конечно же, Борис Николаевич будет рад видеть и “согласистов”, а слова Пономарева — чистой воды недоразумение. Шейнис пошел, скажем так, повязывать галстук. Но встречает снова Суханова и тот прячет глаза: “Вы понимаете, ко мне пришел Вячеслав Волков (координатор “Демократического выбора”) и заявил, что, если “они” будут на встрече, “мы” на нее не явимся все...”

Собственно, в демократических убеждениях Шейниса и его коллег никто не сомневается. Но точка зрения этой фракции на

тот же референдум несколько отличается от "общепринятой"
Поэтому до Президента ее надо постараться не допустить...
Молодцы, ничего не скажешь»⁹.

В этой связи возникает еще один непростой вопрос: следовало ли во время острой политической схватки отстаивать позицию, шансы на реализацию которой предельно, исчезающе малы? И тем самым ослаблять напор тех, кто готовился перейти к решительным действиям? Мой ответ на этот вопрос таков — стоило. Во-первых, потому, что пока ход событий еще не приобрел необратимого характера, нельзя решить, что всякий иной вариант заведомо отброшен. Альтернатива есть почти всегда, и если признаешь ее верной, на нее надо работать. Во-вторых, если существует убеждение в том, что данный подход верен, его надо заявлять и отстаивать — безотносительно к степени его осуществимости — с исторической и нравственной точки зрения. Иное дело, если развилка уже пройдена. Искусство политика состоит в способности, иногда интуитивной, уловить этот момент и признать неизбежным смену не только тактики, но и стратегии. У нас это случилось в сентябре—октябре переломного года.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ.

РЕФЕРЕНДУМ ИЛИ СОГЛАШЕНИЕ ВОЖДЕЙ?

В течение всего 1992 г. борьба между президентом и парламентским большинством шла в основном за контроль над правительством. Проведя на VII Съезде ряд поправок в Конституцию, оппозиция, казалось, добилась максимума из того, что можно было достичь в сложившихся условиях. Она еще не вполне уяснила, что вытекает из замены премьера. Ее ораторы в Верховном Совете говорили об этом вразнобой. Одни возмущались «оголтелым давлением», «целенаправленной травлей этого человека» и в очередной раз требовали обуздать СМИ¹⁰. Другие, выслушав доклад

премьера о программе антикризисных мер, говорили о «развеявшихся иллюзиях» и в очередной раз обвиняли правительство в том, что оно озабочено улагодворением Вашингтона¹¹.

Ельцин, со своей стороны, действует на опережение. 15 декабря, на следующий день после закрытия Съезда, он предписывает Черномырдину в недельный срок представить новый состав правительства и 22 декабря утверждает его своим указом. Закон о поправках к Конституции, в соответствии с которыми президент должен согласовывать с ВС кандидатуры четырех министров, занимающих ключевые посты, вступает в силу лишь 12 января и, разумеется, не может иметь обратной силы¹². Зато 22 декабря, закрепляя завоеванный плацдарм, ВС принимает закон о правительстве, отбросив большинство президентских поправок и одобрив по предложению Астафьева постановление (не имеющее, впрочем, юридической силы), предлагающее президенту формирование нового правительства осуществлять по новой схеме¹³.

Статус правительства оставался в основном таким же, каким и до VII Съезда. С тем большей яростью оппозиция обрушивалась на неугодные ей действия исполнительной власти. Излюбленным занятием многих депутатов были обличения внешней политики, а объектом едва ли не самых частых и злых нападок — министр иностранных дел Андрей Козырев, находивший нетривиальные формы ответа¹⁴. Внешнеполитические эскапады оппозиции (в частности ее отказ ратифицировать договор с Венгрией, в котором содержалось осуждение интервенции 1956 г.) в то время еще не могли повлиять на изменение курса. Они становились частью ритуала и представляли своеобразную форму сублимации у державников.

Все это, однако, не могло заслонить главного изменения, которое претерпел вопрос о власти. По статусу правительства и его политике велись теперь позиционные бои. Центр политического противостояния сместился. Основным камнем преткновения стал референдум. Оставалось непоясненным, однако, очень многое. Прежде всего, о чем, собственно, надлежало спросить граждан на

референдуме. Должны ли это быть, как постановил VII Съезд, основные положения Конституции или к ним следует добавить еще какие-то вопросы? Или вообще провести референдум не по Конституции? А если все же по Конституции, то какими должны быть вопросы, внесенные в бюллетень: заостряющими противопоставление разных подходов к будущему государственному устройству (и, следовательно, раскалывающими общество) или же на суд избирателей следует вынести некую заранее согласованную позицию?

Второй путь в ряде отношений представлялся предпочтительным. Но тогда вопрос перемещался в иную плоскость: если политическая драматургия на референдуме не будет достаточно острой, то не сорвется ли он из-за неявки граждан? ¹⁵ На VII Съезде идея о проведении референдума была изначально выдвинута в очень четкой постановке: кому — президенту или парламенту — доверяют граждане. Предполагалось, что проигравший должен быть переизбран. Достигнутый же компромисс грозил сделать исход референдума неопределенным: любой ответ по основным положениям Конституции подлежал интерпретации. И чем более общий характер носили бы согласованные формулировки, тем шире оставалось пространство для интерпретаций и тем дальше ответ избирателей уводил бы от главного вопроса — кому уходить, кому оставаться.

В развернувшихся спорах вскоре встал еще более принципиальный вопрос: а нужен ли референдум вообще? Но отказаться от референдума было непросто. Во-первых, неясно было, как обойти предусмотрительно введенный в постановление Съезда заключительный пункт, согласно которому ни одно из его положений не действует самостоятельно. Нельзя было вынуть один кирпичик, не порушив все хрупкое сооружение. Во-вторых, оспорить решение Съезда мог только Конституционный суд (на что рассчитывать было нельзя, так как его председатель принял самое активное участие в выработке соглашения), а отменить — только следующий Съезд. Но созыв внеочередного Съезда со-

вершенно очевидно таил в себе многочисленные опасности, в том числе и для него самого. В-третьих, отказываясь от референдума, надо было решить, чем его заменить, ибо проблема, для решения которой он был инициирован, не только не ушла, но и обострилась.

Все эти вопросы вскоре выдвинулись в центр довольно беспорядочной дискуссии, которая сама стала все более раскалять политическую ситуацию. Положение осложнялось тем, что хотя все участники споров твердили, будто референдума не боятся, исход его был непредсказуем, а прогнозам социологов, предсказывавшим разные результаты, мало кто верил. В результате вокруг референдума развернулась острая борьба, в которой все акторы — Хасбулатов и его клиента в Верховном Совете, непримиримая оппозиция, промежуточные силы, демократы и президент — должны были определить свои позиции.

Едва ли не первым поставил проведение референдума под вопрос Хасбулатов. Уже в начале января он выступил с программной статьей, в которой осторожно дистанцировался от достигнутого на Съезде соглашения. «Это был, — писал он, — скорее, вынужденный, чем добровольный акт... Соображения общественно-политической целесообразности пересилили соображения конституционной правосоразмерности». Рассказав о том, какие беды ожидали бы общество, если бы на референдум был вынесен вопрос о доверии властям, Хасбулатов продолжал: и в той постановке, о которой договорились на Съезде, «положительные результаты референдума далеко не так очевидны, как этого хотелось бы нам». Поскольку нынешняя Конституция уже вобрала в себя в значительной мере положения новой Конституции, не было объективной необходимости проводить референдум по ее основным положениям. Тем не менее решение Съезда надо выполнять, референдум проводить, но если он будет провален — «инициаторы референдума, несомненно, должны уйти в отставку»¹⁶. Это была уже прямая угроза, вполне откровенно обозначавшая избранную председателем ВС тактику — на срыв референдума. «Бес попутал», —

выскажется он чуть позднее еще более определенно¹⁷. Хасбулатов ни разу напрямую не называл Ельцина, но объявление войны президенту прочитывалось во многих пассажах его статьи. Занимая заведомо более слабую позицию, чем Ельцин, он остерегался говорить все, что думает. В последовавших вскоре публичных заявлениях он предостерегал от опасности антиконституционного захвата власти, подготавливаемого — нет, не президентом, — но «в окружении президента»¹⁸. Можно представить, что творилось в душе этого довольно скрытного человека, который, подобно герою пушкинской сказки, «то и дело наносил удары смело» окружающим, но собственные обиды (последнюю из которых Ельцин нанес ему публично на VII Съезде) не забывал и не прощал.

На данном этапе его всего более устраивают осторожные маневры, подковерное собирание сил, удаление противников, закрепление своей власти над Верховным Советом — вся та позиционная война, которую он проводит искусно, а Ельцин вести не умеет и не любит. Он осуществляет чистки Президиума ВС, разворачивает наступление на комитеты, руководимые демократами или просто самостоятельными людьми¹⁹, добивается удаления из числа своих заместителей Сергея Филатова и «отпускает» в правительство еще нейтрального тогда Юрия Ярова, не забыв при этом ради политеса высказать сожаление²⁰. Правда, проводя рокировки в собственном окружении, он дважды ошибается. Фактическим первым заместителем он делает Юрия Воронина, который действует пока в связке с Хасбулатовым, но вынашивает свои планы. Развернись события чуть иначе, он не задумываясь переступил бы через патрона²¹. В свои заместители спикер продвигает также Николая Рябова, который в течение нескольких месяцев ревностно отрабатывает это назначение, пока его не перевербуют люди президента.

В арсенале спикера вскоре появляется еще один инструмент — Круглый стол, учрежденный для обсуждения экономических проблем. Его участники, однако, не замедлили вторгнуться в политику. Новая организация была создана

совместным решением руководства ВС и правительства. На Круглый стол были приглашены депутаты, руководители российских регионов, несколько десятков партий, общественно-политических, экономических, научных и иных организаций. По видимости это было довольно представительное собрание. Первое заседание, открывшееся 5 февраля 1993 г. в Президент-отеле, выглядело импозантно. Его открывали Хасбулатов, Руцкой и Черномырдин. В дискуссии выступали видные политики, общественные деятели, ученые, воспользовавшиеся предоставленной возможностью изложить свои взгляды на ситуацию. Некоторые из них усмотрели заманчивую перспективу превратить Круглый стол в альтернативный парламент. Однако «представители» были не делегированы своими организациями, а назначены устроителями новой структуры. По сути было устроено многоликое шоу, под прикрытием которого лидеры Верховного Совета надеялись включить в орбиту своего влияния правительство.

То, чего не удалось добиться де-юре, пытаются осуществить де-факто. Расчет не был беспочвенным. Черномырдин, только-только вышедший на политическое поприще, еще окончательно не определился и приглядывался к возможным союзникам. Он заявил, что согласился на участие «с удовольствием», что правительство «открыто для всех» и выразил надежду, что Круглый стол станет «событием историческим»²². Стол этот был заявлен как постоянно действующее собрание профессионалов, обсуждающее в первую очередь продвижение экономической реформы. Однако, как в известном советском анекдоте о рабочем засекреченного предприятия, выносившем с завода детали, чтобы смастерить что-нибудь полезное для хозяйства, но каждый раз, собрав детали, получавшем пулемет, ораторы снова и снова сбивались на тему референдума.

Между тем рабочая группа Конституционной комиссии, опекаемая теперь Рябовым, стала готовить вопросы для референдума. К концу января проект был вчерне завершен. Были сформулированы двенадцать вопросов, одиннадцать из которых

представляли переложение статей из раздела «Основы конституционного строя» новой Конституции, уже прошедшего многократную обкатку в Верховном Совете. Действительно спорные проблемы были вынесены за скобки — это, вероятно, был единственный способ достичь консенсуса (хотя и не всеобщего). Избирателей предлагалось спросить о том, что либо уже было внесено в действующую Конституцию, либо ни у кого не вызывало сомнений в силу декларативности. Гражданам, например, предстояло ответить, согласны ли они с тем, что «Российская Федерация вправе вступать в союзы и в соответствующих случаях выходить из них», что Конституция — «высший закон страны» и т. п. Спрашивали о частной собственности на землю; это должно было ублаготворить тех, кто уже собирали подписи за проведение отдельного референдума по данному вопросу. Но даже положительный ответ в такой ситуации ничего бы не решил — аграрное лобби сформулировало свою позицию так: мы за частную собственность, но с ограничением купли-продажи земли.

Было бы несправедливо сказать, что вопросник был совершенно беспредметен («Согласны ли Вы с тем, что Волга впадает в Каспийское море?» — иронизировали противники проекта). Он как бы закреплял достигнутые на VII Съезде договоренности о месте правительства в системе органов государственной власти (оно формируется президентом, председатель и «определяемые Конституцией члены Совета министров» назначаются президентом с согласия ВС), а в чем-то шел чуть дальше (граждан предлагалось спросить, согласны ли они, чтобы в Конституции было отражено содержание Федеративного договора, а не включены его тексты целиком). Но все это в совокупности предрешало, что референдум, даже если он состоится, станет холостым выстрелом, не затрагивающим неустойчивый статус-кво. Правда, под конец в проект был включен двенадцатый вопрос, не имевший прямого отношения к основным положениям Конституции и предлагавший провести не позднее весны 1994 г. одновременные перевыбо-

ры депутатов и президента (т. е. с сокращением конституционного срока их полномочий на один и два года соответственно). Если бы избиратели дали бы на него утвердительный ответ, то это означало бы, что еще в течение года будет продолжаться перетягивание каната, который каждая из сторон дергала с нарастающим остервенением.

Все это более или менее отвечало устремлениям Хасбулатова: чем острее было противостояние президента и агрессивной оппозиции, тем более неуязвимым представлялось его положение. Сами никого ни к чему не обязывающие вопросы в сложившейся ситуации едва ли устраивали кого-либо, кроме Румянцева и узкой группы авторов, рассчитывавших с помощью референдума открыть дорогу своему детищу. Но они могли сыграть иную роль — показать ненужность референдума. 29 января Президиум ВС направил текст Основных положений Конституции, предлагаемых для референдума, в комитеты и комиссии ВС, а также президенту и в Конституционный суд²³. Но многословный и непродуктивный вопросник совершенно не устраивал президента, о чем он и сказал (не предложив, правда, свой вариант вопросов) на заседании Конституционной комиссии 9 февраля — последнем с его участием. Поразмышляв еще две недели, он направил в ВС проект нового соглашения властей «на период до вступления в силу новой Конституции», в котором референдум ни словом не упоминался.

Эта была запоздалая (и, как вскоре выяснится, неадекватная) реакция на быстро менявшуюся ситуацию. С 3 февраля группа депутатов развернула сбор подписей за созыв внеочередного Съезда с повесткой дня: о Конституционном соглашении; о моратории на проведение референдума и выборов. К 25 февраля было собрано 222 подписи (для созыва съезда требовалось 208 подписей). Депутатская инициатива влилась в широкую кампанию за отмену референдума. В ВС стали поступать обращения различных лиц и организаций с предложениями об отмене референдума и созыве внеочередного Съезда. К началу марта такие обращения, принятые на сессиях советов, заседаниях малых советов, прислали 66

органов представительной власти, а также 60 руководителей Верховных Советов республик, краевых, областных советов, президиум ФНПР, группы депутатов региональных советов, собрания избирателей. 15 февраля участники Круглого стола, учрежденного ВС и правительством, утвердили резолюцию о нецелесообразности проведения референдума по основным положениям новой Конституции и предложили заменить его «серией регулярных личных встреч». За всем этим легко просматривалась опытная рука: противники президента умело вели свою игру. Выступая 19 февраля на большом совещании в Новосибирске, Хасбулатов заявил, что «общество не созрело в своем движении к принятию новой Конституции» и что для проведения досрочных перевыборов президента и депутатов нет нужды в референдуме: вопрос вправе решить Съезд²⁴. Кампания за отказ от референдума разворачивалась все шире.

Знаменательно, что депутатская инициатива по созыву Съезда и отмене референдума исходила прежде всего от квазицентристов, которые в этом вопросе тесно сомкнулись с блоком «Российское единство». Первые места по числу собранных подписей заняли Аграрный союз, «Свободная Россия», Рабочий союз, «Родина». Позиция большинства депутатов этих фракций сводилась к следующему. Мы всегда, говорили они, считали постановление VII Съезда «О стабилизации конституционного строя» нелегитимным. Оно было принято с нарушением Конституции и регламента: «Группа соглашателей вывернула руки Съезду, навязала это соглашение». Незаконным, следовательно, является и решение о проведении референдума, выторгованное президентской стороной, хотя референдума мы не боимся. Инициативу его отмены брать на себя не хотим, ибо подконтрольные исполнительной власти СМИ сразу же развернут против нас кампанию, заявляя, что мы боимся выйти на суд избирателей. Пусть с инициативой отмены референдума выступают те, кто его навязал. Нужен президенту референдум — пусть проводит, мы будем его бойкотировать.

С этим, впрочем, соглашались не все. Референдум, утверждали самые решительные его противники, разрушителен независимо от того, какие вопросы будут на него вынесены. Не годны и вопросы, которые предложила Конституционная комиссия: они пролагают путь к принятию такой Конституции, против которой выступает большинство наших сторонников. Нужен не референдум, а внеочередной Съезд; всякий Съезд — трибуна, она-то нам и нужна. На Съезде следует признать Конституционное соглашение недействительным с самого начала; ни в каких согласительных комиссиях участвовать не надо; смело идти на обострение и требовать новых выборов²⁵.

Оппозиция была на подъеме. В парламенте она могла рассчитывать на поддержку промежуточных фракций, прежде всего «Смены». События, ободрявшие противников президента, происходили и в политической жизни страны. В январе были выпущены из заключения гэкачеписты, провел свою первую сессию Национальный совет Фронта национального спасения. Его сопредседателями стали коммунисты Зюганов и Саенко, а также бывшие демократы Астафьев и Константинов, в президиум вошли коммунисты и вчерашние антикоммунисты: интеллектуалы Распутин и Шафаревич, экс-редактор главного партийного журнала Косолапов, крайние антигорбачевцы Макашов и Умалатова, боевик Терехов. Их деятельность была легализована февральским решением Конституционного суда, признавшим неконституционным роспуск оргкомитета ФНС на основе президентского указа. В феврале же состоялся второй (объединительный) съезд КПРФ.

Оппозиции тем легче было атаковать референдум, что ряды сторонников его проведения быстро редели, а среди оставшихся шли острые споры о том, зачем он нужен и каких решений на нем следует добиваться. Я категорически против референдума, заявил Зорькин, стоявший у истоков декабрьского соглашения. Состояние общества таково, что народ, увлекаемый местными элитами, которые грозят проведением собствен-

ных контрреферендумов, особенно в республиках (как это сделала Россия в марте 1991 г.), на референдум не пойдет: вопросы, подготовленные в Конституционной комиссии («хасбулатовский вариант», назвал его Зорькин), никого не волнуют. Его провал резко обострит кризис. Вина будет возложена на президента, натиск на него в центре и на местах станет таким, перед которым он устоять не сможет. Тогда существующие президентские структуры будут разрушены, а исполнительная власть окажется в руках руководителей парламента. Конституционному суду такое развитие событий не сдержать: победоносный парламент сметет заодно и судебную власть. Поэтому не на референдум идти надо, а добиваться нового гарантированного Конституционным судом соглашения сторон о проведении одновременных выборов президента и двухпалатного парламента. А для этого — изолировать крайних. К ним Зорькин относил Бабурина и его политических друзей, с одной стороны, Попова, Собчака, Бурбулиса, Макарова — с другой. Альтернатива поиску компромисса — диктатура или развал²⁶.

Чем бы ни кончился референдум, говорили демократические критики вопросника, подготовленного в Конституционной комиссии, он не решит, какой быть новой Конституции. Это дело слишком ответственно, чтобы его можно было доверить нынешнему составу Съезда. Выход может быть трояким. Либо отложить принятие Конституции (в кризисные времена устойчивые конституции нигде не принимались, утверждали сторонники этой точки зрения, игнорируя и известный мировой опыт, и очевидную дефектность существующей Конституции, и убеждение демократического актива в том, что без новой Конституции дальнейшее развитие будет ущербным). Либо принять временную Конституцию (вариант: внести в действующую Конституцию изменения, касающиеся структуры органов государственной власти, и принять новый избирательный закон). Правда, в таком варианте оставалось неясным, кто это сделает. Либо тем или иным способом отстранить Съезд (который «угробит Конституцию», говорил и

Зорькин) и принять ее на Учредительном собрании (с последующим утверждением на референдуме или без такового).

К этому варианту склонялось, по-видимому, большинство в демократическом движении (во всяком случае, наиболее активная его часть), но открытым оставался едва ли не самый трудный вопрос: откуда возьмется Учредительное собрание, как оно будет позиционировано по отношению к существующим властям и чем будет обеспечена легитимность его решений. Проводились конференции, печатались статьи, кипели страсти, но единая позиция не вырисовывалась и способы достижения поставленной цели оставались туманны²⁷. Иногда туман наводили нарочито, ибо реалистические политики понимали, что, не перечеркивая решение VII Съезда, вынести на референдум вместо основных положений Конституции вопрос о выборах или формировании Учредительного собрания невозможно, а говорить открыто о прямом выходе за рамки Конституции решались только маргиналы.

В итоге позиция радикального крыла в демократическом движении свелась к следующему. Мы поддержим референдум только в том случае, если президент сформулирует собственные вопросы (либо внесет от своего имени формулировки, предложенные ему демократами), противопоставленные варианту, который проходит обкатку в ВС. А для того надо наращивать давление на Ельцина; компромиссы, к которым он подчас склоняется, ведут к предательству. Компромиссные предложения, с которыми выступила фракция «Согласие ради прогресса»²⁸, не удовлетворили ни одну из сторон.

Итак, в каждом из противостоявших лагерей доминирующие позиции заняли силы, которые вели игру на обострение. Референдуму, решение о котором вывело VII Съезд из штопора, в ней либо не оставалось места, либо его проведение обставлялось условиями, заведомо неприемлемыми для другой стороны. В этой становившейся все более неравновесной ситуации подтолкнуть ход событий в ту или другую сторону мог, по-видимому, только президент. Но в течение двух месяцев он вновь удив-

лял малопонятной пассивностью. В декабре—январе он как будто еще склонялся к проведению референдума, хотя и медлил с выдвижением своего варианта вопросов. Президент, рассказывают его помощники, вплоть до VIII Съезда колебался, какую тактику — жесткую или мягкую — следует применить, но «в целом преобладали мотивы обороны, а не наступления: он все еще считал возможным достижение компромисса»²⁹. Эти колебания выглядели как цепь поступков, лишенных единой логики. Они казались импульсивными (а возможно, и были таковыми). В начале февраля Ельцин утвердил комиссию по проведению референдума во главе с Шумейко. Означало ли это, что вопрос предрешен? Нет, рассказывает Зорькин, он готов к отмене референдума, но испытывает сильное давление его протагонистов в своем окружении: Шумейко, Шахрая, Ракитова, которые вернули президента в додекабрьское состояние...³⁰ Ельцин оставался в стороне от сотрясавших политические круги споров о референдуме, Учредительном собрании, порядке принятия новой Конституции вплоть до 23 февраля, когда он неожиданно направил в Верховный Совет проект нового соглашения между законодательной и исполнительной властями.

Это был поразительный документ, достойный того, чтобы занять место в юридических хрестоматиях. Прежде всего, он предусматривал довольно основательный пересмотр положений действующей Конституции. Уже в преамбуле президент был заявлен в качестве главы государства (этот статус он обретет лишь по Конституции 1993 г.). Кроме того, проект содержал мораторий на действие ряда статей Конституции, отказ парламента от некоторых его конституционных полномочий и не предусмотренный Конституцией порядок санкций за нарушение данного соглашения. Все это должно было действовать не в течение точно обозначенного срока (как дополнительные полномочия, предоставленные президенту V СНД на год), а на ничем не ограниченный «период до вступления в силу новой Конституции», что могло при весьма вероятном развитии событий означать «до морковкина заговенья».

Но еще важнее были абсолютно неравноценные условия предложенного соглашения. Обязательства, которые президент готов был взять на себя, излагались в 9 пунктах. Одни из них («не вмешиваться в прерогативы законодательной власти», обеспечивать строгое соответствие актов президента и правительства Конституции и законам и др.) представляли собой обязанности президента, прямо предписанные Конституцией безотносительно к каким-либо соглашениям. Другие (оперативно информировать Верховный Совет о мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности, разработать программу мер по реализации Федеративного договора, обеспечивать защиту россиян за пределами РФ и т. п.) фиксировали ряд направлений текущей деятельности президента. Третьи (не вносить законопроекты, нарушающие баланс властей) трудно было расценивать как серьезную уступку, так как превращение таких законопроектов в законы от него не зависело.

Совершенно иные обязательства возлагались на Верховный Совет. Он не должен был применять ряд статей Конституции (авторы документа не заметили, что часть вторая ст. 104, по которой давно уже шел спор, относилась к праву Съезда принимать к рассмотрению и решать любой вопрос, но никак не Верховного Совета). Не принимать законодательных актов и поправок к ним, нарушающих баланс властей, который установлен данным соглашением и т. д. Что до баланса, то проект предусматривал существенное его смещение: упразднялся Фонд федерального имущества, находившийся в ведении ВС, в подчинение правительству переводились Центральный банк, Внешэкономбанк, Внешторгбанк, Госкомстат и Пенсионный фонд. Кредитно-эмиссионные решения Верховный Совет должен был принимать только по согласованию с правительством.

Действующий состав депутатов отстранялся от дальнейшей работы с Конституцией. Новую Конституцию должно было принимать Конституционное собрание (аналог Учредительного собрания). При этом оставалось неясным, кто, как и когда будет его

формировать. Гарантом соглашения назначался Конституционный суд. Но реализация вердикта суда, который наделялся правом объявить нарушителя конвенции, обеспечивалась по-разному. Президенту предписывалось самостоятельно уйти в отставку. Верховный же Совет подлежал принудительному роспуску президентом. О судьбе Съезда в этом случае проект умалчивал, но было ясно, что собрать его будет некому, так как избранные им должностные лица также утрачивали полномочия.

Трудно понять, на что рассчитывали авторы документа, представлявшего собою не что иное как акт о капитуляции. Верховный Совет не имел права подписать такие условия, а на Съезде в их поддержку заведомо нельзя было получить не только конституционное, но и простое большинство. Не приходится удивляться тому, что когда проект 5 марта дошел до обсуждения в ВС, он был практически единодушно и не без издевки отвергнут. «Если ВС примет это соглашение, он подпишет себе смертный приговор», — сказал Рябов, докладчик по данному вопросу. Хасбулатов заявил, что база для сотрудничества властей с каждым днем становится все более эфемерной «в результате крайне агрессивного поведения высшей исполнительной власти», которая «исчерпывает свой потенциал», и вспомнил, что аналогичный по духу документ он вручал Лукьянову в дни путча. А представлявший проект от имени президента Шумейко тут же от него открестился: «Если вы считаете, что такой документ не нужен, значит, примете такое решение, и мы будем работать дальше в тех условиях, в которых мы работаем, и с теми же самыми успехами»³¹. Как и ожидалось, ВС постановил собрать VIII (внеочередной) Съезд 10 марта.

А что же президент? За три дня до избиения в Верховном Совете направленного им проекта он встретился с представителями демократических организаций. Нерядовая встреча эта впервые чуть приоткрыла завесу над вариантами, которые прокатывались в кремлевских кабинетах. Часть выступления Ельцина была выдержана в примирительных тонах. Отметив, что сущест-

вует реальная угроза прихода к власти консервативных сил через Съезд, он реалистически оценил возможности демократов: «одним им эту тяжелую телегу не вытянуть», а потому необходимы консультации с другими партиями. На этот путь, собственно, он уже вступил, выступив за несколько дней до того на форуме Гражданского союза. Затем он обрисовал три варианта развития событий на предстоящем Съезде. Первый — Съезд соглашается с вынесением нескольких «поставленных в лоб» вопросов на референдум (вопросы президента в тот день заявлены еще не были). Второй — референдум заменяется конституционным соглашением властей, возвращающим государственное устройство к апрелю 1992 г. — до внесения поправок в Конституцию на VI и VII Съездах. «Этой Конституции я не присягал», — повторил Ельцин, видимо, глубоко запавшую в его сознание мысль, уже высказанную им ранее на встрече с Гражданским союзом. С юридической точки зрения это суждение было спорным. Поправки были внесены в точном соответствии с порядком, предусмотренным тем текстом Основного закона, на котором президент произносил клятву в 1991 г., а ст. 104, всего более раздражавшая Ельцина и демократов, была введена в Конституцию не в 1992-м, а в 1989 г. и противопоставляла тогда власть Советов власти КПСС. Что же касается конституционного соглашения, проект которого был предложен президентом, то, как мы видели, оно шло намного дальше *status quo ante* 1992.

Взрывное устройство, однако, должно было сработать в третьем варианте — если Съезд отвергнет и референдум, и соглашение. На этот случай, сказал Ельцин, у него припасено «еще кое-что». Это будет либо «как бы референдум» — опрос, с которым президент вправе обратиться к народу и который «мало что даст конституционно, но покажет, кто есть кто». Либо — здесь-то и был уготован взрывпакет — «будут применены другие средства». «Нельзя не готовиться к неполитическим методам, это обязанность исполнительной власти», — добавил президент по ходу дискуссии, которая обнаружила склонение большинства

участников встречи к силовым действиям. Василий Селюнин призывал обострять конфликт, что откроет путь «крайнему варианту». Представитель казачества уверял, что этот не вполне проясненный вариант отвечает Конституции и пообещал поддержку 10 миллионов казаков. Андрей Нуйкин отговаривал президента от контактов с «реакционерами из Гражданского союза» и побуждал готовиться к «третьему варианту». Глеб Якунин сказал: «Народ недоволен тем, что вы на VII Съезде проявили слабость, теперь надо показать силу». Несколько осторожнее выступал Гавриил Попов, напомнивший, что участники встречи значительных сил в обществе не представляют (из чего следовало: надо попытаться расколоть противников), но и он рекомендовал в ходе референдума-опроса поставить вопрос о роспуске Съезда. И только Старовойтова поставила под вопрос возможности «других средств»: достаточно ли сильна исполнительная власть?

Должен признаться: обстановка в парламенте, в СМИ была так накалена, а агрессивная оппозиция так нагло готовила свой приход к власти квазиконституционным способом, что мысль об обращении к силовым средствам не показалась мне тогда крамольной. Я подумал лишь, что о таких действиях, если готовиться к ним всерьез, не следует объявлять заранее и прилюдно, о чем тут же написал записку Ельцину, предложив не публиковать эту часть его выступления. Прочитав ее, он кивнул головой, подал реплику: «Да, делать так делать!» и под конец, воздав должное призывам к храбрости, порекомендовал собравшимся «молчать по этому поводу», а журналистам — нацеливать на мирный путь³². Предложение удержать птичку, вылетевшую из клетки, конечно, было наивным. В тот же день ТВ поведало о высказываниях президента, а в Верховном Совете и национал-коммунистических изданиях разразилась очередная буря. Был ли шаг Ельцина продуманной и нарочитой утечкой информации из самого что ни на есть аутентичного источника или же то была очередная импровизация, отразившая его колебания?³³ Но если он

хотел припугнуть своих противников и подтолкнуть к компромиссу, то результат оказался обратным. Силы, задававшие тон в оппозиции, почувствовали себя в положении, когда терять нечего, тем более что в качестве платы за послушание предлагалась даже не морковка, а нечто для них совершенно несъедобное.

Реакцию в ВС, о которой рассказано выше, легко было предвидеть. Неожиданным же стало заявление Совета глав республик, которых президент по инерции продолжал задабривать, рассчитывая противопоставить этот неконституционный, но влиятельный орган парламенту. Главы республик призвали объявить мораторий на референдум и досрочные выборы, на внесение поправок в действующую Конституцию, а принятие новой Конституции отложить до того, как будет законодательно оформлен механизм реализации Федеративного договора. В очередной раз они выступили с претензией, будто природа РФ — договорно-конституционная, и предложили приостановить деятельность Конституционной комиссии, которая противилась их притязаниям³⁴. Предполагаемые союзники открыто шантажировали президента, вымогая дальнейшие уступки.

Увидев, что соглашение провалено, Ельцин попытался реанимировать идею референдума. 7 марта он, наконец, направил в ВС свой вариант из четырех вопросов. Первый из них испрашивал согласия граждан на учреждение в России президентской республики. Президентская республика — не юридический термин, имеющий точное и однозначное содержание, а научное понятие, в толковании которого существует множество точек зрения. Полагая, что большее доверие граждан к президенту, чем к парламенту, обеспечит положительный ответ населения, изобретатели этого вопроса рассчитывали использовать его для перераспределения властных полномочий в пользу президента. Вторым вопросом «Согласны ли Вы с тем, чтобы единственным высшим законодательным органом РФ был двухпалатный парламент?» совпадал по смыслу с одним из вопросов, подготовленных в Конституционной комиссии. Но поскольку не было сказа-

но, что все это относится к будущей Конституции, депутаты усмотрели здесь угрозу форсированной ликвидации Съезда. Четвертый вопрос (о частной собственности на землю) тоже повторял один из вопросов Конституционной комиссии, отличаясь от него лишь чуть более категорической формулировкой. Однако нерв президентского проекта проходил через третий вопрос. Положительный ответ на него означал бы, что новую Конституцию должен принимать не Съезд, а Конституционное собрание, про которое было сказано лишь то, что оно будет представлять «многонациональный народ» РФ³⁵.

Документ этот был, конечно, не столь вызывающим, как ранее представленный проект конституционного соглашения, но тоже совершенно неприемлемым не только для оппозиции. Правда, постановление, принятое на VII Съезде, предусматривало, что президент может вынести свои формулировки на альтернативное голосование, но для этого надо было сохранить в силе упомянутое постановление, а инициаторы внеочередного Съезда как раз и собирали его для отмены этого постановления. Поэтому Верховный Совет, обсуждавший к тому же президентские вопросы всего за несколько часов до открытия Съезда, постановил, отметив их юридическую несостоятельность: принять предложения президента к сведению и направить их на рассмотрение Съезда³⁶.

Очередной пируэт Ельцина — некоторое смягчение его позиции проявилось не столько в направленных им вопросах на референдум (они представляли сглаженный вариант проекта, который прокатывался в юридических службах администрации и с которым еще в феврале были ознакомлены активисты «Демократического выбора»³⁷), сколько на его встрече с Советом фракций. И в своем вступительном слове, и в ответах на вопросы и реплики Ельцин демонстрировал предельное миролюбие. Президент начал и закончил пожеланием, чтобы Съезд прошел «без драки». Единственное его условие — проведение референдума, который не может быть отменен без того, чтобы не были поставлены под

вопрос иные условия декабрьского постановления, в частности назначение премьером Черномырдина. Реакция Ельцина на прямой вопрос, собирается ли он разогнать Съезд, была чрезвычайно эмоциональной: «Упаси бог! Разве я настолько оторвался, что вы меня уже не знаете? Нет и еще раз нет! Работайте спокойно!». В какой-то момент он чуть не поддался на провокационное предложение одного из радикальных демократов, Сергея Носовца, предложившего объявить плебисцит, а до новых выборов приостановить деятельность СНД и ВС. «Это не исключено», — вдруг сказал он, но, заметив смятение, тут же поправился: «Президент вправе провести опрос по любому вопросу. На более радикальные меры, куда вы меня толкаете, не пойду!». Не удостоил он внимания призывы другого провокатора, Виктора Миронова. «Я за спокойную работу, разделение властей, — пытался он пробить стену отчуждения. — Давайте спокойно проведем Съезд. Переберем варианты решений. Найдем то, что устроит всех»³⁸. Встреча оказалась безрезультатной. Радикалы из «Демократического выбора», толковавшие, что компромиссы, на которые ранее пошел президент, — это предательство народа, не принимали миролюбивого Ельцина. Лидеры же «Российского единства» не верили ни одному его слову. К тому же, наблюдая метания президента, они уверовали в свою близкую победу.

Слишком много было сделано всеми сторонами конфликта за время, прошедшее после VII Съезда, чтобы сломать достигнутое на нем соглашение. После назначения нового премьера в соглашении этом оставался главный нереализованный пункт — референдум. Договориться о нем не удалось. Никакие альтернативные варианты не просматривались. Борьба за власть снова разгоралась в самых нецивилизованных формах. Это была борьба без правил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гюго В. Собр. соч. в 15 т. — Т. 11. — М., 1956. — С. 386.

² Заключительный фрагмент статьи «Переход к рынку и демократии: Три акта российской драмы», опубликованной в журнале «Российский мониторинг» (1993. — Вып. 2).

³ Из «Новогоднего политического прогноза авторов “МН”» (Моск. новости. — 1993. — 3 янв.).

⁴ Материал для обсуждения, распространенный среди народных депутатов РФ (на депутатском бланке). 05.02.1993. — Архив автора.

⁵ Выступление на заседании Верховного Совета РФ 4 марта 1993 г. // Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 13 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. — Ч. 2. — С. 43.

⁶ Нев. время. — 1993. — 12 янв.

⁷ Аркадий Ваксберг, который волею случая провел «на баррикадах и около» весь «парижский май», дал яркие зарисовки тех событий. «Столбы вырваны, деревья повалены, уже сожжены десятки машин, а другие еще горят... Безжалостная казнь деревьев вызывает саднящую боль, но самое поразительное — это холодно-деловитые, какие-то осатаневшие лица “лесорубов” вполне приличного вида и восторженно-счастливые лица зевак, созерцающих их вандализм и взбадривающих криками одобрения бунтующих гуманитариев. “Надежда нации” — такую аттестацию дала им одна из афиш... Словечко “буржуазия” повторяется едва ли не в каждой фразе... На смену одним идолам приходят другие — только и всего» (Ваксберг А. Моя жизнь в жизни. — Т. 1. — М., 2000. — С. 391, 392, 409).

⁸ Леонид Волков, входивший во фракцию радикальных демократов, на пороге уже открывшегося VIII Съезда двум очевидным сценариям развития событий — переходу всей власти в руки президента или Съезда — противопоставлял третий: «...принятие конституционного закона, который устранил бы тоталитарные притязания Съезда... В итоге вместо противоречивой Конституции страна получила бы четкие правила взаимодействия властей и согласованную работу государственной администрации» (Известия. — 1993. — 11 марта).

⁹ Дело. — 1993. — Февр. — № 3.

¹⁰ Пятая сессия ВС РФ. Бюллетень № 10 заседания Совета Республики 21.12.1992. — С. 6.

¹¹ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 5 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 28.01.1993. — Ч. 1. — С. 18; Ч. 2. — С. 41.

¹² Оппозиция обвинила президента в том, что он затягивает подписание закона. Установленный срок для подписания был, действительно, превышен на пять дней, а официальная публикация была затянута еще на шесть дней в связи с новогодними праздниками (и, следовательно, на тот же срок оттягивалось вступление закона в силу). Но даже если бы все сроки президентом неукосни-

тельно соблюдались, ВС все равно не успевал повязать Ельцина новым законом из-за неразворотливости своих служб (*Исаков В.* Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 229; Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 2 заседания Совета Республики 20.01.1993. — С. 5).

¹³ Поправки к закону «О Совете министров — Правительстве РФ» при его повторном рассмотрении ВС РФ и к постановлению «О порядке введения в действие закона “О Совете министров...”». — Архив автора.

¹⁴ Настоящую истерику в ВС вызвала мистификация, устроенная Козыревым на заседании Совета министров иностранных дел СБСЕ в Стокгольме 14.12.1992. Козырев по собственной инициативе, не согласованной предварительно ни с президентом, ни с правительством, но содержащей, по выражению Бурбулиса, «элемент профессионального изыщества», сначала объявил ошеломившие слушателей «поправки в концепцию внешней политики», а затем, взяв слово вторично, объяснил, что «зачитанный раньше текст» «не имеет никакой силы» и представляет собой не более чем «аккуратную компиляцию из требований далеко не самой крайней оппозиции в России». В свете коррекции внешнеполитического курса (которая началась еще при Козыреве и резко усилилась, когда шефом на Смоленской площади стал Примаков) именно в том направлении, какое было предвосхищено в достопамятной речи, тогдашнее негодование оппозиции выглядит всего лишь сценой из дурного спектакля (Тексты выступлений А. Козырева в Стокгольме 14.12.1992. — Архив автора). См. также: Известия. — 1992. — 15 дек.

¹⁵ По закону референдум мог состояться лишь при участии не менее 50% избирателей.

¹⁶ Рос. газ. — 1993. — 9 и 10 янв.

¹⁷ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 263.

¹⁸ *Исаков В.* Указ. соч. — С. 246.

¹⁹ Так, уже в январе управляемый Хасбулатовым ВС назначает председателем важного комитета по СМИ, связям с общественными организациями и изучению общественного мнения не Александра Копейку, поддержанного большинством членов комитета, а послушного Владимира Лисина (Шестая сессия ВС РФ // Бюллетень № 4 совместного заседания... — Ч. 2. — С. 34—37).

²⁰ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 5 совместного заседания... — Ч. 1. — С. 3—5. Характерна оговорка, которую допускает Хасбулатов, комментируя эти перемещения: «Я очень рад, конечно, что наши заместители получают большие должности в исправительной системе... я хотел сказать: в исполнительной системе власти». На что тут же получает от Ярова: «Оказывается, человеку надо еще пройти вот этот “ад” — “ад” Верховного Совета, — чтобы почувствовать себя человеком».

²¹ Первым заместителем Воронин будет избран на IX Съезде. Но на собрании блока «Российское единство» он уже в январе 1993 г. предложил: давайте снимем Хасбулатова; нового председателя Съезд избрать не сможет, и я останусь

исполняющим обязанности до конца срока (информация С. Филатова. — Архив автора).

²² Запись первого заседания Круглого стола 05.02.1993. — Архив автора.

²³ Постановление Президиума ВС. Основные положения новой Конституции Российской Федерации, выносимые на всероссийский референдум 11 апреля 1993 г. // Конституц. вестн. — 1993. — Март. — № 15. — С. 211—214.

²⁴ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 11 совместного заседания... — Ч. 1. — С. 4, 7—9; подборка материалов, распространенных в ВС: «О некоторых вопросах, связанных с проведением всероссийского референдума по основным положениям новой Конституции РФ», ходатайство в Конституционный суд, подписанное 53 депутатами, «О соответствии Конституции РФ действий Председателя ВС РФ Р. И. Хасбулатова, связанных с его выступлением в Новосибирске 19 февраля 1993 г.». — Архив автора.

²⁵ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 13 совместного заседания... — Ч. 1. — С. 5—6; Конституц. вестн. — 1993. — Март. — № 15. С. 23—24, 43—44, 53—55, 58—60; Записи на совещании представителей политических партий в Конституционной комиссии 12.01.1993 и на собрании депутатов блока «Российское единство» 19.02.1993. — Архив автора.

²⁶ Запись встречи В. Зорькина с фракцией «Согласие ради прогресса» 22.01.1993. — Архив автора. Сходную позицию занял популярный демократический губернатор Б. Немцов: референдум никто не сможет выиграть — ведь для победы надо набрать половину голосов. Он продемонстрирует беспомощность всех властей. Референдум надо заменить выборами президента и депутатов, но проводить их одновременно не следует (запись встречи Б. Немцова с членами Совета представителей «Демократической России» в Нижнем Новгороде 27.02.1993. — Архив автора).

²⁷ Вопрос об Учредительном собрании обсуждался на конференции, проведенной демократами в Мариинском дворце в Санкт-Петербурге. Высказавшись за Учредительное собрание и предложив компромиссный вариант его образования (20% членов назначает СНД, 20% — президент, 60% избираются по партийным спискам), который может быть одобрен на референдуме, Г. Попов предостерегал от иллюзий, будто в сложившихся условиях власть может перейти к демократам. Большинство, говорил он, все равно останется у номенклатурных сил, а нынешний кризис проистекает из несогласия между различными группами бюрократии. С ним не согласились сторонники романтического взгляда на события — свежи еще были воспоминания о многолюдных демонстрациях и победоносном Августе. Гавриил Харитонович, говорила Марина Салье, сомневается в победе демократов. А мне бы сомневаться не хотелось. Победа демократических сил на выборах вполне реальна. Ее поддержала доктор исторических наук Пирумова: нас страшат тем, что в Учредительном собрании окажутся нынешние депутаты или им подобные. Нет, надо верить в свой народ. Под конец боль-

шинством было принято решение, что на референдум надо выносить вопрос о способе принятия Конституции. Вопрос об УС остался в подвешенном состоянии даже в демократическом сообществе (запись на Санкт-Петербургской конференции 17—18.01.1993. — Архив автора).

²⁸ Предлагалось вынести на референдум три вопроса: недвусмысленное признание частной собственности на землю, отмена пресловутой ст. 104 Конституции и замена двухступенчатого парламента постоянно действующим двухпалатным Верховным Советом, избираемым непосредственно народом (Конституц. вестн. — 1993. — Март. — № 15. — С. 67—68). Другой вариант компромиссного решения, исключавший референдум, был предложен мною (см. с. 202—205) и тоже отклонен.

²⁹ Эпоха Ельцина... — С. 272.

³⁰ Запись встречи координаторов фракции «Согласие ради прогресса» с В. Зорькиным 06.02.1993. — Архив автора.

³¹ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 14 совместного заседания... — Ч. 1. — С. 4—20. Изобретателем этого экзотического документа, который был изготовлен за ночь, Филатов и Шахрай называют Шумейко. В то время он был тесно связан с Коржаковым, и получить санкцию президента на эскападу, заостренную против парламента, было делом техники. Но кто бы ни был ее инициатором, эпизод этот — яркий показатель амплитуды колебаний, во власти которых был Ельцин, его стиля непродуманных импровизаций (записи интервью с С. А. Филатовым 29.06.2004 и с С. М. Шахраем 01.07.2004. — Архив автора).

³² Запись встречи представителей демократических организаций с Б. Ельциным 02.03.1993. Поведение Ельцина на этой встрече кажется нелогичным. С. Филатов полагает, что все же запугивания в нем было больше, чем недержания речи (запись интервью с С. А. Филатовым 29.06.2004. — Архив автора).

³³ «Безусловно, у Ельцина был запасной вариант силового разрешения конфликта уже к началу работы VIII Съезда, — сообщают его помощники. — В своих разговорах с лидерами ряда государств он зондировал реакцию на возможность введения чрезвычайных мер» (Эпоха Ельцина... — С. 273).

³⁴ Документ «Главы республик заявляют ультиматум» (Исаков В. Госпереворот. — С. 272—274).

³⁵ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 16 совместного заседания... — С. 4—5.

³⁶ Там же. — С. 29. Вопросы поступили в ВС вечером в субботу 7 марта, совместное заседание палат для их обсуждения было созвано 9 марта в 16 часов. Съезд открывался 10 марта в 10 часов.

³⁷ Запись совещания «Демократического выбора» 23.02.1993. — Архив автора.

³⁸ Запись встречи Ельцина с Советом фракций 09.03.1993. — Архив автора.

глава 18

Мартовские иды

Когда гадатели после многочисленных жертвоприношений
объявили ему о неблагоприятных предзнаменованиях,
Цезарь решил послать Антония, чтобы он распустил Сенат.
Плутарх

В марте в России не раз свершались события чрезвычайные либо во многом предопределявшие дальнейшее развитие. Так было в 1953 г. Так было, хотя и совсем по-иному, и сорок лет спустя. Еще ничто не было завершено, но точка возврата в эскалации конфликта оказалась пройденной. Сначала VIII Съезд решительно отверг возможность какого бы то ни было компромисса. Ответный удар со стороны президента последовал через несколько дней. Собственно, даже не удар, а замах, который лишь раззадорил противника. Немедленно был созван IX Съезд, ставший последним. Но и у парламентского большинства не хватило сил закончить спор в свою пользу. Теперь уже он должен был решаться в другом месте и иными средствами. И не было прорицателя, который бы, как за две с лишним тысячи лет до того в древнем Риме, прокричал, по преданию: «Остерегайтесь мартовских ид!».

VIII СЪЕЗД. ПОСЛЕДНЯЯ РАЗВИЛКА

Взгляд из 1993 года.

СЪЕЗД: СОГЛАШЕНИЕ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ? ¹

Что бы ни говорили о Съезде его сторонники и оппоненты, существование этого института власти — данность. От нее никуда не уйдешь. Неконституционные действия в отношении Съезда, призывы к которым раздаются в последнее время все чаще, опасны как для сегодняшнего дня, так и для перспективы. Вот почему я был и остаюсь противником подобного сценария.

Конечно, Съезд малопредсказуем. Группки демагогов, оккупирующие микрофоны, способны раскачать его и направить на путь совершенно безответственных решений. К сожалению, повестка дня VIII Съезда, принятая Верховным Советом, только осложнит ситуацию.

Нашу латаную-перелатаную (и потому противоречивую) Конституцию нарушали все кому не лень: Верховный Совет, исполнительная власть, республики, вообразившие, что именно так реализуется их суверенитет. Все это, бесспорно, заслуживает осуждения и исправления. Вопрос в том, где, когда и как это делать.

Нетрудно предположить, что наиболее безответственная часть Съезда попытается использовать ситуацию, чтобы навязать дебаты об импичменте президенту. Они вряд ли представляют реальную опасность для Бориса Ельцина, поскольку решение об отрешении президента от должности потребует согласие Конституционного суда и две трети голосов депутатов. Однако сама постановка его на Съезде только усилит конфронтацию в обществе, и без того охваченном всеобщим кризисом: экономическим, политическим, конституционным. Последний неразрешим без принятия новой Конституции или, как временное решение, внесения таких поправок в действующую, которые устранят самое вопиющее противоречие: между 3-й и 104-й статьями. Первая из них говорит о разделении властей, то есть предлагает апробированную демократией модель государственно-политического устройства; вторая сохраняет принцип верховенства Советов и наделяет Съезд правом принимать к рассмотрению и решать любые вопросы.

При нынешнем раскладе сил исключение статьи 104 маловероятно. Но вообще прогнозировать исход Съезда очень трудно. При отсутствии дисциплины голосования и «сюрпризах», подготовленных как президентской, так и, наверняка, «антипрезидентской» командами, он может вырваться куда угодно.

Вот некоторые возможные варианты развития событий.

Первый. Большинство Съезда не пойдет на согласование позиций с президентом. Развернется очередной скандал, который закончится тем, что Съезд отменит референдум и будет сделана попытка еще дальше пойти по пути разрушения баланса властей. Но для такого решения требуется не менее двух третей голосов. Я надеюсь, что демократы способны заблокировать продвижение по этому пути.

Второй вариант. Съезд отменит референдум, но не решит ни одного вопроса, которые потребовали его проведения. Конституционность такого варианта сомнительна. Съезд вправе назначать референдум, но не вправе его отменять. Для того чтобы

легализовать подобные действия, понадобятся опять же две трети голосов.

Я никогда не был поклонником референдумов, считая, что предпочтительнее заключить соглашение, которое получит конституционное оформление. Но если это соглашение отвергается, у президента и реформаторских сил, которые его поддерживают, другого выхода не остается.

Впрочем, я не в восторге от вопросов, объявленных президентом. Два из них — о земле и о будущем парламенте, который не станет воспроизводить абсурдную двухступенчатую конструкцию «Съезд — Верховный Совет», — совпадают с тем, что предложила наша фракция «Согласие ради прогресса». Но альтернатива «президентская или парламентская республика» слишком груба, а идея Учредительного собрания не кажется мне удачной.

Референдум, скорее всего, не принесет конституционно значимых результатов. Но он покажет преобладающие настроения в активной части общества, где, я уверен, перевес сторонников реформ достаточно существен, чтобы охладить пыл агрессивной части оппозиции

Наиболее желательный — и почти совершенно невероятный — третий вариант заключается в том, что нам все-таки удастся установить разумные правила игры, включающие как минимум запреты на то, чего делать нельзя. А еще лучше — достичь соглашения между основными политическими силами, от реформаторов-демократов до цивилизованной части оппозиции. <...>

Взгляд сквозь годы

Хотя на VIII Съезде не было крутых поворотов, сотрясавших предыдущий Съезд, он начался и прошел по едва ли не худшему сценарию. Депутатов созвали с главной и, по сути, единственной целью — отменить приближавшийся референдум. Но по ходу дела задача была расширена. Съездовское большин-

ство, силы которого постепенно прибывали, вознамерилось похоронить достигнутое в декабре соглашение в целом, а не один только его пункт о референдуме. А вдобавок — вновь вытащить на свет юпитеров правительство, проверить связку нового премьера с президентом и заодно в резонанс с нараставшим в обществе неприятием новой социально-экономической реальности напомнить своим бывшим и будущим избирателям, кто непримирим к «антинародному курсу» реформаторов.

В соответствии с этими устремлениями повестка дня Съезда, предложенная Верховным Советом, подверглась коррекции. Пункт первый — «О всероссийском референдуме 11 апреля 1993 года» был заменен неудобочитаемой, но открывавшей разнообразные возможности формулировкой: «О постановлении СНД РФ от 12 декабря 1992 г. “О стабилизации конституционного строя Российской Федерации”». Съезд отверг предложения президента и фракции «Согласие ради прогресса» оставить в повестке дня один вопрос (в формулировке «О согласии и взаимодействии федеральных органов власти...») и вопреки позиции президента сохранил намеченный ВС второй пункт — «О соблюдении Конституции... высшими органами государственной власти и должностными лицами», полагая, что это выигрышный плацдарм для дальнейшего развертывания атаки на президента и его сотрудников. А затем был добавлен и третий пункт — информация правительства и Центрального банка о ходе экономической реформы. Поступившие от депутатов разной политической ориентации предложения заняться и на этом Съезде корректировкой Конституции были отклонены — большинство решило сосредоточиться на решении более простых задач².

Хасбулатов искусно оркестровал начало Съезда — ему мог бы, вероятно, позавидовать такой мастер управления большим и трудно дисциплинируемым собранием рвущихся к микрофонам людей, каким ранее показал себя Лукьянов на Съезде союзном. В коротком, но, как обычно, тщательно сбалансированном вступительном слове нашлось место и выражению тревоги («страна

находится в тревожном ожидании»), и горькой констатации неудач («потенциал договоренностей реализовать не удалось»), и осуждению политических противников (тех, кто завел страну в «мрачный коридор реформ», а теперь пробавляется «антиконституционными заявлениями и экстравагантными выходками»), и прямой угрозе («терпению людей может прийти конец»). Но все это уравнивалось призывами «соблюдать конституционную законность» и «отрешиться от идеологии борьбы». Он намеренно не осуждал постановление VII Съезда, вокруг которого разворачивалась новая схватка, и лишь обозначил «выбор: или подтверждение идеи референдума, или совместный поиск иных вариантов выхода из острого политического кризиса»³. Для прямой атаки на референдум в его распоряжении были иные забойщики. Точно так же мастерски он дирижировал дискуссией и голосованиями при открытии Съезда, предоставляя вещи их собственному ходу (который во многом определялся численным перевесом депутатов из агрессивной оппозиции у микрофонов), дистанцируясь от крайних высказываний и демонстрируя собственную беспристрастность. Маска невозмутимости на его лице изменилась лишь однажды, когда слово от микрофона попыталась взять Бэла Денисенко, с некоторых пор вызывавшая у спикера стойкую аллергию⁴.

Главное, однако, началось сразу же вслед за утверждением повестки. Вне всякого регламента Хасбулатов выпускает двух ораторов, которые зачитывают заявление руководителей исполнительных и законодательных органов власти регионов. С первым из них выступает председатель Верховного Совета Северной Осетии Асхарбек Галазов. К Совету глав республик, выпустившему этот документ, присоединился Совет глав администраций краев и областей. Прежний документ стал конспектом нового, существенно расширенного. Сохранена основная идея: не референдумом следует заниматься, а разработкой и принятием закона о механизме реализации Федеративного договора. Закон этот должен предусмотреть подключение субъектов Федерации к законотворческо-

му процессу ВС РФ (как будто они уже не участвуют в нем через Совет Национальностей, без согласия которого в ВС не может быть принят ни один закон). Участие тех же субъектов в реализации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Федерации. Расширение практики заключения двусторонних договоров между Центром и регионами. Изменение порядка подготовки и принятия новой Конституции и создание с этой целью некоего субститута Конституционной комиссии, где должно быть существенно расширено и без того внушительное представительство субъектов Федерации в действующей комиссии и т. д.⁵ Это была развернутая программа конфедерализации России, осуществление которой привело бы к параличу всех и без того малоэффективных федеральных институтов власти и управления.

Два других обращения — к президенту, депутатам и Конституционному суду и к Съезду от имени 73 руководителей Советов зачитывает председатель Красноярского краевого совета Вячеслав Новиков. Лейтмотив этих документов — референдум не подготовлен, он не только нежелателен, но и вреден, надо проявить гражданское мужество и выйти с совместной инициативой об отмене референдума. Если же референдум вопреки всему будет назначен и провалится, то его инициаторы должны будут уйти в отставку⁶.

Все это, впрочем, было только пристрелкой. Снаряды артиллерии главного калибра были припасены для доклада Рябова. Докладчик воспроизвел всю накопленную к тому времени противниками референдума аргументацию и взял под защиту избирателей, по отношению к которым постановка вопроса президентом — «верх неуважения». Под флагом защиты Конституции и нарушенного будто бы баланса властей он раздракони́л постановление VII Съезда и предостерег против заключения впредь аналогичных компромиссов: Конституция, сказал он, это и есть компромисс. Но юридической изюминкой пространного доклада была конструкция, то ли придуманная самим Рябовым, то ли подсказанная мощной аналитической службой, которую к тому вре-

мени Хасбулатов создал в ВС, мобилизовав кадры из бывшего аппарата ЦК КПСС и научных институтов, занимавших консервативные позиции.

Критики напичканной поправками Конституции неизменно указывали на противоречие ст. 1 и 3, утверждавших разделение властей, — ст. 104, сохранявшей всевластие Съезда. Тут, правда, был элемент либо лукавства, либо незнания: чохом осуждали поправки, которые будто бы ухудшили Конституцию, тогда как именно ст. 1 и 3 были модернизированы в ходе начавшейся конституционной реформы, а ст. 104 была реликтом, унаследованным от ранней перестройки. Отказываться от нее Съезд упорно не хотел, но противоречие было налицо. Концы с концами и попытался свести Рябов. Равный статус Съезда и президента, уверял он, проблематичен. Разделение властей предусмотрено на втором уровне — между президентом, ВС и Конституционным судом. Но система эта не вполне сбалансирована, а потому стоит на фундаменте Съезда и страхуется им⁷.

Аргументация эта очень понравилась некоторым депутатам⁸. Однако как только Рябов кончил свое выступление, возник небольшой скандал. Сначала докладчика уличили в противоречии с позицией, которую он высказывал незадолго перед тем. А затем поинтересовались, чью точку зрения выражал Рябов, коль скоро его не уполномочивали на то ни ВС, ни даже его Президиум. Это было уже прямым посягательством на подкововерную кухню Хасбулатова. Рябову ничего не оставалось, как признать, что заглавный доклад он делал от собственного имени. Но спикер, спасая положение, поправил своего выдвиженца, объяснив, что в докладе «учитывался огромный объем материалов, поступивших из разных источников»⁹.

Теперь предстояло перевести основные положения доклада Рябова (и стоявшего за ним Хасбулатова) в пункты съездовского постановления. Дело оказалось не очень простым. Большинство участников развернувшейся дискуссии, хотя и высказывались за отмену постановления VII Съезда, не спешили заблокировать

проведение референдума. Не отменить, а перенести, говорили одни. Все дело в том, какие вопросы будут поставлены, настаивали другие. С референдумом следует согласиться, но при этом выдвинуть ряд условий (подразумевалось: заведомо неприемлемых для другой стороны), выходили из положения третьи. Референдум, конечно, нежелателен, но лучше всего, если инициатором его отмены выступит не Съезд, утверждали четвертые.... Некоторые выступления настолько выходили за рамки парламентской этики, что Хасбулатову приходилось урезонивать ораторов. Референдум вреден, сказал Игорь Муравьев, но его следует провести: и тогда «Президент опять сядет в лужу»¹⁰.

После изнурительных споров, затягивавшихся за полночь, редакционная комиссия, в состав которой были дополнительно введены Ельцин, Хасбулатов и Черномырдин, на третий день работы Съезда представила доработанный проект основного документа¹¹. Два его пункта — об утрате юридической силы постановлений VII Съезда и о введении в действие «в полном объеме» тех статей Конституции, в которые на том же Съезде сначала были внесены, а затем заморожены поправки, — были для президента абсолютно неприемлемы.

После того как поправка об исключении первого из этих положений была отклонена (за нее проголосовали 276 депутатов), президент сделал отчаянную попытку спасти хотя бы мораторий на те нововведения в Конституцию, которые предусматривали облегченный порядок импичмента и право Верховного Совета отменять указы и распоряжения президента. «Я шел на Съезд с надеждой, что все-таки дух согласия сохранится, — сказал Ельцин. — ...Съезд повернул в сторону большей конфронтации. Встречного движения не получилось». Оговорив далее, что не боится взять на себя ответственность за референдум («и вы не пугайтесь», — добавил он), и отметив, что «сейчас остается крайне небольшой набор средств, чтобы удержать стабильность ситуации», Ельцин, по-видимому, импровизируя, вновь повторил мысль, которая теперь его уже не покидала: «Если не будут при-

няты высказанные мной предложения, то Президенту придется искать еще какие-то дополнительные меры для того, чтобы обеспечить стабильность». Шум в зале показал, что депутаты оценили это высказывание в контексте складывавшейся ситуации как прямую угрозу. Но поскольку окончательного решения президент еще не принял, на смятение депутатов он отреагировал мало-вразумительным разъяснением: «Вы о своем думаете, а я о другом. Вас обязательно тянет на улицу. Если не будут приняты эти предложения, то я действительно должен думать о дополнительных мерах для того, чтобы сохранить баланс властей в стране, сохранить все-таки хотя бы шатающееся, но равновесие, которое сегодня есть, **сохранить все ветви власти**» (выделено мною. — В. Ш.)¹². Но ясно было, что никаких иных средств, кроме насильственного удаления с политической арены противостоявшей ветви власти, у Ельцина нет. За вторую поправку президента проголосовало на полсотни больше депутатов, но это уже ничего изменить не могло.

В проекте постановления содержался пункт, вызвавший оппозицию с другой стороны. Он устанавливал, что ряд высших чиновников — председатели Центрального банка, Фонда федерального имущества, Пенсионного фонда и Госкомитета по статистике — при сохранении их подконтрольности ВС могут входить по должности в состав правительства. Многие депутаты увидели в этом ущемление власти представительного органа. Но Хасбулатов и его ближайшие сподвижники вели здесь более тонкую игру — на отделение правительства и в первую очередь нового премьера от президента и приближенных к нему министров. Стратегическая цель — постановка правительства под контроль парламента — не была позабыта. Включение нескольких высокопоставленных лиц в правительство при том, что они оставались всецело зависимыми от ВС, мало что меняло, но могло быть использовано как демонстрация доброй воли.

Надежды вселяло то, что Черномырдин к этому моменту еще не вполне политически определился. Он исправно посещал засе-

дания Круглого стола, задуманного как противовес президентским структурам. Нельзя было не заметить, что его пространное выступление с информацией о положении дел в экономике нарочито уводило от противоречий, раздиравших Съезд, если только не считать общих призывов к «общеполитическому пакту о гражданском согласии». Высказавшись за «усиление президентской вертикали», он тут же оговорился: «правительство не может быть и бледной тенью Президента» и сказал немало такого, что должно было ласкать слух консервативных депутатов: о более «приземленном» подходе к реформе, о «государственном факторе» и повышении «управленческой дисциплины», об «усилении социальной ориентированности реформы», об отраслевых приоритетах, льготной кредитной поддержке села и т. п. В правительстве, сказал Черномырдин, должны быть «так или иначе представлены все ведущие социальные и региональные силы нашего общества». Также и помещенные в речь премьера знаковые идеологические клише о собственном историческом пути России, о злоумышлениях «друзей» за рубежом должны были внушить съездовскому большинству: я не из команды младореформаторов, я — свой.

Единственное, в чем Виктор Степанович был настойчив: правительство не может нормально работать без включения в его состав Центрального банка и некоторых других экономических институтов, без права оперативно сокращать расходы и увеличивать доходы, заложенные в госбюджете, и свободы рук в кадровой политике¹³. На заседании редакционной комиссии, отстаивая соответствующий пункт проекта постановления Съезда, премьер был еще более раскован: «Правительство — ублюдочное. Оно никаких решений принять не может. Кредитные дела не идут. Месяц уговаривали Геращенко ввести индексацию вкладов.... Почему вы мне не доверяете? Ведь включение Центробанка и других учреждений в состав правительства — это дополнительная работа, это хомут!» — «Не надо, Виктор Степанович, плакаться, — отрезал Хасбулатов. — Все бы вам

отдали, если бы было доверие»¹⁴. А на заседании самого Съезда он обвинит Черномырдина в неискренности: как же так, ведь рядом с премьером, утвержденным на Съезде, «у вас еще два премьер-министра: Шумейко и Чубайс. И еще неизвестно, кто из вас главнее»¹⁵. Так внутри и вокруг правительства заплеталась еще одна политическая интрига...

На этом Съезд можно было заканчивать. Но вопрос о референдуме, коль скоро в главном постановлении о нем, а заодно и о досрочных выборах, не было сказано ни слова, всплыл снова. Оба вопроса были дополнительно включены в повестку, благо по каждому из них уже было внесено несколько проектов постановлений. Это совпадало с намерениями Хасбулатова. Как только было принято постановление по основному вопросу и два оратора от имени представительных и исполнительных органов власти регионов выступили с призывами прекратить противостояние (во всяком случае, не переносить его в субъекты Федерации), он тут же провел решение о продолжении работы Съезда, многозначительно заметив, что «положение не такое благополучное», что надо «посмотреть внимательно, как будут развиваться события» и как «другая ветвь власти» станет исполнять Конституцию¹⁶. Ажиотаж подогревался с обеих сторон. Виктор Миронов, уже не раз выбалтывавший то, что, возможно, еще находилось в дальних закоулках мозга президента, объявил Конституцию неправовым документом и предложил приостановить ее действие. А Михаил Астафьев сообщил депутатам, что в Кремль вошла колонна грузовиков с вооруженными людьми (чуть позже выяснилось, что это была снегоуборочная техника)¹⁷.

Тем временем Съезд начал обсуждать, что делать с референдумом: следует ли к нему возвращаться и если да, то когда и с какими вопросами. Было представлено пять вариантов решения проблемы. Проект группы депутатов (Доркина, Муравьева, Сумина и др.) объявлял проведение всероссийского референдума «в настоящее время нецелесообразным», поскольку он «мо-

жет повлечь за собой опасные последствия для государственности и территориальной целостности» России: законодательная база для его проведения несовершенна, а юридическая интерпретация результатов неоднозначна. Несколько отличный вариант подготовила редакционная комиссия. В нем тоже проведение референдума объявлялось нецелесообразным, но, «учитывая неоднократные предложения Президента», предлагалось ВС совместно с президентом в двухмесячный срок решить вопрос о проведении референдума по основным положениям Конституции. Здесь же, однако, оговаривалось условие, которого не было ни в Конституции, ни в законах: решение не может быть принято, если более половины субъектов Федерации не дадут на то согласия (оставалось неясным, правда, кто в субъектах уполномочен давать или не давать такое согласие). Было очевидно, что оба проекта предусматривают похороны референдума, но лишь по разным разрядам.

Проект фракции «Демократическая Россия», констатируя, что 11 апреля референдум уже провести невозможно, предлагал дать президенту «право самостоятельно определить перечень вопросов, выносимых на референдум», в десятидневный срок представить их в ВС, который и должен обеспечить проведение референдума не ранее 22 апреля. Свой проект предложил и президент: назначить референдум на 25 апреля, но по основным вопросам не Конституции, а конституционной реформы (что открывало возможность провести через референдум порядок принятия новой Конституции в обход Съезда). Авторы этих проектов должны были отдавать себе отчет в том, что их предложения конфронтационны и не имеют никаких шансов на прохождение. Вносились они, по-видимому, лишь для того, чтобы зафиксировать позицию, отличную от съездовского большинства.

Попытка примирить непримиримые стороны была сделана фракцией «Согласие ради прогресса». В ее проекте предусматривалось проведение референдума в день, ставший уже знаковым (12 июня), по основным конституционным принципам, которые

раскрывались следующим образом: объем конституционных полномочий президента, Съезда, ВС, правительства; порядок реализации права граждан владеть, пользоваться и распоряжаться землей. Формулировки вопросов Конституционной комиссии надлежало согласовать с президентом и Конституционным судом, а Верховному Совету — провести соответствующую подготовку, консультации с субъектами Федерации, утвердить эти формулировки и принять в надлежащие сроки необходимые законы и постановления, в том числе о правовых последствиях результатов референдума¹⁸. Было предложено, следовательно, многоплановое, интегрирующее разные подходы решение основного предмета спора на основе уступок с обеих сторон. Для его реализации, однако, не хватало главного: доброй воли, готовности достичь согласия по каждому из обозначенных условий, прежде всего со стороны съездовского большинства. При рейтинговом голосовании этот проект был поддержан даже еще меньшим числом депутатов, чем конфронтационный проект президента (250 и 286 голосов соответственно).

Когда дело дошло до голосования, был зафиксирован едва ли не исключительный случай: за основу был принят проект даже не редакционной комиссии, а заостренный против президента документ Доркина и др. В ходе обсуждения в него, правда, были внесены некоторые дополнения. Было решено не захлопывать демонстративно дверь перед сторонниками референдума, а «рассмотреть вопрос о сроке проведения всероссийского референдума по основным положениям новой Конституции» после того, как эти положения будут согласованы между президентом, ВС и Конституционной комиссией и направлены на согласование субъектам Федерации, а ВС разработает порядок такого согласования. Это было очередное отступление от решения VII Съезда, допускавшего вынесение на референдум альтернативных вопросов. Семафор вроде бы был открыт, но и без того громоздкому составу был просигнализирован путь в тупик. Демонстративный же характер имело другое дополнение: средства, предназначен-

ные на проведение референдума (в еще не утвержденном, кстати, бюджете на 1993 г.), предписывалось ассигновать на дополнительное финансирование строительства жилья для военнослужащих¹⁹.

Ряд конкурировавших меж собой проектов постановления был внесен и по вопросу о досрочных выборах. Большинство выступавших говорили, что за кресло не держатся и выборов не боятся. Если бы это было так, следовало немедленно внести дополнение в Конституцию (как предлагала «Смена») либо установить непродолжительный срок, в течение которого ВС должен подготовить закон, предусматривающий замену СНД двухпалатным ВС и изменения в избирательной системе (как предложила фракция «Согласие ради прогресса»). Но прошло постановление с совершенно не обязывающей формулой: «Рассмотреть вопрос о целесообразности разработки проекта закона...»²⁰. Если и проводить досрочные выборы, говорили депутаты, то они должны быть одновременными для парламента и президента. Почему одновременными? — ведь прежние выборы проводились в разное время, по разным законам и в разных обстоятельствах, так что по своей легитимности депутатский корпус уступал президенту.

Спор шел по нескольким частным формулировкам, о которых удалось договориться на VII Съезде и каждая из которых в отдельности была, возможно, не столь уж существенна (например, самостоятельное право законодательной инициативы правительства). Президент признавал, что время для подготовки референдума упущено и соглашался с тем, что его можно перенести на другой срок (какой — на усмотрение Съезда). Возможны, говорил он, и иные виды «...согласия в любой правовой форме. Пусть это будет соглашение. Не годится соглашение, пусть будет постановление Съезда. Не годится постановление, давайте примем закон о власти. Не годится закон о власти, давайте внесем поправки в Конституцию, которые сбалансируют бы все ветви власти». Как видно, президент стремился сохранить статус-кво. В его представлении согласие должно было базироваться на том

распределении властных полномочий, которые санкционировал VII Съезд. И эту позицию он сдавать не собирался²¹.

Конфронтационный курс, говорил Ельцин, проводит лишь непримиримая оппозиция и примкнувший к ней Рябов. Это было упрощение. Рябов вообще был подставной фигурой, за его спиной стоял Хасбулатов. Вместе с агрессивной оппозицией он вел, хотя и несколько дистанцируясь от нее и постоянно заверяя в собственной приверженности Конституции, борьбу за власть. На самом деле Конституцию постоянно нарушали обе стороны конфликта. Об этом гласило послание Конституционного суда, выраженное в осторожной, настолько деполитизированной форме, насколько это было возможно в сложившейся ситуации, и направленное в ВС 5 марта 1993 г. «Основная угроза конституционному строю России заключается в усиливающейся конфронтации законодательной и исполнительной властей, в стремлении каждой из них получить односторонние преимущества, занять главенствующее положение относительно другой ветви власти», — писали конституционные судьи, сопровождая это заключение дипломатически уравновешенным перечнем нарушений каждой из сторон, вторжений в компетенцию друг друга и в полномочия судов²².

Депутаты в отступлении от Конституции обвиняли, естественно, исключительно президента и его советников. обстоятельный анализ нарушений, в которых повинна другая сторона, хотя и не без некоторых перехлестов, представил выступавший на Съезде министр юстиции Николай Федоров. Он показал, в частности, что при ВС «возникают структуры и ведомства, осуществляющие с точки зрения Конституции сугубо исполнительные и распорядительные функции», что в лице Президиума ВС сложился центр принятия не предусмотренных законодательством властных решений, в том числе в бюджетно-кредитной сфере, что председатель ВС превратил свой пост из организатора работы парламента в параллельный центр исполнительной власти и, минуя парламентский контроль, использует значительные финансовые средства по своему личному усмотрению²³.

Впрочем, даже самые изощренные доводы в защиту собственных позиций каждой из оппонирующих сторон на этом Съезде уже слабо влияли на поведение большинства депутатов. Колеблющихся среди них было немного, а переток на сторону непримиримой оппозиции депутатов, прежде занимавших пропрезидентские или нейтральные позиции и вотировавших ранее расширение полномочий исполнительной власти, продолжался. Сдвиги в депутатском корпусе, формирование антипрезидентского большинства отразили изменение настроений и ожиданий в обществе. Надежды, вспыхнувшие на рубеже 1980—1990-х годов, не оправдались, а тяготы переходного периода, обрушившиеся на большинство населения, как и преступное обогащение предпринимчивых окол властных меньшинств, стремительное образование многомиллиардных (в инфляционных ценах тех месяцев) состояний, были слишком наглядны. Президент, говорил Марк Масарский, ученый и предприниматель, игравший в то время заметную роль в российской политике, выражает интересы конкурентоспособной части населения, парламент — неконкурентоспособной. Но антикоммунистическая ориентация президента — гарантия невозврата к прошлому²⁴. В этом заключалось трагическое противоречие тех лет.

В 1992 и 1993 гг. на вопрос ВЦИОМ «Какие чувства появились, окрепли у окружающих вас людей за прошедший год?» — «усталость, безразличие» ответили 43 и 54% опрошенных, «озлобленность, агрессивность» — 40 и 30%, «страх» — 23 и 26%, «растерянность» — 18 и 22%. Эти четыре ответа звучали намного чаще остальных²⁵. Авторы экспертного доклада, подготовленного как раз после мартовских событий, отмечали: «Приход в правительство группы объективно сильнейших экономистов страны породил надежды на то, что их действия позволят России избежать повторения чужих ошибок, минимизировать количество собственных и тем самым сэкономить время, необходимое для преобразований. Однако этим ожиданиям не суждено было оправдаться. Из-за просчетов в диагнозе, в дозировке лекарств, за-

медленной реакции и неорганизованности лечащий эффект шока оказался намного меньше возможного»²⁶.

Ошибка Ельцина и «младореформаторов» заключалась в том, что они рассчитывали на более скорый положительный эффект реформы. Они полагали, что главное препятствие на ее пути — сопротивление парламента, который сковывает действия исполнительной власти. Они не могли не видеть слабости демократов, но не знали, как создать устойчивое парламентское и внепарламентское большинство на платформе гражданского мира и реформ. Заблуждение же депутатов, переходивших на сторону агрессивной оппозиции, было в том, что они поверили, будто бы положение можно исправить по рецептам ее предводителей и экспертов. По мере того как крепла антиельцинская оппозиция на Съезде, ее лидерам казалось, что их цель — вырвать власть у президента, поставить под контроль правительство — не только достижима, но и близка: стоит лишь протянуть к ней руки. В Обращении к гражданам России, утвержденном под занавес на VIII Съезде, и в заключительном слове Хасбулатова восхваление позиции парламента и объяснение напряжений в обществе исключительно действиями президента и правительства звучали уже совершенно неприкрыто. Хасбулатов чувствовал, что даром оппозиции то, что она сотворила с Ельциным на Съезде, не пройдет, но считал, что теперь президенту с парламентом не совладать. Перед тем, как опустился занавес, он многозначительно произнес: «Вы еще не успеете доехать, как вас придется вызывать на новый Съезд»²⁷. Как вскоре выяснится, он явно переоценивал и силы своих сторонников, и собственное влияние.

Общая оценка итогов VIII Съезда была дана в заявлении фракции «Согласие ради прогресса»:

Совет парламентской фракции «Согласие ради прогресса» выражает серьезную озабоченность тем, что вслед за углубляющимся экономическим кризисом в стране все более отчетливо

начал проявляться политический откат. В контексте этого политического отката мы и рассматриваем итоги VIII Съезда народных депутатов Российской Федерации. Съезд не способствовал стабилизации политической и социально-экономической ситуации в России. Съезд отказался устранить имеющееся в действующей Конституции противоречие между декларированным в ст. 1 и 3 принципом разделения властей и содержащейся в ст. 104 претензией на всевластие Съезда.

Введенные в действие изменения Конституции, дающие право Верховному Совету приостанавливать действие указов Президента до принятия Конституционным судом решения о конституционности этих указов в случае соответствующего обращения Верховного Совета в Конституционный суд (ст. 109) и предусматривающие немедленное лишение Президента его полномочий в случае, если эти полномочия будут использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации или роспуска законно избранных органов государственной власти (ст. 121-б), несут в себе потенциальную угрозу изменения баланса властей в пользу представительных органов власти, причем не только на федеральном, но и на других уровнях. Эта потенциальная угроза определяется не столько юридическим содержанием введенных в действие конституционных норм, сколько продемонстрированным большинством Съезда враждебным отношением к курсу реформ, проводимых Президентом и правительством.

В то же время мы не согласны с утверждением, что на VIII Съезде произошел конституционный переворот, в результате которого полномочия Президента оказались сведенными чуть ли не к нулю. Сегодня у Президента и правительства сохраняются достаточно широкие возможности для проведения реформ и сохранения — вопреки давлению агрессивной оппозиции — той правительственной команды, которая эти реформы проводит. По нашему мнению, сегодня и Президенту, и Верховному Совету следует отказаться от эскалации политического проти-

востояния и сосредоточиться на преодолении экономического кризиса.

Мы считаем необходимым заявить следующее:

1. Мы поддерживаем стратегический курс реформ, проводимых Президентом, хотя и считаем, что в него должны быть внесены коррективы, учитывающие как позитивный, так и негативный опыт их проведения.

2. Мы считаем, что главная сфера, в которой решаются сейчас коренные вопросы жизни нашей страны, — экономика, а не политика. Трудности, неудачи и просчеты в проведении экономической реформы — основная причина возникающего в обществе напряжения. Однако решение экономических проблем невозможно без политической стабилизации.

3. Мы выступаем против неконституционных методов, с чьей бы стороны они ни применялись, для решения любых общественных проблем общества и государства.

4. Главной угрозой для российской демократии мы считаем агрессивный курс Фронта национального спасения. Добиваясь общественной поддержки, он широко использует оружие бесчестной демагогии, клеветы и провокаций, дестабилизируя ситуацию. Мы, однако, не отождествляем актив этого «фронта» с конструктивной частью оппозиции и призываем Президента и всех демократов к серьезному диалогу с нею.

5. Мы предлагаем сформировать группу экспертов из числа экономистов, поддерживающих курс на проведение глубоких реформ, для разработки предложений по корректировке этого курса и пригласить в состав правительства для реализации таких предложений высококвалифицированных специалистов, опирающихся на поддержку нового большинства в депутатском корпусе — демократов и центристов²⁸.

VIII Съезд прошел историческую развилку, когда еще можно было, умерив амбиции, сохранить политическое согласие — хрупкое, стремительно распадавшееся, но к началу марта еще не

порушенное окончательно. Прошел последнюю развилку, возможно, не вполне отдавая себе в том отчета. Следующий ход был за президентом.

УДАР МИМО ЦЕЛИ

VIII Съезд для президента завершился не просто тяжким поражением. Это был тупик, из которого не просматривался основанный на действующем законодательстве выход. Все предложения президента — соглашение властей, референдум, досрочные выборы — были либо отвергнуты, либо подвешены так, что никакое решение неотложных вопросов в близком будущем не просматривалось. Сторонники Ельцина утверждали, что парламент вступил на путь ограничения власти президента, и такой коррекции Конституции, которая должна была сделать главу исполнительной власти чисто представительской фигурой²⁹. Не знаю, верили ли эти предсказатели в осуществимость подобной перспективы или нагнетали страсти в политических целях, но реализация таких планов, которые, безусловно, вынашивала агрессивная оппозиция (в частности, выведение правительства из-под власти президента под полный контроль ВС), не представлялась мне тогда, да и сейчас, делом легко осуществимым.

Ведь для изменения Конституции требовалось две трети голосов, мобилизовать которые удавалось, да и то не всегда, лишь когда действия президента приобретали угрожающий характер. Достаточно вспомнить провал особенно зловредных конституционных поправок в начале VII Съезда. Что было вполне реально — до истечения конституционного срока полномочий парламента (т. е. до весны 1995-го или годом раньше, на что депутаты, кажется, могли бы и согласиться) сохранится тягостный для президента режим двоевластия, при котором реформы будут проводиться под постоянным огнем представительной власти. (Это, правда, не воспрепятствовало ни либерализации цен,

ни «приватизации по Чубайсу»). Предстояло вести изнурительный торг по поводу государственных расходов³⁰. Однако длительная позиционная борьба президента совершенно не устраивала. У него отнимали ранее предоставленные сверхконституционные полномочия, осложняли оперативную деятельность, защищаясь, грозили импичментом за роспуск или приостановление деятельности государственных институтов.

Но это еще не означало, что он прижат к стенке. Некоторое пространство для политического и административного маневра у него оставалось. Тупиковым же в его представлении был баланс полномочий разных ветвей власти, зафиксированный на VIII Съезде, опасность дальнейшего смещения этого баланса («дисбаланса», по собственному определению Ельцина), явная экспансия руководства ВС в сферу исполнительной власти. Ситуацию обостряло и еще одно немаловажное обстоятельство. VIII Съезд Ельцин переживал как личное унижение. Были не только высокомерно отвергнуты все его сколько-нибудь значимые предложения, но и едва ли не впервые с 1987 г. ему пришлось выдержать град прямых оскорблений. Для предельно самолюбивого политика с авторитарным складом личности это было невыносимо. «Я... выслушивал мнения, — сказал он на VIII Съезде, — хотя во многих случаях они и облекались в площадные, оскорбительные формы»³¹.

Известное влияние на решения Ельцина оказывали не только разнузданные эскапады противников, но и давление нетерпеливых сторонников. «Досадно было, боя ждали... Что ж мы? На зимние квартиры?» — со времени VII Съезда этот ропот все громче раздавался на страницах демократической печати, на собраниях, в выступлениях депутатов, занимавших радикальные позиции. В концентрированном виде требования перейти к решительным действиям прозвучали на заседании Президентского совета, созванного через четыре дня после завершения VIII Съезда в роскошных интерьерах Екатерининского зала Кремлевского дворца. «Разговоры о компромиссе неуместны... Ли-

ния на сотрудничество исчерпана... Ощущается нехватка поступков у Президента... Съезд надо просто игнорировать... Съезды стали анахронизмом... Правовые варианты борьбы ничего не дадут... Вариантов для маневров не осталось...», — говорили лидеры общественного мнения Сергей Ковалев, Георгий Сатаров, Даниил Гранин, Эмиль Паин, Владимир Каданников, Гавриил Попов, Анатолий Собчак. Ведущий юридический советник президента Сергей Шахрай авторитетно заявил: «Особых трудностей с обоснованием введения президентского правления я не вижу». А Юрий Карякин сообщил, что идею президентского правления поддерживает Солженицын³². Фракция «Согласие ради прогресса» очень сдержанно восприняла информацию Ковалева об этом заседании³³. Сомнения высказывали и другие участники демократического движения. В начале марта в одном из интервью я говорил: самое разумное для президентской стороны в сложившейся ситуации — «стояние на реке Угре», которое, как известно, дало более весомый исторический результат, чем Куликовская битва³⁴. Но все это уже ничего не могло изменить. Ельцин воспринимал мнения, совпадавшие с решением, которое он сам принял, видимо, сразу после окончания VIII Съезда. Все остальные он не мог даже выслушать — ни психологически, ни физически.

Когда Ельцин сделал ожидаемый шаг, взбудораженные противники президента стали назойливо обличать тех лиц из окружения президента, которые якобы подвигли его на прямое нарушение Конституции. В постановлении ВС, принятом 21 марта, на следующий день после телевизионного обращения Ельцина, нашлось место для отдельного пункта, в котором депутаты просили генерального прокурора «рассмотреть вопрос об ответственности всех должностных лиц, принимавших участие в подготовке обращения Президента»³⁵. Не берусь судить, что преобладало в этих нападках, которые не раз будут повторяться и впредь: фигура политической дипломатии или устоявшееся со времен позднего Брежнева — Черненко убеждение, что первое лицо в государстве — ма-

лоосмысленный манекен. На мой взгляд, инициатива, замысел, стиль и даже исполнение этой второй после декабря 1992 г. попытки разделаться со Съездом принадлежали Борису Николаевичу. Лично. А так называемое окружение (помощники, спичрайтеры, доверенные высшие государственные чиновники) выполняли более или менее аккуратно и изобретательно поручения и распоряжения шефа.

События сразу же приобрели драматический оборот. Опубликованные документы и воспоминания участников позволяют проследить их динамику по дням (а с 20 марта даже по часам), начиная с того момента, когда Ельцин сразу же после Съезда поручил своим помощникам готовить проект обращения к народу и указ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти» и до созыва IX Съезда. Казалось бы, решение лишить парламент возможности влиять на политическое развитие вынашивалось уже длительное время. Но подготовка и реализация плана задуманного государственного переворота — а то, несомненно, была попытка государственного переворота, хотя бы и в мягкой форме, как бы к нему ни относиться, — могли бы стать хрестоматийным примером, как такие перевороты готовить и осуществлять нельзя.

В том, что происходило перед и после 20 марта, рельефно проявился характер и стиль Ельцина: его предрасположенность к резким движениям, взрывающим размеренный ход событий, полнейшая неспособность просчитывать варианты, последствия собственных поступков, которые нередко оказываются импульсивными и, мягко говоря, неоптимальными с точки зрения поставленной цели. Если в чем Ельцин и преуспел в эти дни, так это в дезориентации своих противников, вообразивших, что президент «стал жертвой безответственных политических авантюристов», что наступает «агония политического режима», за которой — близкое отрешение президента от должности³⁶. Между тем права Лилия Шевцова, утверждавшая, что «если судить по суматошности и непродуманности, элементар-

ной несогласованности в президентской акции было больше, чем макиавеллизма»³⁷. Я бы даже сказал больше: импровизации президента в марте 1993 г. были столь же или даже более не продуманными и непрофессиональными — отвлекаясь от оценки цели и последствий, — как и действия путчистов в августе 1991 г. Впрочем, способность противников Ельцина воспользоваться неуверенностью его рывков была на еще более низком уровне. Вспоминается парадоксальное суждение Марка Твена: собака, скорее всего, окажется под колесами неумелого велосипедиста, поскольку его движения для нее непостижимы.

Объясняя задним числом ритм своих действий, Ельцин писал: «Тут, может быть, впервые в жизни я так резко затормозил уже принятое решение. Нет, не заколебался. А именно сделал паузу. Можно сказать и так: остановился»³⁸. Пусть так, но даже после всех прозвучавших объяснений остается немало вопросов. Вот лишь некоторые из них.

Поручая своим помощникам подготовить несколько вариантов указа, различающихся по жесткости, президент поступал предусмотрительно. Но почему в телевизионном обращении он объявил вариант, по которому любые решения государственных органов и должностных лиц, направленные на отмену или приостановление указов и распоряжений президента и постановлений правительства, не будут иметь юридической силы, и поставил на этом точку? Полагал ли он, что парламент смирится на весь период «до преодоления кризиса власти» с отведенной ему ролью? А если это только первый шаг в реализации плана, то почему не происходила эскалация? И почему важнейший документ, призванный обосновать конституционность президентского демарша, не был заготовлен заранее и на подготовку сложного юридического текста Юрию Батурину был отведен всего час?³⁹

Назначенное на 25 апреля голосование о доверии президенту и вице-президенту, хотя такая акция и не была предусмотрена Конституцией, даже на созванном в пожарном порядке на следующий (воскресный!) день заседании ВС особых возражений не

вызвало. Употребление термина «голосование» (а не референдум) тоже было рассчитанным ходом, — правда, вопрос о юридических последствиях такого голосования оставался открытым. Но на голосование, как было объявлено, предполагалось вынести также проекты новой Конституции и избирательного закона. Какие проекты? Если такие проекты и были уже не «в чернильнице», то они не были известны ни обществу, ни даже широкому кругу сторонников президента и потому вовсе не были «обречены» на поддержку. Как показали дальнейшие события, на их подготовку потребовалось еще несколько месяцев.

Ни один государственный переворот не обходится без выхода за рамки действующего закона — это аксиома. Все дело в том, как на него реагирует общество. Объявив о своем намерении членам Президентского совета, Ельцин получил возможность свериться с неким общественным камертоном, который по масштабам предстоявшего деяния был скорее игрушечным. Правда, и парламент с ораторами оппозиции, примелькавшимися у микрофонов, уже не мог опереться на общественное сочувствие. Но для того, чтобы он был сметен мощными народными демонстрациями, которые сыграли столь важную роль в поражении ГКЧП, нужна была совершенно иная общественная атмосфера. А ни массы людей, ни даже демократический актив не были соответствующим образом «раскачаны»: телевизионное обращение президента стало для них сюрпризом. По данным МВД, в первый, решающий день даже в Москве на улицы вышли всего пять тысяч демонстрантов с обеих сторон (в Петербурге — две тысячи)⁴⁰.

И то сказать, президент, вероятно, рассчитывал не столько на народную антипарламентскую стихию, сколько на поддержку подчиненных ему государственных структур и чиновников, занимавших ключевые посты. Но ведь у него уже был негативный опыт поведения вице-президента и министров-«силовиков» на VII Съезде. Это не помешало ему наступить вновь на те же грабли. 20 марта, когда уже должна была заканчиваться запись телевизион-

ного обращения Ельцина, Филатов был отправлен за визой на проект указа к Руцкому, а Шахрай — к секретарю Совета безопасности Скокову. Президент не посчитал нужным переговорить лично ни с одним из них, не отозвался даже на их телефонные звонки. Оба сановника поставить свои подписи отказались. И эффект был только тот, что копия секретного документа, оглашение которого должно было произвести на противника впечатление разорвавшейся бомбы, заблаговременно оказалась в ВС. В результате вскоре после обращения Ельцина в Останкино прибыли Руцкой, Воронин, Зорькин и Степанков, получившие время на координацию и подготовку ответного демарша. Но Ельцин колебался еще раньше: в 20:55 видеозапись его выступления была отправлена в Останкино, а через 25 минут последовало новое распоряжение: огласить только обращение, но не указ⁴¹. Что в эти полчаса побудило президента сыграть отбой?

Однако еще бльшим ударом для президента были, вероятно, выступления Руцкого, Зорькина, «силовики», Степанкова и даже Черномырдина на следующий день в ВС. С большей или меньшей степенью определенности все они дистанцировались от инициативы Ельцина. При этом вице-президент клеймил «псевдодемократов» и поведал, как он отказался завизировать «противоречащий конституционным нормам» указ и пытался уговорить президента снять выступление по телевидению. Министры рассуждали о чем угодно, но только не о поддержке президентского демарша. Максимально лояльным по отношению к президенту был премьер, который в основном жаловался, что «в самом трудном положении» находится правительство («невозможно работать в такой ситуации»), а ответ на вопрос: «Конституционно или неконституционно» обращение Президента?» оставил на усмотрение специалистов... Мнение же специалистов выразил Зорькин. Он сообщил, что проект указа стал известен в Конституционном суде еще в субботу утром, что Суд по собственной инициативе принял к производству и рассмотрению «вопрос о конституционности и конститу-

ционной ответственности Президента и должностных лиц, связанных с подготовкой обращения». Правда, председатель Конституционного суда бросал Ельцину, как ему, вероятно, казалось, спасательный круг: «Готов ли Президент к дальнейшим действиям, чтобы воплотить в жизнь свой указ, или это был просто пробный шар? Вот в чем вопрос»⁴².

В этом действительно был главный вопрос, во всяком случае, до конца марта. Установка «Ввязаться в бой, а там посмотрим» приносила победы Наполеону, иногда выручала Ленина, но часто подводила Ельцина. Картинный *blow up* оказался всего лишь замахом, ударом в пустоту. Сильно смягченная редакция опубликованного 25 марта под другим названием указа, оправдания типа «президент имел в виду не то, о чем вы подумали», могли бы производить даже комическое впечатление, если бы речь не шла о вещах столь серьезных. Отступая, Ельцин терял лицо. «Мы имеем очень плохой парламент. Строго говоря, интересы демократии требуют сохранения Ельцина в виде полноправного Президента до ближайших выборов. Но он (сам или благодаря советникам) сделал все, чтобы проиграть. Все», — комментировал происшедшее по свежим следам события Виталий Третьяков⁴³. Правда, дальнейшие события стали разворачиваться не по самому худшему сценарию. Но лишь потому, что оппозиция на IX Съезде провела свою игру еще более бездарно.

ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД РОССИЙСКИХ ДЕПУТАТОВ

В последней декаде марта политическая напряженность продолжала нарастать. События сменяли одно другое с калейдоскопической быстротой. 21 марта ВС обратился в Конституционный суд с запросом «о конституционности действий и решений Президента». Уже через два дня суд, опираясь только на распечатку телевизионного обращения Ельцина (и неофициальным путем поступивший в его распоряжение неопубликованный проект

указа), объявил свое решение. Лишь на следующий день появился датированный 20 марта указ президента «О деятельности исполнительных органов до преодоления кризиса власти». Изменилось не только его название: из текста были убраны наиболее вызывающие положения. В тот же день ВС принял решение о созыве 26 марта нового внеочередного Съезда.

25 марта хорошо информированный главный редактор самого массового в то время издания «Аргументы и факты» Владислав Старков привез в Кремль тревожную информацию. «Вы в курсе того, что Хасбулатов встречался с генералом Стерлиговым? — спросил он у пресс-секретаря Вячеслава Костикова. — Вы знаете, какой у них разработан сценарий? У них все схвачено! В том числе и со стороны военных. Вы здесь в Кремле сидите как на пороховой бочке»⁴⁴. Был ли такой сценарий и развивали ли в предсъездовские дни оппозиция какую-либо активность, кроме митинговой, сейчас сказать трудно, но, по-видимому, не без влияния такой угрозы президент в последний момент распорядился прервать начатый было «плановый ремонт» в Большом Кремлевском дворце, чтобы проводить там Съезд под присмотром. Массивную скульптуру Ленина вновь задрапировали и в здание всю ночь завозили из Белого дома оргтехнику и материалы. Решению проводить Съезд на территории «хорошо охраняемой, просматриваемой и прослушиваемой» нельзя отказать в предусмотрительности. К силовому варианту разрешения спора президент был готов уже в марте⁴⁵.

Главным плацдармом, с которого противники президента намеревались развернуть на Съезде наступление, было заключение Конституционного суда. Документ этот был замечателен не столько юридическим, сколько политико-дипломатическим исполнением. Суд, заявляли его авторы, поддерживает поставленные в президентском обращении цели, поскольку они «вытекают из действующей Конституции», и солидарен с выраженным в нем стремлением обеспечить соблюдение основ конституционного строя России, «однако избранные... средства противоречат

этой цели». Судьи выделили в обращении президента семь позиций, противоречащих восьми статьям Конституции, закону о референдуме и Федеративному договору. Признавая, что «желаемое Президентом голосование может быть назначено», авторы заключения утверждали: «выдвинутое в обращении положение, что голосование решит вопрос, кому руководить страной — Президенту или Съезду народных депутатов, недопустимо», так как «вынесение вотума доверия Президенту не должно означать устранения других органов государственной власти». Несоответствие Конституции судьи усмотрели и в установлении приоритета указов президента по отношению к актам всех иных органов государственной власти⁴⁶.

Здесь, однако, возникала вязкая политико-юридическая коллизия. Обращение президента, строго говоря, было декларацией о намерениях: никаких «действий», меняющих установившийся после VIII Съезда баланс властей, предпринято не было, а «решения» об «особом порядке управления» не были воплощены в жизнь. Да и сама трактовка «особого порядка» как заведомо выходящего за рамки Конституции, уподобление его по сути режиму чрезвычайного положения были юридически спорными. Ни одно постановление ВС или Конституционного суда президент не объявил не действующим. Точно так же голосование (не референдум!) о доверии президенту еще не состоялось, его исход не был предрешен, и никакие шаги по устранению парламента не были предприняты. Напротив, в обращении президента содержалась оговорка, что Съезд и депутаты остаются на своих местах.

Разумеется, ни у противников, ни у сторонников президента не было ни малейших сомнений, что он не будет чрезмерно щепетилен по отношению к Конституции, если обстоятельства это позволят. Действия, настаивал Зорькин, уже наступили: «Если это просто обращение о намерениях, тогда что означают слова “я решил”, “я подписал указ”? Тогда объясните: что такое приговoreние к антиконституционному изменению государственного

строю?». Откладывать решение, соблюдая все положенные процедуры, Конституционный суд, по мнению его председателя, не мог: слишком велика угроза и напряжена ситуация. Но ведь и президент правомерность своего указа тоже, хотя, по-видимому, и с несколько меньшими основаниями, выводил из складывавшейся ситуации: из выявившихся намерений парламентского большинства ущемить конституционный принцип разделения властей и ограничить его полномочия, а также из убеждения, что легитимность его мандата выше, чем у Съезда, — хотя бы потому, что мандат этот был получен на год с лишним позже. Президент тоже действовал на опережение. Во всяком случае, правомерность заключения Конституционного суда, адекватность его действий были оспорены тремя судьями: Эрнестом Аметистовым, Николаем Витруком и Тамарой Морщаковой, заявившими особое мнение. Доводы этих судей сводились к следующему. «По своему содержанию и целям обращение Президента было политической декларацией о намерениях», а намерения, которые «не сопровождались какими-либо реальными действиями и решениями... не могут составлять объективную сторону какого-либо правонарушения». Конституционный суд дал свое заключение на основе двух материалов — фонограммы телевизионного выступления президента и документа, представленного судьям как проект его указа. Аутентичность этих материалов не была установлена, а опубликованный позднее указ отличался от проекта. «Президент имел право скорректировать (в том числе с учетом конституционных принципов и норм) свои намерения в виде конкретных действий и решений в соответствии с той реакцией, которую вызвало его публичное выступление по телевидению 20 марта, о чем и свидетельствовала ситуация последующих дней вплоть до 23 марта». Если бы даже неконституционность действий и решений президента была установлена, Конституционный суд «...обязан был решить, является ли степень такой неконституционности достаточной, для того чтобы служить основанием для отрешения Президента от должности

или приведения в действие иного механизма его ответственности. Суд, однако, не поставил и не дал ответа на этот вопрос в своем заключении и, следовательно, лишился права дать самое заключение». Кроме того, председатель Суда нарушил закон о Конституционном суде, приняв участие в политических мероприятиях (пресс-конференция 20 марта, телевизионная передача 21 марта). При подготовке заключения Суда был допущен также ряд процессуальных нарушений⁴⁷.

Когда открылся IX Съезд, указ уже был опубликован в существенно смягченном варианте. Поэтому и выступление Зорькина на первом заседании было выдержано в совершенно иных тонах. Изложенный им в десяти пунктах механизм выхода из конституционного кризиса был рассчитан на примирение сошедшихся в схватке сторон. Каждая из них могла найти в предложениях Зорькина то, что она до того отстаивала, а также возможность отступления с сохранением лица.

Эти предложения воспроизводили практически весь пакет инициатив, с которыми выступал Ельцин начиная с VII Съезда. Приведение ст. 104 и 109 Конституции (полномочия Съезда и Верховного Совета) в соответствие со ст. 1 и 3 (разделение властей). Конституционный закон, который ликвидировал бы Съезд и позволил провести выборы в двухпалатный парламент. Срочное принятие законов о выборах, референдуме, политических партиях и общественных объединениях. Поправка к Конституции, позволяющая провести досрочные выборы президента и депутатов осенью 1993 г. Незыблемость полномочий, предоставленных президенту и парламенту, что должно было обезопасить президента от экспансии законодательного органа.

Несколько шагов было сделано навстречу парламенту. Оппозиции — укрепление правительства «на принципах профессионализма и национального согласия» еще до новых выборов. «Автономам» — участие республик (как и других субъектов Федерации) в подготовке проекта Конституции, выносимого на референдум, т. е. в конституционном процессе субъекты Федера-

ции ставились в один ряд с ВС и Конституционной комиссией. Всем депутатам — сохранение статуса и гарантий в течение всего периода их полномочий (т. е. и после избрания нового парламента), что уже было обещано в указе президента. Заведомо неприемлем для Ельцина был лишь один пункт — об отстранении от должности и ответственности лиц, «которые ввели в заблуждение Президента при подготовке обращения и указа»⁴⁸.

Конституционный суд (и его председатель) все более утверждал себя в не свойственной ему политической роли «третьей силы». И хотя реализация ряда предложений (таких, как содержание новой Конституции, укрепление правительства и др.) потребовала бы непростого согласования, политическое пространство, на котором мог бы сохраняться мир, было обозначено. План Зорькина был положительно оценен в ряде выступлений, в том числе сторонников президента⁴⁹. Более или менее примирительно прозвучали и речи президента и спикера. Хасбулатов, отметив достижения предыдущего Съезда и повторив претензии на контроль парламента над правительством, заявил, что во имя согласия готов оставить свой пост⁵⁰. Ельцин же, признав, что часть предложений Зорькина прямо совпадает с его собственной программой выхода из кризиса, и рассказав о намеченных сдвигах в экономической политике, учитывающих критику депутатов, обозначил две кардинальные точки соприкосновения. Первая: положить конец исправлению старой и принять новую Конституцию, а для этого вернуться следует к проекту Конституционной комиссии, принятому за основу VI Съездом. Вторая: новый курс экономической политики станет осуществлять правительство, состав которого будет пополнен за счет «кадрового потенциала российских республик и регионов» (телеграммы их руководителям, сообщил Ельцин, уже отправлены), а также на основе предложений «ответственных политических сил, партий и общественных движений» — то, в чем он прежде отказывал⁵¹.

Казалось, намечается невероятное: после того, как обострение достигло небывалого накала, вновь, как и на VII Съезде, кон-

фликту будет дан обратный ход. В развернувшейся общей дискуссии было вдоволь злой агрессии, звучали предложения начать процедуру отрешения президента от должности, но слышны были и иные голоса. Постановка вопроса об импичменте вредна при любом исходе, сказал Николай Травкин. Заметно ближе к президентской позиции, чем на VIII Съезде, выстроил цепочку своих рассуждений Черномырдин. Выразив солидарность с Ельциным, он покритиковал параллельные структуры исполнительной власти в президентской администрации и сказал немало такого, что должно было понравиться депутатам, — не зря его выступление показалось Хасбулатову «витиеватым». Сдержанную речь произнес Руцкой: осуждая «Демократическую Россию» и президентское окружение, он остерегся задевать своего шефа. Осторожную позицию умеренного крыла «автономов», которые, получив сатисфакцию в виде Федеративного договора, отказывались теперь таскать каштаны из огня для непримиримой оппозиции, выразил Виктор Степанов. Он высказался за реализацию Федеративного договора, за изменение Конституции и досрочные выборы, против импичмента и популистских экономических решений, ведущих к гиперинфляции. Абдулатипов (за два года перед тем бросивший вызов Ельцину в составе «шестерки» лидеров парламента) высказался против «охаивания» президента, парламента и председателя ВС.

Выдвигались идеи и совершенно экзотические. Так, представитель «директорского корпуса» Валерий Бабкин предложил сохранить парламент в первоизданном виде до истечения срока его полномочий в марте 1995 г., но при этом отказаться от разделения враждующих властей, совместив посты президента и председателя ВС. Вырисовывались и точки соприкосновения разных позиций: проведение референдума (ради отмены которого собирался предыдущий Съезд) и досрочных выборов либо депутатов, либо президента, либо одновременно обеих ветвей власти (а для того, как это и предлагал Зорькин, внесение необходимых изменений в Конституцию). При этом

каждая из сторон полагала, что выборы принесут победу именно ей⁵².

Вот на этом надо было бы остановить бег к пропасти. В середине второго дня Хасбулатов еще рассчитывал к вечеру завершить работу Съезда. Тут однако, выяснилось, что тон, преобладавший в дискуссии, не вполне отражал настроение в зале. Керосин в то разгоравшийся, то затухавший костер плеснул Аман Тулеев. Не в пример иным ораторам оппозиции вроде Михаила Челнокова или Ионы Андропова⁵³, которых трудно было принимать всерьез, Тулеев умел завладевать вниманием и покорять сердца. Все его выступление возбуждало эмоции и било наотмашь не только по президенту, которого он обвинил в провокации, и его команде, которую он наградил кличкой «коллективный Распутин», но и по сторонникам компромисса. Тулеев призвал депутатов немедленно тайным голосованием отрешить президента от должности, а Руцкого — проявить «волю и твердость», поскольку «Президент все равно не выполнит решения Съезда»⁵⁴.

Наэлектризованный Съезд тут же отверг оба варианта решения, поставленных Хасбулатовым на голосование: мягкий (принять к сведению заключение Конституционного суда и считать недопустимым нарушение Конституции президентом) и жесткий (внести в повестку дня вопрос об импичменте). С ходу это сделать не удалось, но второе предложение сразу же получило на сто с лишним голосов больше первого⁵⁵. Обсуждение второго пункта повестки дня — о политической цензуре на государственном телевидении — еще больше накалило страсти. Кроме того, в повестку дня включили дополнительный пункт, предназначенный показать, что в борьбе за власть депутаты не забывают и об избирателях, — о компенсации и восстановлении сбережений граждан.

К концу второго дня редакционная комиссия, возглавлявшаяся Рябовым, распространила новый проект постановления по основному вопросу. План умиротворения, изложенный Зорькиным, был отброшен. Более того, по сравнению с первоначальным вари-

антом проект был существенно ужесточен. Отметив, что своим обращением президент нарушил Конституцию и несет за то личную ответственность, что он не выполнил решений VII и VIII Съездов, авторы проекта постановления предлагали поддержать «своевременные» действия Конституционного суда и поручить ВС обратиться к нему с ходатайством — проверить конституционность ряда указов президента, действие которых Съезду надлежало приостановить. Сознавая, что получить две трети голосов за импичмент президента будет непросто, редакционная комиссия наметила движение к той же цели иным путем: рекомендовать Ельцину и Хасбулатову уйти в отставку добровольно. Не была, естественно, обойдена и территория, на которую депутаты давно уже вождедали совершить прорыв: президенту предлагали сформировать коалиционное правительство (не без умысла отмечалось, что таково было пожелание, выраженное самим президентом); передать в его ведение все государственные управленческие структуры (т. е. растряссти Администрацию президента); упразднить Федеральный информационный центр, во главе которого стояли ненавистные оппозиции Михаил Полторанин и Сергей Юшенков; а также освободить от занимаемых должностей лиц, «скомпрометировавших себя» подготовкой обращения от 20 марта и вообще «возбуждающих общественное недовольство».

Сверх того Верховному Совету поручалось рассмотреть законопроект, устраняющий из ст. 104 и 109 Конституции положения, которые противоречат принципу разделения властей, учреждающий двухпалатный парламент, уточняющий статус президента и Конституционного суда и расширяющий полномочия правительства. Не обошел вниманием проект постановления и Конституционную комиссию: ей (а не Комитету по законодательству ВС, ведавшему перекройкой старой Конституции) поручалось подготовить проект закона о намечаемых изменениях Конституции. Но теперь уже она (фактически — рабочая группа, получившая над собою внутреннего контролера в лице Рябова) должна была еще до следующего Съезда провести свою продукцию через

два внешних контрольных пункта: через согласование не только с ВС, но и с субъектами Федерации. Кто должен был в этих процедурах представлять означенные субъекты, оставалось открытым. Таков был этот документ с острыми — колющими и режущими краями, который, как полагало ядро редакционной комиссии, должен был удовлетворить новое, все более ожесточавшееся большинство на Съезде⁵⁶.

Атака на этот проект, предпринятая рядом депутатов — сторонников президента (включая его официального представителя Александра Котенкова), сразу же захлебнулась. Депутаты не согласились даже объявить перерыв для консультаций. И тогда выступил сам Ельцин. Он предупредил, что принять предложенный проект за основу — значит повести «к еще большей конфронтации». Впрочем, эта его речь была, пожалуй, самой примирительной из всех, произнесенных им за последние месяцы. Президент занимал оборонительную позицию, в чем-то даже оправдывался. Да, говорил он, у нас молодая демократия, ошибки допускают все, вот и ВС около трехсот раз отклонился от конституционных норм. О коалиционном правительстве народного доверия говорить рано — доверие еще надо заслужить. Если уж говорить о личной ответственности Ельцина, то почему не Хасбулатова, не Зорькина? Надо успокоиться и вместо предложенного проекта записать два пункта: доклад председателя Конституционного суда принять к сведению, а главам трех ветвей власти в недельный срок отработать меры, ведущие к согласию⁵⁷.

Казалось, вновь ожила отринутая, заклеяменная, забракованная идея фиксации некой зоны согласия, худого, но мира. Несколькими репликами Хасбулатов дает понять, что она ему не чужда. И хотя один из ораторов оппозиции сообщает, что выступление президента вызвало у него чувство стыда, а другой истерически требует немедленно возбудить процедуру импичмента, продолжение работы переносится на следующий — впервые, кажется, в истории российских Съездов — воскресный день. Мало

кто ожидал, что он станет кульминацией последнего Съезда российских депутатов.

У меня нет рационального объяснения того, почему утром 28 марта на Съезд был неожиданно вброшен проект постановления, наскоро сработанный ночью и как бы вытесанный топором. Скорее всего, возобладала растерянность главных действующих лиц. В изложении Хасбулатова события развивались так. Вечером 27 марта согласительная комиссия, которая бог весть кем и как была сформирована и в которую входили видные парламентарии, а также доверенные лица президента и премьера, села писать проект нового постановления. Хасбулатов с Ворониным уже собирались закончить свой рабочий день, когда звонок Зорькина задержал их в Кремле. (Ельцин, говорил Зорькин, может «предпринять неадекватные действия. Надо что-то делать».) Через полчаса прибыли Зорькин с Черномырдиным, которые пообещали уговорить Ельцина согласиться на одновременные перевыборы президента и парламента. На том и порешили. Рябов и Шахрай с экспертами остались писать документ. Утром, когда до открытия Съезда оставалось менее часа, проект с небольшими поправками санкционировала группа примерно из 20 лиц, к которой присоединились президент и спикер. Когда началось заседание, технические службы еще не успели размножить и раздать проект. Тем не менее медлить было нельзя, и после некоторых препирательств — кому выступать — согласительный документ пошел докладывать Хасбулатов⁵⁸.

Депутатам предложили заменить референдум, к проведению которого они уже склонились, приняв накануне за основу выгодные для себя вопросы, — выборами президента и парламента уже 21 ноября 1993 г. Это было главное. Но сверх того проект был буквально напичкан положениями, которые заведомо должны были вызвать раздражение в зале. Для юридического обеспечения деятельности будущего представительного органа предполагалось наделить его до принятия новой Конституции полномочиями Съезда. Спорные положения ст. 104 и 109 Конституции фактически отменялись; они должны были действо-

вать «в части, не противоречащей принципу разделения властей», хотя оставалось неясным, кто будет определять эту «часть». Иными словами, парламент приглашали осуществить серьезную коррекцию Конституции простым постановлением, как и на VII Съезде. Но особенно возмутила депутатов «приманка», «корзиночка с фруктами», по выражению Исакова: продление их полномочий (и привилегий) до конца срока, на который они были избраны, независимо от того, будут они работать или нет. Мимо внимания оппозиции не прошло и то, что приостановление (а не отмена!) указа от 20 марта, гарантировалось лишь честным словом президента⁵⁹, которому она не верила. Обман депутаты разглядели и в перечне субъектов, от имени которых был внесен проект постановления. Среди них были указаны не только регионы и фракции (хотя не уточнялось, какие именно), но и правительство. Депутаты потребовали представить данные, когда и на каком заседании правительства, заведомо не собиравшегося в ночные часы, одобрен документ.

Надо было абсолютно не чувствовать настроения большинства Съезда, чтобы рассчитывать, что выход из тупика — а это был вообще-то далеко не худший выход — может быть найден на предложенном пути. Стоит ли удивляться, что такой документ, выскокивший как черт из табакерки, буквально взорвал Съезд?! Началось обсуждение, в ходе которого выступили 19 депутатов. Инициативу поддержали двое. По разным мотивам ее отвергли 13 депутатов. Утверждали, что соглашение антиконституционно, беспринципно, провокационно. Почти все гневно отвергли «подачку»: в преддверии выборов она могла только дискредитировать тех, кто бы ею соблазнился. За референдум как альтернативный путь выхода из кризиса высказались 10 депутатов. За отрешение или добровольную отставку президента — 9, за перевыборы Хаббулатова — 7. И когда проект поставили на голосование, он был провален с треском⁶⁰.

Теперь перед Съездом обозначилась иная развилка. Дорабатывать проект редакционной комиссии, варианты которого уже

третий день маячили перед глазами депутатов (а в грозовой атмосфере его, конечно, могли лишь еще больше ужесточать). Или, развивая успех, броситься за более крупной добычей. Как минимум — провести референдум. (И тогда, говорили оппозиционеры, «дни Президента и его команды сочтены», ибо за ними лишь «эфемерное большинство»⁶¹ — в каком-то странном самообольщении противники Ельцина вообразили, будто страна находится в той же кондиции, что и зал, в котором они возбуждали друг друга.) Как максимум — реализовать давно уже обуревавшее их стремление: тут же добиться импичмента президента, а заодно и сменить Хасбулатова, который, по их мнению, вступил в очередной сговор с Ельциным. Не слишком задумываясь, не прислушиваясь к предостерегающим голосам, агрессивная оппозиция, как стая гончих, устремилась по второму пути⁶².

Доработанный проект редакционной комиссии «О неотложных мерах по сохранению конституционного строя РФ» был в третий раз поставлен на голосование за основу и вновь отвергнут⁶³. А затем внушительным большинством в повестку дня были включены дополнительные вопросы об отрешении от должности президента (594 за, 287 против, 24 воздержались) и об отзыве председателя ВС (614, 253 и 41 соответственно). Еще бóльшим числом голосов (695) было принято решение сразу перейти к тайному голосованию через кабины: депутатам и без обсуждения все было ясно⁶⁴.

И вновь, как в декабре 1992 г., конфликт грозил выйти за стены Кремлевского дворца. Аналитические службы президента накануне и во время Съезда вели постоянный учет расклада сил в депутатском корпусе. По всем прогнозам выходило, что голосов для импичмента не хватит. Но твердых гарантий никто дать не мог. Президент был готов сохранить власть при любом повороте событий. Решение об отстранении Ельцина не вступило бы в силу, авторитетно свидетельствуют его помощники, разрабатывавшие резервный вариант. Об этом он и сам открыто заявил, придя на митинг, организованный его сторонниками у стен Крем-

ля, на Васильевском спуске, как раз в те часы, когда началось тайное голосование. «Вы сегодня пришли вовремя, как раз угадали тот день, когда решается судьба президента, судьба ваша, судьба России, — говорил он, обращаясь к пришедшим на митинг, число которых, по разным оценкам, составляло от 50 до 100 тыс. человек. — Кто-то хочет взять на себя такую ответственность, чтобы забурлила Россия, чтобы начались беспорядки. Это будет на их совести... Я подчинюсь только воле народа».

При неблагоприятном для президента исходе голосования сценарий дальнейшего развития событий рисовался так. Президент не признает решение Съезда и объявляет о его роспуске. Информация об этом немедленно передается по радио и телевидению: мобильная телестудия уже стоит наготове в Кремле. Улицы Москвы заполняются демонстрантами (число сторонников президента, пришедших чуть раньше на митинг по первому зову, превосходило число его противников на контрмитинге оппозиции в 4—5 раз). Глава правительства окончательный выбор сделал: он стоит рядом с президентом на импровизированной трибуне. Там же — Попов, Лужков, Гайдар, другие лидеры демократов. Обращение с депутатами, вождями оппозиции, по-видимому, подсказали бы обстоятельства. Для начала они были бы блокированы в Кремлевском дворце службой безопасности, верной президенту. Никто, конечно, не мог предсказать, как события будут развиваться дальше, но ясно, что многое решится в первые часы, и фору получит тот, кто проявит бóльшую решимость⁶⁵.

Все это, однако, имело смысл скорее как задел на будущее. Когда поздно вечером были объявлены результаты голосования, выяснилось, что у сторонников импичмента не было никаких шансов на победу. Это важно подчеркнуть. За включение вопроса в повестку дня проголосовали через электронную систему, как уже было сказано, 594 депутата. В тайном голосовании через кабины, позволявшем мобилизовать все наличные силы⁶⁶, удалось собрать 617 голосов. Это был предел: до 689 — двух третей списочного состава — не хватало 72 голоса, и взять их было не-

откуда⁶⁷. Конечно, политически удар по президенту был нанесен сильный, но из голосования вовсе не вытекало, что для него бесперспективно оставаться в конституционном поле, в чем его сразу же стали убеждать наиболее нетерпеливые советники.

Примечательно голосование по Хасбулатову. За его отзыв было подано 339 голосов, то есть на 275 меньше, чем за включение вопроса в повестку дня, и на 178 меньше, чем было необходимо для смещения с поста⁶⁸. Лидеры оппозиции, не доверявшие спикеру, все же расчислили, что повторение отрицательного для него голосования даст крайне нежелательный результат: президент останется на месте, а его антагонист в парламенте будет низвергнут, и дали соответствующую команду своим сторонникам. Это, впрочем, не помешало Хасбулатову интерпретировать итоги тайного голосования как собственный перевес над Ельциным⁶⁹. На деле все обстояло иначе. Урок, преподанный спикеру на IX СНД, — ключ к пониманию его резко ужесточившейся позиции в последние месяцы существования этого парламента.

К 29 марта, последнему дню работы Съезда, исход противостояния на нем был ясен. Программу-максимум оппозиция реализовать не смогла. Теперь ей надо было закрепиться на занятых рубежах, выжав все, что можно, из двух постановлений: общего («О неотложных мерах по сохранению конституционного строя РФ») и по вопросу, выдвинувшемуся теперь на первый план, — о проведении референдума по доверию властям.

Проект первого из этих постановлений был вновь поставлен на голосование за основу и провален в четвертый раз. Началось голосование по пунктам. Примерно тем же числом голосов, что были поданы за отрешение Ельцина от должности, был одобрен пункт, в котором президент выставлялся единственным виновником конституционного кризиса. Все поправки, отмечавшие ответственность Верховного Совета, его председателя, а также открывавшие путь к устранению противоречий в Конституции и изданию законов, необходимых для проведения новых парламентских выборов (как это предлагал еще в первый день Зорь-

кин), были решительно отвергнуты. После провала импичмента оставлять призыв к добровольной отставке президента и спикера было бессмысленно, и он был снят. Не прошло и предложение о создании Совета Федерации: «автономы» уже свою роль сыграли. Документ получился жесткий и односторонний, но мало к чему кого-либо обязывающий.

Теперь завершение Съезда зависело от того, каким выйдет постановление о референдуме, проект которого был принят за основу еще до скандала. Подтвердить свой мандат, получив на всеобщем голосовании вотум доверия народа, — эта идея стояла в центре политической стратегии Ельцина со времен VII Съезда. В очередной раз он заявил ее в обращении и указе 20 марта. Ельцин уже не настаивал, чтобы избирателям был предложен выбор: кому они доверяют вести государственные дела — президенту или парламенту. Теперь ему достаточно было выразительной поддержки собственной политики, и он, опираясь на прогнозы аналитической службы, рассчитывал такой вотум — на референдуме ли, на опросе ли — получить. Задача же оппозиции, раз уж пришлось согласиться на референдум, заключалась в том, чтобы максимально обесценить его результаты. И решать эту задачу она стала изобретательно.

Не поставить в той или иной форме вопрос также и о доверии депутатам означало слишком уж явно предложить гражданам игру в одни ворота. Это было бы не только неприлично (о приличиях российские политики не очень задумывались), но и политически проигрышно. Но один вопрос — о судьбе депутатов решили уравновесить тремя вопросами, относящимися к президенту, в расчете на то, что хотя бы по одному из них его перевес в общественном мнении даст сбой. Поэтому к вопросу о доверии президенту, поставленному самим Ельциным, был подверстан еще один, предложенный еще в первый день «сменовцем» Валерием Шуйковым: «Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом и правительством с 1992 года?».

«Ход сильный, — напишет позднее Гайдар. — Даже мне на такой вопрос честно поставить в бюллетене коротенькое однозначное “да” непросто»⁷⁰. Ход, можно добавить, нечестный, ибо за общее направление социально-экономической политики парламент, принявший все основные экономические законы, должен был нести ответственность не меньшую, чем президент и правительство. А в какой мере просчеты и неудачи экономической реформы проистекали из действий правительства и в какой — из давления и некомпетентных вторжений Съезда и ВС, можно было обсуждать на научном семинаре, но никак не спрашивать «человека с улицы». Однако доводы о том, что вынесение на референдум социально-экономических вопросов прямо запрещено законодательством и что ответы на разные вопросы могут прийти в противоречие друг с другом, съездовское большинство слушать не стало. Ведь именно второму вопросу оппозиция отвела коронное место в бюллетене: голосование миллионов людей, брошенных в водоворот экономических преобразований, должно было нанести сокрушительный удар по реформаторам в правительстве и президенту.

Еще два симметричных вопроса предназначены были выяснить мнение граждан о досрочных выборах президента и депутатов. В ходе обсуждения их формулировок депутаты, освобождая себе поле для маневров, убрали дату «1993 год». Даже получив однозначный вердикт избирателей в пользу досрочных выборов, можно было бы назначить выборы президента, скажем, на 1993 г., а парламента — на конец 1994-го или даже начало 1995-го. А затем провалили задевавшую каждого поправку Равката Чеботаревского, Ивана Савченко и др., согласно которой результаты голосования по досрочным перевыборам депутатов должны оцениваться по каждому избирательному округу отдельно. Поскольку совестливые авторы предложения были коммунистами, его не поддержали и многие демократы⁷¹.

Острые споры разгорелись о том, как следует подводить итоги голосования: следует ли большинство исчислять от числа

граждан, имеющих право быть внесенными в список для голосования, или же от числа принявших в нем участие. Понятно, что в зависимости от того, какое из этих двух чисел берется за основу расчета, итоги референдума по каждому вопросу могли бы получить, как и произошло на деле, противоположное истолкование. Согласно закону о референдуме 1990 г. решения по конституционным вопросам должны были приниматься большинством от всех лиц, имеющих право на участие в референдуме, по всем остальным — от реально принявших в нем участие. Юридически корректно было бы выяснить, какие из вынесенных на референдум вопросов носят конституционный характер, а какие нет. Но у большинства депутатов, в том числе у тех, кто не устанно твердил о защите Конституции, преобладал прагматический интерес. В соответствии с ним в проекте постановления было записано, что решения по всем четырем вопросам принимаются большинством от списочного числа. Считать противники президента умели, и они быстро сообразили, насколько выгоден им такой способ подсчета. По первому, второму и четвертому вопросам (о доверии президенту, его политике и о досрочных выборах депутатов) им легче было выиграть референдум, если доля поддерживающих исчисляется от максимальной цифры: чем она больше, тем менее вероятно, что большинство выразит доверие президенту и выскажется за досрочные выборы⁷².

Тщетно Сергей Шахрай, приводя всевозможные юридические, политические и моральные аргументы, добивался, чтобы итоги голосования устанавливались в соответствии с законом о референдуме. «Я не прошу вас поддержать поправку Президента — это дело почти безнадежное, — говорил он, обращаясь к враждебно настроенному залу. — Это вопрос сохранения вашего авторитета. Вопрос сохранения уважения к Съезду. Очевидный конституционный вопрос надо решать очевидным способом». Поправка, естественно, была отклонена. Но тут произошло неожиданное. Выступил один из лидеров «Смены» Андрей Головин. Я редко соглашаюсь с Шахраем, сказал он, но в данном слу-

чае его аргументация верна. Головин предложил разделить вопросы референдума на две группы. Третий и четвертый носят конституционный характер, так как положительный ответ на них предполагает проведение досрочных, не предусмотренных Конституцией выборов. Они требуют большинства от списочного состава. Иное дело — первые два вопроса: они не влекут за собой правовых последствий, имеют «консультативно-моральный характер». По этим вопросам «мы можем написать любую норму, это все равно ничего не будет означать... Мы просто сообщим цифру избирателей, поддержавших Президента...». Уставшие к концу четырехдневного марафона депутаты реагировали не столько на аргументацию, сколько на фигуру того, кто с нею выступал. Маятник голосования качнулся, но не достиг требуемой отметки: не хватило 3 голосов. Через 20 минут Головин добился повторного голосования, и его поправка была принята. Но это был еще не конец. Возник раскол в «Смене», и через час переголосования потребовал другой ее лидер Игорь Муравьев. На этот раз маятник двинулся в противоположную сторону, и первоначально записанная норма была восстановлена⁷³. Споры этому, исход которого имел ключевое значение для дальнейших событий, предстояло получить завершение в Конституционном суде.

Незадолго до закрытия Съезда произошли еще два эпизода, сами по себе малозначительные, но обозначившие реальное соотношение сил. Первый — выступление Юрия Лужкова. Накануне вечером один из не очень заметных, а потому малоузнаваемых депутатов по дороге из Кремля в гостиницу «Россия», выйдя из коридора, охраняемого милицией и огороженного турникетами, вступил в спор с разгоряченными гражданами. В ходе «дискуссии» он, по его словам, получил «ушибленную рану головы и сотрясение головного мозга». На следующее утро безобразное, но заурядное рукоприкладство было подано на Съезде как «разгул, разбой и расправа над народными депутатами». (Об агрессии на антипрезидентском митинге, проходившем под лозунгами «Долой оккупационное правительства Ельцина!», «Депутат, до-

бей гадину!» и т. п., страдальцы, естественно, не вспоминали.) Лужков был вызван «на ковер», но тон его выступления депутатам от оппозиции не понравился. Один из них предложил тут же решением Съезда снять Лужкова с работы, на что получил ответ: «Простите, ничего у вас не получится. Мэр избран москвичами, и москвичи вправе это сделать, но, простите, не Съезд»⁷⁴. Демократов эта отповедь привела в восторг, но не навела на полезные размышления. Считалось, что известное положение ст. 104 Конституции о праве Съезда принять и рассмотреть любой вопрос представляет серьезную угрозу российской демократии. На деле эта реликтовая норма, хотя и находилась в противоречии с принципом разделения властей, не могла действовать при данном соотношении сил. Это и напомнил депутатам московский мэр.

В данном случае можно было бы еще сказать, что депутаты замахнулись на неподвластный им региональный уровень. Но примерно в те же дни разгорался еще один мини-скандал. Раздраженный поведением Съезда, пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков сделал весьма нелестное для депутатов заявление, не лишённое, по его собственному позднему признанию, «доли политической вульгарности». Съезд, сказал Костиков, «потерпев поражение в позорном намерении лишиться посредством фальшивой и антиконституционной процедуры всенародно избранного Президента власти, не извлек никаких уроков из своего политического фиаско... поставил себя выше и вне закона, вышел за рамки демократической и российской цивилизации... превратил себя в мстительную коммунистическую инквизицию...» и т. п. Члены «Российского единства» встали в позу оскорбленной невинности. Некоторые демократические депутаты тоже сочли, что «Костиков позорит честь и достоинство Президента, ... настоящих демократов». Съезд предложил президенту «освободить от занимаемых должностей лиц... наносящих ущерб стабильности конституционного строя и возбуждающих общественное недовольство»⁷⁵. Нечего и говорить, что президент не удостоил этот призыв даже ответом.

Все это необходимо иметь в виду при оценке исторического места IX Съезда. Его итогами были не удовлетворены обе стороны. «Съезд проигран и проигран бездарно, — говорил Анатолий Собчак на «узком совещании», созванном вскоре Ельциным. — Замах был на окончательные и силовые действия. Но где они? Их не было. И в результате снова все провисло». Сходные претензии высказали и другие участники этого совещания⁷⁶. Как писал позднее и Владимир Исаков, это был «Съезд неиспользованных возможностей»: 28 марта Ельцин «был на грани полной и окончательной утраты власти», но Съезд продемонстрировал «слабость и неоднородность сил оппозиции... Атмосфера схватки вскружила голову»⁷⁷. Совпавшие оценки антагонистов вытекали из того, что крайние силы в обеих коалициях были ориентированы на победу. В категориях победы—поражения оценивал произошедшее и сам Ельцин, так и не сумевший однозначно оценить, что же произошло на Съезде: «Правильно сработала моя жизненная тактика: играть на победу. Играть только на победу... Да. Это была победа... Но, с другой стороны, это было и поражение». «Еще одна такая победа, — комментировал В. Третьяков, — и побеждать будет некому»⁷⁸.

IX Съезд выявил дальнейшие передвижки в расстановке сил в парламенте, в решающей мере спровоцированные телевизионным обращением президента 20 марта, которое депутаты в общем справедливо оценили как репетицию не доведенного до конца государственного переворота. Число сторонников президента в парламенте сократилось до двухсот с небольшим. Максимум, который они могли собрать в голосованиях по острым вопросам, не превышал 250—270. Ядро оппозиции выросло до 450—475. Теперь уже без ее согласия провести было ничего нельзя. Вместе с колеблющимися, но тяготеющими к антипрезидентским силам депутатами оппозиция могла мобилизовать в рядовых ситуациях свыше 500 голосов, а в момент, потребовавший максимального напряжения сил, — 617. Этого было недостаточно для импичмента и изменения Конституции (скажем, для упразднения поста пре-

зидента или превращения его в чисто декоративный), но консолидировало парламент как политический институт, бесповоротно противостоящий исполнительной власти.

То, конечно, не была армия Хасбулатова. Настоящие мотивы показной «примирительной» позиции спикера и его участие в провалившейся инициативе, взбудоражившей Съезд, не укрылись от внимания прессы. Еще в день открытия Съезда «Комсомольская правда» писала: «Р. Хасбулатов прекрасно понимает, что депутатскому большинству он нужен только в качестве испытанного бойца с Президентом. Между отставкой Ельцина и его собственной — дистанция максимум в несколько дней... Поэтому задача спикера достаточно сложна: используя натиск депутатского большинства, заставить Ельцина смириться с фактическим лишением его полномочий предыдущим Съездом. С другой стороны — сдерживать агрессивную оппозицию любой ценой и снять вопрос о президентском импичменте, — по крайней мере, на этом Съезде»⁷⁹. Что он и попытался проделать, выйдя докладывать рожденный в ночных бдениях документ. Раз не оставалось более или менее значительного по численности «болота», его дирижерская палочка утрачивала силу. Истинные кукловоды — лидеры агрессивной оппозиции дали ему понять: отныне его роль — попутчик, и только по прагматическим соображениям он оставлен на высоком посту. Достижения при голосовании кружили голову: антипрезидентская оппозиция все более впадала в «парламентский кретинизм» — болезнь, которая была известна еще в XIX веке. В неправовом, нестабильном обществе, не располагая почти ничем, кроме большинства на Съезде (отход от Ельцина части его прежних сторонников тогда еще не означал, что он утратил поддержку в обществе), оппозиция позволяла себе занимать бескомпромиссные позиции.

В отношениях президента и парламента, каким он стал к IX Съезду, произошел окончательный перелом. После всего, что было сказано и проголосовано, после неудавшейся попытки импичмента примирение было невозможно и политически, и — что, мо-

жет быть, еще важнее — психологически. Неудавшихся подлостей люди не прощают, говорил Талейран, а именно так расценивал произошедшее Ельцин, в чем его поддерживали советники. Правда, комбинация с референдумом, разыгранная на Съезде, вывела игру из патовой ситуации. На месяц. Ибо лукаво задуманные и предписанные правила зачета итогов референдума, как можно было предположить и как оказалось на самом деле, не позволяли найти конституционный выход из положения. Противостояние просто переводилось в другую плоскость. «Кто же выиграл? — ставила вопрос газета, старавшаяся занимать объективную позицию, и отвечала: — да никто. Цугцванг — это когда в шахматах надо ходить, но любой ход ведет лишь к ухудшению позиции. Остается только пугать друг друга, провоцировать на резкие, самоубийственные ходы и симулировать активность. Ждать, пока ошибется противник, и подталкивать его к этому. Между тем, игры играми, а позиция на этой шахматной доске — ситуация в стране. Кризисная, голодная, накаленная до предела, а теперь еще поляризованная до предела...»⁸⁰.

Как только IX Съезд закончился, начали ломать стены зала, в котором проходили все девять Съездов. Депутатам здесь уже не суждено было появиться вновь. Обратимся еще раз к образам римской истории. «Настали иды марта!» — говорит в шекспировской пьесе Цезарь, вообразивший, будто предсказанная беда на этот раз миновала. «Но, Цезарь, не прошли...» — отвечает ему прорицатель⁸¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья, опубликованная в газете «Московские новости» 14 марта 1993 г.

² Постановление ВС РФ «О повестке дня VIII (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации». — Архив автора; Восьмой (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации 10—13 марта 1993 г.: Стенографический отчет. — М., 1993. — С. 7—43, 410.

³ Там же. — С. 3—6.

⁴ Там же. — С. 43.

⁵ Там же. — С. 45—49.

⁶ Там же. — С. 49—51.

⁷ Там же. — С. 51—67.

⁸ Там же. — С. 213—215.

⁹ Там же. — С. 73.

¹⁰ Там же. — С. 103—104.

¹¹ Проект постановления СНД РФ «О мерах по осуществлению конституционной реформы в Российской Федерации (О постановлении VII СНД РФ “О стабилизации конституционного строя Российской Федерации”)». — Архив автора. Принятый текст постановления см.: Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 415—417. В первый день работы Съезд отклонил наскоро подготовленный редакционной комиссией проект постановления (за — 420, против — 375 голоса). На следующий день было проведено рейтинговое голосование по трем представленным проектам постановления: президента (за — 382 голоса), руководителей республик и глав администраций (за — 526 голосов) и редакционной комиссии (за — 623 голоса). Последний и был принят за основу 665 голосами, почти конституционным большинством (Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 139, 173).

¹² Там же. — С. 264—265.

¹³ Там же. — С. 148—160.

¹⁴ Запись на заседании редакционной комиссии VIII СНД 11.03.1993. — Архив автора.

¹⁵ Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 164. «Правительство не подконтрольно парламенту, а надо, чтобы оно было подконтрольно», — бросил в одной из своих реплик как бы мимоходом Хасбулатов (Там же. — С. 201).

¹⁶ Там же. — С. 311—312.

¹⁷ Там же. — С. 313, 314, 327.

¹⁸ Проекты постановлений VIII СНД «О всероссийском референдуме». — Архив автора.

¹⁹ Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 418—419.

²⁰ Там же. — С. 418.

²¹ Там же. — С. 140—146.

²² О состоянии конституционной законности Российской Федерации (Рос. газ. — 1993. — 11 марта).

²³ Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 194—201. Тема эта была продолжена в выступлении Бориса Золотухина, показавшего, что одним из своих распоряжений Хасбулатов «назначил себя то ли управляющим, то ли заведующим Верховным Советом». Золотухин предложил упразднить пост председателя ВС (Там же. — С. 215—216). Предложение это, естественно, не вызвало поддержки на VIII Съезде, но получит неожиданное продолжение на IX.

²⁴ Запись на Круглом столе «Консерваторы и либералы в будущем России». 14.03.1993. — Архив автора.

²⁵ Надежда, например, сохранялась у 13 и 17% респондентов (Общественное мнение-2002 / ВЦИОМ. — М., 2002. — С. 21).

²⁶ Реформа по Гайдару: 500 дней спустя. Доклад, подготовленный в апреле 1993 г. группой экономистов во главе с Е. Ясиным и при участии С. Алексашенко, И. Липсица, А. Нецадина, Д. Никологорского, В. Волконского, А. Илларионова, М. Задорнова и др. — М., 2002. — С. 179. — (Эксперт. ин-т / Избр. докл.).

²⁷ Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 396. Еще более значительной представлялась Хасбулатову его собственная роль. Если бы Ельцин видел, писал он позднее в своих мемуарах, «...что я боюсь его, парламент был бы разогнан еще в 1992 году. Если бы меня не терзали и слева, и справа, думаю, он не стал бы готовиться к перевороту и в сентябре 1993 года — не решился бы» (Хасбулатов Р. Великая российская трагедия. — Т. 1. — М., 1994. — С. 101).

²⁸ Документ «О политической ситуации после VIII СНД РФ», принятый на расширенном заседании Совета фракции «Согласие ради прогресса» 10.03.1993.

²⁹ Именно так оценивал ход событий и сам Ельцин: «После восьмого Съезда я стоял перед серьезным выбором. Либо Президент превращается в номинальную фигуру и вся власть в стране переходит к парламенту. Либо я должен предпринять какие-то шаги, которые бы разрушили создавшийся дисбаланс» (Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 305).

³⁰ На последнем направлении борьба шла с переменным успехом. Депутаты, да и некоторые министры под флагом «поддержки производства» добивались государственных дотаций, федеральных программ, требовавших обильных централизованных капиталовложений, ассигнований на поддержку регионов и т. п. Но, замечает Гайдар, «если бы все принятые правительством в первой половине 1993 года решения в полной мере финансировались, крах денежной системы, гиперинфляция стали бы неизбежными» (Гайдар Е. Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 254—255).

³¹ Восьмой (внеочередной) Съезд... — С. 264. Ту же мысль он повторит в мемуарах: «Когда на тебя в упор или украдкой смотрят ухмыляющиеся, уверенные в полной своей безнаказанности депутаты — сложно точно и адекватно реагировать. Вы не представляете, какая это тяжесть» (Ельцин Б. Указ. соч. — С. 304).

³² Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 289—290. «На том памятном совете, — не без иронии замечает Попцов, — все убеждали Президента, что на VIII Съезде он не проиграл, а выиграл» (Попцов О. Хроника времен «царя Бориса». — М., 1995. — С. 265).

³³ «Когда собираешь Совет из людей, которые думают так же, как сам президент, получаешь соответствующие рекомендации», — суммировал общую реакцию членов фракции Юрий Нестеров (Запись встречи депутатов фракции «Согласие ради прогресса» с С. Ковалевым 18.03.1993. — Архив автора).

- ³⁴ Ежедневные новости агентства «Postfactum». — 1993. — 10.03. — 17:30.
- ³⁵ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 17 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 21 марта 1993 г. — С. 41.
- ³⁶ Там же. — С. 9, 20, 25, 30, 40.
- ³⁷ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 120.
- ³⁸ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 307.
- ³⁹ Эпоха Ельцина... — С. 288, 291, 298—300.
- ⁴⁰ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 17... — С. 16.
- ⁴¹ Эпоха Ельцина... — С. 290—291; Филатов С. Совершенно несекретно. — М., 2000. — С. 270—272. Идея заручиться поддержкой вице-президента и секретаря Совета безопасности, «сделать их союзниками», принадлежала Филатову. Но Скоков и слушать не захотел, а Руцкой принялся сначала переписывать текст указа, но после консультаций со Скоковым поставить визу отказался.
- ⁴² Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 17... — С. 12—14.
- ⁴³ Третьяков В. Президент играет ва-банк (Независимая газ. — 1993. — 23 марта; Он же. Русская политика и политики в норме и патологии. — М., 2001. — С. 113).
- ⁴⁴ Костиков В. Роман с президентом. — М., 1997. — С. 173.
- ⁴⁵ Эпоха Ельцина... — С. 294.
- ⁴⁶ Заключение Конституционного суда Российской Федерации о соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 года (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — 1 апр. — № 13. — Ст. 466).
- ⁴⁷ Особые мнения судей Конституционного суда Э. М. Аметистова, Н. В. Витрука, Т. Г. Морщаковой в связи с заключением Конституционного суда Российской Федерации о соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина... (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — 1 апр. — № 13. — Ст. 466).
- ⁴⁸ Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации. 26—29 марта 1993 г.: Стенографический отчет. — М., 1994. — С. 31—32.
- ⁴⁹ Там же. — С. 34—35, 119—120.
- ⁵⁰ Там же. — С. 4—6. Такой хитроумный прием закрепления у власти был уже опробован и Иваном IV, и Сталиным.
- ⁵¹ Там же. — С. 41—45.
- ⁵² Там же. — С. 52, 60, 135—136, 89, 97, 157, 127—133, 103—109, 45—49, 143, 116, 71.
- ⁵³ Мой коллега, пути которого пересекались с Андроновым в журнале «Новое время» в 50-х годах, рассказывал, что еще тогда, лишь только возникала не-

обходимость поручить кому-либо особенно грязное дело — написать лживую статью, произнести верноподданническую речь на собрании — «привлекали Иону». Таким он запомнился и мне в качестве депутата. «Одним из солдат “холодной войны”, излагавшим на Съезде сталинскую концепцию», назвал его Сергей Ковалев. См.: Девятый (внеочередной) Съезд... — С. 114.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Первое предложение голосовалось дважды: за него было подано соответственно 315 и 342 голоса, второе поддержали 475 депутатов (Там же. — С. 163—167).

⁵⁶ Там же. — С. 189—199.

⁵⁷ Там же. — С. 201—203.

⁵⁸ *Хасбулатов Р.* Великая российская трагедия. — Т. 1. — М., 1994. — С. 113—116. Автор мемуаров сетует на непорядочность контрагентов, которые таким образом его «подставили» («Откровенно говоря, видя их трусость, я их просто презирал в этот момент»). Хасбулатов утверждает, будто в текст проекта, розданного депутатам, не было внесено положение об одновременных выборах. Однако имеющаяся документация это не подтверждает.

⁵⁹ Девятый (внеочередной) Съезд... — С. 207—209, 211—213.

⁶⁰ За него было подано 130 голосов, против — 687, воздержались 31 (Там же. — С. 247).

⁶¹ Там же. — С. 245, 227.

⁶² Накал страстей в зале в те часы был так велик, что немедленно заняться импичментом требовали не только люди с замутненным сознанием, но и те лидеры оппозиции, которые, как Рыбкин, отличались здравым взглядом на вещи (Там же. — С. 221).

⁶³ Характерно, что число его сторонников к этому времени даже сократилось: 302 — за, 305 — против, 52 воздержались (Там же. — С. 254).

⁶⁴ Накануне предложение о включении вопроса об импичменте не прошло. За него было подано 475 голосов, против — 337, 46 воздержались (Там же. — С. 167, 257).

⁶⁵ Эпоха Ельцина... — С. 306—310; *Костиков В.* Указ. соч. — С. 176—178; *Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 262—264; *Russia and CIS Today / RFE/RL Research Inst. // ITAR-TASS Daily News.* — 1993. — March 28.

⁶⁶ Несмотря на возражения, Съезд постановил, чтобы члены счетной комиссии были направлены с бюллетенями даже в больницы, где находились некоторые депутаты.

⁶⁷ Девятый (внеочередной) Съезд... — С. 311. И сторонники, и противники президента (первые, видимо, еще не оправившись от пережитой опасности, вторые, стремясь внушить, как близка была победа), поразительным образом путаясь в цифрах, преуменьшают «недостачу» голосов за импичмент. Помощники президента утверждают, что не хватило «около 30 голосов» (Эпоха Ельцина... —

С. 309), Воронин — «каких-то единиц» (Воронин Ю. Свинцом по России. — М., 1995. — С. 30); Хасбулатов — «нескольких» (Хасбулатов Р. Указ. соч. — С. 117).

⁶⁸ В данном случае требовалось простое, а не конституционное большинство. См.: Девятый (внеочередной) Съезд... — С. 312.

⁶⁹ Там же. — С. 264—265, 313.

⁷⁰ Гайдар Е. Указ. соч. — С. 264.

⁷¹ Формулируя вопросы, выносимые на референдум, депутаты прикидывали, какова вероятность их вторичного избрания и как может выглядеть ответ по социально-экономической политике. В их распоряжении были данные опросов, проводимых социологической службой ИСПИ — института, по политической ориентации близкого ВС. На вопрос «Голосовали ли бы Вы опять за того же кандидата, что и прежде, в марте 1993 г.?» положительный ответ дали 10% опрошенных, отрицательный — 52%. На вопрос же «Как сказался переход на свободные цены на Вашем экономическом положении?» 21% респондентов ответили «Денег пока хватает», 67% — «Денег не хватает» и 8% — «Иногда голодаем» (Социальная и социально-политическая ситуация в России: Состояние и прогноз. — Ч. 2 / ИСПИ РАН. — М., 1993. — С. 13, 21).

⁷² Правда, по третьему вопросу такая норма работала в пользу президента, но депутатам было важнее сохранить себя, а отставки Ельцина добиваться голосованием по первым двум вопросам. Тем более что он, будучи уверен в народной поддержке, публично пообещал добровольно подать в отставку, если не получит доверия на референдуме.

⁷³ Девятый (внеочередной) Съезд... — С. 397—399, 404—405, 411, 428—429, 544—545, 551.

⁷⁴ Там же. — С. 315—316, 362—364.

⁷⁵ Там же. — С. 382—383, 462; Костиков В. Указ. соч. — С. 170—171; Russia and CIS Today / RFE/RL Research Inst. // ITAR-TASS Daily News. — 1993. — March 29.

⁷⁶ Эпоха Ельцина... — С. 311—312.

⁷⁷ Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 287—290.

⁷⁸ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 311; Третьяков В. Указ. соч. — С. 125.

⁷⁹ Комсомол. правда. — 1993. — 26 марта. К концу Съезда дело уже обстоит иначе. Можно согласиться с О. Попцовым в том, что с самыми серьезными потерями с IX СНД ушел Хасбулатов: «Самостоятельность Хасбулатова перестала быть таковой. Спикеру “погрозили пальцем”, спикера предупредили. То, что замысел удался, показали все следующие месяцы. И теперь, по законам логики, сам Хасбулатов обостряет ситуацию в отношениях между парламентом и президентом, дабы скрыть свою несамостоятельность» (Попцов О. Указ. соч. — С. 326).

⁸⁰ Россия. — 1993. — 5 апр.

⁸¹ Шекспир У. Полн. собр. соч. — Т. 8. — М., 1959. — С. 263.

глава 19

Апрель: непочетная ничья

Хорошее начинание, но не для нашего климата.

Фазиль Искандер

НА ПУТИ К РЕФЕРЕНДУМУ

Апрель 1993 г. прошел под знаком скоротечной кампании референдума. Понимая, сколь высоки ставки, каждая из сторон напрягала все силы, не особенно задумываясь над средствами. В первые дни месяца рекомендации гражданам, как им следует отвечать на вопросы, дали все политические силы. Основных позиций было две.

Под девизом «Нет — нет — да — да» на референдум шли главные силы оппозиции: Фронт национального спасения и его парламентский блок «Российское единство», почти все коммунистические и национал-патриотические организации. Как раз в это время коммунисты, оправившись от послеавгустовского шока и получив щедрый подарок от Конституционного суда, перестраивали свои ряды. Социалистическая партия трудящихся (СПТ), созданная осенью 1991 г. по инициативе Ивана Рыбкина, а также союзных депутатов Роя Медведева и Анатолия Денисова под знаменем обновления коммунизма, на время стала «крышей» для всего актива КПСС и КП РСФСР. Теперь, однако, эти

люди (нередко до 90% организаций СПТ) покидали свое временное пристанище и вливались в воссоздаваемую во главе с Геннадием Зюгановым КПРФ — как раз накануне IX Съезда. Ту же позицию поддержали и мелкие партобразования, возникшие после распада КПСС: Союз коммунистических партий (СКП — КПСС), который возглавил выпущенный из тюрьмы гэкачепист Олег Шенин, трансформировавшаяся из Марксистской платформы в КПСС Российская партия коммунистов и др.

Национал-державнические силы разных оттенков представляли различные организации. Относительно умеренные Российский общенародный союз во главе с Сергеем Бабуриным и Николаем Павловым, а также часть Российского христианско-демократического союза, пошедшая за Виктором Аксютинцем. Агрессивно-ксенофобский, собиравший под свои знамена люмпенов Русский национальный собор генерала Александра Стерлигова. Экзотическая ЛДПР, созданная еще в 1989 г. как псевдопартия, но заявившая о себе в дни избирательного прорыва Владимира Жириновского на президентских выборах 1991 г. Впрочем, в национал-державнические тона изначально была окрашена и КПРФ, вошедшая, в отличие от СПТ, во Фронт национального спасения. Позицию, объединившую столь разнородные силы, поддержали и некоторые организации квазицентра. Наиболее заметной среди них была фракция «Смена — Новая политика», не имевшая своей политической организации в стране, но получившая широкую известность благодаря активности ее депутатов у микрофонов.

С призывом проголосовать «Да — да — нет — да» выступили демократические организации пропрезидентской ориентации. Демократическое движение переживало не лучшие времена. «Демократическая Россия», прошедшая череду кризисов и расколов, к этому времени выступала в трех лицах: фракции на СНД, едва набиравшей 50 членов; парламентского блока, который трансформировался в «Коалицию реформ», объединившую фракции «Демократическая Россия», «Радикальные демократы» и депута-

тов, которые вошли в нее на индивидуальной основе, а также общественной организации, с индивидуальным и коллективным членством. В 1992—1993 гг. предпринимались настойчивые попытки собрать под общим зонтиком распавшуюся демократическую коалицию. Еще в сентябре 1992 г. была создана более широкая организация — «Демократический выбор», в который вошли 26 участников июльского Форума сторонников реформ (в том числе 11 коллективных членов «Демократической России»). А в дни мартовских потрясений было объявлено о создании Общественного комитета демократических организаций России (ОКДОР), в который направили своих представителей около 90 партий и организаций, в том числе ряд творческих союзов интеллигенции, возглавлявшихся популярными деятелями культуры.

Общий настрой в демократической коалиции задавали радикальные элементы, не одобрявшие уступки президента консервативному парламенту. В заявлении по итогам IX Съезда ОКДОР утверждал, что Съезд узурпировал власть в стране, лишил ее правового пространства, открыл путь политической цензуре и тем самым «фактически завершил свое оформление в виде руководящей и направляющей структуры КПСС». Демократы до конца года (а многие из них — и после того) будут в своей стратегии апеллировать к той начавшей убывать части общества, в сознании которой страх перед возвращением прежнего режима превалировал над разочарованием в реформах. В открытом письме Ельцину представители многих организаций, вошедших в ОКДОР, предложили наряду с референдумом провести опрос и задать на нем гражданам дополнительные вопросы: о сохранении СНД как высшего органа государственной власти, о принятии Конституции Учредительным собранием, которое должно быть созвано не позднее 1993 г., и о закреплении в Конституции права частной собственности на землю¹. Впрочем, массовость и организаторские возможности сторонников президента не следует преувеличивать: подавляющее большинство вошедших в ОКДОР организаций опиралось на весьма ограниченную член-

скую массу, а активисты занимали руководящие посты во многих из них одновременно.

Конечно, активности демократической интеллигенции, не потерявшей еще к тому времени связь с массовыми слоями народа, предстояло сыграть немалую роль в исходе референдума. Но на первый план стали выдвигаться факторы иного рода — еще не увядшая харизма Ельцина, перевес в средствах массовой информации и воздействие на избирателей, которое чуть позже получило название административного ресурса. Вклад президента в кампанию был огромен. Склонявшийся — по этическим соображениям — вначале к тому, чтобы призвать избирателей дать положительный ответ на все вопросы², он санкционировал алгоритм «Да — да — нет — да», повторенный многомиллионными тиражами в газетах, листовках, радио- и телепередачах, на уличных билбордах, образец которого я здесь воспроизвожу (см. с. 294—295). Ельцин внимательно следил за ходом кампании, встречался с экспертами, лидерами общественного мнения, журналистами, колеблющимися руководителями предпринимательских союзов, совершал поездки по стране. Он был собран, энергичен, находчив в ответах на неловкие вопросы — казалось, перед гражданами представал прежний политик, уверенный и заражавший уверенностью.

Помимо двух основных алгоритмов ответов на вопросы референдума избирателям был предложен еще ряд вариантов. Более жесткую позицию, чем предлагал занять национал-коммунистический блок, рекомендовали анпиловская «Трудовая Россия» и еще менее влиятельные остатки бывших «приводных ремней» КПСС — комсомол, Союз советских женщин, а также ужесточившая к середине месяца свою позицию Российская коммунистическая рабочая партия, выросшая из ортодоксально-люмпенского Движения коммунистической инициативы, которое заявило о себе в первые перестроечные годы.

Большая часть центристов — Гражданский союз, в который на коллективной основе входили, сохраняя некоторую обособлен-

ность, Демпартия Николая Травкина, Всероссийский союз «Обновление», а также тогда еще не расколовшаяся руцкистская Народная партия свободной России, — после споров, приводивших к расколам, выбрала промежуточную позицию. Они оставили за самими избирателями выбор по первым двум вопросам и призвали поддержать досрочные выборы президента и парламента.

Очень непросто вырабатывала свою позицию фракция «Согласие ради прогресса». На собрании, к участию в котором она пригласила представителей ряда общественных организаций, говорили о непомерной цене проведения референдума («для победы на нем будут использованы государственные рычаги, будут раздаваться льготы, а это подтолкнет инфляцию») и высказывали сомнения в его успехе при установленных правилах зачета результатов голосования («необходимого числа голосов президент не наберет, поэтому искать надо способ, как избежать референдума — ведь это капкан, в который попали мы все»). Некоторые предлагали дистанцироваться от президента («выступать в его защиту — значит подвязываться к телеге, которая катится в пропасть») или, по крайней мере, «выразить удрученность его поведением». В последнее время поляризация общества усиливалась, возражали другие, для третьей позиции места нет. А если так, какие ответы должны рекомендовать депутаты фракции своим сторонникам? Может быть, вообще отказаться от каких-либо рецептов? Или зашифровать позицию так, чтобы умный понял, а неумный увидел то, что захочет? Но ведь положительные ответы на первый и четвертый вопросы соответствуют общей позиции фракции, а второй вообще абсурден³. В итоге этого несколько беспорядочного обсуждения мне было поручено подготовить заявление фракции, текст которого ниже воспроизводится⁴:

Фракция «Согласие ради прогресса» констатирует, что IX Съезд народных депутатов Российской Федерации не решил ни одной из проблем, лежащих в основе политического кризиса, переживаемого нашей страной.

Доверяете ли Вы Президенту
Российской Федерации
Б. Н. Ельцину ?

Да. ~~Нет.~~
(ненужное зачеркнуть)

Да

Одобряете ли Вы социально-
экономическую политику,
осуществляемую Президентом
Российской Федерации и
Правительством Российской
Федерации с 1992 года ?

Да. ~~Нет.~~
(ненужное зачеркнуть)

Да

Считаете ли Вы необходимым
проведение досрочных
выборов Президента
Российской Федерации ?

~~Да.~~ Нет.
(ненужное зачеркнуть)

Нет

Считаете ли Вы необходимым
проведение досрочных
выборов народных депутатов
Российской Федерации?

Да. ~~Нет.~~
(ненужное зачеркнуть)

Да

1081

Листовка

Демократы призвали ответить на вопросы референдума «да — да — нет — да». Их призыв был повторен многомиллионными тиражами в газетах, листовках, на уличных билбордах, постоянно звучал на радио и ТВ.

Если Вы хотите быть уверены
в своем завтрашнем дне —
то на вопрос: «Доверяете ли Вы Президенту?»
Вы ответите: «ДА!»!

Если Вы хотите жить в стране
с сильной и эффективной экономикой,
где каждый может работать и зарабатывать, —
то на вопрос: «Одобряете ли Вы социально
экономическую политику, осуществляемую
Президентом и Правительством?»
Вы ответите: «ДА!»!

Если Вы считаете, что Президент,
законно избранный народом, должен и может
нести ответственность за судьбу страны, —
то на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым
проведение досрочных выборов Президента?»
Вы ответите: «НЕТ»!

Если Вы хотите, чтобы депутаты думали о Вас,
а не о самих себе, — то на вопрос:
«Считаете ли Вы необходимым проведение
досрочных выборов народных депутатов?»
Вы ответите: «ДА»!

Вместе с тем мы считаем, что назначенный на 25 апреля 1993 года референдум может дать импульс к преодолению политического кризиса в интересах стабилизации экономической ситуации — несмотря даже на очевидное и саморазоблачительное стремление Съезда предопределить политические результаты референдума с помощью лукаво сформулированных вопросов и в особенности путем навязывания незаконной и откровенно дискриминационной по отношению к Президенту системы оценки результатов голосования.

Мы призываем граждан Российской Федерации принять максимально активное участие в референдуме 25 апреля 1993 года и высказаться по вынесенным на референдум вопросам следующим образом:

1. Доверяете ли вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

В сложившейся ситуации голосование против Президента открывает дорогу самым агрессивным силам оппозиции, угрожает реставрацией прежнего режима в новом идеологическом оформлении. Мы призываем ответить на этот вопрос «ДА».

2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

Это нечестный вопрос. За социально-экономическую политику несут ответственность также Съезд и Верховный Совет, неоднократно одобрявшие ее основные направления и важнейшие меры. Отрицательный ответ на этот вопрос оставляет неясным, какая политика должна быть предложена взамен, а положительный — с чем именно в этой политике согласны избиратели. Мы призываем не отвечать на этот вопрос, то есть вычеркнуть оба ответа — и «ДА», и «НЕТ».

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

Досрочные выборы Президента в принципе возможны, но такую норму следует ввести не в действующую, а в новую

Конституцию России. Досрочные выборы первого демократически избранного Президента России неизбежно приведут к дезорганизации структур исполнительной власти сверху донизу, что недопустимо в условиях радикального реформирования экономики страны. Поэтому мы предлагаем на этот вопрос ответить «НЕТ».

4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Мы стоим за замену громоздкой системы Съезд — Верховный Совет профессиональным парламентом, непосредственно избираемым гражданами России немедленно после внесения соответствующих изменений в Конституцию и принятия демократического избирательного закона. Мы будем делать всё, чтобы ускорить этот процесс. Поэтому мы предлагаем ответить на этот вопрос «ДА».

Так в общих чертах выглядела расстановка политических сил накануне референдума. Опросы, проводившиеся в марте 1993 г. различными социологическими службами, показывали бесспорный перевес президента над парламентом в общественном мнении. По данным ВЦИОМ, число поддерживающих президента либо доверяющих ему в 3—4 раза превышало число тех, кто выражал доверие или одобрение деятельности СНД и ВС. В сопоставлении же персональных рейтингов Ельцина и Хасбулатова разрыв колебался от 4 до 25 раз. Всю полноту власти готовы были передать президенту 47% опрошенных, СНД и ВС — 12%. Сторонниками «команды Ельцина» признавали себя 23% опрошенных, Гражданского союза — 6%, коммунистов и ФНС — по 5%). Еще более выразительную поддержку президента показывали опросы в Москве. Здесь в ходе опроса, проведенного сразу после телевизионного обращения Ельцина 20 марта, 48% респондентов одобрили его действия, 12% сочли их недостаточно жесткими, 4% — чрезмерно жесткими и 20% заявили, что они в принципе против его позиции⁵. Позиция москви-

чей имела особое значение, так как именно поведение жителей столицы оказывалось едва ли не решающим фактором, когда в ходе предшествовавших политических кризисов события выходили (или грозили выйти) за рамки конституционного поля.

Существовали, однако, два обстоятельства, которые не позволяли сторонникам президента спокойно относиться к этим данным. Во-первых, значительная часть граждан (по некоторым данным — до 40%) политически не определилась. За них, а также за неустойчивых сторонников развернулась настоящая информационная война, которую по мере приближения дня референдума обе стороны вели все более яростно.

16 апреля в Верховном Совете от имени Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью и коррупцией выступил Руцкой. Представленная им картина расхищения прежней государственной, якобы народной собственности удачливыми группами приватизаторов и бюрократов, гражданских и военных, была убийственной. По оценке ИМЭМО РАН, говорил он, отсутствие системы валютного контроля способствовало утечке из страны валютных средств, сырья и стратегических материалов на сумму около 17 млрд долл., а по оценке некоторых зарубежных экспертов — до 40 млрд. В связи с программой зарубежной гуманитарной помощи «в карманы спекулянтов перекочевало 40 млрд рублей». Вырученные доходы беспрепятственно уходили из России: в 1992 г. стоимость российского экспорта составила 38 млрд долл., в страну поступило 11 млрд. В колоссальных масштабах расхватывалась бывшая советская собственность за границей, в частности, имущество выводившихся из Германии войск. Вину за это Руцкой возложил на «зарвавшихся бывших и нынешних госчиновников из правительства», покрывающих их высокопоставленных сотрудников президента, а косвенно — и самого президента, запретившего Юрию Болдыреву в бытность его руководителем Контрольного управления передавать разоблачительные материалы в Межведомственную комиссию⁶.

Верны ли были цифры и факты, приведенные Руцким, судить трудно. Насколько мне известно, они не были убедительно ни подтверждены, ни опровергнуты. Несомненно, однако, что в докладе вице-президента был вскрыт лишь верхний слой той оргии незаконного и циничного обогащения, которая сопровождала превращение коллективной собственности советской партийно-государственной бюрократии в домены частной собственности. По прошествии лет люди, стоявшие в центре этих процессов, склонны относить все это к неизбежным издержкам демонтажа государственно-монополистического «социализма» (что действительно надо было осуществить срочно во избежание реставрации) и российской модели первоначального накопления капитала. Добро, однако, если бы шло реально накопление производительного капитала, участвующего в структурной перестройке российской экономики, а не разрастание паразитического потребления ново-старой элиты.

Все это так. Но выступление Руцкого, привязка «невиданного разграбления национального достояния» к курсу реформ, работающему будто бы только на коррупционеров, его апелляция к Верховному Совету стали эпизодом в борьбе, обострение которой вовсе не прибавляло государству способности вести эффективную борьбу с преступностью и коррупцией. Ибо ВС к этому времени утратил характер органа народного представительства и превратился в одну из сторон схватки. Он нес, пусть меньшую, чем исполнительная власть, но несомненную ответственность за разгул преступности и коррупции, в частности в силу того, что отвоевывал для себя прерогативы исполнительной власти⁷.

Громкие скандалы по поводу коррупции были, однако, впереди, а на повестке дня стояло преодоление эффекта психологической войны, которую развязывало выступление Руцкого. Трудно сказать, в какой момент этот сделавший головокружительную политическую карьеру офицер был окончательно потерян для Ельцина. Возможно, это произошло раньше. Во всяком случае, склонение Руцкого на сторону оппозиции усиливалось

с каждым месяцем, резкие заявления следовали одно за другим. Но и Ельцин обладал поразительной способностью — далеко не всегда на пользу себе и делу — как привлекать, так и отталкивать от себя людей, и сказать, что Руцкой сам был виноват в том, что с ним произошло, значит сказать не все. Как бы то ни было, теперь с ним повели борьбу на политическое уничтожение. В преддверии референдума Ельцин освобождался от людей ненадежных: с поста секретаря Совета безопасности был удален Скоков, а Руцкой — освобожден от всех президентских поручений.

Было, однако, и другое обстоятельство, вызывавшее тревогу: установленный постановлением IX СНД порядок подведения итогов референдума. Если еще можно было надеяться, что число пришедших на голосование превысит половину зарегистрированных граждан и референдум состоится, то рассчитывать на то, что такое же число отдаст голоса в соответствии с благоприятным для президента алгоритмом, было трудно. Сам Ельцин и его сторонники делали все, чтобы активизировать избирателей. Но этого было мало: требовалось во что бы то ни стало изменить уже объявленные правила игры. Еще при обсуждении этого вопроса на IX Съезде Шахрай сказал, что принятое решение будет опротестовано в Конституционном суде. Это и было сделано. Но, не дожидаясь судебного решения, на встрече с Зорькиным Ельцин сказал, что после 20 апреля он издаст указ о том, что в постановлении Съезда нарушены Конституция и закон о референдуме, а потому большинство следует исчислять от числа проголосовавших⁸. В ответ на это Хасбулатов пообещал, что ВС будет своими постановлениями отменять указы и распоряжения исполнительной власти, чтобы «минимизировать потери от постоянных и мощных ударов, которые наносят России Президент и его окружение»⁹.

Спор был решен постановлением Конституционного суда. 21 апреля он определил, что решение IX Съезда определять итоги референдума в зависимости от того, как проголосует большинство от внесенных в списки граждан, соответствует Консти-

туции для ответов на третий и четвертый вопросы (поскольку досрочные выборы действующей Конституцией не предусмотрены) и не соответствует — по первому и второму¹⁰. Это было полурешение, в равной мере, хотя и по-разному, удовлетворившее и не удовлетворившее каждую из конфронтирующих сторон.

ИТОГИ РЕФЕРЕНДУМА

25 апреля президент и демократы одержали последнюю победу (или точнее полупобеду) на конституционном поле. Обобщенные итоги референдума представлены в табл. 7.

Президент и его сторонники формально и фактически выиграли голосование по первому вопросу. Голосов за доверие Ельцину было подано в полтора раза больше, чем голосов против, — это был серьезный успех. По сути повторился, даже с небольшим превышением, результат, полученный на президентских выборах 1991 г., когда за Ельцина было подано 57,3% голосов в ситуации для него значительно более выигрышной, чем почти два года спустя. Пожалуй, еще более серьезным достижением были итоги голосования по второму вопросу. Перевес голосов здесь был менее внушительным, но не следует забывать, сколь каверзно этот вопрос был сформулирован. У граждан спросили, готовы ли они одобрить социальную политику, которая обрекла на неимоверные тяготы подавляющее большинство из них, — и связали эту политику исключительно с деятельностью исполнительной власти. Но вопреки расчетам оппозиции большинство на референдуме дало бесспорный положительный ответ, который не решались предсказывать аналитики президентской стороны в своих самых смелых предположениях. Стремясь принизить результаты полученного вотума, противники президента станут говорить, что выказало доверие и одобрило проводившуюся политику меньшинство граждан, имеющих право голоса. Однако механически присоединять не пришедших на голосование к чис-

**Таблица 7. Итоги голосования на референдуме
25 апреля 1993 г.**

Вопрос	Ответ	Число проголо- совавших, млн чел.	%		Число субъектов Федерации с преобла- данием соот- ветствующе- го ответа
			к общему числу зарегис- триро- ванных	к числу приняв- ших участие	
1. Доверяете ли Вы Президенту?	Да Нет	40,4 27,0	37,7 25,2	58,7 39,2	66 22
2. Одобряете ли Вы социальную политику, осуществляемую Прези- дентом РФ и прави- тельством РФ с 1992 г.?	Да Нет	36,5 30,6	34,0 28,6	53,0 44,6	53 35
3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ?	Да Нет	34,0 32,4	31,7 30,2	49,5 47,1	58 30
4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?	Да Нет	46,2 20,7	43,1 19,3	67,2 30,1	85 3

* Голосование состоялось в 88 субъектах Федерации. Чеченская Республика в референдуме не участвовала. В Татарстане участие в голосовании приняли 22,6% зарегистрированных граждан.

Примечание

Составлено и подсчитано по: Известия. — 1993. — 6 мая; Политический альманах России. 1997 / Моск. Центр Карнеги. — Т. 1. — М., 1998. — С. 382—385. Всего было зарегистрировано 107,3 млн граждан, имеющих право участвовать в голосовании. Бюллетени получили 69,2 млн чел. В голосовании по первому вопросу приняли участие 64,2% зарегистрированных граждан, по второму-четвертому вопросам — 64,1%. Недействительные бюллетени (порядка 2—3% от числа принявших участие в голосовании) не указаны.

лу проголосовавших против — хотя и распространенный, но крайне недобросовестный политический прием.

Менее однозначно могут быть оценены итоги голосования по третьему и четвертому вопросам. Хотя число тех, кто высказался за досрочные выборы парламента, существенно, на 12 млн чел., превысило число тех, кто считал, что на перевыборы должен пойти и президент, большинство в 1,5 млн участвовавших в референдуме все-таки на третий вопрос ответило «да», т. е. в соответствии с алгоритмом, предложенным оппозицией. Но еще важнее было то, что главной своей цели — удаления с политической арены СНД — президент не добился. Таковы были правила игры, изобретенные Съездом и санкционированные Конституционным судом. Хотя более двух третей участников референдума высказались за досрочные выборы депутатов, правовых последствий это не имело. В расстановке сил на государственном Олимпе была воспроизведена патовая ситуация: на досрочные выборы, как и прежде, требовалось добровольное согласие обеих сторон. Апрельский референдум, справедливо отмечал исследователь российского конституционного процесса И. Шаблинский, «войдет в историю государства и права России

как пример того, как не надо формулировать вопросы и подсчитывать результат»¹¹.

Было совершенно очевидно, что свои позиции, неприкрытую враждебность к президенту и его политике, нежелание идти на досрочные выборы депутатское большинство пересматривать не станет. Итоги референдума, правда, под определенным углом зрения можно было рассматривать как политический (хотя, конечно, не правовой) мандат, который большинство дало президенту на выход за рамки действовавшей Конституции. Многие сторонники будут позднее упрекать Ельцина за то, что он этого не сделал по горячим следам апрельского референдума. Но, во-первых, большинство голосовавших выражало доверие той политике президента, которую оно знало, но не той, о которой могло только догадываться, поскольку она все же не была заявлена открыто. Во-вторых, если итоги референдума интерпретировать как голосование большинства взявших бюллетени по всем, а не только по первым двум вопросам, то следовало бы проводить одновременно перевыборы и парламента, и президента, на чем, возможно, удалось бы расколоть оппозицию. Но к этому президент, по-видимому, не был готов и после референдума совместных перевыборов не предлагал. В-третьих, перевес президента, как видно из табл. 7, не был столь же ошеломляющим в разрезе регионов, как в целом по стране. Достаточно сказать, что перевес в 5,6 млн граждан, поддержавших социальную политику президента и правительства, над ее оппонентами был достигнут голосованием всего лишь в трех наиболее успешных регионах — Москве, Санкт-Петербурге и Нижегородской области. Примерно столько же дали Московская и три уральские области (Свердловская, Пермская и Челябинская). В этих 7 регионах жила треть граждан, одобрявших социальную политику¹².

Как и следовало ожидать, результаты референдума были по-разному оценены различными политическими силами. Главный вопрос заключался в том, что делать дальше. Как только итоги референдума были объявлены, депутаты демократических

фракций попытались реанимировать уже полюбившийся некоторым замысел: лишить Съезд кворума и тем самым подтолкнуть проведение досрочных выборов. Проекты на сей предмет выдвигались разнообразные — от прагматичных до фантастических¹³.

«Итоги референдума обязывают Президента действовать быстро и решительно», — писал член Президентского совета Отто Лацис. Голосование по четвертому вопросу показало, что депутатское большинство обладает лишь «весьма ограниченной легитимностью», поскольку большинства избирателей за ним нет. Поэтому «продолжение нерешительности» президента и правительства «в новых условиях было бы непростительным»¹⁴. Нерешительность Ельцина С. Филатов объясняет тем, что к моменту, когда были объявлены травмировавшие оппозицию результаты референдума («очухались они потом»), проект Конституции не был готов. Можно было бы поставить депутатов перед выбором: принимайте Конституцию, и мы дальше живем и работаем вместе, или Съезд будет распущен. Психологически тогда это могло пройти: морально оппозиционеры, и в особенности Хасбулатов, были подавлены. Агрессия появилась потом. Может быть, мы допустили ошибку: по итогам референдума Ельцин имел полное право распустить Съезд¹⁵.

Раздались, однако, и предостерегающие голоса, в том числе на страницах зарубежной прессы, благоволившей скорее президенту, чем парламенту. Весьма критически оценив проект новой Конституции, объявленный Ельциным в конце апреля, британская «Индепендент» в редакционной статье писала: «Борьба в России поворачивается в несколько иное русло, не обязательно в направлении, соответствующем интересам демократии. Борис Ельцин, который больше года был прижат к канатам на ринге, наносит ответные удары, предвкушая реванш... В каждый важный период истории преобразований в России, начиная с Петра Великого и заканчивая Михаилом Горбачевым, неизбежно вставал вопрос: может ли какой-либо лидер провести реформы в России таким образом, чтобы не поставить под вопрос саму реформу»¹⁶.

Переоценкой стратегии занялась и оппозиция. В последовавших одно за другим заявлениях Хасбулатова прочитывались и разочарование неожиданными для нее результатами референдума, и растерянность, и переход от попытки их истолкования как народной санкции на сохранение политического статус-кво — к заострению конфронтации. На заседании Президиума ВС, состоявшемся сразу, как только стали известны итоги голосования, Хасбулатов объяснил их воздействием «полторанинско-геббельсовской пропаганды», «информационного террора» и посетовал, что «не хватило трех дней, чтобы переломить общественное мнение»¹⁷. Через три дня он дает более сдержанную интерпретацию: «Победили не Ельцин и Хасбулатов, не правительство и парламент. Победил здравый смысл населения, которое не хочет гражданской войны. В этом смысле у нас ситуация не революционная, а конституционная. Это главный позитивный итог референдума»¹⁸. Но еще через две недели все мосты для него уже сожжены. В программной статье, опубликованной в коммунистической газете, он пишет: «Если первый референдум 1991 года привел к гибели Союз и положил начало развалу России, то референдум 25 апреля и последовавшие за ним первомайские кровавые события в Москве являются этапными в деле наступления на демократию в стране, на права человека, перерождении политического режима, осознающего свою неспособность мирными средствами не только проводить реформы, но и просто управлять страной»¹⁹.

В ВС Хасбулатов продолжил разгром тех немногих комитетов, во главе которых еще стояли демократы. Сначала был низведен до статуса комиссии (фактически ликвидирован) Комитет по вопросам экономической реформы и собственности, возглавлявшийся членом фракции «Демократическая Россия» Сергеем Красавченко. А затем настала очередь Комитета по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и изучению общественного мнения, ключевого в разворачивавшейся борьбе. Ранее, вопреки позиции членов этого комитета, был назначен его новый предсе-

датель: вполне управляемый спикером член фракции «Россия» Владимир Лисин. Но поскольку «вся рота» в отличие от «госпоина прапорщика» продолжала «шагать не в ногу», была осуществлена двойная операция. Из прежней структуры, насчитывавшей в момент образования 43 депутата, был выделен комитет по СМИ, а в новый комитет — «десантированы» ранее не входившие в него депутаты от оппозиции. Все это, разумеется, делалось под флагом равномерного политического представительства, но чистке подвергались только демократические комитеты²⁰.

Однако после референдума оппозицию уже не удовлетворяли игры в парламенте, где у нее теперь был устойчивый перевес. Была поставлена задача: комбинируя мирные способы борьбы с не совсем мирными и совсем не мирными, овладеть улицей. 1 мая это привело к кровавым событиям в столице. Столкновения национал-коммунистических демонстрантов с силами правопорядка случались и раньше, но это было самым массовым и жестоким.

Организаторы одной из двух проходивших в этот день в Москве демонстраций — предводители «Трудовой России» и других экстремистских организаций — попытались вопреки запрету мэрии вывести своих сторонников на Красную площадь. А когда на их пути поставили преграды, бросили на силы правопорядка свой авангард — около тысячи человек, вооруженных металлической арматурой и другими предметами, подобранными на стройках. Сотни людей были ранены, десятки госпитализированы, один сотрудник ОМОНа убит. Среди милиционеров раненых и изувеченных было больше, чем среди гражданских лиц. Подвергшиеся нападению силы правопорядка наносили ответные удары²¹.

По-видимому, побоище можно было предотвратить, если бы заранее были подготовлены средства, которые более опытная полиция в иных странах использует для бесконтактного разрешения подобных ситуаций: слезоточивый газ, водометы, резиновые и пластиковые пули. Удары сил правопорядка, вероятно, не всегда обрушивались на головы погромщиков, которые их заслужили. Однако основную ответственность за эти прискорбные события,

помимо провокаторов, призывавших к активным действиям и неподчинению силам правопорядка, должны были нести организаторы демонстрации и находившиеся в ее рядах депутаты от оппозиции. Первомайская демонстрация в столице была не первой и далеко не самой массовой. В 1990—1991 гг. не раз угроза столкновения витала над многотысячными шествиями, проводившимися демократами. Во многих из них мне довелось участвовать. Но ни разу организаторы, сдерживая подчас агрессию толпы, в которую могли затесаться провокаторы и просто неуравновешенные люди, не допустили столкновений.

Спровоцированные непримиримой оппозицией первомайские беспорядки в Москве стали заметной вехой в эскалации конфликта. Было проведено заседание Верховного Совета, на котором национал-коммунисты попытались возложить ответственность исключительно на милицию и ОМОН и устроить суд над московской и федеральной исполнительной властью. Было выдвинуто требование «разрешить гражданам России любые шествия и демонстрации при условии предварительного уведомления властей без всякого ограничения»²². Демократические организации оценили происшедшее по-разному. ОКДОР, известные общественные деятели, депутаты требовали от президента большей решительности в борьбе с экстремизмом — вплоть до запрета организаций, призывающих к насилию, введения чрезвычайного положения или даже прямого президентского правления, лишения неприкосновенности депутатов — участников и организаторов шествия — и роспуска ВС, если он откажется принять меры против зачинщиков беспорядков. Таково было преобладающее настроение в демократических кругах²³. Раздавались и иные голоса. Известный «мемориалец» Виктор Коган-Ясный утверждал, что в трагических событиях «виновны обе стороны: организаторы “манифестации” и правительство Москвы». Мы стоим сейчас, писал он, «перед выбором между, с одной стороны, объединенными силами сталинизма, русского национал-фундаментализма и коричневого фашизма и, с другой стороны, “демократического” либерал-фашизма...

Единственное честное, хотя и почти безнадежное, что сейчас остается, — это упорно и настойчиво искать “средний” путь»²⁴. «Безнадежную» попытку наметить такой путь предприняла фракция «Согласие ради прогресса». Осудив циничность агрессивной оппозиции и ее «готовность действовать, не выбирая средств», и отметив, что «одной из причин происшедшего явилось попустительство правоохранительных органов к лидерам непримиримой оппозиции», фракция заявляла, что трагедию «можно было предотвратить, если бы власти действовали более решительно и профессионально». Основной вывод звучал так: «Фракция решительно осуждает попытки, предпринимаемые радикалами различного толка, использовать первомайские события как для дискредитации Президента, так и для подталкивания его к действиям, выходящим за пределы Конституции и законов»²⁵. Фракцию не раз обвиняли в необъективности. Но объективность не есть равноудаленность. В обострении повинны были обе стороны, но не в равной мере.

Оппозиция, возбуждая страсти, развязывая подчас самые темные силы, сознательно провоцировала обострение ситуации и предъявляла собственные претензии на улицу. Сначала митинг, проведенный на высоких нотах провокации, а за ним — попытки прорыва, бесчинства хулиганов, поджигавших машины и громивших витрины, наконец, заседание Верховного Совета, где звучали речи, мало отличавшиеся от того, что говорили митингующие, — таков был ответ агрессивной оппозиции на итоги референдума.

Ситуация становилась все более запутанной и взрывоопасной. Мне она виделась в то время так.

ВЗГЛЯД ИЗ 1993 года

По горячим следам события ²⁶

<...> Я думаю, референдум закончился так, как и следовало ожидать: он дал определенный перевес президентской сторо-

не. Хотя нет окончательных результатов, уже очевидно, что Президент победил. Однако выигрыш не настолько сокрушитель, как хотелось бы сторонникам Ельцина. Поэтому остается главный вопрос: что будет после референдума? Смогут ли стороны найти согласие? На мой взгляд, это просто необходимо.

<...> Референдум показал: силы радикальной оппозиции, прежде всего ФНС, явно преувеличены.

Для меня приятным сюрпризом явились итоги голосования по второму вопросу: избиратели, несмотря на все спекуляции, сумели разобраться в обстановке и одобрили социально-экономический курс Президента и правительства.

Вместе с тем, я опасаюсь, что часть сторонников Президента воспримет результаты референдума как сигнал к известной вседозволенности.

Мне хотелось бы предостеречь от опрометчивых шагов, от эскапад, которыми грешил Президент. Продолжение борьбы необходимо вести, на мой взгляд, цивилизованно. <...>

«НО ИЗБИРАТЕЛИ ОКАЗАЛИСЬ УМНЕЕ»²⁷

— Виктор Леонидович, итоги прошедшего референдума весьма неоднозначны. Президент и его окружение празднуют победу, противники Президента дают референдуму иную оценку. Ситуация сходна с той, что сложилась на девятом Съезде народных депутатов, когда для импичмента не хватило 72 голосов и каждый оценил это по-своему: кому не хватило «целых 72 голоса», кому — «всего лишь 72». Как вы, сторонник Президента, можете охарактеризовать итоги референдума? Не заставляют ли призадуматься как те 617 голосов, поданных в свое время за импичмент, так и апрельский, не слишком большой перевес голосов в пользу Бориса Ельцина?

— Референдум, на мой взгляд, был относительной победой Президента и безусловным поражением агрессивной оппозиции. Правда, перевес Президента по ряду вопросов не обозначился с такой четкостью, чтобы ответы имели обязывающее юридиче-

ское значение. Но зато в итогах по второму вопросу был сюрприз. Вопрос был сформулирован, мягко говоря, лукаво: людям трудно, значит, они должны высказаться против социально-экономической политики Президента и правительства. Но избиратели оказались умнее тех, кто постоянно твердит об «ограбленном народе». Из ответа на этот вопрос можно сделать вывод: ни Съезд, ни Верховный Совет не вправе тормозить курс реформ.

Сюрприз иного порядка — ответ на вопрос о досрочных перевыборах народных депутатов. Вопрос о судьбе нынешнего депутатского корпуса остается открытым. Большинство избирателей, пришедших на референдум, ответили на этот вопрос положительно. Но их голосов не хватило для того большинства, которое поставило бы вопрос о перевыборах на повестку дня. И все же то обстоятельство, что законодательная власть обладает сегодня меньшей легитимностью, чем исполнительная, — очевидно. Впрочем, я не раз говорил до референдума, что самое главное будет после него.

— *Совершенно очевидно, что Президент после референдума изберет курс на ликвидацию нынешнего парламента.*

— Думаю, да. Этот депутатский корпус заслуживает переизбрания. Самое разумное, если бы он сам ускорил выборы и достойно ушел со сцены, занимать которую, думаю, он утратил моральное и политическое право. Гораздо больше перспектив данного парламента меня тревожит судьба российского парламентаризма как такового. Ведь он делает только первые шаги. Заседания Съезда и Верховного Совета хорошо известная группа депутатов превращает в безобразный стриптиз у микрофонов. И многие начинают думать, что это и есть парламентаризм: ведь в России другого парламента не было. Депутатский корпус требует все больше прав, но персонально ни один депутат не отвечает за последствия принимаемых решений ни в экономике, ни во внешней политике. Обличая правительство, объявляя его виновником всех наших бед, депутаты наживают политический капитал. Дешевый капитал.

— Однако, Виктор Леонидович, для России небезразлично, каким образом данный парламент сойдет со сцены. Будет ли он убран насильственным путем или же доработает до конца положенного срока.

— Вы забыли третий вариант: добровольное ускорение перевыборов. К ним можно прийти разными путями. Президент сделал ставку на новую Конституцию, которую Бог весть кто примет. Не отказываясь от этого — как-никак именно разработкой новой Конституции я занимался последние два года, — я бы поставил более скромную задачу. Для новых выборов необходимо и достаточно решить два вопроса: куда выбирать и как выбирать. Для этого надо, во-первых, ликвидировать Съезд как институт и ввести в Конституцию профессиональный двухпалатный парламент и, во-вторых, принять демократический избирательный закон, открывающий путь к партийным выборам. Только для решения этих задач, обеспечивающих легальный переход, и имело бы смысл сохранить еще на некоторое время данный парламент.

Но способен ли он сосредоточиться на решении этих задач, не продлевая всячески свой срок? Первые же заседания Верховного Совета после референдума показали, что он не хочет считаться ни с его итогами, ни со здравым смыслом, что он лишен даже элементарного чувства самосохранения. Посудите сами. Он обостряет конфликт с Президентом и правительством, выносит негативную оценку процессу приватизации, отменяет указ Президента по Мордовии²⁸. Он безответственно и некомпетентно вторгается в сферу внешней политики, принимая постановление по югославскому вопросу, которое теперь, после здравых шагов югославских лидеров, выставляет его на посмешище²⁹. Он громит два своих комитета, где большинство — у демократов, и готовится к новым «разборкам» того же рода. Наконец, занявшись событиями 1 мая, он оказался не способен назвать главного виновника — агрессивную оппозицию, мечтающую о реванше за референдум. Все это, конечно, отвле-

кает от решения самых насущных задач — экономических. Бесконечное обсуждение вопросов о том, кому какая толика власти должна принадлежать, как Президент ущемил депутатов, по сути, срывает осуществление экономической реформы.

— Вы заметили, Виктор Леонидович, что в выполнении «главных задач» нам все время что-то мешает. Теперь вот Съезд и Верховный Совет отвлекают от дел насущных. А от чего, собственно, отвлекают нас политические страсти? Если раньше нас прямо просили чуть-чуть потерпеть, то теперь вывели новую формулировку — «непопулярные, но необходимые меры». И терпеть-то даже не просят. Не мне перечислять вам эти меры. С тем, что они «непопулярны», поспорить трудно, но так ли уж необходимы? Я не хочу уподобляться бабушкам, судачащим на скамеечке и, может быть, действительно не понимающих необходимость этих самых мер, но посмотрите, что говорят отнюдь не дилетанты. По данным Института социально-политических исследований РАН, половина предпринимателей и 80 процентов директоров предприятий настаивают на срочной корректировке курса реформ. А уж если привести данные по спаду производства или удорожанию жизни, никакой Съезд, даже если бы он специально поставил перед собой такую задачу, не смог бы ее осуществить. Вряд ли все эти трудности так называемого переходного периода идут лишь от того, что реформам мешают, от них отвлекают внимание. Да и полномочий у нашего Президента более чем достаточно, чтобы настоять на выбранном им курсе, который, по вашим же словам, единственно верный, но пока не приносящий положительных сдвигов.

— Социально-экономическое положение в стране, действительно, сегодня очень трудное. Переход к новому экономическому порядку и не может быть другим. Говорят, что перейти от капитализма к социализму так же легко, как приготовить из яиц яичницу, а обратный переход равнозначен превращению яичницы в свежие яйца. Хотя я стараюсь избегать таких идеологиче-

ских клише, как капитализм и социализм, но образ хорош. Поэтому я не одобряю некоторые прежние опрометчивые прогнозы Президента о скором улучшении жизни, теперь он стал гораздо осторожнее. В то же время многие факты нашей сегодняшней действительности и их оценка нашими гражданами сознательно искажаются. Вы ссылаетесь на консервативный академический институт. А знакомы ли Вы со значительно более достоверными исследованиями, которые проводят ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение», группа Игоря Клямкина?

— *Кто платит деньги, тот заказывает музыку.*

— И все-таки сегодня больше злонамеренных спекуляций. Особенно в этом преуспела агрессивная оппозиция. О каком голоде в России они говорят? Массового голода, который затрагивал бы большие слои населения, нет. Есть люди, к которым общество обязано проявить внимание: это те, кто сами себе не могут помочь. Есть недоедание, есть неблагоприятная структура питания. Не более. Неверно и то, что нет сдвигов к лучшему. Сегодня они, может быть, не очень видны. Эти сдвиги касаются в первую очередь предпосылок создания новой экономики. Это заделы на будущее. Если бы не было давления, которое с разных сторон осуществляется и на Верховный Совет, и на правительство, и на Центральный банк, если бы не раскручивалась инфляционная спираль главным образом путем выпрашивания дешевых кредитов, я думаю, что к стабилизации экономики сегодня мы были бы гораздо ближе. И потом: с чем вы сравниваете нынешнюю экономическую ситуацию? С блаженными временами, когда электрички увозили из Москвы колбасу по 2 рубля 20 копеек? Или с декабрем 1991-го, когда не только эта колбаса, но соль и спички исчезли из магазинов? Или с сегодняшней ситуацией на Украине, которая не спешила с экономической реформой?

— *А я, собственно, ни с чем ее и не сравниваю. Просто знаю, что больше уже никогда не увижу Черного моря, а мой сын так и не узнает соленого вкуса его воды. Вряд ли когда-ни-*

будь я увижусь и с друзьями, живущими в Риге. Никогда не смогу, как раньше, позволить себе съездить в гости на такси, и не дай Бог взбредет мне в голову заболеть чем-нибудь посерьезнее ОРЗ...

— Каждый человек хозяин своей судьбы и нужно, наконец, забыть о тех временах, когда нам все приносили на блюдечке с голубой каемочкой.

— *Это называлось социальной защищенностью...*

— Да, порой это называлось именно так. Но теперь людям открывается возможность все это заработать своим собственным трудом, не надеясь на подачки государства. А для этого нужно довести до конца начатый курс реформ, который прежде всего связан с именем Ельцина. Если можно было бы где-то в лаборатории создать другого, идеального Президента, это было бы прекрасно. Но в данной конкретной ситуации в нашей стране я не вижу другой фигуры, которая могла бы, опираясь не на грубую силу, а на поддержку активного большинства общества, завершить курс реформ. Ельцин привержен демократическим ценностям.

— *Однако все, что происходит сейчас в стране, и есть демократия. Верховный Совет не согласен с Президентом, это его право. Президент начинает всеми способами доказывать его несостоятельность. На VIII Съезде Ельцин даже угрожал, что введение его полномочий в рамки Конституции приведет к отзыву народных депутатов. Между тем демократия подразумевает свободное высказывание любых мнений и... несогласие.*

— Вы не совсем правы. На последних съездах Президент в основном (хотя и с некоторыми отступлениями) проводил примирительную линию, которую оскорбительно отвергло большинство депутатов. И все же я бы вас спросил: кого Ельцин посадил в тюрьму, какой орган печати он закрыл из-за несовпадения мнений с его, президентской позицией? Я за свободу инакомыслия, но против разнузданных призывов к насилию.

Россия имеет сегодня такой уровень демократических свобод, какой, может быть, был в ней лишь с февраля по октябрь 1917 года. Не Президент, а сам Съезд демонстрирует свою несостоятельность. Мы никак не можем понять, что России сегодня приходится выбирать не между плохим и хорошим, а между плохим и катастрофическим. Если к власти прорвался бы Фронт национального спасения, наступила бы катастрофа. Но я надеюсь, что этого не будет.

— *Виктор Леонидович, сегодня многие демократы находятся в ситуации выбора. Николай Травкин, например, вообще сложил депутатские полномочия. Не ощущаете ли вы какого-либо давления на себя?*

— Поступок Травкина логичен: его избиратели проголосовали не так, как он предлагал. Большинство голосовало так, как рекомендовали демократы. Они голосовали за сложение полномочий депутатским корпусом, а не их депутатом. И все же я не исключаю, что депутаты-демократы, действительно, должны будут уйти из парламента. В парламенте меньшинство, оппозиция — это мы. История мирового парламентаризма знает разные способы поведения оппозиции: и уход из парламента, и использование парламентской трибуны для отстаивания своих позиций. Возможно, скоро нам придется делать выбор. Но в любом случае это решение должно быть не разрозненным, а коллективным. Если уходить, то не разбегаться по углам, а действовать как единое целое.

РЕФЕРЕНДУМ ПРОШЕЛ. ЧТО ДАЛЬШЕ?³⁰

<...> В референдуме приняло участие около 2/3 избирателей. По всем мировым стандартам это — высокая норма. Народ ясно выразил свою волю. С нею обязаны считаться все: органы законодательной и исполнительной власти, политические партии и общественные движения.

Основной итог референдума — поддержка курса реформ, в частности социально-экономической политики, которые в глазах избирателей связаны с именем Президента. Референдум

показал, что большинство избирателей и большинство депутатов по-разному оценивают ход и перспективы реформ.

Верховный Совет не обнаружил готовности считаться с результатами референдума. <...>

Совершенно неоправданными выглядят обращенные к Президенту призывы выйти за пределы конституционной законности. Особенно опасными представляются намерения опереться в борьбе со Съездом народных депутатов на консультативный орган — Совет Федерации, придать ему властные функции, поставить конституционный процесс под контроль регионов. Это путь к разрушению России.

Чтобы в нашем обществе утвердились принципы демократического парламентаризма, чтобы остановить перерождение российского парламента в бюрократическое, авторитарное учреждение, надо осуществить легитимный переход к новому законодательному органу, выражающему реальное соотношение политических сил в стране. Необходимо провести перевыборы депутатского корпуса в 1993 г. Верховному Совету следовало бы в первую очередь обеспечить законодательную базу для предстоящих выборов. Необходимо упразднить Съезд народных депутатов и заменить его двухпалатным профессиональным парламентом. Исключительно для утверждения этих изменений следует созвать очередной Съезд. Верховный Совет должен также принять новый избирательный закон и закон о политических партиях и общественных объединениях.

Опираясь на результаты референдума, Президент, по нашему мнению, вправе и должен серией указов и организационными мерами:

- откорректировать экономический курс, сосредоточив основные усилия на ограничении инфляции;
- придать налоговой политике гибкость, обеспечивающую стимулирование производителей;
- принять энергичные и бескомпромиссные меры в борьбе с преступностью и в особенности с коррупцией.

Мы предлагаем Президенту Российской Федерации найти пути для взаимодействия со всеми политическими силами демократического спектра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия-2000. Современная политическая история. Хроника и аналитика. — Т. 1. — М., 2000. — С. 228—229.

² Этот выбор рекомендовало дистанцировавшееся от большинства демократических организаций Российское движение демократических реформ. Организация, возглавлявшаяся Гавриилом Поповым и Анатолием Собчаком, ответвилась от одноименной международной организации, претендовавшей на объединение демократов, которых отталкивал радикализм «Демократической России».

³ Запись на собрании фракции «Согласие ради прогресса» 02.04.1993. — Архив автора.

⁴ Заявление фракции «Согласие ради прогресса». 06.04.1993. — Архив автора. Предложение о срыве голосования по второму вопросу обсуждалось и в других демократических организациях. Аналогичную с нашей фракцией позицию заняла Партия свободного труда. Однако большинство демократов пришло к заключению, что выборочный бойкот (предлагалось, в частности, уносить бюллетени со вторым вопросом) будет неэффективным, особенно в сельской местности.

⁵ Экспресс-выпуски ВЦИОМ по данным опросов 18, 23, 24, 25, 29 марта 1993 г. (№ 15—20); Известия. — 1993. — 18, 20, 25, 29 марта. Близкие данные публиковала пресс-служба Б. А. Грушина. Интересно, что отдельного от президента рейтинга у демократов практически не было: сторонниками «Демократического выбора» заявили себя лишь 3% респондентов.

⁶ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 25 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 16 апреля 1993 г. — Ч. 1. — С. 19—29.

⁷ «Наш Верховный Совет хочет, сохраняя все права парламента, прибавить к ним еще все возможности правительства, исполнительной власти, — говорил Г. Бурбулис в интервью, опубликованном в те дни. — Ответственность — как у парламента, права — как у правительства (распоряжаться деньгами, фондами и т. д.). А такой монстр, который может все, не отвечает ни за что, был лишь один — ЦК КПСС» (Известия. — 1993. — 8 апр.).

⁸ Рос. газ. — 1993. — 16 апр.

⁹ Известия. — 1993. — 21 апр.

¹⁰ Постановление Конституционного суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части второй пункта 2 постановления Съезда на-

родных депутатов Российской Федерации от 29 марта 1993 г. «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума» от 21 апреля 1993 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 18. — Ст. 653).

¹¹ *Шаблинский И. Г.* Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989—1995 гг.). — М., 1997. — С. 111.

¹² Подсчитано по: Политический альманах России. 1997 / Моск. Центр Карнеги. — Т. 1. — М., 1998. — С. 382—384. В таблице и всех приведенных расчетах я исхожу из данных официальной статистики. В исследовании, проведенном независимой информационно-аналитической группой А. Собянина, Э. Гельмана и О. Каюнова, было показано, что граница, разделяющая «пропрезидентские» и «антипрезидентские» по результатам голосования регионы, географически проходят по 55-й параллели. Это устойчивое политическое расхождение наблюдалось на всех выборах и референдумах 1990—1993 гг. Авторы исследования на основе собственных детальных расчетов приходят к заключению, что в большинстве регионов к югу от 55° северной широты контролирующая избирательные процессы консервативная администрация осуществляла, завышая явку избирателей, массовый вброс фальсифицированных бюллетеней (*Собянин А., Гельман Э., Каюнов О.* Политический климат России в 1991—1993 гг. — Архив автора). «Расчеты показали, — говорил Собянин в интервью газете «Век» (1993. — № 20), — что избирательная активность завышена на 10%, причем почти все эти 10% (8 млн голосов) составляют бюллетени, заполненные по схеме “Нет — нет — да — нет” (антипрезидентский вариант)».

¹³ В моем архиве сохранились различные варианты обращений и заявлений. В одних предлагалось предъявить СНД и ВС ультиматум, угрожающий новым референдумом. В других отмечалось, что следовать за Травкиным, сложившим с себя после референдума депутатские полномочия, опасно, так как это может привести к возобладанию консерваторов на Съезде, и намечался иной путь: приостановить участие в работе парламента и сконцентрировать усилия в собственных избирательных округах. Большинство полагало, что надо снова собраться и обсудить сложившуюся ситуацию.

¹⁴ Известия. — 1993. — 27 апр.

¹⁵ *Филатов С.* Совершенно несекретно. — М., 2000. — С. 275; Запись интервью с С. А. Филатовым. 29.06.2004. — Архив автора.

¹⁶ The Independent. — 1993. — May 13.

¹⁷ Независимая. газ. — 1993. — 27 апр.

¹⁸ Рос. газ. — 1993. — 30 апр.

¹⁹ Правда. — 1993. — 15 мая.

²⁰ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 28 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. — 1993. — Ч. 2. — С. 34—45.

²¹ Отказ «Трудовой России», РКРП, ОФТ и другим организациям в проведении шествия от Калужской к Красной площади и в проведении на Красной площади митинга московская мэрия мотивировала тем, что их организаторы ранее неоднократно грубо нарушали установленный порядок демонстраций и митингов. Кроме того, важно было не допустить столкновения демонстрантов, так как на Красной площади был разрешен митинг Московской федерации профсоюзов. Однако право на свободное проведение митингов и демонстраций нарушено не было. «Трудовой России», РКРП и еще несколькими соединившимся с ними организациям был определен протяженный маршрут шествия — от Калужской площади до Крымского вала с проведением митинга у ЦДХ. Но воинствующей части оппозиции важно было продемонстрировать *ubi et orbi*, кто хозяин в столице, и закрепить на будущее право улицы диктовать свою волю законным органам власти (О проведении митингов и шествий 1 мая 1993 г. Распоряжение мэра Москвы. 25.04.1993. — Архив автора).

²² 6 мая 1993 г. все заседание ВС было специально посвящено обсуждению первомайских событий. С сообщениями выступили Ю. Лужков, министр внутренних дел В. Ерин, заместитель генерального прокурора М. Славгородский, председатель комиссии по расследованию, экстренно созданной Хасбулатовым, участник демонстрации, депутат фракции «Отчизна» Г. Бенов (Шестая сессия ВС... Бюллетень № 30. — 1993; Проекты постановления ВС РФ 06.05.1993. — Архив автора).

²³ Обращение Марины Кудимовой, Наталии Небылицкой, Нины Катерли и др. к президенту РФ. 05.05.1993; Обращение ОКДОР к соотечественникам, ветеранам войны и труда. 05.05.1993; к депутатам Моссовета. 05.05.1993; Обращение Собрания демократической общественности Москвы к личному составу московской милиции. 05.05.1993; в Генеральную прокуратуру и Министерство юстиции. 05.05.1993 и другие документы. — Архив автора.

²⁴ Коган-Ясный В. В. [Меморандум о первомайских событиях]. 02—03.05.1993. — Архив автора.

²⁵ Фракция «Согласие ради прогресса». Заявление о событиях 1 мая в Москве. 06.05.1993. — Архив автора.

²⁶ Интервью газете «Комсомольская правда» (1993. — 27 апр.).

²⁷ Интервью журналу «Федерация» (1993. — № 53).

²⁸ В Мордовии был разыгран сценарий, который оппозиция настойчиво пыталась осуществить на федеральном уровне. Конфликт между президентом В. Гуслянниковым и Верховным Советом республики был разрешен ликвидацией поста президента. Указ Ельцина, восстанавливающий прежнюю структуру, был оспорен Верховным Советом РФ. Впоследствии Конституционный суд признал правомерным решение мордовского парламента.

²⁹ 29 апреля ВС обсуждал подготовленное в Комитете по международным делам постановление, в проекте которого была выказана поддержка совместного

призыва президентов Югославии, Сербии и Черногории к боснийским сербам принять план международного сообщества, призванный положить конец войне в Боснии и Герцеговине, которая уже унесла к тому времени сотни тысяч жизней. Однако симпатии национал-патриотов в российском парламенте к группировке Караджича — Младича в Боснии были столь сильны, а недоверие к западным авторам плана столь велико, что это положение даже в документе, никого ни к чему не обязывающем, было отвергнуто (Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 28... — 1993. — 29 апр. — Ч. 1. — С. 9—15).

³⁰ Из проекта заявления фракции «Согласие ради прогресса» «Об итогах общероссийского референдума 25 апреля 1993 г.». Документ был подготовлен мною с использованием варианта Ю. Нестерова. 30.04.1993. — Архив автора.

глава 20

Страсти по Конституции

Стали созывать законодательную комиссию из народных представителей... Депутаты прибыли в Москву и были невероятно удивлены, что их не бьют и не сажают в крепость. Наоборот, императрица приказала оказать им ласковый прием и посадила их не в тюрьму, а в Грановитую палату. Императрица выработала «Наказ», в котором депутатам предлагалось выработать законы. Депутаты горячо принялись за дело с утра до ночи и наконец заявили:

— Кончили!..

Екатерина была изумлена.

— А законы? Законы?!

— Что ж законы. Законы — не волк, в лес не убегут. А если убегут, тем лучше. Пусть живут волки и медведи по закону...

«Русская история от “Сатирикона”»

Апрельский референдум 1993 г. дал ответ на главный политический вопрос: в схватке президента и парламента, которая теперь уже грозила опрокинуть государство, страна, хотя и не единодушно, но явным большинством поддержала Ельцина и ориентированные на него силы. Таково было не вполне ожидавшееся и потому особенно оглушительное политическое решение народа. Но юридически в рамках существовавшей конституционной системы из него не вытекало ровным счетом ничего.

Демократы могли сколько угодно критиковать установленный порядок определения большинства от списочного состава избирателей, а не от числа тех, кто принял участие в голосовании, повторяя, что «учитывать мнение тех, кто не желает участвовать в политических процессах, — чисто “совковое” изобретение»¹. Однако не только само решение IX СНД, беспристрастность которого можно было оспаривать, но и, казалось бы, «компромиссное» заключение Конституционного суда, определившего, что для досрочных перевыборов любой из ветвей власти требуется вердикт квалифицированного большинства, закрепляло патовую ситуацию.

Выйти из нее теперь можно было, только изменив «правила игры» — Конституцию. Поэтому и конституционный процесс, который, как казалось временами, «скорее мертв, чем жив», после апреля не просто приобретает ускорение, но и становится главным полем сражения между российскими ветвями власти. При этом все главные вопросы: продвигать новую Конституцию или ограничиться заменой ряда блоков старой, каким должно стать конституционное устройство новой России и кто, какой государственный институт должен его определить, оставались открытыми. После референдума противоборствующие стороны еще менее были склонны к уступкам, к компромиссу, чем до не-

го. Конституционный вопрос оказался в фокусе политической борьбы.

ДВА ПРОЕКТА: КТО КОГО?

СОРЕВНОВАНИЕ ПРОЕКТОВ

29 апреля, через три дня после того, как стали известны результаты референдума, Ельцин объявил свой следующий ход в политической шахматной партии. Ход был нетривиальным. На созванном в Кремле совещании президентов республик в составе Российской Федерации и руководителей исполнительной власти иных ее субъектов он, номинально все еще председатель съездовской Конституционной комиссии, представил проект новой Конституции, весьма отличный от того, которым к тому времени эта комиссия располагала. Основными авторами проекта, получившего статус «президентского», были Сергей Алексеев, Анатолий Собчак и Сергей Шахрай.

Акция эта, жесткая по сути, была заявлена в мягкой тональности. К участникам совещания президент обратился с комплиментами, высоко оценив их политическую роль и похвалив за год до того подписанный Федеративный договор, «который полностью, как того просили и требовали субъекты Федерации, вошел в проект Конституции как отдельная его глава». Это должно было ласкать слух собравшихся. Президент далее подчеркнул, что представлен всего «лишь проект», на который он ждет «не только замечания, но и предложения». Прикинув сроки, в течение которых таковые могли бы поступить («13 мая. Сможете успеть? Нет? Ну, еще неделю, 20 мая. Хорошо»), он нарочито оставил открытым вопрос о статусе органа, которому предстоит заняться доработкой проекта: Конституционное совещание или Конституционное собрание. Под конец он пообещал, что в этой работе примут участие по два представителя от каждого субъекта Федерации: «Вы сами

решите, как их назвать, назначить, выбрать, делегировать. Это ваше дело»².

Трудно сказать, был ли то зондаж настроений регионального истеблишмента или президент еще сам не принял решения о формате и полномочиях задуманного органа (для него вскоре будут изобретены другие рамки), но никакая дискуссия в тот день предусмотрена не была. Вслед за Ельциным выступил лишь Сергей Алексеев, один из авторов проекта, пользовавшийся заслуженным уважением, но не имевший отношения к работе Конституционной комиссии СНД РФ (КК), в недавнем прошлом председатель Комитета конституционного надзора СССР (прообраза Конституционного суда). В кратком представлении Алексеев, охарактеризовав достоинства нового проекта, подчеркнул, что «референдум сейчас дал новую легитимацию президенту», и сообщил, что «...через проект протянута идея президентского начала. Может быть, не в том виде, как это закреплено в учебниках, каких-то классических формах. Но президентское начало как главенствующее»³. На следующий день проект, розданный участникам совещания, был опубликован в «Известиях»⁴.

Казалось бы, новый вариант Конституции вбрасывался на занятую уже территорию — правовое пространство, на котором доминировал проект КК. Однако это было не совсем так. О превращениях и зловключениях, которые претерпел этот проект в структурах СНД и ВС России, уже было рассказано выше. Но и та эйфория, с которой были встречены в обществе первые варианты текста, подготовленные рабочей группой КК, осталась в прошлом.

Не было ничего удивительного в том, что коммунисты, оправившиеся от поражений 1991 г., продолжали клеймить «антинародную Конституцию». С яростной критикой неизменно выступал депутат Слободкин, автор альтернативного коммунистического проекта. Справедливые суждения, что проект КК «полностью ликвидирует советскую власть» и «по существу провозглашает смену общественного строя», перемежались

прямыми искажениями обсуждавшегося текста (делать это было тем легче, что большинство его коллег были знакомы с проектом главным образом в интерпретациях коммунистической печати). Утверждалось, будто проект выхолащивает социальные права — предмет гордости советских конституций, введением поста президента устанавливает тоталитарный режим. Особое возмущение вызывал запрет разжигания классовой розни. Общий приговор был категоричен: «...проект стирает историческую память народа. Создается впечатление, что его авторы Румянцев, Волков, Шейнис — инопланетяне, которые случайно залетели на нашу землю»⁵.

С коммунистической критикой переплетались выступления представителей российских автономий. Острота их восприятия была в известной мере притуплена заключением Федеративного договора и решением VI СНД, что содержание договора надлежит включить в Конституцию как ее составную часть⁶. Однако договор «автономы» рассматривали как первый отвоеванный плацдарм и стремились развить успех. Федерацию они видели как договорное государственное образование, права ее Центра — как делегированные субъектами, в первую очередь республиками. Русский народ, говорили они, уже самоопределился, пришла очередь малых народов. Настойчиво звучали требования пересмотреть состав КК. Мало того, что она была сформирована преимущественно на основе регионального представительства, — требовали, чтобы «определенное число представителей имела каждая национальность»⁷, чтобы от работы над Конституцией были отстранены основные ее разработчики. Особенно изобретателен был президент Якутии (Саха) Михаил Николаев, утверждавший, будто «права человека — это атлантическая концепция развития цивилизации», что «в проекте права человека явно противопоставлены правам народов», и многократно повторявший одни и те же персональные выпады, долженствовавшие, видимо, восполнить скудость аргументации по существу: «Не подумайте, что народы республик не научились за свою вековую историю различать, где

правда, а где кривда. Да, мы помним: в нашей истории были Лжедмитрий и И. Сталин, да, мы знаем Попова, Шейниса, Румянцева и других, да, мы знаем многих из вас, которые при живом Президенте уже думают, как занять его место»⁸.

Во всех этих выпадах не было, конечно, ничего неожиданного. Но с 1992 г. все более критическое отношение к проекту КК стали высказывать демократы. Критика велась, естественно, с прямо противоположных позиций. Коммунисты усматривали в проекте посягательство на общественную собственность. Демократы утверждали, что частная собственность предстает незащищенной, поскольку допускается отчуждение ее объектов по мотивам общественной необходимости. Одним виделся призрак тоталитаризма, за которым просматривалась фигура президента, другие боялись парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти. «Большевики зря боялись “Советов без коммунистов”, — говорил один из активистов «Демократической России» Владимир Боксер. — Самое страшное — это Советы. Члены Конституционной комиссии чрезмерно приспосабливаются к запросам Съезда». «Автономы» полагали, что в Конституции ущемлены их права. «Демороссы» обвиняли авторов проекта в излишней благосклонности к местным владыкам, в том, что разработчики Конституции чуть ли не вступили в сговор с автономиями и косвенно признали за ними более высокий статус. Конституция антисоциальна, — утверждал Слободкин. Конституция, декларируя право на труд, на жилье и т. д., несет на себе явный отпечаток популизма, — возражали «отвязанные» либералы. Общая тональность обсуждения на заседании Координационного совета «Демократической России» в марте 1992 г. была такова: лучшим был проект осени 1990 г.; каждый последующий проект Конституции хуже предыдущего; нынешний вариант — странное сочетание всех возможных подходов, его нельзя принимать даже за основу. Из всего этого следовал вывод: чем дольше проект находится в лоне данного Съезда, тем более отрывается он от запросов общества. «Нужен другой проект. Лучше всего, если рядом

с Конституционной комиссией заработает Учредительное собрание, Конституционная ассамблея, сформированная на иной основе»⁹.

Если Координационный совет «Демократической России» все же готов был поддержать официальный проект при условии внесения в него существенных поправок¹⁰, то оценки ряда ведущих юристов-демократов, не участвовавших в работе над проектом, были уничтожающими. Проект, писали министр юстиции Николай Федоров и профессор Владимир Гулиев, «в своих существенных характеристиках не отвечает ни общеправовым требованиям, ни сегодняшним российским реалиям». Критика носила тотальный и разгромный характер. «Немыслимо расширен предмет конституционного регулирования... Раздел “Гражданское общество”... стремится регламентировать все стороны его жизни... Принцип прямого действия Конституции ничем “не отоварен”... Весьма сомнительна идея “социального государства”, то есть сама по себе идея замечательная, но ст. 8 обременяет российское государство такими обязательствами, которые оно ни сегодня, ни в ближайшем будущем не в состоянии выполнить... Несколько ущербно выглядит механизм “сдержек и противовесов”... Президент лишен возможности “укоротить” парламент... Опасно пристрастие авторов к референдумам... В период политической нестабильности референдумы лишь усиливают конфронтацию в обществе». Приговор был безапелляционен: «“Румянцевскую” Конституцию, будь она принята, постигнет судьба Конституции брежневской... проект достоин лишь одной участи: с самого начала он принадлежит истории»¹¹.

Примерно в те же дни, когда официальный проект Конституции рассматривал Координационный совет «Демократической России», Политсовет РДДР обсудил и принял за основу альтернативный проект, подготовленный группой юристов под руководством Анатолия Собчака. В конце марта 1992 г. состоялась презентация этого проекта в московской мэрии. Говорили не столько о представленном проекте, сколько о политической ситуации

и дефектах проекта официального. Проект этот, говорил Собчак, не решает главной задачи — создания класса собственников, а до тех пор, пока это не будет сделано, политика в стране будет опираться на миллионы людей из номенклатуры и десятки миллионов люмпенов. Обвинив авторов проекта в непрофессионализме («не читали Монтескье») и в келейной подготовке Конституции (что, как мы видели, абсолютно не соответствовало фактам постоянных публичных обсуждений, круглых столов, открытых конкурсов предложений по Конституции и публикации каждого варианта миллионными тиражами), докладчик сформулировал основные претензии:

- проект декларативен и идеологичен; положения о правах личности и собственности размыты;
- нет разграничения между прирожденными правами и правами, которые даны государством, из чего вытекает возможность ограничения прав человека;
- самое существенное: нет ни одной новой идеи о национально-государственном устройстве, торжествует сталинская политика автономизации.

Те же обвинения с бóльшим или меньшим основанием вскоре смогли бы быть предъявлены и «президентскому» проекту, одним из основных авторов которого будет заявлен Собчак. Но его общий вывод, хотя и лишен был полемического изящества, которое в прошлом не раз демонстрировал знаменитый юрист, не оставлял никаких сомнений в том, какие рекомендации в адрес проекта КК услышит Ельцин в Президентском совете: «Не дай бог получить тот демагогический суррогат, который в очередной раз заменит закон словоблудием»¹². Не вдаваясь здесь в содержательный разбор проекта группы Собчака (интерес в нем представляют главным образом те положения, которые дадут строительный материал для «президентского» проекта, о котором речь впереди¹³), необходимо отметить три существенных момента.

Во-первых, осуждая авторов официального проекта за то, что они будто бы неправомерно расширили предмет конституци-

онного регулирования (введя, например, раздел «Гражданское общество»), критики ориентировались на конституции XVIII—XIX веков, описывавшие только политический строй. Конституции же государств новой демократической волны второй половины XX века, как правило, значительное место отводили экономическому и социальному устройству, вообще проблемам, решение которых нельзя было искать у Монтескье при всем уважении к выдающемуся французцу.

Во-вторых, демократическим критикам проекта Конституционной комиссии со значительно большим основанием, чем его авторам, можно было переадресовать коммунистическое обвинение, что они ведут себя как инопланетяне, игнорирующие соотношение политических сил, их расстановку на Съезде и т. д.

В-третьих, в проект Собчака были включены переходные положения, согласно которым ВС должен был принять закон о выборах нового парламента. Если бы он этого не сделал в ограниченный срок, следовало созвать Учредительное собрание. «Это, может быть, самая большая юридическая (и политическая) ошибка авторов проекта, — гласило заключение юристов Парламентского центра при ВС РФ. — Принятие Конституции они сопровождают такими антиконституционными мерами, после которых Конституция как правовой документ теряет всякий смысл»¹⁴.

На шестом же Съезде был заявлен еще один проект — «вариант 0», подготовленный Шахраем. Рабочая группа КК, естественно, встретила эту инициативу в штыки. «Поспешно испеченный блин» — так оценили этот проект ее эксперты. На 80%, по оценке одного из депутатов, был позаимствован, хотя и не очень аккуратно, текст из проекта КК. Но для Шахрая как раз существенны были эти 20% отличий. Рабочая группа, настаивал он, уступила давлению ВС, ушла от модели полупрезидентской республики, оптимальной в данный момент для России. Баланс разделения властей был нарушен. Президент лишен права назначать федеральных должностных лиц и даже создавать вспомогательные и совещательные органы. Основная роль в исполни-

тельной власти отведена премьеру, которому ничего не остается, как опираться на парламентское большинство¹⁵. Но суть дела не сводилась к содержательным различиям проектов. Если проект Собчака еще можно было трактовать как «низовую» инициативу, призванную привлечь внимание к РДДР, то появление проекта Шахрая свидетельствовало о том, что в ближайшем окружении президента уже в начале 1992 г. начала складываться группа, считающая поиски компромисса со Съездом бесполезными. Шахрай не мог не знать настроения депутатов, не мог считать свой проект проходимым и понимал, что он может быть проведен лишь в обход парламента. Тогда, правда, это была разведка боем. Проверялась, собственно, не столько реакция депутатов, сколько готовность общества признать Съезд неадекватным новым условиям.

Как видно, против проекта Конституционной комиссии еще за год с лишним до появления «президентского» проекта был развернут новый фронт — с той стороны, с какой рабочая группа КК ударов не ожидала. Таким образом, еще до конституционного кризиса, развернувшегося на VII СНД, и даже до скандала вокруг правительства на VI СНД идея обойти парламент для того, чтобы принять такую Конституцию, которую через него провести было нельзя, была не только заявлена, но и получила материальное воплощение в ряде альтернативных (некоммунистических) проектов.

По мере обострения политической ситуации натиск усиливался. В дни VII Съезда в «Известиях» появилась статья Алексева и Собчака, артикулировавшая переориентацию конституционного процесса в альтернативное русло. Оценка официального проекта на этот раз была выдержана в более примирительных тонах. «Мы высоко оцениваем и работу Конституционной комиссии, и результаты этой работы». Тем не менее ее проект решительно отвергался: подход авторов, претендующих на синтез либеральной и социалистической идей, эклектичен, от него «напрямую веет советскими конституционными традициями». Пос-

кольку проект несет на себе отпечаток многих компромиссов, он «предполагает сохранение того состояния собственности и организации власти, которое существует в настоящее время». Два главных его дефекта авторы статьи усматривали в следующем. Во-первых, допуская многообразие форм собственности, проект «не дает твердой конституционной опоры для кардинальных решительных преобразований, которые бы привели к формированию общества собственников — неременной основы свободного демократического общества». Во-вторых, «компромисс с системой Советов», которая на данном этапе привела к «образованию десятков тысяч разноуровневых Советов, претендующих на вездесущее государственное “всевластие”, и в силу этого — к стихии многовластия, парализующего функционирование государства, разрушающего его». Отвергая «конституционные компромиссы, вызванные сегодняшними политическими реалиями», Алексеев и Собчак настаивали на разработке «Конституции свободы» — на века, принятие которой станет возможным через год-два, когда, по их представлению, реформы станут необратимыми, и не нынешним Съездом, а Учредительным собранием с последующим утверждением на референдуме. А на переходный период надо ограничиться отдельным блоком законов, предусматривающим укороченные сроки действия представительных органов, особые полномочия исполнительной власти и т. д.¹⁶ Критика проекта Конституционной комиссии в либеральных и демократических кругах в 1992—1993 гг. расширялась, охватывая практически все его основные положения¹⁷.

Влияние всех этих соображений, высказывавшихся в том числе и конфиденциальными президента, по-видимому, стало утверждаться в его сознании достаточно рано, еще до всех обострений отношений с депутатами. Во всяком случае, еще в марте 1992 г. на встрече с фракцией радикальных демократов он говорил: Конституция испорчена, в ней много компромиссов. Хасбулатову нужен компромисс любой ценой; я вскоре внесу собственный проект, который пройдет на референдуме¹⁸. А в преддверии ап-

рельского референдума, еще не имея его результатов, Ельцин дал понять: новый проект на выходе. Таким образом, у конституционного проекта, начало работы над которым вызывало широкий и неподдельный энтузиазм, после того, как он три года прокатывался, как покаты в русской печи, в структурах СНД и ВС, практически не осталось горячих приверженцев, если не считать его авторов и их немногочисленных сторонников.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ: ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Что же представлял собой этот проект к апрелю 1993 г.? Конечно, за прошедшие годы он претерпел немалые изменения, в том числе и не улучшавшие его. Однако возможности дальнейших поисков компромисса не были исчерпаны. Еще накануне VII Съезда в проект Конституции были внесены 12 из 17 поправок президента, в том числе неприемлемый для коммунистов запрет на пропаганду социальной (наряду с расовой, национальной и т. п.) вражды и ненависти, ограничение числа членов правительства, подлежащих утверждению Верховным Советом, обязательность отставки министра только в случае, если это требование поддержали 2/3 депутатов ВС, право президента утверждать совещательные и вспомогательные органы и некоторые другие положения, стоявшие в центре борьбы за новую Конституцию¹⁹. Правда, к весне 1993 г. президентская сторона сочла эти уступки недостаточными.

К апрелю 1993 г. проект Конституционной комиссии претерпел и иные превращения. Очень серьезные уступки были сделаны «автономам», да и другим поклонникам региональных «суверенитетов». Во-первых, концепция образующих Федерацию земель была окончательно отринута и заменена трехуровневой иерархией субъектов. На верхнем уровне — республики, которые названы государствами и имеют свои конституции. На среднем — края, области, города федерального значения, автономные области, которые обозначены как «государственно-территориальные образования» и как будто бы обладают теми же правами, что

и республики, но «за изъятиями, установленными Конституцией РФ». На нижнем — автономные округа, которые могут входить в состав края или области. Их правовой статус определяется федеральным законом. Так закладывались два конституционных принципа, которым суждено было пережить официальный проект и создать многочисленные осложнения в государственной жизни России: существование «более равных» субъектов Федерации и «матрешечный» характер построения государства.

Во-вторых, в проекте были заявлены два варианта включения в Конституцию Федеративных договоров, из которых еще надлежало сделать выбор. В варианте «А» слегка адаптированные тексты трех Федеративных договоров были вмонтированы в одну из глав Конституции. Положение о том, что республики — это даже не просто государства, а государства суверенные, записанное в соответствующем Федеративном договоре, воспроизводилось и в самой Конституции. Кроме того, установленное во всех трех договорах разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами не подлежало «изменению в одностороннем порядке», т. е. любые конституционные изменения федеративного устройства ставились в зависимость от согласия субъектов Федерации.

Включение в текст Конституции договора с республиками прямо подрывало целостность Федерации и придавало ей отчетливо выраженный асимметричный характер. В этом договоре было зафиксировано, что каждая республика сохраняет за собой право как подписать данный договор, так и регулировать свои отношения по разграничению полномочий с федеральными органами в соответствии не только с российской, но и собственной Конституцией. Если краям, областям, городам федерального значения, автономным областям и округам гарантировалось представительство в федеральных представительных органах власти (т. е. в парламенте, что было естественно), то за республиками закреплялось представительство в федеральных государственных органах вообще (т. е. и в исполнительной власти), что могло сделать прави-

тельство ареной постоянного выяснения отношений с республиками и существенно понизить его работоспособность. Республики — и только они — наделялись на своей территории всей полнотой государственной власти (включая судебную), за исключением тех полномочий, которые передавались Федерации в соответствии с договором. Это нарушало единство судебной системы и ограничивало юрисдикцию высших федеральных судов на территории республик. Наконец, если во всех прочих субъектах Федерации чрезвычайное положение могло вводиться федеральными государственными органами с уведомлением органов власти этих субъектов, то в республиках требовалось предварительное согласие на то их органов власти. Как видно, вопрос о том, в каком виде в Конституции России будут представлены Федеративные договоры, относился вовсе не к юридической технике. Отстаивая громоздкую и по сути абсурдную форму построения Основного закона, республиканские элиты стремились реализовать собственную концепцию суверенитета, сладость которого они стали вкушать еще в 1989 г., когда союзный закон подтянул статус автономных республик к союзным.

На уровне более высокой юридической культуры был выполнен вариант «Б», в консолидированном виде излагавший содержание трех договоров. В нем не только не было бесчисленных повторений, но и ряда указанных выше элементов «суверенизации». Однако и здесь прочитывались некоторые признаки конфедеративного устройства: в частности, субъекты Федерации, вплоть до округов, объявлялись «самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей».

В-третьих, предметы совместного ведения Федерации и ее субъектов (юридически довольно зыбкая часть Конституции, также и ныне действующей) были основательно защищены и от изменений на референдуме: требовалось согласие большинства не только избирателей, но и субъектов Федерации.

В-четвертых, проект содержал также два варианта формирования верхней палаты парламента (она именовалась Федераль-

ным собранием): равное представительство субъектов либо порядок, при котором половина депутатов должна представлять республики, автономные области и округа, хотя на их долю приходилось лишь 14% населения России.

Демократические критики официального проекта утверждали, что президент в нем становится номинальной фигурой. Это было не так. Президенту отводилась важная роль в законодательном процессе: он подписывал законы и обладал правом вето, которое могло быть преодолено лишь квалифицированным большинством (по действовавшей Конституции это могло сделать простое большинство). Он получал право назначать премьера и его заместителей, а также других министров (осуществлявших общее руководство экономикой, финансами, внутренними и иностранными делами, обороной и финансами — с согласия Верховного Совета, остальных — по своему усмотрению). Число утверждаемых с согласия парламента министров было несколько увеличено по сравнению с действовавшей Конституцией (к «силовым» министрам и министру иностранных дел были добавлены вице-премьеры, министры экономики и финансов), но сокращено по сравнению с одним из первоначальных проектов, где согласованию подлежал еще более широкий круг членов правительства. Президент по сути становился главой исполнительной власти, получив право председательствовать на заседаниях правительства и возглавлять Совет безопасности. Он должен был стать Верховным главнокомандующим вооруженными силами, руководить обеспечением безопасности государства, военной и внешней политикой, в оговоренных случаях мог объявлять чрезвычайное и военное положение. Эти и другие полномочия делали, таким образом, президента вовсе не безвластным. Отрешение президента от должности ставилось в зависимость от согласованной позиции обеих палат парламента и Конституционного суда.

Точно так же вовсе не был ни всевластен, ни безвластен парламента. В проекте не было ничего подобного ст. 104 действовавшей Конституции, вокруг которой кипели страсти. Верховный

Совет был наделен широкими, но не безграничными полномочиями в сфере законодательства, утверждения бюджета, решений по основным вопросам внутренней и внешней политики, кадровых назначений — полномочиями, в общем повторяющими права парламента в большинстве демократических стран. Упразднялось наследие советских образцов — многовластная суперструктура в виде его Президиума. Содержалась в проекте и одна интересная новелла: законодательное вето президента могло быть преодолено голосованием не только двух третей депутатов каждой из палат, но и трех четвертей в одной только Государственной думе — наиболее представительной палате.

Баланс в треугольник «президент — парламент — правительство» был определен в соответствии с позицией, которую изначально занимало большинство рабочей группы КК: парламент не получал права отправить в отставку правительство, президент не мог распустить парламент и назначить новые выборы. Трудно сказать, в какой мере эта юридическая конструкция была порождена опасениями разработчиков Конституции, что противостоявшие ветви власти, получив соответствующие права, обретут легальную возможность сокращать друг друга, и в какой была продиктована прагматическим соображением, что СНД не пропустит норму, позволяющую досрочный роспуск парламента кому бы то ни было, кроме него самого. Но именно такая конструкция взаимной неприкосновенности властей, которую меньшинство безуспешно пыталось оспорить в рабочей группе, заводи́ла существующий и эвентуальные конфликты в тупик и представляла, на мой взгляд, главный дефект построения федеральной государственной власти в официальном проекте ²⁰.

В проекте КК не было, однако, вопреки утверждениям демократических критиков, ни доминирования государственной собственности, ни всеподавляющего вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь. В разделе «Основы конституционного строя» присутствовала ст. 9 «Многообразие форм экономической деятельности», которая хотя и не ставила,

в отличие от «президентского» проекта, под акцент частную собственность, фиксировала вполне приемлемые для демократического государства принципы:

«(1) Основа экономики Российской Федерации — социальное рыночное хозяйство, где обеспечиваются свобода экономической деятельности, предпринимательства и труда, разнообразие и равноправие форм собственности, их правовая защита, добросовестная конкуренция и общественная польза.

(2) Государство регулирует хозяйственную жизнь в интересах человека и общества.

(3) Экономические отношения строятся на социальном партнерстве между человеком и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем».

В одной из последующих статей, конкретизирующих общие принципы, было записано:

«(1) Собственность во всех ее формах — частной, государственной и иных — признается и гарантируется.

(2) Все собственники пользуются равной правовой защитой.

(3) Собственность неприкосновенна. Никто не может быть произвольно лишен своей собственности. Принудительное отчуждение объектов собственности допускается при доказанной общественной необходимости, с возмещением ущерба в случаях, предусмотренных федеральным законом. Конфискация осуществляется по судебному решению. Национализация не допускается».

Быть может, эти и некоторые другие формулировки проекта вроде «социального государства» могли показаться кое-кому чрезмерно декларативными или многословными, но резать глаз они могли только ультралибералам — на взгляд современной социал-демократии в них не было ничего ретроградного. Точно так же Конституция, провозглашавшая как высшую ценность человека, его права и свободы, верховенство права, народовластие, политический плюрализм, разделение властей, записавшая, в частности, что «никакая часть общества, никакие объединения и никакое

отдельное лицо не могут присваивать себе власть в государстве», что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или общеобязательной», — такая Конституция могла казаться восстанавливающей советскую власть только в воспаленных фантазиях. Не было в проекте КК и нескольких заостренных против президента норм, которые были продавлены на VII Съезде, заморожены завершившим тот Съезд постановлением «О стабилизации конституционного строя» и введены в действие на VIII Съезде. Тем не менее можно было не сомневаться, что борьба вокруг этих норм вспыхнет вновь, если и когда продвижение официального проекта возобновится²¹.

Основные препятствия, вставшие к весне 1993 г. на пути такого продвижения, были связаны, следовательно, не с несоответствием проекта социально-политическим реалиям тогдашнего российского общества, будто бы обогнавшего в своем развитии «незрелое» творение отечественных конституционалистов, не с его действительными или мнимыми дефектами, а с тем, что с обеих сторон возобладала ориентация на политическое поражение оппонентов. Проект Конституционной комиссии как более или менее удовлетворительная форма исторического компромисса не был нужен никому. Поэтому и появился «президентский» проект — секира, призванная пробить путь к выходу из конституционно-политического кризиса. Применяясь к обстоятельствам, ее вскоре придется затуплять, скрещая формулировки нового проекта со старым, воспроизводить в его тексте многое из того, за что прежний проект подвергался уничтожающей критике. Но это произойдет позже, уже на самом Конституционном совещании. А в апреле—мае вброшенный «президентский» проект резко сдвинул стрелку политического барометра.

«ПРЕЗИДЕНТСКИЙ» ПРОЕКТ

В дни, когда шел IX СНД, альтернативного проекта, на котором мог бы остановить свой выбор президент, еще не было. Зато существовали проекты Алексеева (с участием Собчака)

и Шахрая. Выйдя из шокового состояния, в которое его повергла попытка импичмента, Ельцин пригласил Шахрая и спросил, сможет ли он за полтора месяца (т. е. к концу референдума) свести оба проекта в один. Шахрай и Алексеев принялись за работу, к которой чуть позже присоединился Собчак. Перед соавторами стояла непростая задача: надо было не только состыковать разные тексты, но и убедить Ельцина в том, что президент должен стать не главой исполнительной власти, а своего рода арбитром, парящим над всеми властями.

«Проект Конституции получился», — сказал Ельцин на встрече с группой юристов за день до его представления²². В таком суждении содержалось немалое преувеличение, с какой бы точки зрения на проект этот ни смотреть. Он, конечно, отличался рядом несомненных достоинств. Его формулировки, как правило, были более краткими и юридически отточенными. И что еще важнее, содержали четкое решение ряда дискутировавшихся вопросов (фиксировали частную собственность на землю, вводили запрет на внутренние таможи, разводили компетенцию двух палат парламента и т. д.). Но по совокупности всех характеристик этот проект не был лучше того варианта, которым к тому времени располагала КК. Некоторые его огрехи и излишние уступки съездовскому большинству новый проект поправлял, другие — воспроизводил, но содержал он и свои собственные, очень серьезные дефекты.

На первом месте в представленном проекте, говорил Сергей Алексеев, «...стоят права и свободы человека. Это — его право на жизнь, это — его право на неприкосновенность, свобода совести и свобода мысли, свобода собственности»²³. Однако в изложении прав «президентский» проект отличался не только от проекта Конституционной комиссии, но и от действовавшей Конституции (после всех внесенных в нее изменений) в основном композиционно. В первую главу, наряду с общими положениями, были включены права человека, которые авторы считали естественными, природными, во вторую — гражданские права, вытекающие из

«принадлежности человека к Российской Федерации». В такой комбинации авторы усматривали важное преимущество своего проекта перед официальным, где членение было иным: сначала основы конституционного строя, а затем все права — как прирожденные, так и приобретенные (в конечном итоге к такой структуре склонилось и Конституционное совещание).

Права, конечно, можно было излагать в любой последовательности. Можно было по-разному выходить и из противоречия, с которым сталкивались авторы всех конституций демократических стран: с одной стороны, зафиксировать незыблемость всех основных прав и свобод, а с другой — оговорить неизбежность ограничений на реализацию многих из них. Это не выдуманное противоречие, оно коренится в самой социальной жизни. Разработчики двух проектов пошли разными путями. Рабочая группа Конституционной комиссии во многих статьях раздела о правах соорудила как бы «нижнюю» и «верхнюю» палаты (по выражению К. Маркса, относившемуся к французской конституции 1848 г.²⁴): сначала то или иное право провозглашается, а затем вводятся его ограничения. Авторы «президентского» проекта избрали другой путь: сначала шли статьи, безоговорочно провозглашавшие различные права, за ними следовала специальная статья, допускавшая «отдельные ограничения прав и свобод»²⁵.

Можно долго спорить, какой из этих вариантов предпочтительнее, но намного существеннее другое: каким образом Конституция гарантирует реализацию, ненарушение прав, а это уже вопрос об организации государственной власти — разделения властей, системы «сдержек и противовесов», осуществления правосудия. Однако именно в этой части в «президентском» проекте содержались серьезные дисбалансы и провалы. Над всеми ветвями власти его авторы поместили мощную фигуру президента. «За что боролись? — комментировали появившийся проект академик Станислав Шаталин и Вячеслав Никонов. — Имели Съезд народных депутатов, который мог все, теперь имеем шанс получить одного человека, который может все»²⁶. И это была еще далеко не

самая жесткая оценка. В ней, конечно, содержалось некоторое преувеличение: и Съезд мог не все, и президент — даже по исходному проекту. Однако власть президента получалась колоссальной, очень слабо ограниченной и практически неоспоримой при любом повороте событий.

Президент наделялся громадными полномочиями. Сверх того, что отводил ему проект Конституционной комиссии, президент, а не вся система государственных органов, объявлялся «гарантом Конституции, прав и свобод граждан». В его руках сосредоточивались почти все высшие кадровые назначения и отставки, причем только кандидатуры глав правительства и Центрального банка должны были представляться для назначения парламенту. Назначать же министров и руководителей федеральных ведомств президент мог по представлению премьера (лица, всецело от него зависимого) и после консультации с Советом Федерации (которая его ни к чему не обязывала). Он и только он получал в свои руки такое мощное оружие, как назначение федерального референдума; никакие иные условия для того (сбор подписей, голосование в парламенте) в проекте оговорены не были. Выступая арбитром в спорах между государственными органами Федерации и ее субъектов, а также между государственными органами самих субъектов, президент приобретал также и судебные функции.

Никаких серьезных ограничителей власти президента проект не предусматривал. Даже в тех немногих случаях, когда президентские назначения и увольнения требовали согласия парламента (например, высших судей или членов Совета безопасности), таковое достаточно было получить лишь в верхней палате — Совете Федерации. Только Совет Федерации мог оказывать некоторое влияние (впрочем, небольшое) на судьбу правительства. Для его назначения или отставки была придумана замысловатая процедура. Президент мог отправить в отставку как правительство в целом, так и отдельного министра и без согласия Совета Федерации. Однако вотум недоверия отдельному министру, вынесенный верхней палатой, не был для президента

обязательным. Если же она отказывала в доверии правительству в целом, то президент должен был представить в недельный срок в ту же палату предложение о кандидатуре председателя правительства (нигде не было оговорено, что это не мог быть прежний премьер).

Но самое интересное должно было происходить при возникновении коллизии по поводу назначения премьера. Если Совет Федерации дважды отклонял предложенную президентом кандидатуру на этот пост, к решению вопроса о правительстве следовало привлечь нижнюю палату — Государственную думу. Кандидатура премьера должна была поступить на совместное рассмотрение палат. Но если и таким способом утвердить премьера не удавалось бы, президент получал право досрочно распустить все Федеральное собрание и назначить исполняющего обязанности премьера. Причем нигде не было оговорено, сколько раз президент может повторять подобную операцию и следовательно, как долго на протяжении срока одного президентства страна может жить вообще без парламента по схеме: выборы — отказ в утверждении премьера — роспуск Федерального собрания — новые выборы. Таким образом, продекларированное право парламента отправить правительство в отставку превращалось в фикцию, а президент — не в пример тягостной для него коллизии на VII СНД — получал вполне реальную возможность (в том числе и сознательно спровоцированную) расстаться с негодным ему парламентом. Однако и это было еще не все. Имея перед глазами тупики затянувшегося кризиса, авторы «президентского» проекта изобрели еще одно ноу-хау, неизвестное в мировом конституционном праве. Президент получал право распустить Федеральное собрание не только из-за спора о премьере и правительстве, но «и в других случаях, когда кризис государственной власти не может быть разрешен на основании процедур, установленных настоящей Конституцией».

Впрочем, можно было предположить, что подобная беспрецедентная норма заложена лишь для того, чтобы создать запас прочности в отношениях президента с и без того слабым парла-

ментом, который становился настолько безвластным, что не только государственный бюджет, но и любые законопроекты, касающиеся налогов, займов, финансовых обязательств государства, могли бы вноситься на его рассмотрение только президентом или правительством. На практике это означало бы лишение депутатов исконной функции парламентариев — законодательной инициативы по большинству законопроектов. Ограничены были и их контрольные функции: в проекте не было предусмотрено существование ни Счетной палаты, ни уполномоченного по правам человека. В особенности была принижена роль Государственной думы: в исключительное ведение Совета Федерации, помимо проблематичной возможности влиять на состав правительства, отходили ратификация и денонсация международных договоров, решение вопросов войны и мира, утверждение актов президента о введении чрезвычайного и военного положения и использовании вооруженных сил за пределами российской территории.

Во всех федеративных государствах верхняя палата формируется на менее представительной основе, чем нижняя. Принцип равенства избирателей ущемляется, как правило, в пользу равного представительства неравных по числу жителей штатов, кантонов (США, Швейцария) или с некоторой (обычно неполной) коррекцией, учитывающей неравновесность земель (ФРГ). Российские законотворцы пошли по третьему пути. В проекте КК отведение половины мест в верхней палате национальным образованиям было представлено как один из возможных вариантов (который впоследствии был исключен). В «президентском» проекте это было единственным решением. В результате малонаселенный автономный округ мог получить больше мест в Совете Федерации, чем, скажем, Москва или Красноярский край.

Проект КК по состоянию на апрель—май 1993 г. по крайней мере ставил законодателя перед развилкой: включить в Основной закон полный текст Федеративных договоров либо представить их *содержание* в консолидированном (и на практике освобожден-

ном от некоторых крайностей) виде. Авторы «президентского» проекта однозначно встали на первый путь. В результате проект украсили четыре преамбулы и многочисленные повторы. Но нарушение элементарных правил юридической техники можно было счесть мелочью по сравнению с содержательными последствиями. Более того, метастазы принятого решения в виде ссылок на Федеративный договор проникли и в другие главы Конституции. Так, в одной из статей Конституции, помещенной в первой, профилирующей ее главе, основой Российского государства был объявлен, наряду с самой Конституцией, «Федеративный договор как ее неотъемлемая часть». Тем самым существенно повышался статус договоров, а сама Федерация становилась договорно-конституционной, основанной как бы не на волеизъявлении граждан, а на правах, делегированных Центру регионами, в первую очередь республиками. Под давлением Совета, в котором были представлены главы республик и который приобрел непомерное влияние, к лету в одном из вариантов дорабатываемого текста появилась запись о республиках как суверенных государствах²⁷.

Политический смысл замысла заказчиков этого конституционного проекта был совершенно прозрачен: опереться на региональные элиты в противовес вышедшему из повиновения Съезду. Предполагалось, что Совет Федерации станет более управляемым, чем Государственная дума (так и вышло на деле). Под давлением президентской инициативы, имея дело с агрессивным региональным лобби на Съезде, аппетиты которого росли, рабочая группа Конституционной комиссии, дорабатывая свой проект, также была вынуждена сдавать позиции, которые она до того пыталась отстаивать.

«Президентский» проект теоретически допускал отрешение главы государства от должности. На практике же он был неуязвим, ибо к решению вопроса об импичменте вместо Конституционного суда подключалось Высшее судебное присутствие. То было еще одно оригинальное изобретение авторов проекта — их отклик на выявившуюся ненадежность состава

Конституционного суда. Предлагалось воздвигнуть некоего монстра — надстройку над всей судебной системой. В нее должны были войти председатели Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов, их первые заместители и трое федеральных судей, назначенных Советом Федерации по представлению президента. Помимо участия в решении вопроса об импичменте это собрание, в формировании которого решающая роль также принадлежала президенту, давало бы толкование Конституции и могло отстранять от должности федеральных судей, в том числе, по-видимому, строптивцев²⁸. Предусматривалось, кроме того, что федеральным законом могут быть установлены изъятия из состязательного принципа ведения судопроизводства.

Таков был замечательный проект, противопоставленный как перекроенной старой Конституции, которая продолжала считаться Основным законом страны, так и проекту КК, который и в ухудшенном по сравнению с исходным вариантом виде имел мало шансов на одобрение в изжившем себя квазипарламенте. Новый проект стал энергично продвигаться администрацией президента. Он был восторженно принят влиятельной частью демократического движения, лидерами и активистами многих общественных организаций, приглашенных к участию в Конституционном совещании, политиками и экспертами, ранее критиковавшими президента за нерешительность и непоследовательность. В их глазах президентская инициатива открывала кратчайший путь к тому, чтобы расквитаться, наконец, с ретроградным парламентом, а в будущем — обеспечить бесперебойное проведение курса реформ, безусловным выразителем и гарантом которого выступал в их глазах Ельцин. Эта позиция входила в резонанс с широко распространившимся в обществе негативизмом по отношению к парламенту и, хуже того, к парламентаризму. С другой стороны, нечего и говорить, что съездовское большинство, не спешившее поставить, наконец, в порядок дня утверждение компромиссного «румянцевского» проекта, вос-

приняло появление Конституции Алексеева — Собчака — Шахрая как акт войны.

В этой непростой и предельно поляризованной политической ситуации той части российских демократов, которые отдавали себе отчет (хотя, возможно, не все и не вполне) в опасных склонениях «президентского» проекта, надо было определить собственную позицию. В особенности остро встал выбор перед участниками рабочей группы КК, которые на протяжении всех прошедших лет противостояли давлению постепенно формировавшегося на Съезде консервативного большинства и стремились сохранить демократическое ядро изначальных вариантов своего проекта.

В реальных условиях тех дней выбор, однако, приходилось делать не между двумя по разным причинам и в разной мере неудовлетворительными проектами. Вопрос был поставлен иначе: поддерживаете ли вы, с оговорками либо без таковых, президентскую инициативу или решительно отвергаете ее и в конечном счете переходите в лагерь, где доминировали так называемый Фронт национального спасения и его парламентское представительство — «Российское единство». Третью позицию могли занимать ученые, эксперты, публицисты. На крутом повороте, оставаясь в политике, надо было выбирать одно из двух. Выбор этот вчера еще спаянные общей идеологией демократы, в том числе российские конституционалисты, сделали разный. Не вполне отдавая себе отчет в том, что всего через несколько месяцев он приведет их по разные стороны отнюдь не фигурально воздвигнутых баррикад.

ВЗГЛЯД ИЗ 1993 года. МОЙ ВЫБОР

«ОПАСНО ЧЕРТА ИЗГОНЯТЬ ДЬЯВОЛОМ»²⁹

— Виктор Леонидович, насколько неожиданными были для вас «конституционные инициативы» президентской команды?

— Неожиданными были конкретные действия, предпринятые президентом. Однако можно было предвидеть, что курс парламентского большинства на подавление исполнительной власти, его резко возросшая в последние недели агрессивность вызовут ответную реакцию и президент попытается реализовать политические итоги референдума в виде каких-то нетривиальных шагов.

— *Каким может быть результат «конкретных действий»? Новый виток конфронтации, когда парламент будет готовить и принимать свою Конституцию, а президент — свою?*

— В недавнем обращении Конституционной комиссии к президенту ему предлагается создать рабочие группы с каждой из сторон, усадить их за стол переговоров и на основе двух документов выработать один общий. В рабочей группе Конституционной комиссии всего человек десять депутатов и экспертов, преимущественно демократической ориентации. Я приблизительно представляю и возможный состав президентской рабочей группы. Эти люди вполне способны работать вместе. <...>

Я бы не стал изначально отдавать предпочтение тому или иному проекту. В каждом есть и достоинства, и недостатки. Безусловное достоинство президентского проекта — статья, запрещающая установление каких бы то ни было барьеров в границах России, которые ограничивают движение товаров, услуг, финансовых средств. Перед угрозой сепаратизма, приведшего в свое время к распаду Союза, такой категорический запрет разумен и необходим. Здесь четко прописано единство вертикали государственной власти, которое в нашем проекте обозначено лишь в самом общем виде. Резче сформулирована статья о праве частной собственности на землю.

Что же касается недостатков... Они разные в двух проектах, но, как правило, их причина одна: давление конъюнктурных соображений. Например, в проекте Конституционной комиссии

не предусмотрено право парламента отправить в отставку все правительство (а не отдельных министров) — выразить недоверие его политике.

Я не раз спорил с коллегами по рабочей группе, доказывал, что зафиксировать это право необходимо. Мне отвечали, что в тех странах, где такое право у парламента имеется, есть ответное право президента распускать парламент. На предложение ввести этот принцип мои оппоненты говорили: «Нынешний парламент на это не пойдет».

Президент в своем проекте закладывает возможность роспуска парламента, хотя формулировка этой статьи выглядит слишком расплывчато. В принципе это правильно, своеволие парламента должно быть ограничено. Раз за разом выражая недоверие правительству, отдельным министрам, отвергая правительственный курс, он должен знать, что на него тоже есть управа. Но из президентского проекта я так и не понял, предусмотрено ли там право парламента отправить в отставку правительство. Сказано об этом довольно невнятно. О каком балансе властей можно тогда говорить?

— *Вероятно, в нынешних условиях невозможно полностью игнорировать политическую конъюнктуру...*

— Политическая конъюнктура — опасный советчик в конституционных вопросах. Рассчитывая в борьбе против депутатского большинства опереться на представителей субъектов Федерации, президентская сторона идет на такие уступки, которые в перспективе грозят полным развалом России. Одна из них — гипертрофированная роль Совета Федерации как верхней палаты парламента. В его руках — вся кадровая политика, он решает вопросы войны и мира, ратифицирует международные договоры, объявляет военное положение. Специализация палат, безусловно, нужна. Но не такая же... <...>

Думаю, что для президента важна не новая Конституция как таковая, а предоставляемая ею возможность распрощаться с нынешним депутатским корпусом. Я не только понимаю это

стремление, но и поддерживаю его: сам подписал письмо с призывом о досрочных перевыборах парламента. Но в последние дни из памяти не идет известная французская поговорка: «Опасно черта изгонять дьяволом». Уступки, которые делают президент и — в ответ на его уступки — Конституционная комиссия, срочно подправляющая свой проект в интересах сил, которые выступают от имени национальных республик, чрезвычайно опасны тем, что поощряют центробежные тенденции. Похожее соревнование происходило между Верховным Советом и президентом в предоставлении дешевых кредитов различным регионам России. Это во многом подхлестнуло инфляцию. В данном случае речь идет об инфляции государственности. <...>

— *Получается, проекты действительно не так уж несовместимы.*

— На самом деле основной вопрос не в пунктах разногласий, а в том, кто и как будет принимать Конституцию. Думаю, Съезд пока не готов принять ее не только в президентском или согласованном варианте, но и в варианте, основные положения которого он ранее одобрил. Прежде всего потому, что после этого неизбежно последуют перевыборы депутатов. Это, вероятно, предвидит и президент. Далее он может рассуждать так: если Съезд — главная помеха на пути к экономической и политической стабилизации, если он не способен принять новую Конституцию, надо принимать ее каким-то иным путем, в обход действующей Конституции.

— *И общество спокойно отнесется к «неконституционному» принятию Конституции?*

— Референдум показал, и мои встречи с избирателями подтверждают, что престиж депутатского корпуса довольно низок. Я отнюдь не призываю к роспуску парламента вопреки его воле. Но если это случится, едва ли возникнет сильное общественное возмущение. Плохо это не с точки зрения судьбы данного парламента, а точки зрения принципа: если президенту можно распустить данный парламент, почему бы не сделать это и со

следующим? Почему бы полученную концентрацию полномочий в руках исполнительной власти будущим лидерам не использовать для установления, скажем так, не вполне парламентского режима?

— *Не слишком ли дорогая плата за победу над консервативным Съездом? И угроза целостности России, и антидемократический прецедент...*

— Лично я предпочел бы другой, конституционный путь. Но он может оказаться наглухо перекрытым: боюсь, многие мои коллеги опьянены чувством власти и утратили представление о реальном соотношении сил. Однако и в президентском варианте много подводных камней. Насколько можно понять, президент намерен представить Конституцию для одобрения субъектам Федерации. В какой форме это будет сделано? И что если значительная часть регионов ее не поддержит? Консультации с субъектами Федерации неизбежно выведут на политическую арену края и области с преобладанием русского населения. Вряд ли представители этих областей, независимо от симпатий и антипатий к президенту, так уж спокойно отдадут на откуп республиканским элитам конституционные вопросы. Тут я предвижу большие неожиданности и неприятности, о которых, возможно, не думают президент и его команда.

«ФЕДЕРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ — УЗЛОВОЙ ВОПРОС Конституции»³⁰

Илья Шаблинский: *Вы полагаете, что в основе работы Конституционного совещания должен обязательно лежать так называемый президентский проект Конституции? Или возможны какие-то другие решения?*

Виктор Шейнис: Я бы хотел уйти от вопроса, который носит, на мой взгляд, преимущественно престижный характер. Чей проект должен лечь в основу будущей Конституции? Естественно, я длительной работой гораздо более тесно связан с проектом Конституционной комиссии, нежели с недавно появив-

шимся президентским проектом. Но, на мой взгляд, основные задачи сегодняшнего дня заключаются в том, чтобы выработать такой проект Конституции, который наилучшим образом отвечал бы реалиям и интересам нашего общества. Я вижу позитивные моменты и в проекте Конституционной комиссии, и в проекте Президента. Точно так же, как я вижу негативные черты и в том и другом проекте. Поэтому, не предрешая на данном этапе чисто технического вопроса, вокруг какого текста будет строиться обсуждение, я бы предложил сравнительно миролюбивый и ориентированный на согласие вариант. А именно: есть опубликованная сопоставительная таблица двух вариантов, вот по этой таблице я бы и пошел. Во-первых, по некоторым подсчетам, до 60% текста совпадают, значит, 60% уже сразу можно перенести в итоговый проект. Что касается остальных моментов, то здесь нужно вести заинтересованный и вместе с тем спокойный разговор, выбирая те формулировки, которые, как я уже сказал вначале, наиболее отвечают интересам нашего общества. Возможно, это будут формулировки, которые родятся на базе сопоставления двух разных вариантов и которые не будут в точности соответствовать ни одному, ни другому варианту. Во всяком случае, я бы рекомендовал отказаться от жесткой конфронтационной позиции.

И. Ш.: *Вам не кажется опасным то, что в нынешней ситуации субъекты Федерации стремятся как бы использовать конъюнктуру, получить тот статус в будущей Конституции, который не благоприятствовал бы будущему Российскому государству в целом? Помните заявление 12 субъектов Федерации о том, что в обоих проектах Конституции «права человека вытесняют права народов»?*

В. Ш.: Я думаю, что самый опасный момент, связанный с конфронтацией двух проектов, равно как и вообще конфронтацией исполнительной и законодательной власти, связан с той угрозой, которую эта конфронтация несет для единства Российской Федерации. Вы затронули сейчас, может быть, самый

больной и болезненный вопрос. Вопрос о тех далеко идущих уступках, которые делает и та, и другая, парламентская и президентская, сторона, желая получить поддержку регионов и прежде всего поддержку бывших автономий, а ныне республик в составе Российской Федерации. Мне кажется, что здесь необходимо проявить определенную твердость и поставить границы, за которые уступки и шаги навстречу требованиям республик переходить ни в коем случае не должны. Даже если это обещает успех в той внутренней конфронтации, которая ведется здесь, в Москве, в центре. Вообще, мне уже приходилось говорить, что нынешняя ситуация мне напоминает игру на двух досках. Только не в шахматы, а в поддавки. За одной доской в эту игру с бывшими автономиями играет Президент, за другой с бывшими автономиями играет парламент. Президент и парламент соревнуются между собой: кто быстрее отдаст все фигуры. Это, по-моему, чрезвычайно опасная игра, чреватая чрезвычайно опасными последствиями. Я приведу два примера.

Первый пример: включение в текст Конституции Федеративного договора. Я решительно против этого. И не в силу того, что я не уважаю Федеративный договор. Я считаю, что он отражает определенный баланс сил и более или менее выверенную точку соприкосновения интересов, гармонии интересов. <...>. А что же видим сейчас? Широким жестом президентская сторона включает Федеративный договор в Конституцию. После этого Хасбулатов делает аналогичный шаг и резко обрывает Румянцева на заседании Конституционной комиссии, когда тот отстаивает всего-навсего формулировку шестого Съезда о том, что в Конституцию должно войти содержание Федеративного договора, а не сам договор³¹. Это один пример.

Второй пример. В течение длительного времени рабочая группа Конституционной комиссии сопротивлялась натиску бывших автономий, которые требовали, на мой взгляд, совершенно неправомерного решения, согласно которому в верхней палате, в Совете Федерации, области, с одной стороны, и республики,

с другой, должны быть представлены равным числом депутатов. <...> Президентский вариант делает, и это один из самых серьезных недостатков, на мой взгляд, и здесь серьезную уступку нашим бывшим автономиям, предлагая паритет: половина на половину. Я буду решительно возражать против такого решения.

И. Ш.: *Это же искусственное принижение статуса областей.*

В. Ш.: Конечно, краев, областей, Москвы, Санкт-Петербурга. Я думаю, что, скажем, американский принцип, согласно которому каждый штат, независимо от его величины, посылает одинаковое количество представителей в Сенат, является достаточно взвешенным и спокойным принципом. Он, правда, нарушает принцип равного избирательного права, поскольку оказывается, что от большего количества граждан, скажем, живущих в Калифорнии, посылается такое же количество сенаторов, как от Мэриленда, где граждан значительно меньше. Но здесь, по крайней мере, есть какое-то логическое обоснование, связанное с федеративным устройством государства. Нам же предлагают не Федерацию, а доминирование определенной части субъектов Российской Федерации над другими субъектами.

Ну и, наконец, последняя часть вашего вопроса. Для меня совершенно неприемлем принцип, согласно которому какие бы то ни было соображения морального или юридического, или любого иного порядка могут быть поставлены выше или даже рядом с правами человека. Я буду решительно возражать против этого.

И. Ш.: *Последний вопрос, связанный с процедурой принятия новой Конституции. Есть точка зрения, согласно которой ни один из проектов на Съезде не может получить 2/3 голосов. Есть такая точка зрения. С другой стороны, любые идеи, связанные с каким-то иным, не связанным с действующей Конституцией порядком принятия Основного закона, тоже не очень ясны до сих пор. Если можно, обрисуйте свою позицию по этому вопросу.*

В. Ш.: Я — за то, чтобы попытаться все-таки найти решение, способное получить поддержку двух третей депутатов. Мне кажется, что перед нами достаточно серьезная угроза, которая исходит от крайних сил, я имею в виду в особенности агрессивную оппозицию, занимающую крайний фланг, так называемый Фронт национального спасения, организаторов провокаций, в частности организаторов первомайской провокации. Мы все перед лицом этой угрозы, а также угрозы распада Российской Федерации под давлением ряда групп в национальных образованиях. Перед лицом экономических проблем, стоящих перед страной в рамках того курса экономической реформы, который был одобрен большинством избирателей на референдуме. Вот под влиянием всех этих императивов, мне кажется, можно еще раз попытаться найти взаимоприемлемые решения и собрать большинство на Съезде. Если это не получится, а считать такой вариант исключенным было бы наивным, необходимо найти какие-то альтернативные варианты. Одним из альтернативных вариантов могло бы стать проведение референдума. Но я — не за безоглядное бросание к референдуму, как это предлагают некоторые сторонники, скажем так, демократического лагеря. Я думаю, что на референдум надо идти в том случае, если будет уверенность, что большинство избирателей и большинство или по крайней мере значительная часть субъектов Федерации поддержит тот проект Конституции, который в муках будет выработан или Конституционным совещанием, или какими-то другими структурами. Наконец, есть еще один вариант. Ориентируясь на принятие новой Конституции как на программу-максимум и на проведение на основе этой Конституции выборов, я бы мог предложить, скажем, отложить принятие Конституции. Пусть решает следующее поколение, будет ли это парламент, будет ли это какая-то форма Учредительного собрания. Это вопрос не принципиальный, это можно решить и потом. <...>

**«ИДЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ —
СОВМЕСТИТЬ ОБА ПРОЕКТА»³²**

— Виктор Леонидович, известно, что вы — один из активных деятелей в парламентской фракции «Согласие ради прогресса», которая в целом поддерживает социально-экономический политический курс Президента, исполнительной власти. С другой стороны, вы же — заместитель ответственного секретаря Конституционной комиссии, что на протяжении трех лет упорно работала над проектом новой Конституция я подготовила ее. И вдруг Президент отказывается от своего проекта и предлагает обществу новый, созданный в кулуарах...

— Это вопрос чисто политический... Между тем заниматься политикой я стал волею обстоятельств, большую же часть своей жизни был ученым. Поэтому то, что произошло с проектом новым Конституции, постарался воспринять прежде всего как аналитик, то есть отделить себя как субъекта этого документа от себя же как объекта собственного исследования. Разве столь существенно, кто разработал проект Конституции? Главное — насколько он отвечает нынешним реалиям. Но, конечно, шаг Президента не тривиален...

— Мягко говоря.

— Я стараюсь избегать оценочных моментов. Не тривиален, если иметь в виду, что Президент действительно является председателем Конституционной комиссии, от имени которой и был опубликован проект, что он неоднократно выражал согласие с его основными идеями. И даже более того, после VI Съезда народных депутатов направил в рабочую группу чуть больше 20 поправок к тексту. Почти все они были приняты.

Разумеется, меня интересовали мотивы, которые двигали президентской стороной. Думаю, в основе их лежит нежелание парламентского большинства считаться с некоторыми объективными реалиями, те его действия (выявившиеся, в частности, на референдуме), ущемляющие и оскорбляющие Президента.

По-видимому, в его окружении да и у самого Ельцина сложилось мнение, что с таким Верховным Советом иметь дело невозможно. Так что за появлением президентского проекта стоит желание «получить» другой парламент и заодно усилить президентскую власть.

Но, понимая это, я, однако, задаюсь вопросом: насколько удачен проект Президента по существу, независимо от политической конъюнктуры? И здесь вынужден признать, что, хотя в этом документе имеется целый ряд положений, выгодно отличающих его от проекта Конституционной комиссии, с целым рядом других положений я согласиться не могу. Вызывает сомнение и метод выработки Конституции, который используется президентской стороной. Особенно смущает подчеркнутая ориентация на властные структуры регионов.

Недавно Сергей Шахрай в своем выступлении сопоставил легитимность трех субъектов политического процесса. Это Президент, легитимность которого повысил референдум (с этим можно согласиться, хотя отсюда вовсе не следует, что Президент после него получил дополнительные — учредительные — функции). Это Съезд, который не имеет уже — после референдума — легитимного права единолично принимать новую Конституцию. (И с этим можно было бы согласиться, хотя и с оговоркой). А также власти субъектов Федерации, легитимность которых, по мнению Шахрая, выше, чем у депутатов Съезда. Почему? Разве их представительные органы избирались иначе, не в то же время и не в соответствии с тем же самым законом о выборах?

По-моему, «введение в игру» субъектов Федерации — конъюнктурный шаг. Он означает, что группы политиков, которые представляют регионы, получают дополнительные права. Это очень опасный для целостности России путь.

— *Вам не кажется, что такая тактика — это и есть своеобразная реакция президентской стороны на неблагоприятные для нее итоги референдума в бывших автономиях и негативную позицию их руководителей на президентский проект?*

— Но тогда еще менее разумно для Президента делать дополнительные пасы в сторону тех участников политического процесса, которые однажды уже тебя не поддержали... Меня тревожит, что Президент в своем проекте пошел на целый ряд уступок настойчивым требованиям бывших автономий.

Меня привлекает, как это ни покажется странным, зафиксированная в этом проекте возможность роспуска Президентом парламента. В свое время, когда я отстаивал в Конституционной комиссии право парламента отправить в отставку не только отдельных членов Кабинета министров, но и все правительство в целом, мне резонно возражали: в странах, где существует такая практика, Президент обладает правом распустить парламент. В проекте Шахрая — Алексеева Президент такое право получил. Но оно сформулировано настолько расплывчато, что я не стал бы его поддерживать.

— *Как у Наполеона: «Пишите коротко и неясно»?*

— Да нет. Оно сформулировано коротко, но достаточно ясно. Президент может по своему усмотрению в ситуации острого политического кризиса распустить парламент.

— *Но если политические кризисы в России будут повторяться часто и эта секира всегда будет висеть над парламентом?*

— Конечно, Президенту следует дать право распустить парламент. Это необходимо, чтобы последний не слишком «зарывался», чтобы, учитывая сложные проблемы повседневного управления страной, понимались задачи, которые стоят перед исполнительной властью. Но право это, безусловно, должно быть ограничено. Скажем, в Конституции Французской Республики президент может прибегнуть к такому решению только после года работы парламента.

— *Полномочия, которые предоставила Конституция Франции в 1958 году президенту де Голлю, нередко сравнивают с полномочиям российского Президента в проекте Шахрая — Алексеева. Однако последние превзошли те, которыми*

наделил народ Франции творца Пятой республики. Например, де Голль имел право распустить парламент после консультаций с премьером и председателями палат. У нас же Президент, по новому проекту, может это и без консультаций...

— Но в нынешней ситуации Ельцин не может распустить парламент даже после консультаций.

— В нынешней ситуации — да. А по проекту? Скажем, не утвердил парламент несколько раз подряд кандидатуры председателя правительства или руководителей судебных органов, генерального прокурора или руководителя Центрального банка — чем не повод распустить «непослушных»? Вам не кажется, что это опасно в условиях страны, имеющей авторитарное прошлое?

— Я согласен, что в ряде случаев президентский проект идет дальше того, который был подготовлен для де Голля. Думаю, что все же удастся договориться с Президентом и привести эти положения к разумному виду. Но здесь я хотел бы отметить два момента. Когда наблюдаю за конфликтом между Президентом и депутатским корпусом, то мои симпатии на стороне первого.

Да, парламент принял ряд важных законов, внес нужные изменения в ныне действующую Конституцию. Конечно же, я за то чтобы парламент мог контролировать назначение высших должностных лиц, мог отправить в отставку правительство и т. д. Но если вы спросите меня, хотел ли бы я, чтобы столь нелюбимый хорошо известной частью депутатов министр иностранных дел Козырев предстал перед нынешним парламентом, чтобы получить от него «добро» для назначения на этот пост, то я бы ответил на этот вопрос отрицательно. Неквалифицированный парламент вмешивается в вопросы внешней политики, время от времени принимая некомпетентные решения.

— Не считаете ли вы, что именно такими же соображениями «политической целесообразности» руководствовались авторы президентского проекта Конституции, «строя» его

под определенное лицо — Ельцина. А что будет, если на этом посту окажется Жириновский либо кто-нибудь другой из непредсказуемых политиков?

Известно и то, как в свое время в Германии президент Гинденбург воспользовался правом роспуска парламента, чтобы привести к власти Гитлера. А ведь некоторые политологи проводят аналогии между тогдашней Веймарской республикой и нынешней Россией...

— Я не хотел бы выглядеть человеком, который защищает неправовую политическую практику, исходя из «политической целесообразности». Я не сторонник выхода за рамки Конституции, даже той, к которой отношусь критически. В свое время я советовал Ельцину не выносить на рассмотрение парламента утверждение ключевых министров, потому что тогда это не было предусмотрено Основным законом страны.

Конечно же, Конституция не должна «строиться» под конкретного политика. Чрезвычайно опасно, если особыми полномочиями воспользуется человек, не разделяющий демократических ценностей. Налет политической конъюнктуры в президентском проекте, безусловно, есть. Хотя и не в такой степени, как это представляют некоторые его активные критики. Надеюсь, что «синтетический» проект, который будет выработан после соединения двух вариантов Конституции, будет свободен от этого недостатка.

— *Вы считаете, что созываемое Президентом Конституционное совещание способно «выдать» такой проект?*

— Мой опыт показывает, что несколько сот человек хороши для митинга, но не для того, чтобы решать важные государственные вопросы, работать с документами. Тем более присутствие на Конституционном совещании одиозных политических фигур, а их там, видимо, будет немало, не располагает к оптимистическим прогнозам.

Идеальное решение: если бы на Конституционном совещании сложилось такое умеренное большинство, которое пришло

бы к выводу о необходимости совместить два проекта Конституции, совещание смогло бы образовать для этих целей рабочую группу, которая продуктивно поработала бы над сведением обоих вариантов, подготовила бы текст проекта Конституции. В таком случае Конституционное совещание выполнило бы свою задачу. Однако у меня немного надежд на это, хотя я и мои политические друзья делают все возможное, чтобы так было...

— *Как быть, если компромиссный вариант Конституции не будет предложен совещанием?*

— Если не удастся этого достичь, тогда надо хотя бы реализовать программу-минимум: принять некоторые неотложные документы, способные вывести страну из политического тупика. Я имею в виду конституционный закон о высших органах государственной власти, который может быть представлен как закон о дополнениях и изменениях ныне действующей Конституции. Этот закон в первую очередь ликвидировал бы двухступенчатую структуру высшего законодательного органа, упразднил бы Съезд, закрепил профессиональный парламент, уточнил взаимоотношения между ним, Президентом и правительством. Далее — необходим новый закон о выборах, который включит хотя бы элементы пропорциональной системы, избрание по спискам политических партий или их объединений. Проект такого закона наша рабочая группа только что представила в Верховный Совет. И наконец, закон о политических партиях. Если эти законы будут приняты, тогда можно приступать к новым — многопартийным выборам.

— *Критики парламента высказывают сомнение в том, что он может принять «прогрессивные» законы».*

— Для их принятия существуют два пути — парламент и референдум. Если не удастся пройти первый, останется второй.

КОНСТИТУЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ НА СТАРТЕ

Реконструируя подготовку и ход Конституционного совещания — нового института, эффектно введенного президентом в за-
торможенную было политическую игру, — нельзя не заметить отсутствия какого бы то ни было заранее продуманного, последовательного плана действий. Продвижение к поставленной цели — преодолению политического кризиса, — как и прежде, осуществлялось посредством импровизаций, методом проб и ошибок.

Как мы видели, представляя 29 апреля «президентский» проект Конституции, Ельцин весьма расплывчато обозначил статус (и даже название) органа, которому предстояло дорабатывать проект, порядок и сроки его формирования. Сначала для представления замечаний и предложений по проекту был отведен срок в три недели. В него можно было бы уложиться, если бы поправки (на что, по-видимому, тогда и рассчитывал президент) носили косметический характер. Но уже 12 мая появился указ, продлевающий этот срок еще на две недели — до 5 июня, дня, когда Конституционное совещание должно было начать работу. Композиция КС в тот момент виделась так: по два представителя от каждого субъекта Федерации плюс необозначенное в указе число представителей президента и фракций СНД. То, что этому собранию отведена лишь номинальная роль, вытекало из положения указа, предписывавшего, что в основу должен лечь «президентский» проект, а всю работу следует провести в пять дней, завершив ее к 10 июня. Одновременно было издано распоряжение о рабочей комиссии — аналоге и заместителе Конституционной комиссии СНД, которая, собственно, и должна была осуществить доработку текста новой Конституции. В состав этой комиссии, помимо самого президента, были включены 11 министров во главе с Черномырдиным, 3 высокопоставленных сотрудника президентской администрации, 14 президентов республик и глав исполнительной власти российских регионов, 5 глав представительных органов субъектов Рос-

сийской Федерации, 2 высших судей (в число которых не вошел председатель Конституционного суда), 6 депутатов парламента, не занимавших постов в структурах исполнительной власти (в их число не был включен ответственный секретарь КК) и 1 ученый (разработчик проекта С. Алексеев) — всего 43 человека³³. Замысел вырисовывался достаточно ясно: форсированно и без серьезных потерь провести данный проект, продемонстрировав публичную его поддержку со стороны лояльных президенту структур.

Вскоре, однако, план этот пришлось корректировать. 20, 31 мая, 2 и 3 июня были изданы указы и распоряжения президента, существенно изменявшие и конфигурацию КС, и порядок его работы. Время работы продлевалось до 16 июня (на деле одна лишь первая его фаза продолжится почти на месяц больше — до 12 июля). Были назначены два пленарных заседания (по факту их оказалось пять). Число представителей от каждого субъекта увеличивалось до четырех человек. Само совещание приобретало значительно более сложную композицию. Наряду с рабочей комиссией учреждались пять секций — групп по доработке проекта, в которые вошли 832 представителя основных субъектов конституционного процесса:

- от федеральных органов государственной власти (65 человек — представители президента и правительства, 133 — иных федеральных государственных структур, среди них — 103 депутата РФ, в том числе почти весь состав КК);
- от органов государственной власти субъектов Федерации (184 человека в ранге руководителей региональных властных структур, в том числе 34 депутата РФ, и 199 экспертов);
- от органов местного самоуправления (27 представителей);
- от политических партий, профсоюзов, иных общественных организаций, массовых движений и религиозных конфессий (177 человек, в их числе 11 депутатов РФ);
- от товаропроизводителей и предпринимателей (47 представителей)³⁴.

В каждую группу были назначены координаторы из числа членов рабочей комиссии³⁵. Как видно, КС по ходу его конструирования преобразалось довольно основательно. Оно становилось многолюдным, сопоставимым по численности с самим СНД. От односторонней ориентации на региональные элиты президент переходил к системе балансов. Региональная группа оказалась самой многочисленной, но принятым решениям предстояло пройти сквозь фильтр рабочей комиссии, в которую направлялись предложения также и других четырех групп. Солидное представительство получил депутатский корпус (около 150 человек), но к реальной работе была привлечена относительно небольшая часть парламентариев, к тому же они были рассредоточены по разным группам. Заметную роль предстояло сыграть представителям партий, профсоюзов и иных общественных организаций, но при царившем в Минюсте регистрационном хаосе значимые структуры получили такое же представительство, что и виртуальные организации. Однако само разделение участников КС не по проблемам или разделам Конституции, как это было изначально сделано в рабочей группе КК, а по группам, представлявшим различные государственные и общественные структуры и к тому же работавшим отдельно, должно было привести (и действительно привело) к тому, что по каждой спорной статье было выдвинуто столько вариантов решений, сколько групп в составе КС. Из них рабочая комиссия, за которой было оставлено последнее слово и поведение которой представлялось наиболее предсказуемым, могла выбрать варианты, не слишком удаленные от концепции «президентского» проекта.

В одном Конституционном совещании нельзя было отказать: по замыслу, как он реализовывался на момент созыва, оно, включая немало знаковых фигур тогдашней политики, выглядело довольно представительным собранием (в списках значились и влиятельные лидеры оппозиции), хотя никто не мог сказать, как распределение участников Совещания по их конституционным и политическим воззрениям соотносилось с расстановкой сил в обществе.

КС было задумано и выдвинуто как альтернатива СНД в конституционном процессе. Но в отличие от парламента новоизобретенный институт не располагал необходимой легитимностью, а его решения (если не выходить за рамки действующего законодательства) могли носить лишь рекомендательный характер. Вопрос о том, как принимать Конституцию и что надо сделать с «президентским» проектом, чтобы он был принят, выдвинулся в центр общественной дискуссии, разгоревшейся с новой силой. Впрочем, позиции сторон несложно было предсказать априори.

«Президентский проект нацелен на разрушение конституционности в России», — написала «Правда» накануне Совещания. Перебрав ряд политиков, для которых «монаршьи полномочия», заложенные в «ельцинском проекте», — «длина рукава по их загребущим рукам», политический обозреватель газеты приходил к заключению, что предложенный проект «принимать некому» и что «противостоять развалу еще можно, если решительно стать на защиту действующей — пусть перештопанной и перелатанной — Конституции РФ и советского строя»³⁶. С агрессивной оппозицией все было ясно: никакой вариант продвижения к новой Конституции она не приемлет и места, зарезервированные для ее представителей на КС, занимать не собирается.

Немногим отличалась и позиция Хасбулатова. Осудив «игру» в принятие новой Конституции, председатель ВС объявил, что в событиях, происходящих в России, кроме трагедии, есть еще и «фарс: весь мир смеется над выходками высшей исполнительной власти и насмешливо-жалостливо смотрит на парламент (Съезд) и Конституционный суд, которые терпят эти практически невозможные терпеть политическую клоунаду и издевательства над собой»³⁷.

Становилось ясно также, что за свою довольно проблематичную поддержку «президентского» проекта «автономы» заломят совершенно непомерную цену. Особенно неприкрыто свои претензии заявляли региональные элиты Башкирии, Татарии, Яку-

тии, не говоря уж о Чечне, правители которой после неудавшейся попытки силового вмешательства федерального правительства в ноябре 1991 г. неизменно подчеркивали, что конституционный процесс в России к их республике не имеет отношения³⁸. На появление «президентского» проекта эксперты Башкортостана ответили заключением, в котором подчеркивали, что «статьи первого раздела практически сводят на нет соответствующие положения Федеративного договора о государственной природе республик» и что «далеко не все законы Российской Федерации безоговорочно действуют на территории данной республики»³⁹. А Верховный Совет Татарстана представил поправку в новую Конституцию, исключавшую Татарстан из перечня субъектов Российской Федерации и дополняющую ее новой статьей, которая устанавливала не больше и не меньше, что «Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения»⁴⁰. Чуть более сдержанные претензии к реализации в тексте Конституции РФ принципов договорно-конституционной Федерации заявил и ВС Якутии⁴¹.

Не следует думать, будто Ельцин, обращаясь к региональным элитам (прежде всего к той их части, которая складывалась вокруг структур исполнительной власти, — большинство же ее глав было назначено им самим) за поддержкой против съездовского большинства, был готов удовлетворить все притязания «автономов». Планы и намерения Ельцина в известной мере раскрыл Сергей Шахрай на встрече с депутатами демократических фракций в Кремле в начале мая. Президент в своем проекте отдает республикам и другим автономиям половину мест в верхней палате, рассчитывая, что края и области «отыграют назад», говорил он. Не зря в конституционном проекте местное самоуправление разведено с государственной властью: через голову региональных владык российский Центр будет обращаться к ассоциациям городов. Но если с регионами и в регионах прези-

дент готов вести сложные игры, то по отношению к депутатскому корпусу он занимает жесткую позицию. После референдума 25 апреля Съезд не вправе сделать три вещи: объявить импичмент президенту, отправить в отставку правительство и самостоятельно принять новую Конституцию. Но и президент не имеет морального права вернуться к Конституции, которую КК и ВС превратили в «сборную солянку». После VI Съезда Ельцин был готов работать с этим вариантом, но теперь он связан программой, с которой выступал на референдуме.

В мае — начале июня демократы проводят одно совещание за другим. В повестке — извечный вопрос: «Что делать?». Обсуждают не сам «президентский» проект — этим займется КС, и тогда выявятся серьезные расхождения также и среди демократов. Но пока об этом если и думают, то не очень говорят, да и масштаб, и трудоемкость предстоящей работы представляют слабо. Исходят из того, что новый проект предпочтительнее парламентского и что КС его безусловно одобрит. Вопрос лишь в том, как продвигать его дальше. В центре дискуссий — три возможных варианта утверждения Конституции — Съездом, референдумом, Учредительным собранием. На пути каждого из них предвидятся серьезные осложнения⁴².

Одобрение «президентского» проекта на Съезде — единственный строго конституционный, но совершенно нереальный вариант. Станным образом его не считают исключенным. Но вынесение проекта на суд Съезда рассматривают скорее как эпизод в многоходовой комбинации. Распорядок действий таков, говорит Шахрай: сначала — Конституционное совещание, которое должно завершиться парафированием проекта большинством субъектов. Затем проект будет вынесен на Съезд. Никаких обсуждений — Съезд должен сказать «да» или «нет». Если Съезд Конституцию не одобрит (Шахрай едва ли мог питать иллюзии на этот счет), остаются два других варианта. На этот случай Бурбулис предлагает «идеальное решение»: 350 депутатов слагают полномочия, кворум рушится, Съезд будет делегитимирован, а депу-

татам, «оказавшимся в переходной исторической зоне», будут предоставлены социальные гарантии. Иными словами, имея уже опыт сходных попыток развалить парламент на VII и VIII Съездах, почему-то рассчитывают, в третий раз наступив на грабли, получить иной результат.

Из памяти еще не изгладились результаты апрельского референдума. Посмотрите на его карту, призывает Александр Котенков. За президента голосовали те регионы, где его поддерживают руководители. Значит, если большинство губернаторов проголосует за новую Конституцию, то и население ее поддержит. Ему возражают: не переоценивайте результаты прошедшего референдума, они скромны. И нельзя сбрасывать со счета фактор времени. Через два месяца, предрекает Юрий Москвич, рейтинг президента начнет катастрофически падать. Референдум — единственный путь, настаивают одни. Второй референдум в условиях ухудшающегося экономического положения мы не выиграем; к тому же на референдум будут вынесены 2—3 проекта, которые разобьют голоса, не соглашаются другие. К своей любимой идее возвращается Марина Салье: остается единственный механизм — Учредительное собрание. В его созыве и должна проявиться решительность президента. Только с помощью населения можно продать Конституцию, которая нам нужна. Но здесь возникает еще одна развилка: как формировать Учредительное собрание? Самый демократический и безупречный способ его создания, убежден Борис Золотухин, — это выборы. Выборы не получатся, возражает Шахрай, лимит обращения к одному и тому же народу по государственным проблемам издержан.

Предложение форсировать выборы — будь то выборы в Учредительное собрание, будь то в новый парламент с учредительными функциями — не вызвало энтузиазма в демократических организациях. 29 мая состоялся пленум Совета представителей «Демократической России». Наши организации на местах исчезают, говорили участники пленума. На референду-

ме президент опирался на две силы: с одной стороны, на свой аппарат и новую номенклатуру, а с другой — на демократические организации, интеллигенцию, новые профсоюзы и предпринимателей. Душу вкладывали вторые, плоды достались первым. Теперь и бывшие демократы переходят на сторону номенклатуры. Авторитет «Демократической России» увял, на выборах мы будем неконкурентоспособны. Власть в регионах будет переходить к оппозиции, а она-то уж сумеет сформировать избирательные комиссии из подходящих людей. Пора не только нам поддерживать президента, но и президенту поддерживать нас.

Надвигающиеся выборы ставили в порядок дня еще один вопрос: о партиях и избирательных блоках. Участники дискуссий в основном соглашались, что надо объединить демократические партии, пусть пока карликовые, и авторитетных лидеров. Как объединить? По мнению Андрея Нечаева, для 80% избирателей бренд «Демократической России» ничего не значит. Организацию должны основать известные лидеры, партии к ним присоединятся. Соглашаясь с тем, что имена значат больше, чем программы, Сергей Юшенков говорил о проблемах, которые неизбежно встанут перед демократами: на референдуме мы шли единым фронтом, на выборах схлестнутся амбиции, столкнутся интересы даже тех, кто сидит за этим столом. Противопоставление имен организациям бесплодно, пытался примирить разные подходы Егор Гайдар. Необходимо формировать избирательный блок, и поскорее. Блок будет представлять широкое объединение политиков реформистского спектра, расстановку которых в списке определяют праймериз и организации, которые себя зарекомендовали.

На обсуждение был поставлен и такой вариант: принимать Конституцию, как Федеративный договор, т. е. парафировать, а затем ратифицировать в регионах. Хорошо бы так, комментирует Филатов, но республики потребовали передать проект на сессии их Верховных Советов, а это — могила. Лучше собрать

надлежащим образом подобранных представителей в Центре и одобрить проект здесь. Это могут быть представители только от регионов. Конечно, действующая Конституция такой порядок не предусматривает, но переход от одной системы к другой и не может идти в соответствии со всеми ее статьями. На Конституционном совещании спроектирован баланс: участие депутатского корпуса и «подключение других политических сил» — противовес претензиям регионов, участие регионов — противовес «безумству Съезда».

Разногласия возникали практически по каждому вопросу. Ясно было одно: ни один из обсуждавшихся вариантов успеха не гарантирует. Чтобы хоть как-то подвести итог дискуссиям и привести депутатов, на поддержку которыми «президентского» проекта можно было рассчитывать, в состояние мобилизационной готовности, кремлевская администрация за несколько дней до начала работы КС собрала около двухсот лояльных депутатов в одном из подмосковных пансионатов. Это была едва ли не последняя попытка создать хоть какую-то базу поддержки для новой президентской инициативы в парламенте. Но поскольку способ реализации этой инициативы был неясен самим устроителям, обсуждение пошло вразнобой. При старой Конституции, которую Съезд может легко корректировать в свою пользу, больше жить нельзя. Новую надо принимать немедленно. Из-за отсутствия Конституции может умереть российское государство, убеждали Филатов и Шахрай. С этим, собственно, никто из собравшихся не спорил. Но и организаторы последнего многолюдного собрания демократических парламентариев, и тем более сами депутаты довольно смутно представляли, как следует поступать при различных вариантах развития событий. Снова и снова повторяли, что уход 350 депутатов мог бы делегитимировать Съезд, но реалисты говорили: в лучшем случае наберется сотня «отказников». Ясно было, что ничего хорошего большинство собравшихся не ждет. Сумбурное обсуждение не прибавило ни ясности, ни надежд, ни оптимизма. Завершилось оно заявлением в поддержку КС.

В нем депутатам — сторонникам президента было рекомендовано следовать алгоритму, изложенному Шахраем, а если Съезд вознамерится внести в проект, который еще предстояло создать на КС, какие-либо изменения, не согласованные с президентом и субъектами Федерации, — отказаться от участия в работе парламента. Заявление было разослано по телеграфу всем депутатам. Но запомнилось это действо скорее застольем, на котором одни натужно имитировали веселье, а иные торопились забыться — благо, средство к тому было обильно выставлено на столах. Под конец над головами пирующих просвистела запущенная кем-то, но, по счастью, ни в кого не попавшая бутылка⁴³.

Несмотря на большой разброс оценок, прогнозов, рекомендаций со стороны политиков, более или менее решительно поддерживавших инициативу президента, все они полагали, что с СНД и ВС надо либо как-то договориться на базе «президентского» проекта, либо — к тому склонялось большинство — обойти их или удалить из конституционного процесса. Иными словами, парламент рассматривали как пассивный объект целенаправленной политики, в худшем случае способный затормозить, но не помешать продвижению к новой Конституции. То, что он может сыграть активную, самостоятельную роль, во внимание не принималось. Между тем появление «президентского» проекта подстегнуло необычайную активность парламента, обладавшего и собственным (правда, не доведенным до необходимой кондиции) проектом, и вполне легитимным способом его продвижения.

29 апреля, в день, когда Ельцин представлял свой проект руководителям субъектов Федерации, по инициативе Хасбулатова и Рябова в повестку дня ВС неожиданно был включен дополнительный вопрос — о Конституции. Проект постановления, внесенный от имени фракции «Россия», докладывал член этой фракции, секретарь КК Иван Федосеев. Напомнив депутатам, что основные положения официального проекта Конституции уже были одобрены VI Съездом, докладчик предложил календарный график доработки этого проекта. Оппозиция в лице одной из своих ядерных

групп — фракции «Россия» — в обход и Совета фракций, и КК сделала заявку на перехват конституционной инициативы. В итоге короткого обсуждения было принято практически единогласно постановление «О завершении работы над проектом Конституции РФ», в котором было детально расписано дальнейшее его продвижение: до 20 мая — доработка и согласование с президентом основных положений, до 10 июня — сбор замечаний и предложений, поступающих из субъектов Федерации, до 30 июня — доработка проекта в КК с учетом этих замечаний, до 10 октября — постатейное рассмотрение проекта, не позднее 15 октября — его публикация, 17 ноября — созыв специального Съезда для рассмотрения и принятия новой Конституции. Кроме того, Комитету ВС по законодательству и КК поручалось подготовить поправки в действующую Конституцию о порядке принятия Конституции новой⁴⁴.

В день, когда о предстоявшей публикации «президентского» проекта депутаты знали лишь со слухов, можно было планировать продолжение конституционного процесса так, будто парламент является его единственным двигателем. Но 30 апреля этот проект был опубликован, а 6 мая поступил в КК, которую Хасбулатов собрал уже на следующий день. Замешательство — так коротко можно оценить атмосферу, царившую в КК. К этому времени она всецело управлялась руководителями ВС. Но что делать в новой ситуации, они не знали. Хасбулатов сказал, что он не исключает возможности рассмотреть проект президента, хотя и удивлен способом его действий. Румянцев выразил недоумение: что еще надо президенту после того, как почти все его поправки были внесены в официальный проект? В своем стиле выступил Слободкин: если будем обсуждать только два «капиталистических» проекта («один с демократическим лицом, другой откровенно фашистский»), «ничего хорошего не выйдет» — есть ведь еще и коммунистический проект. В итоге КК приняла два постановления. В одном предлагалось учесть ряд положений «президентского» проекта при доработке официального текста, а Ельцину и Рябову — сформировать рабочую группу «для

завершения работы». В другом одобрялись основные положения проекта, доработанного в соответствии с решениями VIII СНД (фактически Румянцевым и привлеченными им экспертами)⁴⁵.

Вскоре, однако, парламентариям довольно бесцеремонно было указано место, которое теперь им отводилось в конституционном процессе. Заседание Конституционной комиссии Ельцин объявил незаконным⁴⁶, а 11 мая собрал в Кремле совещание своих сторонников, которые днем позже будут введены в состав рабочей комиссии Конституционного совещания. Высказывания президента на этом совещании, казалось, противоречили друг другу. Именуя вновь создаваемый институт то собранием, то совещанием, он сказал сначала, что «на Конституционном собрании можно будет принять проект Конституции», а само собрание — преобразовать в Совет Федерации, который станет одной из палат парламента, сформированной регионами по собственному усмотрению. В заключительном же выступлении он был значительно осторожнее: КС созывается для работы, а не для принятия Конституции; регионы парафируют итоговый документ, после этого решим, как его принимать. Трудно сказать, отражало ли это колебания Ельцина или представляло собой зондаж реакции аудитории, к чему он прибегал теперь все чаще. Но в любом случае ни для ВС, ни для КК места не оставалось: все полезное из имеющихся проектов, сказал Ельцин, уже использовано. Нам указывают, что оба проекта совпадают то ли на 60, то ли на 90%, говорил Шахрай. Пусть так, но они не сходятся концептуально. График, утвержденный ВС, был проигнорирован. Почти все участники совещания настаивали, что работу надо форсировать. «Либо мы предельно ускоряем конституционный процесс, либо будем писать Конституцию для того государственного образования, которого уже не будет», — заявил один из них⁴⁷.

Теперь уже Верховному Совету надо было утверждать свое лидерство в конституционном процессе. 25 мая были проведены парламентские слушания по проектам Конституции, на которых и Рябов, и Румянцев, и большинство выступавших отстаивали пре-

имущества проекта КК. В последующие дни слушания перетекли в совещание нескольких сот депутатов советов разных уровней, на котором Хасбулатов формировал свою базу поддержки. Наконец, накануне открытия КС — 3 и 4 июня конституционные проблемы вновь обсуждал ВС. И здесь обнаружилась главная слабость официального проекта. Дело было не только в расхождениях с проектом «президентским» — сами депутаты по-разному представляли и ключевые положения основного закона, и порядок его введения в жизнь. «Не будем утопистами, — говорил Румянцев, представлявший проект постановления от лица рабочей группы КК, — по целому ряду вопросов никакого согласования, наверное, не получится. И надо вынести на всенародное обсуждение эти варианты». Почему мы должны согласовывать только два проекта, есть ведь еще вполне доброкачественный наш проект, говорили коммунисты. Постановление ограничивает участие субъектов Федерации в доработке проекта, по сути, игнорирует Федеративный договор, жаловались «автономы». Некоторые депутаты вменяли авторам проекта потерю темпа: он «был бы хорош 2 мая, но не 2 июня». Румянцев отбивался: «Я не в цейтноте, до 17 ноября [предлагавшаяся дата созыва Съезда] — очень много времени». Михаил Захаров неожиданно объявил, что «группа депутатов, специалистов высокой квалификации» уже подготовила объединенный проект Конституции; незачем больше строить графики — «мы нашли другой путь принятия Конституции»⁴⁸.

В итоге всей этой беспорядочной, растянувшейся на три заседания ВС дискуссии было принято постановление, предписывавшее КК не позднее 30 июня согласовать с президентом основные положения проекта, в течение трех месяцев провести всенародное его обсуждение и после дополнительного согласования 17 ноября внести на очередной Съезд. ВС, явно недооценивая фактор времени, замедлял темп: теперь уже в отличие от апрельского постановления на ноябрьском Съезде предполагалось принять Конституцию лишь в первом чтении. В постановлении содержался также перечень субъектов, чьи предложения надлежало «учитывать при

подготовке единого проекта Конституции»; в этом ряду Конституционное совещание, созываемое президентом, стояло на предпоследнем месте — перед «иными совещательными органами». Из постановления, первоначально предложенного Румянцевым, были убраны подробный график прохождения проекта Конституции, варианты развития событий, возможность передачи Съездом полномочий по принятию Конституции избранному Конституционному собранию, если Съезд не сможет утвердить согласованный проект⁴⁹.

В результате на свет появилось еще одно постановление — заведомо неисполнимое. Осторожность Хасбулатова, настойчиво удалявшего из этого документа все острые углы, была вполне объяснима: спикер понимал, что в сложившихся условиях никакой проект Конституции не имеет шансов собрать на Съезде две трети голосов. Проект КК имел решающее преимущество перед «президентским» с точки зрения легитимности его продвижения. Но чтобы это преимущество реализовать, надо было, действуя согласованно, быстро и решительно, играть на опережение, ставя своего политического противника, как это делал Ельцин, перед свершившимися фактами. На это неустойчивое большинство парламента оказалось неспособно.

В его арсенале были по крайней мере два способа нетривиального поведения. Первый — проведение референдума (назначение которого было прерогативой парламента, а не президента) по двум—трем проектам Конституции. В этом случае голоса бы раздробились, и ни один из проектов (в том числе, конечно, и «президентский») не получил бы требуемой по закону поддержки. Второй — форсирование ползучей конституционной реформы, ограничивавшей полномочия президента, что уже было начато на VII и VIII Съездах. Но вести игру на опережение, безусловно, чреватую неожиданностями, противники Ельцина не решились. Больше всего их устраивало сохранение конституционного статус-кво — действовавшего Основного закона, который они рассчитывали постепенно подправлять в свою пользу. Фиксируя

неловкие движения президента и его сторонников, их разноречия в том, что следует делать завтра, оппозиция, хотя непрерывно и твердила об угрозе государственного переворота, странным образом всерьез его не принимала. В своей тактике она исходила из того, что самые общие условия, в которых разворачивалась приобретающая все большее ожесточение борьба, останутся неизменными, по крайней мере, до ноября. Сбои, которые обнаружились в начале работы КС, неясность его перспективы, казалось, подтверждали правомерность такой тактики.

ДЕЛА И ДНИ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ

Острые вопросы, вызывавшие ожесточенные споры в обществе, встали теперь перед самим КС. Главный и наиболее общий из них — насколько решительно, жестко и быстро намерен президент продвигать свой проект. В организации собственной работы Конституционному совещанию предстояло пройти несколько развилок и на каждой из них сделать выбор.

В глазах большинства привлеченных к участию в КС политиков и экспертов первым тестом, выявляющим намерения его организаторов, должны были стать возможности и пределы корректировки текста, для обсуждения которого и созывалось совещание. Будет ли обсуждение организовано по не позабытым советским трафаретам — «командно-штабным учениям, где все разложено по полочкам, всем расписаны роли, четко определены исполнители и конечные результаты», как выразился один депутат⁵⁰, или же КС сможет основательно переработать проект (разумеется, в той мере, в какой его участники, состав которых был весьма разнолик, сумеют договориться меж собой)? Ожидания, в общем, простирались не слишком далеко. Внимательный наблюдатель и участник конституционных процессов Илья Шаблинский, высказав предположение, «что данный проект — лишь исходный пункт длительного политического торга, в ходе кото-

рого Борис Ельцин будет постепенно опускать планку своих притязаний», сопровождал его оговоркой: «Боюсь, однако, что даже такой взгляд можно сегодня счесть излишне оптимистическим»⁵¹.

События, однако, изначально стали разворачиваться по более мягкому варианту. КС, приступая к работе, должно было решить, будет ли за основу взят один лишь «президентский» проект или равный ему статус будет придан также официальному проекту КК. На предварявшем открытие КС заседании «комиссии Филатова» 4 июня я предложил: «Сами секции могут принять решение о том, что статья, посвященная такому-то вопросу, берется за основу в том варианте, который присутствует в тексте проекта Конституционной комиссии», поскольку некоторые вопросы в нем «решены, с моей точки зрения, лучше». Предложение это поддержал Шахрай⁵². Вслед за тем Ельцин, открывая КС, сказал, что «хотя некоторые серьезные проблемы в рамках проекта [Конституционной] комиссии так и не нашли разрешения», раздел о правах человека получился в нем «удачнее»⁵³.

Сигнал этот был вначале воспринят не всеми. «Один проект — одна Конституция», — напутствовал первую группу ее координатор Черномырдин⁵⁴. «Президентский» проект был принят за основу как единственный в третьей и пятой группах единогласно, причем Алексеев, один из авторов проекта, заявил о своем несогласии с президентом в том, что за основу следует взять первые две главы из проекта КК⁵⁵. Только вторая и четвертая группы решили продвигаться по двум текстам параллельно, в каждом случае решая, формулировку какого проекта следует взять за базовую. Но проект КК и сопоставительная таблица по обоим проектам были розданы всем участникам, и логика самого процесса поиска вариантов, способных наиболее адекватно отразить позиции, складывавшиеся в группах, поставила конкурирующий проект практически в равную позицию с исходным⁵⁶. То, что в работе оказались разные варианты, не только ставило участников дискуссии перед необходимостью выбора, но и не-

редко подталкивало к поиску новых формул, конструированию синтетических вариантов. Альтернативный процесс давал непредуказанные результаты.

Альтернативы положениям «президентского» проекта были заданы также поправками и предложениями, которые по призыву Ельцина пошли потоком от разных субъектов: региональных администраций и Советов, депутатов и министров, общественных организаций и граждан. Их число уже к открытию КС превышало две тысячи. Сначала предполагалось остановить этот поток, ограничив его датой начала КС. Но теперь предложения стали поступать от самих его участников. В результате к концу июня их было более пяти тысяч. Среди такого числа поправок, конечно, были и такие, которые шли вразрез с концепциями обоих основных проектов, предложения заведомо нереализуемые, вздорные, вкусовые и т. п. Эксперты президентской администрации проделали колоссальную работу, сведя воедино сходные предложения и привязав их к отдельным статьям проекта. Таких консолидированных поправок оказалось свыше пятисот. По ним, как по шпалам, двинулись группы КС, добавляя варианты от себя. В результате в июне на основе работы с поправками изменения подверглось более двухсот положений первоначального проекта. Без каких-либо изменений остались лишь три его статьи⁵⁷.

Работа Совещания не укладывалась в отведенные для него рамки и по срокам. Планируя работу КС, его организаторы, по видимому, рассчитывали на то, что работа над текстом будет носить более поверхностный характер: предполагалось, что занятые люди — руководители региональных администраций, высокопоставленные федеральные чиновники, предприниматели и др. — не смогут уделить много времени постороннему для них занятию. Но хотя с каждой следующей неделей группы участников редели, на заседания приходили оставившие свои дела энтузиасты, число которых было достаточным, чтобы обсуждение отдельных статей проекта затягивалось на многие часы. Рухнул и план ограничить КС двумя пленарными заседаниями чисто представительско-

го характера — вступительным и заключительным. Давление «снизу», желание многих выговориться в присутствии президента, изложить особенности своего подхода на широкой публике были столь велики, а проблемы, которые требовали импозантного сценического действия, столь неожиданны, что число общих собраний пришлось увеличить до пяти.

Между тем временной *dead-line* остро ощущался кремлевской администрацией. Дело было не только в том, что значительные ее силы были отвлечены на обслуживание Конституционного совещания. ВС назначил, как мы помним, внеочередной Съезд по конституционным вопросам на середину ноября. Ведя игру на опережение, желательно было до того не только если не принять, то предъявить обществу законченный и поддержанный влиятельными силами конституционный проект, но и переизбрать парламент — предположительно в октябре. А так как подготовка выборов требовала два-три месяца, законодательную базу для них надо было иметь в готовом виде (включая одобрение в субъектах Федерации — процесс нелегкий и небыстрый) никак не позднее начала июля. Тем не менее устроители КС, будучи сами вовлечены в трудоемкий процесс и стремясь получить в итоге документ максимально достижимого согласия, вынуждены были несколько раз отодвигать сроки его окончания⁵⁸. В итоге подготовка проекта новой Конституции, которую первоначально предполагалось завершить 10 июня, затянулась до 12 июля. Конечно, месячная задержка в реализации столь сложного проекта по мировым, да и по российским канонам конституционного законотворчества была не так уж и велика. Но в середине 1993 г. время опережало планы политиков со скоростью света.

Все это, однако, стало обнаруживаться по ходу дела. А открытие КС 5 июня было задумано как мероприятие парадное, призванное вдохновить сторонников президента, привлечь возможно большее число нейтрально настроенных людей и ошеломить противников. Но как раз парада не получилось из-за самого заурядного скандала. Заглавная речь Ельцина производила двойственное

впечатление. В ней содержалось немало примирительных пассажей: и призыв выработать общую позицию, основанную на согласовании интересов, в чем и состоит цель демократии, и признание «обязанности государства устанавливать социальные стандарты, гарантируемые всем гражданам России», и приверженность правовым методам решения споров («сила без права — произвол власти и трагедия народа»), и многое другое. В то же время суждения президента о противостоящей политической силе были, по сути, бескомпромиссны. Речь на этот раз шла не о коммунистах, не о ФНС, не о «красно-коричневых», а о «представительной власти, оставленной нам советским строем» и не поддающейся реформированию. «Советы и демократия несовместимы» — гласил ударный тезис. За этим, правда, следовала оговорка, что это не «...призыв идти по пути силового преодоления тоталитарного наследства. Нам всем пока хватает разума и сдержанности, чтобы не прибегать к печально известному в России средству — к насилию». Но если слушатели и могли пропустить мимо ушей многозначительное «пока», Ельцин не оставлял и тени сомнения, что на этот раз он исполнен решимости в ближайшие же месяцы покончить с существованием «двух самостоятельных политических систем»: согласятся Съезд и Верховный Совет («не парламент, а обычное учреждение с начальством и подчиненными») с большинством политических сил России о досрочных выборах депутатов — хорошо, не согласятся — «нам придется воспользоваться другими возможностями»⁵⁹.

Это, конечно, был лишь слегка завуалированный ультиматум. Вызов был брошен не только Хасбулатову и съездовскому большинству. Можно было сколь угодно долго вести научные и политические дискуссии о том, что есть советская власть, была ли таковой власть коммунистов, что от нее осталось в России начала 90-х и насколько вероятно, что чаемые выборы дадут принципиально иные органы власти. Но сигнал сомнений не вызывал: в Центре надо удалить парламент, сформированный «на основе советского избирательного закона», а на местах — власт-

ные органы, тоже именуемые Советами (хотя из некоторых оговорок следовало, что это произойдет не сразу). Это не очень коррелировало с намерением привлечь к одобрению «президентского» проекта субъекты Федерации, противопоставив их Съезду, если только Ельцин не собирался опереться в регионах исключительно на назначенных им глав администраций.

Разворачивавшееся перед телекамерами действие могло быть тщательно спланировано заранее. Трудно понять, однако, почему не была продумана реакция на попытку Хасбулатова самочинно занять трибуну сразу после Ельцина, что легко было предвидеть после пространной речи спикера в ВС накануне. Конечно, приход в чужой монастырь со своим уставом (ведь КС было создано и порядок его работы определен указом президента) лишний раз обнажил свойственную Хасбулатову бесцеремонность. К чести Ельцина надо сказать, что он попытался сгладить назревавший инцидент, сначала предложив своему оппоненту выступить на следующем пленарном заседании, а, натолкнувшись на твердое желание председателя ВС высказаться здесь и сейчас, Ельцин уступил и предоставил ему слово вне намеченного регламента. Он, однако, не захотел (или не нашелся?) осадить агрессивную часть своих сторонников, встретивших Хасбулатова свистом и захлопыванием. Это, вероятно, не было инсценировано из президиума — спикеру платили той же монетой за его обращение с депутатами в зале парламента. Но страна увидела клаку, бесчинствовавшую в высоком собрании, и запомнила слова не последнего человека в государстве, как бы к нему ни относиться: то, что вы не даете выступить председателю ВС, показывает, что вы «не можете не только принимать какие-то решения, но даже обсуждать эти решения»⁶⁰. В довершение всего этого безобразия охрана вынесла на руках депутата Слободкина, в крайнем возбуждении бросившегося к столу президиума, и вдогонку швырнула упавший с его ноги ботинок.

Попытка Хасбулатова выступить сразу вслед за Ельциным преследовала двоякую цель: изложить с той же трибуны альтерна-

тивную позицию по конституционным вопросам и продемонстрировать политический паритет парламента и президента. Так и не произнесенная его речь и разыгравшийся в связи с этим скандал на короткое время стали своего рода хитом политического сезона и вызвали взрыв разноречивых оценок и предположений. «“Спикеру” важно было не высказать свое мнение о Конституции, а утвердить себя — именно здесь и именно сейчас — как главу советской власти, если не превосходящей, то по крайней мере равновеликой президентской», — писал известный правозащитник и один из наиболее активных участников КС Кронид Любарский⁶¹. Иначе оценил происшедшее Виталий Третьяков: «Законодательная и исполнительная ветви власти сравнялись. Теперь нельзя сказать, что одна из них слабее другой. Обе сильны в своем хамстве, плебейском поклонении силе вообще и силе политической в частности... Страх. Они боятся, у них нет аргументов даже для спора с Хасбулатовым, а они еще поднимают голос в споре с историей!.. Честолюбцы из президентской команды оказались в большинстве своем еще и плебеями»⁶².

Скандалное обращение с Хасбулатовым оправдывали тем, что он якобы намеревался произнести вызывающую речь, способную расколоть КС, и в заключение призвать своих сторонников покинуть зал. Эта версия вызывает серьезные сомнения: она не вяжется ни с общей линией, которой придерживался в то время Хасбулатов, ни с содержанием его выступления на ВС 4 июня, когда он представил основные тезисы того, что собирался сказать на следующий день. Хотя «президентский» проект в нем оценивался негативно, спикер соглашался с тем, что «обстановка сегодня такова, что она, очевидно, требует принятия новой Конституции, и, видимо, она будет принята». Хасбулатов излагал свое, близкое к проекту КК, видение устройства государственной власти и воспроизводил известную позицию парламента, которую сторонники президента открыто пока атаковать не решались: процесс должен быть легитимным, «даже при диктаторских режимах конституции, какие бы они ни были, принимают-

ся высшей представительной властью»⁶³. Разумеется, устраителям КС вступающая в диссонанс с их позицией речь высокого оппонента на задуманном парадном мероприятии была ни к чему, но еще меньше был нужен кризис, обозначившийся в первый же день.

Хасбулатов был неправ: группы КС вскоре продемонстрировали способность придирчиво и серьезно обсуждать предложенные документы и искать решения в непростой ситуации. Но конфликт этот спровоцировал уход с совещания части влиятельных политиков, депутатов и руководителей Советов в регионах, пришедших было присмотреться к развитию президентской инициативы⁶⁴. В тот же день 47 руководителей Советов субъектов Федерации (более половины от их общего числа) подписали крайне резкое обращение к гражданам России, гласившее, что под видом разработки новой Конституции идет подготовка к «уничтожению народной власти». Они призвали «встать на защиту народовластия, государственности, своих собственных гражданских прав»⁶⁵. Аналогичное заявление об отказе участвовать «в данном заседании Совещания» и об условиях своего возвращения подписала другая группа, включавшая представителей субъектов Федерации, некоторых политических объединений и членов КК⁶⁶. Казалось, окончательный разрыв с непредсказуемыми последствиями на этот раз неминуем. Но уже на следующий день еще одна группа участников КС, представлявшая 35 регионов России (в основном главы администраций и их заместители), призвала тех, кто покинул КС, «вернуться и продолжить совместную работу», а организаторов Совещания — провести еще одно пленарное заседание и предоставить на нем слово председателю ВС, ответственному секретарю КК и координаторам групп КС⁶⁷. Сравнительно осторожный подход возобладал и в КС.

Почти весь день 9 июня в ВС был посвящен обсуждению извечных российских вопросов. Но если мнение о том, кто виноват, было почти единодушным и в обличения депутаты из агрессивной оппозиции не стеснялись, то к тому, что же теперь следует

делать, обозначились два основных подхода. «Открыто, цинично происходит государственный переворот», «часть руководства России взяла курс на разжигание гражданской войны», поэтому даже об обсуждении нашего участия в КС «не может быть и речи», — говорили одни. Другие мотивировали ту же позицию более прагматически: «Ситуация не изменится, а нам на нее не повлиять и нам ее не изменить»⁶⁸.

Большинство, однако, заняло тоже конфронтационную, но более осторожную позицию. Идея Конституционного совещания, сказал Хасбулатов, уже неактуальна: около 60 представителей региональных советов прервали свое участие в его работе, в ряде областей были проведены сессии Советов, которые отозвали назначенных ими лиц. И, тем не менее, руководители десяти республик пришли в ВС и изложили условия, на которых возвращение на КС допустимо⁶⁹. Расширяя и ужесточая формулу примирения, Хасбулатов перечислил пять условий, на которых может состояться возвращение: «Отказ президента от ложного тезиса, что Советы и демократия несовместимы; полноценное участие ВС и КК в Совещании; рассмотрение всех проектов Конституции; исключительно рекомендательный характер Совещания; процедуры принятия Конституции Верховным Советом и Съездом, определенные действующей Конституцией». В итоге бурной дискуссии, в ходе которой выдвигались разнообразные предложения, в том числе и самые экзотические, эти условия были включены в новое постановление ВС. Постановление также подтверждало, что Хасбулатов делегирован на КС официальным представителем и по доброму старому трафарету резолюций последних коммунистических съездов, «одобряло основные положения и выводы» его пространного доклада⁷⁰.

Следующий ход был за президентом, и он был сделан на ранее не планировавшемся втором пленарном заседании КС 10 июня. На него были по телеграфу приглашены депутаты — скопом, руководители комитетов и комиссий ВС — поименно и Хасбулатов — персонально. В активе КС к этому времени уже была на-

пряженная работа пяти групп, энергично перелопачивавших статью за статьей исходного проекта. Выступление Ельцина на этот раз было выдержано только в примирительных тонах. Принеся полуизвинения за инцидент, случившийся на предыдущем заседании, президент подчеркнул, что «в работе, а не в конкуренции» «фактически находятся два известных проекта Конституции», признал, что его утверждение о несовместимости Советов и демократии, вызвавшее взрыв страстей, имеет как сторонников, так и противников и что он, «как любой из участников Совещания... имел право высказать и высказал этот тезис». А главное, заверил: «я не сторонник каких-то революционных действий по отношению к Советам... Процесс перерастания советской власти в парламентскую, представительную пройдет плавно, без резких скачков и срывов»⁷¹.

Условия, о которых договорились при посредничестве лидеров республик, были, таким образом, в основном выполнены. Подходы, обозначившиеся в работе групп КС, изложили их координаторы, некоторые другие участники. Обсуждение носило нестесненный характер. Тем не менее ни Хасбулатов, сказавшийся заболевшим (что не помешало ему в этот день провести селекторное совещание о ходе конституционной реформы), ни лица из его окружения на заседание не пришли. ВС представлял Рябов, завершивший к тому времени головокружительный политический разворот⁷², а КК — Румянцев, становившийся все более резким критиком президентских инициатив, но все еще не признанный за «своего» парламентским большинством. Я не знаю, что произошло между окончанием заседания ВС, как будто бы решившего проверить еще одну возможность совместной работы, и началом второго пленарного заседания КС, но такая возможность — одна из последних — была упущена. Компромисс был в очередной раз сорван — на этот раз по вине агрессивного крыла парламента.

КС было настолько многолюдно, что уход с него части депутатов оказался не очень заметен. Состав участников политически стал менее разнородным. Это не означало, однако, что ра-

бота Совещания стала бесконфликтной. Самой сложной была ситуация во второй группе. Представители республик настойчиво пытались расширить «суверенную» территорию, которую им удалось застолбить в Федеративном договоре, грозили отозвать свои подписи под этим договором и подталкивали государство на путь конфедерации. По некоторым вопросам, относящимся к федеративному устройству, правам народов, мы будем стоять насмерть, говорил Виктор Степанов, один из наиболее лояльных к федеральной власти лидеров республик⁷³.

Руководители краев и областей возражали против принижения их прав и, в частности, против повышенного представительства национальных образований в федеральных органах («Вы не имеет права устраивать свое большинство в Совете Федерации»⁷⁴), а некоторые из них, ссылаясь на пример Свердловской области, провозгласившей образование Уральской республики, требовали уравнивания с бывшими автономиями, т. е. придания областям государственно-правового статуса. Реализация подобных требований, конечно, сразу же привела бы к тому, что Россия рассыпалась на множество «суверенных» образований. Сергей Шахрай, практически бессменно руководивший работой группы и искусно владевший юридической казуистикой, уговаривал, увещевал, ублажал, маневрировал. Он оказался незаменимым в роли медиатора в этом котле кипящих страстей и непомерных амбиций.

Формулировки, которые оттачивались в секциях-группах КС, вносились в реконструируемый текст конституционного проекта в тех немногих и относительно простых случаях, когда решения групп были сходны. Каждый вечер, а иногда и до глубокой ночи, работала согласительная «комиссия Филатова», где координаторы отстаивали варианты, утвержденные в их группах, а то и дело возникавшие спорные коллизии решались голосованием большинства. Нередко, впрочем, по той или иной поправке комиссия принимала принципиальное решение, юридическое оформление которого передавалось в следующую инстанцию —

Комиссию конституционного арбитража под председательством академика Владимира Кудрявцева⁷⁵. Эта комиссия работала в тесном контакте с президентской администрацией и не случайно по некоторым особо спорным вопросам брала на себя политические решения. Когда же один из участников КС выразил легкое недоумение по поводу функций арбитражной комиссии, Филатов решительно поставил все точки над *i*: «Для политических вопросов у нас есть свой арбитр — Президент. Он принимает окончательное решение»⁷⁶. Нельзя сказать, что президент злоупотреблял этим своим правом: открыто вмешивался он в процесс редко и главным образом на заключительной стадии КС. Но под его пристальным наблюдением постоянно находился вопрос, грозивший разломом Совещания, — отношения с республиками, федеративное устройство.

Ко второй критической точке КС подошло на пленарном заседании 16 июня, которое по первоначальному плану должно было завершать Совещание, но оказалось промежуточным действием, поскольку в группах обсуждение проекта не закончилось.

Чтобы зафиксировать окончание этапа и создать информационный повод для СМИ, было решено принять заявление общедекларативного характера, фиксирующее уже достигнутые договоренности по проекту. Исходным пунктом этого документа была Декларация о Конституции России, разработанная и опубликованная пятой группой. Документ поступил для доработки в оперативную группу экспертов президентской администрации, которые изменили его название (Декларация — «это слишком громко и политизированно») и произвели правку, в основном шедшую навстречу пожеланиям группы регионов. Исправленный текст поступил в группы за несколько часов до начала пленарного заседания и обсуждался в условиях жесткого цейтнота. В первой, четвертой и пятой группах, члены которой заявили, что не узнают свое детище, были высказаны сомнения, что документ в таком виде вообще следует принимать. Голосования, проведенные в группах, дали неоднозначные результаты.

Особенно резкие возражения вызвали два абзаца: о том, что в переходный период верхняя палата будет сформирована из высших должностных лиц представительной и исполнительной власти субъектов Федерации (как выяснилось впоследствии, такой порядок Ельцину понравился), и о статусе республик как суверенных государств. При обсуждении в группах были приняты решения, что их представители на пленуме будут настаивать на исключении этих положений, внесут поправки и потребуют по ним голосования⁷⁷. Ожидалось, что на пленарном заседании развернется острая дискуссия и по другим вопросам. Представители предпринимателей и товаропроизводителей рассчитывали вернуть тезис, предусмотрительно помещенный в первоначальный текст, что отделение от России какого-либо региона возможно лишь на основе общероссийского референдума. А группа политических партий и общественных организаций предложила принять за основу Акт о порядке проведения будущих парламентских выборов, введивший смешанную — пропорционально-мажоритарную систему и прошедший обсуждение в ряде групп⁷⁸.

Однако пленарное заседание, третье по счету, было проведено 16 июня по иному сценарию. Участников КС собрали лишь для того, чтобы выслушать краткое выступление президента и одобрить заготовленный документ. Ельцин похвалил каждую группу за проделанную работу, зачитал откорректированный вариант Заявления, из которого осмотнительно были исключены спорные абзацы («Эти два абзаца пока включать в промежуточное Заявление преждевременно»), и предложил провести голосование без всякого обсуждения. Под конец заседания, продолжавшегося около получаса, было объявлено, что из 594 зарегистрированных участников КС за проект проголосовали 467, или 82%⁷⁹.

Удаление абзацев, грозивших новым взрывом страстей («автономам» было обещано, что это решение не окончательное: над формулировками будут «очень и очень тщательно работать»), разрядило обстановку и позволило провести спектакль по намеченному плану. Открытых противников президента среди

собравшихся уже не было. Собрание подчинилось режиссуре. Однако от столь бесцеремонной манеры обращения с собой российские политики, предприниматели и общественники уже стали отвыкать, люди уходили с заседания обескураженными и раздраженными. В работе большинства групп был объявлен перерыв, за это время обида несколько притупилась. Но собравшиеся на следующий день члены группы политических партий и общественных организаций, не увидевшие к тому же своих поправок в очередных томах согласованных глав, «выдали» своим руководителям — Собчаку и мне — по полной программе⁸⁰.

Эпизод этот не имел особого продолжения, если не считать того, что сразу же упала посещаемость в группах. Реакция была естественной, но кратковременной и неглубокой. Ельцин оставался не только бесспорным лидером, но и знаменем, а противник, желавший провала КС, слишком осязаем — открытый конфликт был бы ему на руку. В малозначительном, на первый взгляд, эпизоде не смогли или не захотели увидеть возрождение знакомого стиля, когда руководитель извещает о своем решении сторонников, которым отведена роль статистов. И то сказать: злополучные абзацы были убраны, конфликтовать стало вроде бы не из-за чего. Но КС еще не было закончено, и его участников ждали новые сюрпризы. Вскоре им предстояло увидеть, что дарованное так же легко забрать, как и дать.

К четвертому, назначенному на 26 июня пленарному заседанию КС готовились более тщательно. Постатейное обсуждение проекта в большинстве групп подходило к концу. Когда новый текст, прошедший согласование в «комиссии Филатова», был предъявлен группам, выяснилось, что многих участников КС, в особенности тех, кто был активен в обсуждении, он не удовлетворяет, причем претензии были различными, часто взаимоисключающими. Настойчиво требовали группы также, чтобы на этот раз «на пленарном заседании господствовал дух демократии, а не автократии», чтобы оно «было серьезным мероприятием, а не посмешищем»⁸¹. Поэтому вслед за коротким вступительным

словом Ельцина, сказавшего, что создан единый проект, пригодный к обсуждению в первом чтении, и обстоятельным сообщением А. М. Яковлева, рассказавшего, чем получившийся текст отличается от первоосновы, слово было предоставлено ораторам, назначенным группами (за одним исключением). Скованные жестким регламентом и, возможно, некой осторожностью, выступавшие воспроизвели лишь малую толику разочарования, обид и страстей, которые кипели в группах. Но хотя тональность выступлений была довольно сдержанной, нетрудно было заметить, что представленный вариант группы вовсе не считают удовлетворительным.

Участники совещания с удивлением увидели в тексте проекта оба положения, удаленные ранее из Заявления и восстановленные Ельциным по настоянию «автономов». Объяснения Шахрая, что всплывшее опять определение республик как суверенных государств не противоречит ни суверенитету Российской Федерации в целом, ни равенству всех ее субъектов, что счастливо найденная формула — «оптимальная и единственно возможная» и что выработан синтез «двух очень разных документов», — собственно Конституции и Федеративного договора, мало кого удовлетворили. Но если представитель Татарстана Василий Лихачев толковал о том, что «права народов» не заняли еще подобающего им места и «особый статус отдельных субъектов Федерации» должен получить дальнейшее развитие в тексте Конституции» то красноярец Вячеслав Новиков говорил об опасности суверенизации республик как «дополнительном факторе нестабильности». Изобретенная формула, сказал Виктор Мушинский, если и оптимальная, то «далеко не оптимистическая»⁸².

Критика проекта разворачивалась и по другим направлениям. Представители первой и четвертой групп Юрий Рыжов и Марина Салье увидели в получившемся тексте отход от первоначального замысла президентской республики к парламентской⁸³. Александр Воронин, один из руководителей Союза российских

городов, выражая мнение третьей группы, возражал против ущемления местного самоуправления⁸⁴.

Перед лицом явной разногласицы, которая обнаружилась еще накануне, на заседаниях групп, организаторы КС в последний момент решили изменить сценарий пленарного заседания. Ранее было объявлено, что оно рассчитано на 5—6 часов, — его сократили до 3 часов. Группам было поручено подготовить ключевые вопросы, по которым намечалось провести голосование, — никакого голосования проведено не было. Как альтернатива голосованию предусматривался вариант анкетирования участников по тем же вопросам — его тоже не было. Так что сдвиг «от автократии к демократии» был не слишком заметен.

Почему организаторы КС провели это заседание в стиле, столь резко контрастировавшем с парламентскими процедурами, А. М. Яковлев объяснил с предельной откровенностью: «...самое страшное, что может случиться с проектом, это и не отвержение его, и не утверждение. Это значит похоронить его в дискуссиях и извратить при помощи поправок. Этого нельзя допустить ни в коей мере. Либо целиком принимается, либо целиком отвергается»⁸⁵. Шаблон, который заготавливался для предположительного обращения к СНД по завершении работы, пока что применяли к самому КС.

Но под занавес этого пленарного заседания случился еще один эпизод, который показал закулисный механизм регулирования КС в крайне неприглядном свете. Для выступления на пленуме группы накануне придирчиво провели отбор своих представителей. Им поручалось изложить коллективно выработанные позиции по вопросам, которым придавалось особое значение. Группа партий и общественных организаций выдвинула 7 ораторов, получивших наибольшее число голосов по рейтингу. Можно представить изумление ее членов, когда вне и до исчерпания списка ораторов (некоторые из них на трибуну так и не были приглашены) слово было предоставлено Жириновскому. Это уже было не просто авторитарное, а политиканское решение, причем ис-

ключительно низкой пробы, принятое лично Ельциным. Расчет на получение дополнительной поддержки, неважно, из какого источника, для еще не рожденной Конституции подавил элементарное чувство политической брезгливости: Жириновский был едва ли не единственным на КС, кто одобрил Конституцию без оговорок. И аудитория, отметившая аплодисментами понравившиеся ей места в речи ловкого демагога, показала, что она этот выбор одобрила. Так разыгрывалась игра, которая на долгое время даст определенный ориентир люмпенскому фактору в российской политике⁸⁶.

Пятое пленарное заседание, оказавшееся последним, было назначено на 12 июля. В этот день КС прошло свою кульминацию. До того рабочая комиссия, переворачивая страницу за страницей стенограмму предшествующего пленума и подготовленные аппаратом сводные таблицы новых предложений групп, занималась очередной корректировкой текста. Но когда группы вновь собрались после короткого перерыва, выяснилось, что и на этот раз противоречивые интересы совместить не удалось. Группа регионов потребовала, чтобы наряду с последним вариантом проекта к пленарному заседанию была подготовлена «брошюрочка», содержащая текст в том виде, в каком он прошел голосования в группе, дабы представители, вернувшись на места, могли предъявить делегировавшим их властям результаты своих стараний. Впрочем, и в самой группе обнаружился глубокий разлад: представители краев и областей заявили, что их статус принижен самим внесением в корпус Конституции трех разных Федеративных договоров, из чего вытекает привилегированное положение республик. Тщетно Шахрай объяснял, что в первом разделе (основной части) Конституции права всех субъектов Федерации выровнены, а «все различие состоит в политической или правовой терминологии» и поэтому, раз зафиксировано, что «в случае противоречия Конституции и Федеративного договора действуют положения Конституции», соответствующие части этого договора становятся документом конституционного значения лишь «с ис-

торической точки зрения». Его оппоненты в группе приводили данные о неравенстве в бюджетных отчислениях краев и областей по сравнению с республиками и заявляли, что в таком виде Конституция не будет парафирована в их субъектах⁸⁷.

Члены второй группы атаковали Шахрая, не принимая его уверения, что корректировка первоначального проекта осуществлена главным образом по их предложениям. В других группах координаторам вменяли в вину, что они не отстаивали выработанные здесь позиции с таким же упорством и изобретательностью, как это делал Шахрай. В группе партий и общественных организаций, в общем согласившейся с Собчаком в том, что «сделав любые заявления, любые оговорки, мы все-таки должны сказать “да” согласованному проекту», был составлен длинный реестр положений, на внесении которых группа намеревалась настаивать на пленарном заседании. Было также подготовлено заявление об особой ее позиции⁸⁸. Но особенно резкий афронт проект получил в предпринимательской группе. «Это не наша Конституция», — заявлял один из ее участников. Как можно идти на такие уступки местным элитам, включать в текст Конституции Федеративный договор? — спрашивал Каха Бендукидзе. — Очень трудно будет потом доказать, что это была политическая игра, и отнять власть. Достигнут закулисный компромисс, а «...мы стали заложниками в игре... Президент делает ставку на сепаратистов, чтобы они его поддержали в борьбе с “хасбулатовцами” или социалистами, каковым он тоже, между прочим, является». Еще один оратор сообщил, что, ознакомившись с текстом, он «...ощутил себя солдатом, которого вывели из казармы и повели. При этом не говоря куда — в баню, на обед или на учения, а может, того хуже — на расстрел». В итоге обсуждения было одобрено написанное Бендукидзе обращение к другим группам. В нем решительно отклонялось включение в Конституцию Федеративного договора и статей, «устанавливающих приоритет прав национальных и территориальных общностей над правами человека». Работу КС можно будет завершить, гласил документ, только пос-

ле решения этого принципиального вопроса. Группа договорилась, что она подпишет конституционный проект лишь при условии, что к нему будет приложена составленная ею Декларация (следы которой лишь с трудом можно было увидеть, говорили члены этой группы, в Заявлении, принятом 16 июня)⁸⁹.

В такой ситуации организаторы КС решили опять отказаться от дискуссии, которая могла взорвать пленум, и тем более от голосования поправок, сопутствующих документов и т. п. Ельцин опасался, рассказывает Сатаров, что конечный вариант многих не удовлетворит и что если все начнется снова, то это уведет от намечавшегося консенсуса и придется заново повторять всю предыдущую процедуру⁹⁰. Поэтому был в точности повторен сценарий, опробованный 16 июня: получасовое заседание, выступление президента, общее голосование.

В своей речи Ельцин попытался сгладить острые углы и ответить на критику. КС, сказал он, — это довольно точная модель нашей политической системы. Оно обладает мощным представительным потенциалом. А «совещательное право» (новоизобретенный термин!) может существовать наряду с полномочиями властных органов — так возрождается российская историческая традиция соборности: ведь и последнюю династию учредил Земский собор 1612 г. Это была заявка на возможное продвижение конституционного процесса в обход Съезда. Предвосхищая негативную реакцию парламента, президент подчеркивал, что практически во все статьи первоначального проекта были внесены поправки, а деловое участие в том многих депутатов показало, что проект перестал быть чисто президентским или парламентским. Те же, кто предпочел самоизоляцию (всем было ясно — речь идет об оппозиции), продемонстрировали: государственная работа им не по плечу.

Анестезируя далее главную болевую проблему КС, Ельцин сказал, что заложенная в проект формула Федерации — максимально возможное на сегодняшний день решение, что к статусу республик требуется деликатный подход, а к инициативе таких

областей, как Свердловская и Вологодская, заявивших претензии на преобразование в республики, надо проявлять осторожность.

Дальнейшая перспектива была обрисована так: теперь субъекты Федерации должны будут выразить свое отношение к проекту, одобрив его либо представив свои поправки, а КС, которое соберется вновь, определит порядок дальнейшей с ним работы. Упомянув подготовку нового закона о выборах парламента, Ельцин не стал вдаваться в детали, отметив лишь, что каждая избирательная система имеет свои плюсы и минусы; принимать закон должен ВС, а если он этого не сделает, попросим субъекты внести свои предложения. Объявив о намерении сделать КС постоянно действующим институтом гражданского общества, президент предложил немедленно перейти к одобрению проекта («мы уже достаточно надискутировались»)⁹¹.

«Одобрение» было осуществлено в двух формах: голосованием, результаты которого на глаз определили счетчики, и подписями в красивых альбомах, в которых разрешалось фиксировать оговорки и особые мнения. Объявленные результаты голосования выглядели так: из 585 зарегистрированных участников заседания за проект было подано 433 голоса (74%), против — 62 (10,6%), воздержались 63 (10,7%). Подписей было меньше: не все смогли или захотели отстоять в очередях к столикам, на которые под конец заседания были выложены альбомы⁹². Стремясь подчеркнуть торжественность заключительного заседания, устроители определили ему место в Кремлевском дворце съездов, но несколько сот его участников потерялись в зале, рассчитанном на тысячи людей. Да и обстановка не отвечала замыслу: аплодисменты по окончании речи президента были короткими, а шум и смех во время подсчета голосов — слишком явными. Так и закончилась — на многоточии — первая стадия КС, которому не суждено было более собраться в полном составе. Теперь надо было ждать общественной реакции и дальнейших действий его инициаторов. Первая оказалась неоднозначной, а вторые — заторможенными.

ИЮЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

16 июня, когда работа КС подошла к зениту, 30 членов Конституционной комиссии, в их числе активные участники разработки парламентского проекта Конституции, подписали обращение к депутатам РФ, в котором, в частности, говорилось: «Значение Конституционного совещания, по нашему мнению, состоит в том, что на нем фактически уже произошло объединение двух исходных проектов новой Конституции РФ (президентского и парламентского), и их как отдельных проектов, с нашей точки зрения, больше не существует. Речь идет о доработке единого общего проекта, в который должно войти все лучшее, что есть в парламентском и президентском проектах»⁹³. К середине июля документ, вышедший из стен КС, действительно далеко ушел от обоих проектов. Он стал более совершенным и взвешенным, чем президентский, и более стройным и лаконичным, чем парламентский. Он вобрал в себя, правда, не только лучшее, но и кое-что из худшего, содержавшегося в исходных текстах. Иначе, вероятно, и быть не могло в сложной политической ситуации тех месяцев. Июльский проект — важная веха на пути к современной Конституции России. Вместе с тем он довольно адекватно, несмотря на авторитарные методы управления Конституционным совещанием, отразил соотношение политических сил в стране после референдума и до событий трагической осени 1993 г. Он заслуживает поэтому специального анализа⁹⁴.

Существенно изменена была по сравнению с обоими исходными проектами структура Конституции. Авторам «президентского» проекта (прежде всего Сергею Алексееву) была особенно дорога идея выделения из всей совокупности прав «исконных фундаментальных прав человека, которые дают ему свободы и которые защищают его от тоталитарной власти»⁹⁵. Эти естественные, непосредственно действующие, принадлежащие каждому от рождения права Алексеев и его коллеги объединили в первой главе с общими положениями о характере рос-

сийского государства и отделили от прав, так сказать, второго порядка, вытекающих из гражданства. КС предпочло более традиционный (и, на мой взгляд, менее эклектичный) вариант, содержащийся в парламентском проекте: в первой главе были сформулированы основы конституционного строя, а во второй объединены права человека и гражданина. Зато был ликвидирован дорогой авторам парламентского проекта обширный раздел «Гражданское общество». Лишь некоторые его нормы были инкорпорированы в другие главы. Логика этого подхода заключалась в том, что не дело Конституции — регулировать правоотношения, возникающие вне и помимо государства.

Тот же подход отчетливо проявился в дискуссиях о наборе и содержании прав человека и гражданина. Хотя с санкции президента в основу главы о правах был положен вариант КК, из него было исключено либо сокращено многое из того, что не отвечало концепции буржуазных конституций XIX века. С превеликим трудом, да и то не в первой статье, содержащей общую характеристику государства, удалось ввести его определение как государства социального. Конституция фиксировала и защищала право лишь частной собственности (а не всех ее форм). Немало сил было положено, чтобы несколько расширить корпус социальных прав — в них авторы «президентского» проекта видели рудименты социализма.

В целом изложение личных и гражданских прав было приближено к современным международным стандартам и стало отвечать российским реалиям. Были восстановлены некоторые важные принципы социальной политики государства. По моей инициативе из проекта КК перенесли статью о праве каждого свободно определять и указывать или отказываться от указания своей национальности. Ход последующих событий показал, что эту норму следовало бы сделать более жесткой, налагающей прямой запрет на ограничение этого права, но и в таком виде она поставила барьер попыткам насильственно делить граждан по этническому признаку, внести соответствующую запись в пас-

порт и т. п. Серьезным упущением авторов «президентского» проекта был отказ от фигуры Уполномоченного по правам человека: то ли потому, что они не нашли аналога в довоенных конституциях зарубежных стран, то ли потому, что сочли достаточным объявить «гарантом прав и свобод граждан» президента. Уполномоченный, притом назначаемый и смещаемый парламентом, появился в июльском проекте. В него введена была также из проекта КК исключительно важная (и проявившая впоследствии в некоторых случаях свою действенность) норма о праве каждого обращаться в межгосударственные (т. е. наднациональные) органы по защите прав и свобод, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. Некоторому расширению и уточнению подверглось положение о свободе ассоциаций, хотя более последовательным было бы воспроизведение этой нормы из проекта КК, содержавшей четкое перечисление подлежащих запрету антиконституционных общественных объединений, а не отсылка к федеральному закону.

В общем, российские конституционалисты имели основание гордиться разделом о правах и свободах человека и гражданина. Специалисты известной Венецианской комиссии, куда различные проекты Конституции были направлены на экспертизу, отметили, что в этой части был применен «явно выраженный современный и прогрессивный подход», признается и гарантируется весь основной перечень прав и свобод личности, закрепленный в современных демократических конституциях. Особо было подчеркнуто, что проект содержал исчерпывающий перечень прав и свобод в тех областях, где наиболее часто происходят нарушения прав человека. Эксперты обратили внимание на статью, которая появилась в июльском проекте и в которой перечислены права и свободы, не подлежащие ограничению даже в условиях чрезвычайного положения⁹⁶. Несомненно, однако, что как бы красиво и многообещающе ни были сформулированы права человека в Конституции, сами по себе никакой гарантией против подавления граждан государством они быть не могут. Власть

способна исказить и на деле сломать любые писанные гарантии, если не поставлены барьеры для произвола со стороны государства. Гарантия каких бы то ни было прав — устройство самой власти (и, конечно, общественная активность граждан). Между тем в этом отношении дело обстояло не так благополучно, хотя и здесь был достигнут некоторый прогресс.

Оба исходных проекта предоставляли широкие полномочия президенту. Проект КК вовсе не учреждал, как утверждали пропрезидентские СМИ, парламентскую или советскую форму правления. В некотором отношении он был даже ближе к президентской республике, поскольку предусматривал, что президент руководит деятельностью правительства, может председательствовать на его заседаниях и осуществляет общее руководство иными органами федеральной государственной власти, чего не было в проекте Алексеева — Шахрая.

Основным предметом политического противостояния президента и Съезда в 1993 г. стало право президента распускать парламент. Именно это главным образом и определило преимущество «президентского» проекта над парламентским в глазах Ельцина. В его исходном варианте это право было заведомо гипертрофировано: распустить парламент президент мог не только когда между ними возникали нелады по поводу премьера и правительства, но и, как уже отмечалось, «в иных случаях, когда кризис государственной власти не может быть разрешен на основании процедур, установленных настоящей Конституцией». Экстраполяция политической ситуации, сложившейся в 1993 г., на будущие времена прочитывалась в этом совершенно отчетливо. Под давлением КС абсолютно несуразная норма об «иных случаях» была убрана. Появились и некоторые другие ограничения для роспуска Государственной думы: за полгода до окончания срока полномочий президента, в период действия чрезвычайного положения на всей территории РФ и во время прохождения дела об импичменте президента. Но во всех остальных ситуациях (т. е. почти всегда) ничто не должно было помешать президен-

ту распустить Думу по двум основаниям: при неутверждении премьера и при настойчивом выражении недоверия правительству (в последнем случае, правда, только через год после ее избрания). Конституция, таким образом, предписывала парламенту во избежание роспуска быть послушным.

«Предоставление главе государства пусть даже теоретически возможности проигнорировать мнение парламента при назначении премьера, избавившись при этом от самого парламента, — вообще не столь уж безобидная вещь», — пишет Илья Шаблинский, ссылаясь на исторический опыт Германии 1933 г.⁹⁷ Необходимо уточнить: институт роспуска парламента в конституциях ряда демократических стран уравнивает вотум недоверия правительству, который может вынести парламент. Но в условиях, когда президент может назначать премьера без оглядки на парламентское большинство (даже если таковое существует), вправе предлагать одно и то же лицо несколько раз (в июльском проекте — два раза, потом и это ограничение было снято), никак не связан конституционно результатами назначенных после роспуска парламента выборов, да еще обладает мощным инструментарием управления выборами, — все это проектировало конструкцию слабого, озабоченного собственной судьбой парламента перед лицом очень сильного президента.

Перед российскими демократами вновь встал невыносимый выбор: уступить авторитарному давлению либо отстаивать права парламента, в котором пока доминировали ФНС и «Российское единство». К тому же в КС тон задавали не независимые демократические политики. Поэтому решения по исходному проекту были разнонаправленны. С одной стороны, были чуть сжаты безразмерные поначалу возможности роспуска парламента, сокращен срок полномочий президента с 5 до 4 лет, издание указов и распоряжений ограничено исполнением полномочий, предоставленных Конституцией (а не сверх того, как предусматривала по сути исходная формулировка), и удалены еще некоторые излишества. С другой — как бы в виде компенсации за понесенные утраты

президенту было добавлено беспрецедентное для демократической Конституции право определять — единолично! — основные направления внутренней и внешней политики государства, тогда как в действовавшей на тот момент Конституции и в проекте КК это право было записано за ВС. Стремясь еще более сместить баланс в пользу президента, некоторые участники КС добивались, чтобы он не только фактически, по набору полномочий, но и номинально был обозначен как глава исполнительной власти. Но это уже входило в слишком очевидное противоречие с концепцией, согласно которой президент возвышался над всеми властями, и потому такое предложение было отвергнуто⁹⁸.

Более основательной переработке подверглась глава, посвященная Федеральному собранию. Назначение премьера, равно как и решение вопроса о доверии правительству или его отставке, перешло от Совета Федерации к Государственной думе. За нею были закреплены и другие назначения и освобождения, вообще не оговоренные в исходном проекте: председателя Центрального банка, председателя и половины аудиторов Счетной палаты, уполномоченного по правам человека. Мне не удалось, несмотря на энергичную поддержку Сергея Ковалева и Тамары Морщаковой, добиться, чтобы утверждение указов президента о введении чрезвычайного, военного положения и использовании российских войск за границей было передано в Государственную думу как орган более широкого народного представительства, хотя вопрос этот четырежды поднимался в рабочей комиссии.

Президент, который вел сложную игру с региональными лидерами и все больше полагался на аппаратные решения, был более благосклонен к верхней палате. Поэтому на переходный период предполагалось формировать ее из представителей (по первоначальному проекту) и руководителей (по итоговому) законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации. Эта норма, как уже говорилось, встретила жесткую оппозицию в большинстве групп КС: как быть с принципом разделения властей, если в одной из палат законодательного ор-

гана половина мест отдается исполнительной власти? Возражающих уговаривали: эта ситуация продлится не более трех-четырех месяцев, от вступления Конституции в силу до прихода избранных депутатов...⁹⁹ Однако норме этой предстояло пережить удивительные «рокировки».

Зато в основной части Конституции Совет Федерации был определен как постоянно действующая палата с депутатами, избираемыми населением. Были не только отклонены звучавшие в группе регионов несуразные требования о формировании СФ «исключительно по национальному признаку»¹⁰⁰, но и реализован принцип равенства субъектов Федерации: по два депутата от каждого из них. В виде компенсации «автономам» записали, что для прохождения конституционного закона в СФ требуется 3/4 голосов. Изменена была и норма об избрании депутатов ГД. И в исходном «президентском», и в парламентском проектах предусматривались выборы по округам на основе мажоритарной системы. Сопротивление большинства групп не позволило ввести в Конституцию смешанную избирательную систему, но дверь для этого осталась открытой: порядок выборов в обе палаты подлежал регулированию федеральным законом. Как вскоре выяснилось, это было серьезное достижение сторонников партийных списков на выборах.

Изменения были внесены и в главу о правительстве. Его председатель должен был назначаться Думой по представлению президента. Зато назначение и освобождение от должности всех остальных министров становилось исключительной прерогативой президента (правда, по представлению премьера). Как мы помним, участие парламента в определении структуры и персонального состава правительства было едва ли не главным полем сражения между президентом и депутатами с 1992 г. В действовавшей Конституции было зафиксировано частичное отступление президента: назначение ряда ключевых министров с согласия ВС. Проект КК пошел дальше: согласие требовалось для назначения всех министров. Из июльского же проекта была исключе-

на даже не слишком обязывающая норма, содержащаяся в первоначальном «президентском» проекте, — проведение консультаций с парламентариями по составу правительства. Ни в одном из проектов не было положения, которое реально обеспечивает самостоятельность правительства — контрассигнация соответствующими министрами указов президента и законопроектов, направляемых им в парламент в порядке законодательной инициативы. Зато была ослаблена норма исходного проекта, начисто блокировавшая внесение законопроектов по налогам, займам, финансовым обязательствам и т. п. кем-либо, кроме президента и правительства. Теперь их внесение обуславливалось представлением заключения правительства. В общем, это было умеренное и разумное решение, отсутствовавшее в проекте КК. В июльский проект добавили норму, воспроизводившую модель союзного правительства последних лет существования СССР: в состав правительства включались руководители исполнительной власти всех субъектов Федерации. Это была еще одна уступка региональным элитам. Будь она реализована на практике, пополнение правительства почти сотней своего рода членов-корреспондентов сделало бы его абсолютно недееспособным.

Довольно радикально переделали главу о судебной системе. Исчезло Высшее судебное присутствие — совершенно излишний, дублирующий орган, появление которого в исходном проекте было ситуативно-политически мотивировано разгоравшимся конфликтом между президентом и Конституционным судом. Появился суд присяжных, которого не было ни в одном из исходных проектов. Из первоначального «президентского» проекта удалили норму, допускавшую изъятия из состязательности судопроизводства, и расширена сфера компетенции Конституционного суда: по индивидуальным жалобам граждан он мог теперь проверять конституционность правоприменительной практики по охране прав и свобод человека и гражданина. Не удалось перенести из проекта КК федеральный следственный комитет. Не прошел запрет на военные и иные специализированные суды.

Труднее всего шел поиск более или менее взаимоприемлемой реализации принципов федерализма. И хотя самые непомерные притязания региональных элит удовлетворены не были, баланс в одобренном тексте явно смещался в их сторону. Чтобы примирить большинство участников КС с достигнутым компромиссом, потребовались казуистическая изобретательность и полемическое искусство Шахрая, не выпускавшего руль управления самой сложной — второй группой. Меня восхищала проникновенность, с какой он доказывал регионалам (которые, как мы видели, тоже были далеко не единодушны), что главное в их требованиях удовлетворено, а всем остальным — что это мало что значит.

Как и в исходном «президентском» проекте, Федеративный договор, а точнее, все три образовавших его договора были сохранены как второй раздел Конституции, равнозначный другим ее разделам. Это решение было не только экстравагантным с юридико-технической точки зрения и беспрецедентным в мировой практике, но и политически опасным, поскольку договор с республиками и поднимал их над другими субъектами Федерации, и содержал прямую ссылку на республиканские декларации о государственном суверенитете, в которых их авторы бог весть что сумели наворотить в урожайном на такие акты 1990 г. Правда, число ссылок на ФД было убавлено по сравнению с исходным проектом. Но зато появилась норма, которой не было ни в нем, ни в проекте КК: поправки ко второму («федеративному») разделу Конституции помимо общего порядка внесения требовали полного консенсуса всех без исключения подписавших соответствующий договор сторон. Так в основание Федерации продвигался договорный, по сути разрушительный принцип в противовес конституционному.

Как уже было сказано, республики добились внесения в основы конституционного строя статьи, определяющей их как суверенные государства. В ходе КС эта статья не раз перебрасывалась как мяч с одной части поля на другую. Чтобы уговорить противников республиканского суверенитета проглотить эту ма-

лосъедобную формулу, в ту же статью были введены две оговорки. Первая: «осуществление республикой ее суверенных прав не может противоречить Конституции РФ» (хотя противоречие было как раз и заложено, как мы видели, в самую Конституцию). Вторая: «во взаимоотношениях с федеральными органами власти субъекты РФ равноправны между собой». Оппоненты указывали, что формула эта звучит не совсем по-русски, а главное, статусные политические преимущества республик их руководители научились конвертировать в экономические привилегии как раз в отношениях с федеральными органами власти¹⁰¹. Та же статья фиксировала «равноправие и самоопределение народов», но предусмотрительно оговаривала: «в составе РФ».

В Конституцию была введена также взятая из проекта КК статья, в которой были консолидированы нормы о предметах совместного ведения, содержащиеся в Федеративных договорах. Эта статья доставит немало головной боли разработчикам федерального законодательства (она открывала возможности перетягивания каната в разные стороны), но все же даст конституционную базу для приведения региональных законов в соответствие с федеральным. Кроме того, это был способ поднять статус краев и областей: сфера совместного ведения была описана по эталону, взятому из договора с республиками. Уточнена была статья, допускавшая возможность передачи полномочий. В исходном варианте это предусматривалось только сверху вниз — от Федерации к субъектам; откорректированный текст допускал также и обратное перемещение. Правда, теперь это стало распространяться не на все государственные органы, но лишь на структуры исполнительной власти. В Конституции воспроизводилось противоречие, содержащееся в Федеративном договоре с республиками: судостроительство было отнесено в нем одновременно и к исключительному ведению Федерации, и к сфере ее совместной компетенции с субъектами.

Так в общих чертах выглядел проект Конституции в июле. Четыре главные позиции, вокруг которых разворачивались наибо-

лее ожесточенные сражения между Ельциным и депутатским корпусом с 1992 г., были застолблены за президентом: роспуск парламента, практически безраздельный контроль над правительством, назначение референдума (по действовавшей Конституции и проекту КК это была прерогатива ВС), законодательное вето, преодолеваемое лишь двумя третями голосов избранных депутатов в каждой из палат (а не простым большинством, как в действовавшей Конституции и проекте КК). Именно в этом Ельцин и его сторонники в первую очередь видели основные отличия и преимущества продвигавшегося ими проекта перед тем, который вынашивался в парламенте. В этом, а не в особой подаче прав человека, верховенстве судьи над чиновником, удалении рудиментов советского и социалистического строя, которыми будто бы грешил проект КК, и особом статусе ФД, который, по словам С. Алексеева, должен был стать «трепетным сердцем нашего конституционного организма»¹⁰². Сама Конституция, справедливо замечает Лилия Шевцова, была средством укрепления президентства¹⁰³. Ельцин прочно стоял на почве реальной политики, он знал цену словам и цену инструментам власти, а потому отлично понимал, почему отодвигает проект, разработку которого формально возглавлял три года, и отдает предпочтение другому проекту, написанному идеалистом и прагматиками. Исходя из практических соображений, он, гибкий тактик, легко «сдал» нетрадиционное построение первых глав, согласился сменить важную для теоретиков концепцию прав человека и гражданина, проводившую разграничение между «естественными» и благоприобретенными правами, на ставший уже привычным и во многом инкорпорированный в действующую Конституцию вариант КК, жестко провел «президентское начало как главенствующее», отбросив «идею самостоятельного и ответственного правительства» (что рассчитывал совместить Алексеев), и вел непростой торг с региональной бюрократией, стремившейся выстроить Федерацию-Конфедерацию по-своему.

КС, в общем, подыграло президенту. Но оно, несомненно,

облагородило исходный проект, удалив из него слишком очевидные несуразности и заменив самые негодные блоки иными, взятыми как из подручного материала парламентского проекта, так и свежеизобретенными. В этом — позитивная историческая роль многолюдного круглого стола, на котором были представлены, конечно, не все реально существовавшие в то время политические силы России, но все же значительная, может быть, даже преобладающая их часть. «Я по-прежнему считаю, что проект Конституционной комиссии имеет и сегодня определенные преимущества перед проектом Конституционного совещания, — писал Борис Страшун, один из наиболее активных участников разработки обоих проектов, — трехлетний труд не мог не сказаться, однако проект Конституционного совещания в его нынешнем виде, как он опубликован 16 июля 1993 г., вполне приемлем. Он оказался значительно лучше, чем я предполагал, исходя из далеко не оптимальной процедуры работы над ним... Существенных различий между ними осталось немного, но наиболее значительные из них, по-моему, — это противоположный подход к форме правления»¹⁰⁴.

И организаторы КС, и большинство его рядовых участников сравнительно спокойно отнеслись к тому, что по многим вопросам согласие так и не было достигнуто. «Конституционный проект, который будет удовлетворять всех, — заявил А. Собчак, — будет совершенно негодный для реализации проект»¹⁰⁵. Участникам же Совещания было сказано, что теперь текст будет направлен в регионы, оттуда поступят новые поправки, которыми КС займется на следующем этапе. Так что расходились и разъезжались они в убеждении, что последнее слово не сказано и за то, в чем они остались не удовлетворены, еще можно будет бороться. Впрочем, доработка проекта представлялась теперь не главным делом. В основном он был подготовлен, одобрен на КС и опубликован. Первый шаг был сделан. Теперь предстояло сделать второй, значительно более трудный проблематичный и, как оказалось, крайне рискованный шаг — ввести эту Конституцию

в жизнь и убрать артачившийся Съезд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куранты. — 1993. — 26 апр.

² Конституционное совещание: Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. — Т. 1. — М., 1995. — С. 3—5.

³ Там же. — С. 5—10.

⁴ Известия. — 1993. — 30 апр. В московском вечернем выпуске газеты он появился 29 апреля 1993 г. См. также: Конституционное совещание... — Т. 1. — С. 11—66.

⁵ Запись обсуждения проекта Конституции на заседании фракции «Коммунисты России» 10.03.1992. — Архив автора.

⁶ Шестой съезд народных депутатов Российской Федерации: Стенографический отчет. — Т. 2. — М., 1992. — С. 288.

⁷ Запись обсуждения проекта Конституции на заседании фракции «Суверенитет и равенство» 10.03.1992. — Архив автора.

⁸ Независимая газ. — 1993. — 30 июня; Известия. — 1993. — 30 июня.

⁹ Запись обсуждения проекта Конституции на заседании Координационного совета «Демократической России» 26.03.1992. — Архив автора.

¹⁰ Там же.

¹¹ Федоров Н., Гулиев В. Что же мы будем принимать на референдуме? // Независимая газ. — 1992. — 20 мая.

¹² Запись представления проекта Конституции А. Собчака в московской мэрии 30.03.1992. — Архив автора. Справедливости ради надо отметить, что значительно более сдержанный тон дискуссии пытался придать С. Алексеев. Отметив, что во время представления проекта в РДДР «были рекламные моменты, которые мне не по душе», он подчеркнул преимущество обсуждаемого документа. Официальный проект, говорил он, обозначил серьезное продвижение вперед. Надо низко поклониться авторам, которые два года назад, когда царствовали идеологические монстры, имели смелость заявить новое конституционное устройство государства (Там же).

¹³ Значительная роль, отведенная Совету безопасности во главе с президентом, превалирование верхней палаты над нижней (именно она должна была принимать законы в первом чтении, назначать премьера и министров, отправлять в отставку правительство) и введение причудливой инстанции в лице Государственного совета — административного органа с неясно очерченными функциями (Конституц. вестн. — 1992. — № 11. — Апр.—май. — С. 11—24).

¹⁴ Там же. — С. 21.

¹⁵ Там же. — С. 24—28; Шестой съезд... — Т. 5. — С. 49, 64—66; Запись интервью с С. М. Шахраем. 01.07.2004. — Архив автора.

¹⁶ Алексеев С., Собчак А. С конституционными компромиссами нельзя ид-

ти в будущее // Известия. — 1992. — 12 окт.

¹⁷ Характерный пример — серия статей о новой Конституции, опубликованных в январе — марте 1993 г. политологом, президентом фонда «Реформа» В. Никоновым и американским профессором П. Ордешуком. Заголовки этих статей («Еще один неудавшийся эксперимент», «Благие пожелания или значимые гарантии», «Условие стабильности или формула распада?», «Источники фракционности или гаранты стабильности?», «Трудности выбора», «Парламент: нужны ли две палаты, если трудно прокормить одну») говорят сами за себя (Независимая газ. — 1993. — 5, 13, 22 янв., 2, 12 февр., 12 марта).

¹⁸ Информация о встрече фракции радикальных демократов с Б. Ельциным 27.03.1992. — Архив автора.

¹⁹ Конституц. вестн. — 1992. — № 13. — Нояб. — С. 11—22.

²⁰ В одном из вариантов проекта Конституционной комиссии в 1991 г. по моему и ряда других членов рабочей группы настоянию право президента распустить при определенных условиях парламент и право парламента отправлять в отставку правительство появились. Но вскоре О. Румянцев, игравший в спорных случаях роль арбитра, изменил свою позицию, и эти нормы были исключены.

²¹ Текст официального проекта Конституции, существовавший к моменту открытия Конституционного совещания, см.: Конституц. вестн. — 1993. — Май. — № 16. — С. 9—64. См. также: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. — Т. 1. — М., 1995. — С. 495—557. Помещенный там вариант — более поздний и опубликован в усеченном виде.

²² Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 328.

²³ Конституционное совещание... — Т. 1. — С. 6.

²⁴ «Каждый параграф конституции, — писал Маркс, — содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» (Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 8. — С. 132).

²⁵ Статья 24 «президентского» проекта. Правда, здесь же было записано, что «ничто не может служить основанием для отступления от положений» основополагающих статей (позднее число таких статей было увеличено до 16).

²⁶ Общая оценка этих авторов была еще более жесткой: «Увы, предлагают нам нечто очень странное, а может, даже страшное. И если что и учитывается из российской специфики, так это политические традиции самодержавия и большевистского единоначалия» (Шаталин С, Никонов В. Конституция, дарованная монархом // Независимая газ. — 1993. — 12 мая).

²⁷ Проект Конституции по состоянию на 12.07.1993 // Конституционное совещание... — Т. 17. — С. 361.

²⁸ В этом вопросе авторы «президентского» проекта разошлись. Шахрай отстаивал самостоятельность своего любимого детища — Конституционного су-

да. Но Алексеев настоял на создании органа, воплощавшего в его глазах единство судебной власти. Дефектность этой конструкции, однако, заключалась не в объединении функций Верховного и Конституционного судов (такова американская модель), а в ее глубокой зависимости от президента.

²⁹ Фрагменты беседы с Т. Скоробогатько (Моск. новости. — 1993. — 16 мая).

³⁰ Из интервью, данного И. Шаблинскому (Конституц. вестн. — 1993. — № 16. — Май. — С. 139—142).

³¹ На заседании КК 6 мая, когда Румянцев напомнил формулу VI Съезда, Хасбулатов, который незадолго до того получил проект «президентской» Конституции, реагировал нервно: «Я сейчас уйду, если вы будете так разъяснять... Вы что, не чувствуете обстановку?» (запись на заседании КК 06.05.1993. — Архив автора).

³² Фрагменты беседы с А. Мешковым (Рос. газ. — 1993. — 3 июня).

³³ Подразделение это, подвергавшееся по ходу КС персональным изменениям, получило название по имени председательствовавшего на всех ее заседаниях — «комиссия Филатова» (Конституционное совещание... — Т. 1. — С. 67—71).

³⁴ Подсчитано мной (Там же. — Т. 1. — С. 76—129, 465; Т. 2. — С. 24). Списочный состав на день открытия КС. Не все лица, включенные в список, приняли участие в работе КС. К началу совещания в списках числились 762 человека, зарегистрировались 692. На разных этапах группы пополнялись дополнительно включавшимися в работу участниками; некоторые представители и эксперты покидали КС или переходили в другие группы. Архитектором КС (и всех его последующих перестроек) был Сергей Филатов. Им же были подобраны «гуру» для групп.

³⁵ Указом президента от 2 июня координаторами вышеуказанных групп были назначены соответственно В. С. Черномырдин и А. М. Яковлев; С. М. Шахрай, В. Н. Степанов и А. С. Тяжлов; Ю. Ф. Яров и Б. А. Золотухин; А. А. Собчак и В. Л. Шейнис; В. Ф. Шумейко и С. С. Алексеев (Там же. — Т. 1. — С. 130—131). Характерно, что в своей книге С. А. Филатов приводит укороченный перечень «руководителей групп»: Черномырдин, Шахрай, Яров, Собчак, Шумейко (Филатов С. Совершенно несекретно. — М., 2000. — С. 274). Из этого можно понять, как задумывалась реальная субординация: на кого возлагались «руководящие», а на кого — рабочие функции. Исключением была лишь первая группа, в которой Черномырдин практически не появлялся.

³⁶ Правда. — 1993. — 3 июня.

³⁷ Рос. газ. — 1993. — 27 мая.

³⁸ Весной 1993 г. Д. Дудаев направлял Б. Ельцину письма, в которых выражал уверенность, «что Вы, как Президент Великой державы, проявите присущую Вам политическую мудрость и сделаете все возможное для решения о признании Российской Федерацией Чеченской Республики». Что же касается собственно российских дел, то Дудаев не преминул дать совет: во избежание «не-

предсказуемых и непоправимых последствий» действовать решительно — распустить Верховный Совет и ввести новую Конституцию. «В юрисдикции допускается оправдание менее тяжкого преступления, не влекущего последствий, если оно содеяно в целях предотвращения более тяжкого преступления, — обосновывал он свои рекомендации. Правда, как водится в войсках, уж коли такое решение принято и если даже оно неверное, то разумнее и целесообразнее доводить его до конца, чем останавливаться на полпути и принимать иное...» (цит. по: Тишков В. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — М., 2001. — С. 224.). Вряд ли чеченский «суверенизатор» мог предвидеть, что в соответствии с такими рекомендациями (но едва ли под их влиянием) Ельцин станет действовать не только через полгода в Москве, но и через полтора — в Чечне.

³⁹ Конституц. вестн. — 1993. — № 16. — С. 120—122.

⁴⁰ Письмо председателя ВС Республики Татарстан Ф. Х. Мухаметшина председателю КК РФ Б. Н. Ельцину. 04.06.1993. — Архив автора.

⁴¹ Постановление Президиума ВС Республики Саха (Якутия) «О позиции Президиума ВС Республики Саха (Якутия) в связи с внесением на рассмотрение КК РФ и на парламентские слушания ВС РФ вопроса “О конституционной реформе в республиках в составе РФ и обеспечении соответствия их конституций Конституции РФ”» от 10 января 1993 г. — Архив автора.

⁴² Записи встречи депутатов демократических фракций с представителями Администрации президента в Кремле 06.05.1993; дискуссии в фонде «Стратегия» 20.05.1993; дискуссии на пленуме СП «Демократическая Россия» 29.05.1993; выступлений на совещании демократических политиков и депутатов (присутствовало 30 участников) 01.06.1993. — Архив автора.

⁴³ Запись дискуссии на собрании депутатов демократических фракций в подмосковном пансионате «Нагорное» 28.05.1993; правительственная телеграмма, отправленная 31.05.1993 в 17:37. — Архив автора.

⁴⁴ За проект постановления проголосовали 147 депутатов, против 1, воздержался 1 (Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 28 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей 29 апреля 1993 г. — Ч. 2. — С. 51—53; Конституц. вестн. — 1993. — № 16. — С. 201—202).

⁴⁵ Конституц. вестн. — 1993. — № 16. — С. 202—203; Записи на заседании КК 07.05.1993. — Архив автора.

⁴⁶ Заявление пресс-секретаря президента В. В. Костикова звучало сурово. В нем говорилось, что попытка созвать заседание КК предпринята «группой лиц, не имеющих на то полномочий». Между тем «Б. Н. Ельцин никому не делегировал своих прав на созыв Конституционной комиссии. Стремление отдельных лиц созвать Конституционную комиссию в обход Президента является узурпацией президентских полномочий... Члены Конституционной комиссии, а также любые другие лица, принявшие участие в ее незаконном заседании, ставят себя пе-

ред лицом серьезной моральной ответственности» (заявление В. В. Костикова, опубликованное на ленте ИНФО-ТАСС 6 мая 1993 г.). Строго говоря, однако, председательствование в КК и исключительное право ее созыва не были отнесены к президентским полномочиям, а правом руководства КК, согласно положению о ней, располагал также заместитель ее председателя Р. Хасбулатов. В тот же день Б. Ельцин учредил пост своего официального представителя в КК и назначил на него С. Шахрая.

⁴⁷ Запись на заседании рабочей группы Конституционного совещания 11.05.1993. — Архив автора.

⁴⁸ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 35... — Ч. 2. — С. 36—43; Бюллетень № 36... — Ч. 1. — С. 20—22; Ч. 2. — С. 33—36.

⁴⁹ Там же; Постановление ВС РФ «О порядке согласования и принятия Конституции РФ» // Конституционное совещание. Информационный бюллетень. Август 1993. — Ч. 1. — С. 63—64.

⁵⁰ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 37... — Ч. 2 — С. 25.

⁵¹ Конституц. вестн. — 1993. — Май. — № 16. — С. 124.

⁵² Конституционное совещание... — Т. 1. — С. 485—486, 490.

⁵³ Там же. — Т. 2. — С. 8.

⁵⁴ Там же. — С. 27.

⁵⁵ Там же. — С. 226, 228, 230, 235, 402—404.

⁵⁶ «Мы стремились использовать рассматриваемый вариант Конституционной комиссии как такой же полноценный объект исследования, как и президентский проект», — заявил Черномырдин вразрез с изначально занятой им позицией, едва КС прошло первый отрезок пути (Там же. — Т. 5. — С. 374).

⁵⁷ Там же. — Т. 1. — С. 469—470; Т. 2. — С. 16—17; Т. 15. — С. 371.

⁵⁸ «Если не 3-го, то 10 июля — крайний срок, а дальше все становится проблематичным, — взмолился Филатов после пленарного заседания 26 июня, когда вновь выявился значительный разброс мнений, — в августе, я думаю, никого вообще не соберем» (Там же. — Т. 15. — С. 426).

⁵⁹ Там же. — Т. 2. — С. 3—14.

⁶⁰ Там же. — С. 16.

⁶¹ Любарский К. Конец советской власти // Новое время. — 1993. — № 24. Цит. по: Кронид; Избр. статьи К. Любарского. — М., 2001. — С. 244.

⁶² Третьяков В. Равновесие достигнуто // Независимая газ. — 1993. — 8 июня. Цит. по: Третьяков В. Российская политика и политики в норме и в патологии. — М., 2001. — С. 133—134.

⁶³ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 36... — Ч. 2. — С. 36—38; Бюллетень № 37... — Ч. 1. — С. 12. Хасбулатов говорил потом, что он предупредил Филатова о своем намерении выступить, показал текст и сказал, что выступление будет «миролюбивым, в духе согласия». Конечно, добрую волю спикера по отношению к КС, что бы он ни собирался высказать с его трибуны, переоцени-

вать не следует. Сохранился любопытный документ, из которого видно, как вел себя Хасбулатов, когда не считал нужным соблюдать декорум не только относительной лояльности, но и элементарного приличия. В рабочей группе КК в мае был подготовлен (вероятно, Румянцевым или Рябовым) проект постановления ВС, намечающий пути согласования двух конституционных проектов. На его тексте Рябов поставил визу: «для участников совещания». Затем документ попал к Хасбулатову, который подчеркнул все содержащиеся в нем упоминания КС и сопроводил гневной резолюцией, приличествующей щедринскому градоначальнику, а не выборному спикеру: «Кто разрешил это писать? Уберите!» (Проект постановления ВС «О порядке согласования проекта новой Конституции РФ с субъектами РФ» [ксерокопия]. — Архив автора).

⁶⁴ По разным оценкам, ушло от 50 до 120 человек (*Ельцин Б.* Записки президента. — М., 1994. — С. 319).

⁶⁵ Обращение к гражданам Российской Федерации. 05.06.1993. — Архив автора. Правда, некоторые коллеги авторов обращения отказались подписать документ, указав, что он представляет собой по сути призыв к гражданской войне. Но это мало что меняло.

⁶⁶ Заявление участников Конституционного совещания. 05.06.1993. — Архив автора.

⁶⁷ Обращение полномочных представителей субъектов Российской Федерации. 06.06.1993. — Архив автора.

⁶⁸ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 37... — Ч. 1. — С. 19—20.

⁶⁹ Хасбулатов не сообщил, правда, что до того эти парламентарии побывали у Ельцина и согласовали условия с ним; депутаты узнали об этом чуть позднее из выступления Владимира Хубиева.

⁷⁰ Там же. — Ч. 1. — С. 15, 26; Ч. 2. — С. 49—56; Постановление ВС РФ «Об участии ВС РФ в Конституционном совещании, созванном Президентом РФ» 9.06.1993 // Конституционное совещание. Информационный бюллетень. — 1993. — № 1. — Авг. — С. 64—65. Иную позицию заняла фракция «Согласие ради прогресса». В ее заявлении об открытии КС от 5 июня 1993 г., в частности, говорилось: «Вплоть до 4 июня с. г. большинство Верховного Совета во главе с его Председателем, совершая грубую политическую ошибку, отказывалось принимать участие в подготовке и проведении Конституционного совещания. Решение об участии в Совещании и о выступлении с содокладами от Верховного Совета и Конституционной комиссии было принято лишь накануне открытия Совещания, когда его регламент был уже определен. В итоге на первом пленарном заседании разразился открытый конфликт. В создавшейся ситуации фракция заявляет: 1. На Конституционном совещании необходимо выработать единый проект Конституции Российской Федерации, который включил бы все лучшее из проектов, предложенных Президентом и Конституционной комиссией Российской Федерации. 2. Регламент и процедуры Конституционного совещания долж-

ны обеспечить демократическое обсуждение проекта Конституции. 3. Мы против того, чтобы достойный сожаления конфликт, разгоревшийся 5 июня на пленарном заседании, использовался для дискредитации и срыва Конституционного совещания. Мы — за возвращение участников Совещания к нормальной работе, против ультиматумов с чьей бы то ни было стороны. 4. Считаем целесообразным провести на дополнительном пленарном заседании общую дискуссию по структуре Конституции, реализации принципов федеративного устройства государства и организации системы высших органов государственной власти с выступлениями от представителей всех рабочих групп Конституционного совещания. 5. Кроме того, мы считаем, что служба безопасности, выполняя свои основные функции, не должна быть столь заметным участником Конституционного совещания» (архив автора).

⁷¹ Конституционное совещание. — Т. 5. — С. 365—368.

⁷² В ВС уже раздавались голоса, требовавшие отставки Рябова с поста вице-спикера, поскольку его деятельность «способствует разрушению парламента».

⁷³ Там же. — Т. 2. — С. 139.

⁷⁴ Там же. — С. 145—146.

⁷⁵ Комиссия конституционного арбитража была учреждена распоряжением президента 24.06.1993. В ее состав были определены члены трех высших судов — участники КС, а также известные юристы Ю. Х. Калмыков, В. Н. Кудрявцев, Б. Н. Топорнин, В. А. Туманов и А. М. Яковлев.

⁷⁶ Там же. — Т. 15. — С. 427. На это же обстоятельство со своих позиций обратил внимание коллег-депутатов, обсуждавших условия участия в КС, С. Бабурин: «Это ведомственное мероприятие должно проходить без каких-либо помех или вмешательств и тем более без каких-либо ультиматумов с чьей бы то ни было стороны... Поэтому я считаю, например, просто неуместным выдвигать какие-либо условия... Там совещаются, а потом тот, кто его созвал, принимает решение» (Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 37... — Ч. 1. — С. 24).

⁷⁷ Сильная оппозиция «суверенизации» республик сложилась и в экспертном окружении Ельцина. Известный ученый, член Президентского совета Леонид Смирнягин написал проект Декларации о государственной целостности России, который 16 июня подписали 13 членов этого совета, участвовавших в КС. В этом документе были сформулированы «пять исходных принципов федерализма», которые, на мой взгляд, и сегодня не потеряли актуальности: запрет на выход из Федерации; запрет на одностороннее изменение статуса субъекта Федерации; свобода передвижения людей, товаров и информации по всей территории государства (внутренние административные границы не могут быть превращены в государственные или экономические); верховенство федерального законодательства; единство основ государственного строя (в субъектах запрещается вводить недемократические формы правления). «Во всем, что не противоречит этим пяти принципам, — гласил документ, — субъекты Федерации считаются свобод-

ными в своем государственном строительстве». Отмечалось также, что «федерализм — территориальная форма демократии, которая не имеет связи с национальным вопросом», их природа — разная (проект Л. В. Смирнягина. — Архив автора).

⁷⁸ Конституционное совещание. — Т. 10. — С. 35—48, 121—128, 217—221, 239—242, 278—279, 285—304.

⁷⁹ Там же. — Т. 10. — С. 305—310. Подсчет голосов, жаловались участники Совещания, был профанацией (Там же. — Т. 15. — С. 110).

⁸⁰ Так, сославшись на пункт Заявления, гласивший, что «человеческое достоинство нерушимо», депутат М. Салье заявила: «Мне не показалось, что этот пункт на вчерашнем пленарном заседании был соблюден. Наоборот, мне показалось, что не только “рушимо”, но и его можно растереть в порошок» (Там же. — Т. 11. — С. 122).

⁸¹ Там же. — Т. 15. — С. 110, 112.

⁸² Формулу о республиках как суверенных государствах я произношу с трепетом, говорил А. М. Яковлев, предвосхищая эти возражения. Но Конституция — не только продукт юридического мышления, не признающего двух суверенитетов на одной территории. Она также продукт общественного согласия, которое надо уважать (Там же. — С. 382—373, 388—389, 392—394, 402, 407—409).

⁸³ Именно эти выступления всего более пришлись по душе Ельцину. Просматривая протокол заседания, он, заметив фамилию Салье, пометил: «согласиться», даже не вникая в текст (Там же. — Т. 16. — С. 95).

⁸⁴ Там же. — Т. 15. — С. 406—407.

⁸⁵ Там же. — С. 420.

⁸⁶ «Господин Жириновский Конституцию одобрил. Значит, теперь ее можно принимать, — иронизировал В. Третьяков. — О времена! О нравы! О Россия! Конституционное совещание аплодирует г-ну Жириновскому. То самое Конституционное совещание, которое “захлопало” выступление Председателя Верховного Совета Российской Федерации Руслана Хасбулатова. В сравнениях, в сравнениях высекаются искры истины... Лично я не хочу жить по Конституции, в которую г-н Жириновский внес хотя бы запятую» (Независимая газ. — 1993. — 30 июня. Цит. по: Третьяков В. Указ. соч. — С. 139—140).

⁸⁷ Конституционное совещание... — Т. 12. — С. 29—31; Т. 17. — С. 95—96, 103, 112, 269, 272—273, 277—278, 303.

⁸⁸ Там же. — Т. 17. — С. 167—213, 319—346. Впрочем, критика представленного текста здесь, как и в других группах, не всегда опиралась на его внимательное прочтение.

⁸⁹ Там же. — Т. 17. — С. 223, 233—234, 252, 254, 257—260.

⁹⁰ Запись интервью с Г. А. Сатаровым. 06.07.2004. — Архив автора.

⁹¹ Записи на пленарном заседании КС 12.07.1993. — Архив автора. Станным образом стенограмма этого заседания не была включена в двадцатитомник

«Конституционное совещание».

⁹² Там же. Эти данные, вопреки обещанию распространить среди участников КС брошюры с текстом и подписями, так никогда и не были опубликованы. Согласно моему беглому подсчету, в тот день подписали проект 367 человек — менее половины лиц, чьи фамилии значились в альбомах. Подписи не поставило большинство глав республик. Не будучи уверен в положительном исходе голосования, Ельцин покинул зал до окончания заседания и ждал исхода, на который он уже не смог бы повлиять, у себя в кабинете.

⁹³ Обращение «Членам Конституционной комиссии. Народным депутатам РФ». 16.06.1993. — Архив автора.

⁹⁴ Анализ основан на сопоставлении текстов исходного «президентского» проекта Конституции (Конституционное совещание... — Т. 1. — С. 12—66), Конституционной комиссии (Там же. — С. 495—557) и одобренного Конституционным совещанием 12 июля 1993 г. (Там же. — Т. 17. — С. 359—412).

⁹⁵ Там же. — Т. 2. — С. 18—19.

⁹⁶ Венецианская комиссия — Европейская комиссия за демократию через право создана по решению Совета Европы в 1990 г. (Там же. — Справ. том. — С. 84—85).

⁹⁷ *Шаблинский И. Г.* Пределы власти: Борьба за российскую конституционную реформу (1989—1995). — М., 1997. — С. 129.

⁹⁸ Конституционное совещание... — Т. 12. — С. 282—284.

⁹⁹ Выдвигался и еще один аргумент, свидетельствовавший о глубоком кризисе федеральной власти: если СФ будет избираться, мы получим «...неэффективный парламент. Законы, принимаемые таким парламентом, как сейчас, никем не будут выполняться». Поэтому верхнюю палату надо формировать из регионального начальства (Там же. — Т. 12. — С. 416).

¹⁰⁰ Там же. — Т. 15. — С. 165.

¹⁰¹ «Выясняется, — говорил член Президентского совета Леонид Смирнягин, — что 15 регионов дали [в федеративный бюджет] меньше, чем получили... Надо ли говорить, что из 15 регионов 14 — это республики? Это вопиющее свидетельство того, что Федеративный договор, вопреки утверждениям представителей республик, действует и действует прекрасно. Действует, как насос, отсасывающий деньги других регионов в пользу республик» (Там же. — Т. 15. — С. 101—102).

¹⁰² Там же. — Т. 2. — С. 19.

¹⁰³ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 125.

¹⁰⁴ Конституц. совещание. — 1993. — № 2. — Окт. — С. 51—52.

¹⁰⁵ Конституционное совещание... — Т. 17. — С. 149.

«И потом был рассвет, один из самых прекрасных в судьбе России; был праздник, было ликование и светлое чувство великой победы. Бездна отступила, и жизнь снова обретала свой смысл».

Депутаты и защитники Белого дома ранним утром 22 августа 1991 г. Среди них В. Волков, О. Румянцев, С. Марков, Л. Волков, В. Шейнис, В. Кикоть

На сессии Верховного Совета СССР, собравшегося в августе 1991 г. после путча. На скамьях правительства разместились депутаты российского парламента.

Р. Хасбулатов, Ю. Афанасьев, В. Шейнис. Над ними — М. Горбачев

фото С. Шустова

*В.Шейнис и А. Шабад на заседании
Съезда во время обсуждения по-
правок к Конституции*

Значительную часть времени российский парламент уделил приспособлению старой Конституции к новым условиям, внося в нее поправки. Это была изнурительная и малопродуктивная работа... В итоге коллективного редактирования, в котором принимали участие одновременно несколько сот человек (остальные, утомленные или незаинтересованные, коротали время в курилках) большинство изменений отклонялось.

Реформы начала 90-х годов, как бы к ним ни относиться, — важнейшее событие в социально-экономической истории России, поворот, сопоставимый по своему значению с крестьянской реформой 1861 г., с введением и ликвидацией НЭПа. Споры о них не прекращаются.

*Обсуждение российских реформ в Фонде Аденауэра в Москве.
В. Шейнис, глава московского представительства Фонда Н. Вагнер, Б. Федоров, Е. Гайдар, исполнительный директор фонда Г. Лангут, председатель комитета по внешним сношениям бундестага ФРГ К.-Х. Хорнхуз, Г. Явлинский*

В противовес акциям оппозиции было решено устроить нечто грандиозное — Собрание граждан, своего рода «наш ответ Чемберлену». Оно состоялось 5 апреля 1992 г. На нем были все и всё: сам Ельцин, демократы и центристы разного толка и даже хулиганы, блокировавшие подходы к зданию. Некоторые из них проникли в зал и пытались устроить обструкцию.

Фото С. Шустова

*На собрании граждан.
На переднем плане Е. Савостьянов, В. Шейнис, М. Арутюнов*

Виктор Шейнис:

— Съезд в данных условиях ничего, кроме дорогостоящего митинга, представлять не будет и не сможет.

Шарж в газете «Федерация»

Фронт национального спасения, «Народное единство» вождели момента, когда, наконец, можно будет лишить Ельцина дополнительных полномочий, разделаться с правительством Гайдара, внести нужные им изменения в Конституцию... Все обещало, что на VII Съезде предстоит жестокая схватка...

Выход для президента из тупика, в который он устремился на VII Съезде сам, да и для 'здравомыслящей части депутатского корпуса, страшившегося бесперспективной конфронтации с неясным исходом, был теперь в согласительных процедурах. В их центре оказался Валерий Зорькин...

*С В. Зорькиным на
церемонии оглашения
Послания президента*

Руцкой отнюдь не был лишен чувства чести — в отличие от многих из того лагеря, к которому он прибился... Я тесно сотрудничал с ним во время поездок в Карабах и Армению и сохранил, несмотря на все последующее, уважение к этому по-своему незаурядному человеку...

Формальным и неформальным лидером рабочей группы Конституционной комиссии стал ее ответственный секретарь Олег Румянцев, в то время один из заметных демократических политиков. Реальный процесс разработки Конституции на начальном этапе осуществлялся немногочисленной группой демократических политиков и ученых.

Фото С. Шустова

Заседание Конституционной комиссии.

*Слева В. Шейнис и
О. Румянцев,
в центре Б. Ельцин,
справа В. Варов*

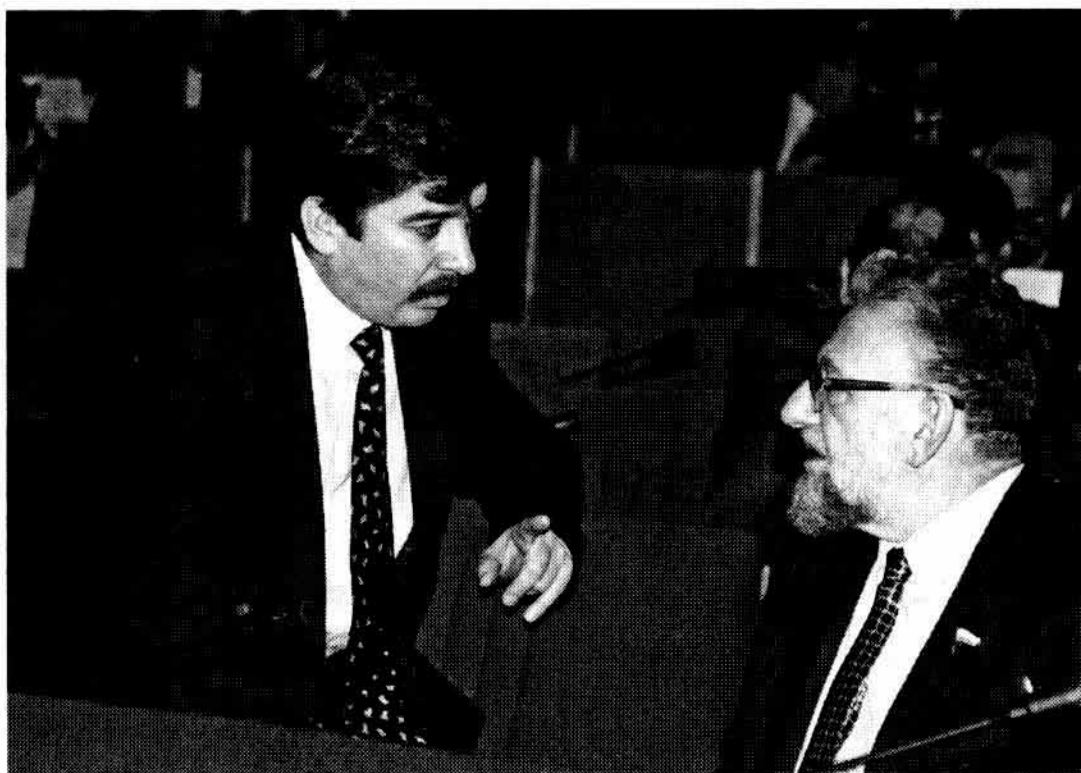

Фото С. Шустова

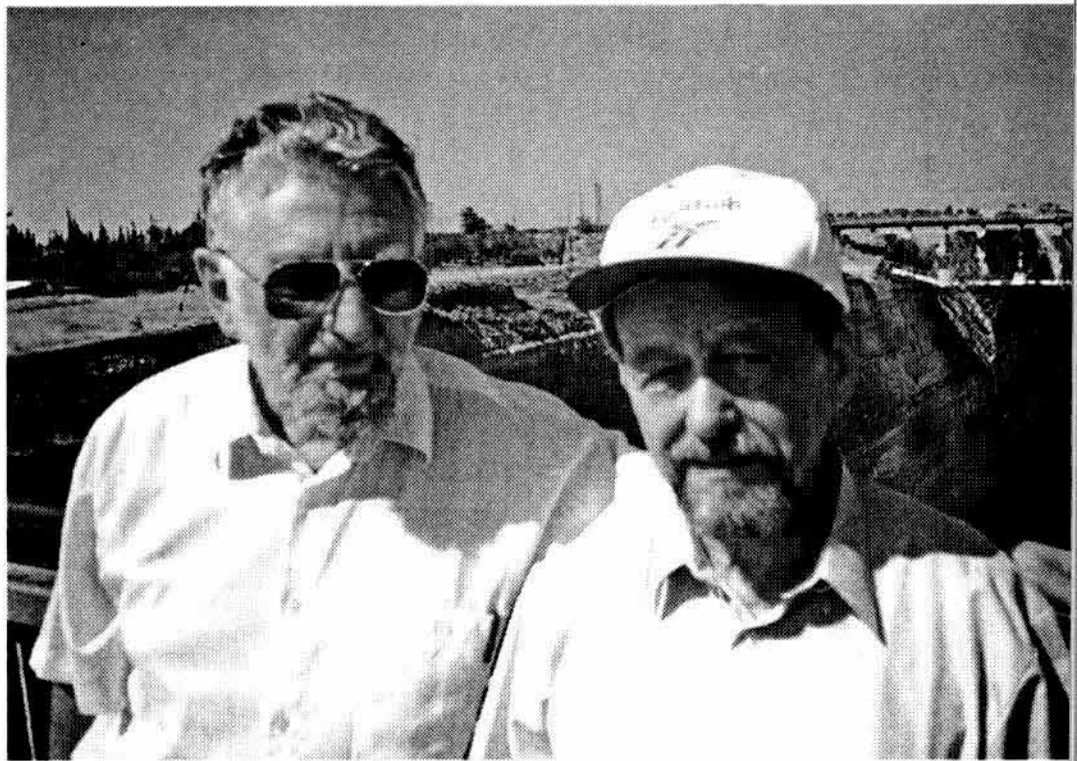
*О. Румянцев и В. Шейнис. На втором плане —
А. Бугримов, С. Юшенков, А. Медведев*

С. Шахрай руководил самой проблемной группой Конституционного совещания 1993 г. — группой регионов. Искусно владея юридической казуистикой, он уговаривал, увещевал, ублажал, маневрировал — и оказался незаменим в роли медиатора в этом котле страстей и непомерных амбиций. Меня восхищала проникновенность, с которой он доказывал регионалам, что главное в их требованиях удовлетворено, а всем остальным — что это мало что значит.

Какую же Конституцию мы сотворили? — Продолжаем обсуждать эту проблему с руководителем группы экспертов Конституционной комиссии Б. Страшуном во время конференции в Институте конституционного права в Афинах.

В перерыве конференции — переправа через Коринфский канал в Пелопоннес

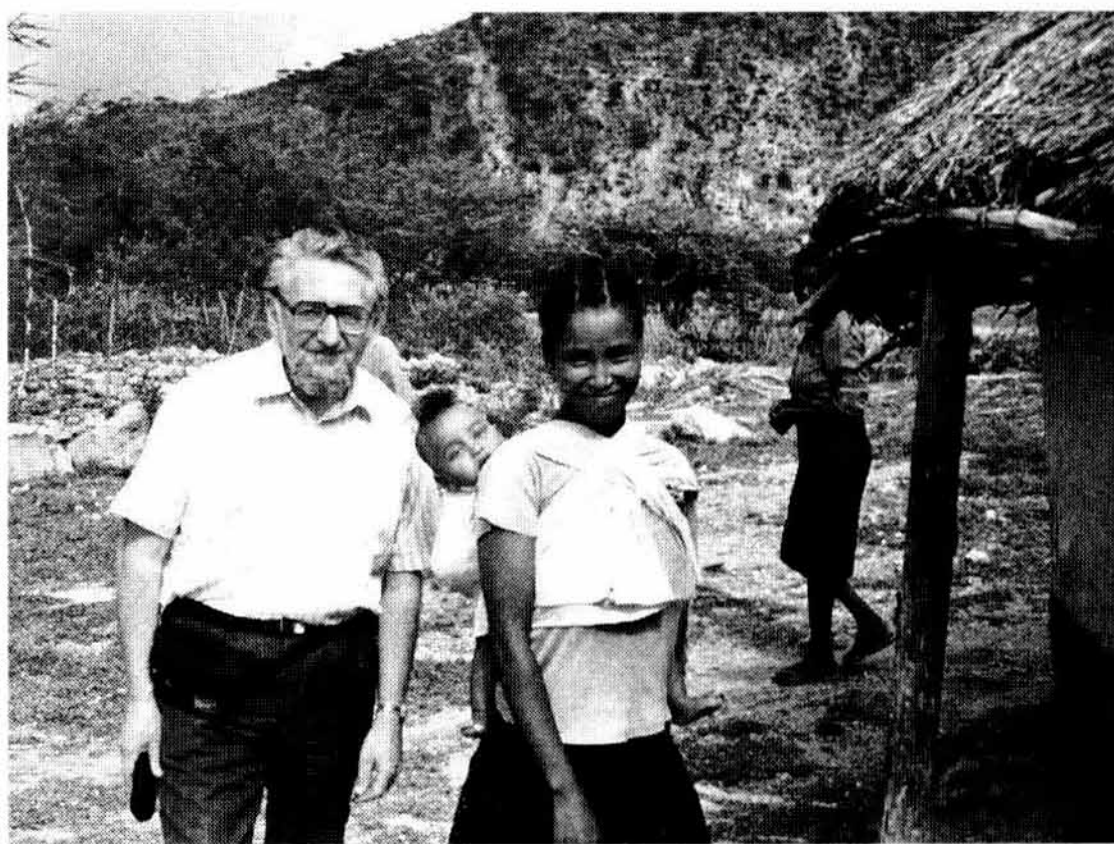

Защищать целостность Российской Федерации в 1993 г. легче было на международной конференции в Аддис-Абебе, чем в Москве.

В президиуме конференции

«Введение в игру» вокруг Конституции субъектов Федерации — конъюнктурный шаг. Он означает, что группы политиков, которые представляют регионы, получают дополнительные права. Это очень опасный для целостности России путь».

В эфиопской деревне

— Ваша установка на компромисс мне симпатична, — говорил Сергей Ковалев на семинаре «умеренных» демократов-реформистов в августе 1993 г. — Компромисс — джентльменское соглашение, учитывающее несовпадающие интересы сторон. Но такое соглашение предполагает наличие джентльменов. Где они? Хасбулатов? Непримируемая оппозиция? Сегодня разговоры о компромиссе неуместны — противоположная сторона пойдет на него только при перевесе сил у нас либо надеясь нас сразу обмануть... Серьезные результаты в науке и политике достигаются только тогда, когда ставятся неимоверно трудные задачи...

Странное зрелище представлял собой Верховный Совет в летние месяцы 1993 г. Рассматривали законопроекты далеко не первостепенной важности. Вновь и вновь звучали бездоказательные инвективы, но немногочисленным оппонентам слова не давали. Кворум едва набирался. Зато регулярно устраивали свои сходки реваншисты. Верховный Совет все более превращался в контору Хасбулатова, но реализовал спикер, сознавая это или нет, не им написанный сценарий.

В зале заседаний Верховного Совета. На переднем плане Б. Золотухин, В. Миронов, В. Шейнис

21 сентября 1993 г. российскую парламентскую делегацию принимали в Брюсселе. Встречи с руководителями НАТО, общая доброжелательная атмосфера производили умиротворяющее впечатление... Мы не подозревали, что именно в этот день будет подведена черта под недолгой историей нашего парламента.

SUPREME HEADQUARTERS ALLIED POWERS EUROPE

Российские депутаты перед штаб-квартирой НАТО. 21 сентября 1993 г.

«Эхо Москвы» ранним утром 4 октября 1993 г. Тревожны были баррикады, возведенные за ночь на подходах к зданию радиостанции, и волонтеры, придирчиво проверявшие наши документы.

*В эфире
с Сергеем Бун-
тманом*

«Эхо Москвы» продолжает вещание

Обстоятельная дискуссия по проекту избирательного закона состоялась в августе 1993 г. по инициативе главного редактора газеты «Гражданская мысль» Юрия Буртина. Материалы этой дискуссии были опубликованы на ее страницах.

*Встреча на квартире Ю. Буртина.
Слева направо: Ю. Буртин, А. Шабад, Л. Кириченко, М. Арутюнов,
В. Шейнис*

Спор с Г. Сатаровым о преимуществах и недостатках разных избирательных систем продолжался долго. Но он никогда не мешал нашему сотрудничеству.

В состав инициативной группы, готовившей в 1993 г. новый избирательный закон, вошли активисты демократических организаций Олег Каюнов и Владислав Луценко, впоследствии мои незаменимые помощники. Колоссальная работа свалилась на мою помощницу по Верховному Совету Лидию Власову, человека невиданной работоспособности, верного и надежного.

*С О. Каюновым и В. Луценко
у меня дома*

Л. Власова в рабочем кабинете

В октябре 1993 г. мне была вручена медаль памяти Имре Надя за выступление против советской интервенции в Венгрии в 1956 г.

Венгерское посольство в Москве. Церемония награждения. Крайний справа — посол Венгрии в РФ Д. Нановски

фото П. Горшкова

Историю создания «Яблока» мне довелось наблюдать изнутри и более того — принять активное участие в процессе, центральной фигурой которого был Григорий Явлинский. Впервые выразительно заявила о себе демократическая оппозиция, демократическая альтернатива утверждавшемуся режиму.

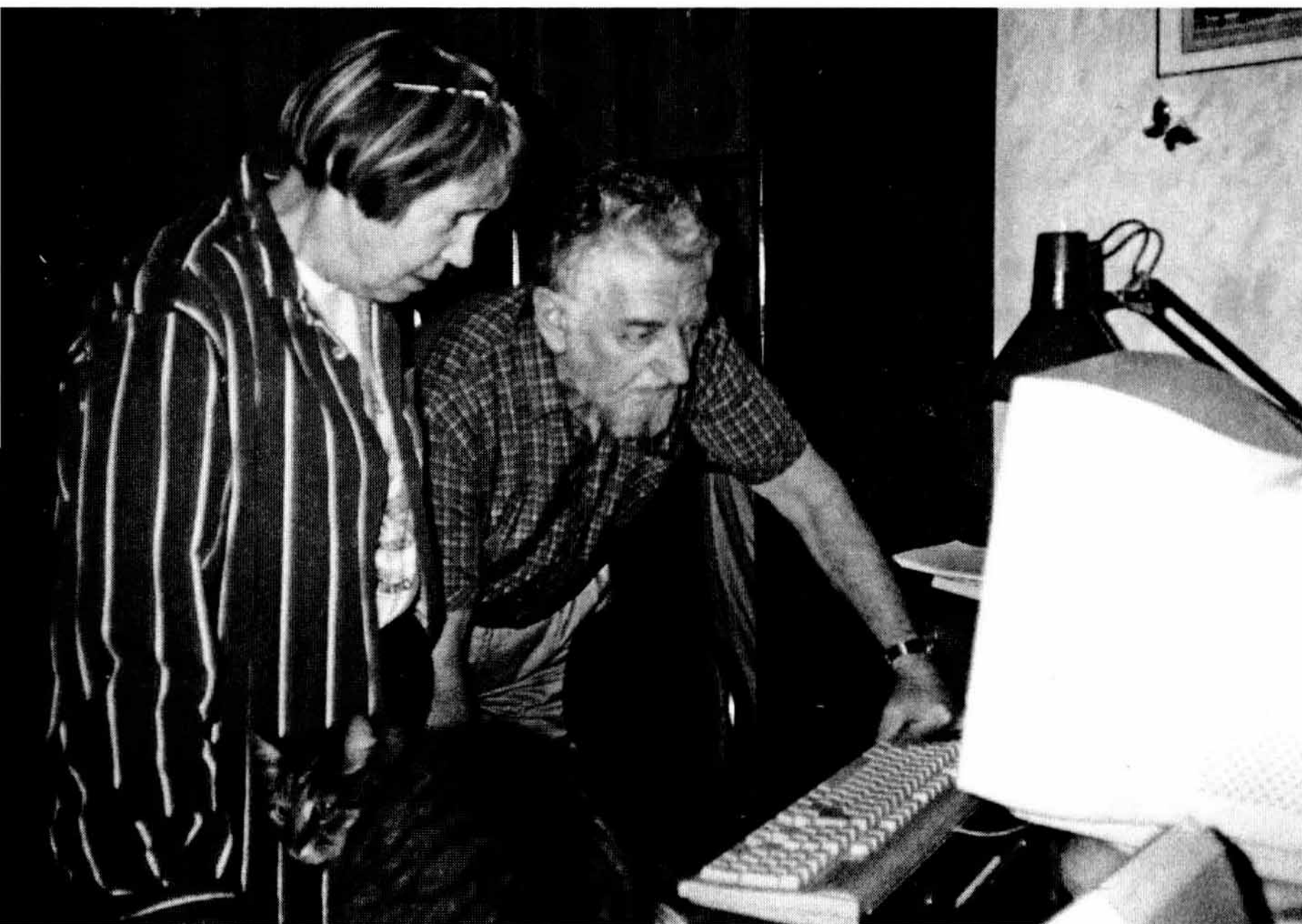

*В. Учитель, И. Яковенко,
В. Шейнис*

С. Иваненко, Г. Явлинский, Е. Мизулина, В. Лукин, В. Шейнис

Работа над книгой завершается. А. Назимова и неизменная участница наших трудов кошка Рейтинг («Шейнис без ума от своего Рейтинга», — написала одна журналистка)

глава 21

Завершение конституционного процесса

Когда Солон спросили, самые ли лучшие законы он дал афинянам, он ответил: «Да, самые лучшие из тех, какие они могли принять».

Плутарх

КАК ПРИНИМАТЬ КОНСТИТУЦИЮ

Выступая на заседании КС 16 июня, Ельцин сказал, что Совещание должно завершиться оформлением трех документов: единого согласованного проекта Конституции, предложений по порядку ее принятия и законопроекта о выборах в Федеральное собрание, а для разработки двух последних созданы межсекционные группы. Предполагалось, что все эти документы будут вынесены на пленарное заседание КС¹. Однако по разным причинам это сделано не было. Об избирательном законе речь пойдет ниже. Что же касается другого сопровождающего конституционный проект документа, то он не был доведен даже до стадии оформления, а группа по его разработке так и не была создана. На КС в полуофициальном порядке распространялись документы, систематизировавшие различные варианты введения Конституции в действие. Представление о том, сколь разнообразна была палитра рассматривавшихся способов утверждения новой Конституции, может дать подготовленный экспертом четвертой

группы Игорем Харичевым документ, заголовки которого воспроизводятся ниже.

1. Внеочередной СНД (созывается в июле только для принятия проекта Конституции, подготовленного Конституционным совещанием, без внесения в него изменений).

2. Очередной Съезд (созывается в ноябре для принятия Конституции).

3. Конституционное совещание и Съезд народных депутатов Российской Федерации (совместно в той или иной форме принимают проект Конституции, подготовленный Конституционным совещанием).

4. Референдум (проводится в сентябре для принятия проекта Конституции, подготовленного Конституционным совещанием).

5. Конституционное собрание (Конституционная ассамблея) созывается путем всенародных выборов, которые реально могут быть проведены в октябре-ноябре 1993 г.

6. Конституционное собрание (формируется тем или иным образом без всенародных выборов и реально может начать работу в августе-сентябре 1993 г.).

7. Парафирование субъектами Федерации и введение в действие (парафирование проекта Конституции, подготовленного Конституционным совещанием, и последующее введение в действие указом президента).

8. Выборы нового парламента и принятие им Конституции РФ (проведение выборов нового парламента в октябре-ноябре 1993 г. на основе Акта, поддержанного Конституционным совещанием и субъектами Федерации и введенного в действие указом президента РФ, и последующее принятие Конституции РФ).

В тексте детально анализировались плюсы и минусы каждого из этих способов (степень легитимности, скорость реализации, психологический эффект для общества, влияние на остроту

политического противостояния, возможности противодействия со стороны руководства ВС и СНД, трудности получения необходимых для принятия Конституции 2/3 голосов в парламенте и более чем половины от списочного состава избирателей на референдуме, опасность ревизии проекта при его прохождении в структурах Съезда и регионов, неясность итогов выборов нового парламента или Конституционной ассамблеи — Учредительного собрания, политическая цена в виде дальнейших уступок субъектам Федерации и т. д.)². Примерно такие же варианты в несколько иной комбинации с разбором доводов за и против каждого из них были представлены в аналитическом материале, разработанном в центре «Стратегия» Геннадия Бурбулиса³. Третий набор механизмов был скомпонован членами группы партий и общественных организаций КС — одной из наиболее активно поддерживавших президента и ставшей в жесткую оппозицию к ВС. Здесь было проведено мягкое рейтинговое голосование, которое дало следующие результаты (в скобках — число голосов по каждому варианту):

- принятие Конституции новым парламентом, выбранным на основе переходного конституционного закона и нового закона о выборах (52);
- принятие Конституции Учредительным собранием (46);
- утверждение (октроирование) президентом проекта, одобренного КС и парафированного субъектами Федерации (26);
- вынесение проекта на референдум (24);
- вынесение проекта на внеочередной Съезд (12);
- вынесение проекта на очередной Съезд (3)⁴.

Очевидно, что практически каждый из этих вариантов в зависимости от успеха или неуспеха реализации содержал развилки и мог использоваться в комбинации с другими вариантами. При обсуждении в группах выявился разброс мнений, едва ли не больший, чем по закону о выборах. В центре стоял вопрос о допустимости принятия Конституции в обход парламента. Конституцию, говорили одни, надо принимать только конституционным

путем: либо на Съезде, либо на референдуме. Формулировки нынешней Конституции вовсе не делают легитимным принятие новой Конституции Съездом: в ней говорится лишь, что Съезд вносит изменения в действующую Конституцию, возражал известный юрист-теоретик Анатолий Венгеров. Надо продумывать иной, «легитимный по большому счету порядок» через новые выборы, Учредительное собрание, референдум. Не стройте иллюзий, увещевал коллег Николай Шмелев, «нет ни одного стопроцентно легитимного варианта, включая Съезд. Как Съезд по старой действующей Конституции будет упразднять себя и старую Конституцию и принимать новую? Это же абсурд. И боюсь, что референдум не получится легитимным, потому что на него половина населения, а то и больше, не придет...». Виктор Мушинский, отбросив «непродуктивную идею» принимать Конституцию на Съезде, предлагал «полулегитимный» вариант: указ президента, вводящий временное положение о выборах в новый парламент, а затем выборы с элементами референдума.

«Всякий разговор о нелегитимных, полулегитимных, на одну четверть нелегитимных и так далее способах должен быть забыт, как дурной сон, — возражал им всем Юрий Нестеров. — Легитимных способов существует только два — это Съезд и референдум...». Но всю Конституцию выносить на референдум нецелесообразно: она не пройдет из-за противоречий Центра и регионов. Надо выделить раздел о структуре федеральных органов власти; если референдум подготовить технологически грамотно, проект может пройти вместе с изменением правил учета итогов голосования. Все такие рассуждения не устраивали Марка Захарова: подготовленный проект — «может быть, несовершенный документ, но он позарез нужен», принимать его надо «как можно быстрее» и не забывать, что «настоящим демократом может называться тот, кто иногда способен принимать антидемократические решения». Правда, ссылаясь выдающийся режиссер не на Пиночета, вероятно, в его представлении на демократа не вытягивавшего, а на Черчилля и де Голля⁵.

Большинство участников дискуссии все же сходились в том, что проект должен пройти Съезд как стадию на пути своего продвижения. Но свести воедино все разноречия по вопросу о том, что следует делать, когда Съезд его отвергнет (в чем мало кто сомневался), а региональные элиты, в свою очередь, начнут корректировать текст, выторговывая новые уступки, — было делом практически неподъемным. И все же развернутый план действий, более или менее реалистичный и не слишком удалявшийся от конституционной легитимности, предложила фракция «Согласие ради прогресса». В общем положительно оценив проект, подготовленный на КС, но оговорив необходимость его серьезной доработки⁶, депутаты предлагали после такой коррекции следующий «Порядок дальнейших действий по осуществлению конституционной реформы»:

1. Текст Конституции, согласованный в результате работы первого этапа Конституционного совещания, передается в рабочие группы Конституционного совещания и Конституционной комиссии Съезда народных депутатов для совместного рассмотрения. Вместе с проектом Конституции в этих рабочих группах должны быть рассмотрены и другие законопроекты, связанные с конституционной реформой: переходные положения, закон о выборах в Федеральное Собрание, закон о политических партиях.

2. Доработанный в рамках совместной работы рабочих групп Конституционного совещания и Конституционной комиссии Съезда народных депутатов проект Конституции и всех сопутствующих ей законопроектов выносится для одобрения простым большинством голосов на пленарное заседание Конституционного совещания.

3. Пакет законопроектов, одобренный Конституционным совещанием, направляется на одобрение субъектам Федерации. Решение об этом выносится в течение месяца со дня одобрения Конституционным совещанием путем голосования на сессиях представительных органов власти субъектов Федерации про-

стым большинством голосов. При этом не должно допускаться внесение тех или иных поправок в текст проекта, поскольку это сделает процесс согласования бесконечным.

4. После одобрения проекта Конституции большинством субъектов Федерации созывается Съезд народных депутатов — либо по решению Верховного Совета, либо по требованию 1/5 народных депутатов;

5. В случае, если пакет законодательных актов, связанных с конституционной реформой, не принимается Съездом либо принимается в искаженном виде, народные депутаты проводят сбор подписей 1/3 депутатов за проведение референдума по следующим вопросам:

- Согласны ли Вы с принятием Конституции Российской Федерации, одобренной Конституционным совещанием и большинством субъектов Российской Федерации?

- Согласны ли Вы с переходными положениями, одобренными Конституционным совещанием?

6. Для того, чтобы решение важных вопросов конституционного развития не было заблокировано из-за низкой активности части избирателей, считаем необходимым вынести на референдум и поправку к закону о референдуме в виде следующего вопроса:

- Согласны ли Вы с тем, чтобы часть четвертая статьи 35 Закона о референдуме была изложена в редакции:

При проведении референдума по вопросам принятия, изменения или дополнения Конституции Российской Федерации решения считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, внесенных в списки для участия в референдуме, либо 2/3 граждан, принявших участие в голосовании⁷.

Самым уязвимым в этом плане было допущение, что представительные органы субъектов Федерации согласятся на такой порядок обсуждения проекта Конституции, который лишит их возможности вносить в него поправки, и что при этом большин-

ство из них одобрит проект. Но тут возможны были варианты, модифицирующие план.

24 июля президент подписал указ о порядке согласования проекта Конституции, выдержанный тоже не в конфронтационном духе. Вслед за согласованием проекта с органами законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации (в процессе которого надлежало принять участие членам КС, представителям правительства, руководителям Администрации президента) по итогам всех этих обсуждений надлежало провести следующее пленарное заседание КС, а рабочей комиссии КС — обобщить позиции не только региональных властей, но и основного протагониста — ВС — по проекту Конституции, порядку ее принятия и представить соответствующие предложения⁸. Дверь для диалога президент, таким образом, оставлял открытой. Но такой спокойный подход не обеспечивал быстроты продвижения конституционного процесса, на что была сделана основная ставка после апрельского референдума. Этим не преминули воспользоваться противостоящие силы.

Не надо было обладать даром провидца, чтобы представить, какова будет реакция Верховного Совета. По ней можно было судить, как проект, одобренный Конституционным совещанием, будет принят Съездом, да и многими ориентированными на ВС советами в регионах. И их реакция не заставила себя ждать. Была изменена тактика по отношению к КС. В начале июня ВС обставлял свое участие в работе КС рядом условий. Когда выяснилось, что взорвать Совещание изнутри не удастся, было решено перейти к бойкоту. Предлог вскоре подвернулся.

24 июня заместитель генерального прокурора Николай Макаров выступил в ВС с сенсационными обвинениями высших должностных лиц в коррупции. В числе фигурантов этого дела был назван ряд лиц, игравших видную роль на КС. В конце заседания, когда страсти были основательно разогреты, на трибуну поднялся Владимир Исправников, которого незадолго перед тем Хасбулатов одарил постом своего заместителя, чтобы поделить-

ся, как он сказал, своим «личным, частным мнением»: «новая Конституция должна делаться чистыми руками». А посему официального представителя Верховного Совета надо с КС отозвать, представителям же Советов всех уровней и народным депутатам рекомендовать: не имеют они морального права участвовать в совместной работе с лицами, находящимися под следствием. «Хорошее предложение», — моментально откомментировал Хасбулатов. Вслед за тем ВС подавляющим числом присутствовавших в зале депутатов принял соответствующее обращение к президенту и КС⁹.

Этого, однако, было мало. Конституционное совещание, освещенное прожекторами СМИ, сдвинуло конституционный процесс с точки, на которой он буксовал уже много месяцев. ВС попытался перехватить инициативу, опираясь на юридически более сильные позиции: в отличие от КС, функционировавшего в системе «совещательного права», он действовал на основе самого что ни на есть права конституционного, что бы там ни говорили юристы о лакунах в действующей Конституции. Активность ВС на конституционном направлении оказалась сродни скачку с места в карьер. Впрочем, во многом это была имитация реальной деятельности.

25 июня в ВС с проектом нового постановления от лица сильно поредевшей к тому времени рабочей группы КК выступил секретарь этой комиссии Иван Федосеев. В длинной преамбуле почти незамеченным проскользнуло упоминание о «президентском» проекте, положения которого будто бы уже учтены Конституционной комиссией. Постановление предлагало структурам ВС и депутатам в течение недели представить свои замечания и предложения к основным положениям последней версии парламентского проекта Конституции, а КК — в очередной раз доработать этот проект и внести его на рассмотрение ВС (без указания срока). Предложение Евгения Амбарцумова дополнить постановление пунктом об участии в КС («чтобы мы не делали вид, что ничего не происходит») было, естественно, отвергнуто.

Идеологию же общего подхода ВС выразил Владимир Исаков: попытка скорого принятия Конституции показала «тупиковость этого пути», а «нам не надо вступать в конституционную гонку со своим проектом»¹⁰.

ВС реальным продвижением новой Конституции заниматься не хотел. Но изображая некую деятельность, он уже после завершения первой стадии КС, 16 июля 1993 г., одобрил в первом чтении закон «О порядке принятия Конституции РФ». Замысел этой акции далеко не сводился к тому, чтобы представить общественному мнению конституционные заботы ВС в позитивном свете. Новому закону — «одному из самых лучших проектов за последнее время», по оценке Хасбулатова, — отводилась роль заслона на пути конституционного проекта КС. Закон этот был примечателен во многих отношениях. Начать с того, что обвиняя (впрочем, не без оснований) президента и его сторонников в поиске неконституционных путей утверждения новой Конституции, разработчики закона сами избирали сомнительный вариант принятия новой Конституции на основе текущего, а не конституционного законодательства. Видимо, они не рассчитывали получить необходимое число голосов для внесения дополнений в действующую Конституцию.

Но главное содержалось в самом тексте закона. Первые его статьи более или менее дословно воспроизводили нормы действующей Конституции о законодательной инициативе, обсуждении и согласовании проектов. В вину авторам закона можно было поставить лишь то, что раз уж стали готовить специальный акт, следовало бы четко описать процедуры, порядок прохождения Конституции в высшем законодательном органе. Весь смысл закона, однако, крылся в заключительных статьях, наглухо блокировавших принятие любого конституционного проекта в складывавшейся политической ситуации. Утверждение на Съезде Конституции требовало 2/3 голосов избранных депутатов. Это была по сути запретительная норма, хотя в ней тоже не было ничего нового. Участники КС, как мы видели, особые надежды возлагали не на

Съезд, а на референдум. Закон громоздил практически неодолимые преграды и на этом пути. Во-первых, чтобы Конституция была одобрена, за нее должно было проголосовать более половины списочного состава избирателей. Как раз благодаря такому условию удалось сохранить СНД вопреки мнению большинства граждан, пришедших на апрельский референдум. Тем самым решение вопроса ставилось в зависимость от тех, кто не желает выражать свою политическую волю: более или менее значительного меньшинства, которое не приходит к урнам. При таком подсчете, как показывает мировая практика, не был бы получен положительный ответ на подавляющем большинстве референдумов, проводившихся в демократических странах. Во-вторых, считая, видимо, что и это не гарантирует провал Конституции, законодатели добавили еще одно условие: установленное ими большинство надлежало получить не только по стране в целом, но и в 2/3 субъектов Федерации. Наконец, завершала этот замечательный закон статья, устанавливающая — в духе теоретических изысканий Андрея Вышинского и известной практики сталинских показательных процессов — уголовную (не политическую!) ответственность за несоблюдение предписанного порядка принятия Конституции¹¹.

Любопытное расхождение можно было обнаружить между законом и сопровождавшим его постановлением. Обобщение предложений и поправок по Конституции закон возлагал на КК, ту же работу по данному закону постановление поручало незадолго перед тем созданному Комитету по конституционному законодательству¹². Его образование стало одним из эпизодов методично проводившейся Хасбулатовым при поддержке большинства ВС кампании по разгрому комитетов, возглавлявшихся демократами или даже просто независимыми от спикера депутатами. В одних случаях, как это произошло с Комитетом по делам печати и общественных организаций, дело было доведено до конца. В других — над Сергеем Ковалевым, Евгением Амбарцумовым, Асланбеком Аслахановым и другими, подвергавшимися унижительным проработкам, был занесен топор¹³. Но разделение

Комитета по законодательству, который после ухода Шахрая в правительство бессменно возглавлял Михаил Митюков, стяжавший репутацию безотказной рабочей лошади, на комитеты по конституционному и текущему законодательству в ряду кадровых рокировок Хасбулатова заняло особое место¹⁴.

После фактического самоустранения Ельцина от работы в КК спикер стал в ней главным распорядителем. Но комиссия эта, и прежде слишком многочисленная и разнокалиберная, к лету 1993 г. стала совершенно неработоспособной. На ее руководителей — Рябова, перешедшего в президентскую команду, Румянцеву, которому он никогда не доверял, Хасбулатов положиться не мог. К тому же ее ядро — большинство рабочей группы, включая и депутатов, и самых квалифицированных экспертов — ушло на КС. Нужен был компактный альтернативный орган «под рукой» в структуре ВС. Таким и стал Комитет по конституционному законодательству. Провести на пост председателя своего антагониста времен февраля 1991 г., а теперь союзника, профессионала-юриста и одного из лидеров ФНС Владимира Исакова было для Хасбулатова в этом ВС делом техники¹⁵.

Закон о порядке принятия Конституции РФ стал дебютом Исакова в новой должности. Через несколько дней он провел в ВС еще один знаковый документ — постановление «О работе над проектом Конституции РФ», предусматривавшее радикальную реорганизацию теперь уже КК. Ее предлагалось разводнить (разумеется, «в целях повышения эффективности работы над созданием согласованного проекта Конституции») дополнительным контингентом депутатов, полномочных представителей субъектов РФ (по одному на субъект), специалистов в области конституционного права и представителей общественных объединений. Иными словами, на всякий случай проектировалось создание КК-2, политически альтернативной ельцинскому детищу. Сделать это было тем легче, что президент от него отсекся.

А незадолго перед тем была устроена своего рода публичная презентация нового комитета: под его эгидой и под председатель-

ством Исакова был проведен довольно многолюдный, несмотря на летнее время, круглый стол по конституционным проблемам. Представление это носило отчетливо выраженный программно-политический характер. Объявив КС «искусственной формой», которая, «кроме общественного напряжения, ничего не создала», и изложив широкий план законодательных работ, предполагавший, по сути, замещение комитетом Конституционной комиссии, Исаков представил его как инструмент противодействия проектам, «склеенным из кусочков западных конституций». «Конституционного кризиса в обществе нет, — говорил он. — Это совершенно надуманное, искусственно созданное явление. Вытекает оно из того, что группа реформаторов, которая находится сегодня у власти, зашла в тупик. Ту программу преобразований общества, которую они наметили и которую пытаются реализовать, сегодня в рамках действующей Конституции законными методами реализовать уже невозможно». В том же ключе выступало большинство приглашенных, отрекомендованных как «наиболее крупные наши представители, работающие в этой сфере»: «надо развеять миф о том, что Конституция является сосредоточением проблем нашего государства»; нашу Конституцию пишут непрофессионалы («...все ужаснулись бы, если врач — специалист, скажем, по уху — горлу — носу, взялся бы оперировать сердце. А здесь — как будто бы все это нормально»); «не вижу ни необходимости, ни возможности быстрого принятия Конституции». Резче и откровеннее других говорила Елена Лукьянова: «...национальному менталитету нашей страны отвечает не парламентская и не президентская, а советская республика. За нею традиция — евразийство, земство... Я еще год назад сказала Владимиру Борисовичу: “конституционный процесс надо остановить... выход для нас — торможение конституционного процесса”»¹⁶.

Комитет Исакова вскоре же обозначил свой путь: не торможение конституционного процесса, а перевод его в привычное для депутатов русло — внесения изменений в действующую

Конституцию. Был подготовлен законопроект, который уже в августе был представлен в ВС. Над основным корпусом его статей была вывешена конституционная «морковка»: исключение из полномочий СНД права «принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос...» (хотя Съезд как «высший орган государственной власти» был сохранен). Мотивируя это изъятие, Исаков писал в пояснительной записке: «Данные положения Конституции являются мертвыми — за все время существования Конституции они не применялись ни разу. Однако их существование дает повод для политических спекуляций, утверждений о “полновластии Советов”, обвинений в нарушении принципов разделения властей». Была предложена также форма равноправия субъектов Федерации, на мой взгляд, более удачная, чем та, к которой пришло КС: сферы государственной жизни, в которых субъекты равноправны, были перечислены. Однако главным было не это.

Конституция, переписанная «по Исакову», основательно меняла взаимоотношения властей в треугольнике президент — парламент — правительство. Президент терял контроль над правительством, а ВС его приобретал — в этом и заключался основной смысл законопроекта. Президент становился главой государства, а не исполнительной власти. К такой же формуле пришло (вопреки позиции тех, кто настаивал на максимальном сосредоточении власти в руках президента) и КС. Но в его проекте присутствовали многочисленные рычаги воздействия президента на правительство, а в законопроекте Исакова они сокращались даже по сравнению с действующей Конституцией (в частности, президент лишался права руководить правительством).

Зато существенно расширялась сфера компетенции ВС. От него теперь потребовалось бы согласие не только на назначение, но и освобождение от должности премьера, на назначение сверх четырех министров (что было выторговано еще на VII Съезде) всех вице-премьеров и еще шестерых министров, возглавляющих все главные экономические министерства, а так-

же ведающего печатью и информацией. ВС получал право выражать недоверие не только правительству в целом, но и его председателю и членам — каждому по отдельности. В таком случае они должны были уйти в отставку. Теперь президент своим решением не смог бы отправить правительство в отставку, даже если бы оно само того пожелало, — в любом случае требовалось согласие ВС. Отставка же члена правительства принималась бы не президентом, а премьером. Вместо внесения представлений президенту об отмене решений правительства ВС мог бы сделать это сам. По предложению правительства, а не президента ВС обретал право проводить реорганизации в структуре органов исполнительной власти. В довершение всего этого при определенных обстоятельствах ВС мог бы, минуя президента, инициировать выдвижение кандидатов на пост премьера, а председатель ВС — подписывать и обнародовать законы.

Автор законопроекта не отказал себе в удовольствии откликнуться на конъюнктурную злобу дня. В Конституцию предлагалось — как бы в ответ на распространившиеся слухи о тяжелой болезни Ельцина — внести дополнение, что президентом может стать лишь человек, «способный по состоянию здоровья выполнять функции главы государства». Кроме того, депутатские полномочия объявлялись несовместимыми не только с членством в правительстве (это уже было в действовавшей Конституции), но и со всеми штатными должностями в администрации, в региональных представительствах президента, в посольствах за рубежом. Ориентированная на перспективу, эта норма, возможно, и имела бы право на существование, но Исаков и его единомышленники спешили лишить мандатов своих политических противников от Филатова до Лукина и потому никаких переходных положений не предусматривали¹⁷.

Не только сторонники президента, но и политики, стремившиеся утвердиться на промежуточных позициях, включая Румянцева и Зорькина, оценили этот законопроект как попытку превратить президента «в символическую фигуру для озвучива-

ния дипломатических нот и представительства на приемах», воплотить в жизнь «невиданную модель советско-парламентской республики», порывающую с концепцией конституционного строя, которая легла в основу готовившегося в течение трех лет проекта КК¹⁸. Так выглядел ответ сил, доминировавших в парламенте, на работу КС. 12 августа, на следующий же день после внесения законопроекта, ВС принял хитроумное постановление: проект считать «представленным», разослать его во все инстанции, в которые обычно направлялись законы, принятые в первом чтении, но внести его на первое чтение лишь после того, как всевозможные поправки и предложения будут рассмотрены в комитете. Руководство ВС маневрировало, выжидая, какой будет общественная реакция.

Илья Шаблинский, полагая, что «у Ельцина практически не было правовых средств для того, чтобы воспрепятствовать новой “правке” Конституции», оценивает появление проекта Исакова как переломный пункт в развитии политической ситуации: «после ознакомления с проектом всем колебаниям [президента] пришел конец»¹⁹. Было ли, однако, predetermined, что ноябрьский Съезд осуществит правку Конституции в заявленном ключе? Исключить это было нельзя, в особенности если бы удалось провести двухходовку: сначала, играя на ущемленных чувствах депутатов, изгнать из парламента несколько десятков человек, инкопорированных Ельциным в свои структуры, снизить кворум, а затем провести ключевые статьи проекта. Однако такой исход Съезда не был гарантирован: оппозиции, как правило, не удавалось собрать две трети голосов. Поэтому она и лавировала: продемонстрировав угрозу, не торопилась форсировать процесс. Поэтому и исаковский проект имел многоцелевое назначение: удастся его провести — отлично, не удастся — он поможет блокировать проект КС, поспособствует тому, чтобы конституционный процесс завяз в трясине бесконечных согласований. Но при этом ставки в запросной позиции руководства ВС окажутся приподнятыми.

Вначале могло показаться, что Ельцин принимает эту игру, а конституционный процесс после встряски возвращается на круги своя. Уяснив, что проект КС в регионах по сути блокируется (в законодательных органах субъектов Федерации, где обсуждения состоялись, их предметом становится не «единый согласованный проект» — сопоставляют два проекта — КС и КК²⁰), президент вдогонку за указом от 24 июля издает 8 сентября распоряжение, реанимирующее позабытую уже в Кремле Конституционную комиссию. Он распорядился образовать рабочую группу КК, перед которой была поставлена задача: не только рассмотреть проект, одобренный КС, но и готовить предложения по выработке (заново!) «единого согласованного» проекта». Причем эти предложения, а также проект решения КК о том, как следует выполнять решение ВС от 20 июля, предписывалось представить председателю Комиссии уже через неделю, 15 сентября. Руководство группой было возложено на Рябова, а в ее состав включены 16 членов КК и 6 экспертов (почти все — активные участники КС)²¹.

Рабочая группа задание выполнила. 14 сентября она выдала заключение по конституционному проекту, одобренному КС 12 июля. Как и следовало ожидать, этот проект был оценен как «серьезно проработанный документ, как концептуально, так и текстуально имеющий много общего с проектом Конституции РФ, подготовленным Конституционной комиссией». Были сформулированы предложения по совмещению обоих проектов: в одних разделах рекомендовано было за основу взять тексты КС, в других — КК²². Не знаю, дошел ли этот документ до президента, но известный указ № 1400 был уже в те дни на выходе.

Сейчас уже невозможно сказать, планировал ли президент новую фазу согласования проекта Конституции с депутатами как запасной вариант выхода из кризиса или это тоже была демонстративная акция тактического характера. Но то был последний примирительный жест со стороны Ельцина.

ПОСЛЕДНИЙ ТАЙМ-АУТ

После описанных событий конституционный процесс перешел в вялотекущую фазу. Но обычного летом спада политической активности не наступило. На первый план вышли иные столкновения и конфликты. В преддверии еще не объявленных, но неизбежно приближавшихся, по общему мнению, выборов политические объединения и партии, их лидеры уточняли свои платформы, намечали стратегию и тактику, присматривали союзников. Лето выдалось урожайным на разнообразные скандалы, в которых оказались замешаны высшие лица государства. Не было недостатка в апокалиптических прогнозах — люди вроде бы забыли эффект Эдипа: несчастье нередко случается потому, что оно предсказано. Погода стояла прохладная и дождливая, но политически лето было довольно жарким.

Умирало Всероссийское экономическое совещание — проходивший в Парламентском центре на Цветном бульваре многолудный форум. Оно стало продолжением Круглого стола, на котором вначале рассчитывали состыковать разные подходы к экономической реформе. Председательствовали на первом заседании Черномырдин и Хасбулатов. Но люди из команды Гайдара, присмотревшись, ушли. Экономическое совещание стало площадкой, на которой руководство ВС сомкнулось с непримиримой оппозицией (ФНС, «Российское единство», КПРФ) и консервативной частью академического сообщества. Я не знаю, услышал ли Ельцин заявление депутатов из «Коалиции реформ», что участие правительства в «созванном по инициативе Руслана Хасбулатова так называемом круглом столе» — проявление контрреформаторских тенденций в самом правительстве²³, или по собственной инициативе он отозвал Черномырдина с этого совещания. Попытка противопоставить собрание более или менее произвольно подобранных людей, дебаты на котором в лучшем случае привлекали внимание немногих журналистов, Конституционному совещанию, опиравшемуся на мощную поддержку Кре-

мля и демократической прессы, успехом не увенчалась. «Не обнаружив на жертвенном месте правительства, — иронизировал О. Попцов, — участники совещания самовосполнились в неприязни и озлобленности: ругали, обвиняли, угрожали. Казнь, в отсутствии приговоренных, превращалась в демонстрацию эшафота, вид которого мог взбодрить сторонников, но удивить тех, для кого предназначался, уже не мог»²⁴.

Экономическую политику дискредитировали не занудные рефераты, оглашавшиеся на Экономическом совещании, а безумные действия самого правительства. В мемуарах Ельцина содержится выразительный рассказ о том, как во время отпуска на Валдае за обедом он узнал об обмене старых крупных денежных купюр на новые в жестком варианте, как всполошились все сидевшие за столом, как сокрушалась Наина Иосифовна, что семья их дочери, никем не предупрежденная, отправляется в отпуск без денег и как ему пришлось, срочно прервав отпуск, лететь в Москву спасать положение. Неожиданным это решение было для сотен тысяч людей, застигнутых в разгар лета в отпуске со старыми деньгами. Для крестьян и фермеров, только-только продавших на базаре за наличные свой урожай. Для едва встающего на ноги российского бизнеса, по многим причинам использовавшего расчеты преимущественно наличными деньгами, а не через банк. Для русских беженцев из бывших республик СССР, чьи и так уже обесцененные инфляцией деньги, вырученные за нажитый за всю жизнь скарб, теперь превратились в труху. Для миллионов других граждан, бросившихся добывать справки о законности имевшихся у них на руках денег сверх разрешенных к свободному обмену 35 тыс. рублей и столпившихся у отделений Сбербанка. Неожиданным это решение стало даже для семьи президента — но него для самого^{24а}.

Принципиальное решение было принято не одним лишь председателем ЦБ В. Геращенко, которого демократы поторопились обвинить в сознательной провокации против курса реформ, но также президентом и правительством. Передавали, что Черномырдин пришел в ужас, когда ему показали в Пскове две ма-

шины: одну, увозившую из России цветные металлы, и другую, задержанную «на входе» с ассигнациями. Изолировать российскую денежную систему от «закордонных» денег, подпитывавших инфляцию, было необходимо, подстричь доходы, полученные в результате строительства разного рода пирамид и иных нелегальных и полулегальных спекуляций, — полезно. Конфиденциальность подготовки этой операции также вполне оправданна. Все дело было в том, когда и на каких условиях ее начали проводить.

Осуждение предпринятых мер было на редкость единодушным. Президента, правительство, ЦБ осуждали все: от «Демократической России» до ФНС, от МВФ до консервативных академиков, не говоря уж о ярости граждан, стоявших в необозримых очередях на законный обмен денег. «Некомпетентность властей — самая печальная сторона событий, связанных с обменом денег, — писал Отто Лацис. — Подорвано доверие граждан к банку и государству; выигрыш от конфискации некоторой суммы денег несопоставим с потерями от того, что вместо создания стимула к сбережениям закладывается надолго мощнейший антистимул»²⁵. Еще резче оценил предпринятые меры решительно отмежевавшийся от них министр финансов Борис Федоров: «Акция по обмену старых купюр является с юридической точки зрения — незаконной, с экономической — бессмысленной и, безусловно, вредной для интересов России, с политической — грубой провокацией, нацеленной на подрыв доверия народа к президенту, правительству, проводимой социально-экономической политике и, наконец, с моральной — оскорбительно-издевательской по отношению к собственному народу». Федоров требовал немедленно и полностью отменить эту акцию, назвать ее виновников и сделать заявление, что впредь ничего подобного не будет допущено²⁶.

Предложения эти, однако, сочли слишком радикальными. Решение об обмене было объявлено в субботу, 24 июля, но лишь к вечеру понедельника президент издал указ, увеличивавший лимит свободного обмена до 100 тыс. и срок — с двух недель до

месяца. Эти меры, в общем-то половинчатые и запоздалые, несколько разрядили обстановку. Но экономические последствия были довольно тяжкими. В стране резко увеличился избыточный спрос. Возросшая масса денег, от которых люди спешили избавиться, обрушилась на товарные запасы, вызвала к жизни позабытые уже было покупательский ажиотаж и дефицит, подстегнула инфляцию, дезорганизовала работу не только в торговле и других обслуживающих отраслях, но и на производстве. А громадный политический вред, очки, набранные оппозицией, шок разочарования властями в народе еще скажутся в ближайшие месяцы. «О лучшем подарке, пожалуй, оппозиция не могла и мечтать», — написал Гайдар²⁷.

Не успели события, связанные с обменом денег, уйти в осадок, как экономическая политика пережила еще один кризис. Канва событий выглядела так. Группе Евгения Ясина, возглавлявшего в то время Экспертный институт РСПП, было поручено подготовить экономическую программу правительства. Текст на 300 страницах был сдан 19 июля. Но на следующий день появилось распоряжение Черномырдина Министерству экономики подготовить рабочую программу кабинета. Уже 24 июля задание было выполнено: был разослан тридцатистраничный документ, заранее заготовленный бывшими сотрудниками Госплана. Авторы этого текста, написанного в духе рекомендаций Экономического совещания, предлагали резко нарастить государственное вмешательство и сменить приоритеты: с финансовой стабилизации перенести акцент на инвестиционную активность, финансируемую за счет бог весть каких источников (на практике — не что иное, как работой печатного станка). Становившееся все более популярным требование придать социальную ориентацию экономической политике выдвигалось без всякого учета реальной ситуации и имевшихся ресурсов. Программа и вытекавшие из нее рекомендации отличались откровенно декларативным характером и не содержали конкретных механизмов, посредством которых можно было бы реализовать заявленные цели. В сущно-

сти, воспроизводилась памятная ситуация трехлетней давности («Сосны против Сосенок») с той разницей, что тогда речь шла о выборе экономического курса, а теперь — о его смене.

«Штормовое предупреждение о том, что на ближайшем заседании российского правительства реформам и реформаторам укажут на дверь», как писал Ясин, оказалось ложной тревогой. Несовместимость предложенных программ была разъяснена Черномырдину, так что когда на заседании правительства 6 августа посланец Хасбулатова, его первый заместитель Юрий Воронин попробовал развязать дискуссию об изменении курса, в чем он напрактиковался на Экономическом совещании, раздраженный премьер бросил: «Вам что, ликбез прочесть?». Попытка своего рода экономического переворота, как выяснилось, не имела больших шансов на успех. Однако то, что она была предпринята без оглядки на катастрофические последствия, говорило о многом. Инициатива исходила из ключевого министерства, к руководству которым, чтобы уравновесить в правительстве остатки гайдаровской команды, был призван «государственник», вице-премьер Олег Лобов. Какие стояли за ним силы, тоже не было секретом. Урок заключался в том, что и экономический курс в политической ситуации, остававшейся крайне неустойчивой, не закреплённой конституционно, вовсе не необратим. Говоря о том, что было поставлено на карту, Николай Шмелев имел основания уподобить опасность, миновавшую в августе 1993 г., августовской же угрозе 1991-го²⁸.

Ситуация в экономике отягощала все проблемы, стоявшие перед обществом. Помимо инфляции, открытой и скрытой безработицы (скрытая безработица, по некоторым оценкам, достигала 10—12 млн человек), расстройства хозяйственных связей, вала неплатежей и т. д., экономические перемены, хотя и не они одни, способствовали распространению коррупции на всех уровнях, включая самых высокопоставленных чиновников и парламентариев, в руках которых оказалось распоряжение баснословными ресурсами. Необузданная коррупция — бич России. Существова-

ла она и при царях, и при большевиках, нестесненно перешла и в наше время. И всегда борьба с нею если и велась и ведется, то выборочно. Я не берусь оценивать динамику процесса, но несомненно, что ослабление государственного контроля сделало коррупционеров более наглыми, а освобождение СМИ от цензуры позволило выставить многие язвы коррупции напоказ. Казалось бы, демократизация общественной жизни должна была вырабатывать сильные противоядия. Но произошло иное. Рыночная экономика без правил, с одной стороны, ожесточенная борьба за власть — с другой, при неразвитости институтов гражданского общества и низкой правовой и общей культуре питали почву для самых разнообразных злоупотреблений — от щедрых воздаяний чиновникам, санкционировавшим расхватывание бывшей якобы общенародной собственности, до покупки депутатов и общественных объединений²⁹.

Зло оказалось слишком очевидным, чтобы его оставлять без внимания. Но борьба с ним изначально приобрела извращенные формы. Разоблачение действительных и мнимых коррупционеров было использовано как острое оружие в политической борьбе — и не более того. Поиск и изобличение таковых каждая из сторон повела только в лагере противника. В результате разгоравшиеся один за другим летом 1993 г. коррупционные скандалы, ни один из которых, кажется, не закончился доказательным обвинением и наказанием, лишь подрывали доверие граждан ко всем властям и усиливали начинавшийся процесс деполитизации общества.

Особенно громкое звучание антикоррупционной кампании придал Александр Руцкой, отставленный от всех государственных дел, но единственный политик, имевший по опросам положительный баланс оценок во всех социальных группах. Вице-президент объявил, что располагает одиннадцатью чемоданами материалов, обличающих в коррупции в том числе и членов правительства, которых он может назвать поименно. 16 апреля он выступил с громкими разоблачениями в ВС³⁰. Приведенные цифры и имена производили ошеломляющее впечатление. Бы-

ла создана специальная комиссия Генеральной прокуратуры во главе с первым заместителем генпрокурора Николаем Макаровым. Несколько месяцев комиссия разбиралась с материалами, извлеченными из «чемоданов» Руцкого, запросами депутатов, публикациями в прессе, документами, накопившимися в правоохранительных органах. Шесть прокуроров с помощниками перелопатили более трех тысяч листов документов. 24 июня в ВС был большой день: с докладом о коррупции выступил Макаров. Чемоданы Руцкого оказались пустыми, — написал впоследствии Ельцин³¹. Не берусь судить, в какой мере была достоверной информация, переданная вице-президентом в прокуратуру. Но доклад Макарова, содержащий огромное количество фактов о нарушениях закона в ходе приватизации крупнейших предприятий (в том числе морского и воздушного транспорта, заводов и комбинатов, культурных объектов), при выделении квот и лицензий на внешнеэкономическую деятельность (в том числе на экспорт золота, иных драгметаллов, материально-сырьевых ресурсов из государственного резерва), при создании ряда коммерческих структур и ассоциаций, о валюте, которая должна была поступить от экспорта сырья, но затерялась на счетах зарубежных фирм и банков, — все это производило убийственное впечатление. При всей ангажированности генпрокуратуры вряд ли большую часть этих фактов можно было считать измышлениями.

Но наиболее важной для ВС частью доклада Макарова была не картина чудовищного расхищения национального богатства, повального воровства и злоупотреблений³², а выигрышно расставленные в ключевых местах этого доклада имена бывших и действующих министров и военачальников, санкционировавших своими подписями все эти безобразия: Шумейко, Полторанин, Силаев, Грачев, Фильшин, Ярошенко, Кобец. Высветились и «попустители»: Черномырдин, Шохин, Федоров, Авен. Как в самом докладе, так и в последовавшей за ним возбужденной дискуссии обращали на себя внимание, однако, три примечательных обстоя-

тельства. Во-первых, в перечень «виновных» не попали депутаты и лидеры парламента, известные своей далеко не цивилизованной лоббистской деятельностью. Более того, из правительства и президентской команды были выхвачены исключительно лица, «отстрел» которых методично вела оппозиция, и только они. «Своих» депутаты не трогали, зато добавили ненавистных им Бурбулиса, Гайдара, Лужкова, в список Макарова не попавших. Во-вторых, никто не проводил грань между собственно коррупцией и возможными ошибками, превышением должностных полномочий, нераспознаванием обмана и т. п. Активных проводников курса реформ представляли как сообщество воров и взяточников. В-третьих, тема коррупции постоянно перемежалась выпадами против тех, кто вырабатывает новую Конституцию, против КС («Я их считаю базаром — откуда на него деньги?», — говорил один из выступавших) и против закона о выборах, предназначенного «для того, чтобы избавиться от людей, сидящих здесь». Политическую мотивацию всего этого действия даже не пытались скрыть. Под конец депутаты приняли постановление с выражением недоверия Шумейко и Полторанину и предложили президенту немедленно отстранить их от должности³³.

Теперь уже президентской стороне надлежало поднять перчатку и поискать коррупционеров среди своих противников. Мишень выбирали самую заметную, очень торопились и потому операцию провели топорно, ухватившись за фальшивки, где речь шла о причастности к финансовым спекуляциям самого владельца «чемоданов с компроматом» Руцкого. История фантасмагорического возвышения (а затем и падения) безвестного дотоле молодого авантюриста Дмитрия Якубовского («генерала Димы»), кстати подвернувшегося и представившего столь желанную «дезу» на Руцкого, суэта вокруг него высокопоставленных деятелей президентской администрации, мотавшихся за компроматом в Швейцарию и Канаду и уверовавших в то, что теперь-то они ухватили самого бога (или черта) за бороду, описаны многими авторами. Вся эта афера — лишь один из показателей того умопомра-

чения, которое постигало и серьезных людей, втянувшихся в игру без правил³⁴.

От людей из собственного окружения, на которых легла тень коррупции, президент освобождался так же выборочно, как вели «охоту на ведьм» его противники. Подробно рассказывая о своих переживаниях, когда стала поступать информация о том, что министр безопасности «примитивно и пошло куплен», живописуя обстоятельства его отставки, Ельцин, конечно, говорит не все. Подчас просыпавшимся в нем изумительным, почти звериным чутьем он вдруг почувствовал, что Баранников («в надежности которого я ни на секунду не сомневался») в решительную минуту может предать его политически³⁵. Что вскоре и произошло. «Классовым чутьем» не были обделены и его противники. Как только было объявлено об отставке Баранникова, немедленно собрался Президиум ВС и, вступив в права, на которые еще только претендовал сам ВС, опротестовал решение президента. В дни сентябрьского противостояния «борцы с коррупцией» вновь назначают Баранникова министром безопасности.

Впрочем, в развернувшейся войне компроматов президентская сторона проигрывала. Незадолго перед тем созданная Межведомственная комиссия Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией, хотя и могла опереться на структуры исполнительной власти, так и не сумела накопить эффектных разоблачительных материалов, сопоставимых с теми, которые мобилизовал ВС. Был ли тому причиной саботаж, правоохранительных органов или же моторная сила комиссии, адвокат Андрей Макаров, сделавший себе имя на громких судебных процессах, оказался неважным сыщиком, как и его коллеги по комиссии, сказать трудно. Потому и стал продавец воздуха «генерал Дима» чуть ли не ногой открывать двери кремлевских кабинетов. Но коррупционные скандалы закончились ничем. Стороны разошлись, унося свои чемоданы компромата. Обе они соорудили комиссии по расследованию, которые действовали, не замечая друг друга.

Странное зрелище представлял собой ВС в эти летние месяцы. 23 июля, поручив прокуратуре возбудить уголовное дело против Шумейко (тот сразу же подал в суд на Руцкого и Николая Макарова), он завершил свою шестую сессию. Но, закрывая заседание, Хасбулатов призвал депутатов к мобилизационной готовности. И действительно, 31 июля парламентариев созвали вновь. Поводом стало утверждение указа президента о чрезвычайном положении в Северной Осетии и Ингушетии. Ясно было, что оппозиция «накидает» и другие вопросы, что она не преминула сделать. Взрывные вопросы (изменения в законе о СМИ, обмен денег и т. п.) внесли в повестку дня, но их обсуждение отложили на 6 августа — спикеру удобнее было держать парламент при себе. Хасбулатов вконец распоясался: грозил отменить своим распоряжением указ президента, вызвал аплодисменты зала, оскорбив Маргарет Тэтчер, и т. д. Не постеснялся он дать пространное интервью газете «День», в котором заявил себя «самым важным должностным лицом на пространстве СНГ». Аппарат ВС практически переключился на личное обслуживание спикера: вышколенный чиновник сообщал ему «в порядке информации», когда, кому и какие телеграммы отправлял «находившийся в отпуске» его заместитель Рябов, а секретарь ПВС распространил эту бесстыдную бумагу среди членов ВС³⁶.

Верховный Совет принял государственный бюджет со значительно бóльшим дефицитом, чем предложило правительство. Это тоже было актом разгоравшейся войны, в жертву которой приносила финансовая стабилизация, о которой много говорили, но с которой ничего не получалось. Чтобы сбалансировать бюджет, Хасбулатов предложил сократить невиданно разросшийся даже по сравнению с советским периодом аппарат исполнительной власти на 30—40%³⁷. Это имело резоны: известная паркинсовская экспонента роста чиновничества была превзойдена; новый аппарат занял здания всех союзных и российских партийных и государственных структур. Но и сам ВС, расширяя собственные распорядительные функции, принял посильное участие

в этой вакханалии. А его председатель щедрой рукой раздавал руководителям «послушных» регионов дотации из своего фонда.

Когда же ВС собрался вновь, рассматривали законопроекты далеко не первой важности. Про отставку Баранникова уже никто не вспоминал, а по Центральному банку в связи с обменом денег было принято бессодержательное постановление. Это, по видимому, так и было задумано: главный вопрос обсуждался под конец дня, в цейтноте. Но и из этого Хасбулатов извлек свой интерес: напомнил, что осудил обмен денег прежде Ельцина и назвал четырех виновников: президент, премьер, глава ЦБ и министр финансов (правда, Борис Федоров выступил против этой акции, но был обвинен в курсе, который к ней привел!). Вновь и вновь звучали бездоказательные инвективы. Немногочисленным оппонентам слова не давали. Кворум едва набирался. Зато регулярно устраивали свои сходки «Российское единство» и ФНС. Обсуждали, естественно, коррупцию в правительстве, протестовали против «государственного терроризма США», бились за «русский Севастополь», выступали в поддержку русского населения, страдающего от «геноцида эстонских национал-фашистов», готовились к крестному ходу, молебну и панихиде по случаю годовщины расстрела царской семьи, организовывали слушания «Русофобия: легенды и факты» и т. п.³⁸ Со своими предложениями выступили и демократы, объявив сбор подписей за созыв 20 июля X СНД с докладами Ельцина о Конституции, Шейниса о порядке и сроках новых выборов, Хасбулатова и Рябова о работе ВС³⁹, но инициатива эта заглохла, не успев развернуться. В общем, ВС по своему повседневному бытию все более превращался в контору Хасбулатова («работать трудно», сдержанно ответил на мой вопрос о спикере председатель Совета Республики ВС Вениамин Соколов), но реализовал Хасбулатов, сознавая это или нет, не им написанный сценарий. Парламент деградировал на глазах.

Видимая тупиковость ситуации, неспособность противостоящих сил одолеть друг друга придавали куражу политикам, пре-

тендовавшим на роль «третьей силы». Они помнили, как еще в 1992 г. предлагали Ельцину откорректировать экономический курс и поменять кадры. Они утверждали (не без некоторых оснований), что события после того пошли «вразнос» потому, что президент с ними не согласился. В отличие от агрессивной оппозиции их лидеры работали на Конституционном совещании, в пятой группе, где конституционный проект вызвал наибольшее неприятие (правда, не из-за организации центральной власти, а из-за федеративного устройства). Теперь положение было много круче, чем год назад, и они сочли, что наступает их час.

В августе лидеры Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Вольский и Владиславлев выступили в ведущих изданиях с рядом примечательных публикаций, заголовки которых «Пора менять вектор реформ», «Весьма вероятен государственный переворот», «Любой лидер не может быть одиночкой. Вместе еще можно спасти Россию»⁴⁰ говорили сами за себя. Положение они считали предгрозовым: «Стране реально угрожает паралич центральной власти... Стоящая у власти команда абсолютно неспособна овладеть ситуацией и наладить созидательный процесс». Скептически оценивали суету вокруг Конституции: «Сфокусировав всеобщее внимание на Конституции и выборах, наши руководители выбрали едва ли не самое худшее решение, заводя себя, а заодно и всю страну в политические и правовые дебри... Мы имеем дело с режимом, которому априорно будут мешать любая Конституция и любой парламент». Неприкрыто угрожали: «Большинство директоров государственных предприятий и крупных предпринимателей уже поняли, что дальше так жить нельзя, они готовы войти в политику и навести порядок. Они не спешат пока организовывать многомиллионные забастовки... Но при крайней необходимости сделают это быстро и в очень больших масштабах». Одобряя включение в правительство Лобова и Сосковца, настаивали на дальнейшем расширении базы власти за счет политического представительства РСПП, Союза «Обновление» и Гражданского союза, иных организаций («нужен

блок максимально широкий»), на гражданском перемирии. Ссылались при этом на зарубежных классиков: Блезе Паскаля («Не в том величие, чтобы достичь одной крайности, а в том, чтобы одновременно касаясь обеих, заполнить все пространство между ними»), Редьярда Киплинга («Когда наступает большая сушь и всем грозит большая беда, звери, идущие на водопой, не нападают друг на друга»). Предостерегали власть: «Любая попытка выйти из кризиса силовыми методами не будет поддержана на местах и приведет к немедленному развалу страны». И, не называя ее по имени, — агрессивную оппозицию: «Тот, кто первым раздувает пламя политических провокаций и гражданских столкновений, обычно первым в нем и сгорает». Для консолидации «третьей силы» — нового широкого блока, говорили они, необходимы три условия: социальная база, программа действий и «лидер всероссийского масштаба, способный предложить партии и стране ясную и четкую перспективу, заслужить доверие и надежды людей».

Можно представить, с какими чувствами должен был воспринимать Ельцин все эти угрозы и предложения, особенно идею выдвижения альтернативного ему лидера (если, конечно, вся эта информация была до него доведена). В оценках и рекомендациях «центристов», хотя они и грешили повышенным алармизмом, содержалось, как показали наступившие вскоре события, немало разумного. Вся беда, однако, заключалась в том, что они были абсолютно не ко двору и не ко времени. Ожесточение борьбы и общественная поляризация настолько усилились по сравнению с тем временем, когда Гражданский союз впервые привлек к себе внимание, что ни о каком примирении не могло быть и речи. Что еще важнее, его лидеры поддались аберрации, распространенной в то время в общественном сознании (между прочим, не только в России, но и среди зарубежных аналитиков): они намного переоценили свои силы и влияние. Момент истины наступит для них на парламентских выборах в декабре⁴¹.

После окончания первой стадии КС Ельцин поступил так, как он не раз уже делал по завершении критических момен-

тов, — исчез с поля публичной политики. Напряжение предшествующих недель было велико, президент, разумеется, тоже имел право на отпуск, но его длительное отсутствие породило новую волну слухов о тяжелом заболевании, которое уже не позволит ему вернуться к делам и приведет в главный кремлевский кабинет Руцкого. Слух, как это нередко бывает в накаленных ситуациях, сам стал весомым политическим фактором, определявшим поведение людей.

Если считать, что в центре политики стоял конституционный процесс, все было нормально: проект новой Конституции был в первом приближении завершен, теперь следовало ждать реакции субъектов Федерации. Но время шло, страну лихорадило, агрессивная оппозиция вещала о недалекой своей победе и устраивала провокации не только в стенах Белого дома. Одним из заметных событий того времени стала многодневная осада Останкино, где пикетчики ФНС вели себя, как завзятые хулиганы. Нетерпение становилось доминирующим настроением среди демократов.

«Вы знаете, как называют нашу фракцию? — говорил мне Сергей Ковалев. — Согласие ради Христа. Тон задают патологические трусы. Есть легальный способ изменить ситуацию: увести 350 депутатов, делегитимизировать Съезд. Но время потеряно. Виноват президент, виноваты мы. В политике не бывает так, что с одной стороны ангелы, а с другой — дьявольская рать... Если мы не начнем действовать, то вскоре будем обсуждать наши ошибки за бетонной стеной...». Настроение, доминировавшее в демократических фракциях СНД после того, как схлынули бдения на КС, было сродни лермонтовскому «Что ж мы, на зимние квартиры?».

В поисках потерянного времени три депутата (Ковалев, Пономарев и Юшенков) перешли к действиям. 17 июля они отправились на Валдай, где отдыхал президент. Ельцин принял их лишь на следующий день, после тенниса, в спортивном костюме. Настроения депутатов он не разделял: ждал поддержки проекта Конститу-

ции регионами («Если хотя бы 20% поддержат проект, хорошо»), возразил Пономареву: «Вот вы все время паникуете, а ведь мы каждый раз выигрываем...»⁴². Вероятно, все же не приезд депутатов, а развернувшиеся события (обмен денег, Баранников и др.) заставили президента прервать отпуск. В Москву он вернулся 25 июля, принял решения по неотложным делам, но из тени вышел только 10 августа, что и дало повод новому усилению слухов о его здоровье и растерянности демократов. Задержка с возвращением в кремлевский кабинет, по-видимому, была связана с тем, что президент продолжал колебаться в выборе варианта дальнейшего поведения и не хотел, чтобы это стало очевидным.

Когда 12 августа Ельцин вышел на первую после перерыва встречу с журналистами и демократическими депутатами, позади были как жесткие к нему обращения (в основном митингового стиля) «Демократической России», блока «Демократический выбор», ОКДОР и других демократических организаций, так и анализ вариантов дальнейших действий в узком составе Президентского совета. Демократы пеняли президенту на его нерешительность, на невыполнение им собственного обещания собрать КС в начале августа и превратить его в постоянно действующий орган. Они требовали в ближайшие же дни завершить работу над текстами Конституции и временного акта о выборах в парламент, указом президента ввести в действие этот акт, а также главы проекта Конституции о федеральных органах власти, провести в октябре досрочные выборы в Федеральное собрание, главной задачей которого должно стать принятие Конституции на основе проекта КС, для чего новому парламенту отвести срок жизни — два года⁴³. От президента ожидали, по сути, действий крутых и безоглядных.

На Президентском же совете мнения о том, какие шаги должны быть предприняты в ближайшее время, разделились. Одни предлагали сначала опробовать все легитимные методы (в частности, работу с депутатами ВС и размен обещания не проводить досрочные перевыборы на изменения в его руководстве,

замедление реформ, уступки по кадрам и т. д.). По мнению других, «Верховный Совет перешел грань и тем самым дал президенту повод для решительных действий», каковыми могут стать указы о конституционном и избирательном законах, об осенних выборах⁴⁴.

Исключительно в радикальном ключе выступали приглашенные на встречу с президентом журналисты: народ устал ждать перемен; результаты референдума девальвируются; после него — вялая политика, упущенные возможности; КС не оправдало надежд; номенклатура на местах поднимает голову и т. д. Заряженный всем этим Ельцин сказал все, что думает о ВС, похвалил правительство за то, что оно «нашло в себе силы и мужество сохранить приверженность реформаторскому курсу», и объявил, что «кризис двоевластия в стране перешел в новую фазу». В конце он провозгласил ударный тезис, который еще до того прокатывал на рабочих совещаниях в узком кругу: «по всему видно, что настоящая политическая схватка наступит в сентябре, август — время для артподготовки». Он объяснил, какие вражеские позиции предстоит штурмовать после того, как по ним поработает артиллерия: выход из порожденного двоевластием противостояния — выборы в новый парламент уже осенью; если решение не примет нынешний парламент, это сделает президент. Ельцин, стало быть, сказал, что и когда собирается предпринимать, неясным оставалось только — как. Он лишь упомянул, что «ситуация очень внимательно изучалась, готовились различные варианты наших решительных действий»⁴⁵.

На пресс-конференции, состоявшейся ровно через неделю, 19 августа, президент развил изобретенную им формулу, уже вызвавшую сильное возбуждение в рядах оппозиции: «План действий намечается. Он охватывает примерно два с половиной месяца. Ну, часть августа как артподготовка, как я ее назвал. Дальше сентябрь — главный месяц, октябрь и, возможно, часть ноября». Правда, президент тут же успокоил тех, кто за его высказываниями увидел танки и солдат: «Ничего подобного нет, и я не имел

в виду боевой сентябрь, связанный с армией, я имел в виду боевой в политическом отношении, в том плане, что всегда обычно в июле—августе во всем мире и у нас несколько политическая жизнь затихает. Поэтому в сентябре она будет наиболее активна политически...». Итак, артподготовка — метафора. Что же произойдет осенью? Несколько раз Ельцин повторил: выборы. Это он решил твердо. На вопрос о самой большой ошибке, допущенной за последние два года (выступал-то он в годовщину августовского путча), президент уверенно ответил: «сразу не назначили новые выборы в парламент» (он, правда, не согласился, что это были два года упущенных возможностей). Впервые он произнес то, что не раз обговаривалось участниками КС: идеально было бы осенью и провести выборы, и принять новую Конституцию. «Но будем реалистами, те проблемы, которые стоят перед нами, сразу не решить». Конституцию придется принимать поэтапно. Механизм учета разнообразных интересов уже заработал. Это КС. К нему надо подключить и КК. Остается самый больной вопрос: как быть с ВС? Предложения о проведении выборов на днях будут направлены в ВС. Они будут там отвергнуты⁴⁶. «Соответствующие ходы после этого просчитаны, выверены и изложены на бумаге... Я не думаю, что стоит о них сегодня говорить». Далее — самое интересное. Что будет делать президент? Чуть раньше он сказал, что о разгоне ВС речь не идет...⁴⁷

Надо полагать, что окончательное решение вызревало медленно и трудно. Весьма вероятно, что в августе в «изложенном на бумаге» существовали серьезные пробелы, а кое-что пришлось по ходу событий и размышлений переписывать. Одно из свидетельств в пользу этого заключения — пробный (и оказавшийся ложным) «пас в сторону», который сделал Ельцин, собрав 13—14 августа в Петрозаводске глав республик и восьми межрегиональных ассоциаций, объединявших также края и области. На совещании был оформлен довольно сомнительный «чейндж». президент объявил о создании Совета глав республик, нареченного именем Совета Федерации (ясно, что по своему составу он

представлял далеко не все ее субъекты). Шумейко тут же заявил, что такой совет — прообраз будущей верхней палаты парламента. В виде компенсации республиканские лидеры пообещали настоять на том, чтобы избранные на их территориях депутаты голосовали на Съезде в соответствии с решениями региональных законодательных органов.

Что договоренность эта носила опасный и крайне неравноценный характер, сразу же заявили представители противоположных направлений политического спектра — от идеолога ФНС Владимира Исакова до члена Президентского совета Леонида Смирнягина. Руководители республик дали обещание, исполнимость которого вызывала сомнение: многие депутаты уже утратили связь с регионами и, не рассчитывая на переизбрание, занялись приватизацией московских квартир. Но еще опаснее могла стать институционализация прямого подчинения российских депутатов республиканским (а в перспективе — и областным) Советам. Это коренным образом изменило бы природу российского парламентаризма. Решая узкую тактическую задачу, Ельцин соглашался воспроизвести в масштабе России то, что за два года до того было проделано с депутатами союзного парламента. Ведь за несколько месяцев до его физической смерти они стали политическими трупами — назначенцами парламентов республиканских.

Не менее опасным шагом могло стать создание Совета Федерации, задуманного как противовес Съезду, на котором президент торопился поставить крест. Чтобы этот орган обрел необходимый вес, его следовало оснастить внушительными полномочиями — сначала политически, а затем и конституционно. Этот путь уже был опробован Горбачевым и дал плачевные результаты. «Подключение первых лиц региональной власти к решениям власти общегосударственной — нонсенс, если речь идет о федерации, — констатировал Смирнягин. — Подобное подключение — куда более решительный шаг к разрыхлению федерации, к превращению ее в конфедерацию, нежели все “парады суверените-

тов”». Весьма вероятно, что Ельцин и те советники, которые устраивали эту убийственную модель, считали уступки временными и обратимыми. Но черта изгоняли дьяволом, сеяли зубы дракона.

Посев, к счастью, не принес самых зловещих всходов. Но, во-первых, этого тогда нельзя было знать. В Петрозаводске был одобрен проект «Основ законодательства РФ о реализации Федеративного договора», который, будь он реализован, означал бы гигантский шаг на пути «суверенизации» субъектов Федерации, возвышения республик — «первых среди равных» над иными ее субъектами. Достаточно сказать, что в собственность республик, помимо земли, недр и пр. (это было уже зафиксировано в Федеративном договоре), отводились континентальный шельф и воздушное пространство, что законы республик наделялись безусловным верховенством, а чтобы основы законодательства РФ имели прямое действие на территории республик, надлежало заключить соответствующие соглашения. Республиканские гранды имели все основания одобрять петрозаводский сговор. «Мы вступаем в последнюю стадию юридического оформления государственности Российской Федерации, а этим будут заниматься ее субъекты, среди которых решающая роль принадлежит республикам», — заявил якутский владыка Николаев. Развернись события несколько иначе, что вполне было вероятно, мы бы и получили в российской Конституции, утвержденной на основе «согласия с регионами», такое «оформление государственности».

А во-вторых, кое-что из петрозаводских договоренностей, пройдя ряд превращений, осталось в «сухом остатке». Таким стал довольно уродливый выкидыш при рождении нового российского парламентаризма — Совет Федерации, возвращения которому нормального облика палаты парламента приходится дожидаться и поныне⁴⁸.

Так начал отрабатываться один из вариантов разрешения политического и конституционного кризиса, которые Ельцин упо-

мянул на пресс-конференции 19 августа. Между тем становилось все более очевидно, что дело идет к развязке. Пока в Кремле перебирали, оценивали на глаз и на вкус варианты, нетерпеливая часть демократических политиков продолжала подталкивать президента к решительным действиям. Проводили собрания, на которых тон задавали самые бесшабашные ораторы. Неустанно повторяли, что импульс победы на апрельском референдуме затухает с каждым днем. Публиковали обращения к президенту, в которых все настойчивее звучало: доколе же мы будем терпеть спектакли, разыгрываемые в Белом доме?! (благо, ВС давал к тому все новые поводы). Готовили аналитику, к разработке которой привлекали серьезных ученых. Собирали подписи среди депутатов, намеренных сложить полномочия, чтобы лишить Съезд кворума⁴⁹.

Станным образом эта часть демократических сообщества вела себя, как начинающие шахматисты, рассчитывающие лишь ближайший ход. В качестве аксиомы принималось, что раз будут проведены выборы, они дадут заведомо лучший парламент или Учредительное собрание, которое примет требуемую Конституцию. Одинокие голоса, предупреждавшие, что повторения избирательных кампаний 1989 и 1990 гг. не будет, что в ход будут пущены деньги и мощные избирательные машины, что в результате нынешний конфликт властей будет вскоре воспроизведен на новом уровне, но при этом легитимность депутатского корпуса будет выше, не были услышаны. Такие голоса заглушались громким хором радикалов. Хотя, казалось бы, сигналы о наметившихся сдвигах в общественных настроениях нельзя было не заметить. Вторая годовщина победы над путчистами была отмечена не слишком многолюдными демонстрациями. У Белого дома состоялось два митинга, по 3—5 тыс. человек. На одном Зюганов, Астафьев и им подобные клеймили «оккупационный режим» и «монархическую Конституцию». На другом скандировали «Ельцин! Ельцин!» и «Съезд — в отставку!». Искусственное взбадривание не находило отклика в толпе равнодушных зрителей.

В самом конце лета, 28 августа, произошло событие, затерявшееся среди прочих и почти не замеченное прессой, но ставшее одной из отправных точек процесса, развившегося позднее. Фракция «Согласие ради прогресса» провела семинар «Демократические организации в преддверии выборов». Это был не митинг, которыми к тому времени пресытилось российское общество, а попытка представить комплексный анализ кризиса и рассмотреть легитимные, неэкстремистские пути его преодоления. Выступавшие, как заметил один из ораторов, ушли от политических штампов и мифов: борьбы между «хорошими демократами» и «плохими партократами» и т. п. Это был, по моему ощущению, своего рода идеологический и политический парад умеренного, реформистского крыла российской демократии. Выступали политики, депутаты, ученые, предприниматели: Григорий Явлинский, Николай Шмелев, Юрий Болдырев, Гавриил Попов, Виктор Шейнис, Юрий Нестеров, Владимир Лысенко, Иван Кивелиди, Александр Собянин и др. Доклад Владимира Лукина (который еще возглавлял российское посольство в США) зачитал его сын. Большинство этих людей, собравшихся вместе и вырабатывавших платформу демократической альтернативы радикальным позициям «слева» и «справа», волеется вскоре в объединение «Яблоко».

Этой нереволюционной позиции, которая проходила начальную стадию политического и организационного оформления, был противопоставлен иной взгляд, который представил Сергей Ковалев, заявивший, что будет выступать с позиций, противоположных всем иным ораторам. Ваша установка на компромисс, сказал он, мне симпатична. Компромисс — джентльменское соглашение, учитывающее несовпадающие интересы сторон. Но такое соглашение предполагает наличие джентльменов. Где они? Хасбулатов? Непримируемая оппозиция? (Он мог бы, конечно, назвать и ряд фигурантов с нашей стороны.) Сегодняшняя ситуация такова, что разговоры о компромиссе неуместны: противоположная сторона пойдет на него только при перевесе сил у нас

либо надеясь нас сразу обмануть. Из того, что гражданское общество возникнет нескоро, заключают, что демократы не должны брать власть. Но есть ли у страны эти десятки лет? Серьезных результатов в науке и политике можно достичь только тогда, когда ставятся неимоверно трудные задачи...⁵⁰ Ковалев защищал позицию, которую в то время занимало едва ли не большинство российских демократов.

Разворачивался, если принять формулу Натана Эйдельмана, относившуюся к другим временам, «спор честных». Подход Ковалева был продиктован не корыстью, не неумным властолюбием, как у многих, а точно так же, как и у тех, кому он оппонировал, был плодом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» — по-иному понятых и интерпретированных. В те дни еще только намечалось разъединение российских демократов, раздвоение общего прежде массового потока. На то были не только материальные и социальные, но также интеллектуальные и эмоциональные основания. Закрывая семинар, его организаторы еще не знали, что меньше чем через месяц события станут развиваться «по Ковалеву», а не «по Явлинскому» или «Болдыреву». Это углубит раскол российских демократов, обозначившийся в конце лета.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЕКТА

Стиль политических импровизаций, столь ярко проявившийся в действиях президента в сентябре—октябре 1993 г., наложил отпечаток на заключительную стадию работы КС. Его сценарий: постановка задачи, ориентиры, пришедшие из главных кремлевских кабинетов, организация работы менялись на ходу.

О подразделениях КС, к государственной власти отношения не имевших (группах представителей местного самоуправления; партий, профсоюзов, конфессий, иных общественных организаций и массовых движений; товаропроизводителей и предприни-

мателей), вспомнили сразу после указа № 1400. Уже 24 сентября распоряжением президента эти три группы были слиты в Общественную палату КС, а на следующий день по телефону их участники были созваны на совместное заседание. Схватка между президентом и парламентом — теперь уже не на жизнь, а на смерть — разгоралась, исход ее был не совсем ясен, и президент был крайне заинтересован в том, чтобы продемонстрировать публичную поддержку всех, от кого ее только можно было ждать. Оставить в стороне общественные структуры, летом чуть не ежедневно фигурировавшие во всех СМИ, было бы, конечно, крайне нерасчетливо.

Хотя собравшихся проинформировали о поступивших поправках к июльскому проекту и о реакции на него в регионах (особого оптимизма она не внушала), доработка Конституции была представлена как задача более отдаленная. В срочном одобрении нуждались два других документа: проекты Положений о федеральных органах власти и о выборах, обсуждению которых и было посвящено данное заседание⁵¹. В те дни предполагалось, что в декабре пройдут только выборы в нижнюю палату парламента, перевыборы президента состоятся тоже досрочно — в июне 1994-го, а до этого избранный в декабре парламент — Федеральное собрание — примет новую Конституцию. События 3—4 октября эти планы изменили. 11 октября была учреждена Государственная палата на базе первой и второй групп КС: в резко переломившейся ситуации неразумно было бы оставлять две другие, главные группы «бесхозными». А 15 октября (т. е. с изрядной отсрочкой, которая отразила неразбериху, если не растерянность, в Кремле) появился указ, совмещавший назначенные ранее выборы со «всенародным голосованием по проекту Конституции»⁵². Теперь, менее чем за два месяца до решительного дня, не только юридически-техническая доработка июльского варианта, но и приведение его в соответствие с изменившимися обстоятельствами становились задачей сверхактуальной и особо срочной. КС заработало вновь.

Работа групп (теперь — палат) утратила прежнюю значимость. Правда, Общественная палата собралась еще четыре раза. Здесь опять закипали страсти. Протагонисты идей, не нашедших реализации в июльском проекте (некоторые из них были весьма здравыми), снова ринулись в бой. Были подготовлены и утверждены поправки в 16 статей, ради которых почти две сотни людей провели много часов. Но реализованы были всего три поправки: КПД этой деятельности оказался намного ниже, чем у паровой машины Уатта: весь пар ушел в свисток, правда, временами оглушительный⁵³. Государственная же палата, где ждали острых столкновений между представителями федеральных и региональных властей, поработала довольно вяло. Из регионов приехали почти исключительно вторые и третьи лица. Не явились и координаторы летних групп, которые занимали властные посты и которым после всех событий заниматься Конституцией стало совсем уж недосуг: Черномырдин, Шахрай, Степанов, Тяжлов. Палата собралась всего один раз, ее участники в меру поспорили, что не помешало единогласно одобрить изменения, уже внесенные в июльский проект рабочей группой КС, и зафиксировать поправки в восемь статей, которые палата просила учесть при дальнейшей доработке⁵⁴. После этого палата разошлась, чтобы никогда больше не собраться. Пленарное заседание КС, о котором не раз говорили, когда КС возобновило работу, так и не было созвано.

Из всего этого неверно было бы, однако, заключить, что октябрьская правка Конституции была поверхностной, а позиции участников КС во внимание не принимались. Просто центр тяжести дискуссий переместился в расширенную до 44 человек комиссию Филатова, которая с 15 по 29 октября провела тринадцать многочасовых заседаний, результаты которых нашли солидное отражение в окончательном тексте. Дискуссии, приобретавшие подчас острый характер, проводились довольно демократично (на них приглашали и не членов комиссии — членов палат, не удовлетворенных отклонением их предложений). Они широко освещались

в СМИ, спорные же вопросы решало голосование. На этом заключительном этапе в Конституции в большей или меньшей мере нашли отражение позиции тех нескольких десятков членов рабочей комиссии, которые участвовали в ее заседаниях постоянно. Так что претензии, будто Конституция разрабатывалась за закрытыми дверями, втайне от общества, что доминировало принудительное единогласие, продиктованное «монаршей» волей, мне, принимавшему активное участие во всех стадиях процесса (и далеко не во всем удовлетворенному его результатами уже тогда), представляются несправедливыми.

Конечно, можно было решать спорные вопросы голосованием, вести свободную дискуссию, потому что ее участники — при всех расхождениях подчас по принципиальным вопросам — придерживались общей концепции о будущем конституционном устройстве. В этой концепции существовали разные варианты и подварианты, но поле согласия, которого удавалось добиваться, было обширным, и непреодолимого разлома между подходами большинства участников КС и рабочей группы съездовской КК не существовало. Более того, исходный проект Алексеева-Шахрая в ходе КС — это важно подчеркнуть — выбрал немало положений из проекта КК. А. М. Яковлев назвал их близнецами-братьями, а С. С. Алексеев счел, что уступки, сделанные на КС, были столь значительны и сочетание несовместимых вещей в стремлении к компромиссу оказалось столь велико, что «стержневая исходная линия улетучилась», «проект Конституции утратил последовательно демократическое передовое содержание»⁵⁵. Не вступая здесь в спор с уважаемым ученым, я привел его мнение, чтобы обозначить сближение проектов. Правда, не по всем позициям движение шло в этом направлении. Как мы увидим чуть ниже, октябрьская доработка проекта в том, что касалось соотношения власти президента и парламента, уводила его в обратную от компромисса сторону. Быть может, заинтересованное участие вменяемой части оппозиции в работе КС могло бы подвинуть центр тяжести проекта в сторону варианта КК.

Но все дело в том, что оппозицию, прежде всего ее агрессивное ядро, вовсе не устраивал и проект КК. В каком-то умопомрачении эти люди вообразили, что им хватит сил изменить действовавшую Конституцию по лекалам проекта Исакова. А здесь уже несовместимость была абсолютной.

Даже тогда, когда было определено, что в декабре будут не только выборы, но и голосование по Конституции, на КС еще какое-то время продолжались дебаты: следует ли на это голосование выносить одобрение Конституции в целом или только основные принципы, оставив окончательную разработку ее текста то ли избранному Федеральному, то ли Учредительному собранию. Одни, как Сергей Алексеев и Марлен Нахапетов, сопредседатель Форума предпринимателей Санкт-Петербурга, полагали, что на голосование надо вынести лишь часть, касающуюся высших органов власти, либо несколько основных принципов, а пока заняться фронтальной доработкой проекта, освобождая его от компромиссов и возвращая к апрельскому варианту. Другие, и среди них Сергей Филатов, настаивали на том, что вынесение только одного блока Конституции на голосование опасно: в процессе последующей доработки иные разделы могут оказаться несочетаемы с разделом, одобренным на референдуме⁵⁶. Когда дискуссии в рабочей комиссии завершались, вариант, по которому на всенародное голосование выносятся только основные положения Конституции, был решительно отброшен. Депутата, который напомнил о нем, Филатов резко оборвал: «Ну это значит загубить дело»⁵⁷.

Высказывались опасения и иного рода: если опьяненные победой конституционалисты слишком далеко отойдут от достигнутых в июле компромиссов, Конституция может быть провалена на всенародном голосовании. Что в этом случае следует делать, толком никто не представлял⁵⁸. Подискутировав, КС пришлось к тому, что выносить на голосование надо Конституцию в целом, а пока есть время — заняться доработкой июльского текста. Каким же переделкам подвергся он в октябре?⁵⁹

Главное, наиболее существенное изменение заключалось в том, что были взяты назад пряники, обещанные региональным элитам и прежде всего «автономам». Во-первых, из Конституции убрали Федеративные договоры, а ссылка на них оставлена только в одной статье (правда, в главе об основах конституционного строя). Во-вторых, исчезло определение республик как «суверенных государств», вокруг которого ранее было сломано множество копий. В-третьих, исключено право республик устанавливать свое гражданство. В-четвертых, систему органов государственной власти субъектов Федерации надлежало теперь выстраивать в соответствии не только с основами конституционного строя РФ, но и с общими принципами организации государственной власти, установленными федеральным законом. Это даст возможность впоследствии, не затрагивая Конституцию, ввести законотворчество субъектов в разумные рамки, определяемые серией законов, прохождение которых требует лишь простого большинства. В-пятых, президент получил право приостанавливать действие актов, издаваемых органами исполнительной власти в субъектах Федерации в случае их противоречия не только Конституции, но и федеральным законам. В-шестых, было расширено право Конституционного суда устанавливать, соответствуют ли Конституции РФ конституции республик, уставы, законы, иные нормативные акты субъектов РФ, относящиеся как к исключительному ведению органов власти РФ, так и к совместному ведению Федерации и ее субъектов. В-седьмых, среди заключительных и переходных положений появилась норма, согласно которой, если будет обнаружено, что любой Федеративный или иной договор между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации не соответствует Конституции РФ, — действуют положения Конституции.

Все это окончательно перечеркивало притязания на договорную, а не конституционную, исторически сложившуюся основу РФ⁶⁰. Характерно, что удаление компромиссных наростов из проекта Конституции прошло относительно легко. На заседа-

ниях Государственной палаты, а также рабочей комиссии против такой чистки выступили лишь те, кому это было положено по должности. Но и опубликованные заявления высших законодательных органов республик были сравнительно сдержанными, не в пример истерическим выкрикам некоторых националистических организаций⁶¹. Сергей Шахрай, архитектор с трудом выстроенного в июле компромисса, на КС теперь не появлялся. Было выдвинуто даже предложение вообще официально прекратить действие Федеративного договора как «документа, порожденного специфической ситуацией». Однако из опасений, что такая отмена «вызовет негодование и противодействие со стороны республик», решили «не делать каких-то очень резких движений». Договоры были отправлены в «параллельное плавание», а их ключевые положения (но не излишества в виде определения республик как «суверенных государств») введены в переработанном виде в основной корпус Конституции и потому утрачивали свой договорный статус⁶².

Правда, за кулисами КС разыгралась еще одна не вынесенная на публику сцена. Положение о республиках как «суверенных государствах» было вычеркнуто Филатовым. Когда это стало известно «автономам», рассказывает Филатов, «началась свистопляска: они заставили президента собрать специальное совещание, закидали его телеграммами против меня — я-де разваливаю Россию... Я ждал приговора... Ельцин всех молча выслушал, а под конец сказал: “Оставим все, как есть”»⁶³. Здесь-то и выяснилось, что никакой консолидированной и вообще серьезной силы верхушка республиканской бюрократии не представляет. Когда разворачивался конфликт между главными протагонистами, и та, и другая стороны рассчитывали сделать ее своим союзником. Теперь становилось очевидно, что это не более чем небольшая гирька на чаше весов. Когда же весы резко качнулись в одну сторону, гирькой можно было пренебречь⁶⁴. Или точнее: условия задачи изменились. Региональные политические элиты, потянувшиеся к победителю, стали рассматриваться не как меха-

низм продвижения конституционного процесса, а как инструмент осуществления власти уже на базе новой Конституции. Яснее всего это проявилось в метаморфозах, которые стала претерпевать модель Совета Федерации. Но об этом чуть ниже.

Переделка федеративных (конфедеративных?) конструкций в Конституции укрепила центральную власть. А в самой ее структуре усиливались позиции президента. Институт президентства был вписан уже достаточно четко в июльский проект. Теперь в этом направлении было сделано еще несколько шагов, впрочем, не очень радикальных. После недолгого обсуждения была сохранена передача от парламента президенту права «определять основные направления внутренней и внешней политики», содержащаяся в июльском проекте. Компромиссное предложение Митюкова (президент и Федеральное собрание делают это совместно⁶⁵) было отвергнуто. В интересах не президента вообще, а вторичного избрания Ельцина был снят возрастной ограничитель — 65 лет для избрания на высший государственный пост. Рабочая комиссия не приняла во внимание даже сомнения Филатова («нас не поймут») и почти единодушно ограничение удалила⁶⁶. Разобрались с импичментом президента — опять вопреки позиции Филатова, полагавшего, что об отрешении президента от должности в Конституции вообще писать не следует, так как такая запись провоцирует оппозицию на агрессию. Более или менее развернутое и последовательное описание процедуры импичмента преобразовали в более короткий текст⁶⁷. Видимо, под впечатлением скандального обсуждения и провала в Верховном Совете кандидатуры маршала авиации Евгения Шапошникова, представленной президентом на пост секретаря Совета безопасности⁶⁸, этот орган, совещательный по замыслу, но ставший впоследствии довольно влиятельным по факту, был выведен из орбиты парламента. В Конституции появилась запись, что Совет безопасности формирует и возглавляет президент.

Президент так и не был обозначен в Конституции как глава исполнительной власти. Но были внесены существенные кор-

рективы, фиксирующие главенство президента — в противовес парламенту — над правительством. Во-первых, прежняя формула: президент представляет Думе предложение о назначении премьера, Дума же его назначает — была перевернута: президент назначает с согласия Думы. Во-вторых, удалена была норма, в соответствии с которой при возникновении коллизии между президентом и нижней палатой в связи с назначением премьера президент одну и ту же кандидатуру мог предлагать лишь два раза. Право президента троекратно представлять одно и то же лицо на пост премьера под угрозой роспуска парламента превратилось в эффективный инструмент выкручивания рук депутатам⁶⁹. В-третьих, по июльскому проекту президент, желая отправить правительство в отставку, но не имея на то предложения самого правительства, должен был испрашивать согласия Думы, которая и принимала бы о том решение. Теперь он мог решить этот вопрос единолично. В-четвертых, Конституция была пополнена статьей, согласно которой правительство слагает полномочия перед вновь избранным президентом — но не перед Думой нового созыва, как предусматривал июльский проект. Наконец, в случае троекратного отклонения президентских кандидатур на пост премьера, роспуска Думы и назначения новых выборов президент получал право назначить полноценного премьера, а не исполняющего его обязанности, как это было в июльском проекте. Не выжила и появившаяся было в одном из промежуточных вариантов текста норма, согласно которой президент вместо роспуска Думы мог назначить премьером предложенного ею кандидата. На всей этой правке июльского текста, одобренном рабочей комиссией КС почти без споров, конечно, лежала печать октябрьской победы.

Если не считать всего этого бетонирования позиций президента за счет парламента, то коррекция статей, относящихся к Федеральному собранию, была минимальной. В стенограммах данного этапа КС можно найти немало похороненных инициатив. В очередной раз было отвергнуто предложение закрепить за

Думой, а не Советом Федерации право утверждать президентские указы о чрезвычайном и военном положении и об использовании российских войск за границей. Не прошли попытки ограничить право президента распускать Думу дважды за один срок его полномочий, снизить планку для прохождения конституционных законов в СФ с 3/4 до 2/3. Отвергнуты были и предложения «автономов» закрепить за ними половину мест в верхней палате — мячик этот, как мы помним, перебрасывался много раз — и передать ей право утверждения премьера.

Острая дискуссия развернулась о том, разрешить ли министрам становиться депутатами ГД, а главам исполнительной власти субъектов Федерации — членами СФ. Правило, запрещающее совмещать членство в парламенте с постами в исполнительной власти, которое еще недавно большинство СНД настойчиво распространяло на все новые категории чиновников, было острым оружием борьбы оппозиции со сторонниками президента. Обосновывали это принципом разделения властей и тем, что у нас не парламентская республика. Запрет для депутатов находиться на государственной службе вводил и июльский проект. Но теперь на дискуссию густую тень отбрасывала разворачивавшаяся выборная кампания, в ходе которой многие министры оказались на видных местах в списках ряда избирательных блоков. Свежа была память и о том, как обескровливали ВС, с одной стороны, его лидеры, выталкивая демократических политиков, а с другой — президент, изымая оттуда нужных ему людей. Кроме того, руководители КС были убеждены, что после выборов у сторонников президента будет большинство, которому предстоит взять на себя ответственность и в ГД, и в правительстве⁷⁰. В итоге было выработано компромиссное решение: запрет на совмещение остался (правда, только для депутатов Думы) в основном корпусе Конституции. В переходных же положениях это позволялось на ближайшие два года — с той оговоркой, что на депутатов — членов правительства не распространяется депутатская неприкосновенность в связи с их служебной деятельностью.

Некоторые изменения были внесены в главы о судебной власти (КС так и не смогло ни найти более подходящее место для статьи о прокуратуре, ни определить круг ее полномочий), о местном самоуправлении (одна из главных структур гражданского общества была обозначена лишь пунктирно) и о правах и свободах человека и гражданина. Принципиальное значение имело то, что вторая глава (о правах) была поднята на уровень первой (основы конституционного строя): она стала неприкосновенной для поправок, вносимых Федеральным собранием, и может быть изменена лишь Конституционным собранием. Поскольку предложения об изменении этих глав были остановлены на дальних подступах (закона о Конституционном собрании нет до сих пор), позднейшие поползновения урезать гражданские права во имя интересов государства, нации, безопасности и т. п. конституционного оформления не получили. Нередкие же нарушения прав и свобод государственные органы и чиновники всех рангов творят в обход Конституции.

Наконец, существенно изменили по сравнению с июльским вариантом последний раздел — заключительные и переходные положения. Основные политические решения были уже приняты, оставалось их конституционно оформить. Конкурирующие государственные структуры — СНД и ВС — были с арены уже удалены. Запись, смягчающая удар судьбы для депутатов и региональных, и местных элит⁷¹, была теперь излишней. Депутаты российского парламента свое положение утрачивали, статус региональных и местных людей у власти оставался подвешенным. Единственным, за кем все права и полномочия сохранялись (и даже расширялись, поскольку их определяла новая Конституция), оставался президент. Позабыто было намерение Ельцина, объявленное участникам КС, когда они возобновили работу в сентябре⁷², идти на перевыборы 12 июня 1994 г., в очередную годовщину знаковой Декларации о суверенитете.

Не было уже необходимости определять, как будет выглядеть прежний парламент до того, как начнут работу палаты, из-

бранные на основе новой Конституции⁷³. Из центральных властей, кроме президента, оставалось правительство, которое получило свой презент. Было удалено положение, в соответствии с которым оно сохранялось «до формирования правительства в порядке, предусмотренном настоящей Конституцией». Из этого вытекало, что действующее правительство (а также любым образом переформировываемое президентом на основе новой Конституции) и после всех свершившихся пертурбаций вовсе не должно представлять перед вновь избранной Думой и продолжит функционировать как санкционированное уже новым Основным законом (что действительно избавило Ельцина от неприятностей, когда стали известны итоги выборов).

Сохраняли свои полномочия и суды. Жгучее желание задвинуть Конституционный суд, оказавшийся нелояльным в дни осенних событий, нашло свое выражение в одном из промежуточных вариантов конституционного текста: возобновить свою деятельность ему разрешалось «после доформирования» (состав этого суда немного увеличили). Но, в конечном итоге, было, по-видимому, решено, что удаление на неопределенный срок ведущего конституционного органа выходит за рамки политических приличий. Функции и роль Конституционного суда были расширены по сравнению с июльским проектом (он получил право проверять конституционность законов по жалобам граждан и запросам судов, а также толковать Конституцию) и существенно урезаны по отношению к действовавшей до того Конституции. Он потерял право давать по собственной инициативе заключения о соответствии Конституции действий и решений президента и иных высших должностных лиц, а депутаты (если только они не собьются числом не менее одной пятой в каждой палате) и общероссийские общественные организации лишились права подавать ходатайства о проверке конституционности издаваемых законов⁷⁴. Все значение понесенных утрат обнаружилось позднее, когда началась ползучая ревизия Конституции посредством издания законов, нарушающих ее дух, да и букву. На неопределенный срок было от-

ложено введение суда присяжных. Ввести запрет на военные и специальные суды демократам не удалось.

На случай неожиданностей, которые могли принести новые выборы, а также учитывая динамику политических процессов, срок жизни обеих палат нового парламента сократили до двух лет. По-видимому, это не было решением президента. Настаивавшие на нем демократы исходили из того, что уж через два-то года жизнь придет в норму и тогда можно будет избрать более ответственный и профессиональный парламент на конституционный срок...

Как видно, КС осенью довольно основательно перелопатило летний проект Конституции. Но это был еще не конец. 29 октября рабочая комиссия провела последнее обсуждение. После этого текст прошел еще несколько итераций. Он дорабатывался в аппарате президентской администрации с учетом ответов Комиссии конституционного арбитража на вопросы, поставленные президентом. Некоторые вопросы и ответы носили не столько юридический, сколько политический характер. Так, с подачи этой комиссии, в которую вошли 14 судей высших судов и вице-президент РАН, было восстановлено многострадальное положение о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, которое не раз вычеркивалось из проекта⁷⁵. Среди других нововведений надо отметить и упомянутое выше придание главе о правах и свободах особо защищенного статуса⁷⁶. Поступали и иные предложения президента, контролировавшего завершение процесса, которые тут же вносились в текст. Часть из них была навеяна его встречами с региональными политиками. Работа продолжалась до 7 ноября, а на следующий день Филатов, которому принадлежала ключевая роль в конституционных бдениях⁷⁷, направил окончательный вариант на подпись президенту. Согласно опубликованной документации, Ельцин подписал его в печать 8 ноября в 15:15, но перед этим собственноручно внес в текст поправки, в основном редакционные, но некоторые — весьма значимые⁷⁸.

Главные из внесенных президентом изменений относились к Совету Федерации. В конституционных проектах 1993 г. верхняя палата проделала ряд поразительных превращений. В проекте Алексеева — Шахрая, как отмечалось, на нее были возложены все кадровые назначения, подлежащие согласованию с парламентом, но формироваться она должна была посредством выборов, хотя вопрос о том, как они должны проводиться, оставался открытым. КС ввело компетенцию верхней палаты в более или менее стандартные по правилам мирового конституционализма рамки, хотя и оставило за нею некоторые излишества. В августе в Петрозаводске, когда еще было неясно, как станет вводиться новая Конституция, Ельцин, ориентировавшийся на соглашение с региональной бюрократией в противовес Съезду, обнародовал план формирования невыборной верхней палаты из высших чиновников регионов.

Какое-то время этот подход доминировал, но предполагалось, что такая конструкция вводится лишь на сравнительно короткое время, что и было зафиксировано в июльском проекте, несмотря на возражения многих участников КС. Эта же установка сохранялась в сентябре: по указу № 1400 выборы были назначены только в Думу. Но к 11 октября, когда появился еще один указ, назначавший выборы СФ одновременно с Думой, план был переигран. Однако продиктованное обстоятельствами «торжество» демократического парламентаризма продолжалось недолго. Да, формирование СФ на переходный период пришлось отдать избирателям⁷⁹. Но зато на перспективу его решено было сделать палатой высших чиновников, поведение которых представлялось более предсказуемым, чем непосредственно избранных населением депутатов. Еще в варианте, фигурировавшем на КС 30 октября, в СФ надлежало **избирать депутатов, а Федеральное собрание в целом** объявлялось постоянно действующим органом. В тексте, который лег на стол президента 8 ноября, уже содержались терминологические различия: **депутаты ГД и члены СФ, формирование СФ и выборы депутатов ГД**. Только про депутатов ГД было сказано, что они «рабо-

тают на профессиональной постоянной основе». Президент своей рукой вписал два уточнения. Вслед за словами: «В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации» он дописал: «по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти». А в переходные положения внес формулу, изначально разводящую функционирование обеих палат: «Депутаты Совета Федерации первого созыва осуществляют свои полномочия на непостоянной основе». Так были поставлены точки над *i*, конституционно заблокировавшие превращение СФ в нормальную палату парламента⁸⁰.

Не отказал себе Ельцин еще в нескольких поправках, которые упрочивали власть президента: к его полномочиям добавил право председательствовать на заседаниях правительства, снял уточнение, что президентские указы и распоряжения издаются во исполнение полномочий, возлагаемых на президента Конституцией, и расширил права по части военной доктрины — утверждает президент не основные ее положения, а доктрину как таковую.

Как видно, заключительная коррекция Конституции осуществлялась, когда КС уже завершило свою работу и не могло влиять на окончательные решения. Эти поправки теперь могли быть оспорены только на самом референдуме и не по отдельности, а в пакете со всем остальным текстом. Конечно, соответствие этих заключительных поправок президента демократическим принципам конституционного устройства вызывает обоснованные сомнения. Такие претензии не раз высказывал и автор этих строк. Но нельзя отвлекаться от того, что КС имело совещательный статус, было создано, чтобы представить свои рекомендации по проекту, с которыми президент волен был соглашаться или не соглашаться и по-своему корректировать. Оно не было ни парламентом, ни Учредительным собранием. Придя на КС, его участники приняли предложенные им правила игры. Можно было по-разному оценивать эти правила. Но справедливости ради надо констатировать: переделывая текст, который в окончательном виде подавляющее большинст-

во участников КС увидит лишь вынесенным на референдум, президент, очень во многом пошедший навстречу критикам исходного проекта, не вышел за рамки объявленных им условий игры на конституционном поле. Правомерность введения правил, порывавших с нормами действовавшей Конституции, — отдельный и значительно более общий вопрос. Споры о том ведутся и поныне. Как бы то ни было, последние штрихи на проекте Конституции были поставлены, теперь его можно было публиковать и ждать исхода назначенного референдума.

ВЗГЛЯД ИЗ 1993 года. КАК ЭТО ВИДЕЛОСЬ ТОГДА

Я воспроизвожу здесь три документа прошедшего времени — мое выступление на заседании рабочей комиссии КС, когда Совещание возобновило свою работу, и две статьи, опубликованные незадолго до референдума.

«ИЮЛЬСКИЙ ПРОЕКТ НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕСМОТРЕ»⁸¹

<...> В выступлении Сергея Сергеевича есть два разных аспекта⁸². С одним из них мне трудно согласиться, с другим полностью солидаризируюсь. Я, как и выступавшие, не думаю, что проект Конституции претерпел существенное ухудшение с точки зрения прав человека и структурного построения. Мне кажется, что по сравнению с исходным вариантом, который был предложен Конституционному совещанию, соответствующий раздел о правах человека не ухудшен, а в определенной степени детализован. И то обстоятельство, что особое внимание в проекте уделено основным положениям конституционного строя, на мой взгляд, не ухудшает его, а улучшает. Но в выступлении Сергея Сергеевича была и другая сторона, для меня наиболее важная, и эту сторону я хотел бы всячески поддержать.

Уважаемые коллеги! Давайте зададим себе вопрос о степени готовности проекта. На мой взгляд, эта степень не такова,

к какой мы стремимся и какую бы хотели получить. И дело не в том, что недостаточно поработали, потрудились, затратили мало времени, слабо поискали формулировки. Речь идет о том, что определенные общественные конфликты, общественные размежевания помешали нам достичь соглашения по ряду ключевых вопросов. Некоторые из этих вопросов здесь назывались, я позволю себе перечислить те, которые, с моей точки зрения, нуждаются в серьезной доработке.

Прежде всего это уже упоминавшийся здесь вопрос о равноправии субъектов Федерации, о той новой Федерации, которую мы строим. Согласен с тем, что неоправданная уступка введения текста Федеративного договора в непосредственную ткань Конституции отражала вчерашний день, и не думаю, что она будет поддержана общественным мнением, большинством нашего общества на тех выборах и, возможно, на референдуме, которые произойдут. Мне кажется, что 14 процентов населения, которые живут в субъектах Федерации, называемых республиками, имеют достаточные возможности, чтобы реализовать свои права, не нарушая прав 86 процентов населения, которое живет в других субъектах Федерации. Вопрос этот достаточно сложный, он нуждается в общественной легитимации и в нынешней Конституции сформулирован достаточно лукаво. <...>

Далее. О соотношении палат. Рискую показаться чрезмерно назойливым, ибо на предыдущих заседаниях нашей комиссии я поднимал этот вопрос три или четыре раза вместе с некоторыми другими уважаемыми коллегами, но вопрос тогда не был решен. Именно это заставило меня и некоторых других участников Конституционного совещания 12 июля подписать проект Конституции с известной оговоркой. Оговорка относится к чрезмерному, на мой взгляд, перемещению ряда важных функций в Совет Федерации. Речь идет, в частности, о чрезвычайном положении. Вопрос этот актуален, и без Думы, без народного представительства решать его, на мой взгляд, невозможно.

О местном самоуправлении. Вы помните, какие дебаты здесь возникали, как сталкивались различные точки зрения. Мы ушли тогда от решения этого вопроса, решив, что там, где мы не можем найти общей позиции, сформулируем нарочито неясно. Мне кажется, что общий подход должен быть зафиксирован следующим образом. Мы безусловно федеративное государство, основанное на общих принципах, и в этих общих принципах должны быть заложены основы подлинно демократического местного самоуправления. Это обязательства, которые берут на себя в том числе и субъекты Федерации.

Наша группа, группа общественных организаций ставила целый ряд вопросов, связанных как с гарантиями прав человека, так и с общественным контролем, участием общественных организаций в контроле над государственными учреждениями. Я не настаиваю на структуре, принятой в свое время Конституционной комиссией Съезда народных депутатов, которая выделила особый раздел «Гражданское общество», хотя в существовании такого раздела были определенные резоны. Я не хочу на этом настаивать, но в Конституцию должны быть введены какие-то элементы, которые гарантируют права человека. Не просто их записывают, а гарантируют прежде всего судебную защиту прав человека и предусматривают ряд общественных механизмов контроля над государственными институтами. Без этого Конституция будет недостаточно последовательной и демократической.

И последний из моментов, который я хотел бы упомянуть, — это вопрос о чрезвычайном положении. Опять же под давлением представителей Государственного правового управления было решено, что вопрос о чрезвычайном положении найдет отражение в конституционном законе, а в Конституции это положение записано только в самом общем виде. Мне кажется, что проблемы чрезвычайного положения и в особенности прав человека в условиях чрезвычайного положения (последние события показали, насколько это важно) должны найти отражение в Кон-

ститутции. Не надо бояться, что Конституция станет на одну-две странички длиннее. <...>

Перечисленные мною некоторые вопросы достаточно серьезны. И при всем оптимизме и всей готовности участников работать по 12—14 часов над проектом я не верю в то, что за те сжатые сроки, которые у нас есть, мы можем подготовить вполне доброкачественный проект Конституции. Поэтому я поддерживаю идею, высказанную и Сергеем Сергеевичем, и господином Нахапетовым⁸³ о формулировании некоторых основных принципов. Эти принципы начисто перекрывают возврат к нашему прошлому и закрепляют изменившееся соотношение сил в результате трагических событий, но не предрешают, а передают на суд будущего Федерального собрания (Совета Федерации и Государственной думы), избранного все-таки по более демократическим правилам, окончательное решение тех вопросов, которые нельзя решать здесь людям уважаемым, но не имеющим на то соответствующих делегированных прав.

Среди бесчисленного множества демократий есть плебисцитарная, которая нередко ведет к установлению авторитарных режимов, и есть представительная демократия, которая обладает очень серьезными дефектами, но, по крылатому выражению Черчилля, является наилучшей из всех наихудших форм государственного управления. На мой взгляд, такой сложный вопрос, как утверждение Конституции, не может быть решен в этом кругу или в каком-то другом кабинете и просто вынесен на решение народа — «да» или «нет».

И последнее. Я убежден в том, что срок полномочий Государственной думы надо сократить. Механически было перенесено положение о четырех годах полномочий из проекта нашей Конституции, который ориентирован был на более продолжительный срок и более спокойную обстановку, в эти чрезвычайные условия. Я думаю, что не надо этот срок устанавливать президентским декретом (их было и так уже много), но избирательные демократические объединения должны взять на себя

обязательства, что они поставят в Думе вопрос о сокращении полномочий и о сроках президентства. Знаете, я всегда был против досрочных выборов президента и считал, что этого делать не надо. Однако над данным вопросом надо очень и очень подумать, потому что президент, к сожалению, дал определенное обязательство. Надо думать об авторитете президента в условиях, когда, допустим, даже не он сам, а мы за него принимаем решение о продлении полномочий. Спасибо.

«БЕЗ КОНСТИТУЦИИ ЖИТЬ ОПАСНО»⁸⁴

Сегодня жить без новой Конституции просто опасно. Это будет означать, что исполнительная власть, которая не раз демонстрировала «неполное служебное соответствие» даже в собственной сфере, будет еще и законодательствовать неопределенно долгое время. Конституционное пространство стало бы формироваться временными и чрезвычайными указами президента. И это — в ответственный и взрывоопасный период, когда новорожденные законодательные структуры примутся заново спорить о принципах государственного устройства. Затягивать теперь конституционный процесс — значит жить без всякой Конституции.

Но насколько приемлем текст, который будет предложен избирателям на референдуме? Он скроен из двух проектов, прошедших долгий путь согласований. Сказать, что этот текст — лучшее, чего заслуживает наше общество, значило бы покривить душой. И все же, на мой взгляд, он стал лучше не только проекта Конституционной комиссии, испорченного желанием получить утверждение большинства Съезда, но и торопливого, скособоченного проекта, опубликованного от имени президента в конце апреля. Он лучше и синтеза обоих проектов, выработанного Конституционным совещанием в июле.

Качество выносимого на референдум документа можно оценить по трем главным параметрам.

Первый — права человека. Этот раздел, в общем, соответствует международным стандартам, хотя, возможно, и несколько пострадал от чрезмерного стремления разработчиков к краткости, от утраты важного раздела о гражданском обществе.

Второй — соблюдение баланса между федеральными органами власти. Хотя некоторый перекос в пользу исполнительной власти сохранился, это не может идти ни в какое сравнение с ее гипертрофией в проекте Собчака — Алексеева. В то же время преодолена конструкция Конституционной комиссии, чреватая затяжной войной ветвей власти и конституционными тупиками. По новому проекту парламент может отправить в отставку правительство, но и президент при определенных, четко оговоренных условиях и ограничениях может распустить парламент и назначить досрочные выборы. Разведены функции обеих палат парламента. Правда, некоторые из них, вопреки единодушной позиции Общественной палаты Конституционного совещания, неправомерно отнесены к ведению Совета Федерации, а не Государственной думы — органа наиболее представительного. Например, утверждение указов президента о чрезвычайном и военном положении и использовании войск за границей.

Вообще, переходя со ступеньки ступеньку и подвергаясь все новым согласованиям, проект в этой части отмечен не только приобретениями, но и потерями. Хорошо, что в переходных положениях срок жизни Федерального собрания, избираемого 12 декабря, определен в два года. На этом настаивали демократические организации: темп политических изменений в стране слишком быстр для парламента-долгожителя. Плохо, что декабрьские выборы в Совет Федерации будут первыми и последними всеобщими: главы субъектов Федерации настояли на том, чтобы впредь он формировался их верхушечными властными органами. Скверно, что намечены общие перевыборы Конституционного суда: тем самым нарушен важнейший принцип судебной реформы — несменяемость судей.

Самое значительное продвижение от июля к ноябрю было на третьем направлении — в области федеративного устройства. Окончилась опасная игра в поддавки, которую весной и летом наперебой вели с региональными элитами обе ветви власти. В Конституции отражено содержание Федеративного договора, но из нее исключен сам договор. Тем самым подчеркнуто, что Россия — конституционная, а не договорная Федерация. Бывшие автономии не определяются более как суверенные государства: не может быть в одном государстве двух верховенств — суверенитетов. Последовательнее, хотя и не до конца, проведен принцип равноправия субъектов Федерации.

Конечно, конституционный проект — равнодействующая разных интересов и разных влияний. Это компромисс. Но компромиссны все конституции мира, отразившие политическую борьбу, а не продиктованные волей победителя. Думаю, Конституция легко могла стать хуже, но едва ли могла бы оказаться более взвешенной и демократичной.

Однако насколько демократичен порядок подготовки и принятия новой Конституции?

Я не поклонник плебисцитарной демократии, из которой не раз в истории вырастала диктатура. Ответы «да» или «нет» на референдуме по всему тексту сложного юридического документа в бюллетенях большинства избирателей едва ли станут итогом глубокого осмысления каждой из спорных статей проекта. Впрочем, этого не было и во Франции, когда она посредством конституционного плебисцита 1958 года переходила от Четвертой к Пятой республике.

Быть может, самой уязвимой частью процедуры является то, что проект, выносимый на референдум, разработан не избранным представительным, а назначенным совещательным органом — Конституционным совещанием, и окончательные решения по спорным вопросам приняты президентом на основе рекомендаций, отобранных им же экспертов. При нормальных условиях принятию Конституции должно было бы предшество-

вать обсуждение проекта либо в специально для того избранном Учредительном собрании, либо в новом парламенте, который обрел бы учредительные функции.

Но, во-первых, нормальных условий у нас нет и не будет долго. А, во-вторых, отвергая апологетику, не следует поддаваться псевдодемократической демагогии. Проект все же прошел известную отработку в представительных учреждениях. Он вобрал в себя немало из проектов Конституционной комиссии Съезда лучших его времен. Неверно, что массе сбитых с толку избирателей предлагают проголосовать за бог весть откуда взявшийся, не известный им документ. Спорные проблемы широко обсуждаются уже несколько лет. Июльский вариант, выработанный Конституционным совещанием, публиковался миллионными тиражами. Все, кого это интересовало, кто следил за ходом обсуждения, легко могут сопоставить его с ноябрьским и принять решение вполне осознанно.

Я не уверен, что если бы доработкой и принятием Конституции занялся любой представительный орган, который может быть избран в ближайшие месяцы, мы получили бы текст, в большей степени отвечающий интересам общества и более легитимный в глазах его большинства. Скажем, даже подправив распределение полномочий в треугольнике «президент — парламент — правительство», мы, весьма вероятно, вынуждены были бы сделать ряд уступок сепаратизму в федеративном устройстве. Или, по меньшей мере, были бы вновь втянуты в бесконечные споры о делимости или неделимости суверенитетов, о соотношении прав народов и прав человека. Да и по многим другим вопросам, по которым все равно нет решений, устраивающих всех.

Мы до сих пор не смогли принять новую Конституцию не потому, что не хватало времени. И не потому, что разработчики были нерадивы или неизобретательны. Причина в том, что это невозможно было сделать в прежней политической ситуации. Сегодня ситуация это позволяет, и надо воспользоваться этой

возможностью: ведь все демократические преобразования пока еще обратимы. Конечно, чтобы создать стабильное и демократическое общество и правовое государство, недостаточно принять Конституцию. Но это — необходимая, а сегодня и безотлагательная предпосылка.

«НОВЫЙ ОСНОВНОЙ ЗАКОН: ЗА И ПРОТИВ».

АРГУМЕНТЫ ЭКСПЕРТА ⁸⁵

Чем ближе день выборов, тем острее споры о проекте новой Конституции, тем яснее, что решение на референдуме — стать или не стать проекту нашим Основным Законом — имеет не меньшее значение, чем исход выборов и состав будущего Федерального Собрания.

Нынешний проект, говорят одни, «имеет целью легализовать силовой захват власти, узаконить государственный переворот». «Нет, — возражают другие, — в проекте впервые в нашей конституционной практике на уровне современных международных стандартов зафиксированы права человека, найден достаточно точный баланс интересов различных социальных групп — и новых, и старых, разных народов... разных людей» и обеспечены гарантии стабильного политического развития. Проект можно было бы поддержать, вступают в дискуссию третьи, если бы в него были предварительно внесены необходимые коррективы. Последняя позиция представляется мне вполне разумной, и ее легче всего можно было бы поддержать, если бы эти третьи не подразделялись на четвертых, пятых, десятых и т. д., отстаивающих совершенно различные, нередко взаимоисключающие поправки к проекту, борьба вокруг которых едва ли была бы короткой, а исход ее неясен.

На деле у избирателя сейчас нет возможности — и это положение чаще всего становится предметом вполне обоснованной критики — повлиять на те или иные формулировки текста: он должен либо в целом поддержать довольно несовершенный, на мой взгляд, проект, либо в целом же его отверг-

нуть. Или — или. Пакетом. И третьего, к сожалению, на данном этапе не дано.

Защитники проекта говорят о его достоинствах, критики — о дефектах. Мне же хотелось бы объективно разобраться и в том, и в другом, отлично сознавая, что мы все поставлены перед выбором не между плохим и хорошим решением, а между плохим и очень плохим. И задача сводится к тому, чтобы определить, что хуже: утвердить несовершенный, повторяю, и чреватый весьма вероятными серьезными политическими обострениями проект или отклонить его и немедленно втянуться в новый виток конституционного кризиса. И те, кто тешат себя иллюзией, что если проект будет отвергнут на референдуме, Федеральное Собрание займется спокойной конструктивной работой над Конституцией и в отмеренный ему срок выдаст «на гора» продукт широкого общественного согласия, а не втянется в острый конфликт, раскалывающий общество, страдают в лучшем случае грехом, противопоставленным политику, — наивностью. Но, может быть, проект настолько плох и опасен, что негативными последствиями непринятия Конституции на референдуме следует пренебречь? Если дела обстоят так, то идти на это надо с открытыми глазами.

1. Проект выросал трудно. В его основании — в большей или меньшей степени три исходных проекта.

Три с половиной года в структурах старой и чуть подновленной власти обкатывался проект новой Конституции. В него удалось внести немало позитивного. Но в итоге приспособления проекта к уровню, на котором он, как надеялись разработчики, не имея, впрочем, достаточных гарантий, мог бы получить поддержку 2/3 депутатов, получился текст, перегруженный компромиссами, значительно более слабый, чем первый проект, который рабочая группа Конституционной комиссии «выдала» на подъеме демократического движения, через три с половиной месяца после начала своей работы, в октябре 1990 г. Достаточно сказать, что

проект в том виде, в каком его предполагалось вынести на ближайший Съезд, не предусматривал выхода из конституционного тупика, аналогичного тому, в который мы зашли к осени 1993 г.

Другой проект, подготовленный группой известных юристов, был представлен от имени президента после победного, как тогда казалось, апрельского референдума 1993 г. Он нес на себе явственный отпечаток политической позиции одной из сторон предельно обострившегося конфликта: предоставлял президенту почти неограниченные возможности роспуска парламента; отставку правительства ставил в зависимость исключительно от решения верхней палаты, которая к тому же должна была формироваться субъектами Федерации на заведомо неравноправной основе, в ущерб русским краям и областям; лишал парламент права любой законодательной инициативы по бюджетными и иным финансовым вопросам; отнимал у Конституционного суда его важнейшие функции и передавал их некоей причудливо выстроенной комбинации из руководителей трех высших судов.

В итоге работы Конституционного совещания в июне — июле 1993 г. появился третий проект, вобравший в себя как достоинства, так отдельные недостатки обоих предыдущих. Из него были удалены некоторые избыточные prerogatives президента, усилена роль Государственной Думы, более полно и точно описаны права человека. Однако в этом проекте, по существу, содержался серьезный сдвиг от конституционной федерации к договорной конфедерации: сказались результаты соревнования президента и парламента за благорасположение региональных номенклатурных элит, в особенности в бывших автономиях, которые не замедлили извлечь максимум выгод для себя из обострившейся конфронтации в центре.

На референдум вынесен четвертый проект, который, по моей оценке участника работы над Конституцией с первых ее дней, удалось освободить от ряда серьезных дефектов трех предыдущих. Этот исторический экскурс — к сведению неофитов, которые, прочитав последний вариант проекта и усмотрев в нем дей-

ствительные и мнимые недостатки, ведать не хотят, как трудно шла выработка компромисса. И как зависела его формула от резких поворотов в нашем политическом развитии. И все же: может быть, игра во имя более совершенной Конституции стоит свеч — опасностей нового витка законотворчества? Обратимся к содержанию проекта.

На мой взгляд, дурную службу выполняют те сторонники скорейшего принятия Конституции на референдуме, которые склонны затушевывать очень серьезные дефекты проекта.

Наиболее очевидный из них — заметный дисбаланс силы, влияния на государственную жизнь исполнительной и законодательной власти, президента и парламента. Это, собственно, признал и сам Б. Ельцин. «У каждого времени, — объяснял он, — свой баланс власти в демократической системе. Сегодня в России этот баланс складывается в пользу президента».

2. Всем, кто привык к формуле советских конституций, в общем виде характеризовавших Верховный Совет, бросается в глаза утрата его обозначения как органа, осуществляющего наряду с законодательными (это, естественно, осталось) также и распорядительные (это дань догме о всевластии Советов) и контрольные функции (это исчезло). Отмечу, что такое обозначение присутствует в конституции Испании — парламентского государства, но отсутствует в конституциях Франции и США, где правительство подчинено президенту. В представленном проекте парламент может осуществлять контроль над деятельностью исполнительной власти в двух формах: посредством парламентских слушаний, на которые могут быть вызваны министры, и посредством формируемой им Счетной палаты, которая контролирует исполнение бюджета.

Это, на мой взгляд, немаловажно (роль и порядок деятельности обоих этих институтов предстоит еще определить будущему Федеральному Собранию законодательно), но недостаточно. Я не вижу никакой беды в том, что будущий парламент

будет лишен, к примеру, одной из любимых забав прежнего Верховного Совета: скажем, вызывать на ковер министра иностранных дел и предписывать, как должен проголосовать по конкретному вопросу в Совете Безопасности ООН российский представитель. Но отсутствие в Конституции записи об обязанности министров отвечать на депутатские запросы и о праве палат создавать расследовательские комиссии — серьезное ослабление парламента.

Государственная Дума согласно проекту будет иметь двоякую возможность влиять на состав и политику правительства: посредством утверждения кандидатуры его председателя, назначенного президентом, и выражения вотума недоверия. Конечно, это дает меньшую степень воздействия, чем в парламентских республиках, но вполне соответствует избранной модели полупрезидентской республики, весьма близкой к французской. У парламента два важнейших рычага воздействия на деятельность исполнительной власти: только он издает законы и утверждает бюджет; чьи-либо внебюджетные фонды не предусмотрены.

Пожалуй, более всего критических копий сломано по поводу права президента досрочно распускать нижнюю палату. Скажу сразу: возможности президента в этой области, предоставляемые проектом, на мой взгляд, избыточны. Но и от оппонентов, изображающих Думу чуть ли не заложником президентской воли и каприза, хотелось бы ожидать элементарной честности. Существуют два варианта баланса властей. Первый — президент не может распустить парламент, парламент не может отправить в отставку правительство. Именно этот вариант избрала Конституционная комиссия, подстраиваясь под интерес большинства прежнего депутатского корпуса. Именно эта конструкция действовавшего государственного устройства завела нас уже в конце 1992 г. в конституционный тупик, из которого не нашлось легитимного выхода.

Второй вариант баланса такой выход дает. Дума может потребовать отставки правительства, президент может распустить

Думу и назначить новые выборы. Авторы проекта, правда, предоставили президенту трехмесячный срок для решения, как ему поступить в такой ситуации и потребовали от Думы вторичного вота недоверия — этого делать не следовало. Но в принципе — это тот вид баланса, который я безуспешно отстаивал в Конституционной комиссии и который отвечает логике полупрезидентской республики. Немаловажно, что у президента существует единственное основание роспуска Думы: разногласия по правительству, а не безбрежно широкий набор, как это было в апрельском проекте Собчака — Шахрая, или ничем не ограниченное право роспуска, как это записано, к слову сказать, во французской конституции.

Оппоненты умалчивают, как правило, и о четырех немаловажных исключениях из права роспуска, которые заложены в проекте: Думу нельзя распустить в течение года после ее избрания (в нашем случае это половина срока), за полгода до истечения полномочий президента, в условиях чрезвычайного или военного положения, при возбуждении импичмента против президента. Я бы еще более затруднил эту чрезвычайную президентскую акцию, введя, допустим, положение, по которому должны быть одновременно или через короткий срок назначены новые выборы президента, если роспуск Думы осуществляется вторично. Возможны и другие ограничения.

3. Хотелось бы, однако, чтобы критики проекта видели не одну, действительно существующую опасность — вползание авторитаризма в нашу политическую жизнь за счет избыточных полномочий президента, но и другую, не менее серьезную — нарушение стабильности, обостренного противостояния всенародно избранного президента и всенародно избранного парламента, которое не имеет институционного решения и из которого «диктатура порядка» может явиться взрывным путем. Я могу понять, хотя и не разделяю, логику сторонников идеальной модели советской власти (которой никогда не было), отстаивающих всевла-

ствие Советов, и логику чисто парламентской республики, где правительство формируется на базе большинства депутатского корпуса. Но если мы закладывали и во все серьезные конституционные проекты, и в действующую Конституцию пост президента не как чисто представительский и если, учитывая реалии и сроки складывания в России партийно-политической системы, мы не очень рассчитываем на то, что в парламенте вскорости возникнет устойчивое большинство, мы не имеем права сбрасывать со счетов императив стабильности в деятельности исполнительной власти, обязанной повседневно принимать оперативные решения, и приписывать действительно существующий в проекте перекос в ее пользу исключительно злодейскому властолюбию. Серьезными дефектами страдает проект и в том, что касается внутреннего построения парламента и его правомочий. Меня решительным образом не устраивает то, что уже после завершения работы комиссии Филатова, органа Конституционного совещания, в проект под давлением местных вождей было внесено изменение порядка формирования верхней палаты. Избирать Совет Федерации 12 декабря, если в Конституцию не будут внесены необходимые изменения, мы будем в первый и последний раз. Впредь он будет формироваться региональными властями.

Точно так же неудовлетворительно, на мой взгляд, закрепление за Советом Федерации, а не за Думой ряда важнейших политических функций: введение чрезвычайного и военного положения, использование российских войск за границей. Мои оппоненты в комиссии Филатова возражали: Дума слишком велика и неповоротлива, чтобы оперативно утвердить соответствующие указы президента. Но задача как раз и заключается в том, чтобы затруднить, а не облегчить вползание в нашу жизнь чрезвычайщины. К сожалению, единогласно принятое по этому вопросу решение Общественной палаты Конституционного совещания было проигнорировано.

Я вообще опасаясь, что Совет Федерации, как он будет формироваться и какими возможностями располагать, рискует

играть в нашей политической структуре тормозящую роль, сходную с той, какую выполняла в Великобритании палата лордов в прошлом и в начале нынешнего века — до того, как ей было отведено приличествующее место.

4. Ряд принципиальных вопросов государственной жизни либо вовсе выведен из ведения парламента (назначение референдума), либо его воздействие на них неправомерно ограничено. Он может, правда, утвердить или без риска для себя отвергнуть правительственный законопроект по бюджету, но лишен права законодательной инициативы по бюджетным, налоговым, кредитным делам, если правительство не представило заключение по соответствующему проекту. В принципе это правильно, так как исполнять бюджет надлежит правительству. Но беда в том, что обязанность правительства представлять такое заключение и тем более сроки для этого не оговорены. Тем самым открываются возможности саботировать самостоятельную деятельность парламента в этой области, если своевременно не будет принят закон, уточняющий обязательства правительства.

И уж никак не мотивировано логикой избранной конституционной модели также введенное под занавес разработки проекта разрешение министрам совмещать свою деятельность с сохранением депутатских мандатов. Трудно объяснить это иначе, как желанием тех, кто принимал окончательные решения по проекту, подыграть тем политическим силам, которые возглавляются министрами и рассчитывают при этом на сохранение министерских постов. Что из этого может получиться, нам было продемонстрировано скандальным письмом г-на Шумейко, предложившего исключить критиков проекта Конституции из избирательного процесса, письмом, которое осудили все избирательные объединения, но которое лишь доводило до абсурда чуть ранее высказанные замечания президента. Серьезные нарекания вызывает порядок изменения Конституции: весьма осложненный для одних разделов и практически запре-

тительный для других. Вообще говоря, Конституцию и должно быть трудно менять: этому-то уж научили нас бесшабашная законотворческая деятельность ушедшего Съезда и планы конституционного переворота, подготовленные в комиссии г-на Исакова.

Я не вижу никакой беды в том, что наглухо перекрыты конституционные пути введению в России монархии, всеобщей идеологии, однопартийной системы и т. д. Однако крайне затруднены другие изменения — по вопросам, которые решены неудовлетворительно, равно как и по самому порядку изменения Конституции: даже для поправок в тех разделах, которые не являются практически неприкасаемыми, требуется, в частности, согласие 2/3 субъектов Федерации, а для утверждения конституционных законов — поддержка 3/4 членов Совета Федерации. <...>

Разработчики Конституции справедливо указывают, что раздел о правах человека, также «неприкасаемый», соответствует современным международным стандартам, что большинство его статей имеет прямое действие. Но нельзя отбросить доводы критиков, утверждающих, во-первых, что невероятно трудно снять некоторые ограничения, заложенные в этом разделе, во-вторых, что некоторые важные положения проекта Конституции были утрачены из-за чрезмерного стремления сократить текст, и, в-третьих, что подлинные гарантии прав заключаются в устройстве государственной власти. Почти весь набор таких прав уже введен в действующую Конституцию, а как они реализуются — хорошо известно всем.

5. Итак, проект, за или против которого нам предстоит проголосовать на референдуме, далеко не совершенен, и здесь можно было бы поставить точку, если бы моя задача состояла только в том, чтобы объективно разобраться в дефектах проекта, отделить его действительные недостатки от мнимых. Но избирателю необходимо отдавать себе отчет не только в том, что

решено неудовлетворительно, но и в достоинствах проекта, в том, что мы рискуем потерять, если проект будет отвергнут 12 декабря.

Несомненным достижением проекта надо признать раздел о правах и свободах человека и гражданина. Возражение, что записанные права ничего не стоят без их обеспечения системой органов власти, следует признать веским, но чрезмерно категоричным.

Во-первых, социальные права введены в разумные рамки, отвечающие условиям конкурентной рыночной системы, основой которой являются частная собственность и личная инициатива. Они по объему и содержанию не меньше, но и не больше, чем в конституциях большинства демократических стран. Именно в этой части шел очень сильный накат на все демократические проекты Конституции сторонников патронажно-клиентельной системы с государством — распределителем благ в центре. Не обязанность государства трудоустраивать граждан, а право каждого распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, запрет принудительного труда. Не декларативные утверждения «сталинской» и «брежневской» конституций о разного рода раздачах, которыми на деле распоряжался чиновник, а адресная социальная поддержка тех, кто не может помочь себе сам, и разнообразные возможности для всех остальных. И т. д.

Во-вторых, в проекте реализовано наконец десятилетиями искоренявшееся право частной собственности для всех (принудительное отчуждение в пользу государства — только при условии предварительного и равноценного возмещения) и право частной собственности на землю для российских граждан. Если Конституция не будет одобрена на референдуме, мы вернемся к тупику, из которого не смогли вывести миллионы подписей наших сограждан за проведение референдума по вопросу о земле.

В-третьих, проект предусматривает введение нового для нас, но оказавшегося весьма эффективным в ряде стран инсти-

тута — парламентского уполномоченного по правам человека. Напомню, что этому упорно противился бывший Верховный Совет.

6. Заметное продвижение по сравнению с предыдущими проектами было достигнуто и по ряду характеристик парламента.

Как во всех парламентских демократиях, разведены функции его палат. Это более не два сиамских близнеца, неразрывно сплетенных общими заседаниями, совместными комитетами, единым аппаратом и спикером «всея Руси». Хотя значимость Госдумы и Совета Федерации подчеркнута выделением особо важных вопросов государственной жизни, решения по которым принимаются обеими палатами (бюджет, другие финансовые вопросы, международные договоры, война и мир), они обе специализированы, у каждой из них — свои предметы ведения, своя компетенция, своя роль.

Последовательно проведен принцип равенства субъектов Федерации при формировании верхней палаты. Тем самым дезавуирован наконец пресловутый протокол, то ли вошедший, то ли не вошедший в виде приложения к Федеративным договорам и закреплявший положение, при котором регионы, где живет 14% населения России (республики, автономные области и округа), имели бы столько же представителей в этой палате, как и остальные субъекты Федерации с 86% жителей.

Большая часть законодательной деятельности сосредоточена в Думе — органе, при избрании которого голоса избирателей равновесны. Дума может сама, минуя Совет Федерации, издавать законы, если он не выражает к ним интереса, или преодолевать квалифицированным большинством его вето, а вместе с ним — также и вето президента.

В переходных положениях новому парламенту отведено два года жизни: наша ситуация слишком изменчива и быстротекуща для парламента-долгожителя.

После длительных споров в проекте осталась формула, которая то изымалась из рабочего варианта, то возвращалась в него: органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Демократически избираемым и опирающимся на муниципальную собственность и местный бюджет органам местного самоуправления предстоит стать важнейшим элементом структуры гражданского общества.

Но самое значительное продвижение от июльского к ноябрьскому проекту Конституционного совещания было достигнуто в сфере федеративного устройства. Там, где Валерий Зорькин видит отступление от федерализма к «бюрократически централизованному государству», на мой взгляд, происходит освобождение федеративного государства от конфедеративной начинки, которая в изобилии была введена в проект весной и летом, когда местные элиты жестко торговались с конфликтующими ветвями власти, а президент и Верховный Совет, стремившиеся заручиться их поддержкой, старались переиграть друг друга на пути уступок.

Из Конституции исключены Федеративный договор как равнозначная часть ее текста и почти все ссылки на него, хотя все основные положения трех договоров, подписанных в 1992 г., инкорпорированы в ее содержание. Это имеет принципиальное значение: Россия — не договорная и даже не договорно-конституционная, а конституционная федерация. То, что именуется Федеративным договором, — не договор об учреждении государства, из которого участники вправе выйти, а соглашение о разграничении полномочий между местными и центральными органами власти, соглашение, предоставляющее регионам самые широкие возможности решать свои внутренние дела.

Никакого ущемления этих прав нет и в устранении из проекта определения республик как суверенных государств. Эйфория «суверенизации» уходит: нет и не может быть в одном государстве двух суверенитетов-верховенств. Суверенитетом не

обладают ни штаты в США или Индии, ни провинции в Канаде, ни земли в ФРГ, ни даже кантоны в формально конфедеративной Швейцарии. Это положение закреплено в статье, согласно которой законы и иные правовые акты субъектов Федерации не могут противоречить законам Российской Федерации в сфере как ее собственного ведения, так и их совместного ведения.

Наконец, значительно более четко (хотя и не до конца) прописан принцип равенства субъектов Федерации, ибо во всех прежних проектах некоторые субъекты (а именно — республики), как в известной сатире Д. Оруэлла, были «более равны».

Если кто-то рассчитывает, что все это удастся легко сохранить, если проект будет отвергнут на референдуме, и нам не грозит перспектива втянуться в новую конституционную тяжбу с этнократическими и иными местными элитами, то я могу лишь позавидовать оптимизму этих аналитиков.

7. Соединение в одном конституционном проекте достижений, которые были немыслимы еще год-два назад, и очень серьезных дефектов, разработка его не полномочным Учредительным собранием или парламентом, а Конституционным совещанием — органом, хотя и довольно представительным, но имеющим уязвимую легитимацию, принятие окончательных решений по спорным вопросам проекта единолично президентом, совсем уж поразительные переходные положения, по которым принятие новой Конституции не влечет за собой ни объявленных ранее перевыборов президента, ни даже сложения полномочий действующего правительства, утверждение Конституции методом плебисцитарной демократии, наконец скандал, который был вызван сначала объявленным, а затем снятым запретом на обсуждение проекта, — все это ставит каждого из нас перед очень трудным выбором.

Выбор было бы сделать гораздо легче, если бы мы принимали временный конституционный акт на период, срок которого был бы заранее четко оговорен, или, по крайней мере, непри-

касаемость IX главы не запирала бы на крепкий замок сам порядок изменения Конституции, внесение в нее тех исправлений, необходимость которых очевидна уже сегодня и которые потребует жизнь завтра. Эти возможности, к сожалению, уже упущены.

Конечно, Конституция нигде, и в особенности у нас, не является единственным регулятором социального развития. Споры вокруг проекта заслоняют не менее важный вопрос: каким станет наш парламент, как в нем будет складываться соотношение сил, кто и с кем будет блокироваться (ибо скорее всего, ни одно избирательное объединение не получит абсолютного большинства)? Не разводят ли эти споры потенциальных союзников и не возникают ли противоестественные ассоциации на почве одобрения или отклонения проекта? Все это тоже следует иметь в виду, идя на референдум.

Надо отдавать себе отчет в том, что при любом исходе референдума мы стоим не в конце и даже не в середине, а в начале неимоверно трудного процесса утверждения конституционно-правового строя в России. Если проект будет одобрен, в наше государственное устройство будет заложено несколько мин замедленного действия, связанных главным образом с переизбытком президентской власти и суженными прерогативами парламента. Обезвреживать эти мины, менять Конституцию, разрабатывать и вводить обычные и конституционные федеральные законы, подправляющие перекосы самой Конституции, мы будем долго и мучительно, учитывая ту степень согласия, которая реально достижима сейчас в обществе и парламенте. А взорваться они могут неожиданно и страшно, пока повороты нашего политического развития непредсказуемы, пока, как пелось в популярной некогда песне, «когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой».

Но тот же дефицит согласия, несомненно, будет сопровождать процесс разработки нового проекта, если этот не получит необходимой поддержки на референдуме. По опыту всей пред-

шествующей работы я хорошо знаю, как трудно будет искать и находить новые формулы компромисса по спорным вопросам, выстраивать баланс, который соберет квалифицированное большинство голосов в обеих палатах Федерального собрания. И как легко соскользнуть к новому перетягиванию каната множеством новых игроков в разные стороны в течение неопределенно продолжительного времени, когда мы будем жить то ли по старой Конституции, то ли по указам президента, то ли по законам, наспех и враздробь принимаемым Федеральным Собранием, пока конституционная улитка двинется в новое путешествие...

ПОСТСКРИПТУМ

Когда приведенная выше статья была опубликована, кто-то сказал мне: «Твоя позиция неясна. Ты призываешь голосовать за Конституцию или против нее?». Хотя вывод автора прочитывался, как мне кажется, однозначно, недоуменный вопрос этот мне импонировал. Я принимал активное участие в избирательно-референдумной кампании 1993 г. и не скрывал, что моя позиция по отношению к Конституции разошлась с подходом большинства лидеров впервые тогда вышедшего на политическую арену «Яблока». Но статья в «Независимой газете» не была агитационным материалом. Читателю предлагалось в оставшиеся дни еще раз придирчиво взвесить все доводы — *pro et contra* — и сделать вполне осознанный выбор. Для себя я этот выбор сделал и полагаю, что испытание временем он выдержал. Все сказанное и сегодня мне кажется настолько очевидным, что можно лишь подивиться той уверенности, с которой некоторые мои политические друзья добивались провала Конституции⁸⁶. В той ситуации это была игра ва-банк. Вопросы о том, следовало ли голосовать за такую, во многом дефектную Конституцию или нет, как проходила бы выработка Конституции, в идеале более компромиссной, полнее учитывающей интересы и взгляды разных общественных сил, если вынесенный на голосование проект был бы отвергнут избирателями, да и чем могло бы завершиться возобновление ра-

боты с Конституцией — эти вопросы были сняты с обсуждения итогом декабрьского голосования. Продолжает же обсуждаться другой вопрос: какую Конституцию мы получили и, следовательно, как оценить труд российских конституционалистов в 1993 г. Диапазон суждений очень широк. В России действует «сверхпрезидентская» Конституция, — как о чем-то само собой разумеющемся пишут и в либеральной, и в коммунистической печати. Но вот суждение Валерия Зорькина, которого нельзя заподозрить в чрезмерной снисходительности ни к Ельцину, ни к его сентябрьскому указу 1993 г.: «В том же, что касается “гипертрофированной роли президента”, я твердо убежден, что только подчеркнутый акцент Конституции 1993 года на полномочиях президентской власти спас Россию от политической дезинтеграции, от государственного распада... Если бы у России была не Конституция 1993 года, а Конституция парламентской республики типа итальянской, — наша страна давно бы распалась на части...»⁸⁷. По-разному оценивают принятую Конституцию и компетентные зарубежные аналитики.

Приговор американских ученых Питера Реддевея и Дмитрия Глинского категоричен: «это пристрастная Конституция». «Она является главным камнем преткновения на пути к национальному примирению и демократическому развитию... И дело не только в том, что она является суперпрезидентской, хотя президентские полномочия Ельцина и Путина превосходят права американского и французского президентов вместе взятых и приближаются к власти царя Николая II в квазиконституционной системе 1905 г. Еще важнее, что она никогда открыто не обсуждалась и не была одобрена большинством общества»⁸⁸.

Оценки других исследователей более снисходительны. Томас Ремингтон характеризует российскую конституционную систему как «президентско-парламентскую» и указывает на три главных дефекта, в силу которых «закон и правовые институты не способны ограничить произвол государства». Это «экстралегальная власть органов — наследников КГБ; преобладание подзаконных

административных правил и предписаний, издаваемых органами исполнительной власти; склонность президента использовать указное право, чтобы обходить конституционные ограничения, налагаемые на исполнительную власть»⁸⁹. Другие американские авторы выделяют «11 нелиберальных черт российской демократии»: «правительственные решения часто скрыты от публики»; «представительные институты, особенно законодательные собрания, значительно меньше влияют на политику правительства и бюджет, чем различные исполнительные и административные органы»; «суды зависимы и не обеспечивают индивидам надежную защиту от произвольных действий властей»; «в правительственных учреждениях широко распространена коррупция» и т. д.⁹⁰

Несложно заметить, однако, что цитируемые авторы подвергают критике не столько текст действующей Конституции, сколько ее реализацию на практике, политико-правовую систему, ответственность за которую несет не только формальная Конституция. Известный политолог Джордж Урбан, говоря о действенности конституционного права вообще и сопоставляя в этом отношении Россию со странами Восточной Европы, не зря ссылается на Аристотеля: «Конституции бесполезны, если они не опираются на обычаи и согласие людей»⁹¹.

Многие комментаторы как в России, так и на Западе увидели в режиме Бориса Ельцина диктатуру. Это преувеличение, — возражает Майкл Макфол. «Парадоксальным образом октябрьские события открыли окно возможностей для того, чтобы предложить и реализовать новые политические институты в России». Демократические институты слабы и хрупки, отягощены серьезными недостатками, настаивает он. С приходом Путина появились зловещие признаки их вырождения. Но в Конституцию 1993 г. были включены такие положения, которые серьезно осложняют ее негативные изменения — за них пришлось бы заплатить высокую цену. Затрудняя процесс изменения Конституции, Ельцин рассчитывал помешать сделать это своим противникам, но тем самым он ограничивал и себе свободу рук⁹².

Последнее обстоятельство имеет особое значение. В 1993 г. могло казаться, что предельно усложненный порядок изменения Конституции — один из ее дефектов. Как выяснилось, это был взгляд, который исходил из оптимистических ожиданий по отношению к дальнейшему развитию конституционного процесса. Конституцию, полагали многие ее критики, нужно и можно освободить от недостатков, которые уже тогда были очевидны, сделать более сбалансированной, подтвердить ее легитимность новым, демократическим волеизъявлением общества. Вот только препятствует этому затрудненный порядок пересмотра Конституции или внесения в нее поправок...

Десять и более лет спустя выяснилось, что механизм самозащиты, встроенный в Конституцию, — не зло, а благо, что хотя в ее нормах есть немало такого, что следовало бы улучшить, возможности ухудшения тоже безграничны, да и более вероятны. Конституция, какова она есть, не столько сковывала общество, сколько сдерживала — пусть не слишком заметно и надежно — авторитарную инволюцию власти. Так было, во всяком случае, до недавнего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. — Т. 10. — М., 1995. — Т. 10. — С. 308; Т. 12. — С. 392—393.

² *Харичев И.* Плюсы и минусы различных механизмов принятия новой Конституции РФ. Документ, распространявшийся на КС. 19.06.1993. — Архив автора.

³ Пути принятия новой Конституции: за и против / Гуманитар. и политол. центр «Стратегия». 19.06.1993. — Архив автора.

⁴ Конституционное совещание... — Т. 10. — С. 213—214.

⁵ Там же. — Т. 15. — С. 78, 80, 83—85, 98, 99. Захаров просто воспроизвел главную мысль из опубликованной перед тем в «Новом времени» статьи Крониды Любарского (см.: Кронид: Избр. статьи К. Любарского. — М., 2001. — С. 242—245).

⁶ Исключение положений, придающих России статус конституционно-договорного государства, передача из СФ в Думу «таких взрывоопасных решений, как введение чрезвычайного и военного положения и использование вооруженных сил за границей» и т. д.

⁷ Предложения о порядке осуществления конституционной реформы в Российской Федерации / СНД России. Фракция «Согласие ради прогресса». 01.07.1993. — Архив автора.

⁸ Конституционное совещание... — Т. 17. — С. 413—414.

⁹ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 41 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. — Ч. 1. — С. 29—30; № 42... — Ч. 1. — С. 20.

¹⁰ В документах КС «каких-либо серьезных новаций, которые требовали бы немедленного учета и реализации, в проекте, над которым работает КК, мы не нашли», — сказал Федосеев и успокоил депутатов тем, что 54% субъектов Федерации заявили: Конституция должна приниматься Съездом (Там же. Бюллетень № 42... — Ч. 2. — С. 35—39; Постановление ВС РФ «О работе над проектом новой Конституции РФ» от 25 июня 1993 г. // Постановления СНД РФ, ВС РФ и другие нормативные акты по вопросам развития конституционной реформы в РФ. Декабрь 1992 г. — июль 1993 г. — С. 10—11).

¹¹ Закон «О порядке принятия Конституции Российской Федерации» // Конституционное совещание. — 1993. — Авг. — № 1. — С. 155—157.

¹² Постановление ВС РФ «О проекте закона Российской Федерации “О порядке принятия Конституции Российской Федерации”». 16.07.1993 // Постановления СНД РФ... — С. 11—12.

¹³ Нашлись, конечно, и доброхоты, которые стали выдвигать предложения об объединении комитетов, при котором из-под неугодных спикеру лиц просто выдергивались кресла. Николай Медведев рассказывал мне: «С тех пор, как я занял пост в структуре ВС, испытываю колоссальное давление. Вызывают “по начальству” и спрашивают: почему ты голосовал так, а не иначе? Ты что — за правительство?». Хасбулатов со своей стороны сокрушался: «Моя убежденность в никчемности и даже опасности нахождения Степашина и Аслаханова на постах председателей важнейших комитетов встречает непонимание у парламентариев» (*Хасбулатов Р.* Великая российская трагедия. — Т. 1. — М., 1994. — С. 170).

¹⁴ Принятое 24 июня решение о разделении Комитета по законодательству на два комитета было ярким примером аппаратной интриги, искусства манипулирования депутатским корпусом, которым мастерски владел Хасбулатов. Обсуждение отчета М. Митюкова о работе Комитета вышло за рамки элементарного приличия, не говоря уж о парламентской этике. Митюкова оскорбляли, ему вменяли в вину политическую позицию, участие в КС и т. д. В зале только что не слышался ястребиный клекот, хотя завзятые ястребы — Владимир Тихонов, Виталий Севастьянов — справляли свой пир. Тем не менее предложения о смеще-

нии Митюкова и признании работы комитета неудовлетворительной не собрали большинства. И все же со второй попытки большинством в два голоса было про-
давлено требуемое решение. Вскоре выяснилось, что никакого большинства не
было: на глазах у спикера произошло голосование карточками вышедших из за-
ла депутатов без их согласия. Поданный протест, естественно, не был удовлетво-
рен (Шестая сессия ВС. Бюллетень № 41... — Ч. 2. — С. 34—53; Заявление
группы членов Комитета по законодательству ВС; Заявление 5 депутатов ВС
в секретариат и регламентную группу сессии ВС об аннулировании результатов
их голосования [ксерокопии]. — Архив автора).

¹⁵ В рейтинговом голосовании Исаков получил 50,2% голосов. Румянцев,
увидевший, что почва уходит у него из-под ног, и вознамерившийся пересест
в другой экипаж, — 25,5%. Третьим, всерьез никем не рассматривавшимся пре-
тендентом был Челноков, за которого подали голос 13% (Шестая сессия ВС РФ.
Бюллетень № 44... — Ч. 1. — С. 26—27; Постановление ВС РФ «О составе Ко-
митета ВС РФ по конституционному законодательству» от 9 июля 1993 г. — Ар-
хив автора). Избрать председателя другого законодательного комитета не уда-
лось, но это мало заботило спикера. Исаков был избран 30 июня, а 22 июля
Хасбулатов подписал распоряжение о передаче помещений и имущества прежне-
го комитета комитету Исакова.

¹⁶ Виль Кикоть и я говорили, что советской власти как отличной от парла-
ментаризма представительной формы правления никогда не было: существовала
самодержавная власть, именно она под вывеской Советов воспроизвела основ-
ную российскую традицию. Высказали мы и сомнение в целесообразности созда-
ния нового комитета, в лице которого создается третий центр, работающий
с Конституцией. Отвечая нам, Исаков представил деятельность комитета как
оборонительную: «Хотим мы этого или нет, общество сегодня поставлено на ды-
бы. Поставлено разными людьми. Иногда авантюрного склада, иногда очень мяг-
кими и деликатными, как, скажем, Виктор Леонидович Шейнис, который гово-
рит: давайте считаться с существующими реальностями. Но перед тем эти
реальности создаются без всякого спроса и без всякого разрешения. А когда тер-
ритория уже захвачена, говорят: давайте считаться с реальностями» (Стенограм-
ма круглого стола Конституционной комиссии и ученых-конституционалистов
на тему: «Конституционная реформа в Российской Федерации. Некоторые итоги
и перспективы». 06.07.1993. — Архив автора).

¹⁷ Проект закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного
закона) Российской Федерации — России». 11.08.1993. — Архив автора. Чтобы
подкрепить замысел предложенной конституционной реформы, всем членам ВС
официально направлялись письма избирателей, поступавшие на имя некоторых
из них, с требованием вообще упразднить пост президента.

¹⁸ См.: *Шаблинский И. Г.* Пределы власти: Борьба за российскую конститу-
ционную реформу (1989—1995 гг.). — М., 1997. — С. 154—155.

¹⁹ Там же. — С. 155—156.

²⁰ В июле из запланированных 12 сессий законодательных органов субъектов Федерации состоялась одна, в августе — 6 из 40 (Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 14).

²¹ Там же. — С. 3—5.

²² Конституционное совещание. — 1993. — Окт. — № 2. — С. 49—50.

²³ Заявление народных депутатов — представителей парламентской Коалиции реформ. 06.07.1993. — Архив автора.

²⁴ *Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса» — М., 1995. — С. 338. Черномырдин, писал Попцов, недавно назначенный и не постигший еще всех тонкостей политической борьбы, «...был преисполнен устремлений на примирение с парламентом. Он не предполагал, что от него потребуют не согласия, а переподчинения, и все большинство собравшихся в зале ждет реванша или как минимум уступок, подтверждающих полный разрыв с политикой Гайдара» (Там же. — С. 299).

^{24a} *Ельцин Б.* Записки президента. — М., 1994. — С. 322—325.

²⁵ Известия. — 1993. — 30 июля.

²⁶ Известия. — 1993. — 6 авг.

²⁷ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 270.

²⁸ Известия. — 1993. — 6 авг.; Моск. новости. — 1993. — 15 авг.; информации Е. Ясина и Н. Шмелева. — Архив автора.

²⁹ Некоторое представление об отражении в массовом сознании масштабов сегодняшней коррупции может дать исследование ИНДЕМ, проведенное в 2001 г. Двум группам респондентов — гражданам и предпринимателям — был задан вопрос, когда, по их мнению, более всего были распространены коррупция, взяточничество и им подобные злоупотребления. Одинаковой и минимальной была частота ответов в обеих группах применительно к дореволюционному времени — 4,4%. К советскому времени максимальный расцвет коррупции отнесли 25—27%. Значительно меньшее число респондентов пик коррупции связало с периодом Горбачева (особенно заметно это в группе предпринимателей — 14%). Громадный же скачок коррупции (57—58% опрошенных) респонденты отметили в период президентства Ельцина. Хотя оценки эти носят субъективный характер (никто из опрошенных не жил, например, до революции), а период Ельцина оценивался в целом, а не за интересующие нас первые годы, порядок цифр говорит сам за себя (Антикоррупционная политика / Под ред. Г. А. Сатарова. — М., 2004. — С. 109—110).

³⁰ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень... № 25. — Ч. 1. — С. 19—29.

³¹ *Ельцин Б.* Записки президента. — С. 329.

³² Широкую огласку, в частности, приобрела история с неким минералом под названием «красная ртуть». Множество посредников представили заявки на продажу и покупку красной ртути у западных фирм по ценам, значительно превышающим цены сверхчистой платины и урана. Проверка показала, однако, что

данное вещество не только никогда не производилось в СССР и России, но и не существует в природе.

³³ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень... № 41. — Ч. 1. — С. 12—30; Постановление ВС РФ «О докладе руководителя специальной комиссии Генеральной прокуратуры — первого заместителя Генерального прокурора РФ Н. И. Макарова о фактах коррупции высших должностных лиц РФ». — Архив автора. В начале сентября специальная комиссия Генпрокуратуры направила в ВС отчет об итогах своей деятельности за время, прошедшее со дня выступления Макарова. Ряду высших чиновников, ранее упоминавшихся, было поставлено в вину необеспечение контроля, который мог бы предотвратить нарушения; Силаеву, Гайдару и Черномырдину — то, что они «не дали принципиальной оценки» нарушениям. Против некоторых лиц второго и третьего плана были возбуждены уголовные дела. Версия о противодействии Гайдара, Шохина и Бурбулиса защите интересов страны не подтвердилась. В связи с тем, что комиссия сочла поручение ВС выполненным, и «в целях... недопущения дальнейшего нагнетания политического противостояния» ее руководитель предложил упразднить комиссию. Это не входило в планы ВС: в пространном проекте постановления предлагалось продолжить работу комиссии «до создания в системе Прокуратуры РФ постоянного подразделения по борьбе с коррупцией». Но до «упразднения» самого ВС оставалось менее трех недель (Информация о результатах работы специальной комиссии Генеральной прокуратуры РФ по расследованию материалов, связанных с коррупцией должностных лиц. 02.09.1993. — Архив автора).

³⁴ 20 августа 1993 г. я записал для себя: «Нарастающая эксплуатация темы “коррупция”. С ВС — ясно. Но когда меня хотят уверить, что генпрокурор по международному телефону обсуждал с Якубовским план убийства Макарова, когда заявляют, что есть некая подпись Руцкого под компрометирующим его финансовым документом, не объясняя, что это за документ, мне обидно: меня держат за дурака».

³⁵ *Ельцин Б.* Указ соч. — С. 331—337. В чем действительно был повинен Баранников (уже после осенних событий 1993-го уголовное дело против него по обвинению в коррупции было прекращено «за отсутствием состава преступления»), для меня неясно до сих пор. Хасбулатов утверждает, что он «пал жертвой подозрительности Ельцина». Свои сомнения высказывает и Филатов: «Меня постоянно преследует ощущение, что мы в деле Баранникова и других сами тогда попали в чью-то разработку». А вот в чью, на мой взгляд, очевидно: Коржаков избавлялся от конкурента (*Хасбулатов Р.* Великая российская трагедия. — Т. 1. — С. 176; *Филатов С.* Совершенно несекретно. — М., 2000. — С. 284).

³⁶ Известия. — 1993. — 10 сент.; Донесение Л. П. Прокопьева Р. И. Хасбулатову. 11.08.1993. — Архив автора.

³⁷ Рос. газ. — 1993. — 2 сент.

³⁸ Сообщения для народных депутатов и журналистов об открытых заседаниях Координационного совета «Российского единства». Июль—сентябрь 1993. — Архив автора.

³⁹ Обращение народных депутатов РФ к ВС. Подписной лист. Июль 1993. — Архив автора.

⁴⁰ Независимая газ. — 1993. — 3 авг.; Рос. газ. — 1993. — 7 авг.; Правда. — 1993. — 7 авг.

⁴¹ Позиции лидеров Гражданского союза разделяли в то время некоторые авторитетные публицисты и ученые, включившиеся в политику: Г. Водолазов, Б. Капустин, И. Пантин, В. Третьяков. См.: Независимая газ. — 1993. — 1993. — 11, 27 авг.

⁴² Записи информации С. Ковалева 22.07.1993 и 22.04.2004. — Архив автора.

⁴³ Обращение Общественного комитета демократических организаций России (ОКДОР) и Союза казачьих войск к гражданам РФ, к Президенту РФ Б. Н. Ельцину. 28.07.1993; Заявление Координационного совета Движения «Демократическая Россия». 30.07.1993; Заявление блока «Демократический выбор». 03.08.1993. — Архив автора.

⁴⁴ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 344—348.

⁴⁵ Текст выступления президента России Б. Н. Ельцина на совещании представителей государственных телерадиокомпаний и печати России (распечатка). 12.08.1993; Запись выступлений на данном совещании. — Архив автора. Вызовом Верховному Совету было и то, что в президиуме совещания сидели наиболее одиозные для него фигуры — Шумейко и Полторанин.

⁴⁶ Когда президент проводил пресс-конференцию, он уже знал, что 11 из 14 парламентских фракций заявили, что проведение досрочных выборов противоречит Конституции.

⁴⁷ Диктограмма пресс-конференции Б. Н. Ельцина 19.08.1993. — Архив автора. Ельцин, утверждает Сатаров, не исключал тогда, что с ВС можно как-то договориться. Вариант роспуска ВС и СНД существовал с мая как возможный, но параллельно разрабатывался мирный вариант (который впоследствии получил название нулевого и предусматривал одновременные перевыборы президента и парламента). От одновременных выборов Ельцин отказался после 3 октября. Запись интервью с Г. Сатаровым 06.07.2004. — Архив автора.

⁴⁸ О петрозаводской встрече и ее оценках см.: Независимая газ. — 1993. — 17, 26 авг.; Общая газ. — 1993. — 20—26 авг.; Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 410—411.

⁴⁹ С. Юшенков позднее рассказывал, что в сентябре не хватало подписей 60 депутатов. Эти депутаты были найдены, но запросили за свои подписи московские квартиры и материальную компенсацию. Предложение представили Филатову, он, вероятно, проконсультировался с президентом и отклонил такую комбинацию. На том этапе, видимо, либо было сочтено, что она безнравственна,

либо запрошенная цена показалась чрезмерной (Независимая газ. — 2001. — 13 окт.).

⁵⁰ Запись дискуссии на теоретико-практическом семинаре «Демократические организации в преддверии выборов». 28.08.1993. — Архив автора.

⁵¹ Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 13—55. Представляя эти документы, С. Филатов сказал, что они известны собравшимся, так как обсуждались на различных этапах КС, но не упомянул, что они тогда вызвали афронт в большинстве групп (С. 16). На этом заседании был зарегистрирован 131 участник КС (в том числе 96 представителей партий, общественных организаций, профсоюзов и конфессий) из 251 по списочному составу (52%) (информация о регистрации участников КС 25.09.1993 г. по состоянию на 10:15. — Архив автора).

⁵² Президент уже далеко вышел за границы конституционного поля. И все же он не забыл, как в апреле наткнулся на нормы закона о референдуме и последовавшие решения Конституционного суда, которые обесценили ответ на главный для него вопрос — о досрочных перевыборах депутатов. Он осмотрительно не назвал предстоящее голосование референдумом, хотя заложенные в указе и положении условия (в случае поддержки проекта более чем 50% избирателей, принявших участие в голосовании, он вступал в силу) делали его, конечно, референдумным (Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 58, 66).

⁵³ Поправки к проекту Конституции РФ, подготовленные редакционной группой Общественной палаты КС. 30.10.1993. — Архив автора. Правда, некоторые существенные предложения, высказанные на заседаниях Общественной палаты, к 30 октября уже были реализованы в проекте.

⁵⁴ Конституционное совещание... — Т. 20. — С. 44—104.

⁵⁵ По мнению С. Алексеева, в Конституцию были введены «просоветские моменты», «социал-демократическое видение», представленное «социальным государством», большинством голосов зафиксирован «во многом теоретический, в чем-то даже идеологический характер» документа, который стал не «Конституцией человека», а «Конституцией мировоззрений и идеологий» (Там же. — Т. 18. — С. 77—79).

⁵⁶ Там же. — Т. 18. — С. 79—80, 83—86.

⁵⁷ Там же. — Т. 20. — С. 170.

⁵⁸ Какое смятение царило в этом вопросе, можно оценить, сопоставив разные высказывания А. Собчака. Отвечая одному из членов Общественной палаты, тревожившемуся, что возможный провал Конституции породит «тот же самый кошмар и маразм этого безвластия, бесконституционного существования, которое мы переживали последние месяцы», он говорил: в этом случае «Федеральное собрание преобразовывается в Учредительное и вынуждено будет принимать Конституцию и ничем другим не будет заниматься, пока оно не примет новую Конституцию. Другого варианта просто не дано». Однако менее чем через час

Собчак пришел к иной точке зрения: Федеральное собрание монолитным не будет, обсуждать новый проект Конституции оно станет «год, два, сколько угодно». А ведь ему надо заниматься текущим законодательством, утверждать бюджет, назначать правительство и т. д. Поэтому президенту придется на следующий же день объявить выборы в Учредительное собрание, «а Федеральное собрание будет функционировать как высший орган государственной власти. Вот и все. Другой вариант трудно придумать» (Там же. — Т. 19. — С. 163—164, 176).

⁵⁹ Анализ основан на сопоставлении текстов проекта Конституции, одобренного КС 12.07.1993 (Конституционное совещание... — Т. 17. — С. 359—412), утвержденного на всенародном голосовании 12.12.1993 (Там же. — Т. 20. — С. 545—589) и сводной таблицы поправок к проекту Конституции РФ, поступивших после 12 июля 1993 г. и принятых рабочей комиссией. 30.10.1993. — Архив автора.

⁶⁰ Само включение «иных договоров» в этот текст имело скрытый смысл, как бы подчеркивая, что Федеративный договор — не исключительный вид договоров.

⁶¹ Можно сопоставить, например, Обращение ВС Республики Коми к КС и президенту РФ в защиту договора как «акта общего согласия» (27.10.1993) с Заявлением Комитета возрождения коми народа, призвавшего «не допустить надругательства над суверенной республикой» и «строить в дальнейшем отношения Республики Коми с Российским центром на договорной основе» (25.10.1993). — Архив автора.

⁶² Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 100—103.

⁶³ Запись интервью с С. А. Филатовым. 29.06.2004. — Архив автора.

⁶⁴ «Что мы сейчас фактически обсуждаем? — говорил Марк Масарский. — Как бы не обидеть региональные элиты. Да, обидим. Да, они будут голосовать против всей этой Конституции... Советская власть — это то, что им нужно. Поэтому здесь уже в договор с дьяволом не надо вступать. Вступая в договор с дьяволом, мы закладываем основы маленьких агрессивных государств... Для меня лучше, если будет один большой дракон, чем 88 драконов. Один большой дракон, ограниченный намордником в виде Конституции...» (Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 111).

⁶⁵ Там же. — Т. 18 — С. 128.

⁶⁶ Там же. — С. 118—119.

⁶⁷ Там же. — С. 181—183; Т. 19. — С. 141—142. По мнению известного итальянского конституционалиста А. Ла Перголы, основания для отрешения президента от должности следовало изложить более подробно, чтобы органы судебной власти не могли давать им расширительное толкование (Рос. газ. — 1993. — 10 дек.).

⁶⁸ Шестая сессия ВС РФ. Бюллетень № 44... — Ч. 1. — С. 7—19. Чтобы оценить разнузданность, царившую тогда в ВС, достаточно напомнить, что быв-

ший космонавт Севастьянов обвинил Шапошникова в «предательстве интересов страны» на том основании, что в августе 1991 г. тот не поддержал путчистов.

⁶⁹ Формально назначение премьера требует согласия обеих сторон. Но прав И. Шаблинский: хотя президент — не самодержец и все назначения на высшие должности в государстве — предмет согласования с парламентом, возможности политического торга у Думы жестко ограничены (*Шаблинский И.* Указ. соч. — С. 219).

⁷⁰ Конституционное совещание... — Т. 19. — С. 148—149. Свой вариант предложила Общественная палата КС: совмещение обязанностей депутата и члена правительства «противоречит ряду принципов и норм проекта Конституции РФ, одобренного КС 12 июля 1993 г., что, однако, не является препятствием для участия членов правительства в предстоящих выборах». Иными словами, уйдете после выборов в правительство — передайте мандат следующему по списку (Рекомендации Общественной палаты КС «О проведении выборов в Федеральное Собрание». 23.10.1993. — Архив автора).

⁷¹ В июльском проекте значилось, что все федеральные и иные органы государственной власти и местного самоуправления сохраняют свои полномочия (в части, не противоречащей принятой Конституции), а следовательно, за депутатами останутся права и привилегии (зарплата, квартиры в Москве и республиканских, областных центрах и пр.) до окончания срока их полномочий.

⁷² Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 14.

⁷³ На этот период апрельский и июльский проекты закладывали довольно искусственную конструкцию: Государственной думой становился ВС в том составе, в каком его должно было застичь вступление Конституции в силу, а Советом Федерации — собранный воедино корпус руководителей законодательной и исполнительной власти в субъектах Федерации.

⁷⁴ Закон о Конституционном Суде РСФСР // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1991. — № 30. — 25 июля. — Ст. 1017.

⁷⁵ Конституционное совещание... — Т. 20. — С. 457—467. Не все рекомендации Комиссии конституционного арбитража были реализованы в тексте Конституции.

⁷⁶ Там же. — С. 471.

⁷⁷ «Председатель этой хитрой комиссии Сергей Филатов олицетворяет собой еще и какой-то совсем особенный орган, функционирующий автономно от самой комиссии», — писал в те дни зоркий журналист Леонид Никитинский (*Известия.* — 1993. — 26 окт.). Это положение Филатова определялось тем, что он, по-видимому, единственный, имел тогда регулярный доступ по вопросам Конституции в инстанцию, где после рассмотрения всех доводов принимались уже не подлежащие пересмотру решения, — к президенту.

⁷⁸ Факсимильный экземпляр с правкой Ельцина см.: Конституционное совещание... — Т. 20. — С. 473—543.

⁷⁹ Мотивы столь резкой перемены в намерениях президента объяснил Филатов: «Нам надо выбирать Совет Федерации. Причина, по-моему, совершенно очевидная. Тот Совет Федерации, который предполагалось создать как бы на переходный период из должностных лиц, он фактически развалился, потому что начали разваливаться фактически наши Советы. Вы знаете, одни распустились, другие лишились кворума и стали неспособными работать, третьи лишились своих лидеров, поскольку многие из них сейчас подают в отставку, четвертые себя дискредитировали...» (Там же. — Т. 18. — С. 72).

⁸⁰ Возможно, это решение президент принял под влиянием встречи с главами исполнительной власти субъектов Федерации, состоявшейся 3 ноября. Благоприятное отношение Ельцина к СФ по сравнению с ГД (к перспективе избрания которой, видимо, подходили с некоторой опаской) было продемонстрировано еще одной записью в переходных положениях, появившейся после 30 октября: «Первое заседание Совета Федерации открывает Президент Российской Федерации».

⁸¹ Выступление на заседании рабочей комиссии по доработке проекта Конституции РФ 18.10.1993 (Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 87—89). Принятое президентом 15 октября решение о назначении голосования по проекту Конституции еще казалось допускающим варианты — в частности, голосование лишь по основным положениям Конституции.

⁸² О позиции С. С. Алексеева см. с. 457.

⁸³ С. С. Алексеев и М. А. Нахапетов предлагали «отказаться от компромиссов» июльского проекта, а на референдум вынести принципиальные положения новой Конституции (Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 77—80, 85—87).

⁸⁴ Моск. новости. — 1993. — 14 нояб.

⁸⁵ Независимая газ. — 1993. — 9 дек. Статья опубликована за три дня до голосования по Конституции. Абзац, выделенный курсивом, был снят редакцией перед набором статьи.

⁸⁶ См.: Явлинский Г. А. Десять лет... — С. 188—189, 195—196, 199—200.

⁸⁷ Моск. новости. — 2003. — 9—15 дек.

⁸⁸ Reddaway P., Glinsky D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism against Democracy. — Washington, 2001. — P. 633.

⁸⁹ Remington T. F. Politics in Russia. — New York, 1999. — P. 46, 222.

⁹⁰ Colton T. J., McFaul M. Are Russians undemocratic? // Working Papers of Carnegie Endowment. — 2001. — № 20. — June. — P. 3—4.

⁹¹ Urban G. R. End of Empire: The Demise of the Soviet Union. — Washington, 1993. — P. 127.

⁹² McFaul M. Russia's Unfinished Revolution. — Ithaka; London, 2001. — P. 208—209, 340—341, 364—365.

глава 22

Крушение российского парламента

Гарантия мира: закопать томагавк войны вместе с врагом.

Станислав Ежи Лец

Я ВСПОМИНАЮ...

В понедельник, 20 сентября, наша парламентская делегация вылетела в Брюссель. Это был один из первых визитов российских депутатов по приглашению НАТО. В московском воздухе висела тревога, но возгласы «Волки! Волки!» раздавались столь часто, что мы к ним начали привыкать. Встречи и дискуссии начались на следующий день. Резиденция и штаб-квартира военной организации, которой много лет у нас только что не стращали детей, наши встречи с высшим военным руководством и тогдашним генеральным секретарем НАТО Манфредом Вернером, общая доброжелательная атмосфера — все это производило умиротворяющее впечатление. Приземистое здание, которое издали можно было бы принять за супермаркет, если бы на флагштоках не развевались флаги государств — членов организации, и насыпной бункер, выглядевший как катальная горка, — и это центр, где чуть не полвека разрабатывались, твердили нам, зловещие планы против нашей страны! Таков был первый, но не главный контраст, который преподнес этот день.

В 6 часов вечера по средневропейскому времени нас повели на экскурсию по Брюсселю. На блистательной Гран плас мы уже побывали накануне ночью. Углубившись в переулочки средневекового города, мы, конечно, не подозревали, что именно в этот час — в восемь по Москве — подводится черта под недолгой историей нашего парламента, с которым было связано столько же надежд, сколько и разочарований. Часа через три делегацию привезли в российское посольство. Посол Николай Афанасьевский был приветлив и деланно спокоен: «Сначала вам надо подкрепиться, слишком потрясающи новости...». Он деликатно оставил нас одних. Новости действительно были сногшибательны. Когда на экране телевизора промелькнуло плохо записанное выступление Ельцина, представлявшего указ № 1400, мы решили: надо немедленно возвращаться в Москву. Это оказалось не так просто. Прямого сообщения с Брюсселем тогда не было. Сменить оплаченный заранее рейс западной компании нам, конечно, было не на что. Доставленный в посольство представитель «Аэрофлота» мог на следующий день утром отправить нас в Вену, но все места оттуда на Москву были забронированы, поэтому мы могли вернуться домой не раньше 23 сентября. Следующий день запомнился плохо. Главным занятием было ловить информацию из Москвы, которая была скудной, но тревоги не внушала.

В аэропорту Вены нас встретил российский представитель в международных организациях, квартировавших в австрийской столице, наш коллега по Съезду Юрий Зайцев. От него я узнал, что в Шереметьево будет послана машина, которая сразу же отвезет меня в Кремль: срочно востребован избирательный закон, над которым наша группа работала уже несколько месяцев. Машина (из президентского гаража, так как гараж Верховного Совета был опечатан) действительно ждала, но миновать пограничный контроль удалось не сразу: служащие аэропорта объяснили нам, что уже два дня мы не депутаты и проход через зал VIP для нас закрыт.

Когда вечером я добрался до Кремля, выяснилось, что Положение о выборах в Государственную думу, наскоро скроенное в президентском ГПУ из нашего проекта избирательного закона, уже передано в печать, но в него можно внести уточнения, чем и надлежит срочно заняться с завтрашнего утра. И еще я узнал, что в 10 вечера в Белом доме открывается внеочередной Съезд. Настроение руководителей президентской администрации показалось мне скорее эйфорическим, нежели тревожным. Мне вручили копию только что подписанного указа, в котором за депутатами, подчинившимися указу о роспуске парламента, были оговорены всевозможные блага. Мои собеседники были убеждены, что это — бомба под открывавшийся Съезд («сейчас они оттуда побегут»). Как будто начисто был позабыт эпизод, когда с треском провалилась аналогичная затея на VIII Съезде... Я попросил машину: хочу посмотреть, что происходит в Белом доме. «Машину, конечно, мы можем дать, но вам туда ехать не надо, — сказал Вячеслав Волков, один из заместителей главы президентской администрации. — Во-первых, вас там сразу регистрируют (у них проблема с кворумом), а во-вторых, вы слишком узнаваемы — вас побьют граждане, собравшиеся возле Белого дома». Это уже был вызов элементарному самоуважению: может ли поведение российского депутата определять шпана?!

Возле Белого дома горели костры и собирались кучки людей, но в темноте сентябрьской ночи я беспрепятственно вошел в здание. О том, что происходило в первые часы открывшегося вскоре собрания, назвавшего себя X Съездом, речь пойдет чуть ниже. Здесь же — только о самом общем, но очень сильном впечатлении. Еще утром автобус катил нас в аэропорт узкими улочками жившего размеренной жизнью Брюсселя. Сказать, что к ночи я попал на митинг, значит, не сказать почти ничего. Здесь царила исступленная коллективная истерия. Казалось, физически можно было ощутить прокатывавшиеся по залу волны ненависти, отчаянной решимости сокрушить, как казалось ораторам, наконец-то свалившегося в западню ненавистного врага. Я наблюдал все это несколько отстраненно и, войдя в роль хроникера, привычно записывал то, что происходило в эти часы агонии СНГ. Но стрелка часов неумолимо двигалась ко времени закрытия метро. Не было уверенности, что меня ждет оставленная в одном из близлежащих дворов машина, денег на такси у меня не было, а перспектива топать домой пешком через спящий город вовсе не казалась романтической. Когда я выходил из зала, услышал чье-то шипение: вот отправился докладывать в Кремль. Никогда больше не довелось мне переступить порог этого здания: не хотелось, да и особой нужды не было...

ВЗГЛЯД ИЗ 1993 года

ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ¹

— Виктор Леонидович, вы один из авторов законопроекта о выборах в парламент. Принятие закона по этому вопросу, по-видимому, рано или поздно должно стать приоритетной задачей для сил, которые стремятся к досрочному переизбранию депутатского корпуса. Однако до сих пор этого не произошло. В чем, по-вашему, причина этого?

— К ответу на ваш вопрос я попробую подойти издалека. Представление о том, что в России нет более важной задачи, нежели принятие новой Конституции, на мой взгляд, — одно из проявлений мифологизации общественного сознания. Примем Конституцию — заживем хорошо... Конечно, надо завершить конституционный процесс, который идет вразвалочку уже три года, чтобы подвести черту под спором тех, кто хочет видеть Россию цивилизованным государством европейского типа, с теми, кто, как, например, бывший диссидент Александр Зиновьев, толкует об особом пути России, соборности или советской власти, которой у нас, к слову, никогда не было. Но форсирование конституционного процесса с апреля этого года для президентской команды, как я понимаю, стало средством решения прагматической задачи — разрешения острого политического кризиса путем обновления депутатского корпуса в ходе новых выборов. Причудливым образом, однако, на первый план в мае—июле вышло то, что являлось средством. Принятие новой Конституции становится самоцелью. Я очень боюсь, что на этом пути нас ожидает немало разочарований. Была сформулирована задача — добиться принятия Конституции быстро, надежно и легитимно. Боюсь, что добиться такого сочетания будет трудно.

— *Что же такого сложного в этом процессе? Ведь Конституционное совещание вроде бы движется хорошо организованным строем...*

— В том-то и дело, что Конституционное совещание выполнило пока важную, но самую простую часть работы: подготовило довольно приличный проект Конституции, во многих отношениях превосходящий не только первоначальный проект, заявленный от имени президента, но и значительно более взвешенный проект Конституционной комиссии. Но на пленарном заседании Конституционного совещания 12 июля были в очередной раз лишь обозначены две действительно ключевые проблемы: порядок принятия новой Конституции и закон о выбо-

рах. У меня создается впечатление, что мы просто отодвигаем проблему, решения которой еще не знаем.

— *Но, может быть, существуют хотя бы какие-то подходы к ее решению?*

— Можно представить четыре возможных сценария дальнейшего развития конституционной реформы. Первый вариант. Принимаем Конституцию на Съезде или референдуме. Естественно, после этого нынешний депутатский корпус прекращает свое существование, проводятся новые выборы, и мы начинаем жить по новой Конституции. К сожалению, такое развитие событий маловероятно. Ведь почти на каждом заседании Верховный Совет не устает демонстрировать в самой непристойной форме враждебность курсу реформ и его носителям.

Второй вариант. Принять Конституцию в целом не удастся. И тогда Съезд или референдум принимает основной конституционный закон, где решается только главная проблема — замены нынешней абсурдной двухступенчатой структуры Съезд — Верховный Совет профессиональным парламентом, работающим на постоянной основе. То есть дается ответ на вопрос, КУДА выбирать. Это можно принять либо конституционным законом, либо изменением действующей Конституции. И плюс к этому принимается, естественно, закон о выборах. Затем проводятся выборы, собирается новый парламент. И он уже принимает новую Конституцию. Однако и этот сценарий может разбиться о нежелание нынешнего депутатского корпуса уходить со сцены.

Третий вариант. Не удастся сделать ни то, ни другое. И тогда, помытарившись некоторое время со Съездом, президент обращается к народу и говорит: «Вот видите, я пытался решить вопрос по букве действующей Конституции. Я не узурпирую власть, я обращаюсь к народу — давайте проведем выборы». На основании указа президента избирается профессиональный двухпалатный парламент, который решает и конституционный вопрос. Конечно, этот вариант сомнителен с точки зрения ле-

гитимности новой системы власти. Мало кто вступится за депутатский корпус, большинство которого немало сделало, чтобы дискредитировать и парламент, и, увы, парламентаризм. Опасность этого варианта не в том, что народ, смешно сказать, встанет стеной за обиженных лидеров Фронта национального спасения, а в том, что он может подтолкнуть цепную реакцию распада государства, самовольных действий субъектов Федерации.

Наконец, четвертый вариант, который в принципе отличается от всех трех предыдущих в большей степени, чем эти три друг от друга: все остается как есть. Противостояние властей сохраняется вплоть до весны 1995 года или до того, как сам Съезд решит, что час его пробил. Но это означает, что общество будет жить в условиях постоянного напряжения, постоянных конфликтов, постоянного одергивания исполнительной власти со стороны законодательной, той войны и с президентом, и с собственным меньшинством, которую фактически ведет сейчас большинство в Верховном Совете, совершенно потерявшее всякое чувство реальности.

Сколько ни мало реальны первые три варианта, но когда я сопоставляю их с четвертым, я думаю, что все-таки один из трех скорее всего осуществится, хотим мы этого или нет. А если это так, то проблема выборов выдвигается на первый план. Политический кризис вряд ли разрешим, пока нынешний депутатский корпус не будет заменен другими людьми. Поэтому в декабре 1992 года мы, группа депутатов и экспертов, решили, что всё, баста, больше затягивать с подготовкой нового избирательного закона уже нельзя.

— Многие упрекают президента за то, что он из тех четырех сценарных вариантов, которые вы изложили, не избрал третьего в апреле. Каково ваше отношение к некой нерешительности президента? И в этой связи, может быть, вы раскроете секрет, каким образом получилось так, что заветная мечта президентской команды избавиться от нынешнего кор-

пуса депутатов неожиданно оказалась подмененной достаточно абстрактной идеей об абсолютной приоритетности Конституции?

— Как вы понимаете, я могу высказывать лишь предположения. По-видимому, есть и объективные, и субъективные причины. Субъективные причины связаны с теми резкими поворотами, которые с некоторых пор отмечаются в поведении президента. Я подробно анализировал виражи в действиях президента между серединой ноября и концом VII Съезда. Всего за один месяц он совершил пять достаточно резких переходов от одной позиции к другой. К моему величайшему сожалению, именно это бросание из одной крайности в другую приводило к тому, что угрозы, с которыми выступал президент, не пугали его противников, а те уступки, пряники, которые он им выдавал, расценивались как недостаточные. Это, по-видимому, связано и со сменой настроений президента, и с качеством того окружения, которое ему дает рекомендации. Объективные причины — это опасности, которые связаны с выходом за рамки конституционного поля. Ведь такой выход при всех дефектах и противоречиях действующей Конституции чрезвычайно опасен, все его последствия предсказать нельзя.

«ДВЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ»²

Недавно, выступая на одном совещании, я говорил, что в нынешней политической обстановке крайне обострились две невозможности.

Первая: длительное продолжение политического кризиса. Консервирование существующего положения дел недопустимо. Трудно представить, что общественное напряжение, противостояние различных ветвей власти может продолжаться до истечения срока полномочий парламента, то есть до марта 1995 года. Вторая невозможность: выйти из этого кризиса надо не просто конституционным путем, но и таким образом, чтобы не разрушить Россию, ее целостность, федеративное устройство.

Лучше все-таки держаться в пределах легитимного конституционного поля, заданного действующей Конституцией. Я не разделяю позицию моих коллег, считающих, что сталинско-брежневскую Конституцию пора выбросить на свалку и руководствоваться волей народа, выраженной на апрельском референдуме. Мне кажется, это очень опасное суждение. Я историк по образованию и знаю, что в истории иные благотворные перемены осуществлялись далеко не всегда конституционным путем, а потому не считаю себя абсолютным противником всяких революционных действий. Однако нельзя забывать, что все прежние революции совершались в доатомную эпоху.

Вторая: далеко не уверен, что революционные действия могут оказаться успешными. Допустим, Президент выходит за рамки конституционной легальности. Как себя поведут регионы? Как себя поведут силовые структуры? Не приведет ли это к распаду России?

Допустим, революционные действия принесут положительный результат. То есть создадим прецедент. В таком случае что помешает на очередном витке политического кризиса уже другому лидеру сделать то же самое, но отнюдь не с благими намерениями?

Когда проводить выборы? Если бы не поджимало время и не было такого напряжения в обществе, то я бы ответил так: сопротивление депутатов новому избирательному закону будет ослабевать по мере приближения срока истечения их полномочий. Думаю, что депутаты не очень возражали бы, если бы выборы были назначены не на март 1995 года, а, скажем, на декабрь 1994 года.

Осень 1993 года — абсолютно нереальное время для выборов. Даже в проекте избирательного закона, подготовленного группой специалистов под моим руководством, говорится, что досрочные выборы проводятся не ранее 135 и не позднее 142 дней после принятия решения о досрочном прекращении полномочий.

«ИДТИ НА ВЫБОРЫ»³

Примерно год назад мы, группа депутатов, создали фракцию «Согласие ради прогресса». И все это время пытались построить мосты между парламентом и исполнительной властью. Не получилось. Значит ли это, что мы избрали неверный путь?

До последнего времени я выступал за выборы парламента. Мне представлялось, что одновременные выборы президента и Верховного Совета по ряду причин нерациональны. Но сегодня ситуация изменилась. И изменилась не так, как хотела наша фракция, не так, как хотел я. Я не одобряю тех действий, которые предприняты 21 сентября. Но коль скоро эти действия предприняты, необходимо исходить из реальности. Реальность же заключается в том, что общество нуждается прежде всего в мирном, цивилизованном выходе из кризиса. Мирный выход — это выборы. Но без согласия президента одновременные выборы невозможны. И всякого рода попытки навязать их силой только усилят дестабилизацию.

Мне не хотелось бы присоединяться к той травле, которая ведется средствами массовой информации по отношению к депутатам, продолжающим заседать в Белом доме. Побежденные должны уйти, чтобы не множить ожесточение. Но кто бы ни были эти люди и как бы ни были остры наши политические разногласия, победители должны быть, во-первых, великодушными — это необходимое условие. И, во-вторых, должны понимать, что победа пока весьма относительна, ей еще предстоит испытание выборами. Их подготовка — главное дело ближайших месяцев. А участие в них, может быть, главная сегодня обязанность гражданина.

В политике я не индифферентный человек и буду стараться, чтобы победы добились демократические силы. Но эта победа должна быть честной и очевидной, а не достигаться путем травли или с помощью не слишком достойных средств вроде отключения электричества. Да, наш парламент завершает работу бессмысленными и бездарными решениями, лишая депу-

татских полномочий тех, кто не явился на сентябрьский Съезд или просто работает представителем президента. Но нужно отделять людей, которые принимают подобные решения в силу своих политических убеждений или просто охватившего их азарта, от тех, кто откровенно бандитствует. Если к действиям первых в демократическом обществе надо проявлять и уважение, и понимание, то г-н Терехов, безусловно, должен предстать перед судом. И ответить не только за вооруженное нападение на военный объект, но и за давно уже предпринимаемые им попытки перевести ожесточенный, но мирный спор в русло бандитизма.

Наверно, многие из депутатов не одобряют действий г-на Терехова. Но есть такое понятие — политическая ответственность. Наша фракция, и я в том числе, в известном смысле оказались заложниками действий президента, предпринятых им 21 сентября. Но мы, безусловно, несем за них ответственность. И точно так же люди, которые сидят сегодня в Белом доме, несут политическую ответственность за попытки перевести политическую борьбу в уголовщину. Но я решительным образом возражаю против совокупной юридической ответственности. Личную причастность Хасбулатова и Руцкого к трагедии на Ленинградском проспекте должны определить следствие и суд. Нельзя поддаваться желанию винить всех скопом. Возможно, кто-то отдавал приказ, а может, это была инициатива «полевого командира» Терехова. Политическую же ответственность несут все, кто сегодня противостоят выборам. Не указу президента, потому что этот документ в некоторых отношениях весьма сомнителен, но предложенному в нем пути для разрешения кризиса. <...>

Можно сожалеть о рискованных действиях президента, но отказываться сегодня от выборов — это выводить противостояние властей из кабинетов на улицы. Я бы посоветовал депутатам признать реальность, выйти из Белого дома и включиться в избирательную борьбу. Пусть судьей в затянувшемся конфликте станет народ, который сам решит, кто ему милее

у власти. И чем скорее это произойдет, тем быстрее будет восстановлен в стране парламентаризм и парламент.

ПОСТСКРИПТУМ

Как вскоре выяснилось, быстро, надежно и легитимно преодолеть острый политический кризис не удалось. Эти условия можно было выдвигать в теоретической схеме, но в жизни они оказались несочетаемы. Схема четырех сценариев тоже была абстрактной. Первый и второй сценарии допускали такую степень даже не понимания вещей, но чувства политического самосохранения депутатского корпуса, простирающегося чуть дальше желания досидеть до конца срока, какой не было. Собственно, о малой вероятности этих вариантов я и сказал в интервью. Четвертый вариант тоже оказался неосуществим. Возможно, это было наименьшее зло. Но даже если бы Ельцин не пошел на разрыв в сентябре, логика вещей — которая, как известно, сильнее логики человеческих намерений — все равно предопределила бы скорее всего сползание к третьему варианту. Но мог ли он пройти в ином, скажем, более смягченном виде?

Роспуск парламента по президентскому указу кардинально изменил ситуацию. Компромиссное решение, которое я отстаивал, уже не могло быть таким, как прежде. Как видно, я не был приверженцем предлагавшегося рядом известных политиков «нулевого варианта» — возвращения к положению, существовавшему до 21 сентября, и проведения одновременных перевыборов парламента и президента. После того, как Ельцин перешел свой Рубикон, это было уже нереально. Но мне казалось, что трагический разворот событий еще не был неотвратим: своим противникам президент предложил не худший выбор — выборы. Не безоговорочную капитуляцию, не ликвидацию парламента как института, не установление военной диктатуры хотя бы на время. Лидерам оппозиции надо было осознать, что и для них в создавшейся ситуации это был далеко не худший выход. Но их способность принять разумное решение, не говоря уж об осозна-

нии ответственности, я, к сожалению, переоценил. Знаменательно, что написанный в конце сентября этот мой комментарий вышел в свет 3 октября, когда изменить что-либо стало уже невозможно.

НАКАНУНЕ

Указ № 1400, запоминающийся «круглый» номер которого был подобран нарочито, и последовавшие за ним шаги президента и его команды были третьей — вслед за декабрем 1992 г. и мартом 1993 г. — попыткой Ельцина односторонне покончить со сковывавшим его действия парламентом. На этот раз попытка была доведена до конца. Своих намерений, как мы видели, президент не скрывал. Было объявлено даже время — сентябрь, так что события, разворачивавшиеся в течение месяца-полутора после возвращения Ельцина с Валдая и появления на людях, по справедливости можно назвать «хроникой объявленной смерти» российского парламента образца 1990 г. Тем не менее шаг президента производил впечатление некоей неожиданности, спонтанности.

Получила хождение версия, что последним камешком на чашу колебавшихся весов было публичное оскорбление, нанесенное президенту Хасбулатовым 18 сентября. Зная ранимость самолюбивой натуры Ельцина, можно представить, какие чувства вызвала у него хулиганская выходка. Но к тому времени все уже было решено. Опубликованы воспоминания и самого президента, и его ближайших сотрудников, сопоставление которых позволяет проследить по дням или даже по часам приближение неумолимо надвигавшегося удара⁴. Из «двух невозможностей», о которых я говорил в начале сентября, Ельцин к тому времени выбор уже сделал. Ключ зажигания был повернут, но машина еще не тронулась с места. Поэтому даже ближайшим сотрудникам президента, не говоря уж о тех, кто находился на политической периферии, могло казаться, что президент, как он это делал прежде не раз,

продолжает вести игру на двух досках, еще не решив окончательно, на какой из них будет ее завершать. В принятое решение он посвящал людей из своего окружения строго секретно, выборочно, через короткие паузы. Одни из них уже приводили указ, собственноручно написанный Ельциным (и хранящийся в никому, кроме самого президента, недоступном сейфе), в юридически приемлемую форму. Другие продолжали проверять, нельзя ли все-таки продвинуть конституционный процесс через КК, ВС и Съезд и как-то договориться с депутатами по экономическим вопросам: ведь распорядился же патрон в сентябре создать рабочую группу КК для доработки проекта Конституции, подготовленного на КС.

Вот как развивались события. 6 сентября у Румянцева собирается группа депутатов из разных фракций. Рассматривается подготовленный им проект постановления о мерах по обеспечению согласованной конституционной реформы. В центре обсуждения — перспектива создания на паритетной основе рабочей группы для совмещения двух проектов Конституции — КК и КС. Предлагается и альтернативный вариант — одновременные пере-выборы парламента и президента осенью 1994 г. В совещании принимают участие Батурин (задание по доводке текста, который станет указом № 1400, он получит через два-три дня) и Котенков. Посланцы президента заявляют, что досрочные выборы устроят его, если они будут назначены на ближайшее время, а рабочую группу создать можно. Ее первые шаги покажут, каков уровень согласия. Если оно возможно — хорошо, если нет — «будем искать другие пути». На этой не слишком обнадеживающей ноте встреча заканчивается. Ее назначение, подчеркивают гости, — консультации. Но дверь не захлопнута: против проекта, предложенного Румянцевым, возражений нет, «мы доложим, а там — какова будет монаршья воля»⁵.

10, 14 и 15 сентября проходят новые совещания рабочей группы КК. Споры — в свете приближающихся событий — по пустякам: как записать оценку проекта КС, насколько компе-

тентны оценки новопривлеченного Румянцевым эксперта и т. п. Руль переходит от Румянцева к Рябову. Тот уже перевербован окончательно, но об указе узнает из ТВ, когда придет срок. Поэтому порученную работу ведет на полном серьезе⁶.

Едва ли просто пытался отвлечь внимание от готовящегося прорыва Филатов, когда в начале сентября передал мне проект закона о внесении изменений в действовавшую Конституцию. Этот пространный документ, подготовленный, вероятно, в Государственном правовом управлении, представлял собой развитие «Основных положений...», обсуждавшихся на КС. Он предусматривал коренную перестройку органов федеральной государственной власти (в том числе ликвидацию Съезда), как это было записано в конституционном проекте, одобренном на КС⁷. Предполагалось, что этот проект будет вынесен на предстоящий Съезд группой депутатов в противовес проекту, заготовленному в комитете Исакова.

16 сентября на встречу с депутатами приходят лидеры правительства. Докладывает Черномырдин. Он только что вернулся из США. Перед этим было опубликовано его интервью, пересыпанное неподражаемыми изречениями⁸. Теперь он уже в курсе предстоящих событий, перед депутатскими наскоками держится уверенно. Тема инфляции подается категорически: нас подталкивают к решениям, аналогичным тем, которые были приняты в августе прошлого года. Это преступный путь; инвестиции будут, если не сорвемся в инфляцию... О политике: выборы будут на основе нового избирательного закона... О Курилах: Бурбулис? Такого не знаю... О противостоянии властей: вред ужасный. Нельзя так жить дальше. Не противостоять, а впрягаться в общую телегу... и т. п.⁹

В рассказах о том, как принимали известие об окончательном разрыве с парламентом лица, которых Ельцин избрал своими конфидентами, наблюдается любопытное разночтение. В изложении самого президента люди, которых он около 7—9 сентября стал посвящать в свой план: помощники, силовые министры, глава правительства, члены Президентского совета,

Совбеза принимали его намерение с пониманием, некоторые даже с облегчением. И хотя он роняет: «Я ждал от них большей поддержки», его не покидает ощущение свободы, которое дает наконец-то принятое трудное решение: «Принципиальный выбор мною сделан. Больше такого парламента в России не будет»¹⁰.

Из воспоминаний других участников кремлевской подготовки мы узнаем, что многих из них обуревали сомнения — во всяком случае, по поводу сроков намечаемого крутого поворота, его подготовленности. «Мне казалось, что требуется время на хорошую подготовку этой акции, — рассказывает Филатов. — Необходимо было иметь план действий, предварительно поработать с депутатами... Я поделился своими сомнениями с Черномырдиным, с Ериным и Галушко и нашел у них понимание. Непримирым был, пожалуй, один министр иностранных дел Козырев»¹¹. 18 сентября в правительство в ранге вице-премьера был возвращен Гайдар. По его словам, только в этот день он узнал о принятом решении. Само назначение Гайдара, конечно, было открытым объявлением войны Верховному Совету. Но выбранный для окончательного разрыва момент он счел «...на редкость неподходящим... С моей точки зрения, полезнее повременить, поддержать команду Хасбулатова в напряжении, заставить нервничать». Гайдар добивался встречи с Ельциным 20 сентября, накануне «дня X», но, представляя его позицию, президент решил не осложнять себе жизнь в эти напряженные дни. «Тяжелые предчувствия... неминуемого поражения», сообщает Гайдар, мучили и Шахрая¹². И даже внутри группы, которой предстояло вскоре играть довольно зловещую роль «теневого кабинета» при Ельцине, не было полной уверенности в успехе: в «Записках президента» рассказывается, как вечером 19 сентября на президентской даче в узком кругу Барсуков возбужденно пенял Грачеву: операция не подготовлена¹³.

Можно сказать, что в эти сентябрьские дни главным двигателем уже запущенного механизма была железная воля Ельцина. Президент оказался перед неразрешимым противоречием. Он

предписал всю подготовку вести в строжайшем секрете. Так оно и было вначале: работа над указом, рассказывают его помощники, велась по безбумажной технологии, на портативном, изолированном от общей сети компьютере. Для ознакомления тех, кого президент считал нужным приобщить к работе, текст распечатывался в одном экземпляре, а после внесения правки уничтожался¹⁴. Все это было, конечно, весьма предусмотрительно. Но по мере расширения круга привлекаемых лиц — вплоть до членов коллегии силовых министерств — удержать информацию в секрете становилось довольно проблематично. Да и в самом аппарате президентской администрации, наскоро созданном вместо вышколенных служб ЦК КПСС, были лазутчики из враждебного лагеря¹⁵. Более тщательная подготовка, на которой настаивали приближенные президента, потребовала бы еще более увеличить число посвященных и сделала акцию, залогом успеха которой была неожиданность, совсем уж секретом Полишинеля.

Как ведет себя в этой ситуации ВС? Хасбулатов все более прибирает к рукам депутатов из прежнего «болота». Добивают комитет Митюкова (вернее, то, что от него осталось после выделения домена Исакову). Оттесняют Рябова от любых распорядительных функций (как прежде Филатова). Протестуют против изданного 1 сентября указа Ельцина, временно отстранившего от исполнения обязанностей Руцкого и Шумейко в связи с коррупционными скандалами, — направляют подготовленное Исаковым ходатайство в Конституционный суд (естественно, только в части, касающейся Руцкого)¹⁶.

Руцкой был козырной картой, почти даром доставшейся оппозиции. Карту эту безрассудно подбросил ей сам Ельцин: то и дело у него выигрывало отношение к людям, характерное для обкомовского стиля. В особенности к тем, кто по разным причинам терял его расположение. Конечно, Александр Владимирович, человек амбициозный, не обладавший опытом и терпением профессионального политика и быстро привыкший к знакам внимания, не был для него подарком. Однако он был также

человеком смелым, отзывчивым, доброжелательным. И в то же время — увлекающимся: нередко он не способен был оценить окружающих и сделать обдуманный выбор. Он вообще не был ни аналитиком, ни мыслителем и, по-моему, не держал таких в своем окружении. Но он отнюдь не был лишен чувства чести — в отличие от многих из того лагеря, к которому он теперь прибил. С ним можно было работать; я тесно сотрудничал с ним во время моих поездок в Карабах и Армению и сохранил, несмотря на все последующее, уважение к этому по-своему незаурядному человеку. Но Ельцин работать с такими людьми не умел и не хотел, а интриганы из оппозиции, расчетливо играя на уязвленных чувствах номинально (но только номинально!) второго человека в государстве, втягивали Руцкого в свои игры. В сущности он — по Конституции законный претендент на президентский пост в случае удаления с него Ельцина — был для них незаменим. Напрашивается параллель с ролью, на которую гэкачеписты выдвигали своего манекена, Янаева. Но Руцкой был совершенно иной фигурой и по человеческим качествам, и по имиджу. Во всех рейтингах он твердо занимал второе место, не сильно уступая Ельцину¹⁷. Однако к осени 1993 г. Руцкой после демонстративных пренебрежительных жестов Ельцина и всех возведенных на него напраслин был для президентской команды потерян безвозвратно. Его командирский голос влился в шумную кампанию, которую разворачивала непримиримая оппозиция.

Первый сбой в реализации президентского плана произошел, когда выяснилось, что намерения Ельцина противнику известны. Замысел был хитроумным: объявить о роспуске парламента в воскресенье, 19 сентября, когда Белый дом пуст, и на следующий день заблокировать в него вход. Надо полагать, что в Москве все равно нашелся бы зал для лишенных пристанища депутатов, но их действия были бы затруднены. Ответный ход был элементарным. 18 сентября Хасбулатов собрал многолюдное совещание депутатов разных уровней в Парламентском цен-

тре на Цветном бульваре, а на следующий день все они перебрались в Белый дом. Ельцину его сотрудники рекомендовали отложить операцию с тем, чтобы противник счел просочившуюся информацию ложной тревогой и расслабился. Но он согласился лишь на отсрочку в два дня, что, конечно, мало что меняло.

Между тем Хасбулатов и лидеры агрессивной оппозиции вели себя все более вызывающе. Казалось, они исходят из того, что президент загнан в угол. Трудно сказать, был ли это продуманный блеф или они всерьез уверовали в собственную недалекую победу. Спасти этот парламент от насильственного разгона мог бы лишь впечатляющий гамбит — заявленная и доказанная готовность идти на соглашение. Оно могло бы предусматривать некоторую коррекцию выработанного на КС конституционного проекта в пользу законодательной ветви власти (что было бы нелишнее), одновременные перевыборы депутатов и президента, возможно, еще кое-что. Правда, это надо было делать несколько раньше. Но, насколько мне известно, ни Хасбулатовым, ни лидерами агрессивной оппозиции такой вариант даже не рассматривался. Непрестанно твердили, что конфликт должен быть разрешен на основе действующей Конституции. Это не было выигрышно конъюнктурно-политически, ибо уважение к закону никогда не было в России существенной чертой ни народного менталитета, ни воззрений как интеллигентов, так и «образованцев». Это не давало и морального выигрыша на историческую перспективу, ибо все видели, какого толка политики отстаивают конституционную законность, и мало кто заблуждался относительно их истинных мотивов и намерений.

В эти же дни попытались сформулировать свою политическую позицию и довести ее до сведения президента демократы, не ослепленные ненавистью к парламенту. «Без глупостей, господа!» — предупреждал в начале сентября известный историк и политолог Григорий Водолазов. Да, у большинства населения ВС и его спикер вызывают «чувства, близкие к отвращению». Но «пока Конституция, законы не изменены — плачь, страдай, кусай ло-

кти, пальцы, но живи по этим законам. Иной вариант может вроде бы дать быстрый эффект, но зато потом бумерангом ударит по тем, кто счел революционно (или реформаторски) целесообразным, в благих целях прибегнуть к действиям, опирающимся не на закон, а на насилие»¹⁸. Водолазов не знал, когда писал эти строки, что бесповоротное решение уже принято. Не знали об этом и депутаты фракции «Согласие ради прогресса», которые в сентябре вели интенсивные консультации. Очевидно было, что опасность нелегитимного развития событий нарастает. Осенью, говорили участники этих обсуждений, или президентская команда совершит решительные шаги, которые скорее всего закончатся провалом, или на Съезде президент будет лишен реальной власти, а выборы 1995 г. Хасбулатов и его союзники проведут так, что выборы 1989—1990 гг. покажутся расцветом демократии. Исходя из этого была сформулирована двоякая задача. Во-первых, снова попытаться создать центристский блок, пытаясь оторвать от Руцкого его союзников, как ни трудна эта задача («среди демократов не видно иных сил, кроме очень радикальных»). Во-вторых, выйти на президента и, изложив ему наше видение ситуации, попытаться удержать его от необдуманных (или представлявшихся нам тогда таковыми) действий¹⁹.

Реализовать этот замысел мы не сумели. Было уже поздно, да и поставленная задача была нереалистична. Центристский блок в той ситуации создавать было не из кого: поляризация в обществе была слишком велика. Документ, который по поручению фракции стали готовить Евгений Кожокин, Владимир Лысенко и я, тоже не был закончен. Последняя дата, которая стоит на черновом варианте, — 19 сентября. Сейчас совершенно очевидно, что даже если бы наш меморандум был доведен до сведения президента, он никак не мог бы повлиять на ход событий — наш замысел был сродни попытке, раскинув руки, остановить обвал в горах.

И все же, перечитывая этот документ, можно заметить, что хотя наши прогнозы были, пожалуй, слишком тревожны и не во

всем подтвердились, многое было предсказано верно. И «сдвиг от относительно мирного хода событий к вооруженным схваткам». И колебания в правительстве, особенно в военном руководстве. И то, что «нет веских оснований полагать, что выборы, проведенные в подобных условиях, дадут парламент существенно лучше нынешнего, но тогда уже нельзя будет ссылаться на то, что он избран в другой стране». Мы опасались, что попытка силового решения спора может закончиться неудачей и тогда «мы лишимся не только тех позиций, которые имели, но и морального превосходства». Наконец, мы утверждали, что форсирование выборов «не подготовлено с точки зрения политической организации демократов (ее надо воссоздавать заново, раз не получилось на волне апрельской победы, когда эйфория, охватившая общество, могла заместить организацию)... Выборы нуждаются в очень тщательной подготовке, которой надо заниматься не дилетантски и не в виде вдохновенных импровизаций»²⁰.

Авторы меморандума, памятуя, кому он адресован, поставили под акцент доводы прагматического порядка. Но пытались они защитить относительно здравую позицию в момент, когда градус взаимного ожесточения поднялся очень высоко. Это была, конечно, позиция меньшинства в демократическом движении. Но сомнения в том, что избранный президентом путь верен, не обошли и его ближайших помощников, которые наблюдали развитие событий изнутри и располагали значительно более полной информацией. Среди них был Юрий Батурин, вложивший, может быть, более других труда и изобретательности в юридическое оформление указа № 1400. Через несколько часов после выхода этого указа в эфир он сказал настойчивому журналисту: «Я не считаю, что этот указ был единственным выходом... Решение президента основывается на том, что через закон переступить можно. Это неизбежная и очень большая плата за то, что мы приобретаем в результате такого решения, но платить будем скорее всего не мы, а платить будут дети, внуки, я не знаю через сколько лет»²¹. Надо ли напоминать, что про-

нищательные суждения были заглушены воинственными декларациями с обеих сторон?

УКАЗ № 1400. ЧТО ДАЛЬШЕ?

События, последовавшие за объявлением указа № 1400, как существенные, так и малозначимые, описаны по дням, часам, а иногда и минутам. Многие документы опубликованы²². Это позволяет сосредоточиться здесь на выяснении ряда принципиальных вопросов. Когда была пройдена точка невозврата в развитии последнего политического кризиса: 21 сентября или в начале октября 1993 г.? Существовала ли после 21 сентября альтернатива в виде еще одной договоренности президента с парламентом, хотя бы и на неравной основе? Насколько тактика каждой из сторон конфликта была адекватна поставленным целям? И еще. Возможна ли была в те дни победа сил, группировавшихся вокруг лидеров ВС?

Над указом кремлевские юристы потрудились на славу. В этом документе было все, чтобы дать импульсы развитию по новому пути: политическое и квазилегитимное обоснование очевидного выхода за рамки действовавшей Конституции, преемственность по отношению к прежним заявлениям и действиям президента (в частности, по завершению конституционного процесса), организация выборов в нижнюю палату парламента и построение государственной власти в переходный период, юридическая база того и другого, гарантии некоторых прав и обозначение ряда возможностей, открывавшихся перед депутатами распускаемого парламента (и даже меры по обеспечению сотрудников его аппарата). В указе было сказано, кто и что теперь должен делать, кто и кому должен быть переподчинен, кто чему должен содействовать и как следует поступать с «лицами, препятствующими...»²³. Все было бы хорошо, если бы развитие пошло по известной схеме: «Erste Kolonne marschiert, zweite Kolonne marschiert, u. s. w.»,

т. е. если бы план выполнялся. Между тем печать импровизации, лежавшая и на многих прежних акциях президента, сразу дала себя знать. Не до конца было продумано, что будут делать эти колонны дальше — даже при благоприятном ходе событий, а тем более — в ответ на сопротивление парламента, который, как и следовало ожидать, вовсе не хотел уходить в небытие.

Отсюда и лихорадочная активность кремлевской администрации, действовавшей методом проб и ошибок, и поток указов и распоряжений, дополняющих, ревизующих и корректирующих друг друга. Так, 23 сентября без каких-либо предварительных согласований и виз был издан еще один указ, назначающий на 12 июня 1994 г. досрочные выборы президента²⁴. Указ этот нимало не умерил решимость его противников сопротивляться (в лучшем случае они увидели в нем «слабину» Ельцина) и породил замешательство среди его приближенных и сторонников.

Другой пример — указ «О социальных гарантиях для народных депутатов РФ созыва 1990—1995 годов», проливавший на народных избранников поток всевозможных благ: годовое содержание, пенсии, московские служебные квартиры, бесплатный провоз до 10 тонн имущества для тех, кто решил вернуться в родные палестины, и т. д.²⁵ Исаков был, конечно, неправ, начисто отрицая воздействие этого указа («явная нелепость: кто хотел уйти — давно ушел, а кто остался — тот не продается»)²⁶. Вероятно, он повлиял на поведение какой-то части депутатов из «болота». Но число тех, кто ушел из Белого дома после этого указа, прельстившись воздаянием, было не так уж велико. На действия Съезда, и без того работавшего без кворума, их уход не оказал никакого влияния, зато потери общества, материальные и особенно моральные, оказались весьма ощутимы. Разлагающий эффект этого указа и последовавших за ним обещаний затронул и часть демократов, бросившихся в Кремль за трудоустройством. Предполагалось, что проблему эту помогут решить появившиеся 26 сентября указы о создании двух комиссий при президенте — законодательных предположений и по правам человека²⁷, но это

устраивало далеко не всех. Люди не умеют себя адекватно оценить, говорил Филатов, 80—90% обратившихся ко мне депутатов видят себя министрами и вице-премьерами²⁸.

Гораздо актуальнее, чем устройство депутатов, была организация действенной вертикали исполнительной власти. Ее тоже стали мастерить на ходу. ВС стал собирать вокруг себя руководителей местных и региональных Советов. В противовес этому Ельцин 27 сентября издал указ, подчиняющий органы исполнительной власти на местах правительству и устанавливающий, что выборы глав администраций краев и областей до начала работы нового парламента не проводятся, а их смещать их может только президент²⁹. Если сентябрьские указы в основном заполняли вакуум в правовом пространстве, образовавшийся вслед за роспуском парламента, то в октябре, когда вопрос «кто кого?» был решен окончательно, последовали новые указы, радикально менявшие заложенную 21 сентября политическую и конституционную конструкцию. 11 октября было объявлено, что к выборам в Думу будут подверстаны выборы и в верхнюю палату: Совет Федерации, составленный, как из кубиков, из глав законодательной и исполнительной власти регионов, как это предусматривалось в указе № 1400, на новом этапе показался непригодным. По указу от 15 октября день выборов в декабре был нагружен также голосованием по проекту новой Конституции: назначенная указом № 1400 его совместная доработка Конституционной комиссией и Конституционным совещанием теперь стала излишней³⁰. Были отменены и досрочные выборы президента.

Так шло юридическое и административное оформление того, что позднее будет названо режимом Бориса Ельцина. Но основная забота президентской команды в последнюю сентябрьскую декаду заключалась в том, чтобы рассеять и убрать окопавшуюся в центре столицы громкоговорящую оппозицию. Никакого двоевластия, о котором говорил и писал Хасбулатов³¹, в стране, конечно, не было: указы и распоряжения и. о. президента Руцкого и силовых министров, назначенных депутатами, рав-

но как и решение Конституционного суда, признавшего, что в действиях Ельцина содержатся основания для импичмента, исполнять никто не торопился. Но нерешенность основного вопроса, ради чего, собственно, и был издан указ № 1400, кажущаяся возможность возврата *status quo ante bellum* создавали вакуум государственной власти вообще. Нависала угроза если не гражданской войны, то всеобщего хаоса. «Поэтапная конституционная реформа» провисала. Идти на уже объявленные выборы, имея за спиной бунтующий Белый дом, было нельзя: оставалось неясным, кого теперь станут избирать в регионах и состоятся ли выборы вообще. Надежда на то, что ситуация станет рассасываться сама собой, слабела с каждым днем, и в Кремле решительно не знали, что делать дальше.

При Филатове по инициативе Сатарова была наскоро сформирована группа, в которую вошли доверенные лица президента: Скоков, Шахрай, Ковалев, Федотов, Андрей Макаров и другие — всего человек 20. Группа, которую возглавил Красавченко, ежедневно заседала по несколько часов всю последнюю неделю сентября в одном из кремлевских кабинетов, обсуждала поступавшую информацию и генерировала рекомендации, которые оформлялись в виде, как их называл Сатаров, «записочек», направлявшихся через Филатова Ельцину. Группа была нацелена на поиск мирного выхода из цугцванга. Трудно сказать, насколько внимательно президент вникал в тексты аналитиков, но некоторые идеи, вызревшие в группе, были реализованы. Все это, однако, нимало не приближало дело к развязке.

Главным требованием Кремля в эти дни стала сдача оружия, внесенного в здание на Краснопресненской набережной (кое-что сохранялось там еще с августа 1991-го.). В официальных заявлениях и в печати подчеркивалась опасность вооруженных провокаций, то ли направляемых лидерами оппозиции, то ли не контролируемых ими. Обоснованность опасений подтверждала так и оставшаяся не проясненной до конца попытка небольшой группы вооруженных людей проникнуть в здание штаба Объединен-

ных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте вечером 23 сентября — предположительно для овладения узлом связи Министерства обороны. Нападение, стоившее жизни одному милиционеру и пенсионерке, подошедшей к окну в собственной квартире, было отбито, а главарь экстремистского Союза офицеров Станислав Терехов, которому было предъявлено обвинение в организации этой вылазки, арестован. Поскольку такие акции были внове, а складывавшаяся ситуация — тревожной, эпизоду этому придали явно преувеличенное значение³². 25 сентября была начата, а 28-го — ужесточена блокада Белого дома силами милиции и ОМОНа. Подступы к зданию были опутаны спиралью Бруно, а в самом здании отключены электричество, большинство телефонов, водо- и теплоснабжение.

В этих условиях изображать ожидавшиеся нападения, исходящие из Белого дома, с использованием хранящегося там оружия как главную угрозу общественной безопасности, — когда в Москве и без того скопились немалые его арсеналы, вышедшие из-под контроля властей, а по городу свободно передвигались провокаторы из экстремистских организаций, мне казалось существенным преувеличением. Во всяком случае, тема сдачи оружия стала основной, если не единственной в контактах между Кремлем и Белым домом. Лидеры парламентской оппозиции утверждали, что оружия в здании немного, что почти все оно — штатное, предназначенное для охраны здания. Но разоружение Белого дома обозначило бы перелом в политической ситуации и могло бы открыть путь к бескровному вытеснению остатков депутатского корпуса из здания, имевшего короткую, но громкую историю. Не подлежит сомнению, что вначале в Кремле старались избежать штурма. Позднее Ельцин напишет, что беду породили «неумение и боязнь применить силу»³³. Помимо неблагоприятного морально-политического эффекта насильственного разгона собрания людей, которое многие еще почитали за парламент, существовали опасения (как вскоре выяснится, небезосновательные), что армия, спецотряд «Альфа» и даже милицейские

формирования не станут беспрекословно выполнять приказы об огне на поражение. Периодически проносившиеся по Белому дому слухи о назначении на ближайшие часы штурма скорее всего были не утечкой информации (хотя и этого было немало), а проявлением психологической войны с обеих сторон. За сдачу оружия оппозиционерам предлагали ослабление блокады здания и возобновление электро-и водоснабжения. Такой обмен был сочтен неравноценным: от президента требовали широкого политического отступления.

Переговоры об условиях сдачи оружия начнутся, однако, лишь в конце сентября, а непосредственно после объявления указа № 1400 оппозиция попыталась захватить командные политические высоты. Оказавшись в новой ситуации, ее лидеры торопились предъявить заявку по максимуму: признание указа № 1400 не только незаконным, но и не действующим, замена Ельцина на посту президента Руцким, назначение своих людей в силовые министерства. Еще не кончился вечер 21 сентября (напомню, что выступление Бориса Николаевича прозвучало в 20 часов), как президиум ВС издал постановление о немедленном прекращении полномочий Ельцина (абсолютно незаконное, потому что действовавшая Конституция ему такого права не давала). В тот же вечер состоялось экстренное совещание членов Конституционного суда. Девятью голосами против четырех судьи постановили, что указ президента и его обращение к гражданам служат основанием для его отрешения «от должности или приведения в действие иных специальных механизмов...»³⁴. На следующий день поспешное низложение Ельцина осуществил ВС³⁵, а в ночь на 24 сентября и «Х Съезд»³⁶. Но еще до этого, 22 сентября в 0 часов 25 минут Руцкой был объявлен и. о. президента.

Противники президента немало потрудились, чтобы представить только действия Ельцина нарушавшими Конституцию. Его сторонники, отводя эти обвинения, утверждали, что, нарушая действующий закон — скверный и неправовой! — президент реализовал принципы права, стоящего выше написанного людь-

ми закона. Депутаты, естественно, считали свои действия законными и правомерными, потому что они носили ответный характер. Это, однако, переводило вопрос из правовой в политическую плоскость. Признавать или не признавать целесообразность и обоснованность действий, предпринимаемых в чрезвычайной ситуации, зависит от политической позиции того, кто такую оценку выносит. С этих позиций можно соизмерять масштаб отступления от закона каждой из сторон. Но никаких правовых инструментов для такого соизмерения не существует, ибо только политически можно оценить, превышены ли были, когда речь идет о крупных акциях государственного масштаба, «пределы необходимой и оправданной обороны».

«Защитникам Конституции» эта же Конституция оказалась слишком тесна, и они многократно и нестесненно выходили за ее рамки. О противозаконности решения Президиума ВС, санкционировавшего назначение Руцкого и. о. президента, уже говорилось. То же следует сказать и о последовавших на следующий день постановлениях самого ВС, и об указах, которые один за другим стал издавать Руцкой. Принимать столь важные решения мог только Съезд. Но собрание депутатов, назвавшее себя Съездом, таковым не являлось ни в один из моментов его бдений. Когда оно открылось, было объявлено, что присутствует 638 депутатов. Кворум почему-то исчислялся от 941 депутата, хотя на IX СНД в марте было объявлено, что избранных депутатов — 1037. Если исходить из этой цифры, то на сентябрьском собрании присутствовало 61,5% депутатского корпуса, и до кворума не хватало 53 депутатов. Правда, уже 24 сентября собравшиеся частично поправили дело, внеся изменения в закон о статусе депутата и тут же лишив полномочий 96 своих коллег (трех за то, что состоят в правительственных структурах, а 93 — за пропрезидентскую политическую ориентацию). Нечего и говорить, что все это делалось в пожарном порядке: изгоняли, никого не выслушав, ни с кем не разбираясь персонально, на основе кем-то составленного списка. И тут же ввели в действие принятое по-

становление. Но и это не спасло кворум: на основе отрывочных регистрационных материалов (а регистрация велась нечетко) можно заключить, что число депутатов на заседаниях сокращалось: 597 — 23 сентября, 569 — 24-го, 311 — 27-го. В последующие дни, по данным Воронина, число депутатов продолжало снижаться: с 300 до 250, а к 1 октября, по сообщениям прессы, в Белом доме оставалось около сотни народных избранников³⁷. К тому же, поскольку электронная система голосования в зале была рассчитана лишь на членов ВС, а считать голоса вручную было недосуг, приняли решение оценивать итоги голосования «на глазок». С точки зрения элементарных регламентных норм это начисто обесценивало объявляемые результаты. И это абсолютно неправомочное собрание принимало решения, которые могли бы оказаться переломными для страны, если бы кто-либо собирался их выполнять...

Иными словами, даже с позиций действовавшего закона решения таявшего на глазах парламентского большинства были ничуть не более правомерны, чем указ № 1400. И тогда возникает иной вопрос: насколько предпринятые оппозицией шаги отвечали поставленным целям — сохранить действующую Конституцию, использовав момент, убрать Ельцина, а в недалекой перспективе сломать президентскую власть и продлить жизнь данного депутатского корпуса? И насколько достижимыми были (а не казались) сами эти цели? Вообще предъявление неких завышенных требований в политической борьбе не является заведомо негодным средством. Надо лишь адекватно оценивать соотношение сил, возможности и намерения противника и при необходимости своевременно снижать планку собственных запросов.

Между тем ни правильно оценить ситуацию, ни сориентировать с учетом этого свои действия оппозиция не сумела. И лидеры белодомовского противостояния, и активисты ФНС, РНЕ и других организаций (вплоть до совсем маргинальных и экстремистских) возбуждали друг друга и черпали энтузиазм из самой атмосферы, царившей в здании и вокруг него. Ораторы соревно-

вались в бесшабашности обличений. Принимаемые постановления были бескомпромиссны. Самые жесткие из них теперь проходили легко и с голоса. Уверенность внушали потоки писем и телеграмм поддержки (которых могло бы быть и на несколько порядков больше в 150-миллионной стране) и люди, приходившие в окрестности Белого дома (хотя их было намного меньше, чем в августе 1991-го). Наблюдая все это, организаторы сопротивления президентским указам оценивали ближайшую перспективу в духе пушкинской строки: «еще напор — и враг бежит».

В том же ключе были произведены и первые кадровые назначения. Провозглашенный президентом Руцкой сразу же назначил министром обороны Владислава Ачалова. Этот деятель не отправился в 1991 г. в «Матросскую тишину» по делу ГКЧП и стал советником Хасбулатова по военным делам лишь благодаря тому, что депутаты отказались выдать его Генпрокуратуре. (А за спиной Ачалова просматривалась еще более зловещая фигура его заместителя Макашова.) 24 сентября Руцкой издал указ, предписывавший Ачалову сформировать уже к 10 часам утра следующего дня мотострелковый полк из московских резервистов: казалось, все будет делаться как по мановению волшебной палочки. Ачалов тут же направил в некоторые воинские части и военные академии приказ «прибыть к дому ВС с табельным оружием незамедлительно». Министрами безопасности и внутренних дел недавние борцы с коррупцией утвердили Виктора Баранникова и Андрея Дунаева, хотя не могли не знать, что обоим были предъявлены серьезные коррупционные обвинения³⁸. Руцкой заготовил (но выжидал с подписанием) указ о замене Черномырдина на посту главы правительства Ворониным. Назначали своих людей и на другие ключевые посты. Был поправлен Уголовный кодекс, грозивший теперь участникам действий на стороне президента различными карами вплоть до смертной казни³⁹.

Все эти вызывающие шаги могли бы грозить Кремлю чем-то бóльшим, нежели затянувшейся и потому раздражающей демонстрацией неповиновения на отдельно взятом пятачке столи-

цы, если бы оппозиции удалось втянуть в противостояние на свою сторону какие-то реальные силы.

Прежде всего — регионы. Здесь, казалось бы, депутаты могли рассчитывать на некоторую поддержку. В Белом доме распространялись различные документы, подписанные руководителями республик, краев и областей и содержавшие требования к президенту, парламенту и правительству. Эти требования руководители ВС торопились записать себе в актив, создавая впечатление, что за ними — вся Россия. Это было большим преувеличением. Во-первых, активизировались в основном советы, а не администрации субъектов Федерации. Во-вторых, примерно в половине из них постановления принимали даже не сессии, а малые советы и президиумы, т. е. верхушки региональных элит. Большинство советов было глубоко расколото. В-третьих, хотя в большинстве регионов проходили резолюции, более или менее настойчиво требовавшие отмены указа № 1400, почти нигде не высказывалась солидарность с решениями парламента⁴⁰, а некоторые Советы осудили действия обеих сторон. Со своей стороны парламент принял постановление экстраординарное. Исключив сотню своих коллег, избранных гражданами, депутаты решили пополнить свои редеющие ряды за счет представителей субъектов Федерации (до пяти от каждого). Не было, правда, определено, каков будет статус этих людей на «Съезде» и каким образом они будут отобраны на местах⁴¹. Как и следовало ожидать, из этого замысла, обещавшего революционную перекройку парламента, ничего не вышло.

Расчет на поддержку регионов был главным, но не единственным. 25 сентября Руцкой обратился к гражданам России с призывом начать в 15 часов 27-го бессрочную политическую стачку⁴². Всеобщая политическая забастовка — мощное оружие. История XX века знает немало примеров, когда таким образом сметались правительства и режимы. Но массовую забастовку не удалось организовать даже на пике политической активности народа, в августе 91-го. Что действительно оказало тогда немалое

влияние на развитие событий, так это многолюдные демонстрации и митинги. Было сделано немало попыток вновь пустить в ход и этот инструмент. От имени и. о. президента, парламента, отдельных депутатов, политических организаций оппозиции один за другим следовали призывы к рабочим, трудовым коллективам, военным, молодежи, студентам, женщинам, ученым Академии наук, работникам министерств, отдельно к москвичам, к прихожанам православных храмов и т. д. — кажется, не была забыта ни одна категория граждан. Стилистика этих воззваний как нельзя лучше отражала интеллектуальный и политический уровень их авторов, обличавших «фашистский уголовно-мафиозный режим Ельцина и его русскоязычное и американоязычное окружение», «бесстыдную и наглую кучку людей, которая измывается над народом». Стидили солдат, офицеров и генералов: «Почему вы медлите? Ваша лояльность президенту-преступнику затягивается. С каждым часом она отягощает вашу ответственность». Заклинали: «Ваш организованный приход к Дому Советов способен обеспечить перевес в пользу народных сил». Чем дальше заходило противостояние, тем больше множился поток подобных призывов и тем истеричнее становился их тон. Характерно, что некоторые из этих листовок, подписанные ФНС, через несколько часов воспроизводились, но уже от имени ВС, не оставляя сомнений, кто задавал тон в Белом доме⁴³.

Конечно, в многомиллионном городе эти призывы известный отклик получили. У здания парламента, в различных точках Москвы собирались граждане, подчас вооруженные. Звучали речи, в которых ораторы совсем уж в выражениях не стеснялись. Открыто призывали к насильственным действиям — через несколько дней это взбадривание принесет кровавые плоды. Но ни по массовости, ни по организованности и дисциплине эти собрания не шли ни в какое сравнение с митингами и шествиями десятков и сотен тысяч людей в 1990—1991 гг., организованными демократами. Проводившиеся различными социологическими центрами опросы свидетельствовали, что президента в сентябрьские дни

поддерживали 60—80% опрошенных, ВС — 10—20% ⁴⁴. Если лидеры оппозиции при таком раскладе сил не готовы были отказаться от противостояния, то им ничего не оставалось, как опереться на ополчение, в которое, наряду с прошедшими школу коммунистических политорганов офицерами и молодыми идеалистами, влились элементы весьма сомнительные: рижские омовцы, участвовавшие в попытке переворота в январе 1991 г., волонтеры из Приднестровья, казачья сотня, люди Терехова, боевики РНЕ — «профессиональные убийцы», по выражению Филатова. Если верить апокрифу, Сталин некогда в ответ на жалобу заведовавшего «литературным цехом» Поликарпова молвил: других писателей у меня для вас нет. Если бы организаторы сопротивления в Белом доме столь же мало были скованы условностями, как вождь народов, они могли бы это повторить, чуть перефразировав: других «защитников Конституции», готовых идти до конца, у нас нет. Собственно, между собой они примерно так и изъяснялись. В одной из аналитических разработок, взятой следователями из кабинета Воронина, значилось: «Собрать в кабинете Хасбулатова и под его личным руководством всех лидеров улицы без всякого чистоплюйства и вплоть до Анпилова»⁴⁵.

Им действительно было не до «чистоплюйства». Кризис затягивался. К этому болезненно относились в Кремле. Но еще острее это ощущалось в Белом доме, лишенном света, воды и лифтов для передвижения по девятнадцати этажам. С каждым днем становилось все более очевидно: Кремль игнорирует брошенный вызов. Правительство расколоть не удалось (отставка Глазьева, «белой вороны» в команде Гайдара, не в счет), оно играет на стороне президента. Поднять страну не удастся. На «Съезде» одни и те же лица произносят речи, содержание которых известно еще до того, как они выходят на трибуну. Хасбулатов демонстрирует непреклонность. Отвечая во время пресс-конференции на вопрос о возможном компромиссе, он взрывается: «Какой компромисс, о чем вы говорите?! Давайте оставим всякую чепуху... Осуществлен государственный пере-

ворот, его надо подавить, вот в этом весь компромисс...». Принимаются законы, постановления, обращения, которые в лучшем случае представят интерес для историков. Собрание, именующее себя Съездом, работает на холостом ходу. Что делать дальше?

Одни предлагают: заседания «Съезда» прервать, депутатам разъехаться по округам и будоражить избирателей. Другие возражают: надо оставаться здесь до конца кризиса. Третьи начинают подумывать о смене вех. Но делать это можно по-разному. Председатель Совета Республики Вениамин Соколов полагает: надо избавиться от балласта. В очень осторожной форме он ставит вопрос: в состоянии ли нынешнее руководство ВС обеспечить взаимодействие с силами, без которых нам политическую победу не одержать? И сам же на него отвечает: возможности Руслана Имрановича, и не только его, исчерпаны. Как оценивает эту инициативу Хасбулатов, какие чувства взаимной доброжелательности кипят за фасадом демонстрируемого единодушия осажденных в Белом доме людей, видно из воспоминаний спикера: в эти тяжелые дни, пишет он, нанесена жестокая травма «легкомысленно и бездумно, пустыми, ничтожными людьми». За Хасбулатова вступаются: лучше него «вряд ли кто может разрешить политический кризис в стране», говорит Абдулатипов. Претензии предъявляются не только спикеру. «Недостает активных действий с нашей стороны. Удивляет безынициативность Руцкого», записывает в дневнике Исаков. Как бы отвечая на невысказанные обвинения, Руцкой говорит: «часть присутствующих драматизирует, нагнетает обстановку», между тем как «отношение избирателей к народным депутатам с каждым разом становится все хуже, хуже и хуже», и обещает: на предстоящих президентских выборах я баллотироваться не буду⁴⁶.

Растерянность — вот что скрывается за звонкой риторикой «защитников Конституции». Рефлектируя позднее по поводу действий Белого дома, Исаков писал, что существовали две выигрышных стратегии: активная и пассивная. Первая — ежеднев-

но, ежечасно наращивать усилия, привлекать на свою сторону членов правительства, руководство регионов, армию, СМИ и добиться перелома ситуации в свою пользу. Вторая — не «дергаться», не звать людей в Останкино и на Кремль, запереться в Доме Советов и «ждать, пока народ нас не освободит». К сожалению, завершает он свои размышления, наши руководители (к числу которых, впрочем, принадлежал и он сам, председатель ключевого комитета и один из лидеров ФНС) выбрали «средний вариант — неоправданно осторожный вначале и безнадежно активный в конце»⁴⁷. Воздавая должное критичности, с которой один из ведущих идеологов оппозиции оценивал просчеты своих коллег, согласиться с ним нельзя. Не было первого варианта. Гораздо ближе к истине был Воронин: «ощутимо сказалась оторванность парламента от своих избирателей, от самых широких слоев населения»⁴⁸, и никакие «дерганья» изменить это не могли. По той же причине не было и второго варианта: если что и могли услышать ожидающие освобождения от народа, то лишь — как в грубоватом анекдоте — не дождетесь!

Единственным, на мой взгляд, бескровным выходом из тупика могла бы стать какая-то форма договоренности о проведении в кратчайший срок выборов парламента и президента. Ельцин, как было сказано, дал согласие на досрочные выборы президента через полгода после парламентских, но на все предложения об одновременных выборах отвечал категорическим отказом. Предметом политических переговоров (вслед за соглашением о сдаче оружия в обмен на снятие блокады Белого дома) могли бы быть сближение одних и других выборов, во-первых, и обеспечение некоторых условий проведения свободных выборов, во-вторых. Не надо, конечно, предаваться иллюзиям: достичь договоренности и по первому, и по второму пункту было бы непросто. Не исключено, что они вообще оказались бы недостижимы. Я лишь хочу сказать, что этот вариант, по сути, не был опробован. Но в конечном счете даже проведение выборов на условиях указа № 1400 (и взятого Ельциным обязательства провести досроч-

ные президентские выборы, от которого нелегко было бы отказаться, не случись события 1—4 октября), обошлось бы дешевле и обществу, и даже лидерам парламентской оппозиции.

Чтобы направить ход событий по более спокойному варианту, нужны были, по-видимому, три условия. Первое: реалистическая оценка ситуации лидерами оппозиции, понимание того, что время работает не на них, с каждым днем все более выявляя слабость парламента, а отсюда — готовность в более или менее благоприятной форме сдать запросные позиции. Для этого, конечно, нужна была мудрость политиков, способных не только идти напролом, но и минимизировать последствия поражения. Второе — не меньшая мудрость требовалась от политиков в Кремле, способность не обольщаться перевесом собственных сил и вовремя предложить противнику не унижающие его условия капитуляции⁴⁹. Третье: наличие того, что можно условно назвать «третьей силой», — некоего посредника, заинтересованного в мирном исходе конфликта, пользующегося собственным авторитетом в обществе и способного встать между противоборствующими силами, которые к осени 1993 г. могли смотреть друг на друга только сквозь прорезь прицела. К несчастью, ни первого, ни второго у российских политиков не было. Не нашлось и третьего.

Пытавшихся остановить опасный разворот событий, однако, оказалось немало. Одним из первых такую попытку предпринял председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. На VII Съезде в конце 1992 г. по его инициативе удалось приостановить скатывание в пропасть, правда, ненадолго. 22 сентября, через несколько часов после того, как юридически уязвимое решение Конституционного суда открыло путь процедуре импичмента, он выступил на пресс-конференции с новой инициативой. Упомянув, что Суд констатировал несоответствие указа № 1400 Конституции (и ни слова не сказав об отрешении Ельцина от должности), Зорькин заявил, что в основном разделяет оценки положения в стране и высших эшелонах государственной власти, данные в преамбуле этого указа, и цели, которые ставит перед

собой президент. Затем он предложил план «легитимного» выхода из положения, состоявший из 4 пунктов.

1. СНД назначает одновременные выборы парламента и президента, принимает соответствующие законы и после этого прекращает свою деятельность. В разработке этих законов участвуют представители всех ветвей власти, Конституционного суда и Совета Федерации.

2. Ныне действующее правительство продолжает выполнять свои обязанности, в переходный период президент сохраняет свои полномочия по отношению к правительству, а ВС — контрольные функции.

3. ВС приостанавливает законотворческую деятельность и остается гарантом законности при проведении выборов.

4. Конституционный суд признается гарантом достигнутых соглашений, прекращает свои функции посредника в политическом противостоянии и концентрируется на защите конституционных прав граждан.

Выступая через два дня со своим планом на «Съезде», Зорькин предложил назначить выборы на 12 декабря, как это значилось в указе № 1400 («мы вас уверяем, что в марте будет поздно»), и реализовать «нулевой вариант»: вернуть конституционное и политическое положение, которое существовало до 20 часов 21 сентября, т. е. дезавуировать и президентский указ, и последовавшие за ним решения парламента⁵⁰.

Это была, на мой взгляд, недурная основа для того, чтобы начать движение от пропасти. Но если в ВС Зорькина привечали (надеясь, разумеется, подправить его план в свою пользу), то для Кремля председатель Конституционного суда как политическая фигура уже не существовал. Роль, которую он играл в марте, Ельцин хорошо помнил, и Батурина, работавшему с указом № 1400, немалых трудов стоило уговорить президента записать в нем в отношении Конституционного суда рекомендацию «не созывать заседания до начала работы Федерального собрания», а не первоначальную формулировку президента «приостановить

его деятельность в данном составе». После же ночного решения Конституционного суда 21 сентября и сам Зорькин, и поддерживавшие его судьи стали окончательно персонами нон грата. Его не только не приглашали в Кремль, но через несколько дней перестали пропускать через оцепление в Белый дом. Президентская сторона не без оснований полагала, что Конституционный суд и его председатель склонились в сторону парламента. Ведь не имея перед глазами еще никаких писанных текстов, они объявили действия Ельцина неконституционными, но прошли мимо откровенно незаконных действий депутатов, объявивших себя «Х Съездом» и принявших множество антиконституционных решений (в оправдание этого потом будет приводиться довод, что документы из Белого дома в Суд не поступили!). Но дело, конечно, было не только в личности переговорщика. Ельцин и его сотрудники, решившись, наконец, на отчаянный шаг, не желали вновь увидеть на сцене собрание людей, которое, как они полагали, исправить может лишь политическая могила, опять втягиваться в тягомотные переговоры, подписывать соглашения, которые не будут исполняться...

Та же участь — примерно по таким же причинам — постигла инициативу руководителей Советов в субъектах Федерации. В первые дни многие из них потянулись в Белый дом. Представляя депутатам информацию о встречах с ними 24 сентября, Хасбулатов одобрил идею одновременных выборов президента и депутатов, но сказал, что остаются открытыми вопросы о дате их проведения и условиях, на которых ВС и СНД могут на них согласиться: «Никаких выборов в условиях чрезвычайщины, в условиях сохранения продолжающегося государственного переворота, без упорядочения работы электронных средств массовой информации быть не может». 30 сентября региональные лидеры попытались собраться. В здании Конституционного суда они провели совещание, утвердившее ряд требований, отчасти пересекавшихся с ранее объявленными предложениями Зорькина. Собранные регионалы единогласно потребовали:

- от правительства и московской мэрии — немедленно прекратить блокаду Белого дома;
- от федеральных властей — отменить указ № 1400 и принятые в связи с ним акты;
- от СНГ — установить дату одновременных досрочных выборов президента и парламента не позднее первого квартала 1994 г., согласовав ее с субъектами Федерации, и не вносить в Конституцию никаких изменений, за исключением положений, касающихся формирования органов федеральной власти и порядка их избрания;
- от правительства — обеспечить представителям различных политических сил доступ в СМИ и возобновить издание тех из них, выпуск которых был прекращен.

В этой инициативе обращали на себя внимание два момента. Во-первых, региональные лидеры вообразили, будто на фоне ослабления федеральных властей, оспаривавших полномочия друг у друга, настал-таки подходящий момент для передела власти. Сначала они потребовали возложить контроль за проведением выборов на Совет субъектов Федерации, но дали понять, что на этом останавливаться не собираются⁵¹. Тщетно присутствовавший на заседании Шахрай убеждал, что данное совещание, где тон задавал Кирсан Илюмжинов (его же подпись стояла первой под документом), неправомочно и по своему составу, и по полномочиям участников принимать решение о создании Совета Федерации. Во-вторых, утвержденный на совещании документ по всем признакам представлял собой ультиматум, сформулированный достаточно бесцеремонно. В нем содержалось предупреждение: если до конца дня от здания на Краснопресненской набережной не будут отведены силы правопорядка и восстановлены системы его жизнеобеспечения, то, «действуя на основании Конституции России, Федеративного договора и протоколов к нему, [мы] примем все необходимые меры экономического и политического воздействия...». Утверждая собственную роль, руководители Советов адресовали свой ультиматум исключительно президенту. Надо

было совершенно не отдавать себе отчет в складывавшейся ситуации, в соотношении сил, фантастически переоценивать собственные возможности, чтобы выступить с документом провокационным и по содержанию, и по форме⁵².

В общем, влияние регионалов и не могло быть велико в скоротечном кризисе, исход которого должен был решиться в Москве. Как и следовало ожидать, когда схватка вступила в острую фазу, региональные элиты раскололись. Меньшая часть, представители которой в октябрьские дни собирались в здании Конституционного суда, направила своих парламентаров в Белый дом. Кирсан Илюмжинов, возглавлявший этот поход утром 4 октября, когда атака на государственные объекты была отбита, заявил, что субъектам Федерации следует «встать живым кольцом вокруг Белого дома» и он лично готов это сделать. Но через несколько часов на совещании с Черномырдиным практически все главы администраций и около 40 представителей Советов, как сообщалось, «почти единогласно» поддержали президента, указ № 1400 и принятые меры для подавления «вооруженного мятежа, организованного радикальными прокоммунистическими и фашистскими организациями и их руководителями»⁵³.

Еще одной более или менее подходящей на роль посредника фигурой мог стать глава Русской православной церкви Алексий II. Прервавший свою поездку в США и сразу же оказавшийся между двух огней, патриарх должен был принять непростое для себя решение. 28 сентября к нему обратился «Съезд». В послании депутаты излагали свою версию развития событий, особо отмечали собственную заслугу — принятие дважды отвергнутого Ельциным закона «О свободе вероисповедания», «закрывающего дорогу беснующимся проповедникам и мракобесам и способствующего духовному возрождению Отечества и его традиционным конфессиям», и призывали приложить усилия «для достижения национального согласия». Патриарх ответил возвышенным воззванием, в котором призвал ослабить политическое противостояние, приступить к диалогу и выражал надежду, что

«Господь благословит народ свой миром». Он запросил также встречу с Ельциным, и аудиенция ему тут же была дана. Присутствовавший на ней Филатов вначале почувствовал, что Алексей «...несколько враждебно даже был настроен по отношению к официальной власти. Однако он быстро потом разобрался в ситуации» и предложил свое посредничество и место встречи — Свято-Данилов монастырь⁵⁴.

Патриарх Московский и Всея Руси твердо знал, что Россия — не Польша, где церковь все годы коммунистического режима играла самостоятельную политическую роль. Он настойчиво призывал обе стороны к миру, согласию, отказу от насилия, но, колебнувшись на какой-то момент в сторону оппозиции, остерегся связать себя действиями, которые могли бы вовлечь церковные структуры в политическую борьбу с неясным для него исходом. Никаких предложений по урегулированию конфликта он не выдвинул и соблюдал равноудаленность от обеих сторон.

Итак, никакая «третья сила», с которой вынуждены были бы считаться и президент, и парламент, в России о себе не заявила. Ненасильственный выход из кризиса мог быть достигнут только посредством прямой договоренности между сторонами конфликта. Основа для нее постепенно вырисовывалась. Это — досрочные выборы парламента и президента, которых Ельцин добивался в течение всего 1993 г. Казалось, что движение к ним наблюдается с обеих сторон. За такое решение высказались многие известные политики и общественные деятели центристской ориентации: Горбачев, Явлинский, Шаталин, Николай Федоров, руководители Гражданского союза. «Если бы Борис Ельцин принял решение об одновременных выборах и президента, и парламента, — заявил член Президентского совета Георгий Сатаров, — это было бы проявлением не его политической слабости, а мудрости»⁵⁵. Все эти люди, однако, в лучшем случае оказывали известное влияние на настроения в обществе, но не на решения и действия схлестнувшихся в схватке сил. Многоцветье партий, общественных организаций, движений производило впечатление

на соответствующей секции КС, но их реальные возможности никого не вводили в заблуждение. Партии пребывали на эмбриональной стадии и оказывать самостоятельное воздействие на ход событий не могли.

Конечно, заявляя о допустимости или желательности одновременных выборов, стороны конфликта видели их по-разному. Максимум, на что, вероятно, готова была согласиться оппозиция, — это «нулевой вариант», предусматривавший отмену указа № 1400, признание ВС и СНД равным и дееспособным партнером. Но такая возможность была уже упущена. На это Ельцин ни в коем случае теперь бы не пошел. В те дни (да и сейчас) мне всего более импонировала позиция, изложенная Виталием Третьяковым. Признавая, что в сложившихся условиях («ненезависимость суда», подчиненность прокуратуры исполнительной власти, «укороченная» свобода печати, президентское правление) свободных выборов быть не может, Третьяков писал: «Как бы жестко ни трактовать поступок президента — выход только один. Победенные должны во имя предотвращения кровопролития мирно уйти... В этом сегодня состоит их главная и политическая, и моральная — историческая — миссия... Демократия, помимо парламента как своего неперменного атрибута, обязательно включает в себя еще и моральную, и политическую ответственность оппозиции, которая (ответственность) состоит в том, чтобы не браться за оружие самим и не дать ни малейшего повода взяться за оружие победителям». И еще через несколько дней: «Призывы “раздавить гадину” означают не только подталкивание властей к непродуманному шагу, но и провоцирование белодомцев на “превентивные” действия... Даже побежденной стороне нужно предоставить возможность выхода из конфликта без потери лица»⁵⁶.

Возвращаюсь к поставленным в начале этого раздела вопросам. Конечно, из пакета возможных вариантов развития событий прошел наиболее вероятный. Он, однако, по моему убеждению, не был единственным. И после 21 сентября еще дней десять сохра-

нялась возможность избежать и трагического разрешения конфликта, и тех тяжких последствий, которые за этим последовали. Обеим сторонам не хватало и политической мудрости, и тактического мастерства, способности гибко реагировать на меняющиеся обстоятельства. В особенности это относится к оппозиции, которая оказалась абсолютно неспособной оценить собственные возможности, упрямо пыталась мобилизовать ресурсы, которых у нее не было, и отвечала на действия Кремля — согласимся: далеко не корректные — только безудержной агрессией. Шансы на организованное, неунизительное отступление у нее были — при том, конечно, довольно смелом допущении, что в этом конгломерате очень разнородных сил возобладали бы здоровые, умеренные элементы, умеющие достойно проигрывать, решительно менять не только тактику, но и стратегию, как это им рекомендовал Третьяков, да и некоторые политики, безуспешно пытавшиеся встать над схваткой.

Были ли у противников Ельцина шансы на победу? Это очень непростой вопрос, любой ответ на который может быть оспорен. Время работало не на них. До тех пор, пока шла война нервов, обращений, указов, листовок, пока апелляция к различным общественным силам, непосредственно в конфликт не вовлеченным, не выходила за рамки политической борьбы, хотя бы и ведущейся довольно грубыми, подчас грязными методами, таких шансов у оппозиции не было. Ее лидеры цепко держались за Белый дом, несмотря на все физические и физиологические испытания, которым их подвергала президентская сторона, долго рассчитывавшая лишь такими мерами ликвидировать главный центр сопротивления. Держались не только потому, что здесь сохранялась какая-то, хотя и частично порушенная инфраструктура, были накоплены какие-то, хотя, как выяснилось впоследствии, не очень большие арсеналы оружия и т. д. Белый дом стал символом сопротивления указу, который одни, в том числе и далекие от симпатий к оппозиции, считали незаконным, а другие — неразумным. Белый дом, сыгравший выдающуюся роль в августе

1991 г., претендовал на то, чтобы стать знаменем борьбы, протекающей в более острую фазу.

Не получив массовой поддержки — не сумев вызвать ни забастовочное движение, ни такие многолюдные демонстрации, которые парализовали бы действия Кремля, оппозиция, где лидерство, как это всегда бывает при резком обострении борьбы, переходило к крайним, наиболее агрессивным элементам, могла рассчитывать лишь на пассивную, выжидательную позицию бюрократии, гражданской и военной, в Центре и на местах, во-первых, и на активное меньшинство, готовое перейти к насилию и вызвать шок у власти, во-вторых.

А меньшинство это было особого рода. Конечно, и в здании на Краснопресненской набережной, и среди демонстрантов на улицах были не одни только реваншисты и реакционеры. Но тон задавали именно они, достаточно было почитать листовки и надписи на стенах, разжигавшие национальную вражду, звериный антисемитизм, взывавшие к насилию, достаточно было взглянуть в физиономии макашовых, стерлиговых, анпиловых, тереховых и им подобных «защитников Конституции». Пока борьба велась политическими средствами, пока речь шла о том, чтобы обратиться к суду избирателей на выборах, этот ресурс не укреплял, а ослаблял оппозицию, в частности, резко восстанавливал против нее основную часть интеллигенции, которая тогда еще не утратила роль, обретенную в перестроечные годы. Но как только это агрессивное и беспощадное меньшинство, увлекаемая за собой толпы людей, политически, а иногда и психически неустойчивых, предпочитающих уличное насилие парламентаризму, начинает, по выражению Явлинского, трогать власть руками, а власть дает слабинку, события могут приобрести трагический и непредсказуемый оборот. В истории России, да и не только России, такое уже бывало.

Поэтому мой ответ на главный вопрос выглядит так. Пока оппозиция возлагала расчет на вмешательство высшей бюрократии регионов (которая была либо перекуплена президентом, либо про-

должала вести свои всем хорошо известные игры) либо на полки, которые, как гласили вылетавшие из Белого дома листовки, «отказываются подчиняться преступным приказам» и, как обещали военачальники, назначенные Верховным Советом, уже идут на выручку осажденным, никаких шансов одолеть Кремль у нее не было. Рассчитывать оставалось только на чудо. И ходила по зданию газетка со словами безвестного стихотворца: «Не понять, что берется, откуда, / Но когда налетит воронье, / Вдруг в России случается чудо, / Как примета бессмертья ее»⁵⁷. Но чудес не то чтобы никогда не бывает — подворачиваются они тогда, когда их сознательно (или не отдавая себе в том до конца отчет) готовят. Или, по меньшей мере, ухватываются за них двумя руками.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ В ОКТЯБРЕ ⁵⁸

23 февраля 1994 г. едва избранная Государственная дума, реализовав полномочие, которое по новой Конституции она не делит ни с кем, приняла постановление об амнистии всем участникам событий 3—4 октября 1993-го, а заодно — 19—21 августа 1991 г. Во имя восстановления национального согласия был похоронен и проект учреждения парламентской комиссии по расследованию причин и событий 21 сентября — 4 октября 1993 г.⁵⁹ Решение это было крайне сомнительным в моральном отношении, бесполезным политически (никакого примирения, конечно, не наступило, а возвращение к острым формам конфронтации было заблокировано отнюдь не видимостью взаимного прощения), безответственным исторически. И если основную канву событий времен августовского путча в главном все-таки можно проследить, то в обстоятельствах, при которых закончил свой путь российский парламент, избранный в 1990 г., остается немало белых пятен.

Сторонники и симпатизанты проигравшей стороны подают указ № 1400 и московскую трагедию, разыгравшуюся 3—4 ок-

тября, в жесткой связке. В их версии сражение на московских улицах — неизбежный результат решения, объявленного 21 сентября. Президенту, по их мнению, нужен был насильственный разгон парламента не только сам по себе, но и для острастки противников на будущее. И контратака, в которую, очертя голову, ринулись 3 октября доведенные до отчаяния, неискушенные защитники Белого дома, — результат дьявольски продуманной до деталей провокации⁶⁰.

Зеркальное отражение этой версии можно найти в оценках некоторых политиков, в глазах которых «красно-коричневая» пелена застилала все оттенки довольно многоцветной картины. В их интерпретации оружие для того и накапливалось в Белом доме, чтобы в подходящий момент начать вооруженный мятеж. Бесчинства толпы, сатаневшей к октябрю, захват мэрии, бой у Останкина — все это до деталей спланировано и организовано Руцким, Хасбулатовым, другими лидерами распущенного парламента. События недавних дней, авторитетно поддержал такое объяснение Ельцин в своем обращении к народу 6 октября, — не стихийные выступления. Они спланированы и подготовлены из Белого дома⁶¹.

Мне связь событий видится в ином, не столь жестко детерминированном ключе. И после 21 сентября в течение нескольких дней не была пройдена последняя развилка, хотя развитие событий пошло по наиболее вероятному варианту. Противоборствующие стороны ведали, что творили, хотя и не ожидали последствий: Белый дом — поражения, Кремль — кровавой развязки, во многом предопределившей исход декабрьских выборов. Но еще 1 октября мелькнул слабенький огонек надежды на несиловое решение конфликта.

По соседству с Белым домом и мэрией, в гостинице «Мир», состоялась важная встреча. Она началась накануне вечером и закончилась в третьем часу ночи на 1 октября. Представители сторон: президента (Филатов, Лужков и Сосковец) и парламента (председатели палат ВС Абдулатипов и Соколов) подписали

Протокол № 1, содержащий два пункта. Первый: сбор и передачу под охрану совместных контрольных групп оружия, скопившегося в Белом доме, и взамен — частичное деблокирование здания (к чему 1 октября и приступила президентская сторона). Второй: после реализации первого этапа из Белого дома одновременно выводятся все охранные формирования, вывозится нештатное оружие, а Управление внутренних дел снимает наружную охрану. Протокол предусматривал также, что исполнение задач второго этапа «происходит при согласовании и выполнении правовых и политических гарантий» — обтекаемо сформулированное условие, в которое, как вскоре выяснится, стороны вкладывали разный смысл⁶².

Это, конечно, не было решением конфликта, но обозначило небольшой шаг от пропасти. При наличии доброй воли можно было бы попытаться остановить эскалацию кризиса. Путь к политическому урегулированию еще не был закрыт⁶³. Но как раз доброй воли и не было. Как только посланцы парламента вернулись с переговоров, на авансцену вышел и объявил свою волю «Военный совет обороны Дома Советов» — орган, разумеется, никакой Конституцией не предусмотренный. За подписями трех назначенных «Съездом» силовых министров (Ачалова, Баранникова и Дунаева) был распространен документ, гласивший, что Абдулатипов и Соколов превысили свои полномочия, подписав протокол, который должен быть немедленно денонсирован. Это был неприкрытый ультиматум — теперь уже депутатам, продолжавшим считать себя «X Съездом». Орган, представлявший собой не что иное, как военную хунту, формулировал ряд предварительных условий возобновления переговоров, заведомо неприемлемых для президентской стороны; среди них — восхитительное требование о вступлении в должность авторов этого меморандума. Что до оружия, вокруг судьбы которого завертелся переговорный процесс, то самая постановка вопроса о нем объявлялась неправомочной, так как все оружие в Белом доме — штатное, принадлежащее департамен-

ту его охраны⁶⁴. Такие условия победитель мог бы предъявить разгромленному противнику. Само их выдвижение показывало, кто теперь в Белом доме хозяин.

Сигнал приняли. Протокол № 1 был денонсирован. Хасбулатов от имени поредевшего Президиума ВС выступил с заявлением, в котором говорилось: проблема оружия вычленена неправомерно и может решаться лишь в контексте постановлений, принятых ВС и «Съездом» в ответ на «государственный переворот и насильственный захват власти». Казалось бы, за этим должен был последовать уход с переговоров, но лидеры противостояния поступили иначе. Руководителем делегации для их ведения (вскоре выяснится, что для срыва) был назначен Воронин, отодвинувший Абдулатипова с Соколовым, а на самом «Съезде» — и Хасбулатова. С этого момента переговоры, возобновившиеся утром 1 октября в Свято-Даниловом монастыре при посредничестве патриарха, приобретают своеобразный характер.

Вырабатывается документ, пункты которого как будто конкретизируют и развивают основные положения денонсированного протокола (документ Военного совета, повторяет Воронин, — наше внутреннее дело). В итоге многочасовых дискуссий 1 и 2 октября вырисовывается компромисс: нештатное оружие в Белом доме сначала складировать и учитывать, а затем удалять вместе с военизированными формированиями, созданными там после 21 сентября. Взамен возобновляется подача воды, тепла и электричества (это было сделано авансом уже утром 1 октября), восстанавливается связь и снимается наружное оцепление. Но при этом Воронин и приданная ему на подмогу депутат Валентина Домнина выдвигают все новые условия. Мало того, что все оружие в здании объявляется штатным, а все ополченцы, собранные здесь — «россиянами, которые имеют право приехать в Белый дом». В переговорный процесс пытаются ввести, по выражению Лужкова, «муляжных министров», которые этот процесс заблокировали. Уже на первом этапе съездовские посланцы пытаются обусловить урегулирование выполнением политиче-

ских требований. А самое главное — президентская сторона видит: она ведет переговоры «с людьми, которые не хотят принимать решения, которые надо подписывать». Это прокручивание на холостом ходу продолжается два дня, а на третий Воронин оглашает заявление «Съезда», предназначенное не для контрагентов по столу переговоров, а для улицы, на которую, по его утверждению, уже вышли 70—80 тысяч сторонников оппозиции. Пересыпанное известными клише («преступная клика Ельцина» и т. п.) это заявление не оставляло сомнений в том, что никакие переговоры белodomовцам больше не нужны, их требования — немедленная односторонняя отмена указа № 1400 и сложение Ельциным своих полномочий⁶⁵.

Срыв переговоров объяснялся просто: блокады Белого дома к этому часу уже не существовало. Здесь теперь были озабочены другими вещами. Еще 2 октября, предвкушая переход военных на сторону оппозиции, «Съезд» по предложению Бабурина принял постановление, обещающее тем, кто прибудет с места службы «на защиту Дома Советов», повышение в воинском звании. А на следующий день Руцкой издает указ, предписывающий всем государственным органам препятствовать бегству за рубеж, задерживать и незамедлительно доставлять в Белый дом наиболее ненавистных для оппозиции деятелей противной стороны: Черномырдина, Шумейко, Чубайса, Филатова Шахрая, Козырева, Лужкова, Собчака и других⁶⁶. Теперь уже развилка была пройдена. Уличные беспорядки в Москве, начавшиеся 2 октября, наполнили Белый дом пьянящим чувством приближающейся победы⁶⁷.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В истории почти всегда революции и перевороты совершало активное меньшинство, пришедшее неважно откуда — из городских предместий, из сельвы, из-за границы — и бросившее вызов старой власти. Исход борьбы решало соотношение сил между ними. Причем не столько собственно физических сил, сколько, едва ли не в первую очередь, организация, уверенность в собственном

праве творить историю по-своему, воля к победе, наличие лидеров-харизматиков на каждой из сторон. Слабость власти, доминирующее ощущение всеобщего развала, развертывание стихийных процессов, ломающих привычные стандарты существования, а не известные три условия революционной ситуации, как они сформулированы Лениным, — решающие предпосылки победы мятежников, повстанцев, революционеров. Мятежи, революции (по Ленину, «праздники истории») — праздники только для этого активного меньшинства, да еще для тех, кто всегда затаенно присутствует в обществе и живет вне мира каких-либо идеалов, кого способен увлечь безумный порыв к разрушению и погрому⁶⁸. Но не для околоточных, которых топят в Фонтанке, не для офицеров, с которых срывают кокарды. Не для масс людей, хотя бы и усвоивших вкус к политике, но желающих ежедневно покупать хлеб в булочных и безопасно выходить из дома.

В жизни народов революции случаются, и тут ничего поделать нельзя. Неуемная ненависть к революции тех, кому дорог прежний порядок, стоит того же, что и фанатизм революционеров, которым, как иронизировал Коржавин, «ведом счастливых дней чертеж простой». Критерий для ответственного политика здесь один — отношение к насилию. Об этом у меня был спор с Глебом Павловским на «Пресс-клубе» Киры Прошутинской вскоре после октябрьских событий. Народ имеет право на восстание, сказал мой оппонент. Я возразил: нет, в конце XX века, да еще в стране, начиненной атомными бомбами и атомными электростанциями, нет такого права у народа. Героико-пафосная фантазия, застилающая глаза и мешающая увидеть вещи в их истинном свете, — самое мягкое, что я могу сказать об умонастроении, овладевшем в те дни и некоторыми другими, вовсе не лишеными аналитических способностей интеллигентами. «Только обращение к священному праву гражданского неповиновения произволу могло спасти 21 сентября представительную демократию... — писал Владимир Максименко. — Первый камень в своде народовластиа — готовность защищать право с оружием в руках»⁶⁹.

Думается теперь, что и мое жесткое противопоставление простого антитезиса тезису было не совсем точным. Дело не только в том, что перестало соответствовать условиям места и времени знаменитое утверждение о праве народа на восстание, вписанное Джефферсоном в американскую Декларацию независимости и чуть не два века вдохновлявшее прогрессистов и революционеров всех стран⁷⁰. Активное меньшинство с центром в Белом доме не представляло народное большинство — об этом свидетельствовали и все социологические опросы того времени. Не смогла оппозиция получить хотя бы пассивную поддержку ни критической массы людей, ни войск, ни сколько-нибудь заметного числа авторитетных общественных деятелей. Нельзя осуждать политиков за то, что они не согласились с явным нарушением Конституции и в первые дни после 21 сентября попытались воспрепятствовать ему ненасильственными средствами, хотя они тоже вышли за правовые рамки. Но когда ударной силой «защитников Конституции» начали становиться люди Анпилова, Баркашова и Терехова, когда с заклинаниями «Отступать некуда!» стал выступать такой «парламентарист», как председатель исполкома Думы Русского национального собора генерал Стерлигов⁷¹, когда все они стали разнуздывать, а затем и эксплуатировать стихию, когда они вынесли свой спор с президентом на улицы и попытались взять власть силой, они вступили на безответственный путь, чреватый смертельной опасностью для страны, и поставили себя вне закона и морали.

Возбужденная призывами к насилию толпа, в которой, помимо убежденных противников президента, было немало молодых парней, увлеченных возможностью получить оружие, пострелять, потягаться с ОМОНОм, уже днем 2 октября учинила беспорядки на Смоленской площади. Повторился сценарий, ранее разыгранный на первомайской демонстрации, — только в еще более ожесточенном виде. Группы провокаторов принесли паклю, бутылки с бензином, зажигательной смесью. Начали разбивать и поджигать машины. В безоружных милиционеров поле-

тели куски арматуры, покатились подожженные автомобильные покрышки. Силы правопорядка дрогнули. Продолжавшиеся несколько часов бесчинства вдохновили их организаторов на провокации еще большего масштаба и ничему не научили власти, застигнутые врасплох тем, что повторилось на следующий день. Нависавшую угрозу не оценил и президент, посетивший в тот день милиционеров, которые несли службу в оцеплении Белого дома, и отправившийся вслед за тем на дачу.

А 3 октября собравшиеся на Калужской площади демонстранты за час, почти бегом, преодолели 4—5 км и, сметая на своем пути милицейские кордоны, оказались у стен Белого дома. Воссоединившись с собравшимися там людьми, они деблокировали здание, захватив при этом у обращенных в бегство омоновцев каски, бронежилеты, дубинки, а также автомобили и автобусы. «Тактически мы прозевали, — говорил потом комендант Москвы Александр Куликов, — не смогли просчитать ситуацию 3 октября... Поняв нависшую над беспомощными милиционерами опасность, приняли согласованное с министерством решение по защите и спасению личного состава от бесчинствующих хулиганов и мародеров. Ведь в охране стояли солдаты призыва весны 1993 года, мальчишки восемнадцатилетние. Стояли без автоматов, без ничего, а их раздевали до гимнастеров и высаживали во дворе Белого дома на землю. И они там сидели, ожидая своей участи от тех, кто вершил погромы, лил кровь»⁷².

Так эскалация была поднята на новую ступень. От разжигания истерии оппозиция перешла к призывам к мятежу, а затем и прямому участию в нем. Определенная организаторская работа на улицах, видимо, проводилась. Как иначе объяснить, например, что число митингующих на Калужской площади выросло с нескольких сот до 10—12 тыс. человек за полчаса — время недостаточное, чтобы собрать и отправить на задание дивизию примерно равной численности, находящуюся в полной боевой готовности? Однако трудно сказать, в какой мере за всем этим (как и за бесчинствами на Смоленской площади накануне) была

направляющая рука лидеров Белого дома. До того можно было с определенностью говорить о их моральной и политической ответственности. Но во второй половине дня 3 октября ситуация переломилась. Камеры зафиксировали эпизоды, два из которых врезались в мою, как и многих, память. Первый: пришедший на Съезд демократом, а к октябрю 1993 г. — один из лидеров ФНС Илья Константинов вышагивает по вестибюлю московской мэрии как пахан во главе банды, творившей здесь суд и расправу. Второй: крысиная физиономия генерала Макашова, возглавившего налет на ТВ—Останкино и матом изрыгающего команды наскоро сколоченному бандформированию.

Не надо обладать большим воображением, чтобы представить, что стали бы творить эти люди, если бы им удалось дорваться до власти. Журналистка Вероника Куцылло, отважно и профессионально делавшая свою работу в здании парламента, не страдающая «стокгольмским синдромом», рассказала нелицеприятно по отношению и к осажденным, и к осаждающим, о том, что видела. Вот как она комментировала эйфорию, воцарившуюся в зале среди депутатов и боевиков, когда пришло известие: «Останкино отрубилось»: «Если можно взять телевидение... значит, можно взять все... Представить всю эту мразь в правительственных креслах... Фашисты на улицах, вскидывающие руку... Народ, приветствующий освободителей...»⁷³. И еще фрагменты, запечатленные телекамерами на митинге перед Белым домом. На козырьке здания — надпись «защитники Конституции». На балконе — лидеры оппозиции. Слышны их речи.

А. Руцкой: «Прошу внимания! Молодежь! Боеспособные мужчины! Вот здесь, в левой части строиться, формировать отряды, и надо сегодня штурмом взять мэрию и “Останкино”!» (Крики толпы: «Ура!»).

Р. Хасбулатов: «Я призываю наших доблестных воинов привести сюда... и танки для того, чтобы штурмом взять Кремль с узурпатором, бывшим, преступником Ельциным... Ельцин должен быть заключен в “Матросскую Тишину”!» (Крики, шум).

Ликование продолжалось вечером в зале заседаний Белого дома.

Р. Хасбулатов: «...Сегодня надо взять Кремль. “Останкино” взято!» (Бурные аплодисменты).

А. Руцкой по радиосвязи: «Внимание! Приказываю стягивать к “Останкино” войска. Стрелять на поражение! Подавить огневые точки в здании!»⁷⁴.

Отрезвление придет позже. Но 3 октября в Белом доме царила эйфория близкой победы⁷⁵. И поэтому, когда после тревожных тревожной ночи танковые снаряды стали разворачивать оконные проемы верхних этажей Белого дома, очень многие испытывали чувство освобождения от смертельной угрозы и расценили происшедшее как справедливое воздаяние⁷⁶. В том числе и некоторые из тех, кто потом стали твердить о «расстреле парламента».

С безответственностью лидеров оппозиции, призвавших своих сторонников на вооруженный мятеж, сопоставима безответственность власти, решившейся направить ход событий по рискованному руслу, но не оценившей силы сопротивления еще не поверженного противника. Что события на улицах Москвы навалились неожиданно, как обвал в горах, что в Кремле и на Старой площади царила растерянность, свидетельствуют все, на ком лежала громадная ответственность за сделанный выбор безотносительно к тому, одобряли они его или нет: Гайдар, Филатов, Чубайс и др. А также те, кто должен был организовать сопротивление мятежникам⁷⁷. Улицы и площади Москвы на несколько часов оказались под ударом погромщиков. И если они не натворили больших бед, то только потому, что на стороне оппозиции сражались не столь уж многочисленные отряды волонтеров, а хвастливое заявление новоназначенных министров о сотнях и тысячах обученных военных, перешедших якобы на сторону «защитников Конституции», были предназначены для взбадривания депутатов, принимавших в эти критические часы свои бессмысленные постановления и обращения⁷⁸.

У оппозиции не хватило сил, чтобы в ночь с 3 на 4 октября переломить неустойчивое соотношение сил в свою пользу. Но выяснилось это позже, а в те вечерние и ночные часы вспыхнут или не вспыхнут в стране всполохи гражданской войны, зависело, по-видимому, от трех обстоятельств. Во-первых, от исхода боя за телевидение. Выход в эфир лидеров и ораторов оппозиции на центральных каналах должен был стать ясным сигналом и для поддерживавшего ее активного меньшинства, и для колеблющихся, выжидающих людей. Но даже экран, погасший на время, необходимое, чтобы перекоммутировать трансляцию на передатчики за пределами Останкино (впрочем, тоже плохо защищенные), свидетельствовал о серьезности положения. Во-вторых, от позиции армии. Уже к вечеру 3 октября стало ясно, что сил милиции и внутренних войск, верных президенту, не хватает, чтобы справиться с мятежом. В-третьих, от способности лидеров Кремля преодолеть замешательство и продемонстрировать ошарашенному обществу волю к победе — во всяком случае, не меньшую, чем та, которая прозвучала в призывах вождей оппозиции.

Во второй половине дня 3 октября счет пошел уже не на часы — на минуты. Президент еще летел на вертолете в Кремль из своей загородной резиденции, а по коридорам правительственных зданий покати́лась паника. «Все кончено! — восклицали чиновники правительства, назначенное заседание которого почему-то никак не начиналось. — В течение часа нас всех перережут». Как всегда бывает в таких случаях, распространились слухи, представлявшие и без того скверную ситуацию в катастрофическом свете. Как бы подтверждая обоснованность этих опасений, депутат Николай Огородников заявил в телеинтервью: «Наш парламент принял решение, что те люди, которые поддержали этот государственный переворот, должны быть судимы и им определены меры наказания. Очень жесткие, вплоть до расстрела!». Следует ли удивляться, что на разных уровнях ощущалось желание снять с себя ответственность, сказаться больным, оказаться вне досягаемости? И вот тут выяснилось, что не растеря-

лись те самые «завлабы», ученые, журналисты, о непригодности которых к государственной работе произнесено было немало речей. Управление телеканалами с Останкина в резервную студию было перенесено за 14 минут.

Информационный коллапс не наступил, но это было полдела. Люди, напряженно всматривавшиеся и вслушивавшиеся в передачи радио и телевидения, где в режиме непрерывного вещания воспроизводились не всегда проверенные и часто противоречивые известия о том, что творилось в «горячих точках» столицы, понимали: инициатива в руках белодомовских формирований, улицы Москвы пустынные, по ним беспрепятственно проносятся на захваченном транспорте боевики, откликнувшиеся на призыв Руцкого и Хасбулатова, милиция спряталась, войска где-то застряли. Президент на исходе дня прибыл в Кремль, но не поступало никакой информации о том, чем он занимается, чего добился. Время идет, и все остается без изменений. Помощники уговаривают президента выступить по телевидению, но он, «чувствуя себя не в лучшей форме, оттягивал этот момент». По некоторым свидетельствам, нервное напряжение у него было столь велико, что до середины ночи он спал. Трубку прямого телефона брал то ли Илюшин, то ли Коржаков, чего прежде никогда не было. На экранах ТВ он появится лишь утром следующего дня.

Такова была ситуация, когда в 20:40 по телевидению выступил Гайдар. Речь его была короткой и жесткой. Сегодня, говорил он, мы не можем передоверить ответственность за судьбу демократии, России и свободы только милиции или армии. Тех, кто не хочет, чтобы наша страна на десятилетия превратилась опять в огромный концентрационный лагерь, он призвал собраться на площади у Моссовета, продемонстрировать свою решимость отбить атаку реакции. Ход был рискованный, можно даже сказать, отчаянный. Политик, которого большинство демократов считало своим лидером, брал на себя колоссальную, невыносимую ответственность. Его вины в издании указа № 1400 не было: он вер-

нулся в правительство, когда решение о том было принято и механизм запущен. Он сделал попытку отговорить Ельцина, считая акцию несвоевременной. Но теперь призывал своих безоружных сторонников преградить путь вооруженным людям, которые уже показали, на что способны, не зная в точности ни численности этого воинства, ни намерений его предводителей.

Это была политическая игра ва-банк, которая вполне могла привести к страшным событиям. Но поскольку до вооруженной схватки демонстрантов с боевиками дело, к счастью, не дошло, многотысячный митинг у Моссовета, продолжавшийся всю ночь, помог политически выиграть решающую партию. Колеблющимся генералам и полковникам было наглядно продемонстрировано, что в стране есть другое, «небелодомовское» активное меньшинство — демократы, связывавшие еще тогда свои надежды с Ельциным и одобрявшие его действия. Это было, однако, условие необходимое, но недостаточное, чтобы изменить атмосферу в городе и привести в действие вооруженные силы государства. Атака на Останкино была отбита, ее участники и командиры вернулись в Белый дом, но теперь уже не оставалось сомнений: отсюда исходила вооруженная агрессия, наутро искры не погашенного огня могли вновь разлететься по столице. Сейчас трудно сказать, насколько обоснованны были опасения, что у порога стоит гражданская война, но в те часы это казалось непреложным. Тем более, что переговоры в Свято-Даниловом монастыре еще днем были сорваны руководителями ВС, выстрелы у телебашни гремели до утра, около 2 часов ночи Хасбулатов заявлял журналистам, что гражданская война уже началась, а в 5 часов утра Воронин, встретившийся с Сосковцом, вел себя вызывающе и отверг все инициативы президентской стороны, так как полагал, что сотни тысяч москвичей идут на выручку Белому дому⁷⁹.

Было ясно, что без армии с ее бронетехникой милиция ничего сделать не сможет, а спецподразделения не пойдут на штурм Белого дома. В армии же, в частности среди высшего генералитета, — не без влияния демократов — еще с августа 1991 г. было

исключительно сильно убеждение, что она при любых обстоятельствах должна оставаться вне политики. Отсюда — невнятные объяснения Грачева в ответ на вопросы президента: почему медлят войска? Многим запомнилась картинка: Ельцин на танке в августе 1991 г. призывает войска и граждан к сопротивлению путчистам. То был символ перелома в истории страны. Вероятно, не меньшие последствия имел другой контрапункт: его появление в Министерстве обороны глубокой ночью 4 октября. Это было, конечно, не столь эффектно и театрально, да и не было тех, кто мог бы запечатлеть на пленку, как он преодолевал вязкое сопротивление генералов⁸⁰. Но именно в этот ночной час была подведена черта под историей не только первого постсоветского парламента, но и всего переходного периода.

Конечно, обстрел здания собственного парламента из танковых орудий на виду у страны и всего мира (операторы американской CNN работали высокопрофессионально) — скверный символ и Конституции, которая вслед за тем была введена, и демократии, которую таким способом защищали. Под обстрелом оказались очень разные люди. Чуть больше сотни депутатов из числа тех, кто накликал беду. Боевики, укрывавшиеся здесь после провала своих вылазок. Люди, которые видели события иначе, чем президент и его сторонники, и считали, что защита Верховного Совета, каким он стал к 1993 г., — их гражданский долг. Да и просто те, кто выполнял собственные профессиональные обязанности: от не покинувших посты милиционеров департамента охраны до журналистов и буфетчиц. Можно ли было действовать как-то иначе? Так, чтобы не запечатлелись в памяти многих и почерневшие от копоти стены белокаменного здания, и языки пламени, вырывавшиеся из окон? Отчего не был приведен в действие предложенный специалистом на встрече Ельцина с генералами план ночного овладения зданием, если и не совсем бескровный, то с меньшим числом жертв?⁸¹ Из-за нераспорядительности власти и сбоев в управлении силовыми структурами или для того, чтобы преподать урок на будущее?

У меня нет ответа на эти вопросы. В любом случае в эти драматические часы власть должна была осознать свою ответственность за то, что сначала своей ковбойской попыткой решения кризиса, а затем явленной в течение двух недель неспособностью совладать с сопротивлением подвела страну к очень опасной грани. И она решилась на то, к чему ее призывали многие в эту ночь. «Властители дум» перестроечного времени. Лидеры отечественной интеллигенции. Ведущие политики. В студии телевидения, перенесенной из Останкина, и на радиостанции «Эхо Москвы» один за другим выходили к микрофонам Михаил Горбачев, Александр Яковлев, Егор Гайдар, Юрий Лужков, Алесь Адамович, Булат Окуджава, Лия Ахеджакова, Иннокентий Смоктуновский, Василий Селюнин, Валентин Оскоцкий, Юрий Карякин, Олег Табаков, Борис Золотухин, Сергей Юшенков и многие другие. По-разному видели они причины событий, не обошлось без критики власти, но согласны все были в одном: сегодня ночью силам правопорядка надо остановить насилие, удержать столицу, завтра уже может быть поздно.

С призывами к решительным действиям выступили политики, которых нельзя было заподозрить ни в чрезмерной благожелательности к Ельцину, ни в одобрении указа № 1400. Упраздненный ВС и его сторонники, гласило заявление Гражданского союза, перешли грань, отделяющую политическую борьбу от преступления. Григорий Явлинский в сентябре предпринял не одну попытку изыскать компромиссное решение на основе возврата к ситуации, существовавшей до издания указа № 1400 и ответных действий ВС. Теперь он призвал президента проявить максимальную твердость и жесткость. Главная задача Ельцина в эту ночь, говорил Явлинский, — применить все доступные средства «для подавления фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома». Если для их подавления сил правопорядка «будет недостаточно, необходимо рассмотреть вопрос об использовании регулярных вооруженных сил»⁸².

...Рано утром 4 октября я вместе с Питером Реддеем, известным американским ученым, беспощадным критиком «анти-демократического рыночного большевизма» Ельцина, пришел на радиостанцию «Эхо Москвы». В ту роковую ночь, наполненную тревожными известиями, мы вместе наблюдали, как расширялась исходившая из Белого дома агрессия, которой власть на первых порах ничего не могла противопоставить, а затем погас экран телевизора... Тревожны были баррикады, возведенные за ночь на подходах к зданию радиостанции, и волонтеры, придиравшиеся проверявшие наши документы. Потрясение от увиденного было сильным, и когда Питер сел к микрофону, он стал говорить о поразившей его неспособности властей остановить мятежников, об исторических уроках 1917 г., когда правительство Керенского еще имело силы и возможность предотвратить большевистский переворот, но не понимало, сколь велика угроза, а когда понимание пришло, было поздно. Вывод американского ученого был категоричен: теперь уже ничего не остается, как применить силу, и чем скорее и решительнее это будет сделано, тем лучше⁸³.

Мятеж был подавлен. Очаг, из которого полетели искры, грозившие если не пламенем гражданской войны, то локальными пожарами, был потушен. Не знаю, насколько квалифицированно была осуществлена военная операция 4 октября. Противоречивы и свидетельства о том, когда белодомовские вожди согласились на сдачу. Пронзительный крик Руцкого, обращенный по телефону к Зорькину: «Валера! Бери судей, вези сюда послов — пусть они посмотрят, что происходит!.. Я послал людей с белым флагом, они их расстреляли!»⁸⁴, донесенный журналистами, будоражит память. И хотя опрос, проведенный в Москве 4 октября, казалось бы, свидетельствовал о колоссальном перевесе сторонников президента над его противниками в общественном мнении⁸⁵, либеральный еженедельник констатировал: «Превалирующее настроение — тревожное ожидание: ни сочувствия к защитникам Белого дома, ни торжества по поводу их поражения никто не высказывает»⁸⁶.

Когда ощущение острого шока миновало, оценки происшедшего стали смещаться не в пользу победителей. Жертвы среди гражданского населения, среди ослепленных людей, взявших оружие (или даже не бравших его), были велики, особенно на фоне почти бескровного августа 1991 г.⁸⁷ А пир победителей: унижительное обращение со сдавшимися, угрозы, избиения и т. п. — это бессудное и безразборное торжество мести было отвратительным⁸⁸. Способ разрешения и особенно завершения схватки нанес тяжкие потери всем — побежденным, победителям, обществу.

ПО СЛЕДАМ ТРАГЕДИИ

Не произошло самого худшего — ни гражданской войны, ни перехода власти к коммунистическим и национал-державническим силам. Но этим последствия «горячей осени» 1993 г. не исчерпывались. Они были противоречивы, многообразны и долговременны.

Трагическими событиями осени 1993 г. завершился период крайней нестабильности, разрушения государства, чудовищного сочетания безвластия и всевластия, как назвал это Михаил Гефтер⁸⁹. Какого рода стабильность шла на смену периоду потрясений, на протяжении которого государственные институты уничтожали друг друга, какой парламент заменил представительный орган, занимавшийся в последний год своего существования самоуничтожением, — иной вопрос. Он заслуживает отдельного разговора. Но не могло общество существовать, бесконечно переживая родовые схватки, которые могли завершиться чем угодно: утверждением новых политических структур, не менее жестких и авторитарных, чем в большевистские времена, распадом страны. Начала складываться политическая система — весьма далекая от того, к чему звали политики и идеологи, инициировавшие перестройку и реформы начала 90-х годов. Но она

оказалась более устойчивой и менее репрессивной, чем это могло казаться в 1993 г.

В конце 1993 г. был поставлен предел разламыванию России. Соревнуясь друг с другом, законодательная и исполнительная власти вели игру в поддавки с региональными политическими кланами: кто быстрее сдаст позиции, без которых единое государство существовать не может. Обессиливая друг друга и апеллируя к своего рода «третьей силе», стремясь склонить ее на свою сторону, две ветви власти, сознавая это или нет, вели дело либо к прямому распаду России, как это произошло с СССР, либо к замещению централизованного государства рыхлым конфедеративным образованием наподобие Союза германских государств до Бисмарка. Начало этому процессу положили баталии вокруг заключения Союзного и Федеративного договоров, вокруг новой российской Конституции, но самым опасным периодом были две недели в сентябре—октябре 1993 г., когда на авансцену вышли региональные политики известного рода во главе с Кирсаном Илюмжиновым. Предложенный рядом субъектов Федерации проект урегулирования кризиса Исаков не без сарказма назвал новой попыткой «учредить опеку над буйнопомешанным президентом и детски беспомощным Верховным Советом»⁹⁰.

Победа президента остановила этот угрожающий процесс. Заигрывания с региональными, в особенности с республиканскими элитами еще какое-то время продолжались, но им был положен предел. Непокорные советы подлежали роспуску. Конечно, о судьбе многих из них особо сожалеть не приходится. «Ностальгия по советской власти и синдром провинциального сепаратизма были присущи даже “демократическому” Санкт-Петербургскому городскому совету, активно проводившему рыночные преобразования и приватизацию», — писал активный участник демократического движения в северной столице⁹¹. Но с точки зрения конституционной законности и уважения к демократическим нормам указы о роспуске Советов, последовавшие за осенними события-

ми, были не более правомерны, чем указ № 1400, а вместе с нечистой водой из ванны был выплеснут и ребенок.

Историческая память людей — в особенности в таком обществе, как наше, находящемся в транзите, не выработавшем устойчивого отношения к своему прошлому, — капризна и переменчива. Выше я приводил данные о восприятии октябрьских событий, так сказать, по горячим следам. Спустя годы взгляд на них, прошедший отнюдь не через «магический кристалл» разбитых надежд и недобрых перемен, заметно преломился. Согласно опросу, проведенному в 2004 г., основную причину событий 3—4 октября в Москве 33% наших сограждан видят в «общем развале в стране, начатом М. Горбачевым», 32% — в «безответственной политике Б. Ельцина и его окружения» и только 16% — в «стремлении А. Руцкого и Р. Хасбулатова любыми средствами сохранить власть» и 11% — в «готовности коммунистических и экстремистских сил совершить государственный переворот». При этом лишь 21% респондентов сочли оправданным применение военной силы для подавления беспорядков, а 58% с этим не согласились⁹². Таков приговор, вынесенный нашим обществом, — хотелось бы надеяться, не окончательный, подлежащий пересмотру будущими поколениями, — победителям и побежденным в октябрьской схватке.

В октябре 1993 г. коалиция, объединившая демократов и новую бюрократию, победила другую, не менее разнородную коалицию, в которой к этому времени преобладали националисты и державники. В государственно-правовом отношении это была победа исполнительной власти над законодательной. Коалиции вскоре рассыпались, а доминирование исполнительной власти над законодательной укрепилось и сохраняется до сегодняшнего дня. Президент отвоевал неоспоримое право формировать высший эшелон этой власти и заменять высших чиновников, никому не давая объяснений. Таким правом он стал пользоваться произвольно, поражая и общество, и свое ближайшее окружение кадровыми «рокировочками».

Но это было еще полбеда. В России всегда была сильна традиция несоблюдения закона и неуважения к нему. Теперь она, вопреки всем декларациям об обратном, получила новые основания и подкрепление. Конституция, вошедшая в силу в декабре 1993-го, зафиксировала права и свободы на уровне мировых демократических стандартов. Однако система сдержек и противовесов была ослаблена, а это открывало широкое поле повсеместному нарушению декларируемых прав, беззакониям на разных уровнях, распоряжению властью по-феодалному, по-чиновничьи.

Новую подпитку получила и другая российская традиция — решение вопросов государственной и общественной жизни посредством насилия. Конечно, система тотального государственного насилия коммунистических времен не была восстановлена. Но поскольку законодатели уже в феврале 1994 г. поторопились амнистировать насилие с обеих сторон, кровавый рубец в сознании общества сохранился. Насилие, даже самые зверские его формы остаются неотъемлемой частью нашей социальной жизни. Прямым продолжением октября 1993 г. в Москве стал декабрь 1994-го и многое, что за ним последовало в Чечне, где беззаконное насилие сделалось орудием обеих сторон, образом жизни. И не только в Чечне.

Наконец, с еще бóльшим основанием, чем в августе 1991 г., российские демократы могли бы сказать про себя: мы потерпели победу... В ночь на 4 октября они в последний раз наложили собственный отпечаток на ход политических событий. Впоследствии большинство активных участников тех событий было вытолкнуто на периферию политической системы. Другие были инкорпорированы ею. Сражаясь с государственным социализмом, демократы поспособствовали утверждению в стране не общества европейского типа, рисовавшегося как идеал, а того общественного строя, который именуют бюрократическим, номенклатурным капитализмом. Неотъемлемая черта этой системы, роднящая ее с прежней коммунистической, — исчезновение из общественной жизни публичной политики, замещение самодея-

тельной активности граждан «управляемой демократией» с сопутствующими ей демагогией, «черным пиаром», расцветом заказного компромата. Как у Чапека наступавшие саламандры обрели своих адвокатов среди людей, так и здесь те, кого можно, вслед за Джиласом, назвать «новым классом», вскоре нашли теоретиков и пропагандистов, набивших руку на доказательствах того, что все «действительное разумно». Культура политического компромисса, цивилизованного отношения власти к оппозиции и цивилизованного поведения оппозиции в России все еще не усвоена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрагменты из интервью «Основная проблема России — слабость центральной власти», данного журналисту Дмитрию Волкову (Сегодня. — 1993. — 16 июля).

² Рос. газ. — 1993. — 9 сент.

³ Моск. новости. — 1993. — 3 окт.

⁴ Детальный календарь подготовки к роспуску парламента и последующих событий приводят авторы «Эпохи Ельцина» (М., 2001. — С. 352—372). См. также: *Ельцин Б.* Записки президента. — М., 1994. — С. 347—387; *Филатов С.* Совершенно несекретно. — М., 2000. — С. 285—324; *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. — М., 1996. — С. 271—293; *Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». — М., 1995. — С. 346—397; *Хасбулатов Р.* Великая российская трагедия. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 168—404; *Исаков В.* Госпереворот: Парламентские дневники 1992—1993. — М., 1995. — С. 423—461; *Воронин Ю.* Свинцом по России. — М., 1995. — С. 32—101, 116—216 и др.

⁵ Запись совещания в Конституционной комиссии. 06.09.1993. — Архив автора.

⁶ Записи совещаний рабочей группы КК. 10, 14, 15.10.1993. — Архив автора.

⁷ Проект закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Российской Федерации — России». Сентябрь 1993. — Архив автора.

⁸ «Ничего просить я в Америке не собираюсь особо... Нас расспрашивают: как вы будете бороться с инфляцией? Можно подумать, что я лежу и думаю об этом. Я думаю, когда лежу, но о другом, как любой нормальный человек... И то,

что Черномырдин знает, вряд ли кто в стране знает больше него. Нету сегодня таких людей». И т. п. (Известия. — 1993. — 31 авг.).

⁹ Запись встречи депутатов с министрами. 16.09.1993. — Архив автора.

¹⁰ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 347, 356—357.

¹¹ Филатов С. Указ. соч. — С. 286—287.

¹² Гайдар Е. Указ. соч. — С. 277—278.

¹³ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 358—359.

¹⁴ Эпоха Ельцина... — С. 355. Уже после того, как указ № 1400 был объявлен, Ю. Батурин рассказывал, что ему не было известно, кто готовил исходный текст, не было уверенности, что президент указ подпишет. В процессе доработки стиль документа был смягчен.

¹⁵ «Нас проинформировали некоторые сотрудники аппарата президента и министерства внутренних дел, что указ о роспуске народных депутатов предполагается ввести именно 19 сентября 1993 г., в воскресенье, когда в Доме Советов никого не бывает», — рассказывает Ю. Воронин (Воронин Ю. Указ. соч. — С. 41). Именно по причине утечки информации (о чем узнали сотрудники президента) операция была отложена на два дня. Но 20 сентября к Хасбулатову явился генерал Кобец, игравший, по-видимому, в эти дни на две стороны, и познакомил спикера с тем, как обсуждался готовящийся указ на коллегии Министерства обороны. Судя по пространному тексту с многочисленными репликами, который воспроизводит Хасбулатов, Кобец принес потаенно записанную во время заседания коллегии пленку (Хасбулатов Р. Указ. соч. — С. 185—188). «Главный смысл моего обращения сегодня состоит в том, — говорил Руцкой, выступая в ВС 17 сентября, — чтобы прямо и открыто заявить вам, народные депутаты, гражданам России, мировому сообществу, что кремлевскими властями практически все подготовлено для введения так называемого “президентского правления”, а по существу — режима диктатуры». Объясняя впоследствии резкость своих формулировок, Руцкой писал, что к тому времени в его распоряжении была информация, включавшая «даже некоторые тексты и постановку задач» (распечатка выступления А. Руцкого в ВС РФ 17.09.1993. — Архив автора; Независимая газ. — 1994. — 27 янв.). То есть Кобец был не первым и не единственным информатором.

¹⁶ «Решение принято 3 сентября». Подборка документов ВС. — Архив автора.

¹⁷ Эпоха Ельцина... — С. 362.

¹⁸ Граждан. мысль. — 1993. — № 8. — 3 сент.

¹⁹ Запись на заседании фракции «Согласие ради прогресса» 03.09.1993. — Архив автора.

²⁰ Анализ ситуации в Российской Федерации осенью 1993 г. и перспектив ее развития в ближайшие месяцы. Проект заявления фракции «Согласие ради прогресса» и иные подготовленные материалы. 19.09.1993. — Архив автора.

²¹ Эпоха Ельцина... — С. 360.

²² Москва. Осень-93: Хроника противостояния. — М., 1994; 93. Октябрь. Москва. Хроника текущих событий / Век XX и мир; Ред.-сост. Г. Павловский. — М., 1993; Листовки Белого дома. Московские летучие издания. 22 сентября — 4 октября 1993 / Сост. Б. Биленкин, Е. Струкова. — М., 1993. См. также мемуары участников, указанные в примечании 4.

²³ Москва. Осень-93... — С. VII—XIII.

²⁴ Там же. — С. 76; Эпоха Ельцина... — С. 361—362.

²⁵ Москва. Осень-93... — С. 76—78.

²⁶ Исаков В. Указ. соч. — С. 426.

²⁷ Москва. Осень-93... — С. 174—175. Я несколько месяцев пробыл заместителем председателя одной из этих комиссий и мог видеть, что членство в ней многие записавшиеся рассматривали как синекуру.

²⁸ Как сообщил 27 сентября на пресс-конференции В. В. Волков, заместитель главы администрации президента, из 384 депутатов, работавших на постоянной основе, в исполнительные органы власти и кремлевскую администрацию согласились перейти 76 человек, а 114 вели переговоры (Москва. Осень-93... — С. 220).

²⁹ Там же. — С. 201.

³⁰ Сократить конституционный марафон, завершение которого планировалось лишь на середину 1994 г., предложил российскому послу во Франции Юрию Рыжову известный французский правовед, эксперт нашей Конституционной комиссии Мишель Лесаж. Последовавший 5 октября звонок из Парижа был по достоинству оценен в президентской администрации. Довольно быстро была получена санкция Ельцина (Филатов С. Указ. соч. — С. 325—326).

³¹ Хасбулатов Р. Указ. соч. — С. 230; Москва. Осень-93... — С. 219.

³² Ельцин позднее описывал это так: «То обстоятельство, что Белый дом предпринял боевой штурм военного объекта, говорило о следующем: либо руководство бывшего парламента уже не контролировало ситуацию и реальную власть там взяли вооруженные экстремисты, либо Хасбулатов и Руцкой решили проверить реакцию властей на первую кровь. Как там в Кремле среагируют? А возможно, в Белом доме одновременно происходили два этих плохо управляемых процесса» (Ельцин Б. Указ. соч. — С. 370).

³³ Там же. — С. 360.

³⁴ Москва. Осень-93... — С. 8—9. Выступая на этом совещании судей, Тамара Морщакова говорила: «Конечно, если мы будем оценивать этот указ с чисто юридической точки зрения, то, безусловно, найдем массу оснований для того, чтобы можно было признать его тотально неконституционным. Но речь сейчас идет совершенно о другом... Настаивать сейчас на конституционных шагах, чьих, простите, — президента, Верховного Совета, когда давным-давно никакие законодательные власти никакие конституции не соблюдают... Когда органы власти на местах не то что конституционных, никаких вообще законов не признают и делают что хотят. Это было бы, если хотите, аморально, означало бы, что

мы закрываем глаза на то, что происходит, и от кого-то, только от одной власти, требуем того, что можно было соизмерить с Основным законом государства». Морщакова предложила Конституционному суду осознать собственную ответственность за прежнее решение, обесценившее результаты апрельского референдума, понять, что в такой ситуации он вообще работать не может, и уйти в отставку (Там же. — С. 11). В Конституции содержались два основания для отрешения президента от должности (ст. 121⁶ и 121¹⁰). Не договорившись, какую из этих норм следует привести в действие, Суд выдал лукавую формулировку: «...в порядке статьи 121¹⁰ или 121⁶ Конституции». В позднейшем заключении Генеральной прокуратуры были обстоятельно проанализированы многочисленные нарушения закона о Конституционном суде и его регламента, допущенные судьями в этот вечер (Там же. — С. 18—19).

³⁵ Голосование здесь тоже было не очень убедительным. За это предложение проголосовали 140 из 247 членов ВС. Большинство сторонников президента на заседание не пришло (Там же. — С. 26—27).

³⁶ Решение было принято не подсчитанным большинством депутатов, против проголосовали 2, воздержался 1. Против передачи полномочий Руцкому было подано 3 голоса, 1 воздержался. Немногочисленные противники оппозиции, присутствовавшие на заседании, не зарегистрировались или в голосовании не участвовали (Там же. — С. 112; Запись на заседании «Х СНД» 23—24.09.1993. — Архив автора).

³⁷ Около сотни депутатов, не сумевших проникнуть в Белый дом, собирались в Краснопресненском райсовете Москвы, но здесь учет был поставлен еще хуже. Подход к принципу разделения властей по предложению конституционалиста Румянцева был применен выборочно: мандатов лишали представителей лишь федеральной, но не региональной исполнительной власти: среди последних рассчитывали найти союзников (Москва. Осень-93... — С. 87, 91, 104—105, 181, 283, 611—618; Листовки Белого дома... — С. 217—219; Воронин Ю. Указ. соч. — С. 71, 120).

³⁸ Смещая министров, прежде занимавших эти посты, ВС также выходил за рамки Конституции, такого права за ним не предусматривавшей.

³⁹ Москва. Осень-93... — С. 39—40, 42—44, 52, 56, 127; Хасбулатов Р. Указ. соч. — С. 275—276; Листовки Белого дома... — С. 83.

⁴⁰ Листовки Белого дома... — С. 34, 46—52, 80—81, 85—86.

⁴¹ Москва. Осень-93... — С. 219.

⁴² Там же. — С. 162; Листовки Белого дома... — С. 94.

⁴³ Листовки Белого дома... — С. 97—99, 106—115, 118—119, 124—125, 128—135, 139—143, 147—151 и др.

⁴⁴ Москва. Осень-93 — С. 63, 147, 192; 93. Октябрь. Москва... — С. 129.

⁴⁵ Москва. Осень-93... — С. 165.

⁴⁶ Через неделю Руцкой передумал и заявил, что все-таки будет баллотироваться на пост президента, хотя «горячего желания нет». — Там же. — С. 139—143;

93. Октябрь. Москва... — С. 199; *Воронин Ю.* Указ. соч. — С. 56—57; *Хасбулатов Р.* Указ. соч. — С. 241; *Исаков В.* Указ. соч. — С. 433; *Куцылло В.* Записки из Белого дома. — М., 1993. — С. 57.

⁴⁷ Правда. — 1994. — 4 окт.

⁴⁸ *Воронин Ю.* Указ. соч. — С. 59.

⁴⁹ Классический исторический пример — Бисмарк, ставший на пути прусских генералов и самого короля, намеревавшихся навязать Австрии после поражения под Садовой в 1866 г. тяжкие и унижительные условия капитуляции.

⁵⁰ Листовки Белого дома... — С. 19; 93. Октябрь. Москва... — С. 17—18, 134, 223; Москва. Осень-93. — С. 143—144, 622; *Хасбулатов Р.* Указ. соч. — С. 247—248.

⁵¹ До принятия Конституции РФ этот Совет претендовал на контроль над согласованием ее проекта, изменениями и дополнениями к действующей Конституции, актами о высших органах федеральной государственной власти, над вопросами, выносимыми на референдум и т. д.

⁵² Москва. Осень-93... — С. 129; Листовки Белого дома... — С. 80—81, 138; 93. Октябрь. Москва... — С. 168—170; *Хасбулатов Р.* Указ. соч. — С. 238—240. По подсчету С. Шахрая, на встрече в Конституционном суде присутствовали четыре председателя ВС республик, один президент, один премьер, 29 председателей краевых и областных Советов, восемь заместителей и два главы администрации — всего 45 человек из регионов (по другим данным — 54 или 62), а также делегированные Белым домом председатели палат Абдулатипов и Соколов и несколько депутатов. Большинством голосов было принято решение об образовании Совета субъектов Федерации.

⁵³ 93. Октябрь. Москва... — С. 253, 264—265.

⁵⁴ Москва. Осень-93. — С. 231—232, 252—253, 624; 93. Октябрь. Москва... — С. 157; *Хасбулатов Р.* Указ. соч. — С. 282—286; Тишайшие переговоры (1—3 октября 1993. Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре). — М., 1993. — С. 33—35.

⁵⁵ Москва. Осень-93... — С. 223, 238; 93. Октябрь. Москва... — С. 73, 134—135, 172; *Воронин Ю.* Указ. соч.... — С. 47; Моск. новости. — 1993. — 3 окт.

⁵⁶ Независимая газ. — 1993. — 25 сент.; *Третьяков В.* Русская политика и политики в норме и патологии. — М., 2001. — С. 155—158.

⁵⁷ Листовки Белого дома... — С. 64.

⁵⁸ Основные положения этого раздела были изложены в статье, опубликованной в «Независимой газете» 7 октября 2003 г.

⁵⁹ Тщетно ораторы от «Яблока» и «Выбора России» предлагали не рушить парламентскую комиссию. «Если мы хотим начинать с акта гражданского согласия, — говорил Шахрай, — то надо сегодня в пакете принимать решение об упразднении комиссии по парламентскому расследованию событий 3—4 октября». За пакет, включавший Меморандум о согласии, два постановления об амнистии

и решение о ликвидации комиссии, проголосовали 252 депутата (58,8%), против — 67, воздержались — 28 (Государственная Дума. Стенограмма заседаний. 1994. — Т. 3. — М., 1995. — С. 22—26, 33—36, 43).

⁶⁰ Примерно в таком ключе события у «Останкина» в ночь с 3 на 4 октября излагает, например, в изданном Г. Павловским сборнике документов некий укrywшийся под псевдонимом «ответственный работник правительства РФ» (93. Октябрь. Москва... — С. 220—222, 290). Не жалеет крепких эпитетов при описании этих событий и другой носитель псевдонима, депутат Моссовета тех лет (*Кольев А.* Мятеж номенклатуры. [Москва 1990—1993]). — М., 1995. — С. 391—451). Искушению этой версией поддались и некоторые либеральные авторы.

⁶¹ Москва. Осень-93... — С. 526.

⁶² Там же. — С. 273—274.

⁶³ Вечером 1 октября, ознакомившись с требованием провести перевыборы президента вместе с парламентом 12 декабря, Ельцин заявил, что для достижения согласия он «готов избираться хоть завтра» (Аргументы и факты. — 1994. — № 14).

⁶⁴ Москва. Осень-93... — С. 276—277.

⁶⁵ Тишайшие переговоры. — С. 90—92, 98—102, 115—116, 119—120, 130—136, 142—143, 155, 161—163, 250—251, 292—303, 320—331. «Воронин, — напишет позднее Лужков, — выполнил политический заказ Верховного Совета. Он сделался реальным конкурентом Хасбулатова и во многом превзошел, если хотите, его как в смысле политическом, так и организаторском... Я понял, что это очень коварный и опасный человек, блестяще владеющий манипуляторскими способностями и демагогией» (Там же. — С. 372—373).

⁶⁶ Примечательно отсутствие в этом списке Ельцина, Гайдара и Грачева. «Видимо, — замечает Гайдар, —эту троицу везти далеко не предполагалось» (Москва. Осень-93. — С. 376—377; 93. Октябрь. Москва... — С. 207, 223; *Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 287—288).

⁶⁷ «3 октября 1993 года ликвидирован государственный переворот, который пытался осуществить бывший президент России Б. Н. Ельцин, — гласило обращение Руцкого и Хасбулатова к гражданам России. — Это удалось благодаря героическим усилиям народа, москвичей, народных депутатов, субъектов Российской Федерации, честных сотрудников правоохранительных структур и военнослужащих российской армии» (Москва. Осень-93... — С. 375).

⁶⁸ Запоминающийся образ такого любителя революций нарисовал Илья Эренбург. Лаццароне Эрколе Бамбучи, подобранный Хулио Хуренито в римском Трастевере и включенный в свиту Великого Провокатора, так рассказывает о своих пристрастиях: «За границей, кажется, в Испании, кого-то застрелили, вот и устроили революцию — повалили скамейки, омнибусы, фонари, зажгли фонтаны газа и пели, кричали, стреляли до самой ночи. Это лучше праздника, жаль только, что скоро кончается...» (*Эренбург И.* Хулио Хуренито // Собр.

соч. — Т. 1. — М., 1962. — С. 63). Без выхода на улицы такой публики, которая накладывает свой отпечаток — иногда более, иногда менее глубокий — на события, кажется, не обходилась ни одна революция.

⁶⁹ Независимая газ. — 1993. — 7 окт.

⁷⁰ «...Люди скорее склонны страдать там, где страдания выносимы, чем использовать свое право и отменить привычные формы. Но когда целый ряд оскорблений и узурпаций, неизменно направляясь к одной и той же цели, выявляют замысел правительства — подчинить народ абсолютному деспотизму, правом и обязанностью народа становится свергнуть такое правительство и создать новую систему для обеспечения правопорядка в будущем», — гласила Декларация независимости (Декларация независимости. Конституция Соединенных Штатов Америки. — Нью-Йорк, 1979. — С. 6).

⁷¹ «Мы отвергаем западный парламентаризм, институты мэров, префектов и супрефектов, — писал в те дни А. Стерлигов. — Их наш народ отверг в 1812 году» (Правда. — 1993. — 8 сент.). «Моя тактика была направлена на то, чтобы радикализировать руководство Верховного Совета... — говорил В. Анпилов. — Надо было добиться, чтобы народная масса толкнула их в направлении занятия ключевых пунктов власти: Моссовета, Генштаба, КГБ и так далее» (Независимая газ. — 2001. — 28 июня).

⁷² Москва. Осень-93... — С. 477. Распространявшаяся лидерами и сторонниками оппозиции версия, будто бы преграды перед демонстрантами были сознательно сняты, машины с ключами зажигания брошены специально для того, чтобы спровоцировать горячие головы в толпе на насильственные действия, не подтверждается никакими фактами и не выдерживает серьезной критики. Это разновидность столь популярной среди алчущей сенсаций публики «теории заговора» как направляющей силы исторического процесса. Не вызывают доверия, с другой стороны, утверждения руководителей сил правопорядка, прозевавших начало мятежа, будто бы отступление милиции перед превосходящими силами носило организованный характер.

⁷³ Куцылло В. Указ. соч. — С. 118.

⁷⁴ Фонограммы Российского телевидения. Радиоперехват // Москва. Осень-93... — С. 365, 388, 392; В. Куцылло. Указ. соч. — С. 117. Куцылло описывает примечательный обмен репликами в томительные часы, когда дело уже шло к концу: «Я вдруг зверею: “Руслан Имранович, а когда Вы приказ идти на “Останкино” и Кремль отдавали, Вы думали, что вот так придется сидеть?”. Он с усилием отрывает голову от стены: “Да не отдавали мы никакого приказа! Люди сами пошли...” Воронин кивает: “Никаких приказов мы не отдавали...” — “А кто?” — “Никто. Так получилось”. Так получилось. Письменных приказов, конечно, нет. Если и были, то уже уничтожены» (Там же. — С. 140).

⁷⁵ Как в эти часы рассчитывала направить развитие событий умеренная оппозиция, показывает курьезный эпизод, о котором со вкусом (и на полном серъ-

езде!) поведал Олег Румянцев. Получив предварительно санкцию Руцкого и Хасбулатова, в своем белодомовском кабинете он собрал «совещание депутатов, экспертов, политических соратников — как всегда для написания значимого документа». Через час в итоге «мозгового штурма» документ этот — проект указа Руцкого «О назначении членов переходного Правительства РФ» был изготовлен. Отобраны были «представители различных политических сил, люди опытные и знающие, а главное — порядочные». «Список Румянцева» действительно впечатляет. В премьеры был предложен Скоков, выдвижения которого на этот пост не дождалась оппозиция на VII Съезде. В вице-премьеры была двинута верхушка ВС: Воронин, Соколов, Исправников и др. Министерские посты должны были занять такие «представители различных политических сил», известные своей незапятнанной «порядочностью», как Зюганов и Лукин, Баранников и Вольский, Примаков и Макашов, гэкачепист Павлов и Шафраник с Нечаевым и т. п. Не забыл автор проекта и себя: поставив во главе министерства по связям с ВС и общественными объединениями (Правда. — 1995. — 21 сент.). Неглупый человек Румянцев, конструируя правительство по упоминавшемуся выше «зоопарковому принципу» («от каждого вида — по представителю»), должен был понимать, что идея его — из области ненаучной фантастики. Такая модель хорошо известна из блистательной «Звериной фермы» Оруэлла. Собрать под эгидой Руцкого и Хасбулатова на антиельцинской платформе всех этих людей, многие из которых легко могли представить, к чему приведет воспроизведение подобной модели, — такое могло привидеться только в атмосфере коллективного амока, который снизошел на сидельцев Белого дома, предвкушавших близкую победу.

⁷⁶ «А тогда было по-настоящему страшно, — вспоминает «известинец» Ю. Богомолов. — Позвонивший мне в ночь на 4-е знакомый режиссер сказал: хотелось бы, наконец, услышать лязг танковых гусениц» (Известия. — 2001. — 4 окт.).

⁷⁷ «...Развилка событий 3-го числа показала, — писал Гайдар, — что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженные отряды, выставленные оппозицией, вот-вот проложат дорогу к власти в России безответственным и опасным экстремистам». «...На какое-то время вокруг Кремля установился вакуум — тут царила растерянность, ощущались неясность положения и соотношения сил», — свидетельствовал Филатов (Гайдар Е. Указ. соч. — С. 286; Филатов С. Указ. соч. — С. 313; Москва. Осень-93. — С. 573—574, 404, 413, 477).

⁷⁸ В. Баранников докладывал о 7 тыс. офицеров, от капитанов до полковников, несущих службу в Белом доме, В. Ачалов — о 600 (Москва. Осень-93. — С. 114, 160). Иронические зарисовки воинства, привлекаемого Белым домом, содержатся в репортаже В. Куцылло (Куцылло В. Указ. соч. — С. 40, 54).

⁷⁹ 93. Октябрь. Москва... — С. 244—247; Куцылло В. Указ. соч. — С. 121; Бабаев Б. Расстрел Белого дома. — Иваново, 1994. — С. 114.

⁸⁰ Картину того, что происходило в ночь на 4 октября в Министерстве обороны, выразительно описывает Коржаков: Грачев без галстука, в рубашке, из-под расстегнутого ворота которой видна тельняшка, растерянные и понурые генералы, невнятные объяснения («танкисты на картошке»).... Привести в движение эту студенистую массу было непросто. «У меня сложилось впечатление, — пишет Коржаков, — что каждый из них думал лишь об одном — как оправдать собственное бездействие» (*Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. — М., 1997. — С. 168—170.*) Конечно, воспоминания этого персонажа, которым молва приклеила меткое обозначение «Записки лакея», — свидетельство не слишком надежное, но оно подтверждается и другими источниками.

⁸¹ *Ельцин Б. Указ. соч. — С. 384—386.* На встречу Ельцина с генералами Коржаков привез своего заместителя, специалиста по диверсионным операциям Геннадия Захарова, который изложил три варианта подавления сопротивления Белого дома. Первый из них, который повлек бы наименьшие потери, мог быть осуществлен силами спецподразделений «Альфа» и «Вымпел» лишь до рассвета. Прошел третий вариант — с использованием огневой мощи танков как средства психологического воздействия. Однако сама стрельба из танков по верхним этажам здания, по свидетельству Г. Захарова, прошедшего по этим этажам после окончания событий, жертв не повлекла (*Сборник материалов и документов Специальной комиссии Государственной Думы ФС РФ по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против президента РФ, и их рассмотрения Государственной Думой 13—15 мая 1999. — С. 299—301; Москва. Осень-93... — С. 601—605.*)

⁸² *Москва. Осень-93... — С. 392, 397, 549; Явлинский Г. Десять лет. — М., 1999. — С. 187—190; Запись передачи программы «Вести» на Российском телевидении. 04.10.1993 с 00:00. — Архив автора; 93. Октябрь. Москва... — С. 269.*

⁸³ Запись передачи «Эха Москвы» утром 04.10.1993. Позднее П. Реддевей напишет: «Когда в это октябрьское утро прозвучал первый орудийный залп, трехлетний российский эксперимент демократического разделения властей пришел к концу». И уточнит свою позицию следующим образом: «Наша критика Ельцина вовсе не подразумевает, что победа вооруженных сил Белого дома вывела бы Россию на путь лучше того, по которому она идет. Это представляется совершенно невероятным. Мы стремимся подчеркнуть, что непомерный ущерб российской демократии нанесли два решения Ельцина: во-первых, отказ от серьезных переговоров с оппозицией летом 1993 г., в центре которых мог бы стоять нулевой вариант и к которым можно было бы привлечь иностранных посредников, и, во-вторых, нарушение Конституции, роспуск парламента и опять же отказ от переговоров всерьез, что привело к роковой конфронтации с парламентом» (*Reddaway P., Glinsky D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism against Democracy. — Washington, 2001. — P. 3, 371, 428—429.*)

⁸⁴ *Куцылло В. Указ. соч. — С. 152; Москва. Осень-93... — С. 493.*

⁸⁵ По данным ВЦИОМ (ныне «Левада-центр»), 71% опрошенных заявили о доверии президенту, 4% — Верховному Совету (согласно данным другого опроса в поддержку парламента высказалось 9%). Основную ответственность за события 3—4 октября 15% возложили на Ельцина, 45% — на Руцкого, 47% — на Хасбулатова. Использование войск в Москве сочли оправданным 78%, неоправданным — 12% (Москва. Осень-93. — С. 488—489; 93. Октябрь. Москва... — С. 252).

⁸⁶ Моск. новости. — 1993. — 10 окт.

⁸⁷ По данным Генеральной прокуратуры, представленным в 1998 г. думской комиссии, готовившей импичмент президента, погибли либо умерли от ранений, полученных в октябрьские дни 1993 г., 123 человека. Падкие на сенсации журналисты поторопились сообщить о полутора тысячах убитых, о вывезенных за город и сожженных в Белом доме трупах. За такого рода дезинформацией — не только бесчестный политический расчет, но и пренебрежение к каждой отдельной человеческой жизни, к трагедии, масштабы которой не нуждаются в преувеличении (Сборник документов и материалов Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, и их рассмотрения Государственной Думой 13—15 мая 1999 года. — М., 1999. — С. 320; Независимая газ. — 1993. — 30 окт.).

⁸⁸ О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 г.: Доклад Комиссии по правам человека при Президенте РФ. — М., 1994. — С. 35—39. «Эти факты, — гласил доклад комиссии Сергея Ковалева, — не получили должной официальной правовой оценки, не вызвали особой тревоги в обществе, однако они до сих пор оказывают негативное влияние, таят в себе потенциальную опасность...». Бузгалин А., Колганов А. Кровавый октябрь в Москве: Хроника, свидетельства, анализ событий. — М., 1994. — С. 105—114; Бабаев Б. Указ. соч. — С. 121—126.

⁸⁹ 93. Октябрь. Москва... — С. 288.

⁹⁰ Исаков В. Указ. соч. — С. 432.

⁹¹ Винников А. Я. Цена свободы. — СПб., 1998. — С. 588.

⁹² Общественное мнение-2004: Ежегодник / «Левада-центр». — М., 2004. — С. 165.

глава 23

Избирательный закон (как голосовать России)

Тем, кто любит колбасу и уважает закон,
лучше не видеть, как делается то и другое.

«Принцип колбасы»

Напряженная борьба, острые схватки, по сей день разворачивающиеся вокруг избирательного законодательства, заслонили не столь уж долгую, но весьма драматическую историю становления новой избирательной системы. Между тем история эта изобиловала острыми поворотами, не раз возникавшими угрозами, которые заслуживают внимания и сами по себе, и потому, что современный российский парламентаризм в том виде, в каком он стал формироваться, неотделим от правил, по которым парламент избирают.

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА

После VII СНД, едва не завершившегося полным разрывом между президентом и съездовским большинством, стало очевидно, что Съезд, избранный в 1990 г., до конца срока своих полномочий не дотянет. Проект Конституции, мучительно продиравшийся через согласования на Съездах, в палатах и комитетах Вер-

ховного Совета, фиксировал лишь ликвидацию Съезда и учреждение двухпалатного постоянно действующего парламента. Причем численность нижней палаты (в проекте ее предлагалось именовать Государственной думой) была предметом затянувшегося спора между мной и Олегом Румянцевым. Получив поддержку актива рабочей группы КК, я убеждал Румянцева, что оптимальное число — 450 депутатов, однако после всех, казалось бы, договоренностей в каждом очередном варианте проекта подчиненный Румянцеву аппарат КК заменял будто бы согласованные 450 на 300¹. Но главная линия разногласий была связана с порядком выборов: Румянцев, как и большинство депутатов (напомню, что все мы были избраны в одномандатных округах), был убежденным сторонником мажоритарной системы.

Чтобы вырваться из порочного круга, необходимо было найти нетривиальные ходы. Моим другом и ближайшим политическим союзником в рабочей группе КК был Леонид Волков. Посоветовавшись, мы решили создать под эгидой КК еще одну рабочую группу — инициативную, по разработке избирательного законодательства. Эту работу пришлось начинать с нуля. Группа возникла в декабре 1992 г., по горячим следам VII Съезда, и уже в январе—феврале следующего года появились первые наброски закона.

В работе группы, которая никогда не была четко структурирована, на разных этапах, кроме меня и Волкова, принимали участие депутаты Сергей Ковалев, Борис Золотухин, Юрий Москвич, Евгений Кожокин, а также эксперты, юристы высочайшего класса Борис Страшун, Виль Кикоть и Михаил Краснов, историки — блестящие специалисты по политическим системам Запада Кирилл Холодковский и Сергей Перегудов, политгеограф, опубликовавший развернутый анализ первых полусвободных выборов 1989 г. Николай Петров и др. Главную организующую и дисциплинирующую роль в группе выполнял Александр Собянин, беззаветно и бескорыстно отдававшийся делу и жестко отстаивавший свои научные и политические позиции. Вся документация, с которой выступала группа, проходила через его руки. Чуть позднее в состав группы вошли активисты демократических организаций, привлеченных к обсуждению первых вариантов проекта, Олег Каюнов и Владислав Луценко, ставшие впоследствии моими незаменимыми помощниками. Наконец, колоссальная техническая работа свалилась на мою помощницу по Верховному Совету Лидию Власову, человека невиданной работоспособности, верного и надежного. Так возникла команда единомышленников (что не исключало жарких споров между нами), поставившая перед собой непростую задачу: вне служебных обязанностей и официальных заданий, наперегонки со временем, поскольку никто не знал, когда будет востребован наш труд, подготовить новый избирательный закон России².

Мы видели, что компромисс, достигнутый на VII Съезде, зыбок и выход из острого политического кризиса пока не просматривается, а вероятность досрочных парламентских выборов весьма велика, но не знали, кто, когда и при каких обстоятельствах их будет проводить. Важно было договориться об исходных позициях, и они сразу же были заявлены в ходе развернувшихся дискуссий.

Во-первых, говорили мы, структура парламента должна более или менее адекватно отражать соотношение сил в обществе

к моменту выборов. Необходимо ввести пропорциональную систему, чтобы, выбирая хотя бы часть депутатов, избиратель делал выбор между политическими позициями, а не личными качествами кандидатов, познакомиться с которыми всерьез во время избирательной кампании он заведомо не сможет. Как показывали замеры общественного мнения, в разгоравшемся конфликте между президентом и большинством Верховного Совета в начале 1993 г. большинство было на стороне Ельцина. О том же свидетельствовали итоги апрельского референдума. Мы полагали поэтому, что выборы на основе пропорциональной системы дадут убедительное большинство демократам.

Мы не учли тогда и позже, когда доработка избирательного закона осуществлялась на основе принятой концепции, которую приходилось защищать от яростных атак с разных сторон, что в течение года общественные настроения менялись, прежде всего в провинции, не в пользу президента и демократов. После октябрьских событий произошел настоящий обвал. Выяснилось, что пропорциональная система облегчила прорыв в парламент на вздыбившейся волне протестных настроений многочисленной фракции маргиналов во главе с Жириновским. Тогда многие, в том числе некоторые демократические политики, увидели корень зла в избирательной системе, «навязанной» президенту ее разработчиками. Между тем к поражению демократов на выборах 1993 г. привели и их собственные серьезные ошибки, и объективные процессы, разворачивавшиеся в стране. Зеркало выборов лишь показало произошедшие сдвиги. Винить в этом зеркало — смешно и неумно. Кривое зеркало, вероятно, дало бы иной результат. Успех Жириновского не был бы столь оглушительным. Допускаю, что при чисто мажоритарной системе в 1993 г. в Думу прошло бы больше таких депутатов, манипулировать которыми президентской администрации было бы легче. Но я очень сомневаюсь в том, что мажоритарные выборы в тогдашних условиях дали бы больший выигрыш демократам. Главное, однако, не в этом. Политическая конъюнктура менялась от

выборов к выборам, но заложенные в 1993 г. основы избирательной системы исправно работали в двух отношениях: они давали парламент, более или менее отражавший соотношение сил в стране (как складывалось это соотношение, иной вопрос, лежащий за пределами избирательной системы), и способствовали формированию партийно-политической системы. Глядя с позиций сегодняшнего дня, нельзя не признать ее дефектность, но это тоже вопрос не к избирательной системе. И то, и другое, на мой взгляд, самоценно в долговременном плане.

Во-вторых, избранный по одномандатным округам СНД и сформированный им на основе регионального представительства Верховный Совет имели крайне аморфную политическую структуру. На Съездах в разное время фигурировало от полутора до двух десятков квазифракций и групп. Они быстро возникали, когда группа волонтеров бросала клич и подгоняла список своих неустойчивых сторонников под требуемую квоту, и столь же быстро распадалась в промежутки между очередными Съездами. Многие депутаты совершали «тушинские перелеты» не только между близкими фракциями, но и между разными лагерями. Взамен всего этого мы стремились создать организованный парламент с относительно небольшим числом реальных фракций, члены которых связаны предвыборной программой и какой-то (пусть не жесткой) дисциплиной голосования.

В-третьих, мы хотели, чтобы и сам закон, и способ его введения признало общество. Предпочтительным вариантом, конечно, было бы его принятие Верховным Советом. Здесь у нас, как выяснилось, были завышенные ожидания: **такой** закон тот ВС не утвердил бы ни при каких обстоятельствах. Тем не менее мы всячески стремились вмонтировать свою работу в законотворческую рутину ВС. Само существование рабочей группы конституировало распоряжение Николая Рябова, который незадолго перед тем был избран зампредом и ВС, и КК и стал постепенно перемещаться в лагерь президентских сторонников. О нашей работе я поставил в известность и Хасбулатова и получил

от него санкцию в виде оплаты труда привлеченных экспертов³. По мере того, как из компьютера рабочей группы стали выходить варианты избирательного закона, каждый из них, фиксирующий завершение определенной стадии работы, передавался в ВС и КК. Но не только. Мы не знали, конечно, каким образом будет введен закон, но понимали, что в любом случае важным участником этого процесса станет президентская администрация. Поэтому каждый очередной текст я передавал также помощнику президента Юрию Батурину, в лице которого мы нашли заинтересованного союзника.

ЗАКОН ОБРЕТАЕТ ОЧЕРТАНИЯ

В итоге очень напряженной работы и острых дискуссий к концу зимы 1993 г. законопроект, наконец, появился — правда, в еще довольно сыром виде. Первые публикации в печати с изложением нашего подхода вышли в мае, тогда же я выступил с рассказом о нем в «Итогах» Евгения Киселева⁴. В июне пространные выдержки из проекта опубликовала газета «Росси́я», а затем тиражом в несколько сот экземпляров была издана брошюра, содержащая текст законопроекта и комментарии его разработчиков⁵. Подготовка закона вышла из стен Белого дома и стала предметом все сильнее разгоравшейся общественной дискуссии.

Согласно законопроекту избираться населением должны были обе палаты парламента. Разночтение в его названии было продиктовано предпочтениями адресатов. В вариантах, направлявшихся в ВС, мы именовали проектируемый российский парламент Верховным Советом. В президентскую же администрацию, готовую порвать с советской традицией, шли тексты, в которых парламент был наречен Федеральным собранием. Нижняя палата в обоих случаях называлась Государственной думой (это было уже апробировано в ходе ряда чтений проекта Конституции в ВС), а верхняя — Федеральным собранием и Со-

ветом Федерации соответственно. Впрочем, все это имело символическое значение.

Принципиальные новации предусматривались на выборах в Думу. Во-первых, вводилась смешанная избирательная система: половина депутатов должна была избираться в общефедеральном избирательном округе по партийным спискам, а половина — по одномандатным округам. Внешне эта система походила на германскую. Коренное отличие заключалось в том, что германская избирательная система является по сути пропорциональной: политическую структуру бундестага определяет второй голос избирателя, поданный за партию. Первый же голос, который решает, кто именно из кандидатов будет представлять избирательный округ, влияет главным образом на персональный состав партийных фракций, хотя и не предопределяет его целиком. Предложенная нами (и в конечном счете утвердившаяся) система жестко разводила две части Думы, а голосование по партийным спискам должно было определять политическую структуру только половины Думы. Сейчас мне уже трудно воспроизвести мотивацию, в соответствии с которой было принято такое решение: в какой мере мы считали необходимым сохранить хотя бы наполовину привычный избирателям порядок, а в какой — руководствовались желанием повысить «проходимость» закона. Думаю, что в перспективе надо двигаться к германской системе, хотя прямой ее перенос на нашу почву по ряду причин крайне труден.

Во-вторых, исключительное значение для нас имел численный паритет двух частей, составлявших смешанную систему в ее российской разновидности. Мы были убеждены, что по партийным спискам следует избирать не менее половины Думы, иначе в ней не будет той критической массы, которая необходима для партийно-политического структурирования. Более того, если по спискам будет избрано менее половины состава палаты, то велика вероятность, что к следующим выборам пропорциональный компонент системы будет удален. Мы очень жестко, бескомпро-

миссно отстаивали это соотношение. Последующие события показали, насколько предусмотрительным был этот подход: смешанная система, подвергавшаяся яростным атакам, удержалась потому, что ее противникам никак не удавалось собрать в Думе необходимое число голосов.

В-третьих, мы считали, что 450 депутатов — минимальная численность ГД. Опыт ВС показал, что для работы в постоянных комитетах и комиссиях совершенно недостаточно тех 252 депутатов, которые были его членами. Кроме того, даже при 225 избирательных округах (половина от 450) нелегко было осуществить их нарезку, меньшее их число превратило бы избирательное районирование в фикцию. В защиту своей позиции мы ссылались на численность нижней палаты в иных, меньших по населению странах⁶.

В-четвертых, проект предусматривал на выборах в общедеральном округе барьер в виде фиксированной доли голосов: не преодолевшие его партии не могли претендовать на участие в распределении мандатов. Барьер имел двоякое назначение: с одной стороны, он должен был помочь политическому структурированию ГД, сделать ее по возможности малопартийной и, следовательно, более работоспособной, а с другой, отсекая маловлиятельные партии, способствовать созданию более устойчивого (чем, скажем, в израильском кнессете) парламентского большинства. Какое-то время мы не могли решить, на каком уровне установить барьер. В ранних вариантах законопроекта мы остановились на 3% и предусматривали возможность снижения порога даже до 1,5%: опасались, что ни одна партия не преодолеет барьер либо его возьмет только одна партия. В этом случае вся дорогая нам конструкция пропорциональной составляющей в избирательной системе была бы дискредитирована и, возможно, сметена⁷. Впоследствии, однако, вероятность такого оборота событий мы сочли чрезвычайно малой, и барьер установили на уровне 5%. Именно эти главные элементы концепции избирательного закона стали вскоре ареной острой политической борьбы.

Верхняя палата, самое существование которой отвечало федеративной природе государства, по замыслу разработчиков закона должна была избираться гражданами регионов, причем для республик в составе РФ, краев, областей, автономной области, Москвы и Санкт-Петербурга устанавливалась квота — 2 депутата, для автономных округов (в большинстве — малочисленных) — 1. Мы предложили (но, к сожалению, не сумели отстоять) интересную новеллу. На выборах в двухмандатных округах бессмысленно было бы вводить партийные списки, но предлагалось, чтобы каждый избиратель мог проголосовать не за двух, а только за одного кандидата. Это давало бы известные гарантии представительства политическим, этническим, религиозным и т. п. меньшинствам.

Таковы были несущие конструкции нашего проекта. Но этим дело не исчерпывалось. Основными участниками борьбы на выборах теперь должны были стать не отдельные кандидаты, не выдвигавшие их прежде трудовые коллективы или собрания избирателей по месту жительства, а избирательные объединения, под которыми разумелись только партии и политические движения, а также созданные ими блоки. Под давлением профсоюзов, женских и иных общественных объединений эту норму вскоре пришлось существенно ослабить, допустив включение в блоки неполитических объединений⁸. Только политические объединения, собравшие необходимое число подписей (по первоначальной проектировке — 200 тыс.), получали право выдвигать списки кандидатов по общефедеральному округу. Они могли также после регистрации общефедеральных списков выдвинуть своих кандидатов в одномандатных округах; остальные кандидаты должны были собирать подписи.

Нарезку округов по выборам в ГД законопроект отдавал Центральной избирательной комиссии (ЦИК), но в него было включено приложение, подробнейшим образом расписывавшее методику проведения этой операции⁹. Кроме того, предельное взаимное отклонение по числу избирателей в 15% распростра-

лось лишь на округа, образуемые в границах субъектов. В результате отклонение от средней по стране нормы в четырех округах превысило 1000%, в девяти — от 100 до 1000%, в 23 — от 25 до 100%. Из 36 округов со значительными отклонениями 22 округа приходились на национальные образования, что сделало корректировку невозможной по политическим причинам. Очевидно, что при таких условиях равное избирательное право на выборах депутатов-одномандатников в ГД превращалось в фикцию.

Понимая, что решающая роль в организации выборов и подведении итогов принадлежит избирательным комиссиям, мы уделили значительное внимание порядку их формирования, компетенции, организации их работы. Политическая ситуация, все более определявшаяся противостоянием двух ветвей власти, подсказала нам способ образования комиссий всех уровней — паритет властей при назначении членов комиссий. Вероятно, в тех обстоятельствах это было практичное решение, не дававшее возможности ни одной из сторон навязать свою волю. Но после октябрьских событий 1993 г. президент сформировал ЦИК фактически на односторонней основе (хотя по президентскому же Положению о выборах ГД ее члены должны были назначаться на паритетной основе из числа кандидатов, предложенных исполнительными и законодательными органами субъектов). Состав большинства окружных комиссий в условиях острого цейтнота формировал ЦИК, а участковых — окружные. Так была образована избиркомовская вертикаль, довольно послушная и управляемая сверху. Другой серьезный дефект системы избирательных комиссий проистекал из нашей ошибки. Стремясь упростить систему, мы устранили промежуточное звено между окружными и участковыми комиссиями — территориальные избирательные комиссии. Колоссальный массив данных, поступавших из участковых комиссий, члены окружных избиркомов были физически не в состоянии обработать и проверить. Вся эта работа была поручена аппарату исполнительных органов — людям, никем не избиравшимся и выведенным из-под общественного контроля.

Законопроект, однако, содержал и ряд норм, предусматривавших такие формы этого контроля, которых не знала избирательная практика СССР и России. Избирательные объединения и кандидаты получили право включать в избирательные комиссии всех уровней не только наблюдателей в день голосования, но и членов с совещательным голосом. За ними были закреплены широкие права. Были введены нормы, гарантирующие самостоятельность избирательных объединений при составлении списков, выдвижении кандидатов, проведении агитации, наблюдении за подсчетом голосов и т. д. ЦИКУ вменялось в обязанность опубликовать содержание протоколов избирательных комиссий по всем участкам. Избиратель получил возможность сопротивляться, если его ставили в ситуацию «выборы без выбора»: выборы должны были признаваться недействительными, если «против всех» подано голосов больше, чем за кандидата-фаворита.

В общем, была предложена новая, никогда не применявшаяся в России избирательная система. Оставалось только (!) ввести ее в действие. И здесь инициативной группе и ее союзникам, до того занимавшимся наиболее привычной для них законотворческой (сродни научной) работой, предстояло выступить в непривычной роли лоббиста собственного творения.

ГОНКА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Когда очередная редакция проекта была направлена в Верховный Совет, Хасбулатов, бегло просмотрев текст, вспомнил, что поручение готовить избирательный закон было дано некогда (почему-то) Комитету по делам местных Советов и провел через Президиум ВС решение объединить усилия двух коллективов. Выяснилось, что экспертами комитета под руководством депутата Виктора Балалы было подготовлено несколько объемистых текстов. Началась изматывающая работа по притиранию двух

проектов. Мы сравнительно легко договаривались по всем вопросам, связанным с организацией и процедурой проведения выборов, но ни на шаг не смогли продвинуться в решении главного: какой быть избирательной системе. Наши коллеги были убежденными «мажоритарщиками».

К лету плод нашей совместной работы выглядел так: основной по объему корпус согласованного текста и разночтения по коренному вопросу, представленные в двух вариантах. Считалось, что окончательный выбор остается за ВС. Были веские основания ожидать, что этот выбор будет не в нашу пользу. Депутаты — местные начальники или их креатура, управляемое Хасбулатовым «болото» — люди, потому и сбившиеся в эту стаю, что за ними не стояли никакие политические организации, иные парламентские «кустари-одиночки» — все они были убежденными сторонниками выборов по одномандатным округам. Но по-разному относились к нашему проекту и демократы. Я уже упоминал о позиции Румянцева, к тому времени утратившего связь с недавно еще возглавлявшейся им социал-демократической партией. Разногласия раскололи и мою фракцию «Согласие ради прогресса».

Настороженное, а нередко и открыто враждебное отношение к пропорциональной избирательной системе в политическом классе отражало негативизм по отношению к партийным выборам, широко распространенный в обществе. Опыт выборов в 1917 г. в так и не состоявшееся Учредительное собрание был прочно забыт, хорошо помнили лишь недавно отстраненную от власти партию, назойливо именовавшую себя «умом, честью и совестью эпохи», и довольно скептически оценивали возможности «партий Садового кольца», будто бы не имеющих никаких корней за пределами столицы. За что им отдавать половину Думы? — спрашивали многие, не желая понять, что «отдавать» или «не отдавать» депутатские мандаты партийным, равно как и непартийным кандидатам по законопроекту могли лишь избиратели.

Широко распространившийся «антипартийный синдром» дал о себе знать и на КС — собрании, которое в складывавшейся ситуации только и могло своим авторитетом дать санкцию новой избирательной системе. Некоторые его руководители увидели в предлагавшемся избирательном законе не только важный компонент нового конституционного строя, но и один из механизмов его утверждения. Выступая на пленарном заседании КС 16 июня, Ельцин сообщил о создании двух межсекционных групп: по вопросам принятия Конституции и по выборам в высший законодательный орган¹⁰. Выглядело это так: по предложению Филатова каждая из пяти основных групп Совещания делегировала своих представителей в новое подразделение КС. В него, конечно, вошла инициативная группа, работавшая прежде в структурах КК, но пришли и новые люди — участники КС: Федор Бурлацкий, Владимир Лысенко, Гавриил Попов, Сергей Станкевич, Галина Старовойтова, Ирина Хакамада, Сергей Шахрай и некоторые другие. Вскоре на КС были распространены «Основные положения акта о выборах высшего органа законодательной власти Российской Федерации — Федерального Собрания», последняя версия нашего законопроекта, и брошюра, содержащая законопроект и аналитическое его сопровождение¹¹, — результаты прежних наших трудов и «мозговых атак».

Межсекционная группа в небольшом документе (15 статей) попыталась дать ответ на два разных, хотя и взаимосвязанных вопроса: куда избирать (т. е. каким должен быть высший законодательный и представительный орган, идущий на смену СНД и ВС) и как избирать. В первом случае в основу было положено то, что уже было наработано самим КС в соответствующей главе новой Конституции, во втором — наш избирательный законопроект, чуть подкорректированный. Выстроив эту, казалось бы, логичную конструкцию, мы допустили тактическую ошибку.

Участники КС с недоумением восприняли такое соединение. В первой части документа увидели альтернативу принятию Конституции в целом. По сути, это и был резервный вариант, преду-

смаатривавший движение в обход на тот случай, если проект, над которым трудилось КС, провести в жизнь с ходу не удастся: сначала выборы в парламент, которой уже то ли займется Конституцией, то ли примет решение о созыве Учредительного собрания. Но вопрос о способе принятия Конституции был еще совершенно не прояснен (и оставался в таком состоянии до середины октября)¹². Поэтому центр довольно беспорядочных дискуссий по документу, представленному межсекционной группой, сместился к вопросу, который она решить не могла и не собиралась: при каких обстоятельствах он окажется востребованным и каким образом обретет силу закона. Самое благоприятное, что услышали авторы «Основных положений», было утверждение, что документ дублирует Конституцию, что он несвоевременен и заниматься его обсуждением значит терять драгоценное время. Были высказывания и похлеще: в предложенном проекте один из главных фигурантов КС усмотрел прямую диверсию, мину, заложенную под президентскую инициативу: «Конечно, члены Конституционной комиссии (авторство связывалось только с членами КК, хотя идея совмещения в документе разных пластов принадлежала не нам. — В. Ш.) заинтересованы в провале президентского проекта, безусловно. И поэтому вот эта, муссируемая постоянно теория о возможном переходном законе, она, конечно, выгодна для них»¹³. Тщетно немногочисленные защитники труда межсекционной группы пытались втолковать, что данный проект надо рассматривать «как еще одну возможность выхода из тупика»¹⁴. Мы, говорили оппоненты, делегированы обсуждать Конституцию, полномочий на обсуждение других законодательных актов у нас нет. И вообще, «не нужен нам параллельно существующий теневой парламент, занимающийся законотворческой работой»¹⁵.

Таков был фон, на котором шло обсуждение избирательного закона. Сокрушительной критике подверглись все его несущие конструкции: отход от мажоритарной системы, пропорция 1 : 1 при распределении мандатов между партийными списками

и одномандатными округами (довольно будет партиям и 10—20%, сказал один из самых яростных критиков, который еще проявит себя на следующей стадии)¹⁶, сбор подписей для выдвижения списков и кандидатов в одномандатных округах, 5%-ный барьер, отсекающий маловлиятельные партии от участия в распределении мандатов. Временами обсуждение напоминало сюжет известной басни Сергея Михалкова «Слон-живописец». Одни настаивали на том, что надо подождать, пока сложатся партии. Другие жаловались на то, что авторы не проявили заботы о партиях, которые еще не встали на ноги. Третьи желали, чтобы общественно-экономические объединения были уравнены в правах с партиями. Одни требовали снизить число подписей, необходимых для выдвижения партийного списка, другие предлагали увеличить их число с 200 тысяч до полумиллиона. Одни возмущались тем, что на переходный период за депутатами — членами комитетов и комиссий ВС сохраняются некие права, другие — тем, что нынешний состав депутатского корпуса ликвидируется за два года до окончания срока его полномочий. Некоторые регионалы жаловались, что ущемляются права региональных партий. Но при этом одни настаивали на номенклатурном принципе формирования СФ, другие — на его выборности. Совместить все это в одном законе, конечно, не мог бы никто. И настойчиво выясняли: кто авторы текста и главное — кто стоит за их спиной?¹⁷

Итог всех этих обсуждений был таков. Две главные группы — федеральных и региональных властей, а также группа предпринимателей сочли, что этот «политически незрелый документ» нельзя ни принимать за основу, ни публиковать («Нас на смех поднимут, если это будет опубликовано», — сказал Вольский). Группа местного самоуправления, пообсуждав «Основные положения...», не пришла ни к какому заключению. И только группа партий и общественных организаций, набросав немало поправок, энергично поддержала проект и делегировала Шейниса и Попова для изложения концепции нового избирательного закона на пленарных заседаниях КС. То, что мы говорили на этих гала-предста-

влениях, не рассчитанных на содержательное обсуждение и сопоставление аргументов¹⁸, было вежливо выслушано и на данном этапе ушло в песок. На последнее пленарное заседание КС никакой документ по избирательным делам его организаторы решили не выносить во избежание неприятностей. Можно было утешаться лишь тем, что июльский проект Конституции вместо нормы об избрании депутатов ГД по территориальным избирательным округам, содержащейся в обоих исходных проектах, зафиксировал: порядок выборов в СФ и ГД устанавливает федеральный закон. При том приеме, которым была встречена общая концепция избирательного закона, отсрочка решения была единственной альтернативой неизбежному провалу.

Таким образом, подкрепить наш проект авторитетом влиятельного кремлевского собрания не удалось. Тем менее можно было рассчитывать на его продвижение в ВС. Нейтральный текст законопроекта, содержащий альтернативные варианты избирательной системы (групп Балалы и Шейниса), 15 июня должен был на Президиуме ВС пройти чисто механическую процедуру передачи на рассмотрение комитетов и комиссий. Однако по предложению Хасбулатова с этим решено было повременить. После этого председатель Комитета по делам Советов Григорий Жуков уже от себя распространил законопроект как якобы подготовленный в его комитете (хотя на 90% это был текст, написанный нашей группой), сопроводив его пояснительной запиской, отвергавшей вариант смешанной системы. Когда уже в августе я передавал доработанную версию законопроекта секретарю Президиума ВС Виталию Сыроватко, всецело зависевшему от Хасбулатова, он, ухмыльнувшись, пообещал разослать этот текст вдогонку за жуковским. Не знаю, было ли это сделано, но было ясно: ВС, вовсе не заинтересованный в приближении выборов, будет тормозить любой избирательный закон, а если что и утвердит, то только чистую «мажоритарку».

В августе наш проект избирательного закона принял почти окончательный вид. Я «отдыхал» в клиническом санатории «Бар-

виха», где были идеальные условия для работы. Сюда на велосипеде приезжал Страшун, живший неподалеку на даче. Очередной раздел сразу же перебрасывался Власовой и Каюнову, которые вносили все исправления в компьютерный текст. Последний вариант законопроекта (разумеется, без навязанных Балалой и Жуковым «разночтений») в том же августе был передан мною Батурину.

Между тем дискуссия в печати по законопроекту, в центре которой стояла смешанная избирательная система, набирала обороты. Публиковались многочисленные статьи, проводились десятки различных собраний, круглых столов и заседаний. Некоторое представление о содержании дискуссии, об аргументации, с которой выступали ее участники, и ее накале может дать статья, напечатанная в двух газетах, которую я воспроизвожу ниже с незначительными сокращениями¹⁹.

«НЕ СЕНАТОРЫ И НЕ ХОДАТАИ — ПОЛИТИКИ». ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Группа членов и экспертов Конституционной комиссии РФ в инициативном порядке подготовила и опубликовала проект нового избирательного закона. <...> Принимаясь за эту работу, мы исходили из того, что проблема парламентских выборов может в любой день вырваться на политическую авансцену, а закон, по которому был избран нынешний Съезд народных депутатов — этот монстр, завершающий свой путь, — абсолютно непригоден. Хотя Президиум Верховного Совета не без умысла затормозил нормальное прохождение законопроекта, а созванное президентом Конституционное совещание пока не нашло времени заняться им вплотную, общественное обсуждение уже идет.

Это можно только приветствовать: авторы вовсе не находятся во власти убаюкивающей иллюзии, будто они сотворили нечто неприкасаемое. К сожалению, наряду с немногочисленными конструктивными предложениями, приходится сталки-

ваться с явным неумением понять и оценить замысел проекта в контексте реальной политической ситуации, недобросовестными передержками, залихватскими обвинениями, накидываемыми в манере «Размахнись рука, раззудись плечо!».

Критики спорят с законопроектом. Но еще более (может быть, не подозревая о том) они спорят между собой, ибо их позиции друг от друга удалены куда дальше, чем от того политического баланса, на который ориентирован законопроект. Поучительно поэтому свести за одним столом с авторами наших оппонентов: Михаила Арутюнова («Российские вести», 03.07.93), Михаила Золотоносова («Невское время», 23.06.93) и Александра Оболенского («Новая социал-демократия». Июнь 1993. № 3), тем более что сходные суждения нам приходилось слышать уже не раз.

О целях законопроекта. *«Если проанализировать проект нового избирательного закона именно с точки зрения целей, то, как ни парадоксально, проектанты больше всего хотят, чтобы закон был принят. Это их главная цель» (М. Золотоносов).*

Парадокс наш оппонент видит в том, что авторы отступили от «правила», будто бы присущего избирательным системам, — вытеснение или устранение с политической сцены тех или иных контингентов электората и партий. Отдадим должное его проницательности: проектанты действительно были серьезно озабочены тем, чтобы и сам закон, и способы его применения были приемлемы для нашего общества, каким мы его видим сегодня. Это означает, что нормы закона должны быть если не привычны, то во всяком случае доступны пониманию и политически более или менее беспристрастны. Лучше всего, если закон этот будет принят нынешним составом Верховного Совета, но в любом случае его легитимность должна быть признана основными общественными силами, иначе могут захлебнуться уже первые проводимые на его основе выборы, а избранный парламент будет лишен необходимого авторитета.

Однако это далеко не единственная и уж точно не главная цель намечаемой избирательной системы. Помимо сказанного, она должна достигать еще трех целей или, точнее, отвечать в большей или меньшей степени еще трем критериям или, еще точнее, разумному балансу этих критериев, поскольку вытекающие из них требования не вполне согласуются друг с другом.

Во-первых, избирательная система призвана дать парламент, более или менее адекватно отражающий соотношение сил в обществе на момент выборов. Проектанты не такие уж вегетарианцы и парадоксалисты, как представляется М. Золотому: некоторые нормы закона — об этом чуть дальше — предназначены отсечь маловлиятельные партии и группы крайней ориентации, что вполне соответствует опыту зарубежных демократий. У нас есть, конечно, свои политические пристрастия. Но мы отнюдь не стремимся, исказив результаты народного волеизъявления, устранить из парламента тех наших политических противников, которые готовы соблюдать конституционные принципы и демократические «правила игры». Реальное представительство реально существующих в обществе сил — залог и уважения к данному парламенту, и устойчивости парламентаризма.

Во-вторых, избирательный закон должен способствовать становлению современной политической структуры. С одной стороны, в обществе — системы влиятельных политических партий, представляющих интересы основных социально-политических сил, предназначенных (не в пример пресловутой «партии нового типа», осуществлявшей «идеологическое воспитание трудящихся» и подминавшей под себя все общественные структуры) преимущественно для участия в выборах и действующих в общенациональном масштабе. С другой — обеспечивать проекцию этой системы на парламент, депутаты которого (или, во всяком случае, их большинство) должны чувствовать себя не своего рода вольными стрелками, выступающими и голосующими как бог на душу положит, а членами фракций, внутренне

связанных программами образовавших их партий и если не дисциплиной голосования, то все же какими-то нормами солидарной деятельности. А чтобы политическое поведение парламента было предсказуемым и большинство в нем достаточно стабильным, надо, чтобы фракций этих было не чрезмерно много.

В большинстве случаев современные избирательные системы — демократические системы, обеспечивающие действительный выбор, а не «единодушное голосование» за Сталина или Гитлера, Ф. Кастро или папу Дока, — возникали вслед за уже сформировавшимися и утвердившимися в обществе политическими партиями. Так было в странах не только Западной, но и Восточной Европы. Нам предстоит инвертировать этот процесс, если мы не хотим растянуть путь к многопартийной системе на десятки лет и мириться с возможными рецидивами квазипартийной власти.

В-третьих, избирательная система должна дать парламент, в котором будут сбалансированы местные и общенациональные интересы. Наряду с депутатами, живейшим образом ощущающими свою связь с местными общественными структурами, в парламенте должны быть представлены — и в немалом числе, в этом наше несогласие с М. Арутюновым — политики, представляющие разные партийные программы решения проблем, стоящих перед Россией в целом. Только такой баланс может предохранить парламент как от войны локальных сепаратизмов, так и от антидемократического централизма.

Таковы критерии, из которых исходили разработчики законопроекта. Добросовестная и конструктивная критика, очевидно, должна была бы либо доказать, что заявленные критерии не годны, несущественны, а их совокупность недостаточна или избыточна, либо что предложенные в проекте нормы не решают (неудовлетворительно решают) поставленные задачи. Таким трудом наши оппоненты себя не обременяют. Выхватываются и отклоняются, а заодно подвергаются осмеянию отдельные элементы предложенной системы без малейшего желания понять, что мни-

мые или действительные ее дефекты связаны, как правило, с ее многоцелевым назначением, с противоречивыми реалиями нашей политической ситуации. Альтернативные решения либо вовсе не предлагаются, либо содержат еще более серьезные дефекты, над которыми наши критики почему-то задуматься не хотят.

Мажоритарная или пропорциональная система? *«Смешанная мажоритарно-пропорциональная система на сегодняшний день не реальна и не нужна... Следует доработать мажоритарную систему...» (М. Арутюнов).*

«Предпочтительной представляется пропорциональная система...Принятие такого закона могло бы привести к катастрофе...» (М. Золотоносов).

Итак, два наших оппонента отвергают законопроект с диаметрально противоположных позиций. <...> Доводы сторонников чисто мажоритарной системы, пользующихся немалым влиянием и в «парламентской», и в «президентской» командах, повторяются часто. Она привычнее («нам бы что-нибудь попроще», — заявил на Конституционном совещании уважаемый политический деятель). Она обеспечивает связь депутата с избирателями, с регионами. Она, если выборы проводятся в два тура, отсекает экстремистов: увидев расклад голосов при первом голосовании, избиратели отдадут предпочтение умеренным кандидатам.

Однако защитники мажоритарной системы чаще всего не столько раскрывают ее достоинства, сколько подчеркивают недостатки системы пропорциональной. Нам говорят, что она ведет к мультипликации числа партий, готовых попытать счастья, раз для прохождения кандидатов не требуется абсолютного большинства. Что избиратели будут вынуждены голосовать не за «личность» и ее программу, а «за малоизвестных кандидатов из федерального списка». Что список будет составлен из «партийных функционеров, которые без этого имеют незначительные шансы быть избранными». Так выглядит аргументация М. Арутюнова и его единомышленников.

Следует подчеркнуть, что, выбрав такой вариант смешанной системы, при котором обе ее части — пропорциональная и мажоритарная — представлены не символически, а во внушительных и равных долях (половину депутатов предлагается избирать по одномандатным округам, половину — по партийным спискам), авторы законопроекта вполне отдавали отчет в том, что идеальной системы, свободной от всяких недостатков, нет в природе.

Наиболее серьезных дефектов у мажоритарной системы, на мой взгляд, два. Во-первых, она нередко дает структуру парламента, существенно отличающуюся от расклада политических сил в стране, поскольку все голоса, отданные потерпевшим поражение кандидатам (в варианте абсолютного большинства это может быть до 49% поданных в округе голосов, в варианте относительного большинства — еще больше) просто-напросто пропадают. Известно, что в 1951 и 1974 гг. лейбористы, получив на всеобщих выборах чуть больше голосов, чем консерваторы, оказались в Палате общин в меньшинстве; на недавних выборах во Франции правоцентристский блок, собрав 40% поданных голосов, завоевал в парламенте около 80% мандатов. Расчет на то, что мажоритарные выборы в нашей политически резко поляризованной ситуации принесут победу умеренным кандидатам, наивен. Уже в первом туре (если даже мы отдадим предпочтение громоздкой системе повторного голосования) во многих округах займут ведущие два места и будут соревноваться во втором туре скорее всего представители крайних сил; партии и блоки, выступающие с умеренных, взвешенных позиций, будут расплющены между молотом и наковальней.

Во-вторых, если пропорциональная система способна продуцировать чрезмерно многопартийный парламент, то мажоритарная, в особенности в наших условиях, даст парламент беспартийный, в котором каждый депутат — ни от кого не зависимая партия. Мы не сделаем и шага к новой политической культуре и воспроизведем аморфный, рыхлый парламент.

В нем, конечно, появятся «личности», но значительная их часть будет представлена не ответственными политическими лидерами, как на это рассчитывает М. Арутюнов, а «лозунговыми патерналистами», «авантюристами, посулившими избирателям проведение популистских, несбыточных программ, а то и просто купившими их голоса на стадии выдвижения», как справедливо опасается М. Золотоносов.

Но и пропорциональной системе присущи труднопреодолимые дефекты. Главный из них — сильное воздействие партийных аппаратов, выступающих как промежуточное звено между кандидатом и избирателем, на состав списков и расположение в нем кандидатов. Электоральный опыт ряда стран, однако, позволяет если не устранить, то ослабить ограничения, которые накладывает на волеизъявление избирателей «принудительное меню» партийных списков. Можно, в частности, пойти по пути регионализации списков с тем, чтобы количество мандатов, которое достанется депутатам данной партии или блока от того или иного региона, зависело от числа проголосовавших за них избирателей в этом регионе, которые смогут обозначить в бюллетене свой не только партийный, но и персональный выбор.

«Толпы жириновских, — предупреждает М. Золотоносов, — хлынут в “большую политику”, если кандидаты не будут “просвечены” своей партией». Система партийных списков, возражают нам с другой стороны, приведет к победе единственной партии, имеющей разветвленную структуру на местах, и эта партия всем хорошо известна. Что можно на это сказать? Избирательный закон призван не подыгрывать тому или иному политическому лагерю, а наиболее адекватно отразить соотношение сил в обществе. И надо еще подумать, что хуже: разноголосый хор разноликих Владимиров Вольфовичей, избранных в разных округах как «личности», или дисциплинированная когорта «безликих» кандидатов, прошедших по списку либерально-демократической партии? Укорененная на местах номенклатура, имеющая немало шансов завоевать подавляющее большинство

мандатов в сельских районах и в регионах к югу от 55 параллели (как подсказывают результаты последнего референдума), или выдвиженцы списков господ Зюганова и Стерлигова, получающих причитающуюся им долю? Пусть об этом спорят те, кто рассчитывает подогнать нормы избирательного закона «под себя». Нашу задачу мы видели в том, чтобы сгладить дефекты обеих систем, компенсировать сбои, присущие каждой из них, и предложить вариант, представляющий не революционный разрыв с привычным порядком выборов, а эволюционный отход от него, учитывающий настроения и предпочтения общества.

«Добр» или «жесток» закон? *«Можно с уверенностью констатировать: закон с такими заниженными барьерами приведет к беспрепятственному проникновению в ВС массы авантюристов...» (М. Золотоносов).*

«...Авторы долго ломали голову. Как бы так умудриться и ненавязчиво поставить побольше рогаток на пути нежелательных кандидатов» (А. Оболенский).

«И неужели можно согласиться, что депутаты от этих микропартий и их объединений будут представлять в Верховном Совете Российской Федерации народ?» (М. Арутюнов).

Авторам законопроекта пришлось решать задачу, сходную с квадратурой круга: как провести партийные выборы, когда партии находятся лишь в процессе становления и их относительная сила неизвестна даже приблизительно? Одно из теоретически возможных решений — разрешить выступить со своими списками всем зарегистрированным партиям. Таковых насчитывается сегодня более тридцати, к выборам будет больше, да еще несколько десятков общественных организаций, не являющихся партиями, претендуют на право выдвижения собственных кандидатов. Пойти по этому пути — значит запутать избирателей, раздробить голоса и получить парламент, подобный польскому сейму, недавно распущенному из-за полной недееспособности.

М. Арутюнов и его единомышленники, напротив, предлагают подождать с партийными выборами до того момента, когда

заявят о себе сильные партии. Это означало бы затормозить формирование многопартийной системы, а пока получить «личный», т. е. атомизированный парламент. Ведь партии проявят себя только на выборах; до этого им, собственно, нечего делать. Сначала сформировать влиятельные партии, а затем идти на партийные выборы — сродни замечательной рекомендации сперва осуществить структурные сдвиги в экономике и обеспечить изобилие потребительских товаров, а затем переходить к рынку и частной собственности, то есть идти в политике по тому пути, по которому в экономике нас вели с феноменальным успехом правительства Рыжкова и Павлова.

Чтобы отделить перспективные партии от фиктивных, авторы законопроекта предложили ввести два барьера. Первый — 200 тыс. подписей избирателей под регистрационным листом партии, претендующей на выдвижение своего списка, причем партия (или блок партий) должна доказать свой общенациональный характер: не более 15% от этого числа может быть собрано в одном регионе. Зато партия, преодолевшая такой рубеж, получает право выдвигать кандидатов в одномандатных округах, не собирая дополнительных подписей в их поддержку. Это начисто снимает опасение М. Арутюнова: инфляция списков неизвестных маловлиятельных партий нам не грозит. «Не слишком ли мало» 200 тысяч? — задается вопросом М. Золотосов. Здесь есть предмет для обсуждения. Политики, обладающие опытом сбора подписей, утверждают, что собрать такое количество подписей, да еще в короткое время, отведенное на это избирательным законом, — нелегкое дело. Но мы готовы пересмотреть эту норму, если оппонент представит доводы более убедительные, чем пример «Блэк Джека», «вылезшего из ресторана» и собирающего мзду с уличных торговцев.

Второй барьер, не преодолев который партия или блок не допускаются к разделу мандатов, — получение на самих выборах 3% (или 5%, здесь тоже можно дискутировать) голосов избирателей. Эта норма подталкивает партии к объединению, к созда-

нию более или менее крупных блоков. Если же, как сокрушается А. Оболенский, «группа дутых», т. е. представляющих одних и тех же людей организаций сдуру и выдвинет множество списков, то все они рискуют не переступить ни первый, ни второй порог. По нашей оценке, самостоятельно выступающих партий и блоков будет — если проект станет законом — не более 7—9, в парламенте значительную роль станут играть 4—5 политических объединений, которые вберут в себя также значительную часть депутатов, избранных по одномандатным округам. Именно поэтому мы настаиваем на том, чтобы число депутатов, избранных по партийным спискам, достигало необходимой критической массы, способной притянуть к себе остальных депутатов. Избирать же по пропорциональной системе 10—15 представителей, как предлагает М. Арутюнов, бессмысленно: партии всегда найдут по несколько надежных округов, где они заведомо проведут своих лидеров; иначе им грош цена.

Если М. Золотоносов укоряет нас за то, что проект чрезмерно «добр» к «одиночкам», то А. Оболенский, напротив, не постеснялся пожалеть о «коммунистической тоталитарной эпохе», когда «можно было по закону попытать счастья встать на собрании и выдвинуть самого себя». О собственно тоталитарной эпохе Александр Митрофанович имеет весьма приблизительное представление: если не по личному опыту, то хотя бы по книгам нетрудно представить, куда бы отправился такой самовыдвиженец. Отдавая должное напористости, с которой наш оппонент на практике пытался реализовать свою идею, и упорству, с которым он продолжает поныне считать себя «народным депутатом СССР», я вынужден его огорчить: романтическая интермедия, одним из глашатаев которой посчастливилось стать уважаемому оппоненту, ушла безвозвратно²⁰. Будет принята предлагаемая нами система или сохранится мажоритарная, кандидаты будут выдвигать партии, политические объединения, специально для того созданные, а не произвольно сбежавшиеся сходки. «Конституционное равенство прав граждан быть из-

бранными в органы власти» вовсе не предполагает право любого вынырнувшего из-под земли претендента оказаться в избирательном бюллетене в результате самовыдвижения на бог весть как созванном собрании. И чем меньше сохранится возможностей у дотоле никому неизвестного человека на стадии выдвижения очаровать коллектив людей, соединенных чем угодно, кроме совместной политической деятельности, тем профессиональнее будет наш следующий парламент.

О пользе и вреде компромиссов. *«Компромиссная природа проекта закона, видимо, связана с политическими пристрастиями самого В. Шейниса (входящего во фракцию “Согласие ради прогресса”) и его соавторов» (М. Золотоносов).*

«...Я под подобным проектом постыдился бы ставить свою подпись» (А. Оболенский).

Для М. Золотоносова, как и для некоторых других публицистов, сама принадлежность к фракции «Согласие ради прогресса» — видимо, политический компромат. О политических пристрастиях, как и о вкусах, не спорят, но я должен заявить: фракция ничем себя не запятнала. Она не была среди тех, кто возглашал осанну каждому шагу президента и призывал его действовать посмелее, ориентируясь не на закон, а на «народную волю». С презрением она отвергала и «политическую целесообразность» недостойных спекуляций в связи с национальным происхождением спикера [Хасбулатова], а в вину ему вменяла то, что под флагом защиты парламентаризма он поощрял разнузданное буйство лидеров «Российского единства» на Съезде и в Верховном Совете и вожakov «Фронта национального спасения» на улицах.

Фракция не имеет единой точки зрения по избирательному закону (М. Арутюнов — активный и уважаемый член фракции), но убеждена в том, что и сам закон, и избранный на его основе парламент должны быть легитимны в глазах политических сил, представляющих большинство нашего общества, а не только идеологически и политически близких нам партий и движений.

М. Золотоносов вменяет нам в вину три компромисса: низкий барьер явки избирателей (25% от зарегистрированных), «признание... существующего ленинско-сталинского национально-территориального деления», низкий предвыборный ценз (200 тыс. подписей под партийным списком, около 9 тыс. — под выдвижением кандидата в одномандатном округе).

О третьем из его возражений уже шла речь выше — это не компромисс, а оценка предэлекторальных возможностей существующих протопартий. Мы готовы исправить цифры, если нам докажут, что оценка неверна. Не представляет компромисса и 25%-ный порог явки. Я могу понять такой упрек у А. Оболенского, представления которого об «авторитете власти» не изменились, вероятно, с тех времен, когда к урнам приходили 99% избирателей, но М. Золотоносов-то должен знать, что никакого порога нет в избирательном праве большинства демократических стран. Наша позиция здесь принципиальна: участие в выборах — право, а не долг избирателей. Если более или менее значительная их часть не желает идти на избирательные участки, то каковы бы ни были их мотивы, это не возлагает на государство обязанность во что бы то ни стало обеспечить высокий процент участия в выборах и не должно лишать политически активных граждан права посылать своих представителей в органы власти (как это провоцирует действующий закон в ряде избирательных округов России, в том числе в Москве и Петербурге).

Иное дело, надо ли, определяя порядок будущих выборов, считаться с существующей политико-административной картой России. «Вот так равенство!» — восклицает А. Оболенский, комментируя распределение мест между субъектами Федерации в верхней палате, хотя предусмотренный здесь порядок мало чем отличается от формирования Сената США. В определении квот регионов, в особенности в Государственной Думе, действительно присутствуют элементы компромисса, хотя это не только наш компромисс. Представительство субъектов Федерации в парламенте — вопрос Конституции, а не избирательного зако-

на. Достаточно заглянуть и в «парламентский», и в «президентский» варианты проекта новой Конституции, чтобы увидеть, что наш проект лишь подстраивается под содержащийся там компромисс. Впрочем, М. Золотоносов совершает элементарную подмену, обвиняя нас в том, что места в верхней палате зарезервированы за национальными куриями. Уже несколько лет рабочая группа Конституционной комиссии отбивает натиск тех, кто стремится зарезервировать часть мандатов за «коренными народами». Я не думаю, что национальная принадлежность кандидата будет решающим критерием, если нам удастся обеспечить действительно свободные выборы. Тем более что только в шести автономиях России из 31 (по состоянию на 1989 г.) титульные нации составляли более половины населения.

Впрочем, если наши оппоненты знают способ, как сделать абсолютно равными все избирательные округа, не принимая во внимание границы субъектов Федерации — и не разрушая при этом хрупкий баланс, зафиксированный в Федеративном договоре (который и у нас не вызывает восторга), — если они могут гарантировать проведение выборов в округах, скроенных из разных регионов, пусть скорее шлют свои рекомендации. Гарантирую, что они будут рассмотрены самым доброжелательным образом.

Так какие же нам нужны депутаты? *«Депутаты могут быть, условно говоря, “сенаторами” (заботящимися о создании правовой структуры государства в целом) и “ходатаями” по конкретным делам конкретных граждан» (М. Золотоносов).*

«Нам нужно стабильное правительство профессионалов, а не политиканов» (М. Арутюнов).

Наивно полагать, что с помощью избирательного закона можно сформировать парламент, состав которого будет отвечать политическим пристрастиям законодателя, если только выборы не будут превращены в фарс, как это было на всех советских выборах до 1989 г. (а в ряде округов — и после того). Но фарс можно разыграть при любом избирательном законе. На демократических выборах парламент не может стать лучше электората, он

может быть только хуже его. В наших условиях он будет отражать общество с его неустоявшейся структурой, глубокими противоречиями, не вполне осознанными интересами, самоорганизацией, делающей первые шаги, — здесь не должно быть никаких иллюзий. Единственное, чему может помочь избирательный закон, — свести к минимуму (совсем исключить вряд ли удастся) число отъявленных демагогов и провокаторов — тех, чья «микрофонная» карьера прошла у нас на глазах, и тех, кто еще оттачивает этого рода умение, и отобрать в парламент профессиональных (или успешно профессионализирующихся) политиков, способных отстаивать интересы разных социально-политических сил и реализовать их в конкретной законодательной работе.

В парламенте, уважаемый М. Золотоносов, необходимы «ходатаи», способные представлять действительно существующие и далеко не всегда гармонично сочетаемые интересы очень разных субъектов нашей Федерации, если только не сводить их роль к «выбиванию» дефицитных ресурсов, пониженного налогообложения для «своих» и т. п. Вот почему не ради беспринципного компромисса, а вполне сознательно мы сохраняем значительные элементы мажоритарной системы.

Нужны в парламенте и «сенаторы», достойно представляющие интеллектуальную элиту общества. К сожалению, однако, под этим термином часто понимается не деятельный законодатель на американский манер, а «свадебный генерал», выполняющий лишь чисто представительские функции и свободный от серьезных государственных забот.

В парламенте, как и в правительстве, прежде всего нужны политики, предварительная проверка которых проходит не на митингах и избирательных собраниях (как было, за неимением других возможностей, в 1989 и 1990 гг.), а в работе, которая во всех демократических режимах осуществляется в рамках партийных структур или в тесном контакте с ними. Опирающееся на парламентское большинство правительство, конечно же, должно быть профессиональным, но это должны быть профессионалы-поли-

тики (оставим обидное словечко «политиканы» на совести М. Арутюнова) и совсем не обязательно — агрономы, инженеры, врачи и полководцы. И последнее. Каков бы ни был закон, «все равно ошибешься», утверждает М. Золотоносов, привлекая в союзники Сократа. Выход — в «существенном ослаблении парламента». Мы же считаем, что для неокрепшей российской демократии нет ничего опаснее, как подрыв слабых еще ростков парламентаризма, откуда бы эта угроза ни исходила: от лихих авантюристов, сделавших ставку на президента, или от безответственных «оппозиционеров» в Верховном Совете, отшлепывающих одно за другим воинственные постановления. Ибо работоспособный парламент ничуть не менее необходим России, чем авторитетный президент и толковое правительство.

ПРЕДМЕТ ДИСКУССИИ — ЗАКОН О ВЫБОРАХ

Обстоятельная дискуссия по проекту закона состоялась в августе в редакции газеты «Гражданская мысль» по инициативе ее главного редактора Юрия Буртина. Кроме него, в обсуждении приняли участие депутаты Михаил Арутюнов, Анатолий Шабад, Виктор Шейнис и доцент Леонид Кириченко²¹.

Ю. Б. Зачем потребовался новый закон о выборах? На протяжении всей советской истории происходили выборы на основе определенного избирательного закона. Почему надо было переходить от привычной нам мажоритарной системы к смешанной?

В. Ш. Основное содержание перехода — не от мажоритарной к смешанной системе, а от фиктивных к реальным выборам. Перед нами — развилка между системами, которые существуют в цивилизованном мире: пропорциональной и мажоритарной. Мы избираем промежуточный вариант.

Л. К. Новый закон о выборах — это крупный шаг на пути к цивилизованному гражданскому обществу, но в обратном направлении. Народ отстранен от выборов. Как и партии, которые

не соберут 200 тыс. подписей. Удивительно, как разработчик не чувствует себя в роли Прокруста.

М. А. Основная цель законопроекта — протащить в парламент на облегченных условиях несколько десятков партийных функционеров, в том числе и с подмоченной репутацией. Почему партиям отдано 50, а не 5, 10%?

А. Ш. Сегодня мы отчетливо видим результат выборов 1989 и 1990 гг., проводившихся по мажоритарной системе. Избраны люди, которые проявили огромную политическую неустойчивость. Их позиции не имеют ничего общего с теми, которые они декларировали на выборах. И не только потому, что они обманули, а просто потому, что они трансформировались совершенно неожиданным (в том числе и для себя) образом. В парламенте огромное количество политических проходимцев, всплывших на волне критики, не готовых ни к чему, кроме отрицания, окрасивших деятельность представительных органов в цвета разнузданной безответственности... Разработчики задались целью — законом стимулировать то, чего еще не существует, но что должно быть — правильное структурирование общества. Цель достойная.

В. Ш. Три главных довода в пользу закона. Первый — явная несправедливость мажоритарной системы: голоса меньшинства, подчас весомого, пропадают. Второй — мы не хотим, чтобы парламент представлял казацкую вольницу вроде нынешнего Верховного Совета, где депутаты вольны перемещаться в политическом пространстве, как им вздумается, а точнее, поглядывая на «заведующего». В парламенте должны действовать организованные политические силы, связанные предвыборной программой и требованиями политической солидарности. Третий — голосование по федеральным спискам и барьеры перед мелкими региональными партиями — противовес сепаратизму, доминированию местных интересов.

М. А. Изменение позиции депутатов связано с экономическими трудностями. Предлагаемая система не мешает менять

позицию и партиям. Разговор о том, что пропорциональная система даст политически структурированный парламент, идут либо из-за политической наивности и прекраснодушия, либо ориентированы на политических простаков. Требование сбора 10 тыс. подписей в поддержку кандидата в одномандатном округе — совершенно нереализуемая норма. Разрешение кандидату баллотироваться по списку и в одномандатном округе неэтично и недопустимо.

В. Ш. Так делается в Германии.

М. А. Нам часто кажется, что там хорошо, где нас нет.

В. Ш. Увлекаясь критикой пропорциональной системы, вы не замечаете, что отмеченные вами дефекты стократно возрастают при мажоритарной системе.

Ю. Б. Один из аргументов Виктора Леонидовича (пропорциональная система даст возможность сформировать парламент, полнее выражающий общественное многоголосие) я пока преодолеть не могу. Два других довода представляются весьма слабыми. Партии — малочисленные зачаточные образования, по большей части неотличимые друг от друга даже по их программам, получают исключительное право формировать нам парламент. Да с какой стати?

Л. К. Ставить подписи в поддержку списков реформаторов и демократов может оказаться небезопасным. И тогда Дума еще до выборов будет отдана «непримиримым».

В. Ш. Леонид Андреевич, откуда вы взяли, что только анпиловцы и зюгановцы соберут по 200 тыс. подписей?

Л. К. Конечно, то, о чем я говорил, лишь вероятность. Но закон должен реализовать волю народа.

В. Ш. Нам говорят: да разве эдакими методами создают партийно-политическую систему? Да разве можно создать партии, пока нет класса собственников? Да разве единство России можно утвердить с помощью избирательных законов? Не слишком ли это слабые ниточки? Уверен, ниточки слабые, и будущий парламент далеко не разрешит всех наших проблем. Но чем

же лучше будет парламент, избранный по чисто мажоритарной системе? Введение элементов пропорциональной системы все-таки даст толчок, сильный или слабый, движению именно в том направлении, которое нам необходимо.

Ю. Б. Попытаюсь ответить на вопрос, который ставит Виктор Леонидович: чем лучше был бы парламент, избранный по чисто мажоритарной системе. Принятие предлагаемого законопроекта имело бы своим следствием сохранение власти в руках ныне действующей генерации политиков и практически не допустило бы в политику новых людей. В рамках прежней, мажоритарной системы выборов массовый приход таких новых людей стал бы возможен, а для тех, кто скомпрометировал себя в глазах общества, двери в большую политику оказались закрыты...

В. Ш. Юрий Григорьевич, вы в значительной мере правы. Хотя там, где вы ставите «минус», у меня стоит «плюс». Я не хочу, чтобы наш будущий парламент заполняла толпа никому дотоле неизвестных личностей. Прошедшие годы выдвинули политиков, которые известны избирателям. Часть из них прошла союзный квазипарламент, часть — российский, еще больше людей, которые депутатами не были, но не только приобрели всероссийскую известность, но и заслужили авторитет среди различных групп избирателей. Всех их вместе значительно больше, чем будет мест в парламенте. Из них преимущественно и надо сделать выбор.

М. А. Целесообразно оперативно создать творческий коллектив по срочной разработке законопроекта, альтернативного рассматриваемому. Иначе действующая в интересах вновь нарождающейся номенклатуры и партократии, целеустремленная и настойчивая команда Виктора Леонидовича, доработав по малосущественным замечаниям свой законопроект, превратит его в действующий закон, который приведет к безраздельному господству коммунопатриотов.

В. Ш. Спасибо на добром слове!

Так или примерно так разворачивались дискуссии по избирательному закону. В данном случае она носила еще довольно интеллигентный характер, оппонентами были люди, безусловно, стоявшие на демократических позициях, в большинстве своем избегавшие прямых передержек и натяжек.

Но помимо основного водораздела в дискуссии — между сторонниками мажоритарной и смешанной избирательной системы — существовал еще один подход, время от времени всплывавший со времен выборов 1989 и 1990 гг. Коммунистические фундаменталисты настаивали на возврате к выборам депутатов производственными коллективами, как это было в первые годы существования Советов. Их мало кто слушал: настолько несовременной и нежизнеспособной выглядела эта идея. Но в 1993 г. ее неожиданно подхватили романтики из демократического лагеря. Известный публицист Вадим Белоцерковский, забраковав любой вариант выборов от территорий, в том числе партийные («партии хиреют», программы мелких партий интеллигенции «не затрагивают коренного интереса» большинства населения — наемных работников государства), предложил проводить выборы по производственному принципу: от предприятий, учреждений и т. п., одновременно осуществив выкуп коммерческих учреждений трудовыми коллективами²². Но синдикалистский подход и в таком преломлении остался на периферии развернувшихся споров.

Из всех тех споров я вынес очень важный урок. Призывы Арутюнова «оперативно создать творческий коллектив», «срочно разработать альтернативный законопроект» повисли в воздухе. Хотя в данном случае достаточно было заглянуть за ближайший куст, чтобы обнаружить там рояль. Тщательно проработанный законопроект с разночтениями в пользу мажоритарной системы, на которых настояли Балала и его люди из Комитета по делам местных Советов, лежал рядом — в бумагах Президиума ВС. Но то была чужая, хасбулатовская территория, на которую наши демократические критики не заходили. Борьба за новый избиратель-

ный закон показала, что «целеустремленная и настойчивая команда», действуя даже не в самых благоприятных условиях, может добиться многого, если не боится, что ее труд пропадет втуне. В последующие годы, по моим наблюдениям, демократы нередко проигрывали, потому что в нужное время, в нужном месте не оказывалось готового проекта закона, постановления, алгоритма поведения. Проигрывали из-за интеллектуальной лени, безрукости, нашего российского, обломовского неумения педантично и загодя сосредоточить силы и средства на главных направлениях. История с избирательным законом была нетипичным отклонением от этой застарелой болезни нашей интеллигенции. Не будь его, весьма вероятно, Россия голосовала бы по «мажоритарке» долго, пока новым хозяевам Кремля не пришла в голову идея довести наш замысел до абсурда. И уж точно — в 1993 г.

Глядя из сегодняшнего дня на споры той поры, я должен признать, что надежды и ожидания, стоявшие в основном «за кадром» этих споров, были, пожалуй, завышенными и во многом даже наивными. Наверное, мы все (я имею в виду ту группу, которую Арутюнов назвал «командой Виктора Леонидовича») ни летом, ни даже осенью не смогли оценить характер тех тектонических сдвигов, которые произошли в настроениях российских избирателей после апрельского референдума. Мы рассчитывали, что расклад голосов на выборах примерно повторит то, что произошло 25 апреля, и, значит, выборы по партийным спискам принесут серьезный перевес демократам.

Однако я не лукавил, когда, возражая оппонентам, писал, что цель закона — дать парламент, состав которого примерно отразит соотношение сил в стране, но соотношение это надо представить в политически структурированном, организованном виде. Такая цель тогда была более или менее достигнута, и закон позволил сделать шаг на пути становления партийно-политической системы в России. То, что процесс этот шел медленно, а в последние годы приобрел извращенный характер, — не вина закона.

Не оправдались и опасения моих оппонентов, что большинство в Думе (или даже в ее избранной по спискам части) разделят умеренные и оголтелые коммунисты, что закон приведет к «безраздельному господству коммунопатриотов». Ни в одном составе Думы такого «безраздельного господства» или хотя бы абсолютного большинства у них не было. Да, пропорциональная система протезировала на выборах 1993 г. маргиналам Жириновского, в 1995 г. — коммунистам, в 1999 г. — «Медведю», в 2003 г. — «Единой России», но вплоть до выборов 2003 г. она также благоприятствовала различным демократическим и квазидемократическим образованиям²³.

Не оправдались и утверждения наших критиков, что только выборы по мажоритарной системе изменят в лучшую сторону состав наших представительных органов, влив в них свежую кровь — новых людей. Ни по стойкости политических убеждений, ни по профессионализму, ни по способности отстаивать независимую позицию депутаты, избранные в одномандатных округах, если, конечно, не выхватывать отдельные примеры, не отличались в лучшую сторону от «списочников». Это относится и к Думе, избиравшейся по смешанной системе, и к региональным и местным представительным органам, выборы в которые происходили по чистой «мажоритарке». Более того, опыт показал, что административный ресурс и большие деньги на выборах в одномандатных округах воздействуют прямее, беззастенчивее и, пожалуй, сильнее, хотя, конечно, не свободны от них и «партийные» выборы.

Десять лет спустя проблемы преобразования избирательной системы в России переместились в иную плоскость. Но тогда, летом 1993 г. до каких бы то ни было решений еще надо было пройти самый трудный участок пути: превратить законопроект в закон. Успех вовсе не был предопределен.

КРЕМЛЕВСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В поле общественного внимания, поглощенного схваткой между президентом и «Х СНД» в сентябре—октябре 1993 г., которая быстро приближалась к драматической развязке, не попала разворачивавшаяся в те же дни борьба внутри конгломерата «победителей» вокруг избирательного закона. Слов нет, главный конфликт решался в противостоянии Кремля и Белого дома. Но коль скоро Кремль выигрывал, от того, какой избирательный закон он введет, зависела конфигурация нового парламента — и не только в ближайшем избирательном цикле.

21 сентября известным указом № 1400 были утверждены два положения: «О федеральных органах власти в переходный период» и «О выборах депутатов Государственной думы», воспроизводившие «Основные положения акта о выборах...», отвергнутые большинством групп КС в июне. Я вернулся в Москву из командировки вечером 23 сентября и узнал от Филатова и его заместителя Вячеслава Волкова, что тексты положений — не окончательные, что они готовились в спешке и в них могут быть внесены изменения. На следующий день инициативная группа (теперь проходившая в официальных документах как «группа КС») возобновила работу уже в Кремле.

В тот же день был опубликован еще один указ: о формировании ЦИК и назначении ее председателем Рябова. На практике это означало, что мы получили партнера, через которого осуществлялась своего рода «госприемка» нашей работы. С этого момента и до недавнего времени ни один избирательный закон не принимался без санкции (иногда через процесс мучительно трудного согласования) руководителя ЦИК, кто бы им ни был. Правоприменительный орган (точнее, доверенное лицо президента в нем) фактически получил право вето в данной отрасли законодательного процесса. Впрочем, отношения с Рябовым в те дни были еще вполне пристойными, мы оказались по одну сторону баррикад, и он не без гордости доверительно сообщил мне, что по

своему статусу, всяческим обеспечениям и пр. приравнен к рангу вице-премьера.

Между тем ознакомление с текстом уже опубликованных положений повергло нас в ужас. Исходный текст был подвергнут в президентском Государственном правовом управлении (ГПУ) такой «доработке», которая сразу напомнила мне один термин из ранней работы Ленина — «обалгоривание»²⁴. За основу, вероятнее всего, просто по разгильдяйству был взят не последний, а предпоследний вариант, который я передал в президентскую администрацию. Но это было еще полбеды. В текст были внесены изменения, противоречившие концепции законопроекта или в лучшем случае отступавшие от нее.

Число депутатов ГД определялось в 400 (вместо 450) человек. Но хуже всего было то, что соотношение между «одномандатниками» и «списочниками» изменили с 1 : 1 на 2 : 1. По сравнению с этим другие «улучшения» в духе Балгорна имели меньшее значение, хотя и с ними согласиться было трудно. Выборы намечалось проводить в течение двух дней — 11 и 12 декабря. Можно представить, какие широкие возможности для манипуляций открывала бы ночь между двумя днями голосования: ведь избирательные комиссии создавались наспех, а структуры общественного контроля практически отсутствовали. Манипуляций можно было ждать с обеих сторон — в зависимости от симпатий местной администрации. Из статьи, определяющей статус членов избирательных комиссий, «выпали» их члены с совещательным голосом, а также наблюдатели. Была ослаблена статья, определяющая порядок формирования избирательных округов: большой простор оставлен творчеству ЦИК. Сроки избирательных действий, число подписей, необходимых для регистрации кандидатов и списков, не привели в соответствие с укороченным временем, отведенным на избирательную кампанию.

Вариант Положения о выборах в ГД, изготовленный в ГПУ, подвергся резкой критике на совместном заседании трех групп КС (чуть позднее они будут преобразованы в Общественную па-

лату), состоявшемся 25 сентября. Это был единственный в то время заработавший институт КС, где можно было публично оспорить «достижения» ГПУ и настаивать на возвращении к исходному тексту: комиссия Филатова возобновила заседания лишь 15 октября, а счет уже шел на дни и часы. Собравшиеся подавляющим большинством голосов поддержали сформулированные мною главные коррективы, которые требовалось внести в текст (первый вариант поправок рабочая группа подготовила уже к вечеру 24 сентября). Было высказано и еще одно предложение, реализации которого предстояло сыграть решающую роль в развитии событий вокруг избирательного закона: добиться личной встречи представителей группы с президентом, что до того не случалось ни разу²⁵.

Теперь, опираясь на позицию, заявленную тремя группами КС, надо было действовать немедленно, и за отсутствием каких-либо публичных форумов — в кремлевских кабинетах и коридорах. Собственно, все вопросы нашего политического развития в те дни решались именно там. 27 сентября рабочая группа уже имела тщательно выверенный текст поправок. Отметив, что наряду с такими изменениями исходного текста, которые связаны с текущей политической ситуацией, в президентское Положение «оказались внесенными и изменения поспешные и недостаточно продуманные, способные как резко затруднить сам процесс выборов, так и ухудшить дееспособность вновь создаваемого профессионального парламента», мы предложили — по минимуму, но срочно — внести изменения как в название Положения, так и в 13 (из 44) статей и дополнить его еще двумя статьями. Кроме заново отточенных формулировок в тексте содержалось краткое обоснование каждой из них²⁶. Поскольку внесение поправок, особенно концептуальных, в уже опубликованный текст требовало согласия президента, важно было пойти кратчайшим и наименее чреватым осложнениями путем. Три группы КС запросили личную встречу президента с разработчиками. Получить такую аудиенцию в дни, когда главный конфликт вступил в самую острую фа-

зу, было очень непросто. Но в дело вмешался Сергей Алексеев, убежденный сторонник нашей концепции. В то время он еще пользовался благосклонностью Ельцина. Он-то и договорился с Виктором Илюшиным, регулировавшим распорядок дня президента, о встрече, которая была назначена на 11 часов утра 30 сентября. Еще за день до этого прошло многочасовое совещание разработчиков закона с Рябовым, в ходе которого нам удалось отстаивать большинство своих поправок²⁷.

Формат встречи с президентом был определен его секретариатом следующим образом: от КС — Алексеев, Ковалев, Шейнис, от ЦИК — Рябов, от администрации — Батурин, протоколировал разговор Илюшин. Это была моя первая после большого перерыва и последняя личная встреча с Ельциным. Может быть, поэтому я ее запомнил довольно хорошо. Ровно в 11 часов Борис Николаевич вошел в комнату, в центре которой стоял небольшой круглый стол. Он шел пружинящей, чуть заторможенной походкой и, как мне показалось, не вполне координировал свои движения. Тем не менее он поздоровался, назвав каждого из нас по имени и отчеству, и безо всяких вступлений приступил к разговору. Перед ним были листки с ранее переданными нами предложениями. На них я разглядел следы предварительной работы: некоторые места были выделены фломастером.

Разговор продолжался около получаса. Начал Алексеев: документы, опубликованные за вашей подписью, надо усовершенствовать; важно продемонстрировать, что президент, правительство озабочены развитием демократического процесса, считаются с КС; поправки, которые на нем поддержаны, имеют важное значение для демократизации... Затем мы пошли по пунктам. Я аргументировал каждую поправку, обосновывая их — с учетом места и собеседника — не столько общими правовыми и историческими соображениями, сколько политической прагматикой: так будет лучше для дела демократии. Борис Николаевич был вполне адекватен, слушал внимательно, время от времени задавал уточняющие вопросы. Он согласился с нами

в главном (соотношение 1 : 1) и по большинству других пунктов, о чем-то сказал Батурину, что «надо подумать». В заключение Ковалев еще раз подчеркнул, что введение пропорциональной системы даст демократам шанс на победу. Если в нашей правоте Ельцина убедила конъюнктурно-политическая аргументация, то могу представить, как он был разочарован и, может быть, даже взбешен, когда стали известны результаты выборов 12 декабря 1993 г. Во всяком случае, и без того узенький канал, по которому раньше мне удавалось иногда доводить до него свое мнение по тем или иным вопросам, после того был перекрыт бесповоротно.

Но 30 сентября ощущение было приподнятое. Я вернулся в соседнее кремлевское помещение к своим сотрудникам «со щитом», и вновь закипела работа. К первой пресс-конференции председателя ЦИК, назначенной на следующее утро, надо было подготовить обновленный текст Положения о выборах. К вечеру, когда было сделано все, кроме технического оформления и размножения документа, я поехал в здание на Новом Арбате, куда накануне перебрался Рябов с ЦИКом и где за мной со времен Конституционной комиссии сохранялся кабинет. Надо было решить какие-то дела и встретиться с Рябовым, чтобы обговорить детали его завтрашней пресс-конференции. Но когда я спустился на этаж ЦИКа, мне сказали, что Рябов уже уехал по вызову начальника ГПУ Александра Котенкова, в додепутатские времена армейского политработника, а теперь произведенного в генерал-майоры и незадолго перед тем защитившего диплом юриста. Я огорчился, что встреча происходит без меня, но не придавал этому серьезного значения.

На следующее утро я приезжаю на Арбат к началу пресс-конференции и сообщаю Рябову, что вот-вот должен вернуться из Кремля Каюнов с тиражированным за ночь последним вариантом Положения о выборах. Рябов отвечает: этот тираж не нужен, для участников пресс-конференции силами аппарата ЦИК необходимые экземпляры уже подготовлены. Рябов идет к трибуне, я

беру его текст и первое, что замечаю; пропорция опять смещена на 2 : 1! Пресс-конференция идет своим ходом, журналисты задают вопросы, а я сдерживаю бешенство и лихорадочно соображаю, что делать дальше. Как только пресс-конференция заканчивается, я обращаюсь к журналистам с предложением подняться на мой этаж, где пресс-конференция будет продолжена рассказом о том, как чиновники исказили согласованную с президентом позицию. Высокопоставленный представитель администрации прерывает меня: «В. Л., я Вас предупреждаю: Вы теперь государственный служащий, а занимаетесь антигосударственной деятельностью...»²⁸. Мне некогда спорить с ним. Позднее обдумав этот пассаж, я решил, что никогда не буду на такой службе, где чиновник, полагающий, что в существующей иерархии он находится надо мною, вправе решать, могу ли я публично отстаивать позицию, которую считаю правильной.

Но в тот момент было не до рефлексии. За мною идут несколько журналистов, много меньше, чем их было у Рябова²⁹. Рассказываю им о вчерашней встрече с президентом, но становится ясно: всем не до того, блокада Белого дома проваливается, начались переговоры в Свято-Даниловом монастыре — пресса нам не поможет. Тем более что отношение к нашей концепции в обществе неоднозначно.

Обсудив резко и неожиданно изменившуюся ситуацию с коллегами, в тот же день передаю для Филатова письмо, стилистика которого, вероятно, была не очень принята в кремлевских кабинетах, но терять мне нечего, а с Филатовым мы знакомы и почти дружны со времен I Съезда. К следующему дню наша группа готовит три новых документа: поправки к первоначальному варианту Положения о выборах, согласованные ранее рабочей группой с Рябовым, сопоставительную таблицу ряда статей Положения о выборах в двух вариантах текста (в согласованном рабочей группой КС с Рябовым и в переделанном Котенковым и Рябовым) и предлагаемый нами окончательный вариант Положения. Общий объем всех текстов — 63 страницы. Они подгото-

влены и педантично выверены Собяниным, Каюновым, Луценко и Власовой. Эти документы вместе с новым письмом Филатову я направляю вдогонку за первым письмом. Расчет на то, что в уже объявленном 1 октября указе президента о внесении изменений в Положение о выборах содержится лишь ссылка на «уточненную редакцию», а сам документ еще из Кремля не выпорхнул. Я воспроизвожу здесь мои письма Филатову: они могут дать представление о накале страстей.

*Руководителю Администрации Президента
Российской Федерации С. А. Филатову*

Уважаемый Сергей Александрович!

К сожалению, результатом ночной работы А. Котенкова и уступившего ему Н. Рябова явилась новая порча тщательно отработанного текста.

Главное из этих ухудшений: замена соотношения 1 : 1 на 2 : 1 при распределении мандатов между одномандатными округами и общефедеральным округом. Мы неоднократно излагали аргументы, почему этого ни в коем случае делать нельзя. Главное — резко увеличивается вероятность, что новый парламент воспроизведет тот, который уходит со сцены.

Новая редакция «Положения о выборах» еще не направлена официально в Центральную избирательную комиссию, Рябов ждет, и в этом шанс избежать серьезной политической ошибки. Президент к тому же пообещал на встрече с партиями установить соотношение 1 : 1, и это уже сообщили средства массовой информации.

По моим сведениям, Котенков и его команда продолжают «дорабатывать», т. е. портить текст Положения. И делается это «с налета», без участия тех, кто готовил текст.

Учитывая, что Вы вчера согласились с нами по всем затронутым в разговоре позициям и пообещали поставить Котенкова

на место, от своего имени и от имени С. А. Ковалева, Б. А. Золотухина и других членов рабочей группы настоятельно прошу Вас:

- сообщить Н. Рябову, что в качестве окончательного решения принята пропорция 1 : 1, дабы он мог приступить к абсолютно неотложной «нарезке» округов,
- задержать официальную передачу «Положения» в средства массовой информации,
- провести согласование окончательного текста «Положения» с участием утвержденной Вами рабочей группы.

В. Шейнис. 1 октября 1993 г.

*Главе Администрации Президента
Российской Федерации С. А. Филатову*

Уважаемый Сергей Александрович!

В дополнение к записке, направленной Вам вчера, хочу довести до Вашего сведения следующее.

Более тщательный анализ показал, что вариант «Положения», завизированный Котенковым и Рябовым, помимо смещения пропорций между двумя частями депутатского корпуса, содержит множество других дефектов, неточностей, неоправданных усечений и просто нелепостей. Выпускать такой текст стыдно.

Лучше всего было бы взять за основу вариант, подготовленный рабочей группой и согласованный с Рябовым 30 сентября, приведя его в соответствие со вчерашним Указом президента. Соответствующий текст прилагается. В распоряжении рабочей группы есть дискета с этим текстом, которая также может быть предоставлена по первому требованию.

Но, как минимум, в текст Котенкова — Рябова необходимо внести изменения, сводная таблица которых подготовлена рабочей группой и также прилагается.

*С уважением В. Л. Шейнис
2 октября 1993 г.*

В опубликованное в конечном счете Положение, на основе которого и прошли выборы, была возвращена пропорция 1 : 1. Поскольку принятое решение оказало долговременное влияние на политическую структуру российского парламента, меня всегда занимало, кто стоял за искажением и последующим восстановлением нашего текста. По прошествии многих лет я попытался это выяснить. Ни Котенков, ни Рябов принять столь ответственное политическое решение, казалось мне, не могли, тем более, что Рябов присутствовал на встрече с президентом, согласие которого с нашей позицией забыть не успел. Было высказано предположение, что коррекцию санкционировал Шахрай. «Нет, — ответил мне Сергей Михайлович. — Я стоял за мажоритарные выборы, в которых кандидатов выдвигают партии, но к этой правке отношения не имел. Скорее всего кто-то зашел к Ельцину и уговорил его изменить решение». Эта версия показалась мне сомнительной. В тот день начались переговоры в Свято-Даниловом монастыре, и едва ли у президента были досуг и желание возвращаться к вопросу, который он уже решил утром. Не разрешил эту загадку и Филатов: я этого просто не знаю, сказал он.

— Но ведь с вашей подачи вернулось соотношение 1 : 1, — не отставал я.

— Ну, и хорошо...

— Хорошо. Но интересен механизм...

— Механизм? Я просто брал трубку и говорил: сделать так, и все, — рассмеялся Филатов.

Остается предположить, что неразбериха в Кремле тогда была такова, что сановники второго и даже третьего уровня с чьего-то соизволения (Рябов, говорит Шахрай, по собственной инициативе не посмел бы выкинуть даже запятую) позволяли себе корректировать решения президента, — разумеется, не по главному вопросу дня. В любом случае история эта небезынтересна для понимания кремлевских нравов того времени³⁰.

В текст вошли и некоторые другие наши поправки, но в целом он получился сырым, клочковатым. Ряд важных элементов

концепции, прежде всего система общественного контроля за проведением выборов и подсчетом голосов, были представлены в нем лишь в самом первом приближении. Колоссальная работа по доведению избирательного законодательства «до ума» еще предстояла.

Умельцы из ГПУ сработали текст Положения о выборах в ГД на основе нашего проекта, регулировавшего выборы в обе палаты Федерального собрания, просто-напросто вырубив то, что относилось к Совету Федерации. В сентябре решили выборы в верхнюю палату не проводить, Совет Федерации до истечения срока полномочий Советов текущего созыва сформировать из председателей законодательных собраний и руководителей органов исполнительной власти субъектов Федерации. Иными словами, заложили модель, которую президент, сломив сопротивление парламента, внедрил позже — в конце 1995 г. и которая просуществовала до 2000 г.

Но в октябре положение изменилось, острая нужда в поддержке региональных лидеров отпала, и 11 октября появился новый указ президента — теперь уже о внесении изменений в Положение о федеральных органах власти на переходный период, в соответствии с которым выборы в Совет Федерации подверстывались все к тому же 12 декабря. Но об этом мы узнали из газет, а Положение о выборах в СФ уже без нас люди из ГПУ стали кроить, отталкиваясь от текстов, по которым прокатились предыдущие баталии. По представлению председателя ЦИК дополнительным указом президент 6 ноября сделал графу «против всех» в избирательном бюллетене не работающей, а лишь учетной, т. е. утратившей юридическую силу и практический смысл. Со временем это тоже придется поправлять. Следует ли после этого удивляться появившимся противоречиям в нормативных актах? Легкость, с которой одни нормы заменялись другими на уровне президентских указов, распространилась и на нижестоящий уровень, где исходили из собственных представлений о целесообразности.

Так творилась история. Так шли к парламенту нового вида. Невольно вспоминается строка поэта: «Когда б вы знали, из какого сора...». И все же именно тогда был сделан почти немыслимый за полгода до того шаг к партийному парламенту.

Введенная в 1993 г. избирательная система в России прожила около десяти лет. Надо было постепенно, проверяя каждый шаг практикой, осторожно совершенствовать законодательство, заполнять пробелы и убирать то, что не выдержало испытания. В основном так и поступали в 90-е годы. Возникавшие проблемы, нередко достаточно острые, были связаны не столько с законом, сколько с его нарушениями на практике. Что же касается самого закона, то двигаться следовало, на мой взгляд, к варианту, воспроизводящему (с необходимыми коррективами) германскую систему. Но в 2002 — 2005 гг. избирательная система стала объектом контрреформы. Вот ее основные черты. Резкое ужесточение государственного контроля над партстроительством. Искоренение теперь уже мажоритарного компонента избирательной системы. Исключение какого бы то ни было влияния избирателей на отбор парламентариев в нашем варианте пропорциональной системы. Чрезмерно завышенный барьер. Такое регулирование порядка составления партийных списков, при котором невозможно планировать персональный состав фракций. Способ распределения депутатских мандатов между регионами, который представляет прямое издевательство над равенством избирательных прав граждан. Вертикаль избирательных комиссий. — Все это способствует закреплению режима «управляемой демократии».

Примечательно и еще одно отличие контрреформы от реформы 93-го года. Тогда новая избирательная система была введена в порядке, так сказать, низовой политической инициативы, подтолкнувшей колебавшуюся власть к действиям. Это, однако, не остановило дискуссии. Десятилетие спустя уверовавшая в себя власть одарила общество удобной для нее системой. Политическая же погода изменилась настолько, что наши вчерашние оп-

поненты — «мажоритарщики», мгновенно позабыв свои прежние доводы, принялись с жаром доказывать, насколько благодетелен новый промысел начальства. Приходится констатировать, что страна не приближается, а стала удаляться от настоящей многопартийной системы, а парламент — от действительного представительства интересов, существующих в обществе. Эту политическую систему, правда, формируют факторы значительно более мощные, чем правила избирательной игры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституц. вестн. — 1993. — Май. — № 16. — С. 42.

² Определяя концепцию закона, мы проводили широкие консультации со специалистами. Не во всем мы с ними соглашались, да и они нередко были не согласны друг с другом, однако такие обсуждения сыграли очень важную роль в отработке и уточнении концепции, приносили ценные находки, отливавшиеся в нормы законопроекта. Некоторые эксперты, первоначально приглашенные «со стороны», позднее влились в состав инициативной группы и внесли ценный вклад в общее дело. Помню одну такую «мозговую атаку» по заранее распространенным 12 вопросам экспертам, в которой участвовали Леонид Гордон, Герман Дилигенский, Юрий Калмыков, Вячеслав Никонов, Алексей Салмин, Георгий Сатаров, Игорь Филиппов, Кирилл Холодковский.

³ Позже, побывав в заключении, Р. Хасбулатов выдаст тираду: «А разве непрерывными антипарламентскими акциями не занимались шабады, пономаревы, шейнисы, задонские, золотухины и др.?» (Правда. — 1994. — 11 янв.).

⁴ Передача «Итоги» по 1-му каналу ТВ 23 мая 1993 г.

⁵ Россия. — 1993. — 16—22 июня; Избирательный закон: Материалы к обсуждению. — М., 1993.

⁶ Великобритания — 650, Италия — 630, Германия, Франция, Испания — свыше 500 и т. д.

⁷ На путь введения «плавающего» барьера в случае значительного рассеяния голосов между избирателями (вообще-то маловероятном) законодатель вернулся в 1999 г. по подсказке Конституционного суда.

⁸ Вернуть прежнюю норму удалось лишь при коррекции избирательного законодательства в 1997—1999 гг.

⁹ Это могло бы ввести творчество ЦИК в какие-то рамки, если бы приложение не было «потеряно» на пути от законопроекта к президентскому положению, по которому проводились выборы.

¹⁰ Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. — М., 1995. — Т. 10. — С. 308.

¹¹ Основные положения акта о выборах высшего органа законодательной власти РФ. — Архив автора; Избирательный закон; Материалы к обсуждению. — М., 1993.

¹² Я говорил тогда: «Каким образом этот акт может быть введен? Этот вопрос открыт и сегодня, я думаю, никто, не только Президент, но и Господь Бог не может дать ответ на этот вопрос» (Конституционное совещание... — Т. 10. — С. 160).

¹³ Там же. — Т. 14. — С. 156.

¹⁴ Там же. — С. 162.

¹⁵ Там же. — С. 177, 179.

¹⁶ Там же. — С. 157.

¹⁷ Там же. — Т. 10. — С. 175; Т. 14. — С. 157, 161, 174, 175, 178, 179, 181, 182, 337, 341, 342, 346, 347.

¹⁸ Выступления В. Шейниса и Г. Попова на пленарных заседаниях КС 10 и 26 июня (Конституционное совещание... — Т. 5. — С. 389—391; Т. 15. — С. 390—392). Однако и в группе партий не все разделяли аргументацию разработчиков закона, подчеркивавших, что пропорциональный компонент системы покажет реальное соотношение политических сил в стране. «Надо думать, — сказал один из участников обсуждения, — не столько о демократических выборах, сколько о такой форме выборов, при которой в Государственной Думе окажутся нужные Президенту люди... Президент не справится во второй раз и с Советом Федерации, и с Государственной Думой» (Там же. — Т. 18. — С. 53).

¹⁹ Статья была опубликована в газетах «Российские вести» (1993. — 3 авг.) и «Невское время» (1993. — 11 авг.), где ранее были напечатаны статьи наших оппонентов — М. Арутюнова и М. Золотоносова.

²⁰ А. М. Оболенский в 1989 г. выдвинул свою кандидатуру на I СНД СССР на пост председателя ВС СССР в противовес М. С. Горбачеву.

²¹ Полный текст дискуссии был помещен на двух полосах газеты большого формата. Здесь воспроизводятся лишь ее главные фрагменты. — Гражд. мысль. — 1993. — № 7. — 20 авг.; Протокольная запись дискуссии. — Архив автора.

²² Независимая газ. — 1993. — 7 сент.

²³ Анализ результатов парламентских выборов 1993, 1995, 1999 и 2003 гг. с точки зрения партийного представительства см. в моих статьях: Рубежи. — 1996. — № 3; Мировая экономика и междунар. отношения. — 2000. — № 9; Независимая газ. — 2004. — 14 апр.; Osteuropa. — 1996. — № 11; 2000. — № 7 и в кн.: Россия в избирательном цикле 1999—2000 годов / Моск. Центр Карнеги. — М., 2000.

²⁴ Некогда, рассказывал Ленин, в Германии было опубликовано новое, «исправленное и улучшенное» издание букваря под редакцией Ивана Балгорна, на обложке которого издатель изобразил петуха без шпор, но зато с парой яиц

около него. Такие «улучшения» вызвали к жизни термин «обалгоривание». См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 67—68.

²⁵ Конституционное совещание... — Т. 18. — С. 16—55.

²⁶ Положение о выборах депутатов Государственной Думы. Введено в действие указом Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400; Рабочая группа Конституционного совещания. Поправки к тексту «Положения о выборах депутатов Государственной Думы». 27.09.1993. — Архив автора.

²⁷ Примечательный эпизод: во время совещания в кабинет Рябова зашел руководитель Управления делами президента РФ Павел Бородин, который позднее приобрел широкую известность. Прислушавшись к нашему разговору, этот в буквальном смысле «человек со стороны», стал уговаривать: зачем вам 450 депутатов? Поставьте 250, и я каждого обеспечу машиной, кабинетом... Рябов было колебнулся, но я твердо сказал, что этот вопрос уже согласован. Так в те дни выкраивались параметры нашей государственности.

²⁸ Во время короткого промежутка между прекращением полномочий депутатов, избранных в 1990 г., и приходом в ГД образца 1993 г. я был заместителем председателя Комиссии законодательных предположений, созданной при президенте.

²⁹ Мой рассказ о подоплеке событий воспроизвел журналист Георгий Целмс (Темная история поправок к поправкам // Моск. новости. — 1993. — № 44).

³⁰ Записи интервью с С. А. Филатовым 29.06.2004 и с С. М. Шахраем 01.07.2004. — Архив автора.

глава 24

Декабрьский эпилог

Все то, что начинается хорошо, заканчивается плохо.

То, что начинается плохо, заканчивается еще хуже.

Закон Мэрфи

Черта под переходным периодом (и более того, под XX веком в русской истории) была резко подведена в сентябре—октябре 1993 г. Но в последние месяцы этого года страница не была до конца перевернута. Требовалось еще юридически подвести итог бурному периоду. Это произошло в декабре, на парламентских выборах и на федеральном референдуме, третьем и последнем по счету. Лишь после этого возобновившаяся на рубеже 1980—1990-х годов история российского парламента вступила в новую фазу.

В РЕЖИМЕ «УКАЗНОГО ПРАВА»

После 4 октября президент мог направлять политический процесс и реформировать государственное устройство так, как считал нужным, не встречая серьезного сопротивления. «Ельцин получил полную и никем не оспариваемую власть», — пишет Лилия Шевцова. Стержнем новой власти стал лидер, а не институты, как то произошло в странах Восточной Европы, и это ока-

зало пагубное влияние на консолидацию российской демократии¹. П. Реддевей и Д. Глинский период от октября 1993 до января 1994 г. определяют как «сто дней диктатуры Ельцина», который установил «неограниченную диктатуру» и «начал создавать новый политический порядок, который отвечал его авторитарным инстинктам и целям»².

Действительно, никаких институтов, которые могли бы встать на пути реализации президентской воли после сентябрьско-октябрьских событий, не существует. Парламента нет. Рухнувшее законодательство корректируется и восполняется указами. Судебная власть бездействует. Парализована сама возможность какого бы то ни было организованного сопротивления. В столице еще две недели после кровавой схватки действует чрезвычайное положение, включающее комендантский час. Оно будет отменено, когда станет ясно, что никаких рецидивов на улицах ждать не приходится. Провинция — в политическом оцепенении, урок усвоен и здесь.

Возникает, однако, вопрос: как распорядился Ельцин властью, за которую он долго вел отчаянную борьбу и ради которой не раз ставил на кон столь многое? Вошедший в политический словарь термин «указное право» в строгом смысле означает обход или разрыв с прежней легитимностью, нормотворчество, не прошедшее через представительные органы и не санкционированное ими, — не меньше, но и не больше. В новой и новейшей истории большинства ныне демократических стран были времена, когда и там действовало «указное право». В том, что силы, получившие преобладание в обществе, во имя политической целесообразности отходят от существующего конституционного порядка, конечно, ничего хорошего нет. Внезаконные действия обосновывали «высшей легитимностью», проистекающей из мандата, будто бы полученного президентом на всеобщих выборах 1991 г. и апрельском референдуме 1993 г. Но каковы бы ни были намерения, инициированный такими действиями поток событий всегда несет с собой серьезные опасности — «змеиные яй-

ца», если обратиться к образу Ингмара Бергмана. Однако ход истории таков, каков он есть, и нередко кризисы оказываются неразрешимы без насильственной, нелегитимной ликвидации прежнего законного порядка. Необходимо поэтому уяснить, какие президент издавал указы в течение «ста дней» беспарламентского правления в России, способствовали или препятствовали они выходу из лихорадившего страну кризиса и какие основы государственного устройства на будущее закладывали.

Парламент с политической арены был удален, но многие проблемы экономической, социальной и политической жизни, которые оставили годы противостояния, надо было решать безотлагательно. Изданный 7 октября указ устанавливал, что до начала работы будущего парламента неотложное правовое регулирование осуществляется в форме президентских указов. Чтобы ввести такое законотворчество в какие-то рамки, указ определял ограниченный круг субъектов, располагающих правом официального внесения проектов указов на рассмотрение президента, и жесткую процедуру их прохождения³. Ничего другого, собственно, и нельзя было придумать, коль скоро несколько месяцев предстояло жить без законодательного органа. Хуже было другое. Помощники Ельцина рассказывают о вакууме права, воцарившемся в Кремле в последние месяцы 1993-го, о потоке проектов абсолютно противоправных актов, ложившихся на стол президента в обход установленных правил, когда ловкие ходатаи пробивали выгодные для себя незаконные решения⁴.

Роспуск СНД и ВС обезглавил систему Советов, доставшуюся новой России от прежнего режима. Значительно проще прошла ликвидация ответвлений этой системы на местах. 7 октября были прекращены полномочия Московского городского совета, райсоветов Москвы и Зеленограда. Это еще можно было рассматривать как подавление последних очагов сопротивления — органов, большинство депутатов которых встали на сторону Белого дома. Но уже 9 октября появился указ универсального назначения — о реформе представительных органов власти и органов

местного самоуправления на территории всей Российской Федерации. В соответствии с этим указом на смену многолюдным Советам, более всего приспособленным для проведения митингов, и избираемым из их состава малым Советам — реальным претендентам на власть должны были прийти компактные (15—50 депутатов) представительные органы в субъектах Федерации. Однако до избрания новых органов представительной власти и местного самоуправления исполнительно-распорядительные функции, закрепленные прежним законодательством за Советами, переходили к администрации. Бюджеты могли утверждаться только с ее согласия. Деятельность всех местных Советов ниже уровня больших городов, равно как и вышестоящих Советов в случае их самороспуска или утраты кворума (которую целенаправленно провоцировали), прекращалась. Их функции также переходили к администрации. Реформы «с учетом положений настоящего указа» было рекомендовано провести и в республиках⁵.

Между тем еще 27 и 29 сентября появились указы, которые подчиняли органы исполнительной власти субъектов Федерации по всем предметам ведения Федерации, а также совместного ведения Федерации и ее субъектов — федеральному правительству. Тем самым досрочно, еще до утверждения новой Конституции, учреждалась единая система исполнительной власти в государстве — по сути исполнительская вертикаль. Указ предписывал пресекать попытки переподчинения региональным властям территориальных структурных подразделений федеральных органов, а должностных лиц этих органов, выполняющих решения о переподчинении, увольнять с работы. Против этого трудно что-либо возразить: федеральная власть принимала вызов, который бросал единству России региональный сепаратизм. Но под контроль Кремля переходило также и назначение глав администраций в субъектах Федерации (кроме республик): замещение этих постов могло производиться только по решению президента; выборы и голосования по отзыву приостанавливались до начала работы нового парламента⁶.

После сентябрьско-октябрьских событий представительные органы государственной власти в субъектах РФ и местного самоуправления почти повсеместно прекратили существование, а во главе администраций оказались лояльные Кремлю лица, ранее избранные или назначенные президентом. Такие реорганизации прокатились по большинству регионов. Однако консервировать столь дефектную систему управления государством, отодвигать выборы на продолжительный срок Ельцин не собирался. Уже в последней декаде октября появилась серия новых указов и положений об основных началах организации государственной власти в субъектах РФ, об основах организации местного самоуправления, а также о выборах в представительные органы государственной власти субъектов и в органы местного самоуправления. Эти указы учреждали на всех уровнях власти и местного самоуправления параллельное существование двух ветвей власти — представительной (на уровне субъектов Федерации являвшейся также и законодательной) и исполнительной, — ни одна из которых не обладала верховенством по отношению к другой (как в прежней системе Советов). Положения же о выборах представляли адаптированные варианты Положения, определявшего порядок выборов в ГД. Выборы в законодательные органы субъектов Федерации надлежало провести с декабря 1993 г. по март 1994-го, в органы местного самоуправления — до июня 1994-го. Реализация этих указов должна была вернуть органам государственной власти и местного самоуправления всех уровней легитимность, которую могли дать лишь выборы⁷. Реформируя организацию государственной власти в регионах, президент, однако, останавливался перед границами республик. Посягнуть на их «суверенные права» он пока не решался. Распространение нового государственного устройства на всю страну было отложено до того времени, когда оно станет определяться не указом, а законом.

Все эти указы намечали общий эскиз государственного устройства в регионах и на местах. По нему еще предстояло сделать окончательный чертеж. Пока же устанавливалось, что управле-

ние в регионах на основе «указного права» окончится сравнительно скоро. Указы фиксировали временное, переходное устройство наподобие того, которое для федерального уровня предусматривал указ № 1400. Но уже в начале октября открылась возможность основательно пересмотреть алгоритм действий, намечавшийся при издании самого этого указа, форсировать завершение того, что тогда именовалось поэтапной конституционной реформой. Создается впечатление, что в Кремле не сразу осознали, насколько податливой стала конституционно-правовая материя, как далеко можно было теперь пойти по пути государственных преобразований, которых президент настойчиво, но безуспешно добивался в предшествующие месяцы. Указы, следовавшие один за другим, спорадически, вне какого-либо заранее составленного плана, осваивали все более широкое пространство и частично перекрывали друг друга, не говоря уж об исходном сентябрьском акте, взорвавшем ситуацию.

Сначала корректировке подвергся порядок формирования Государственной думы. Еще до завершения противостояния, 1 октября, были внесены изменения в Положение о федеральных органах власти в переходный период и утверждена уточненная редакция Положения о выборах ГД. Изменения учли поправки к ранее опубликованным текстам, на которых настаивали авторы исходного избирательного законопроекта⁸. Хотя введенный президентом порядок выборов был рассчитан на однократное применение, то обстоятельство, что половина (а не треть) депутатов ГД была избрана по партийным спискам, оказалось непреодолимым заслоном на пути не раз предпринимавшихся позднее попыток вернуть мажоритарную избирательную систему.

11 октября очередь дошла до Совета Федерации. По указу № 1400 и введенному им Положению о федеральных органах власти в переходный период функциями верхней палаты парламента наделялся уже действовавший под таким именем орган, не предусмотренный ни прежней Конституцией, ни конституционным проектом по его состоянию на сентябрь 1993 г., — собрание руково-

дителей законодательной и исполнительной власти в регионах. В дни обострения кризиса наиболее активная группа региональных лидеров, отстаивавшая «нулевой вариант», продемонстрировала президенту, что при таком составе Совет Федерации обещает ему и в будущем немало проблем. Поэтому было принято кардинальное решение — избирать СФ, наряду с ГД, напрямую населением. Было издано Положение о выборах членов СФ, повторявшее в основном акт о выборах в ГД, а во временное Положение о федеральных органах власти внесены новые поправки — в тот день еще предполагали, что в течение более или менее продолжительного периода оно будет замещать Конституцию⁹. Как вскоре выяснилось, это было временное, ситуативное отступление Ельцина от глубоко запавшей в его сознание идеи о том, как должен формироваться СФ на перспективу.

15 октября пришел черед главной из проектировок указа № 1400, согласно которой принятие новой Конституции отодвигалось на не вполне определенный срок: Конституционной комиссии и Конституционному совещанию поручалось лишь к 12 декабря — дню выборов ГД представить единый согласованный проект Конституции. Порядок его дальнейшего продвижения не был определен; предполагалось, что этим займется новый парламент. Теперь же во изменение первоначального плана президент назначил на 12 декабря голосование и по проекту Конституции¹⁰. Это был, как справедливо отмечают помощники Ельцина, крайне рискованный шаг: гарантий утверждения Конституции никто дать не мог¹¹. Несложно вообразить, что стал бы вытворять новый парламент в случае ее провала. Но, во-первых, президент, по-видимому, тогда еще не отдавал себе отчет в том, насколько глубокий сдвиг в общественных настроениях произошел после сентября—октября. А во-вторых, именно рискованные решения по принципу «все или ничего» отвечали характеру и стилю поведения Ельцина и не раз приносили ему успех. Зная теперь весь ход развернувшихся позднее событий, надо признать, что отказ Ельцина отложить решение конституционных споров, с одной

стороны, подарил нам Конституцию, которую мы сегодня имеем, Конституцию победителя со всеми ее достоинствами и недостатками. А с другой — предотвратил новый виток конституционного кризиса с неясным — и скорее всего много худшим — исходом, перевел конфликт интересов в относительно более упорядоченное, не обещающее прежних перепадов русло.

В переходных положениях проекта Конституции, вынесенного на голосование, предусматривалось, что президент будет осуществлять свои полномочия до конца срока, на который был избран, т. е. до 1996 г. Но указ о проведении досрочных выборов президента 12 июня 1994 г.¹² — уступка, вырванная у Ельцина 23 сентября, когда он еще рассчитывал на мирный исход кризиса, — был отменен лишь 6 ноября. Это была, конечно, еще одна демонстрация того, кто теперь в доме хозяин. Не обошлось, впрочем, и без оживления известной советской традиции, когда сомнительные решения принимались «по просьбам трудящихся». Правда, такие «просьбы» теперь не надо было запускать «сверху»: не было недостатка в низовых инициативах, ласкавших слух кремлевского суверена. Еще в сентябре на митинге у Моссовета Валерия Новодворская под аплодисменты собравшихся заявила первое требование к будущему Федеральному собранию: отменить досрочные выборы президента¹³.

После удаления с политической арены агрессивных лидеров парламентской оппозиции, да и самого прежнего парламента как института кадровые перетряски можно было производить выборочно. Замены на верхних ступенях иерархии коснулись лишь нескольких лиц. Прежде всего тех, кому Ельцин не доверял. Хотя в осенние дни 1993 г. генеральный прокурор Валентин Степанков вел себя намного осторожнее, чем во время мартовского кризиса, президент, не связанный теперь согласием парламента, призвал на этот пост Алексея Казанника, ученого-юриста, самоотверженный поступок которого в 1989 г. был у всех на памяти. В этом назначении, которое могло бы стать многообещающим для нашего общества и, возможно, сделать прокуратуру совсем не тем, во что

она стала быстро превращаться, президент, однако, очень скоро разочаровался¹⁴. Несостоявшаяся карьера Казанника — характерный пример того, как государственная система, стремительно костеневшая после 1993-го, стала безошибочно отторгать людей, не подходивших ей по нравственным качествам.

Замена председателя Конституционного суда носила более скандальный характер. Поведение Валерия Зорькина и большинства конституционных судей во время осеннего кризиса, как говорилось выше, не было «равноудаленным», как это, на мой взгляд, пристало бы высшему судебному органу. Только 5 октября было опубликовано заявление, осуждавшее агрессию, исходящую из Белого дома. Это чуть не погубило Конституционный суд: Ельцин намеревался отправить его вслед за СНД и ВС. Если в указе № 1400 содержалась только рекомендация Конституционному суду не созывать заседания до начала работы Федерального собрания, то теперь президент потребовал от Филатова подготовить указ о роспуске КС; он, по словам главы администрации, «просто вошел в раж». В конечном счете, однако, Ельцин дал себя уговорить людям, понимавшим крайнюю опасность и вред намечавшегося решения (тогда еще изредка это удавалось). Вернулись к формуле сентябрьского указа, но за эту уступку президент затребовал немалую цену. Прежний закон о Конституционном суде был отменен, новый приняли лишь летом 1994 г. Закон ограничил сферу компетенции и инициативу Суда. Но в бездействии Конституционный суд и после того пребывал еще несколько месяцев, пока шла мучительная многоактная процедура замещения вакантных мест. Еще одним условием смены президентского гнева на милость была «добровольная» отставка Зорькина с поста председателя Суда¹⁵.

Черту под прежней эпохой Ельцин спешил подвести, не только меняя большими блоками государственное устройство и производя кадровые перемещения. В нашей стране всегда придавалось большое значение символическим жестам. 6 октября был снят караул у мавзолея Ленина — событие, которое можно

было бы поставить в один ряд с удалением памятника Дзержинскому, а позднее — с водружением мемориальной доски в честь Андропова на Лубянке. Акция могла бы получить большой резонанс, если бы она не затерялась в потоке октябрьских перемен. Были утверждены также герб и гимн (триколор вернули еще в 1991 г.), но не озаботились закрепить это в Конституции, и символика оказалась обратимой, а спустя годы двуглавого орла заменяли на советский гимн.

Насильственные государственные перевороты, равно как и подавление мятежей, обычно сопровождаются жестокими репрессиями, которые обрушиваются на проигравших, — таков исторический опыт. Если не считать жертвы кровавых схваток в октябрьские дни, репрессии, предпринятые по следам событий, можно считать вегетарианскими. По числу погибших и жестокости расправ они не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило в Испании в 1939—1940 гг., в Чили в 1973-м, а по числу интернированных на продолжительный срок — даже с Польшей в 1981-м. Всего несколько человек арестовали после штурма Белого дома. Генеральная прокуратура предъявила в октябре обвинение в подстрекательстве и организации мятежа 16 лицам (23 февраля 1994 г. всех их амнистировали). 6 октября президент лишил льготных выплат — «отступного», которое с негодованием отвергли собравшиеся в Белом доме депутаты (что не помешало некоторым из них прийти к окошечку кассы) 138 человек — таково было число тех, кого отнесли к крайне непримиримым¹⁶. В начале 1994 г. в порядке реализации Договора о согласии, подписанного различными партиями, общественными организациями и думскими фракциями с президентом, всех их простили, а «черный список» аннулировали.

В рамках чрезвычайного положения по горячим следам побоища 3—4 октября была введена цензура и некоторые издания, разжигавшие гражданскую войну, были закрыты. Но цензуру вскоре отменили, а запрет с большинства газет сняли. Так, выход «Правды» возобновился уже 2 ноября. Так что утверждения

о подавлении оппозиционной печати во время избирательной кампании, во всяком случае, преувеличены. В начале октября была приостановлена деятельность девяти партий и общественных организаций. Некоторые из них (например, ФНС) не потерпели бы ни в одной демократической стране. Но уже 22 октября министр юстиции Юрий Калмыков отменил запрет КПРФ (которая вела себя осторожно и не «отметилась» в те дни в первых рядах борцов с «оккупационным режимом») и НПСР (вина которой в основном сводилась к тому, что ее номинальным лидером был Руцкой).

Вернемся к поставленному в начале вопросу: действительно ли Ельцин после октябрьских событий установил свою диктатуру? Не приходится отрицать, что в последующие месяцы он действовал не на основе существовавшего в то время законодательства, а создавал новое (хотя это не означает, что весь корпус законов, многие из которых пережили советское время, был отменен). Действовало «указное право». Некоторые демократические права и их гарантии подверглись ограничению по условиям чрезвычайного положения. В Конституции, вынесенной на всенародное голосование, баланс в разделении власти не был соблюден, сдержки и противовесы полномочиям президента были ослаблены. И в самом проекте нового государственного устройства, и в том, как его вводили в жизнь, несомненно, присутствовали ростки авторитаризма, которые впоследствии дали ядовитые всходы. Возможности конституционного компромисса были упущены, правда, по вине не только Ельцина и его сторонников.

Но с понятием диктатуры обычно связывается полная ликвидация атрибутов демократии или их превращение в совершеннейшую фикцию, искоренение или подавление легальной деятельности оппозиции, жестокий репрессивный режим, при котором политических противников физически уничтожают, наполняют ими тюрьмы или выбрасывают в эмиграцию. По-видимому, исходя из этого общепринятого представления о диктатуре, явленной многими странами, в том числе и СССР-Россией на

протяжении почти всего XX века, авторы фундаментального труда об историческом времени, в центре которого стоял Ельцин, утверждают: «После 4 октября президент, вопреки предсказаниям, не повел себя как диктатор... Б. Ельцин не ощущал внутренней потребности становиться диктатором. Он торопил события и стремился к тому, чтобы как можно скорее стать главой нормального в правовом смысле государства, возглавить абсолютно законную власть»¹⁷.

Запреты и репрессии были предельно ограничены, а собственно «указное право» имело короткий срок действия — что нередко забывают, говоря о разыгравшейся в октябре трагедии. Несомненно, это во многом определялось личными качествами и представлениями Ельцина, натуры исключительно противоречивой. Он сформировался как личность в советско-коммунистической, обкомовской среде, где авторитарный стиль принятия решений, поведения, обращения с людьми был правилом, а не исключением. Сопротивление здесь привыкли не учитывать, а ломать, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами. Но ему была чужда злобная мстительность Сталина и сталинцев. В отличие от них он не был ни садистом, ни злодеем и не стремился добивать и унижать поверженных противников. Он не получил гуманитарного образования, но сумел вырваться из коммунистической догматики. И ушел от нее не в цинизм, как большинство его сотоварищей по партийной работе, а совершил интеллектуальный прорыв в мир иных представлений, где свобода, демократия, права человека не были пустыми словами. Как он их понимал, как соотносились в его мыслях и делах терминальные и инструментальные ценности, средства и цели, по каким критериям он отбирал своих соратников и помощников — иной вопрос. Однако он осознал, что в политической борьбе должны существовать запреты. Не то чтобы очевидные запреты он никогда не нарушал, но — не в пример многим своим предшественникам и последователям у руля государства — сознательно стремился свести вторжения на запретное поле к минимуму, как он его по-

нимал. В отличие от людей, правивших нашей страной прежде, ему, как и его политическому антагонисту Михаилу Горбачеву было присуще уважительное отношение к интеллигенции, и не его вина, что тот круг элитарной интеллигенции, который стал его референтной группой, в те годы разжигал страсти и постоянно подталкивал его под локоть. Других интеллигентов у него не было. Он или не смог их увидеть, или их голоса были заглушены, как всегда бывает во время острой схватки.

Но не только личностные качества Ельцина наложили отпечаток на ход событий в поворотный исторический момент. В жестких методах подавления проигравших не было необходимости. После октябрьских событий в общественном мнении произошел сдвиг от президента, но вовсе не пользу «защитников Конституции». Активной поддержки в обществе они не получили — в декабре это проявится на выборах. Достаточно было подавить изолированный центр, будораживший страну и возбуждавший надежды тех, кто рассчитывал погреть руки на пожарище, чтобы наступило относительное успокоение. Продолжительный период управления, не стесненного конституционными рамками, эффект устрашения в обществе с угасавшей политической активностью не требовались. Утверждения тех, кто рассматривал новый режим, установленный Ельциным, как «...диктатуру, возврат авторитарного управления, — это преувеличение, — пишет Майкл Макфол. — Парадоксальным образом то, что произошло в октябре, можно расценить как ничейный исход, который открыл окно возможностей, чтобы спроектировать и реализовать новые политические институты в России»¹⁸. Но мудрости и воли воплотить такие возможности в жизнь не достало ни власти, ни обществу.

ВСПЛЕСК ПАРТИЙНО-БЛОКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Один из парадоксов российской общественной жизни проявился в том, что объявление выборов застигло политический класс

врасплох. Выборов ждали. Одни приближали их, как могли. Другие противились, но не могли не понимать, что вероятность досрочных выборов велика. И тем не менее к проведению избирательной кампании не были готовы ни сторонники президента, ни его противники. События стали разворачиваться по известной русской поговорке: на охоту ехать — собак кормить. Авторы законопроекта отводили на проведение выборов в случае досрочного прекращения полномочий ВС как минимум четыре с половиной месяца. Реально же избирательную кампанию надлежало провести менее чем за два месяца и по новым правилам, которые еще не вполне уяснили участники предстоящего марафона. И это при том, что многие знакомые избирателям фигуры были сброшены с шахматной доски.

Главное, чего добились авторы законопроекта и те люди в окружении президента, которые их поддерживали, — выборы должны были стать партийными по преимуществу, в том числе и во многих одномандатных избирательных округах. Это означало, что впервые со времен выборов Учредительного собрания в 1917 г. в центр кампании должны были выдвинуться не отдельные кандидаты с их личностными характеристиками и обещаниями лоббировать партикулярные интересы своих округов, как в 1989 и 1990 гг. (к чему избиратели привыкли), а избирательные объединения — партии и блоки. Но чтобы провести такие выборы, недоставало самой малости — партий с их отработанными программами, электоральной историей, умением организовывать кампанию, менеджментом и устойчивыми ядрами электората. Если что и было, то группы более или менее известных активистов, жаждавших получить места в новом парламенте. Но им еще предстояло сгруппироваться под партийными знаменами.

В 1993 г. начиналось движение по порочному кругу, во многом продолжающееся и поныне. Чтобы сложилась устойчивая партийно-политическая система, без которой современная демократия немыслима, выборы должны выковать партии. Но чтобы выборы были по-настоящему партийными, нужны партии. Глядя

на выборы 1993 г. с исторической дистанции, я думаю, что учредители избирательной системы, протезировавшей партиям, приняли принципиально верное решение, но, во-первых, переоценили скорость продвижения по цепочке «посыл — результат», а во-вторых, недооценили воздействие искажающих факторов. Впрочем, эти факторы действовали бы еще сильнее, если бы была сохранена мажоритарная система.

Тем не менее после 4 октября стало очевидно, что выборы состоятся в намеченный срок. Субъектами избирательного процесса были объявлены избирательные объединения — партии, движения и блоки. Чтобы приобрести статус такого объединения, надо было выполнить сравнительно легко реализуемое условие — записать в качестве одной из уставных целей участие в выборах и получить регистрацию в Минюсте. Число таких соискателей, как сообщил Минюст, уже 23 октября превысило 130 и продолжало расти¹⁹. Но чтобы получить еще одну регистрацию — в Центризбиркоме и быть допущенным к выборам, избирательным объединениям надо было собрать и представить в ЦИК до 7 ноября в поддержку своего списка 100 тыс. подписей не менее чем в семи субъектах Федерации (что было послаблением по сравнению с исходным законопроектом, требовавшим 200 тыс.). В одномандатных округах избирательные объединения, выдвинувшие федеральные списки, получали право выдвигать своих кандидатов без дополнительного сбора подписей (всем остальным кандидатам требовалось представить подписи не менее 1% общего числа избирателей округа, т. е. в среднем около 5 тыс.).

Второй барьер оказался труднопреодолимым. Надо было за месяц сорганизоваться (для многих — начиная с нуля), обзавестись союзниками (если формировался блок), составить список кандидатов (одна лишь очередность вызывала шекспировские страсти — я имею в виду Яго, а не Отелло) и собрать подписи (процесс тогда еще не освоенный). Поэтому о своем намерении участвовать в выборах заявили 35 избирательных объединений

и блоков, документы на регистрацию представили 21, а к старту были допущены 13²⁰.

До осени 1993 г. политическое размежевание было в основном двухполюсным. Участники борьбы в конечном счете разделялись на сторонников и противников президента. Попытки создать «третью силу» неизменно терпели неудачу. В ходе избирательной кампании 1993 г. начала складываться и на выборах была закреплена четырехсекторная по преимуществу политическая структура: демократы, квазицентристские и промежуточные образования, коммунисты и их союзники, некоммунистические националисты. Именно этим силам предстояло выступать не только в ближайшем, но и в нескольких последующих избирательных циклах. Впрочем, более или менее достоверная политологическая классификация фигурантов наступавшего исторического периода утвердилась позднее. А осенью 1993 г. в условиях своеобразного «первоначального политического накопления» на арену ринулись несколько десятков групп добытчиков, рассчитывавших расхватать политический капитал, казалось, оказавшийся бесхозным, — поддержку избирателей и мандаты в парламенте. В стране не было и не могло быть такого количества программ выхода из кризиса. Идентификация формировавшихся партий и блоков в сознании избирателей, да и самих их членов и сторонников происходила не на развернутой программно-идеологической основе, а по лидерам. То были в большинстве своем политики призыва конца 1980-х — начала 1990-х годов с их известными взлетами и падениями. По именам лидеров прочитывалась также позиция, далеко не всегда отчетливо выявленная, по нескольким будоражившим общество вопросам (распад СССР, отпуск цен и приватизация, Конституция, обстрел Белого дома и т. п.).

Основным претендентом на политическое наследие демократов первой волны, мощно представленных на первых СНД России, заявил себя «**Выбор России**» (ВР). Консультации по поводу создания демократического избирательного блока стали ин-

тенсивно проводиться уже с конца весны 1993-го. В них участвовали руководители президентской администрации и правительства, актив демократических фракций парламента, лидеры различных политических, предпринимательских, профсоюзных организаций, число которых увеличивалось чуть ли не каждый день. В те дни считалось очевидным, что на выборах демократы должны идти единым блоком. Как, из кого его формировать — здесь мнения расходились и кипели страсти. И хотя все сходились в том, что время поджигает, дело почти не двигалось. «Демократы хорошо организуются во время кризисов, — сетовал Гайдар, — и очень плохо в относительно спокойные времена». Начинать блоковое строительство с нуля или не зачеркивать то, что уже сделано; забыть идею партийного представительства и образовать непартийный блок или воспользоваться выборами для создания мощной партии демократов; создавать блок жестко из Центра или отбросить попытки навязать однозначную линию регионам — по этим и другим вопросам договориться никак не удавалось²¹.

16—17 октября на учредительном съезде, в котором приняли участие около десятка известных и малоизвестных демократических организаций, парламентские фракции «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы», а также члены команды Гайдара — министры прежнего и действующего правительства, был создан избирательный блок «Выбор России» и его политическое ядро — одноименное движение. В состав блока вошли также «Демократическая Россия», обладавшая разветвленной сетью местных организаций, мало кому известная «Демократическая инициатива», возникшая в сентябре 1993 г., и «Крестьянская партия»²².

Настоящим брендом «Выбора России» были не эти и иные заявившие о поддержке этого объединения организации, а имена его лидеров. Список возглавили Егор Гайдар, Сергей Ковалев и Элла Памфилова. За ними шли министры, люди из ближайшего окружения президента, руководители демократических фрак-

ций прежних парламентов — союзного и российского, известные журналисты, деятели науки и культуры: Анатолий Чубайс, Андрей Козырев, Борис Федоров, Юрий Яров, Виктор Данилов-Данильян, Сергей Филатов, Геннадий Бурбулис, Михаил Полторанин, Борис Золотухин, Сергей Юшенков, Лев Пономарев, Аркадий Мурашев, Степан Сулакшин, Василий Селюнин, Леонид Радзиховский, Андрей Нуйкин, Владимир Дашкевич, Дмитрий Волкогонов и др. То был, без преувеличения, парад политических звезд недавнего времени, хотя и разбросанных по разным частям небосклона²³.

С точки зрения электоральной тактики это было целесообразное решение: избирателям, поддерживавшим президента и демократов, демонстрировали известные и привлекательные имена. «Выбор России» утверждал себя как партия будущей власти. В приближающейся победе не сомневались. Перспектива виделась так: на смену прежнему, расколотому, а затем и резко враждебному парламенту идет законодательный орган с пропрезидентским большинством. «Победитель получает все», — твердили кандидаты блока, предвкушая раздел постов в парламентских комитетах. Эйфория ожидаемого успеха подхватила и тех, кто ранее зарекомендовали себя безоглядными сторонниками проводившейся политики, и многих из тех, кто на Съездах и ВС занимали более осторожные, выжидательные позиции, да и людей, прежде себя в публичной политике не проявивших, но рекрутированных в структуры президентской и исполнительной власти.

Все это предопределило двойственную политическую природу «Выбора России». По своему происхождению, сохранявшейся инерции противостояния национал-коммунистическим реваншистам, по заявленной программе, по массовой социальной базе в регионах и особенно в столицах, по интенциям многих лидеров это была демократическая организация. Ей были присущи достоинства и недостатки, которые являла российская демократия в предшествовавшие годы. Но «Выбор России» был четко

ориентирован на безусловную поддержку власти, завершавшей свое обособление от демократов (его девизом было «Поменьше бесплодной критики власти»). Он разделял ответственность за жесткое проведение либеральных реформ в экономике и переживал неявный пока разлад между различными вошедшими в его состав образованиями, между верхушкой и рядовыми активистами. Поэтому «Выбор России» становился в перспективе прибежищем новой российской бюрократии, начинавшей осознавать себя как класс. В 1993 г. «Выбор России» выступал как организация демократов и воспринимался таковой в общественном мнении. Но уже тогда был запрограммирован его распад, который начался чуть ли не на второй день после выборов. Вскоре из ВР выделится партия собственно правящей номенклатуры, которая одна только и сумеет перешагнуть барьер через два года, на следующих выборах. То же, что во главе «выбороссов» встал Гайдар, на которого возлагали главную ответственность за социальные последствия экономических реформ, а не Ельцин, который тогда еще мог бы стать центром более широкого притяжения, не способствовало преодолению центробежных тенденций и в «Выборе России», и в демократическом секторе в целом.

Объединить всех демократов под одним знаменем, как показало дальнейшее развитие событий, уже тогда было невозможно. Расхождения по способу проведения экономических преобразований, по проекту новой Конституции и самому жгучему — сентябрьскому указу президента — были слишком глубоки. Эти различия, а также некоторые другие моменты лежали в основе размежевания демократов на два главных блока — «Выбор России» и «Яблоко», о котором дальше речь пойдет отдельно. Но на старте предвыборной горячки это было очевидно не для всех. Сразу же после издания указа № 1400 в Кремле, на Старой площади, в административных зданиях на Новом Арбате, куда переместились депутаты демократических фракций, и других местах чуть не каждый день шли совещания на разных уровнях. Обсуждались вопросы избирательной стратегии и тактики. Главным из

них было — идти на выборы демократам, большинство из которых считало себя частями единого целого, одной или двумя (а если не одной, то, возможно, и тремя, и более) колоннами.

Очень боюсь идеи разных списков. Мы больше проиграем, чем выиграем, говорил Гайдар. Его логика подчиняла многих. Но тут же возникал вопрос: что собираются создавать демократы — новую широкую организацию, призванную поглотить все или большинство существующих, либо их коалицию в виде избирательного блока организаций, сохраняющих самостоятельность. Сторонники коалиции акцентировали внимание на различном отношении к недавним событиям. Делиться по отношению к сентябрьскому указу, возражал Гайдар, — то же, что и по вопросу об Октябрьской революции или судьбе Николая II. Его поддерживал Ковалев: вопрос о многоцветьи спектра очень важен, но сейчас надо думать не об этом. Политические организации создаются как раз во время выборов, добавлял Мурашев. На создание единой организации уйдут годы; «новая, дотолее неизвестная организация не наберет и 5% на выборах», — вступали в спор их оппоненты. «Если вы отстаиваете единую организацию, то почему бы нам всем не вступить в “Демократическую Россию”?» — не без подвоха спрашивали они. Здесь чувство юмора изменяло руководителям «недемороссовских» организаций: «Это провокация!» — восклицали они. В итоге всех таких дискуссий большинство партстроителей уже к началу октября пришло к заключению: формируем блок, у которого будет одно лишь право по отношению к участникам — зарегистрировать себя как избирательное объединение.

Разногласия, однако, так и не были преодолены. На повестку немедленно встали другие вопросы. Прежде всего, как будет себя позиционировать блок по отношению к президенту и исполнительной власти. Мы должны выступить как партия президента. Это самый важный и единственный аргумент, с которым идем на выборы, утверждал Бурбулис. Предстояло, однако, каким-то образом справиться с затруднением. Не могло быть и речи о том,

чтобы Ельцин возглавил список, и более того, он настаивал на надпартийном статусе «президента всех россиян». Как обойти препятствие, подсказывал Рябов: главную ставку надо делать на руководителей исполнительной власти в регионах, на которых опирается президент и которые являются орудием в его руках. Председатель ЦИК излагал свои мысли по-простому и не считал себя связанным своим статусом и юридическими условностями. «Так-то оно так, — соглашался Филатов, — но у нас нет крупных фигур, с которыми можно иметь дело: не с такими же...» (и он называл известных митинговых организаторов прежних лет). За этой дискуссией просматривалась еще одна проблема, вдаваться в которую на широких собраниях считалось неприличным, — о распределении мест в списке. Изъяснялись преимущественно эвфемизмами. «Список должен быть единым и составляться централизованно; шкуру медведя надо получить целой, а не делить», — говорили одни. Им возражали: «Медведь еще не убит, распоряжаться его шкурой рано»²⁴.

Так формировался блок «Выбор России». Не приходится удивляться, что вне его осталось несколько десятков демократических организаций, решивших идти на выборы самостоятельно. Некоторым из них, слабым и малоизвестным, пройти регистрацию не удалось. На первом этапе электоральная судьба, казалось, улыбнулась **Российскому движению демократических реформ (РДДР)**. Оно выделилось из созданного еще в 1991 г. международного движения под одноименным названием, объединившего близких по взглядам демократов из разных республик и после распада СССР ушедшего в небытие. РДДР, как и «Яблоко», заявило себя партией демократической оппозиции. У руля в нем встали известные «прорабы перестройки» — главы исполнительной власти в столицах Гавриил Попов и Анатолий Собчак. РДДР не опиралось на сколько-нибудь заметную сеть партийных организаций в стране. Его главным активом был список кандидатов, в который вошли известные политики, предприниматели, деятели искусств: Александр Яковлев, Святослав Федоров, Нико-

лай Шмелев, Иван Кивелиди, Олег Басилашвили, Кирилл Лавров, Олег Газманов, Алексей Герман, Савва Кулиш, Зураб Церетели, Кронид Любарский... Конечно, не все они вытягивали на роль политиков, способных стать профессиональными парламентариями, но культурный уровень Думы многие из них могли бы поднять. К сожалению, этого оказалось недостаточно, чтобы преодолеть 5%-ный барьер. Трудно сказать, какую эволюцию проделало бы это крайне разнородное политическое образование, если бы ему суждена была более продолжительная жизнь. Но его программные установки и присутствие в нем немалого числа «героев прошедших дней» с «перестроечной» и «постперестроечной» политической биографией позволяют отнести РДДР образца 1993 г. к демократическому лагерю.

К выборам дробление прежнего демократического движения зашло так далеко, что некоторые его осколки, претерпев серьезное внутреннее перерождение, оказались в другом политическом секторе. Этот сектор получил не очень адекватное обозначение «центр». Я предпочитаю употреблять (за неимением более подходящего) тоже не слишком удачный термин «квазицентр», поскольку в нашем обществе, где понятия «правизны» и «левизны» настолько искривлены, что в начале 1990-х годов поменялись местами и не несут привычной для европейских стран смысловой нагрузки, не могло быть и центра в точном смысле этого политического термина. То были партии, либо ответвившиеся от широкого демократического древа, либо продолжавшие создавать «третью силу». Возглавляемые некоторыми известными демократами или «центристами», они формировались по преимуществу как партии бюрократии, прикосновенной к разным уровням власти, и ориентированных на нее кругов чиновников и интеллигенции.

В первую очередь речь идет о сформированной наскоро, как и многие другие, **Партии российского единства и согласия (ПРЕС)**. Созданная под эгидой двух вице-премьеров — Сергея Шахрая и Александра Шохина, включившая в свой центральный список и других министров (Юрия Калмыкова и Геннадия Ме-

ликьяна), а также видного функционера президентской администрации (Анатолия Сливу), ПРЕС была задумана как вторая, наряду с «Выбором России», правительственная партия с менее радикальным имиджем и потому способная привлечь более консервативных избирателей. Но основная ставка была сделана на региональные элиты, связи с которыми Шахрай установил, возглавляя соответствующее направление в работе правительства. Именно аппараты власти на местах замещали отсутствовавшие «первички». ПРЕС представляла себя «партией регионов» — в противовес «партиям Садового кольца». Это, впрочем, не помешало ей поставить на видные места в списке известных ученых — юриста Владимира Туманова и политолога Вячеслава Никонова, а в лидирующую тройку ввести руководителя небольшой предпринимательской организации Константина Затулина, в недавнем прошлом комсомольского работника и руководителя оперотряда МГУ, безуспешно предлагавшего свои услуги в обмен на привилегированное место в списке также и «Яблоку»²⁵.

Демократическая партия России (ДПР) шла на выборы, когда ее первоначальный облик существенно изменился, а пик влияния был далеко позади. ДПР возникла весной 1990 г. в лоне «Демократической России»; сначала не вполне выделилась из нее, но повела конкурентную борьбу в демократическом движении под знаменем радикального антикоммунизма, заостренного против не только консервативного крыла КПСС, но и реформаторов во главе с Горбачевым. Успех партии на первом этапе (по различным оценкам, в нее записались от 25 до 60 тыс. человек) в значительной степени определили безоглядная резкость ее заявлений (которая тогда была в цене), а также политическая харизма и личное обаяние ее основателя и лидера Николая Травкина. Человек талантливый, по праву обретший на перестроечной волне славу народного самородка, Травкин не имел ни приличного образования, ни устойчивой системы взглядов. Амбициозный, резкий и бескомпромиссный, он переоценил свои возможности, заявив уже на I СНД России претензии на равнозначную роль

с Ельциным. Он так же легко привлекал сторонников, как и отталкивал их, легко переходил с одной политической позиции на другую, довольно удаленную от прежней. Утратив немалую толику первоначального радикализма и все более склоняясь на позиции государственнические и национал-патриотические, ДПР порвала с «Демократической Россией» и в 1992 г. приняла участие в создании Гражданского союза, затем вышла и из него и пошла на выборы 1993-го самостоятельно. Пропагандистская риторика партии делала ее все менее отличимой от агрессивной оппозиции: беспорядочные метания Травкина все дальше уводили ее от первоначального облика. И хотя Травкин не уставал повторять, что партия расходится с действующей властью не в целях, а в способах их достижения, избирательная кампания ДПР сдвинула ее на самый край квазицентристского спектра. В значительной степени это определил состав ее списка. Из длинного ряда безликих статистов в нем выделялись Станислав Говорухин и Сергей Глазьев, питавшие куда более стойкую враждебность к власти и всем произошедшим в стране переменам, чем Травкин. Партия сумела продвинуть в Думу самую маленькую фракцию, но это было ее последним достижением. Через год сам Травкин был вынужден ее покинуть, а его политическое наследство перешло в другие руки: во главе фракции встал Говорухин, а партии — Глазьев, которому предстояло совершить еще немало удивительных кульбитов.

Электоральная судьба **Гражданского союза (ГС)**, который во второй половине 1992 г. представлялся влиятельной центристской силой (и в известной степени был таковой), оказалась еще менее успешной. Старый ГС, в который некогда входили «Обновление», ДПР, НПСР, Российский союз молодежи (РСМ) — юридический преемник ВЛКСМ, депутаты фракций «Смена», «Свободная Россия», «Левый центр», «Беспартийные депутаты», к октябрю 1993 г. распался. В дни кризиса одна часть ранее входивших в него политиков оказалась на стороне Белого дома, другая отстаивала «нулевой вариант». На выборы оставшиеся от ГС структуры двинулись двумя колоннами.

Одна из них под именем **«Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса»** во главе с Аркадием Вольским и Александром Владиславлевым выдвинула список, в котором преобладали руководители акционерных компаний, банков, предпринимательских ассоциаций. Но нашлось также место и для профсоюзников (Игорь Юргенс), военных (адмирал Владимир Чернавин), бывших союзных и российских депутатов (Константин Лубенченко, Олег Румянцев, Владимир Исправников) и иных политиков (Василий Липицкий, Виктор Мироненко), деятелей искусства (Владимир Меньшов, Иосиф Кобзон), ученых и публицистов (Федор Бурлацкий, Александр Ципко, Павел Воинов) и др.

Другое объединение, названное **«Будущее России — новые имена» (БРНИ)**, созданное в основном на базе РСМ, молодежной организации НПСР и одного из ответвлений ГС, было запроектировано как дублер Гражданского союза (в том случае, если бы он к выборам не был допущен) и вело кампанию под лозунгами, практически не отличавшимися от тех, с которыми выступал ГС. В списке кандидатов, представленных БРНИ, практически не было узнаваемых имен. Оба объединения барьер не преодолели, но провели своих кандидатов в одномандатных округах: ГС — около 20, БРНИ — одного. Своей группы эти депутаты не создали и разбрелись по разным депутатским объединениям. Так завершился столь много обещавший вариант проекта «третьей силы» в России.

Диспозиция квазицентра образца 1993 г. была бы неполной без упоминания еще одного избирательного объединения, возникшего в октябре, политически буквально на пустом месте и показавшего на выборах — в первый и последний раз — сравнительно неплохой результат. Движение **«Женщины России» (ЖР)** по числу полученных голосов заняло четвертое место. Успех ЖР нельзя объяснить ни лозунгами, с которыми движение обратилось к избирателям (они были симпатичны, но не оригинальны), ни силой организаций, которые стояли у его истоков (типичные

советские женские ассоциации, которые давали выход социальной энергии немногочисленных активисток), ни харизмой лидеров (Алевтина Федулова, входившая в советскую номенклатуру, была одним из секретарей ЦК ВЛКСМ и Советского комитета защиты мира, а Екатерина Лахова — советником Ельцина по вопросам семьи, материнства и детства), ни изыском состава кандидатов в списке (популярная актриса, юристы, врачи, предпринимательницы, чиновницы и т. п.). Избирателей (точнее, избирательниц) привлек неординарный бренд движения²⁶. Правда, он оказался одноразового использования.

Главной силой **коммунистической** (скорее по самоназванию, чем по доктринальной преемственности и чистоте) **оппозиции** на выборах 1993 г. выступила **КПРФ**. Доминирующее положение среди обломков, которые оставила после своего краха КПСС, эта партия заняла не сразу. В политических треволнениях 1991—1992 гг. более заметное место принадлежало людям из «Трудовой России» В. Анпилова и Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) В. Тюлькина — «наследникам по прямой» Объединенного фронта трудящихся. Чуть позже на политической арене появилась Социалистическая партия трудящихся (СПТ), созданная коммунистами-«обновленцами», сторонниками последней, «почти социал-демократической» программы КПСС Роем Медведевым, Анатолием Денисовым и Иваном Рыбкиным. СПТ стала временным прибежищем значительной части кадров КПСС и КП РСФСР после их запрета.

КПРФ была воссоздана как правопреемница КП РСФСР в феврале 1993 г., после того как решение Конституционного суда открыло такую возможность. Тогда же в нее перешли лидеры ряда других коммунистических организаций (хотя удержались в ней не все). Из всех коммунистических организаций (их насчитывалось более десятка) КПРФ оказалась наиболее адаптивной к новым условиям. Ядро ее актива, да и социальной базы составили не люмпены и не приверженные традиционной догматике интеллигенты, а характерный продукт разложения КПСС — широ-

кий слой прежней номенклатуры, который встал в оппозицию и Горбачеву, и Ельцину, но оказался способен признать необратимость некоторых из произошедших перемен. «Руководство КПрФ, — справедливо констатирует Ю. Коргунюк, — не будучи замеченным в пристрастии к “творческому развитию марксизма”, тем не менее оказалось достаточно прагматичным, чтобы максимально приспособить свою доктрину к новым условиям и признать то, что не признать было нельзя... По большому счету, КПрФ — консервативно-этатистская, социал-патриотическая организация, из программы которой легко вышелушить всю “красную” идеологию, не опасаясь, что ее суть принципиально изменится. Слово “коммунистическая” в названии КПрФ подчеркивает преемственность партии скорее по отношению к аппарату КПСС, нежели к идеологии создателей “Манифеста коммунистической партии”»²⁷.

Эту приспособляемость и гибкость руководство КПрФ сумело в полной мере обратить в свою пользу на выборах 1993 г. (как, впрочем, и в последующие годы). С одной стороны, в ее избирательной кампании не меньшее место, чем социально-популистские, заняли национал-державнические лозунги (правда, такое склонение сильнее проявится позже). КПрФ перехватывала эту риторику у своих союзников — национал-патриотов, понесших в сентябре—октябре 1993 г. куда более серьезные потери. С другой стороны, партия формально не вошла в ФНС (хотя Зюганов был одним из его сопредседателей), а в конфликте с президентом заняла более осторожную позицию: Зюганов даже призывал сидельцев Белого дома воздержаться от резких движений, «не идти на кровопролитие». Эта установка, которую радикалы клеймили как «предательскую» и которую лидер КПрФ предпочитает не вспоминать, немало способствовала скорейшему снятию запрета на деятельность партии, что и позволило КПрФ принять участие в выборах и консолидировать голоса значительной части оппозиционного электората. С умом был составлен и список кандидатов от КПрФ.

В лидирующей тройке вслед за Зюгановым выстроились герой-космонавт Виталий Севастьянов, отличавшийся в ВС жесткой имперской риторикой (что не мешало ему в период безвременья стать одним из основателей «социал-реформистской» СПТ) и бывший следователь Прокуратуры СССР Виктор Илюхин, прославившийся возбуждением дела против Горбачева, тогда еще президента СССР, за «развал СССР»²⁸. За ними шли фигуры знаковые, партийные и беспартийные, не только поспособствовавшие привлечению избирателей, но и немало пригодившиеся партии в парламентской работе: юристы Анатолий Лукьянов, Валентин Ковалев (которому предстояло, порвав с партией, побывать министром юстиции до того, как его выдают из правительства, использовав компрометирующие пленки), искусный фехтовальщик в спорах, адвокат Юрий Иванов, журналисты Геннадий Селезнев и Валентин Чикин, академик Виктор Шевелуха, «красный директор» Юрий Севенард и предприниматель Владимир Семаго, а также секретари ЦК и обкомов, которым предстояло налаживать партийную работу, опираясь на депутатские мандаты.

Конкурентов в коммунистическом спектре у КПРФ не было: одни организации находились под запретом, другие призывали к бойкоту выборов. А союзник был. Речь идет о наскоро сформированной **Аграрной партии (АП)**, которая тогда (и позже) играла роль «приводного ремня» от коммунистов к сельским избирателям, если воспользоваться терминологией Сталина. В нереформированной российской деревне «социалистические бароны» — вчерашние директора и председатели совхозов и колхозов, часть которых была формально преобразована в квазирыночные структуры, чиновники из аппарата бывших государственных сельскохозяйственных органов, переделанных в различные ассоциации и профсоюзы, жестко контролировали поведение всецело зависимых от них людей в сельской местности. Они же заполнили большую часть позиций в списке кандидатов. В него были также десантированы посланцы КПРФ (эта практика

уже в самой Думе получит развитие). Нашлось место в списке и для двух видных членов прежнего парламента — Ивана Рыбкина и Владимира Исакова, а также для вице-премьера Александра Заверюхи и замминистра сельского хозяйства Владимира Щербака. Абсолютная власть организаторов АП в «глубинке» проявилась в том, что АП запросто собрала 500 тыс. подписей (при норме в 100 тыс.) для регистрации. Здесь по многим причинам (в том числе по условиям расселения) коммунистическая избирательная тактика хождения агитаторов «от двери к двери» оказалась особенно продуктивной. АП, быстро завладевшая «ничейным» политическим пространством, пожала плоды скоропостижно наступивших выборов. Впрочем, этот ее успех, удививший многих, оказался не только первым, но и последним на российских выборах.

Как видно, партийное строительство осени 1993-го продемонстрировало немало политической экзотики. Но самым экстравагантным был взлет **ЛДПР**, партии, присвоившей себе имя либерально-демократической, но не являвшейся на деле ни либеральной, ни демократической. И вообще представлявшей собой не партию, а организованную в виде ряда концентрических кругов клиентелу ее лидера. Владелец несомненных, хотя и весьма специфических способностей, Жириновский продемонстрировал, что в переходной России, значительная часть населения которой подверглась маргинализации, можно добиться многого. Создать разветвленную сеть местных партийных организаций, осуществляющих политическую мобилизацию населения. Образовать думскую фракцию, перед которой стали заискивать разные политические силы — от коммунистической оппозиции до кремлевской администрации, поскольку она выполняет роль балансира в критических голосованиях. Заполучить, когда надо, почти неограниченный доступ на электронные СМИ. Заставить считаться с собой демократических журналистов и зарубежных политиков, неоднократно зарекавшихся иметь дело со столь скандальным партнером. И все это Жириновский создавал бук-

вально из ничего, показывая лишь высший пилотаж самой беззастенчивой демагогии и вульгарной клоунады, да еще безошибочное чутье, где, когда и какой товар, далеко не всегда нажитый собственным горбом, следует предложить в обмен на деньги, посты и вообще доступ в приличное (точнее, полуприличное) общество. В этих умениях он, кажется, превзошел Ле Пэна, Хайдера, Фрея и Роса Перро вместе взятых, а его речи (или, скорее, их аудиовидеозаписи) могут обогатить современные политологические хрестоматии.

В политических метаниях, всего более походивших на цирковую эквилибристику, Жириновский искал себе место то в демократическом движении, то в качестве прямой агентуры самых реакционных сил государственной бюрократии (его партия была единственной, кроме КПСС, получившей регистрацию в 1991 г. на союзном уровне, и он был едва ли не единственным партийным лидером, открыто заявившим о поддержке ГКЧП), то в еврейской организации, то среди антисемитов, то как конкурент Ельцина (впервые громко заявив о себе на президентских выборах 1991 г.), то как прислужник Кремля. Анализировать программные, идеологические основы, с которыми ЛДПР идет к избирателям, бессмысленно. Жириновский — законченный образец политика-хамелеона, выбирающего ту политическую окраску, которая представляется ему наиболее подходящей в данный момент, и легко меняющего свои позиции в любом направлении.

Осенью 1993 г. он нащупал незанятую политическую нишу (после крушения ФНС и в результате того, что были сняты с дистанции все организации некоммунистических националистов), которая обещала наибольший успех и среди мобилизуемого им актива — люмпенов, принадлежащих к разным социальным слоям (люмпен-пролетариат, люмпен-буржуазия, люмпен-интеллигенция, люмпен-чиновничество), и среди его специфического электората, состоявшего из тех же люмпенов, а также людей, потерявшихся в новых условиях, озлобленных, не имеющих собственной политической ориентации, легко поддающихся демаго-

гии и убежденных, что существуют простые решения сложных проблем. Таких во взбаламученной стране оказалось немало — были бы красочно поданы мифические пути выхода из обрушившегося мира. Идеолого-политической нишей, которую стал осваивать Жириновский, стала гремучая смесь державничества, шовинизма, ксенофобии, антикоммунизма, презрения и ненависти к демократии и демократам, к реформам и реформаторам, сдобренная обещаниями дать всем «то, чего у него нет».

По формальным социально-профессиональным характеристикам список кандидатов, с которыми ЛДПР шла на выборы, был не лучше и не хуже, чем у многих других партий. В нем значились научные работники, некоторые даже с известными именами, фокусник-целитель и неизвестный пока клубный массовик-затейник, не уступающий своему вождю в шутовских выходках. Но политические и профессиональные качества этих людей не имели значения. За Жириновским они пошли не потому, что уверовали в его программу — на пропагандируемые им идеи, как верно замечает Ю. Коргунюк, им, как и ему самому, было «...глубоко наплевать, — а потому что он явился для них живым воплощением “великой люмпенской мечты” — человеком, сумевшим поймать за хвост удачу. Попасть в его окружение они стремились, руководствуясь надеждой на то, что кусочек этой удачи перепадет и им»²⁹. Те немногие, кто по разным причинам не смогли или не захотели беспрекословно повиноваться вождю (или просто утратили его расположение), были безжалостно вышвырнуты из фракции.

Когда на выборах Жириновский добился оглушительного успеха, многие настоящие либералы и демократы сочли, что угроза фашизма — у порога. Но ядовитый пузырь был надут не кем иным, как теми силами, которые утвердились у власти не без поддержки самих же демократов. Демократическими депутатами, которые на IV СНД поддержали включение Жириновского в избирательные бюллетени на президентских выборах, чтобы разбить голоса своих противников. Демократическими руководите-

лями электронных СМИ, которые во время избирательной кампании предоставили ему чуть ли не ежедневный доступ на ТВ, — без клоунады, показанной по телевидению, Жириновский не сумел бы завоевать столько сердец и голосов. Наконец, самим Ельциным, который еще на Конституционном совещании с большим или меньшим основанием решил, что поддержка Жириновского полезна в играх, разворачивавшихся вокруг новой Конституции.

В конечном счете черт оказался не так страшен, как могло показаться, глядя на избирательный успех Жириновского в 1993 г. Но в российскую политическую жизнь оказался включенным фактор, способный мобилизовать и консолидировать самые темные, деструктивные силы, поведение которых в кризисных ситуациях далеко не всегда возможно предсказать и парализовать.

РОЖДЕНИЕ «ЯБЛОКА»

История «Яблока» — партии последовательной демократической оппозиции — еще не написана. Эту историю мне довелось наблюдать изнутри и более того — принять участие в создании этой партии. Выше я рассказывал о проведенном фракцией «Согласие ради прогресса» в конце августа 1993 г. теоретико-политическом семинаре, на котором одним из основных докладчиков выступил Явлинский. По сути это была одна из презентаций политика, ушедшего в тень осенью 1990-го, а теперь все более привлекавшего общественное внимание. Когда заседание закончилось, ко мне подошли журналисты с вопросом: кого я вижу на посту следующего президента России? Я ответил: Явлинского или Болдырева. В глазах той части демократов, которые усваивали все более критическое отношение к действиям Ельцина, к власти новой бюрократии, Явлинский выдвигался в российской политике на видное место.

К осени 1993 г. он более, чем кто-либо другой, как я думал, подходил на роль лидера демократической оппозиции. Он пробыл несколько месяцев вице-премьером первого демократического

правительства России и ушел оттуда сам, по принципиальным соображениям, когда увидел, что программу, для осуществления которой он принял высокий пост, никто не собирается выполнять³⁰. Расхожие утверждения, будто программа «500 дней» была оторвана от российской действительности³¹, всплыли позднее и использовались в политической борьбе против Явлинского в новой его роли. Уйдя из правительства, он вместе со своими сотрудниками, разработчиками программы «500 дней» Михаилом Задорновым, Алексеем Михайловым, Сергеем Иваненко, Алексеем Мельниковым и др., создал в конце 1990 г. частную исследовательскую организацию — Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр), аналитические обзоры которого, а также фундаментальные разработки «Согласие на шанс» и «Нижегородский пролог» были, во всяком случае, неординарны.

В 1991 г. показалось, что вновь открылась возможность вернуться к государственной работе. В тревожные августовские дни и ночи Явлинский — в Белом доме. Потом он принял участие в ликвидации последствий неудавшегося государственного переворота. 24 августа по указу Горбачева был создан Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР во главе с Силаевым. Одним из его заместителей был назначен Явлинский. Вскоре его группа подготовила договор об экономическом сообществе суверенных государств, на которые распадался Союз. Договор предусматривал банковский, таможенный и платежный союз, единую валюту, согласованную кредитно-денежную политику и резервную финансовую систему, защиту взаимных инвестиций, осуществление социальных проектов, связанных с перераспределением рабочей силы. Это было продолжением линии, которую Явлинский отстаивал еще в бытность вице-премьером российского правительства: экономические реформы не должны разрушать межреспубликанские хозяйственные связи. Договор был подписан руководителями правительств десяти республик. Но уже ничто не могло остановить распад СССР: бело-вежские решения перечеркнули и этот проект.

В 1992—1993 г. Явлинский все более жестко критикует способ проведения экономических реформ в России и обозначает свою позицию на собственно политическом поле. Выступая на «Пресс-клубе» Киры Прошутинской после Первомайской демонстрации 1993 г., на которой пролилась кровь, он произносит запомнившиеся многим слова: «Власть нельзя трогать руками». Известно его участие в попытках предотвратить трагический разворот событий в сентябрьские дни. «Органы власти, сформировавшиеся в процессе и для разрушения прежней системы, завершив этот процесс, оказываются абсолютно неспособны решать созидательные и интеграционные задачи, — гласило опубликованное им тогда заявление, — ...суть ситуации не только в незаконном поступке президента, резко обострившем кризис, не в роспуске недееспособного парламента, а в том, какую и каким способом создать новую, устойчивую систему власти». Главное, что необходимо для того сделать, по его мнению, — это провести не позднее февраля 1994 г., одновременные выборы президента и обеих палат парламента³². Еще до того, в августе 1993 г., фонд «Общественное мнение» провел всероссийский опрос, чтобы выявить наиболее вероятных претендентов на высший государственный пост. Явлинский занял первое место: число тех, кто заявили о доверии к нему, составило 33%, о недоверии — 20%³³.

Данные социологов вдохновляли Явлинского. Вопрос об участии в выборах, будь то парламентских или президентских, был для него решен задолго до того, как они наступили. Однако это свое участие он до поры не связывал с созданием какой-либо организации. Ко мне обращаются разные партии, немало богатых предпринимателей, говорил он, но главное — соблюсти осторожность. Еще в конце сентября Явлинский отстаивал одновременное проведение президентских и парламентских выборов. Если же переизбираться сначала будет парламент, он готов был идти на выборы как самостоятельно, так и в составе блока, формировавшегося вокруг Гайдара. В парламент я и так буду избран,

полагал он, монолитных групп в нем не будет, я готов искать сторонников везде, кроме ФНС, и безусловно их найду. (Явлинский тогда, видимо, исходил из того, что все депутаты будут избираться, как и прежде, в одномандатных округах.)

Ситуация круто изменилась после 4 октября. Президентские выборы откладывались³⁴, а парламентские были поставлены в порядок дня. Блок сил, которые безусловно поддерживали президента, быстро втягивал в себя все организации демократов, а Положение о выборах, введенное наконец в силу, устанавливало значительные преференции для партий и блоков. После недолгих колебаний Явлинский склонился к тому, чтобы заняться формированием собственного блока. Задача эта была не из простых. Время стремительно уходило, организационно-политические заделы созданы не были. По условиям нормативного акта, регулировавшего проведение избирательной кампании, требовалось в срочном порядке сделать две вещи. Во-первых, определить тройку лидеров — своего рода витрину для избирателей, привыкших голосовать за персоналии, а не за необозримые партийные списки. Во-вторых, договориться, из каких именно организаций будет сконструирован блок, чтобы идти с ними на регистрацию в ЦИК.

Кто возглавит блок, было ясно. Вопрос о том, кто будет приглашен на второе и третье места, был решен (как выяснилось впоследствии, не оптимально) тоже довольно легко. Во время одной из встреч с Явлинским, это было 10 октября, я предложил: Болдырев и Лукин. Пойдет, согласился Григорий Алексеевич. Мое предложение, впрочем, не было для него неожиданным. Болдырев давно уже был под рукой, а зачитанный на августовском семинаре фракции «Согласие ради прогресса» доклад Лукина Явлинскому понравился, и он тогда еще «положил глаз» на российского посла в Америке.

Юрий Болдырев, человек, безусловно, активный и яркий, одна из звездных фигур Межрегиональной группы в союзном парламенте, после того как его сместил Ельцин за строптивость

и самостоятельность с высокого поста начальника Контрольного управления Администрации президента, был приглашен Явлинским на работу в ЭПИцентр. Позднее политическая карьера Болдырева опишет удивительную траекторию. Всегда убежденный в безусловной собственной правоте, он в 1995 г. в качестве члена согласительной комиссии от Совета Федерации станет изо всех сил противодействовать прохождению избирательного закона в том варианте, который отстаивала «яблочная» фракция в Думе. В борьбе против закона, регулировавшего соглашения о разделе продукции и вводившегося по инициативе «Яблока», он будет переносить споры с одного уровня на другой, навяжет целодневную дискуссию по этому вопросу съезду «Яблока», который должен был заниматься значительно более актуальным делом — предвыборной стратегией объединения в 1995 г. Потерпев сокрушительное поражение, он демонстративно, перед камерами объявит о выходе из «Яблока». Спустя четыре года предпримет отчаянную попытку вернуться в политику, присоединив виртуальное «Движение Юрия Болдырева» к Конгрессу русских общин Дмитрия Рогозина — организации, ассоциацию с которой те, с кем он шел на выборы 1993 г., сочли бы для себя постыдной³⁵. Но все это произойдет потом, а тогда жесткий ригоризм и упрямство, соединенные с заносчивостью и непомерными претензиями личного характера восстановили против него коллектив ЭПИцентра, свою инородность в котором он не стеснялся демонстрировать. Впрочем, все это тогда казалось многим (и мне в том числе) проявлением сугубой принципиальности и бескомпромиссным служением общественным интересам, как он их понимал. И еще, быть может, чуть преувеличенной амбициозностью (а кто же идет в политику, не имея амбиций?). Болдырев привлекал суровым осуждением беззаконий, творившихся на всех уровнях, беззастенчивых махинаций, посредством которых бывшая якобы общенародная — на деле, конечно, коллективная собственность партийно-государственной бюрократии — становилась частной собственностью тех же бюрократов, директоров

предприятий и удачливых нуворишей. Он настаивал на жестком противостоянии «Выбору России», придирчиво контролировал составление списка кандидатов от «Яблока», не раз говорил на языке ультиматумов. В острых спорах о стратегии и тактике создававшегося объединения Юрий Юрьевич занимал крайние позиции, подчас не отличимые от того, что говорила непримиримая оппозиция. «Он неумело выступает, но по существу он прав», — отвечал Явлинский на мои тогдашние недоумения.

Владимир Лукин во многих отношениях был противоположен Болдыреву. Эрудит, уверенно проходивший ступени академической карьеры, к моменту избрания в российский парламент — доктор и профессор. Жизнелюб, златоуст и остроумец, всегда окруженный друзьями, в числе которых были Мераб Мамардашвили, Юлий Ким и другие выдающиеся люди. Шестидесятник по убеждениям, свои взгляды не очень-то скрывавший и потому в августе 1968 г. срочно депортированный из Праги на военном самолете от греха подальше³⁶. Избранный председателем международного комитета ВС, Лукин сторонился митинговой демократии, но был одним из конструкторов нового внешнеполитического курса, нацеленного на возвращение нашей страны в сообщество демократических государств. Впрочем, реализацию этого курса Козыревым он считал чересчур безоглядной, уступчивой, не соотнесенной должным образом с национальными интересами России. Об этом мы не раз с ним спорили. Лукин умел устанавливать и поддерживать отношения с самыми разными людьми: свое место в Верховном Совете он получил по квоте Сахалина. Он не суетился в кремлевских коридорах, как некоторые демократы, но принял предложение Ельцина и стал первым послом новой России в США, где еще хорошо помнили дипломатов «госпожина Нет»³⁷. Там он сумел не только установить неформальные отношения с людьми из американской политической и академической элиты, преодолеть отчужденность известных российских эмигрантов «третьей волны», но и привлек к работе посольства Мстислава Ростроповича, Василия Ак-

сенова, Наума Коржавина, Эрнста Неизвестного. Он завязал переписку с Солженицыным и вручил ему российский паспорт. Лукин был одним из основателей фракции «Согласие ради прогресса», а осенью 1993 г. без колебаний оставил свой престижный заморский пост, чтобы принять участие в создании демократической оппозиции. «Яблоко» рассчитывало провести его на пост председателя Думы. Это не получилось, но Лукин (не в пример одному карьерному дипломату, прошедшему по списку «Яблока», но не увидевшему для себя желанного места в Думе и сразу же вернувшемуся в МИД) не поторопился тут же отказаться от депутатского мандата и стал работать на той позиции, которую сумела отвоевать фракция. Владимир Петрович умел идти на компромиссы. Иногда его уступки преобладавшим в элите и обществе настроениям, особенно в заявлениях по внешнеполитическим вопросам, казались мне чрезмерными. Но он мог и проявить характер: однажды в дни строительства блока он на моих глазах взорвался, когда Явлинский стал забирать слишком круто.

Так определилась визитная карточка запроектированного блока. Но чтобы он состоялся, надо было решить более сложную часть задачи; подверстать в него организации, уже имеющие регистрацию в Минюсте. Таковых, как сказано, было немало, но из них надо было выбрать не связавших себя с «Выбором России», имеющих известность и не пользующихся скандальной репутацией. Уже это сужало круг выбора. Кроме того, надо было договориться с их лидерами, которые тоже не были лишены амбиций (в наступившей горячке о созыве партийных съездов — за одним исключением, о котором дальше, — речь не шла). Созданные в годы перестройки политические партии все более дробились. И в состав «Блока Явлинский — Болдырев — Лукин», названного так после долгих поисков подходящего обозначения, вошли большие и малые осколки партий, уже имевших некоторую историю.

Одним из первых готовность войти в него изъявил зарегистрированный в августе 1993-го **Российский христианско-демо-**

кратический союз — Новая демократия (РХДС—НД). Точнее, та его часть, которая пошла за одним из сопредседателей партии (два других присоединились к ВР), известным правозащитником, членом Московской Хельсинкской группы Валерием Борщевым. Сам же РХДС—НД, в момент регистрации насчитывавший 370 членов, был продуктом распада Российского христианско-демократического движения (РХДД), признанные лидеры которого, и ранее отличавшиеся державническими и нелиберальными склонениями, влились в ряды агрессивной оппозиции еще в 1992 г.³⁸

Другим компонентом формировавшегося блока стала **Социал-демократическая партия России (СДПР)** во главе с депутатом Санкт-Петербургского совета Анатолием Головым, также пережившая к 1993 г. ряд расколов и слияний, но обладавшая более широкой известностью и сетью организаций не только в Москве и Петербурге. СДРП вступать в блок не торопилась, перебирала варианты (в том числе самостоятельный выход на выборы), стремясь угадать, в каком из них партия больше выиграет политически и электорально. 10 октября состоялось заседание правления партии, на котором Явлинского подвергли форменному допросу. Члены руководства хотели услышать во всех деталях не только как станет выглядеть политическая платформа блока, но и как он будет организован, кто войдет в его состав и какое место займет в нем (прежде всего — в списке кандидатов) СДПР. На закрытой части заседания, после того, как Явлинский его покинул, всерьез обсуждалось предложение совсем уж экзотическое: инициировать создание блока вокруг трех фигур: Шахрая, Шохина и Гдляна. Шохин, утверждал автор этого предложения, — социал-демократ, Шахрай — перспективный политик, хотя и не без авторитарных замашек, а Гдлян, олицетворяющий борьбу за социальную справедливость, привнесет в кампанию популистский элемент. Обсуждение закончилось поручением руководству партии продолжить переговоры («играть с Явлинским, но не на его условиях»)³⁹.

Труднее всего складывались отношения с **Республиканской партией Российской Федерации (РПРФ)**. Вышедшая в ноябре 1990 г. из «Демократической платформы в КПСС», эта партия долго не могла самоопределиться. Она то принимала решение об объединении с социал-демократами, то отказывалась от него, то заявляла о поддержке президента и гайдаровских реформ, то дистанцировалась от них. Выйдя осенью 1993 г. из «Демократической России», она предоставила своим региональным организациям право оставаться в составе ДР на местах. Партия была разнородной. Ее лидеры, с трудом уживавшиеся в одной организации, пытались направить политический вектор партии в различных направлениях. Сначала основной фигурой на переговорах с Явлинским был Владимир Лысенко, один из сопредседателей РПРФ и фракции «Согласие ради прогресса», известный демократический политик «первой волны». Однако за спиной Лысенко вырисовывалась габаритная фигура председателя «Объединения предпринимателей за новую Россию» (ОПНР), упомянутого уже Константина Затулина. ОПНР поддерживало РПРФ материально, хотя, кажется, не очень щедро. Лысенко и некоторые другие лидеры РПРФ настаивали на включении его в блок, видимо, выполняя какие-то обязательства. Но мало того, что отношение к Затулину в среде демократов было, мягко говоря, неоднозначным, а ОПНР не числилось в списке политических организаций, допущенных Минюстом к выборам. В ходе ряда совещаний, происходивших в довольно напряженной атмосфере, оно продемонстрировало аппетиты, которым мог бы позавидовать Гаргантюа. Условия, заявленные ОПНР и частью руководителей РПРФ, выглядели следующим образом. Учредителями блока выступают две эти организации и ЭПИцентр Явлинского. Каждый из участников может наложить вето на привлечение иных организаций (что Затулин тут же и сделал, заявив, что участие СДПР неприемлемо для его объединения, представляющего капиталистов). Все решения принимаются на основе консенсуса между учредителями и лидерами блока, которым было предло-

жено вступить в РПРФ. Аппарат блока формируется ими же. Сверх того Затулин затребовал для ОПНР и РПРФ третье и четвертое места в списке.

Условия эти, естественно, были сочтены абсурдными. Даже продолжать переговоры, отталкиваясь от них, смысла не имело. Замысел этих людей выглядел безошибочно: поставить приближавшийся съезд РПРФ перед свершившимся фактом. Выберет съезд в качестве партнера сколоченный таким образом блок с Явлинским как номинальным лидером для приманки избирателей — ему будет преподнесена добыча в виде перспективного лидера. Выберет ВР — строители этой замечательной конструкции свою добычу унесут, постаравшись тем или иным способом присоединить к ней лейбл Республиканской партии на предмет регистрации. С нами, говорил Явлинский, ведут разговор аппаратного типа: мы большие, имеем организации во всех регионах, за нами пойдет партия; но ведь если на съезде развернется свара и наступит развал, то не останется ничего иного, как сушить весла⁴⁰. Условия, выдвинутые социал-демократами, были скромнее: их партия — одна из учредительниц блока, с нею должны согласовываться его название и все фамилии в списке, кроме трех лидеров.

Явлинскому основания и условия создания блока виделись иначе. Это свое видение он не раз излагал и уточнял на совещаниях, проходивших в те дни. Начинать надо не со способа формирования, а с определения целей блока. Выборы должны носить учредительный характер: заложить предпосылки гражданского мира, создать парламент, способный оппонировать исполнительной власти. Блок — надпартийное образование. Он создается лишь на месяц-другой, до выборов. Обсуждать сейчас даже немаловажные детали программы и будущей деятельности (на встречах с партийцами его донимали вопросами, как он намерен бороться с инфляцией, сохраняет ли силу программа «500 дней», кто те люди, которых он ведет с собой и т. п.) нет смысла. Партии, вступая в блок, должны договориться о главном, а это будущая Конституция, воз-

вращение страны в легитимное состояние, дееспособный парламент. Я поднимаю флаг. Приглашаю всех, кого он привлекает. Но ждать никого не буду: кто придет, тот придет. В блоке, однако, не должно быть лиц, которые обрели одиозную славу в политике последних лет. Верхушку списка (20—30%) определяю я и несу за этих людей ответственность («маленький список мы можем сделать произведением искусства»). Остальных предложат региональные организации тех объединений, которые войдут в блок, но у меня должно быть право вето. Ни на чей диктат не соглашусь, лучше не буду участвовать в выборах. И во всяком случае не хочу быть паровозом для проведения в парламент людей, которым не доверяю⁴¹.

Столкнулись, таким образом, два принципиально различных подхода к формированию блока. Один — вождистский: все главные решения принимаются лидером или с его согласия. Отношения выстраиваются на доверии к лидеру, имя и репутация которого являются главным активом организации. Участие всех остальных фигурантов в данном процессе носит консультативный характер. Второй — конфигурация блока и главное лакомство — места в списке — определяются в процессе торга внутри немногочисленного круга «отцов-основателей», в число которых группы политических и иных лоббистов стремятся продвинуть своих людей. В условиях, когда все партии по сути пребывали в эмбриональном состоянии, третьего варианта, по-видимому, не было. Подход Явлинского одержал верх, так как на российском политическом рынке конца 1993 г. он и его партнеры по переговорам выступали в разных весовых категориях. Генезис этот, однако, наложил свой отпечаток на способ существования и функционирования и блока, и политической партии, в которую впоследствии через ряд переходных форм он трансформировался.

Явлинский мог вести переговоры в избранном ключе, ибо стал центром притяжения различных общественных организаций, обещавших интеллектуальную и организационную помощь в кампании, и предпринимательских структур, без финансовой

поддержки которых (впрочем, тогда еще относительно скромной) на этих выборах обойтись уже было невозможно.

Неоценимый вклад в избирательную кампанию «Яблока» внес **Клуб избирателей Академии наук (КИАН)**, где еще свежа была память о борьбе за «сахаровский» список. КИАН пользовался влиянием на интеллигенцию столиц, привлечь его на свою сторону были заинтересованы и «Яблоко», и ВР. На общее собрание клуба пришли Чубайс и Явлинский. «ВР выступает с консервативных позиций, — сказал, перечислив достижения «правительства реформ», Чубайс. — Мы не считаем, что следует что-то принципиально менять». «Изменить надо многое, — возразил Явлинский. — Вообще-то в таких условиях выборы не проводятся. Но мы примем в них участие — иначе долго не будет ни выборов, ни парламента». Отвечая на вопрос, что было сделано в экономике «не так», он перечислил восемь позиций, но закончил примирительно: готов сотрудничать со всеми, кто хочет блокироваться против фашистов и националистов ⁴². На выборах большая часть академического актива поддержала «Яблоко». Представители КИАНа (Александр Собянин, Людмила Вахнина, Алексей Захаров, Ше Мидон и др.) приняли активное участие в работе его избирательного штаба, сборе подписей среди сотрудников академических институтов. Участвуя в «крестинах» — поиске названия для блока, Захаров предложил укоренившееся впоследствии имя — «ЯБЛоко» (в тогдашней транскрипции — по фамилиям лидеров).

Все это внушало надежды, шла работа, с каждым днем привлекавшая все больше людей, но до середины октября оставался открытым вопрос первостепенной важности: как будет выглядеть юридическая база блока? Придется ли его верхушку, в которую были привлечены известные политики и интеллектуалы, опирать на узенькое основание в виде маловлиятельных партий, главное достоинство которых — запись в реестре Минюста? Или же такой базой станет развитая сеть региональных партийных организаций, которыми тогда среди возможных соучредите-

лей располагала только РПРФ и которым предстояло сыграть важную роль в сборе подписей и агитационной кампании? Переломным стал день 15 октября, когда на съезде РПРФ после острых дебатов произошел раскол. 33 региональные организации (включая московскую и петербургскую) проголосовали за присоединение к блоку Явлинского, 20 — к блоку Гайдара. В перспективе это голосование обозначило рубеж, за которым Республиканскую партию ожидала утрата самостоятельной политической роли, ибо ни в одном из блоков она не заняла доминирующее место. Но в форс-мажорной ситуации 1993-го приход республиканцев в «Яблоко» позволил, наконец, конституировать рождавшееся объединение: дал ему сеть организаций в регионах и обогатил кадрами политиков, обладавших опытом, которого в ближайшем окружении Явлинского не было. Так, после того как работа избирательного штаба оказалась на грани провала (она велась методом проб и ошибок), положение спасло назначение его руководителем республиканца Игоря Яковенко, человека умного, собранного и тактичного.

25 октября было, наконец, опубликовано Заявление о создании нового избирательного объединения. Вот его текст⁴³.

Мы — группа граждан и представителей политических и общественных организаций России заявляем о создании избирательного объединения.

Мы отстаиваем ценности демократии, свободы и рыночной экономики.

Мы отвергаем политику, методами которой являются незаконие и нагнетание вражды, а следствием — кровопролитие. Для нас неприемлемы непредсказуемость, а также хаотические, «взрывные» меры в экономике и политике. Этот путь представляет реальную угрозу провозглашаемым идеалам. Мы видим иные пути преобразований, иную политику, осуществляемую на основе общественного согласия.

Мы стремимся создать в России профессиональный парламент, способный стать ответственным партнером и противо-

весом исполнительной власти, поставить ее под контроль общества.

Мы хотим привести в парламент людей, для которых средства важны не менее, чем цели, не запятнавших себя разжиганием вражды и ненависти, профессиональных экономистов, социологов, юристов.

Мы отдаем себе отчет в том, что избирательная кампания проходит по правилам и под контролем одного из участвующих в ней блоков. Но зная, что от ее исхода зависит судьба нашей страны, мы идем на эти выборы и призываем не стоять в стороне всех, кто разделяет нашу позицию.

Теперь можно было заняться окончательной отработкой списка кандидатов. В центральную (общефедеральную) его часть вслед за тройкой лидеров Явлинский поставил пятерых сотрудников ЭПИцентра, проверенных совместной работой в течение ряда лет. В список вошли Алексей Михайлов, Михаил Задорнов, Сергей Иваненко, Алексей Мельников и Татьяна Ярыгина, а далее — известные демократические политики, руководители образовавших блок партий, поддержавших его общественных организаций и ученые. Центральная часть списка в варианте, представленном в ЦИК, насчитывала 34 человека. Деликатная работа по первичной расстановке людей в этой части списка (и частично их отбору, за исключением, разумеется, первых восьми номеров) была поручена Вячеславу Игрунову, которому предстояло сыграть весьма заметную роль в строительстве уже на собственной основе объединения, а впоследствии — партии «Яблоко».

К Явлинскому Игрунов пришел, имея за плечами насыщенную бунтарскую биографию: преследования, аресты, спецпсихлечебницу, «запрет на профессию» в советское время и активное участие в строительстве неформальных структур в первые годы перестройки — от основания «Мемориала» до создания собственного аналитического центра, преобразованного позднее в Институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ). Челю-

век деятельный и работоспособный, хотя и не всегда достаточно собранный, он оказался в центре различных шедших снизу инициатив, раздвигавших рамки дозволенного властями. Человек контактный, он быстро устанавливал самые разнообразные связи. Человек конфликтный, стоявший к тому же на радикальных позициях, он обострял отношения и уходил от соратников так же легко, как обретал их. В результате в горячие 1990—1992 гг. Игрунов, как он рассказывал, «выпал из всех обойм».

Но, как писал Иосиф Уткин, «кто попробовал птицу, мясо уже не ест». Политика притягивала, да и ситуация быстро осложнялась. Встал вопрос, к кому примкнуть, чтобы вернуться на политическое поле. Себя Игрунов видел если не в роли «серого кардинала», то одного из, как он сказал, «политмахеров». Попытка изложить сотрудникам Гайдара критическое видение проводимого ими курса результата не дала: люди, прикосновенные к власти, не собирались дискутировать с «человеком с улицы». Болдырев, с которым Игрунов познакомился в 1988 г. и сблизился после его избрания депутатом, на роль лидера не подходил: человек яркий, но неконструктивный и безапелляционный, «работать с ним было невероятно трудно». Выбор пал на Явлинского.

С осени 1992 г. Игрунов настойчиво, но безуспешно пытался свести знакомство с политиком, взявшим тайм-аут и возглавившим ЭПИцентр. Первую встречу помог организовать Павловский. Она состоялась в мае 1993 г. на даче, где жил Гефтер, к которому часто в то время заезжал Явлинский, и продолжалась много часов. Игрунов рассказывал о ней так, что в моей памяти невольно возникла ассоциация с известной встречей Станиславского и Немировича-Данченко в «Славянском базаре», положившей начало МХАТу. Не думаю, что Явлинскому она представлялась столь же судьбоносной. Но он тогда тоже нащупывал пути возвращения в политику и, вероятно, увидел в Игрунове человека в ней искушенного. Впрочем, на многое они смотрели по-разному. Явлинский был ориентирован на президентские выборы, Игрунов — на парламентские. Разошлись они и в том, как следует

формировать команду, с которой предстоит идти на выборы. Тем не менее договорились о сотрудничестве, и Игрунов, решивший, что нашел, наконец, искомую точку приложения сил, стал направлять Явлинскому свои развернутые соображения о порядке дальнейших действий. Но для Явлинского, внимательно следившего за развитием событий и еще окончательно не определившегося с политической стратегией, неожиданно появившийся на его пути Игрунов был скорее всего лишь одним из многих консультантов. В их отношениях наступила пауза, растянувшаяся на несколько месяцев. И лишь события, происшедшие в сентябре—октябре, сделали Игрунова востребованным⁴⁴. В Оргкомитете и потом в Совете блока Игрунов был отрекомендован как «специальный представитель» Болдырева, и в отсутствие Юрия Юрьевича, который в начале ноября принял решение баллотироваться не в Думу, а в Совет Федерации и большую часть времени проводил в Петербурге, Игрунову поручалось не только транслировать позицию лидера № 2, но и голосовать за него. Связка между ними, однако, была не так прочна, как мне тогда представлялось. Просто в те дни позиции Игрунова по большинству спорных вопросов (отношение к Конституции, к применению силы для подавления мятежа, к ВР и др.) совпадали с болдыревскими, более жесткими, чем у Явлинского. Во всяком случае, выдвижение Игрунова на одну из заметных ролей в «Яблоке» было predeterminedено не Болдыревым, а Явлинским — и, конечно же, его собственной активностью и самоотдачей. По-видимому, и первоначальный эскиз избирательного списка был составлен Игруновым, которому приходилось преодолевать давление представителей партий. Но в окончательном виде список был основательно откорректирован Явлинским⁴⁵.

Что же касается региональных групп в списке, то они были составлены по предложениям партийных организаций на местах. Список по Москве и Московской области, расставляя кандидатов по согласованию с партиями, готовил я. Из шести объединений, внесших в свои списки разделение по регионам, только аг-

рарная партия поставила в центральную часть больше кандидатов, чем «Яблоко». Руководители объединения рассчитывали, что депутатами станут не только все кандидаты общенациональной части списка, но и представители многих регионов. Предполагалось, что даже без особых усилий «Яблоко» соберет голоса не менее чем 20% избирателей, по списку пройдут 40—50 человек, а с учетом победителей в одномандатных округах «яблочная» фракция получит 60—80 мандатов и станет второй по численности после ВР.

Правда, оптимистический настрой периодически сменялся тревогой, чуть ли не паникой. Финансирование кампании, осуществлявшееся в значительной мере за счет средств ЭПИцентра, оставляло желать много лучшего. Временами казалось, что блок не сможет собрать необходимого числа подписей в свою поддержку. Сборщикам было обещано по 100 рублей за подпись (по существовавшим тогда ценам — гроши, да и то выплаты этих денег растянулись на несколько месяцев). Конкуренты же поднимали цены: миллионер Артем Тарасов платил по 1000 рублей. В штабе царила нервная атмосфера: приближался последний срок представления подписей в ЦИК, а за 5 дней до его истечения было еще неизвестно, сколько подписей собрано за «Яблоко» в регионах. Подписи доставлялись только что не на перекладных. В конечном счете выяснилось, что система сбора подписей, которая была создана Яковенко и в которую были вовлечены тысячи самоорганизовавшихся активистов на местах, сработала безотказно. «Яблоко» было одним из чемпионов: при норме в 100 тысяч было собрано 170 тысяч подписей. Но волнения на этом не кончились.

Поскольку строительство блока начиналось с нуля и происходило в авральном порядке, накладки возникали постоянно. Местные организации партий, вошедших в блок, далеко не всегда жили в мире друг с другом. Некоторые из них не вполне выделялись из «Демократической России», примкнувшей к конкурирующему блоку ВР. Демократы соперничали друг с другом

в одномандатных округах. В ряде случаев были выдвинуты по два кандидата от «Яблока» или тяготевших к нему организаций, и не существовало никаких инструментов, чтобы пресечь это безобразие. Споры по выдвижению в одномандатных округах грозили взорвать хрупкое единение, и тогда Совет блока принял вынужденное, хотя и не совсем соломонино решение: поддерживать кандидатов, внесенных в список, но разрешить членам блока агитировать за других людей. Явлинский был озабочен тем, чтобы в списки не попали кандидаты, которые могут дискредитировать блок. Ему возражали: если отсечь концы списка, «пахать» в кампании станет некому. Не было отбоя от желающих попытать счастья, баллотировавшись в парламент, но немалые трудности возникали с поиском лиц, готовых стать членами окружных (не говоря уж об участковых) избирательных комиссий и наблюдателями от «Яблока»⁴⁶.

Расхождения в блоке обозначились и по принципиальным политическим вопросам: по отношению к президенту, к вынесенному на референдум проекту Конституции, к другому демократическому блоку. Президент, говорил Болдырев, в октябре одержал победу над народом, и я не смогу объяснить своим избирателям, почему в списке «Яблока» появятся люди, которые благодарили Ельцина за роспуск парламента. На избирателей ссылался и Лукин, защищая иную точку зрения: как только мы заостряем кампанию против президента, мы адресуемся к 20, а не к 60% населения. Спор этот отражал реальное расслоение в «яблочном» электорате. По данным замера, которые привел Яковенко, 39% были сторонниками Ельцина, 36% — противниками. Позвольте задать вам жесткий вопрос, говорили мне, почему вы с Явлинским? ведь он против президента... А Явлинского спрашивали: как вы можете объединяться с Шейнисом, который поддерживает Конституцию? Явлинский на это отвечал: он один из ее авторов, как же он может быть против?

Вопрос о Конституции стоял еще острее, чем о президенте, ибо имел непосредственный выход в практическую политику.

Здесь нельзя было свести дело к различной расстановке акцентов. Изнурительные дискуссии шли о том, какую позицию следует занять на референдуме. На Совете блока сталкивались четыре логически возможные, но не равноценные политически позиции, с которыми могло бы идти «Яблоко» на референдум: надо принимать, без Конституции дальше жить нельзя; голосовать против; не участвовать; «нулевой вариант» — блок как политическая организация представляет доводы «за» и «против», оставляя выбор за избирателями. В том, что вынесенный на одобрение проект Конституции содержит серьезные дефекты, особых разногласий не было (хотя их значение для будущего государственного устройства оценивалось по-разному). Разошлись главным образом в том, какие последствия может иметь провал Конституции на референдуме. Для меня, утверждал Болдырев, будет ли принята Конституция в существующем виде, — важнее, чем состав парламента. Если проект пройдет, наше пребывание в парламенте станет бессмысленным. Я буду поддерживать только тех, кто призывает голосовать против него. Вопрос о Конституции, по его мнению, — главенствующий, и блок должен немедленно определить однозначно свою отрицательную позицию. С Болдыревым решительно не соглашались Лукин, Голов, Борщев и я⁴⁷. «Как же мы можем упрекать тех, кто только что схлестнулись в смертельной схватке, если мы сами в небольшой группе не можем достичь компромисса?» — возражал Лукин. Как можно говорить, что именно это главное, а все остальное — запятые? Да, Конституция неудачна, но в чем-то она даже лучше, чем наше общество. Способ ее утверждения не безукоризнен, но примерно так же принималась деголлевская Конституция во Франции. Наша задача — не раскалывая общество, пройти предстоящий отрезок пути бескровно.

Большинство в Совете блока и в его активе склонялось к точке зрения Болдырева: «Яблоко» должно призвать избирателей голосовать против Конституции. Речь шла о ключевом политическом решении, которое могло поставить неокрепший блок на

грань раскола. Это быстро осознал Явлинский. Сам он решительно осуждал и Конституцию, и порядок ее утверждения. Кроме того, он опасался (как выяснилось, необоснованно), что против Конституции вдруг выступит ВР и тогда «Яблоко» может оказаться среди немногих ее защитников. Но обострения конфронтации, при котором два лидера блока встанут по разные стороны баррикады, он не желал и продемонстрировал высокий класс политической дипломатии. Не в принципах нашего блока, сказал он, навязывать кому-либо свою позицию. Поляризация, при которой вместо реформаторов и антиреформаторов появятся сторонники и противники Конституции, нам ни к чему. Такая Конституция опасна, поддерживать ее невозможно, но и голосование «против» чревато серьезными осложнениями. Нам важно избежать конфронтации. Чтобы ослабить накал, надо выйти к избирателям с «нулевым вариантом»: мы не будем призывать граждан от имени блока говорить конституционному проекту «да» или «нет». Виктор Леонидович излагает свою позицию, я — свою. Аргументы известны. На том и порешили⁴⁸. Все, конечно, остались при своем мнении. В восприятии избирателей голос «Яблока» звучал как призыв к отклонению Конституции — за то выступало большинство ораторов. Меньшинство сохранило право защищать свой подход. Организация счастливо избежала раскола. А в комнате, где много часов кипели страсти, остался кем-то приколотый листок: «Споры по программе — это не надолго. Это навсегда»⁴⁹.

Наваждением, преследовавшим «Яблоко» с первых его шагов, было (и остается) существование другого демократического блока. В 1993 г. корни, из которых они оба выросли, — перестройка, широкое демократическое движение рубежа 1980—1990-х годов, опасность коммунистического реванша, были еще обнажены и противостояние не вылилось в открытое соперничество и тем более — вражду. Взаимная критика была приглушена и не выходила за рамки корректности. Это был спор о конкретных направлениях политики и экономической реформы, а не обличения оппонентов. Лидеры и активисты «Яблока» по-разному

оценивали ВР и отношения с ним, но проявлялось это в основном в различной расстановке акцентов в публичных выступлениях. Однако межа, разделившая российских демократов, уже пролегла, и ход событий ее расширял и углублял.

В конце 1993 г. самым отчетливым проявлением соперничества стало противостояние кандидатов ВР и «Яблока» во многих одномандатных округах — противостояние, которое немало способствовало вытеснению демократов из парламента. Принципиальная позиция «Яблока» была взвешенной. «Если мы будем видеть, что в каких-то мажоритарных округах действительно есть опасность победы экстремистов... мы всегда будем блокироваться с теми, кто выставит сильного кандидата, способного победить кандидата другого толка... Если нет такой опасности, мы ни с кем ни о чем договариваться не будем, потому что иначе это не выборы...», — говорил Явлинский на встрече с кандидатами блока⁵⁰. На деле, однако, так получалось далеко не всегда. Одним из самых заметных эпизодов «самопожирания» демократов были события, развернувшиеся в петербургском 210-м округе, где конкуренция между «яблочником» Юрием Нестеровым и «выборосом» Юрием Вдовиным открыла дорогу «черному» тележурналисту Александру Невзорову⁵¹.

«Яблоко» решительно уклонялось от участия в каких-либо совместных действиях с ВР. В ноябре оно отказалось поддержать создание демократической межблоковой коалиции на выборах⁵². За два дня до выборов ко мне обратился Леонид Гозман. По инициативе Гайдара он подготовил проект совместного заявления против фашистской угрозы: не замечать стремительно, как ядовитый гриб, выраставшего рейтинга Жириновского уже было нельзя. Возможно, Гозман и Гайдар переоценивали воздействие такого демарша на избирателей, но под текстом документа уже поставили подписи Егор Гайдар, Анатолий Собчак, Сергей Ковалев, Александр Яковлев. Я подписал его и переслал Явлинскому. Вечером 10 декабря телевидение поспешило сообщить, что представители трех блоков сделали заявление. Это была неточная ин-

формация: присоединяться к чужой инициативе Явлинский не захотел. (Решение это было принято не сразу. Сначала Явлинский занялся правкой текста, а «Выбору России» сообщили, что задержка связана с поломкой факса. Но вечером он позвонил мне и сказал: никакой факс не ломался. Мы посоветовались с Лукиным и решили от подписи отказаться, так как это привлечет излишнее внимание к Жириновскому, а совместное выступление с ВР вызовет отток наших избирателей, которые в «Яблоке» видят альтернативу официальному блоку⁵³.)

Сталкиваясь с неотложными, повседневными проблемами и решая их с большим или меньшим успехом, демократы (и «яблочники» в их числе) не смогли заметить, что после событий «горячей осени» начала меняться не погода на дворе, а политический климат. Изменения в общественных настроениях стали сказываться довольно быстро и не в их пользу. За отдельными эпизодами демократы не увидели тенденции⁵⁴. Не придали значения изменениям в рейтингах политических партий и блоков, которые стали фиксировать социологи перед самыми выборами. Сочли, что это конъюнктурные колебания, а не новая динамика: расстановка сил все дальше уходила от той, что была лишь несколько месяцев назад. Ожидали, что в декабре будут получены результаты, подобные апрельским. Тем острее оказалось столкновение с новой реальностью.

И все же, несмотря на трудности и противоречия становления, вопреки разочарованию, которое принесли демократам декабрьские выборы, создание «Яблока» стало историческим событием. Впервые выразительно заявила о себе демократическая оппозиция власти, демократическая альтернатива утверждавшемуся режиму. Из всех демократических и промежуточных партий и блоков, вышедших на первые постсоветские выборы в России, только «Яблоко» в нелегких условиях смогло долгое время сохранять свое имя, свое знамя, свои принципы, большую часть своего политического ядра, свой актив и миллионы избирателей. Обращаясь в декабре 1993 г. к своим друзьям и единомышленникам

в России, академик Роальд Сагдеев, один из наиболее известных «прорабов перестройки», писал: «Мне близок блок, лидеры которого — последовательные и испытанные демократы и реформаторы, люди несомненно честные и порядочные, блестяще знающие свое дело профессионалы, люди, на руках которых не налипла кровь и грязь. Именно такая оппозиция нужнее всего и Борису Николаевичу Ельцину, во всяком случае, до тех пор, пока он будет олицетворять демократический процесс»⁵⁵.

Ушел Ельцин. Иные очертания приобрел политический процесс. Но еще более актуальна проблема демократической — не коммунистической, не националистической, не державнической — оппозиции. Ее и не удастся создать, если не будут востребованы непростые, подчас горькие, но поучительные уроки «Яблока», в далеком 93-м на ощупь прокладывавшего свой путь.

ВЗГЛЯД ИЗ 1993 года. КАК ЭТО ВИДЕЛОСЬ ТОГДА

«МНЕ ВСЕ ВРЕМЯ ХОЧЕТСЯ ПРОВЕСТИ ЧЕРТУ»⁵⁶

— *Вы всегда считались одним из самых последовательных сторонников гайдаровских реформ. Поэтому был весьма удивлен, увидев ваше имя в первой десятке блока «Явлинский — Болдырев — Лукин».*

— Это принципиальный выбор. На мой взгляд, резкая поляризация общества, разделение его на два противостоящих лагеря при отсутствии центра — трагедия России... И в прежней моей деятельности главным является то, что я был одним из организаторов парламентской фракции «Согласие ради прогресса», которая пыталась создать некий реальный центр (в отличие от псевдоцентра, состоящего из фракций «Смена — Новая политика», «Свободная Россия», «Левый центр» и др.). Прямое продолжение наших прежних подходов — в позициях блока Явлинского.

Когда жизнь ставила вопрос предельно резко: Гайдар или Зюганов, разумеется, я становился на сторону Гайдара. Но в то же время я, как и мои коллеги по блоку Явлинского, убежден: существуют демократические альтернативы «курсу Гайдара». Наша позиция не равноудаленная от «Выбора России» и Гражданского союза, который всегда шел в фарватере ФНС. Я рассматриваю «Выбор России» как потенциального союзника, как одного из участников демократической коалиции.

— *Вы считаете курс Гайдара радикальным, способствовавшим поляризации общества?*

— Отдаю должное человеку, сдвинувшему реформу с мертвой точки. Но есть иные варианты, есть более мягкие формы. И хотя я не согласен с тем, что именно политика Гайдара создала агрессивную оппозицию, все же доля ответственности лежит на тех, кто проводил этот курс. Нельзя игнорировать беды тех наших сограждан, кто не смог — не по своей вине — вписаться в новую экономическую реальность.

— *Есть некие объективные законы — экономические, политические, социальные. Вы считаете, что команда Гайдара хуже знает их, чем блок Явлинского?*

— Мне представляется, что всегда или почти всегда существует диапазон возможностей. Гайдар действует на одном из краев этого диапазона, мне хотелось бы сместить акцент ближе к другому краю. Разумеется, я за реформу, за приватизацию, за открытость экономики, за борьбу с инфляцией... Но, например, нынешний антиинфляционный курс имеет по меньшей мере два дефекта. Он не способствует росту производства, развитию промышленности. Он связан с тем, что люди месяцами не получают зарплату. Это и социально и экономически неоправданно. Повышая социальную напряженность, мы не уменьшаем инфляцию. Ибо, задолжав зарплату, вы под давлением социально организованных групп вынуждены будете вернуть долг, проиндексировав его. Это борьба с симптомами болезни, а не с причиной.

Мы до сих пор говорили об экономике, но хочу коснуться политики. Меня приводит в крайнее, мягко говоря, недоумение, что время от времени — пусть не Гайдаром, а президентом — делаются шаги, которые ставят и президента, и тех, кто поддерживает курс реформ, в ложное положение. Например, недавнее замечание президента, что избирательные объединения во время своих предвыборных выступлений не должны критиковать проект Конституции. Как можно вести избирательную кампанию, не касаясь такого насущнейшего вопроса, как Конституция? Понимаете, мне все время хочется провести некую черту... В конфликте Ельцина и ФНС я, разумеется, на стороне президента. Но мне не хотелось бы быть среди тех, кто каждый его шаг сопровождает аплодисментами.

— *Мне представляется, что ваша критика экономической программы ВР справедлива не во всем. В этой программе, в частности, заметно усилена социальная составляющая.*

— Думаю, что программа ВР создавалась не без влияния критики ЭПИцентра, возглавляемого Явлинским, не без влияния многочисленных наших выступлений, содержащих основные положения вышедшей недавно предвыборной платформы «Яблока». Если это так, можно только радоваться. Ведь в парламенте, скорее всего, ни у кого не будет абсолютного большинства, а значит, предстоит создавать коалицию, искать точки соприкосновения. Если такие точки обнаруживаются уже до выборов, слава богу!

— *Сколько плодотворным может быть сотрудничество в парламенте демократических объединений — ВР, РДДР и «Яблока»? Каким вам видится состав будущего парламента?*

— Ближайшими соратниками «Яблока» я вижу именно ВР и РДДР. В ВР много моих близких друзей, и политические разночтения не влияют на человеческие отношения.

Состав будущего парламента предсказывать не берусь. Как сказала Тэтчер, единственный достоверный социологический

опрос — это выборы. Но дело даже не в этом... Пожалуй, главное, что мне удалось в качестве парламентария — это отстоять смешанную систему выборов, при которой половина мест в парламенте должна принадлежать избирательным объединениям. Но вот что касается второй половины...

Серьезной ошибкой разработчиков законопроекта о выборах, который после октябрьского мятежа приобрел форму Положения, утвержденного указом президента, было отсутствие второго тура выборов в мажоритарных округах. Но когда еще можно было исправить ситуацию, президент не принял наши настойчивые предложения о введении второго тура. И те затруднения, которые я испытываю при прогнозировании состава будущего парламента, связаны именно с этим обстоятельством. Демократам зачастую очень трудно договориться о выдвижении единого кандидата, наши же оппоненты такие задачи решают гораздо легче. Голоса избирателей демократической ориентации соответственно могут расколоться, а их противники сконцентрируются на одной фигуре. Но дело не только в этом. Второй тур в одномандатных округах позволил бы консолидировать большинство активных избирателей и повысить общественное признание результатов выборов. Иначе существенная часть голосов просто «пропадет» и избран будет не тот, за кого во втором туре могло бы проголосовать большинство.

— *Ваше отношение к четвертому демократическому блоку — ПРЕС? Не случится ли так, что, опираясь на провинциальную элиту (а в подавляющем большинстве случаев это представители бывшей партноменклатуры), этот блок начнет смыкаться с коммунопатриотами? Не случайно уже сегодня Зюганов оказывает Шахраю знаки внимания. Шахрай, представитель президента в Конституционном суде по делу КПСС, заявляет, что необходимо взять на вооружение все лучшее, что было в КПСС.*

— Отдавая должное заслугам Шахрая, я не могу закрывать глаза на то, о чем сказали вы. Меня это очень тревожит.

— *Разделяете ли вы непринятие лидерами «Яблока» одновременных выборов парламента и референдума по Конституции? Ваши коллеги замечают, что в случае положительного исхода референдума парламент, фактически избранный при старой Конституции, юридически «провисает».*

— Мы договорились, что каждый вправе отстаивать собственную точку зрения по вопросу, который поставлен «черно-бело»: «да» или «нет» этой Конституции. Я вижу все серьезные дефекты, считаю, что целый ряд положений необходимо существенным образом менять. Но я буду голосовать «за». Во-первых, потому, что этот проект лучше всех, предлагавшихся ранее. Во-вторых, исходя из последствий непринятия. Конечно, юридически не здорово, что выборы парламента проходят одновременно с референдумом по Конституции, что Конституция, разработанная не выборным органом, вводится методом плебисцита. Но в политике очень часто приходится выбирать не между плохим и хорошим, а между плохим и очень плохим.

— *Что же это за последствия?*

— Я больше всего боюсь, что если Конституция не будет принята, то на первый план вновь выйдет проблема единства РФ. Нынешняя ситуация позволяет сделать шаг от конфедеративных принципов к федеративным. Из Конституции исключен Федеративный договор. Причем — это важно подчеркнуть — основная его часть реализована в статьях Конституции. Но устранен принцип, который навязывался сепаратистами: источник легитимности РФ — в договоре, в согласии между регионами. Моя позиция всегда была иной: источник легитимности РФ — это история и воля народа, выраженная на референдумах, выборах и т. д. То есть Россия — конституционная, а не договорная и даже не конституционно-договорная федерация. <...>

Так вот, я очень боюсь, что в случае непринятия Конституции последует новый виток обсуждения всех проблем. И это только одно из последствий такого исхода референдума. А какова в таком случае юридическая база парламента? Старая Кон-

ституция? Указы президента? Федеральное собрание возьмет на себя учредительные функции или примет решение о созыве Учредительного собрания?

Приходится рассматривать и эти альтернативы.

— *Не опасаетесь ли вы, что 4 октября мы были свидетелями (или участниками) отнюдь не последнего акта драмы или трагедии?*

— По сути дела, вы спрашиваете, продолжится ли эскалация противостояния. Конечно, опасность эта велика. И если я не возвращаюсь в свой академический институт, к более спокойной жизни (поверьте, за последние четыре года у меня накоплено достаточно материала, чтобы продолжить научную карьеру работой, которая была бы интересна не только мне одному), то не делаю этого потому, что надеюсь бросить свою песчинку на чашу весов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ ⁵⁷

1. Наша страна переживает жестокий кризис, один из самых тяжелых в своей истории. Переход от 70 лет тоталитарного режима и полностью огосударственной экономики к демократии и рынку вообще не может быть легок. У нас он особенно труден и мучителен.

Основную ответственность за это несут силы агрессивной оппозиции — так называемый Фронт национального спасения и его многочисленные филиалы. Именно они превратили Верховный Совет, Съезд народных депутатов и многие Советы на местах в орудия своей власти, в инструменты противодействия реформам, дискредитировали в глазах народа парламент и сами принципы парламентаризма, без которых нет демократии. Начав с разжигания вражды и ненависти в обществе, они перешли к прямым призывам к насилию, к организации боевых формирований и вооруженных провокаций.

Свою долю ответственности за обострение ситуации несут силы, осуществлявшие руководство исполнительной властью

или подталкивающие ее к обострению конфронтации. Политика, проводившаяся в 1992—1993 гг. и получившая поддержку большинства на апрельском референдуме, была отмечена серьезными дефектами и просчетами. Ни одной из заявленных целей (прекращение роста цен, стабилизация производства и уровня жизни населения, подлинная демонополизация экономики, гражданский мир) не удалось добиться не только из-за сопротивления агрессивной оппозиции, но и в силу собственных изъянов этой политики, во многом повинной в нагнетании социальной напряженности. Реформы, как они проводились, нередко вызывали недоумение, разочарование, а подчас и отторжение значительной части наших сограждан. Цена реформ оказалась непосильной для многих из нас.

2. События 21 сентября — 4 октября 1993 г. — страшная трагедия в истории нашего общества. Обе стороны конфликта не искали компромисса, а добивались решительной победы, не считаясь ни с чем. Указ президента от 21 сентября нельзя изолировать от слепой обструкции, которую встречал каждый его шаг в парламенте, от нараставшего противодействия любым реформам, от разгрома демократических комитетов и комиссий Верховного Совета, от подготовки «конституционного» переворота, намеченного на ноябрьский Съезд реакционной частью депутатского корпуса. Но силовой, неконституционный путь разрешения политических противоречий еще более обострил ситуацию, затруднил мирное решение конфликта.

Единственное, что заслуживает безусловной поддержки в этом указе, — назначение выборов, в ходе которых народ мог сказать свое слово. Вместо того чтобы воспользоваться этой возможностью, агрессивная оппозиция избрала путь жесткого противостояния, логическим продолжением которого стало вооруженное нападение на ряд объектов в Москве. После этого президент обязан был применить силу. Но явная неготовность исполнительной власти к такому обороту событий, растерянность первых часов, обращение за поддержкой к безоружным

гражданам, а затем обстрел Белого дома и многочисленные жертвы подавления мятежа нанесли тяжкий удар по авторитету всех властей. За истерию, безответственно нагнетавшуюся для достижения политических целей, мы заплатили страшную цену. Неуемная жажда власти одних и неспособность других предвидеть последствия своих действий могли сделать ее еще больше.

3. После этих трагических событий вся власть в Центре оказалась в руках исполнительных структур, взявших на себя также законодательные функции. В их деятельности отчетливо просматриваются черты авторитаризма, борьбы разных групп за влияние на президента и его решения, произвольные изменения «правил игры» одним из ее участников.

В проект Конституции, поставленный на референдум, на заключительном этапе его доработки внесены как позитивные изменения, укрепляющие федеративные основы нашего государства в противовес сепаратизму и своеволию местных элит, так и явные ухудшения, ослабляющие роль парламента и демократические принципы формирования его верхней палаты. Но особенно серьезные сомнения и недоверие значительной части общества вызывает то, что проект Конституции разработан не избранным представительным, а назначенным совещательным органом — Конституционным совещанием, а окончательные решения по спорным вопросам приняты президентом на основе рекомендаций отобранных им экспертов и бюрократических структур президентской администрации.

4. Тем не менее скорейшее принятие Конституции, ограничивающей правовой беспредел, и проведение выборов, которые позволят воссоздать парламент, возобновить нормальный законодательный процесс, откроют путь к повсеместному восстановлению представительных органов власти на местах, к возобновлению деятельности Конституционного суда. Такова первейшая политическая задача в период, оставшийся до 12 декабря.

Сжатые сроки избирательной кампании, контроль над средствами массовой информации, широкое использование возмож-

ностей государства в пользу тех, кто сейчас находится у власти, разрешение министрам совмещать свои посты с депутатской деятельностью, — все это создает неоправданные преимущества одному-двум избирательным объединениям, понижает легитимность выборов и самой Конституции в глазах известной части общества, угрожает тем, что значительная часть вновь избранного депутатского корпуса может оказаться чрезмерно управляемой все теми же органами исполнительной власти или будет подталкивать ее к продолжению политической конфронтации.

Но не следует закрывать глаза и на другую, еще более серьезную опасность: активизацию тех сил, которые потерпели поражение в октябре и жаждут реванша. Легкость, с которой «председательский корпус» собрал полмиллиона подписей в пользу Аграрной партии, выдвижение известных лидеров ФНС по спискам ряда избирательных объединений, отказ ввести второй тур выборов по тем одномандатным избирательным округам, где в первом туре не обозначится явное преимущество одного кандидата, сохранение мощных позиций старых властных структур во многих регионах страны — все это грозит превратить будущий парламент в подобие Верховного Совета, бесславно сошедшего со сцены, расколоть его, обречь на кипение политических страстей вместо конструктивной законодательной работы.

Чтобы помочь избежать той и другой опасности, мы идем на выборы в парламент.

«ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ДЕКАБРЯ»

Строчка эта из позабытых восторженных стихов советского поэта вспомнилась в связи с тем, что дата выборов, назначенная в указе № 1400, день в день совпала с первыми выборами в Верховный Совет СССР в 1937 г. по новой, «сталинской» Конституции.

Выборы и в 1937, и в 1993 гг. завершали оформление нового государственного устройства, основы которого были заложены

предшествующими событиями. Но помимо этого, а также календарного совпадения общего между ними было мало. Некоторые исследователи рассматривали выборы 1993 г., сочлененные с референдумом по Конституции, как учредительные⁵⁸, хотя от учредительных выборов в странах Восточной Европы они отличались довольно сильно. «Трудно представить себе время, более неподходящее для проведения выборов», — так оценивал ситуацию, сложившуюся в конце 1993 г., Майкл Макфол⁵⁹. Но иного времени Ельцину не было дано. Потому и результаты выборов 1993 г., в отличие от сталинских, оказались не только непредсказуемыми, но и ошеломляющими. Менее всего оправдали они надежды своих организаторов. Было высказано мнение, подкрепленное соответствующими расчетами, что действительное волеизъявление избирателей на выборах, и особенно на референдуме, не совпадало с их объявленными результатами (об этом — чуть ниже). Но если и так, соотношение сил в стране по сравнению с апрелем 1993 г., не говоря уж о 1991-м, изменилось довольно радикально — и не в пользу демократических и реформаторских сил. Обратимся сначала к данным, приведенным в табл. 8.

Прежде всего обращает на себя внимание небывало низкое по сравнению как с предшествовавшими, так и с последующими голосованиями на федеральных выборах и референдумах участие избирателей. В 1989—1991 гг. на участки приходили 75—85% избирателей, позже — 62—65%. Возросший теперь абсентеизм отразил не только наступившую после осенних событий растерянность в обществе, но и усилившиеся протестные настроения. Об этом говорит небывало высокая доля недействительных бюллетеней, а также впервые введенного в 1993 г. голосования «против всех» (на выборах 1995 и 1999 гг. — 2—3%)⁶⁰.

Складывавшаяся в ходе избирательной кампании (и просуществовавшая по меньшей мере в течение еще двух избирательных циклов) четырехсекторная политическая структура электората получила на выборах окончательное оформление. Причем интегральные показатели четырех главных сил оказались более

Таблица 8. Избирательные и депутатские объединения.
Выборы 1993 г.

Объединения	Число избира- тельных объедине- ний	Подано голосов	
		млн чел.	%
Избиратели, принявшие участие в выборах **		57,7	54,3
Коммунисты			
Всего объединений, блоков	2	11,0	19,0
Преодолевшие барьер:	2	11,0	19,0
КПРФ	1	6,7	11,6
Аграрная партия	1	4,3	7,4
Некоммунистические националисты			
Всего объединений, блоков	1	12,3	21,4
Преодолевшие барьер:	1	12,3	21,4
ЛДПР	1	12,3	21,4
Квазицентр (промежуточные партии)			
Всего объединений, блоков	5	12,7	21,8
Преодолевшие барьер:	3	11,0	19,0
«Женщины России»	1	4,4	7,6
ПРЕС	1	3,6	6,3
Демократическая партия России	1	3,0	5,1
Демократы			
Всего объединений, блоков	3	14,8	25,6
Преодолевшие барьер:	2	12,6	21,8
«Выбор России»	1	8,3	14,5
«Яблоко»	1	4,2	7,3

Распределение мандатов				
По состоянию на 20.01.1994			По состоянию на 24.03.1995 всего	Разница 1994—1995
по спискам	в одномандат- ных округах	всего		
53	47	100	98	-2
32	13	45	46	+1
21	34	55	52	-3
59	4	63	55	-8
53	15	68	52	-16
21	2	23	22	-1
18	12	30	22	-8
14	1	15	8	-7
60	45	105	82	-23
40	38	78	55	-23
20	7	27	27	0

Продолжение таблицы 8

Объединения	Число избира- тельных объедине- ний	Подано голосов	
		млн чел.	%
Маргинальные образования			
Всего объединений, блоков	2	0,8	1,3
Преодолевшие барьер	—	—	
Все объединения, блоки			
Всего	13	51,5	89,3
Преодолевшие барьер	8	46,8	81,2
Не преодолевшие барьер	5	4,7	8,1
Против всех		2,3	3,9
Недействительные бюллетени ***		3,9	6,8
Другие депутатские объединения «Новая региональная политика» Либерально-демократический союз «12 декабря»**** «Стабильность» «Россия» Депутаты вне фракций и групп			

Примечание

Составлено и подсчитано по: Бюл. ЦИК РФ. — 1993. — № 10. — С. 28—44; 1994. — № 1 (12). — С. 67; Стенограмма заседания ЦИК. 25.12.1993; Сведения о подсчете голосов, поданных по общефедеральному избирательному округу по выборам в Государственную Думу 12 декабря 1993 г. (ответ ЦИК на депутатский запрос); Фракции и депутатские группы в составе Государственной Думы / Врем. секретариат Гос. Думы. — М., 1994; Организация работы Государственной Думы. — М., 1995. — С. 20. — (Экспресс-информ.; Вып. 5). — Архив автора.

Распределение мандатов *				
По состоянию на 20.01.1994			По состоянию на 24.03.1995 всего	Разница 1994—1995
по спискам	в одномандатных округах	всего		
	67	67	39	−28
	—	—	—	—
			35	+35
			35	+35
	41	41	50	+9

* Фактическое число избранных депутатов в январе 1994 г. — 444, в марте 1995 г. — 446.

** Число бюллетеней, обнаруженных в избирательных ящиках; % от общего числа избирателей, внесенных в списки (106,2 млн чел.).

*** В отчетах ЦИК число недействительных бюллетеней фиксируется по-разному: сначала 2,6 млн, а потом 3,9 млн.

**** ЛДС «12 декабря» — депутатское объединение преимущественно демократической ориентации. Существовало в течение нескольких месяцев 1994 г. В апреле насчитывало 36 депутатов, в октябре — 22.

или менее равновесны. Но поскольку все избирательные объединения вели свою игру, собственные результаты для каждого из них были едва ли не важнее секторальных.

Хотя выступившие на выборах **демократические партии и блоки** в сумме получили больше голосов, чем каждая из оппонировавших им сил, результаты голосования были расценены и самими демократами, и Кремлем, и обществом как их тяжкое поражение. На то были серьезные основания. Демократы получили существенно меньше голосов, чем ожидали, чем обещали им почти все прогнозы, которые публиковались вплоть до конца ноября, а также меньше по сравнению с результатами ранее проводившихся выборов и референдумов. Хорошо известна ударная сила психологического эффекта, с которой бьет бумеранг несбывшихся ожиданий — завышены они были или нет. Но беда была не только в этом.

На выборы демократы шли тремя колоннами. Одна из них — РДДР не сумела преодолеть 5%-ный барьер. Свыше 2 млн голосов, около 4% их общего числа, по действовавшим правилам были брошены в «котел перераспределения». Таким образом, демократически ориентированные избиратели своими голосами заполнили почти половину этого «котла». Остальные поданные за демократов голоса распределились между двумя другими партиями, так что даже ВР уступил первое место лидеру избирательной гонки, а «Яблоко» вообще оказалось на шестом месте. ВР являл два лика российской демократии начала 90-х годов: демократии уличной, митинговой (по спискам ВР в округах прошли активисты «Демократической России», организаторы массовых демонстраций, люди, которых страна запомнила у микрофонов на Съездах и в ВС) и той демократии, которая была призвана в кремлевские кабинеты и демократией быть переставала. Это сказалось, в частности, на судьбе парламентского представительства ВР: за год он потерял больше депутатов, чем какая-либо другая фракция.

Электоральные же успехи «Яблока», осваивавшего нишу демократической оппозиции, были скромными. Нечему удивляться,

говорил своим соратникам Явлинский, мы рассчитывали получить половину того, на что претендовала партия, возглавляемая несколькими министрами. Они вместо 30—40% голосов собрали 15% — от такой величины и должна исчисляться наша доля. Это, конечно, было слабым утешением. Тем более что на «Яблоко» обрушился шквал критики: лидеров объединения обвиняли в расколе демократов, будто бы и ставшем причиной их поражений. «Яблочники» же отвечали, что демократы, выступая двумя колоннами, собрали больше голосов, чем мог бы завоевать объединенный блок: в этом случае им нечего было бы предложить избирателям, оппозиционно настроенным по отношению к политике Ельцина — Гайдара. «Наши электоральные результаты были бы лучшими, если бы мы повели значительно более жесткую кампанию против ВР, — сказал Явлинский на следующий день после выборов. — Но этого мне бы не позволил сделать политсовет блока».

Конечно, в том, что демократы на выборах выступали с разных позиций, нельзя усматривать реализацию некоего хитроумного плана, рассчитанного на получение максимума голосов. Различия социальной базы и платформ демократических партий, проявившиеся в ходе избирательной кампании, вытекали из противоречий жизни. То, что по разные стороны политической демаркационной черты оказались люди, которые вышли из одного движения, хотя бы и аморфного, с размытыми границами, что между многими из них сохранялись личные и политические связи и взаимные симпатии, затеняло неизбежный, по-видимому, процесс дивергенции в демократическом лагере. Причины расхождения нередко усматривались и тогда, и потом в отсутствии ответственности и доброй воли, а также и в амбициях лидеров. Сбрасывать со счета субъективный фактор в политике, разумеется, было бы наивно. Но еще большая наивность — не видеть за ним объективных процессов размежевания, вытекавшего из тех условий, в которых Россия осуществляла свой запоздалый исторический транзит. Выступление в едином блоке, если бы оно и произошло, существующих противоречий удалить не могло.

Иное дело — избирательная стратегия и тактика. И в 1993 г., и не раз после того возникал вопрос: что выигрышнее для политиков, разделяющих базовые демократические ценности, — выдвигать единый список и затем уже самоопределяться в парламенте или идти разными колоннами. В защиту каждого из этих вариантов политического поведения существуют веские доводы. По-разному отвечают на него и замеры общественного мнения: создаст ли объединение под общим знаменем некий элан, способный привлечь новые контингенты избирателей, или, наоборот, оттолкнет от каждой партии еще большее число избирателей, которые не простят своим фаворитам, что они «поступились принципами». Точного, убедительного ответа на этот вопрос, подчеркну, нет поныне. Но представляется непреложным, что электораты обеих партий лабильны и что между ними существует множество пересечений. На мой взгляд, то, что объединяет «Яблоко» с ДР и ее преемниками, в исторической перспективе намного важнее, чем то, что их разделяет.

В 1993 г. соперничество демократов в одних и тех же избирательных округах, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, было нередким. Оно не раз приводило к тому, что выигрывал «третий радующийся». Но проистекало оно скорее из столкновения личных притязаний кандидатов, чем из отторжения блоков друг от друга. Элементарная корректность и политические приличия, как правило, соблюдались. Однако именно тогда были брошены семена, из которых впоследствии выросли конфликты и взаимное ожесточение. Во всем этом проявилось одно из главных отличий посткоммунистического развития России и большинства стран Восточной Европы, где уже на первых выборах в 1990 г. преобладающие позиции в парламенте заняли демократические и реформаторские партии. Здесь этого не произошло и на вторых, и на последующих выборах.

Результаты избирательных объединений, заявивших себя «центристами», были еще более скромными. Голоса рассыпались между пятью объединениями, три из которых были вновь

образованными. Два (одним из которых был Гражданский союз, до того производивший впечатление влиятельной силы) барьер преодолеть не смогли. Ни одно из трех других объединений, которым удалось провести свои списки, не могло претендовать на лидерство даже в собственном секторе, не говоря уж о каком-либо влиянии на власть. Единственное из них, продержавшееся в почти неизменном составе до конца срока, отведенного Думе первого созыва, «Женщины России», так и не обрело собственного политического лица. Два другие потеряли значительную часть своих членов, причем фракция Демократической партии, изменившая лицо, под водительством Глазьева и Говорухина сократилась наполовину. Она оставалась в Думе до новых выборов лишь потому, что по утвержденному депутатами регламенту фракция, созданная объединением, которое получило на выборах хотя бы 5% голосов, сохраняла все права (место в Совете Думы, автомобили, помещение фракции и т. д.) и не подлежала расформированию, даже если бы в ней остался один человек.

Неудачей закончилась и попытка получить в Думе в лице ПРЕС своего рода дублера ВР, но с более консервативной идеологией и отчетливой ориентацией на вчерашних демократов, вошедших во власть, и чиновников-бюрократов. Как утверждает знаток кремлевских нравов, Шахрай, в отсутствие которого Ельцин чувствовал себя неуверенно, в какой-то момент «стал постепенно дистанцироваться от Бориса Николаевича»⁶¹. Глава Госкомнаца мобилизовал региональные структуры своего министерства, администрации некоторых субъектов Федерации и такие государственные корпорации, как Союз малых городов. Ресурс этот на выборах, однако, смог дать эффект весьма избирательно — лишь в нескольких республиках и автономиях. Он показал, например, рекорд в Туве, где за ПРЕС проголосовала без малого половина избирателей. Но погоду эти отдельные успехи не делали.

Так закончилась первая в истории российского парламентаризма попытка создать в Думе «партию (или партии) власти» —

инструмент законодательного обеспечения деятельности власти исполнительной. Как известно, добиться этого Кремлю удалось лишь с третьей попытки, а пока каждый раз приходилось выстраивать необходимое парламентское большинство при помощи сложных комбинаций и компромиссов.

Одним из самых заметных сюрпризов, которые выборы 1993 г. принесли в избытке, может быть, вторым по значимости, стал политический ренессанс **коммунистов и их союзников**. Вероятно, выборы, проведенные ближе к августу 1991 г., когда крушение бездарной попытки спасти гибнущий режим еще не заслонили последующие события, дали бы иной расклад. По законам памяти ушедшее прошлое переставало казаться тягостным и унижительным. На неприятии перемен большими группами населения, придавленными новой реальностью и утратившими привычные ориентиры, строила свою стратегию КПРФ — партия вчерашнего дня. На КПРФ работала и эта память, и юридически реабилитировавшее ее решение Конституционного суда, и то обстоятельство, что в трагических событиях осени 1993 г. партия непосредственного участия не принимала. Хотя фракция «Коммунисты России» усиленно участвовала в борьбе с «антинародным режимом», на авансцене в те дни испытаний была не она и тем более не партийное руководство, а Хасбулатов, Руцкой, фигляры из ФНС.

Аграрная партия, несмотря на присутствие в ее списке людей, состоявших в правительстве, и тех политиков, которым предстоял переход на совершенно иные позиции, в то время следовала в фарватере КПРФ. Такой же «новодел», как и многие другие, АП энергично завладевала голосами сельских избирателей — «ничейным» политическим пространством и сумела пожать плоды выборов. Правда, этот ее успех, удививший многих, оказался не только первым, но и последним на российских выборах. Впоследствии ее парламентская судьба будет всецело зависеть от благосклонности «патрона». Вопрос же о том, кого избрать «патроном» — традиционного союзника, коммунистов, или кремлевские группировки — будет жестоко раскалывать АП.

Самой же большой неожиданностью был успех ЛДПР, в который многие политики отказывались верить, даже когда стали поступать предварительные данные об итогах голосования на Дальнем Востоке и в Сибири. Но особенно велико было потрясение, когда выяснилось, что ЛДПР в Москве вышла на второе место, чуть опередив даже «Яблоко» и уступив только ВР, а в Санкт-Петербурге — на третье место. В Жириновском увидела своего идола бóльшая часть протестного электората. Ответственность за продвижение ЛДПР возложили на СМИ: они понесли экстравагантный имидж «либералиссимуса» в массы. Сразу после выборов был смещен председатель телерадиокомпании «Останкино» Вячеслав Брагин. На решающем этапе кампании, с 24 ноября по 11 декабря, когда акции Жириновского и пошли круто вверх, он получил 13,4% времени, отданного всем избирательным объединениям на центральных телеканалах, и 20,6% — на федеральном радио. Но столько же времени на ТВ получила ПРЕС, отнюдь не преуспевшая на выборах, а на радио немногим больше — ВР⁶². Решающее значение, однако, имело не количество времени (в том числе платного, благосклонно предоставленного «стороннику Конституции» и бог весть из каких источников им оплаченного), а качество его использования, в котором Жириновский превзошел всех. Обостренным чутьем демагога высокого класса он уловил жанр эксцентрики, клоунады, в котором его бредовые «идеи» оказались востребованными внушительной массой избирателей, воспринимающих политику как бесплатный цирк. Лучшего канала для воздействия на эту часть электората, чем электронные СМИ и особенно телевидение, нет в природе. Контакт был установлен, и даже, казалось бы, разоблачительная передача, прошедшая в эфире накануне дня голосования, пошла фавориту на пользу.

ЛДПР заняла национал-державническую нишу и в этом качестве была «наследницей по прямой» разгромленного и запрещенного ФНС. По мере того как в эту нишу вторгались все (или почти все) другие политические силы вплоть до некоторых демо-

кратов, которые осваивали ласкавшие слух соответствующих слоев электората бренды — от «Державы», «Родины» и «Отечества» до «либеральной империи», — можно было предположить, что избирательная клиентела ЛДПР станет сжиматься. Так и выглядела электоральная динамика этой партии: на выборах 1995 г. ее доля была вдвое меньше, чем в 1993 г., — 11,2%, а к 1999 г. еще раз сократилась наполовину — до 6% ⁶³. Высказывались предположения, мною в том числе, что ЛДПР будет вскоре вытеснена из парламента. Это была ошибка, вытекающая из переоценки роли идеологии в политическом бытии этой партии. Лилия Шевцова справедливо отмечала, что секрет ее воздействия на массы «не через идеи и идеологию, а через подсознание» — в умении «балансировать на грани неопределенности и неформальности настроений». Поэтому, с одной стороны, монополизация ею одновременно антикоммунистических и шовинистических настроений, столь явно проявившаяся в 1993 г., оказалась делом преходящим. А с другой — нет в России иной партии, которая столь успешно играла бы «сразу две роли: на сцене — роль оппозиции, за кулисами — системно-вспомогательную роль, поддерживая правящую группу» ⁶⁴. Я рад был бы еще раз ошибиться, но теперь боюсь, что в России еще долго будут востребованы одними — беспардонная демагогия, а другими — сервильные услуги Жириновского.

Противники учрежденной в 1993 г. в России смешанной избирательной системы не замедлили обратить внимание, что голосование по партийным спискам в первую очередь благоприятствовало жириновцам. Это было действительно так: кандидаты ЛДПР выиграли лишь в четырех одномандатных округах. Но система эта, как видно из табл. 8, оказалась более или менее нейтральной по отношению к коммунистам (если брать их вместе с их союзниками аграриями), такой же для «Выбора России», благоприятной для «яблочников» и всех трех преодолевших барьер квазицентристских избирательных объединений. В то же время она отняла немало мандатов у кандидатов, не пожелавших

четко определить свою политическую принадлежность и номинированных то ли в порядке самовыдвижения, то ли от бесцветных «групп избирателей» в одномандатных округах: проводись выборы исключительно по мажоритарной системе, их «улов» оказался бы значительно большим.

С учетом депутатов, выигравших выборы в одномандатных округах и присоединившихся к объединениям, преодолевшим барьер, общая картина выглядела следующим образом. По спискам между этими объединениями была распределена половина мандатов. В целом же в их фракциях в начале работы Думы сконцентрировалось 75,7% депутатского корпуса. Коммунисты и аграрии завоевали по спискам 23,6% мандатов (с учетом бонуса, полученного за счет их перераспределения в пользу партий, преодолевших барьер), всего же в их фракциях оказалось 22,5% депутатов. Соответствующие показатели для ЛДПР составили 26,2 и 14,2%, у квазицентристов — 23,6 и 15,3%, у демократов — 26,7 и 23,6% (в том числе для «Яблока» — 8,9 и 6,1%) ⁶⁵. Мотивация тех, кто разрабатывал и вводил смешанную избирательную систему, была такой: облегчить продвижение демократических и реформаторских сил в новый парламент, подтолкнуть процесс партийного строительства и получить политически структурированную Думу, отличную в этом отношении от СНД и ВС. Первая цель, в общем, была достигнута: демократические и прокремлевские партии и блоки выиграли. Ошибка заключалась в переоценке их влияния в обществе и недооценке антиреформаторских и реваншистских сил, но это уже от избирательной системы не зависело. На втором направлении было достигнуто некоторое продвижение, хотя создание устойчивой партийной системы в России оказалось делом значительно более трудным и долгим, чем это представлялось в 1993 г. Наконец, нижняя палата при всей аморфности и текучести возникших в ней фракций и групп оказалась все же значительно более предсказуемой, чем предшествующее собрание.

Впрочем, «непартийных депутатов» среди избранных по мажоритарному принципу в Думе оказалось достаточно много.

Именно они вместе с частью «выбороссов», квазицентристов и жириновцев выставили основную массу политических мигрантов, переходящих из одного депутатского объединения в другое и нередко совершавших подобные «тушинские перелеты» не по одному разу. В начале работы Думы, уяснив, что регламент протежирует формализованным депутатским объединениям, многие «одномандатники» объединились во вторую по численности, но политически крайне разнородную группу «Новая региональная политика». По мере приближения следующих выборов эта группа стала таять на глазах, пополняя две другие группы — проправительственную «Стабильность» и умеренно-националистическую «Россию». Демократы-одномандатники, не пожелавшие присоединиться ни к ВР, ни к «Яблоку», попытались создать самостоятельную группу Либерально-демократический союз «12 декабря» во главе с Борисом Федоровым. Но поскольку пороговая численность групп была определена регламентом в 35 человек, это объединение вскоре распалось.

В итоге Дума оказалась в основной своей части все же более устойчиво структурированной, чем первый российский парламент. Как и на первых Съездах, в ней не было постоянного большинства. Оно складывалось (если складывалось) по случаю. Кремль мог быть удовлетворен уже тем, что в отличие от последних Съездов, где тон задавала агрессивная оппозиция, устойчивого антипрезидентского большинства здесь не было. Классификация, сделанная аналитиками президентской администрации на основе результатов первых голосований в Думе, отнесла к «правым», т. е. к демократам, 29% депутатов, к «центристам» — 30%, к «левым» (в состав которых, на мой взгляд, необоснованно были включены и жириновцы) — 41%. Таким образом, была получена Дума без устойчивого большинства, какую бы политическую классификацию ни использовать⁶⁶.

Но главное заключалось в том, что новая Конституция наделила парламент значительно более ограниченными полномочиями. В вязком законодательном процессе топились некоторые

инициативы президента и правительства, в спорных случаях приходилось идти на изнурительные согласования, но решений, абсолютно неприемлемых для Ельцина, Дума принять не могла (исключение — лишь амнистия участникам событий 1991 и 1993 гг. да лихие формулировки некоторых постановлений, которые никто не собирался выполнять).

Новым российским парламентом была не только Дума, к выборам в которую было привлечено основное внимание, но и верхняя палата — Совет Федерации. В 1993 г. он в первый (и пока в последний) раз избирался всеобщим голосованием. Выборы в Совет Федерации были, конечно, политизированными, но не партийными, и сенаторы чем дальше, тем больше открепивались от фракционного деления палаты. Неизменно подчеркивалось, что СФ — место, где должны согласовываться интересы регионов. В какой мере избранные в него лица действительно представляли эти интересы — отдельный вопрос. В декабре 1993 г. в Ямало-Ненецком автономном округе был избран лишь один депутат, в Татарстане, Чечне и Челябинской области выборы не проводились. Это оказалось поправимым: уже через несколько месяцев довыборы позволили заполнить все вакантные места, кроме полагавшихся Чечне.

Представление о том, каким получился Совет Федерации в сопоставлении с Думой и обе палаты нового парламента — в сравнении с «перестроечным» Съездом, избранным в 1990 г., можно составить на основе данных табл. 9.

Прежде всего бросается в глаза исключительно высокая доля управленцев, избранных в Совет Федерации, по сравнению и с Думой, и с СНД. Причем достигнуто это было за счет верхнего эшелона, представители которого заполнили более половины мест в здании на Большой Дмитровке. Одних только первых лиц — президентов и председателей советов министров республик, глав администраций краев и областей, которые занимали эти посты в момент выборов или обрели сразу после них, — насчитывалось 66, председателей законодательных собраний — 18, не говоря уж об их заместителях и мэрах больших городов⁶⁷.

Таблица 9. Социально-профессиональный состав Съезда народных депутатов и Федерального собрания РФ, %

Состав	СНД 1990 г.	Федеральное собрание, 1993		
		В целом	Госдума	Совет Федера- ции
Руководители государственных органов, учреждений, предприятий и их подразделений	78,4	61,3	51,8	86,0
В том числе:				
верхний эшелон управления	19,6	24,2	11,7	56,7
средний эшелон управления	37,1	27,8	28,4	26,3
нижний эшелон управления	21,7	9,3	11,7	2,9
Деятели партий, иных общественно-политических организаций и движений	0,6	16,3	20,5	5,3
Работники высококвалифицированного умственного труда	13,4	11,1	13,7	4,1
Рабочие и крестьяне	5,9	1,0	1,4	0,0
Предприниматели	1,0	9,8	11,9	4,1
Прочие	0,7	0,6	0,7	0,6

Примечание

В основу таблицы положены данные табл. 3 и расчеты А. Собянина. — Архив автора. Незначительные отклонения (менее одного процентного пункта) данных, помещенных в первой колонке, от данных табл. 3 связаны с тем, что более поздние расчеты опираются на учет чуть большего числа депутатов СНД (1058 чел.) и откорректированную классификацию. База расчета — 1058 депутатов СНД, 444 — Государственной думы, 171 — Совета Федерации.

Так реализовали региональные бароны щедрый подарок президента — право совмещения постов, отказ от профессионального характера работы в СФ. На уровне всего Федерального собрания закономерный сдвиг от 1990-го к 1993-му произошел в пользу представителей партий и предпринимателей. Но и он коснулся главным образом Думы и оказался мало замечен в Совете Федерации. Не много мест нашлось и для нечиновной интеллигенции. И даже не разделяя ленинские иллюзии и не будучи приверженным коммунистической демагогии о роли пролетариата, приходилось испытывать невольное чувство неловкости от того, что в сенат не попал ни один рабочий или крестьянин. С Совета Федерации, формируемого по разнарядке, иной спрос. Но ведь в 1993 г. палату с преобладанием начальников верхних уровней дали всеобщие выборы. Это, конечно, был довольно убийственный индикатор состояния общества в большинстве российских регионов и эффективности управления поведением избирателей, хотя применение изощренных избирательных технологий еще было впереди. Смешанная система на выборах в Думу дала палату, более адекватную социально-профессиональной и политической структуре общества.

Хотя Совет Федерации, избранный в 1993 г., мало походил на одноименный орган, который был создан в 1992 г. и который Ельцин пытался использовать как противовес вырывавшемуся из рук Съезду, новоизбранной палате оказывали знаки внимания, демонстрировавшие предпочтение Кремля. Президент лично открыл первое заседание палаты. «Большинство из вас, — сказал он, — опытные политические деятели, познавшие тайны власти и способные отличить большую политику от мелкого политиканства. Вижу в вас одну из главных стабилизирующих сил российской государственности»⁶⁸. Насколько же Совет Федерации политически отличался от Думы и в какой мере он готов был идти навстречу президенту?

В верхнюю палату пришли 35 депутатов — членов ВР или поддержанных им на выборах, 16 членов или открытых привер-

женцев КПРФ, 2 — от «Яблока»», 3 — от КРО и еще по одному, представлявшему несколько других партий⁶⁹. В отличие от Думы собственно партийные выдвиженцы составляли здесь меньшинство и не могли образовать центры политической кристаллизации. Руководители субъектов Федерации, ориентированные на ВР, видели в нем не столько демократическую организацию, сколько претендента на роль «партии власти». Политическое и идеологическое размывание этой группы началось раньше и пошло быстрее, чем «демороссовской» фракции в Думе. Партийные организации ВР в регионах больше зависели от губернаторов, поведение которых определяли прагматические соображения, чем губернаторы от них. Такими же прагматиками показало себя большинство сенаторов-коммунистов. Политического многоцветья, столкновения платформ в СФ не было.

Некую демаркационную линию можно было подчас усмотреть между сторонниками и противниками президента, но те и другие составляли меньшинство, терявшееся в массе сенаторов, занятых преимущественно лоббированием местных интересов. Когда возникали острые коллизии, палата склонялась то в одну, то в другую сторону. Так, уже на первом заседании со второй попытки на пост председателя палаты 98 голосами был избран Владимир Шумейко, который энергично продвигался Кремлем, но со времен коррупционных скандалов вызывал стойкое отторжение у его противников. Его главный конкурент, выдвиженец коммунистов Петр Романов, собрал 52 голоса (в первом туре 56)⁷⁰. Контраст с главным кадровым решением Думы, которая в те же дни голосами оппозиции провела на пост своего председателя Ивана Рыбкина, попавшего после октябрьских событий в «черный список» Кремля (его дальнейшую политическую эволюцию тогда никто не представлял), был нагляден. Зато Совет Федерации не соглашался удалить Алексея Казанника с поста генерального прокурора (пока он сам не подал в отставку) и упорно противился назначению на его место Алексея Ильющенко — возможно потому, что уж слишком грубо проводилась эта опера-

ция и больно непрезентабелен был претендент. Но только 53 сенатора поддержали предложение коммунистов обратиться к Думе с предложением выразить недоверие правительству...⁷¹ Таким образом, итоги выборов в Совет Федерации и последующее поведение верхней палаты, которое во многом определял Шумейко, президент и его окружение могли рассматривать как некоторую компенсацию за неудачные результаты думских выборов.

Но главным достижением Кремля на декабрьском голосовании были результаты референдума по Конституции. О том, какое значение президент и его окружение придавали исходу референдума, свидетельствовали совсем уж безумные угрозы снять с выборов или по меньшей мере отстранить от эфира партии, призывавшие голосовать против Конституции. Как только она была объявлена вступившей в силу, президент получил почти все полномочия, которых он безуспешно добивался от Съезда, сильный механизм блокирования неприемлемых инициатив Думы и надежную защиту от нависавшей прежде, как кошмар, угрозы импичмента. В главном противостоянии, вылившемся в конституционный кризис, который лихорадил страну почти два года, была поставлена точка.

Результаты голосования по проекту Конституции в сопоставлении с итогами апрельского референдума показаны в табл. 10.

Согласно опубликованным данным, в голосовании приняло участие более половины зарегистрированных избирателей — 54,4%. За Конституцию проголосовали 57% от числа тех, кто пришли на избирательные участки, и 31% от общего числа избирателей. Как следует оценивать эти результаты с правовой точки зрения? «Правила игры», определенные президентским указом, были соблюдены, и, следовательно, Конституция была утверждена. По нормам закона о референдуме, еще не пересмотренного в то время, для утверждения Конституции требовалось большинство от списочного состава избирателей. Если исходить из этого (а именно такой логики придерживался Конституционный суд, оп-

Таблица 10. Итоги голосования на референдумах 25 апреля и 12 декабря 1993 г.

Показатель	25 апреля		12 декабря	
	«Доверяете ли Вы Президенту РФ?»		«Принимаете ли Вы Конституцию РФ?»	
	Да	Нет	Да	Нет
Число проголосовавших, млн чел.	40,4	27,0	32,9	23,4
Доля от общего числа зарегистрированных избирателей, %	37,7	25,2	31,0	22,0
Доля от числа принявших участие в голосовании, %	58,7	39,2	57,0*	40,6*
Число субъектов Федерации с преобладанием соответствующего ответа **	66	22	71	17

* В постановлении ЦИК по итогам референдума приведены иные показатели: 58,4 и 41,6% соответственно. Но этот расчет не учитывает недействительные бюллетени, составившие 2,4%.

** Голосование состоялось в 88 субъектах Федерации. В Чеченской Республике референдум не проводился. В Татарстане в апреле в голосовании приняли участие 22,6% зарегистрированных граждан, в декабре — 13,9%.

Примечание

Составлено и подсчитано по: Известия. — 1993. — 6 мая; Политический альманах России. 1997 / Моск. Центр Карнеги. — Т. 1. — М., 1998. — С. 382—387; Бюл. ЦИК РФ. — 1993. — № 10. — С. 4—5; 1994. — № 1 (12). — С. 34—38. В апреле общее число зарегистрированных граждан, имеющих право участвовать в референдуме, составляло 107,3 млн чел, в декабре — 106,2 млн чел.

ределая юридическую силу ответов на вопросы апрельского референдума), Конституция принята не была. Правда, и в президентском указе, и в документах ЦИК термин «референдум» предусмо-

трительно был заменен на «всенародное голосование». Но как по статусу, так и по последствиям декабрьское голосование, решавшее кардинальный вопрос государственного устройства, было не опросом, призванным выявить склонение общества, а, конечно, референдумом. В правовой оценке его итогов два авторитетных юриста, в разное время возглавлявшие Конституционный суд, разошлись. «Определение результатов референдума от общего списка избирателей грубо нарушает принципы народного волеизъявления, участия граждан в политическом процессе», — писал Владимир Туманов. «...Данное голосование с конституционно-правовой точки зрения никак нельзя считать референдумом... Избранное Федеральное Собрание вправе, исходя из действующего закона о референдуме, кстати; подписанного Б. Н. Ельциным, признать голосование по проекту Конституции всенародным опросом, не имеющим юридических последствий», — такова была точка зрения Валерия Зорькина⁷².

Правовая коллизия, по сути, затрагивала широкий круг вопросов. Если Конституция не была утверждена, то правовой основы лишалось и само Федеральное собрание, учрежденное этой Конституцией. Правовая дискуссия, однако, разворачивалась (и подчас вспыхивает вновь и поныне) по вопросу, который в декабре 1993 г. был решен политически. Расклад голосов «за» и «против» Конституции почти повторил наиболее благоприятные для президента итоги голосования на апрельском референдуме. Меньше было и число регионов-«отказников», хотя среди них оказались семь республик и почти все области Черноземного центра — «красного пояса» к югу от Москвы. Правда, в декабре на избирательные участки пришло примерно на 10 млн человек меньше, чем в апреле. Политически это можно было рассматривать как выражение недоверия внушительной части избирателей к власти, усиленно продавливавшей Конституцию. Но заданные условия ее утверждения, судя по опубликованным данным, были соблюдены. Спорить же о правомерности зачета результатов «всенародного голосования» по проекту Конститу-

ции, представленных, по сути, как итоги референдума, по прошествии многих лет, когда легитимность принятого решения подтверждена в ходе нескольких избирательных циклов, бессмысленно.

Кому был обязан Кремль таким результатом? Для ответа на этот вопрос надо сопоставить результаты референдума и выборов по партийным спискам. Разумеется, такое сопоставление носит достаточно огрубленный характер, но и в таком виде позволяет усмотреть относительную величину «вклада» разных политических сил в итоговые результаты. Можно предположить, что избиратели тех партий, которые призывали поддержать Конституцию, голосовали за ее утверждение. В сумме ВР, РДДР, ЖР, ПРЕС и две мелкие партии квазицентра получили 20,3 млн голосов. Прибавим к ним половину избирателей «Яблока» (хотя на деле, скорее всего, таких было меньше) и две небольших партии с расплывчатой политической ориентацией — получим 23,2 млн голосов. Против Конституции призывали голосовать КПРФ, АПР и ДПР. Их совокупный электорат — 14 млн. Вместе с половиной избирателей «Яблока», с проголосовавшими «против всех» и частью избирателей, испортивших бюллетени (на выборах — 3,9 млн, на референдуме — 1,4 млн, разница — 2,5 млн) противники Конституции могли собрать 20,9 млн. Следовательно, сторонникам Конституции надо было до полученных ими 32,9 млн голосов откуда-то добрать 9,7 млн, противникам же до 23,4 млн. — еще 2,5 млн. голосов. По-видимому, примерно в такой пропорции разложился электорат Жириновского, призывавшего Конституцию поддержать. Даже если приведенное разделение сторонников и противников Конституции по их партийным предпочтениям не вполне точно, решающий вклад тех, кого увлекла риторика Жириновского, в исход референдума едва ли можно поставить под сомнение. Расчет Ельцина, привечавшего этого беспринципного демагога для решения сверхзадачи, оказался верен — если, конечно, отвлечься от уплаченной цены.

Достаточно вероятно, что существовал еще один фактор, предопределивший желаемый результат на референдуме. В 1994—1995 гг. Александр Собянин и его сотрудники сначала в отчетах о работе Специальной рабочей группы по исследованию выборов и референдумов, созданной при Администрации президента, а затем в открытой печати в России и США опубликовали результаты своего анализа голосования на выборах и референдуме 12 декабря 1993 г.⁷³ Выводы этого исследования были убийственны. В голосованиях приняли участие не 58, а 49 млн избирателей. Это составило 46% от их общего числа. Отсюда следовал вывод, что Конституция принята не была. На уровне участковых избирательных комиссий было добавлено около 3,5 млн голосов, окружных комиссий — порядка 5,7 млн. Фиктивные избиратели возникали в результате либо массового вброса бюллетеней на участках, либо еще более массовых приписок в протоколах окружных комиссий. Прибавляя голоса, будто бы поданные за Конституцию (и, следовательно, завышая число избирателей, пришедших на участки), надо было в том же масштабе увеличить число проголосовавших за глав администраций (что, собственно, для местных властей и могло быть главным побудительным мотивом фальсификаций) и за отдельные партийные списки (выбор которых осуществлялся в соответствии с политическими симпатиями администраторов на местах)⁷⁴. Из сопоставления собранных данных по районам с итоговыми показателями Центризбиркома, по мнению исследователей, вытекал непреложный вывод, что официальные данные по результатам голосования 12 декабря 1993 г. были искажены. «Математика — наука точная, — писали авторы. — Для судьи ее выводов, возможно, и недостаточно, но для историка этот вердикт будет решающим. Впрочем, не только для историка. Ныне действующий политик тоже извлечет из этого свой урок»⁷⁵. Как отнеслись к этим разоблачениям политики?

В мою задачу не входит разбирать здесь обоснованность аргументации Собянина и его коллег. Можно лишь отметить, что

сенсационные разоблачения не вызвали, насколько мне известно, ни серьезной научной критики, ни достойного общественного отклика. Между тем ряд обстоятельств, связанных с порядком подсчета голосов, принятием решения ЦИКом и публикацией официальных данных, вызывают недоумение.

Во-первых, от апреля к декабрю число зарегистрированных избирателей (т. е. база, по отношению к которой исчисляется процент явки) почему-то сократилось более чем на 800 тыс. человек⁷⁶. Во-вторых, странные метаморфозы претерпевала информация об активности граждан. В день выборов в 17 часов было объявлено, что на избирательные участки пришли 35% избирателей, в 18 часов 21 минут — 38%. После этого сообщения об участии в голосовании прекратились, а в начале одиннадцатого часа ночи Филатов сообщил с экрана, что число проголосовавших превысило половину зарегистрированных избирателей. Согласно итоговым данным в голосовании по Конституции приняли участие 57,7 млн избирателей (54,4%). 38% — это 40,4 млн. Если все эти цифры верны, то в последние четыре часа к урнам пришли 17 млн человек. В зимний вечер такой всплеск активности не слишком правдоподобен. В-третьих, странным образом в отчетных документах ЦИК, выпускавшихся в разное время, число недействительных бюллетеней на выборах по партийным спискам было указано с разрывом в полтора раза (ни много ни мало — на 1,3 млн) — и это при том, что по всем другим позициям цифры совпадали с точностью до единицы. Невольно напрашивается предположение, что с подгонкой данных так торопились, что не позаботились об их согласовании⁷⁷. В-четвертых, суммирование данных по протоколам участковых комиссий в регионах осуществляли специальные рабочие группы, сформированные администрацией, а окружные избирательные комиссии, как правило, лишь утверждали полученные результаты. В-пятых, общий итог голосования по общефедеральному избирательному округу ЦИК подводил загадочным образом. В день, когда там это будто бы происходило, никакого заседания ЦИК зафиксировать не удалось⁷⁸.

На то, как определялись итоги голосования, проливает свет рассказ Вячеслава Костикова, в то время пресс-секретаря президента. 13 декабря (т. е. за неделю до объявления официальных итогов референдума), рассказывает Костиков, он встретил в приемной Ельцина Рябова, который «нервно перекладывал из одной руки в другую» сафьяновую папочку. В ней был «единственный листок», в который Рябов позволил Костикову заглянуть. ЦИК сообщал предварительные итоги референдума: за Конституцию подали голоса «более 50% избирателей». Рябов пробыл в президентском кабинете 15—20 минут, и сразу вслед за тем появилась официальная информация: число поддержавших Конституцию выросло до «около 60%», а через несколько дней пресс-секретарю довелось увидеть ксерокопию рябовского листка, в который пером было внесено упомянутое исправление. «Для графолога, вероятно, не составило бы большого труда определить по почерку, чья рука внесла исправление. Но я не графолог», — завершает свой рассказ Костиков⁷⁹.

Уже через несколько месяцев после декабрьского голосования ни подтвердить, ни опровергнуть его объявленные результаты не было никакой возможности. Бездальнюю попытку получить исходные данные, суммирование которых проводилось в ЦИКе, в апреле—июне 1994 г. предприняла Государственная дума. Трижды депутаты Данилов (ВР), Лукьянов (КПРФ) и Шейнис («Яблоко») направляли в ЦИК поддержанные голосованием большинства в Думе запросы о предоставлении полных данных по всем позициям, содержавшимся в протоколах участковых избирательных комиссий о результатах голосования по проекту Конституции и по партийным спискам, с разбивкой по одномандатным избирательным округам и административно-территориальным единицам. В ответ на первый запрос ЦИК прислал лишь высокоагрегированные данные (голосование по Конституции — по округам, по партийным спискам — только по субъектам Федерации), в основном уже опубликованные в печати. ЦИК сообщил также, что изучил прецеденты обращения с бюллетенями на выборах и референду-

мах, начиная с 1989 г., и распорядился их уничтожить, что и было выполнено окружными комиссиями. На второй запрос депутатов ЦИК ответил, что затребованной информации у него нет, а на третий — не ответил вообще⁸⁰.

Особого желания продолжить поиски истины по итогам голосования в «двенадцатый день декабря» никто не изъявлял. Те, кто во главу угла поставили принятие Конституции, были удовлетворены исходом референдума; в свете решения этой сверхзадачи неудачные результаты думских выборов были смазаны. Те, кто выступали против «монархической», «сверхпрезидентской» и т. п. Конституции, либо еще не оправились от шока октябрьского поражения, либо не готовы были повести отчаянную борьбу за пересмотр «правил игры», которые все же привели их представителей в парламент. Опыренный собственным электоральным успехом Жириновский не без оснований торопился за столбить свой вклад в утверждение Конституции — ведь тем самым он подтверждал кремлевским покровителям свою полезность⁸¹. В этой ситуации мало кто готов был прислушаться к разоблачениям, с которыми выступили демократические эксперты и даже поверить в беспристрастность их мотивации⁸². Едва ли, впрочем, кто-либо взялся бы предсказать, какой оборот могли принять события, если бы подтасовки были выведены наружу (если, конечно, они действительно имели место). «Вы что, хотите развязать гражданскую войну?» — спросил один политик экспертов, показавших ему свои выкладки...

Внимание же политиков, приглашенных в ночь на 13 декабря в Кремль на торжественный банкет, посвященный «встрече нового политического года», было приковано к итогам выборов по партийным спискам — самой очевидной оценке проведенной ими избирательной кампании. Первые данные, которые начали поступать с востока страны, были настолько неожиданны, что казались невероятными. Но по мере того, как информационный вал катился на запад, пробудилось и стало нарастать ощущение непоправимой катастрофы. Можно было среди ночи «по техни-

ческим причинам» погасить экраны мониторов, возвещавших о том, как демократы и прокремлевские силы терпят поражение в одном регионе за другим, сетовать на «неправильно проголосовавших» избирателей или клясть в сердцах «одуревшую Россию» и с чувством тревоги и омерзения смотреть, как гоголем ходит между столиков новоявленный победитель, но праздник был безнадежно испорчен. Президент не появился, гости разбегались. «Людей пригласили на именины, а виновник торжества умер, и теперь устроители в растерянности: что сказать гостям, расположившимся за накрытыми столами, — так комментировал ночное действо один из его участников. — Не надо заранее заказывать ужин, пока вы не знаете, что подадут». Воцарившееся замешательство, справедливо заметила Лилия Шевцова, лишь продемонстрировало, «как мало политическая элита знает свое общество»⁸³.

Этой ночью позора завершился переломный период в новейшей российской истории. На смену шли другие времена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. — М., 1999. — С. 145, 148—149.

² Reddaway P., Glinski D. Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism against Democracy. — Washington, 2001. — P. 429.

³ Указ Президента РФ № 1598 // Конституц. совещание. — 1993. — Окт. — № 2. — С. 122—123.

⁴ Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 370—372.

⁵ Указ Президента РФ № 1617 // Конституц. совещание. — 1993. — Окт. — № 2. — С. 126—127.

⁶ Указы Президента РФ № 1465 и 1504 // Конституц. совещание. — 1993. — Окт. — № 2. — С. 116—118.

⁷ Указы Президента РФ № 1723, 1760, 1765, 1797 и введенные ими положения // Конституц. совещание. — 1993. — Дек. — № 3. — С. 87—115, 125—134.

⁸ См. с. 615—624; Указ Президента РФ № 1557 и Положение о выборах депутатов ГД в 1993 г. // Бюл. ЦИК. — 1993. — Окт. — № 1. — С. 7—34.

⁹ Указ Президента РФ № 1625, Положение о внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти в переходный период и Положение о выборах депутатов СФ // Конституц. совещание. — 1993. — Дек. — № 3. — С. 64—79.

¹⁰ Указ Президента РФ № 1633 и Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции РФ // Конституц. совещание. — 1993. — Дек. — № 3. — С. 79—87.

¹¹ Эпоха Ельцина... — С. 381—382.

¹² Указ Президента РФ № 1434 // Москва. Осень-93. Хроника противостояния. — М., 1994. — С. 76.

¹³ Трудно сказать, однако, во вред или во благо Ельцину пошли бы перевыборы президента, если бы их провели на два года раньше. Вероятно, победу на них ему было бы одержать легче, чем в 1996 г. Но тогда и его уход пришелся бы на середину 1998 г. — аккурат перед дефолтом (если все остальные обстоятельства принять за неизменные).

¹⁴ Назначая Казанника, Ельцин сказал, что от генпрокурора потребуются «максимум законности, максимум справедливости, максимум гуманизма». Не прошло и полугода, как выяснилось, что представления о максимуме у президента и его назначенца сильно расходятся (Моск. новости. — 2003. — 30 сент. — 6 окт.). Небезынтересную информацию о последующих отношениях Ельцина и Казанника см.: Моск. новости. — 2004. — 28 мая—3 июня.

¹⁵ Эпоха Ельцина... — С. 389—390; *Филатов С.* Совершенно несекретно. — М., 2000. — С. 320—323. Филатов приводит без комментариев сообщение UA Postfactum: требуя от имени Ельцина и Черномырдина отставки Зорькина, он грозил председателю Конституционного суда, что «в противном случае на Валерия Зорькина будет заведено уголовное дело по обвинению в правовом обеспечении конституционного переворота». Я был в кабинете Филатова во время этого телефонного разговора и могу подтвердить, что такой ультиматум победителями был предъявлен. Иначе в той ситуации спасти Конституционный суд было бы нельзя.

¹⁶ 6 октября 1993 г. был издан указ № 1590, отменявший социальные льготы депутатам, не покинувшим Белый дом до 3 октября. Список подготовила специальная комиссия во главе с Алексеем Сурковым, изучившая стенограммы «X Съезда» и представленные МВД данные о тех, кто был выведен из здания 4 октября. Сначала в список был внесен 151 человек, но по жалобам и заявлениям 13 бывших депутатов были из него вычеркнуты (Аргументы и факты. — 1994. — № 2). Как видно, на схватку с президентом в эти дни пошел не парламент (как часто изображается поныне), а группа депутатов, едва превышавшая одну десятую его первоначальной численности.

¹⁷ Эпоха Ельцина... — С. 379—380.

¹⁸ *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution. — Ithaka; London, 2001. — P. 208.

¹⁹ Россия-2000. Современная политическая история. Хроника и аналитика. — Т. 1. — М., 2000. — С. 256.

²⁰ Бюл. ЦИК РФ. — 1994. — № 1 (12). — С. 28.

²¹ Запись на совещании депутатов демократических фракций с министрами, руководителями общественных организаций. 01.06.1993. — Архив автора.

²² Ее лидер, популярный публицист Юрий Черниченко, писавший на сельскохозяйственные темы, выдвинул свою кандидатуру в Совет Федерации от Москвы, а не от деревенской глубинки и получил солидную поддержку избирателей в столице.

²³ Здесь и далее персональный состав списков кандидатов, представленных на регистрацию, дается по: Бюл. ЦИК РФ. — 1993. — № 6.

²⁴ Записи на совещаниях депутатов демократических фракций с сотрудниками президентской администрации и членами правительства. 30.09, 02.10, 05.10, 06.10.1993. — Архив автора.

²⁵ «ПРЕС можно считать первой в полном смысле чиновничьей партией, созданной представителями исполнительной власти для отстаивания политических интересов своей корпорации... — пишет исследователь партийных структур в России Ю. Коргунюк. — В определенной степени ПРЕС можно рассматривать как клиенту С. Шахрая, превратившуюся в достаточно влиятельную силу исключительно благодаря поддержке исполнительной власти, желавшей обзавестись своего рода “запасным аэродромом” на случай, если “Выбор России” не оправдает возлагаемых на него надежд. Покровительство власти позволило Партии российского единства и согласия привлечь к себе те слои “благополучного” чиновничества, которым претил “чрезмерный” либерализм “Выбора России”, а по существу — не устраивала необходимость жертвовать какой-то частью своих интересов в угоду союзнику — либеральной интеллигенции» (*Коргунюк Ю. Г. Современная российская многопартийность. — М., 1999 — С. 244—246*).

²⁶ Весной 1994 г. мне довелось быть международным наблюдателем на первых многорасовых выборах в ЮАР. Многие избиратели были неграмотны, и поэтому в бюллетенях рядом с названием партий были помещены изображения их лидеров. В одной графе я увидел два симпатичных женских лица — белое и черное. Опыт России оказался неуникальным.

²⁷ *Коргунюк Ю. Г. Указ. соч. — С. 177.*

²⁸ Поводом к возбуждению этого дела было постановление Госсовета СССР от 6 сентября 1991 г. о признании независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Сразу вслед за этим Илюхин, дослужившийся до поста начальника управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, был уволен из Прокуратуры СССР и перешел на работу в газету «Правда».

²⁹ *Коргунюк Ю. Г. Указ. соч. — С. 288.*

³⁰ Подробнее об этом см. т. 1, с. 404—413. Г. Явлинский рассказывал мне, что когда он объявил свое решение подать в отставку, высокопоставленные чиновники ловили его в коридорах, недоуменно выпрашивая: «Ты серьезно из-за программы? Ты что, ненормальный? Ну какая разница? Разве нельзя написать

другую программу?» (Запись беседы с Г. Явлинским 19.07.2002. — Архив автора).

³¹ Большинство критиков, по моим наблюдениям, в освоении программы продвинулись не далее ее заголовка. Их коронным возражением было: как же так, за 500 дней да совершить экономический переворот?!

³² Отвечая на вопрос о своей позиции в дни осеннего кризиса 1993 г., Явлинский рассказывал: в ночь с 26 на 27 сентября я был в Белом доме и говорил с Руцким. Я пытался убедить его в том, что он должен выйти из здания и увести за собой людей, ибо Белый дом все более становится пристанищем для фашистов и идиотов. На следующий день меня разыскал Зорькин. Из предложенных мною 11 условий компромисса он и руководители регионов взяли ряд пунктов, но добавили «нулевой вариант» (возврат к ситуации до 21 сентября), которого у меня не было. 30 сентября я заявил: компромисс невозможен. Вина исполнительной власти была в том, что она позволила накопиться в стенах парламента баркашовцам, людям, уже повоевавшим в Приднестровье и т. п. Когда они перешли к нападению, я сказал: правительство обязано убрать бандитов с улиц (Запись выступления Г. Явлинского на пленуме правления СДПР 10.10.1993; Заявление (11 пунктов) Г. А. Явлинского. 24.09.1993. — Архив автора).

³³ Соответствующие показатели у Ельцина были 25 и 44%, у Руцкого — 21 и 40%, у Гайдара — 19 и 44%, у Шахрая — 19 и 33%. Правда, опрос показал еще и любопытный парадокс общественного сознания: Явлинский, занявший первое место по доверию сограждан, оказался на третьем месте, после Ельцина и Руцкого, среди тех, в ком они готовы были увидеть будущего президента (Независимая газ. — 1993. — 4 сент.).

³⁴ К этому времени Явлинский уже твердо решил бороться за пост президента. Свои возможности на президентских выборах (если они будут происходить одновременно с парламентскими) Явлинский оценивал так: меня устраивает любой вариант — если во второй тур я выхожу вместе с Руцким или Ельциным и даже если соревноваться будут Ельцин и Руцкой. В первом случае я выборы выигрываю, во втором и третьем — создаю плацдарм на будущее. Время у меня есть: мне ведь только в прошлом году исполнилось 40 лет (Записи бесед с Явлинским 23.02, 31.08 и 26.09.1993. — Архив автора).

³⁵ Маневр этот не только дурно выглядел, но и оказался бесплодным: на выборах 1999 г. блок Рогозина — Болдырева получил 0,6% голосов (Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ. 1999. — М., 2000. — С. 122).

³⁶ В. Лукин тогда работал в международном коммунистическом журнале «Проблемы мира и социализма», который официальные идеологи считали рассадником ревизионизма.

³⁷ Это назначение было произведено, по рассказу Лукина, в типичной для Ельцина залихватской манере. Лукин, читавший лекции в Гарварде, присоединился на высоком приеме к российской делегации, которая во главе с Ельциным

посетила США. Представляя одного за другим ее членов, Ельцин неожиданно произнес: а вот В. П. Лукин, наш посол в США. О таких «мелочах», как получение агремана, он, конечно, не подумал. Положение спас Д. Буш-старший, сказавший: «Мы будем рады...».

³⁸ Корзунков Ю. Г. Указ. соч. — С. 82—84, 150.

³⁹ Запись на заседании пленума правления СДРП 10.10.1993. — Архив автора.

⁴⁰ Запись на встрече Г. Явлинского с представителями РПРФ и ОПНР 10.10.1993 и на совещаниях у Г. Явлинского 12 и 13.10.1993; Проект соглашения о создании избирательного объединения «Республика» (представлен В. Н. Лысенко и К. Ф. Затулиным). — Архив автора.

⁴¹ Записи на различных совещаниях, проведенных Явлинским 08—13.10.1993. — Архив автора.

⁴² Запись на общем собрании КИАН 20.10.1993. — Архив автора.

⁴³ Координационный совет избирательного объединения. Заявление о создании избирательного объединения «Блок: Явлинский — Болдырев — Лукин». Пресс-релиз. 25.10.1993. — Архив автора.

⁴⁴ Запись интервью с Игруновым 24.06.2004; Записка Игрунова Явлинскому. 06.08.1993. — Архив автора.

⁴⁵ Вокруг конфигурации и состава списка в Совете блока шли споры, которые обретали подчас остро конфликтный характер. Партийные лидеры настаивали на том, чтобы в центральной части списка были зарезервированы для их партий высокие позиции, а сама эта часть не была чрезмерно раздутой. Необходимо, говорил Яковенко, создать надлежащую мотивацию для людей, которые работают в регионах. В центральном списке мотивация слабеет начиная с № 25, становится очень малой с № 35, а к № 45 исчезает совсем. Явлинский, Болдырев, Игрунов возражали: избиратели будут ориентироваться на лидеров, а не на партии; блок формируется не как союз партий, а как объединение профессионалов и авторитетных демократических политиков. Глубокий разлад обнаружился и среди руководителей РПРФ, пришедших в «Яблоко». В итоге было решено, что в центральную часть списка должны войти не более 35 человек, включая представителей партий и общественных организаций. По данным штаба, на 35 мест общедеральной части списка были заявлены не менее 90 претендентов, в том числе Явлинским — 20, Болдыревым — 25, Лукиным — 12, РПРФ — 10, СДПР — 15, РХДС-НД — 8. — Записи на заседаниях Совета и штаба блока 13, 16, 18, 20.10.1993. — Архив автора.

⁴⁶ Записи на заседаниях Совета и штаба блока 16, 28, 29.10.1993; 02, 10, 11, 18.11.1993. — Архив автора.

⁴⁷ Позиция, которую я защищал в те дни, была подробно изложена на страницах периодической печати. См. с. 477—491, 686—687.

⁴⁸ Аналогичное решение после долгих споров «Яблоко» примет в 1996 г.,

перед вторым туром президентских выборов, предложив избирателям самим решать — голосовать за Ельцина или «против всех».

⁴⁹ Записи на заседаниях Совета блока 01, 18, 19.11.1993.

⁵⁰ Стенограмма выступления Г. А. Явлинского на семинаре блока в Парламентском центре в Москве 20.11.1993. — Архив автора.

⁵¹ Согласно опросу, проведенному группой Леонида Кесельмана (которая в 1989 г. предсказала провал партийных иерархов на выборах в Ленинграде), Вдовина готово было поддержать значительно большее число избирателей, нежели Нестерова. С призывом к Нестерову снять свою кандидатуру в пользу Вдовина обращались известные петербургские интеллектуалы, в том числе Дмитрий Лихачев и Даниил Гранин. Нестеров не поверил данным Кесельмана и отклонил призыв деятелей культуры. На выборах Вдовин получил 62,2 тыс. голосов, Нестеров — 19,2 тыс., Невзоров — 65,6 тыс. Как и следовало ожидать, Невзоров в работе Думы не участвовал, но широко использовал доставшийся мандат в политической борьбе. Комментируя итоги выборов, Нестеров заявил: «Я рад, что не допустил в Думу свору Вдовина. Пришла другая свора, но свора Вдовина — хуже». Его поддержал Болдырев: «“Выбор России” — такая же крайность, как и красно-коричневые. И еще неизвестно, кто из них отвратительней» (Дверь во власть // Моск. застава. — 1993. — Декабрь; Моск. комсомолец. — 1993. — 28 дек.; Материалы ЦИК РФ. Результаты голосования в Государственную Думу по одномандатным избирательным округам. 1993. — Архив автора).

⁵² Исполком блока «Выбор России». Проект соглашения. Ноябрь 1993. — Архив автора).

⁵³ Запись разговоров с Л. Гозманом и Г. Явлинским 10.12.1993; Проект обращения к гражданам России. — Архив автора; Независимая газ. — 2003. — 4 нояб.

⁵⁴ Большой неожиданностью для меня оказалась одна из встреч с избирателями в ноябре 1993 г. Прежде такие встречи проходили в довольно комфортной атмосфере. Если на собрания приходили люди, сочувствующие коммунистам, то мне приходилось их защищать: «Дорогие сограждане, давайте спокойно выслушаем иную точку зрения». Теперь обструкция была направлена против меня. И всего-то я упомянул вылазки бандитов из Белого дома в сентябрьские дни. А происходило это не где-нибудь, а в Доме ученых. Знаковый характер этой перемены я тогда не оценил...

⁵⁵ Сагдеев Р. «Мне наиболее близок “Блок Явлинский — Болдырев — Лукин”...» // Альтернатива. — 1993. — № 35. — Спец. вып.

⁵⁶ Предвыборное интервью корреспонденту газеты «Век» Леониду Марголису (Век. — 1993. — 3—9 дек.).

⁵⁷ Аналитическая записка для Совета блока «Явлинский — Болдырев — Лукин». Ноябрь 1993. — Архив автора.

⁵⁸ Первый электоральный цикл в России. 1993—1996. — М., 2000. — С. 15—20.

⁵⁹ *McFaul M.* Understanding Russia's 1993 Parliamentary Elections / Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford Univ. // *Essays in Public Policy*. — [S. l.], 1994. — P. 4.

⁶⁰ Политический альманах России. 1997. — Т. 1 / Моск. Центр Карнеги. — М., 1998. — С. 368—381; Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. — М.: Центр. избират. комис. РФ, 1996. — С. 89, 162; Выборы депутатов ГД ФС РФ третьего созыва 19 декабря 1999. Электоральная статистика. — М.: Центр. избират. комис. РФ, 2000. — С. 121, 173. Характерно, что в главных политических центрах — Москве и Санкт-Петербурге — доля пришедших на выборы была несколько ниже, а недействительных бюллетеней — выше, чем в среднем по стране.

⁶¹ *Млечин Л.* Кремль, президенты России: Стратегия власти от Б. Н. Ельцина до В. В. Путина. — М., 2002. — С. 384. Впрочем, расположение Ельцина к Шахраю тоже не было постоянным.

⁶² Парламентские выборы в России. Мониторинг освещения выборов российскими СМИ / Доклад Европейского института средств массовой информации. Февраль 1994. С. 96—97. — Архив автора.

⁶³ Политический альманах России. 1997. — Т. 1. — С. 368—381; Выборы депутатов Государственной Думы. 1995... — С. 89, 162; Выборы депутатов ГД ФС РФ третьего созыва 19 декабря 1999... — С. 121, 173.

⁶⁴ *Шевцова Л.* Указ. соч. — С. 157.

⁶⁵ Подсчет по данным табл. 8.

⁶⁶ Политические блоки и представительство интересов в Государственной Думе. Аналитическая записка. 1994. С. 2—3. — Архив автора.

⁶⁷ Подсчитано по: Совет Федерации первого созыва. — М.: Совет Федерации РФ, 1994. — С. 29—204; Федеральное собрание: Справочник. — М.: Фонд развития парламентаризма в России, 1995. — С. 47—71. Из 66 глав администраций, участвовавших в выборах в СФ, 58 получили искомые мандаты и лишь 8 проиграли (*Собянин А. А., Суховольский В. Г.* Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991—1993 гг. — М., 1995. — С. 48).

⁶⁸ Совет Федерации. Заседание первое. 1994. Стенографический отчет. — М., 1995. — С. 11.

⁶⁹ Подсчитано по источникам, указанным в примечании 67.

⁷⁰ Возможно, большинство колебнулось в пользу Шумейко потому, что тот в своих выступлениях подчеркивал: Совет Федерации — законодательный орган, призванный отказаться от порочной практики принятия политизированных и идеологизированных законов (Совет Федерации. Заседание первое... — С. 114, 142, 143).

⁷¹ Федеральное собрание: Справочник. — С. 38.

⁷² Конституц. совещание... — № 1. — С. 159; № 3, С. 79—87; Конституц. вестн. — 1994. — № 1 (17). — С. 17; Бюл. ЦИК РФ. — 1993. — № 10. — С. 4—5; 1994. — № 1 (12). — С. 34—38.

⁷³ Собянин А. Тайна выборов 12 декабря: За кого и как проголосовала Россия в декабре 1993 г. — Архив автора; Сегодня. — 1994. — 10 марта; Любарский К., Собянин А. Фальсификация-3 // Новое время. — 1995. — № 15; Sobyenin A., Gelman E., Kaiunov O. The Political Climate of Russian Regions: Votes and Deputies. 1991—1993 // The Soviet and Post-Soviet Rev. — 1994. — Vol. 21. — № 4. Впоследствии материалы этих исследований в контексте всех выборов и референдумов, происходивших в России в 1991—1993 гг., были изложены в обстоятельной монографии: Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991—1993 гг. — М., 1995. Авторы сумели собрать обширный массив данных о результатах всех четырех голосований, состоявшихся в 785 административных единицах (районах, городах и т. п.) 23 субъектов РФ с общей численностью включенных в списки для голосования 30,6 млн избирателей (около 29% от их числа в России).

⁷⁴ Собянин А., Суховольский В. Указ. соч. — С. 78—102.

⁷⁵ Любарский К., Собянин А. Указ. соч. — С. 10. Авторы исходят из того, что все дополнительно засчитанные голоса были поданы за Конституцию, а по партийным спискам — в соответствии с политическими симпатиями подводивших итоги голосования комиссий. Поэтому, полагают они, избирательный успех ЛДПР тоже преувеличен. Надо отметить, однако, что определить, как выглядел в действительности баланс фальсификаций за и против Конституции, если они были столь масштабны, едва ли возможно. Авторы «Эпохи Ельцина» справедливо отмечают, что от избирательных комиссий на местах, где сохранялись прежние идеологические ориентации, скорее можно было ожидать подтасовок против Ельцина, чем за него (Эпоха Ельцина... — С. 382).

⁷⁶ Политический альманах России. 1997. — Т. 1. — С. 384, 387.

⁷⁷ Сначала в протоколе ЦИК число недействительных бюллетеней было определено в 2,6 млн, а потом — в 3,9 млн. Из сопоставления всех содержащихся в протоколах данных вытекает, что если бы была верна первоначальная цифра, то пришлось бы допустить, что, получив бюллетени по партийным спискам, избиратели унесли с собой рекордное их число — 1,8 млн, тогда как при голосовании по Конституции — около 0,5 млн. См. первую сноску к табл. 10.

⁷⁸ Члены ЦИК с совещательным голосом от ВР и «Яблока» А. Собянин и О. Каюнов, сменяя друг друга, весь день, когда были объявлены итоги выборов в Думу, дежурили у закрытых дверей помещения, где должно было происходить заседание. Если заседание и было созвано, то в другом месте и без приглашения — вопреки действовавшему Положению о выборах — членов ЦИК с совещательным голосом. Официальный протокол по выборам в парламент был оформлен лишь 25 декабря, в нем указано присутствие только членов ЦИК с ре-

шающим голосом. Итоги референдума были утверждены 20 декабря. Присутствие А. Собянина и О. Каюнова протоколом не отмечено (Протокол № 52 заседания ЦИК о результатах всенародного голосования по проекту Конституции РФ; Протокол № 55 заседания ЦИК по выборам в СФ и ГД Федерального Собрания РФ. — Архив автора).

⁷⁹ Костиков В. Роман с президентом. — М., 1997. — С. 266—267.

⁸⁰ Следует отметить, что первый запрос был утвержден на заседании Думы 21 апреля, а ответ ЦИК, датированный 10 мая, сообщал, что бюллетени были уничтожены в апреле—мае. Что же касается протоколов участковых и окружных избирательных комиссий, данные из которых не могли миновать компьютеры ЦИКа, то они, гласил официальный ответ, переданы на хранение в архивы местных органов исполнительной власти, а Дума получила все, что имеет ЦИК,у предписывал закон. Чуть позже я задал тот же вопрос в прямом эфире ТВ Александру Вишнякову, в то время секретарю ЦИК. Мой собеседник ответил, что пришел на работу в ЦИК, когда обмен письмами между Думой и его учреждением уже завершился, и за действия его руководителей отвечать не готов (Переписка между ГД и ЦИК. — Архив автора).

⁸¹ Характерно, что жириновцы практически в полном составе отказались поддержать запрос в ЦИК, чувствуя, возможно, что пересмотр данных ничего хорошего им не принесет.

⁸² С. Филатов, возглавлявший Администрацию президента, выступая по телевидению, объявил о разрыве контракта с экспертами — авторами данного исследования, а одна демократическая газета, приписав им участие в сложной политической игре на обострение ситуации, назвала их публикацию «провокацией по неосторожности» (Общая газ. — 1994. — 13—19 мая).

⁸³ Шевцова Л. Указ. соч. — С. 152.

послесловие

Двадцать лет спустя

Далеко уж отплыли от той стороны,

Но и эта еще не видна.

«Мы из Игарки»¹

В конце 1993 г. победители, политический класс, все общество пережили тяжелый психологический шок. Шоковую — теперь уже не терапию, а хирургию — в сентябре—октябре. Шоковую реакцию общественного организма — на декабрьских выборах. Потрясение было сильным. Но очень многое из того, что стало происходить в последующие годы, оказалось хуже, чем можно было представить по горячим следам событий. Тогда многие надеялись, что все происшедшее станет хотя и дорогой, но последней ценой, уплаченной Россией за избавление от тоталитаризма.

Свою цену платили все — Германия, Япония, страны, переходившие от авторитарных, диктаторских режимов к демократии в последние десятилетия XX века. Многие из них, в том числе и те, что начинали собственный демократический транзит примерно в то же время, что и Россия, прошли по этому пути значительно дальше, чем она. Во многих странах Южной и Восточной Европы, Латинской Америки возникла независимая судебная система, проводятся свободные выборы, не раз совершался мирный переход власти к оппозиционным партиям.

«Мы (страна, общество) не попали в царство демократии с провозглашением политических и гражданских свобод, но “только” (при этом не слишком твердо, не слишком осознанно) вступили на долгий и трудный путь формирования демократических порядков, *поиска* способов их укоренения на отечественной почве, — пишет Юрий Левада. — Этим шагом ознаменован весь исторический по любым меркам поворот конца 1980-х годов. И именно он оказывается под угрозой в условиях “упорядочения”»². Последнее как раз и внушает самые серьезные опасения. Речь идет не просто о замедленном движении на пути к демократическому и гражданскому обществу, не об отставании на такт, скажем, от Польши, как, кажется, надеется Егор Гайдар³, и даже не о неизбежных деформациях в экономическом и политическом развитии, каких было немало в 1980—1990-х годах, а о явно выраженных признаках реставрации прежних порядков. В этом отношении начало нового века от 1980—1990-х годов отличается качественно.

Настоящий парламент, новая Конституция, избирательный закон, пролагающий путь к современной политической системе, — так заявляла о себе нарождавшаяся российская демократия. Инволюция каждого из этих институтов очевидна. «Самое большое разочарование, — с горечью говорит Александр Яков-

лев, — это, наверное, наш парламентаризм»⁴. Конституцию 1993 г. демократы оценили по-разному. Но теперь, когда и она оказалась под угрозой ползучей ревизии, многие ее вчерашние противники встали на защиту неприкосновенности Основного закона, справедливо полагая, что как от прямых его изменений, так и от законов, «подправляющих» конституционные нормы, теперь ничего хорошего ждать нельзя. Избирательное законодательство меняют таким образом, чтобы получить не только послушный парламент, но и управляемые политические партии. И трудно сказать, что является более грубым искажением демократических принципов: профанация выборов парламентских учреждений или вообще изничтожение выборного начала при формировании исполнительных органов, в которых, собственно, и сосредоточена реальная власть. Если к этому добавить, что и правосудие превращается в «басманное», когда высшая власть недвусмысленно предъявляет суду свой заказ, становится ясно, что к реальной жизни записанное в Конституции разделение, взаимоуравновешивание ветвей власти отношения не имеет.

Восстанавливается и идеологический контроль государства. Каналы информации сначала были перекрыты «на входе» (ограничен доступ журналистов к сведениям, которыми владеют государственные институты), а затем и «на выходе», особенно к массовой аудитории. И уже не учитель, а чиновник в министерстве, уловив знак высочайшего неодобрения, решает, по каким учебникам не следует обучать детей нашей истории. Сигналы, поступающие сверху, послушно исполняются и во многих негосударственных системах — в редакциях, издательствах и даже книгопроводящей сети. В итоге одно из самых ярких достижений перестроечных и постперестроечных лет — публичная политика — уходит из нашей жизни.

Закономерно возникает вопрос: так ли уж далеко мы отчалили от «той стороны» и, более того, не возвращаемся ли к тому же берегу, от которого ушли в середине 1980-х годов? Голоса тех, кто так думает, звучат все настойчивее и громче. А если так,

что же принесли годы «бури и натиска» в российской политике? Были ли они действительно переломными, как озаглавлена эта книга? Или правы «почвенники», и вековые стереотипы общественной организации, сознания и поведения возвращают Россию «на круги своя»? И мы отягощены собственной историей — XX века и многих прошлых веков, давно ушедших поколений — «чужим горем», как называл это А. К. Толстой?..⁵

В начале XXI века это, на мой взгляд, самый главный и трудный вопрос. Я не настолько самонадеян, чтобы утверждать, что знаю на него ответ. Но все же некоторыми соображениями хотел бы с читателем поделиться.

Цикличность российской истории (реформа — контрреформа) отмечена давно и не мною. В ликвидации всяческих свобод, в упразднении всех либеральных ценностей, в создании законченной самодержавной политической системы Россия в XX веке свой путь прошла. Прошла дальше, чем какая-либо другая страна, принадлежащая к европейской, иудеохристианской цивилизации. Путь этот лишь теоретически был прочерчен социалистической утопией, а на практике был реализован большевиками, освободившими эту утопию от всех присущих ей гуманистических элементов⁶. Но не случайно в правящих кругах партии-государства стало возникать, хотя и с запозданием в несколько десятилетий, понимание (может быть, точнее, догадка, прозрение), что дальше идти по этому пути нельзя, что в конце его — исторический тупик. Так пришла перестройка.

Социологический мониторинг, проводимый с середины 90-х годов, показывает, что большинство наших сограждан перестройку и последовавший за ним период реформ оценивает более негативно, чем время не только застоя, но и Сталина. Более 60% респондентов считают, что в 80—90-х годах было «больше плохого», тогда как в эпохе Брежнева почти половина их видит «больше хорошего»⁷. Отторжение перемен, новых условий жизни («дискомфорт свободы»), в которые миллионы людей неожиданно для себя были вброшены, реакция на «рыночный больше-

визм», методами которого эти условия утверждались, — таков один из главных факторов смены лиц и декораций на российской политической сцене в начале нового века. Свою долю ответственности за то, кто и как проводил реформы, во всяком случае при Ельцине, несут все демократы — и те, кто участвовал в их проведении, и те, кто их критиковал.

Возражения вызывают, однако, политические спекуляции тех, кто задним числом сводит счеты с реформаторами и оправдывает собственное бездействие или, того хуже, сопротивление переменам. Счет демократическим политикам рубежа 1980—1990-х годов предъявляют — конечно же, от имени народа — и их политические противники (что вполне естественно), и демагоги, чуть позднее потянувшиеся к власти, и, что особенно досадно, известная часть либеральной интеллигенции в России и за рубежом. Это, по-моему, несправедливо и нечестно. Во-первых, счет эти последние предъявляют всем демократам, не желая вникать в немаловажные различия между лицами и организациями. Во-вторых, что еще важнее, счет выписан без оглядки на исторический контекст. В «эпохе Ельцина» надо различать разные фазы. Одно дело — до конца 1993 г., когда вопрос: «Кто — кого?» еще не был решен и точка невозврата к «зияющим высотам» не была пройдена. Тенденции, которые стали ныне стремительно разворачиваться, проявились бы гораздо раньше и более злокачественно, если бы победил тот или другой эшелон реваншистов, будь то гэкачеписты или большинство в ВС РФ, сложившееся к 1993 г. И совсем другое дело, когда власть после 1993 г. и особенно после 1996 г. консолидировалась, а национал-коммунистическая оппозиция утратила шансы вернуться во власть. Тогда те демократы, которые отвергали не робость Ельцина, как радикалы в 1992—1993 гг., а как раз его склонность к силовым приемам, пренебрежение к парламенту и парламентаризму, стали переходить в жесткую оппозицию.

Но наступление нового этапа в истории России проистекает не только из усталости и разочарования народа, как бывало пос-

ле всех революций. Оно имеет и иной источник. Имя ему — преемственность. Нельзя не видеть, что новое, молодое поколение руководителей государства — наследники «по прямой» вовсе не демократов, а того эшелона более или менее просвещенной бюрократии, который в 1980—1990-х годах пришел на смену заско-рузлой, дуболомной сталинско-брежневской номенклатуре. Наследники и по сценарию непосредственной передачи власти, и, что еще важнее, по социальной, «государственнической» природе, по убеждениям, по имманентному тяготению решать сложные вопросы силой, укреплением пресловутой вертикали власти. В этом отношении они оказались последовательнее и грубее тех, у кого переняли власть. Известную роль, по-видимому, играет и то, что персонально костяк власти в значительной мере рекрутирован из чекистских структур, заслуживших самую недобрую славу в до-перестроечные времена.

Если даже допустить, что власть стремится доступными ее пониманию методами преодолеть хаос и анархическое своеволие предшествующего периода, ответить на вызовы, которые не остерегались бросать Кремлю региональные элиты, «олигархи», оппозиционные политики, журналисты, то очевидно, что средства, к которым она прибегает, не соответствуют цели. Наведение порядка, преодоление центробежных тенденций, восстановление государственной дисциплины — все это, безусловно, необходимо и действительно получает одобрение большинства населения, охваченного ностальгией по «порядку». Революционер Маркс был не слишком снисходителен, когда издевался над отказом французских буржуа от парламентарного режима, над их тягой к порядку, который шел на смену революционным катаклизмам 1848—1849 гг. Но он оказался исторически прав, предсказав, к каким роковым последствиям поведет установление антилиберальных порядков, некоего прообраза режима, который сто с лишним лет спустя получил имя «делегативной демократии»⁸.

Это было справедливо для Франции середины позапрошлого века. Те же исторические закономерности действуют в России ве-

ка нынешнего. Средства, которые мобилизуются как будто бы для модернизации страны, уводят от достижения цели. Они по сути антимодернизационны. Сосредоточение государственной власти в одном центре, постановка под его жесткий контроль важнейших общественных процессов, вырождение федерализма, вытеснение с политической арены всех самостоятельных акторов, превращение парламента и судебной системы в инструментарий власти исполнительной, ликвидация независимых СМИ — т. е. уничтожение или умаление неперенных атрибутов современного общества, делают систему ригидной, неспособной адекватно реагировать на внешние и внутренние возмущения, которые неизбежно заявят о себе. По видимости она более прочна, а на деле крайне уязвима, мало приспособлена к сохранению балансов в ситуации, заведомо подверженной быстрым и неожиданным изменениям⁹.

Конечно, никто не знает, как долго продлится наступивший в начале нашего века цикл и как далеко зайдет исторический откат. Можно надеяться, однако, что следующая демократическая волна поднимется с более высокого уровня общественного сознания, понимания вещей, да и материальных, организационных предпосылок, чем тот, с какого стартовала перестройка. Что сохранятся к тому времени очаги гражданского общества, которые были жестоко вытоптаны при большевистской власти. Сказывается, конечно, наша история: социальная материя на данном перегоне податлива к установлению режима, для обозначения которого рептильные политологи ввели оксюморон «управляемая демократия». Но у режима этого нет и, надеюсь, не будет ни механизмов устрашения, парализующих всякое сопротивление, ни того запаса времени, которое история отвела большевистскому эксперименту. Перечеркнуть, вытравить из социальной памяти нынешних поколений, особенно молодежи, тот порыв к свободе, который ярко проявился в годы перестройки и постперестройки, и сделать это так основательно, как когда-то разобрались с общественно-политическим и духовным капиталом, который Россия накопила в первые полтора десятилетия XX ве-

ка, вряд ли кому-либо удастся. В этом непреходящее значение и оправдание бурного и противоречивого переломного периода нашей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга детского творчества, написанная по плану и замыслу А. М. Горького (М., 1938).

² *Левада Ю.* Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестн. обществ. мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 2 (70). — С. 8—9.

³ Независимая газ. — 2004. — 17 сент.

⁴ Независимая газ. — 2003. — 2 дек.

⁵ *Толстой А. К.* Чужое горе // *Толстой А. К.* Собр. соч. — Т. 1. — М., 1963. — С. 252—253.

⁶ Говорить после Бердяева о том, почему западная по происхождению теория дала всходы на российской традиционалистской почве, излишне (см.: *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990).

⁷ Вестн. обществ. мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 1 (69). — С. 20—21.

⁸ *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 8. — С. 115—217.

⁹ «Мне представляется, — пишет Иммануэль Валлерстайн, один из наиболее авторитетных современных авторов, — что социум первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все виденное нами в веке XX-м» (*Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М., 2003. — С. 5).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Леонид Иванович I 195, 200, 211, 249, 353, 355, 401—405, 407, 408, 421, 460
Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович I 313; II 64, 267, 537, 549—551, 572
Абуладзе Тенгиз Евгеньевич I 194
Авалиани Теймураз Георгиевич I 353
Авен Петр Олегович I 643, 644, 646, 662; II 439
Аверинцев Сергей Сергеевич I 222
Аганбегян Абел Гезевич I 408
Адамович Александр (Алесь) Михайлович I 121, 225; II 562
Адров Алексей Николаевич II 28, 113
Адров Валерий Михайлович I 315
Айтматов Чингиз I 194
Айхведе Вольфганг I 19, 267
Акаев Аскар I 560
Акимов Николай Павлович I 154
Аксенов Александр Никифорович I 161
Аксенов Василий Павлович II 665, 666
Аксючиц Виктор Владимирович I 501, 681, 690—693; II 56, 147, 161, 166, 290
Александр II (Романов Александр Николаевич) I 137
Александров Александр Данилович I 220
Алексащенко Сергей Владимирович II 285
Алексеев Андрей Николаевич I 14, 19, 62, 124, 150
Алексеев Сергей Сергеевич I 603; II 324, 325, 331, 332, 339, 340, 347, 358, 363, 377, 396, 399, 406, 408—410, 457, 458, 467, 472, 474, 500, 503, 618
Алексий II (Ридигер Алексей Михайлович) II 543, 544
Алкснис Виктор Имантович I 386; II 101
Алферов Жорес Иванович I 250
Альенде Сальвадор I 81
Амальрик Андрей Александрович I 59, 62; II 64

Амбарцумов Евгений Аршакович I 510; II 28, 113, 424, 426
 Аметистов Эрнест Михайлович II 264, 286
 Андреева Нина Александровна I 109—111, 150, 339, 498, 672
 Андронов Иона Ионович II 268, 286, 287
 Андропов Юрий Владимирович I 43, 91—93, 479, 627; II 638
 Анна Иоанновна I 306
 Анпилов Виктор Иванович I 688; II 536, 554, 574, 654
 Антоний Марк II 234
 Арбатов Георгий Аркадьевич I 222, 250, 628, 630
 Аристотель II 493
 Арутюнов Михаил Георгиевич II 185, 595, 597, 598, 600—604, 606, 608—613, 627
 Асанбаев Е. М. I 565
 Аслаханов Асланбек Ахмедович II 426
 Астафьев Михаил Георгиевич I 553, 681, 690, 692, 693; II 55, 88, 89, 101, 147, 178, 211, 219, 245, 452
 Афанасьев Виктор Григорьевич I 194
 Афанасьев Юрий Николаевич I 119, 121, 123, 202, 224—230, 232, 233, 282, 337, 417, 504, 556, 558, 679, 682, 683, 685, 687; II 120, 121, 126, 131, 148, 181
 Афанасьевский Николай Николаевич II 505
 Ахеджакова Лия Меджидовна II 562
 Ахматова (Горенко) Анна Андреевна I 228
 Ачалов Владислав Алексеевич II 132, 533, 550, 575

 Бабаев Бронислав Дмитриевич II 575, 577
 Бабкин Валерий Вениаминович II 267
 Бабурин Сергей Николаевич I 378, 389, 484, 485, 503, 549, 578, 611, 614, 688, 690, 701; II 62, 64, 74, 101, 151, 160, 189, 206, 220, 290, 414, 552
 Бакатин Вадим Викторович I 304, 459, 460, 503, 537, 622, 629, 630

Бакланов Григорий Яковлевич I 121, 123, 129
 Бакланов Олег Викторович I 536
 Балала Виктор Алексеевич II 588, 593, 594, 612
 Балгорн Иван II 616, 627
 Баранников Виктор Павлович I 626; II 441, 443, 447, 498, 533, 550, 575
 Баркашов Александр Петрович II 554
 Барсуков Михаил Иванович II 519
 Басиладзе Олег Валерьянович II 114, 650
 Басс Валентин Иванович I 272
 Батищев Генрих Степанович I 624
 Баткин Леонид Михайлович I 147, 155, 504, 556, 624, 682, 683, 696; II 121, 122
 Батурин Юрий Михайлович II 258, 517, 524, 540, 569, 583, 594, 618, 619
 Безансон Ален I 116, 154
 Безруков Игорь Александрович II 185
 Бейкер Джеймс I 482
 Бейли Чарльз I 507
 Бек Александр Альфредович II 661
 Белов Василий Иванович I 194, 248
 Белозерцев Сергей Владимирович I 230
 Белоцерковский Вадим Владимирович II 612
 Беляев Анатолий Александрович I 371; II 185
 Бендукидзе Каха Автандилович II 393
 Бенов Геннадий Матвеевич II 330
 Бергер Михаил Львович I 407
 Бергман Ингмар II 631
 Бердяев Николай Александрович II 733
 Берелович Алексей I 664
 Беренс Уильям I 329
 Бериташвили Давид Ревазович I 216
 Бернштам Михаил Семенович I 624
 Бессмертных Александр Александрович I 460
 Библер Владимир Соломонович I 504; II 131
 Биккенин Наиль Бариевич I 194
 Биленкин Борис Исаевич II 570
 Бисмарк Отто фон II 565, 572
 Блохин Александр Викторович II 185
 Блохин Юрий Николаевич I 504
 Бобовиков Ратмир Степанович I 162
 Бовин Александр Евгеньевич I 626, 628, 630
 Богомоллов Олег Тимофеевич I 220
 Богомоллов Юрий II 575
 Богораз Лариса Иосифовна I 624
 Боксер Владимир Оскарович I 684; II 327
 Болдин Валерий Иванович I 194, 247, 355, 461, 477, 498, 504, 522, 536

Болдырев Юрий Юрьевич I 229, 230, 232, 235, 363; II 298, 453, 454, 660, 663—
 666, 674, 675, 677, 678, 682, 720—722
 Бондарев Юрий Васильевич I 504
 Боннэр Елена Георгиевна I 504, 682
 Бородин Олег Петрович I 685
 Бородин Павел Павлович II 628
 Борщев Валерий Васильевич II 667, 678
 Боулдинг Кеннет I 571
 Бочаров Михаил Александрович I 251, 269, 402, 404
 Брагин Вячеслав Иванович II 113, 175, 701
 Браков Евгений Алексеевич I 168
 Брандыс Мариан II 89, 127
 Братищев Игорь Михайлович II 184
 Браун Арчи I 19, 93, 151, 205, 249
 Бредбери Рэй Дуглас I 148
 Брежнев Леонид Ильич I 60, 91, 125, 208, 209, 360, 400, 626, 628; II 256, 729
 Брехт Бертольд I 146
 Бродский Иосиф Александрович I 90, 151
 Брюнинг Генрих II 197
 Брячихин Алексей Матвеевич I 334
 Бугаев Сергей Кузьмич I 272
 Бузгалин Александр Владимирович I 337, 688; II 577
 Булгаков Михаил Афанасьевич I 143
 Булдаев Сергей Николаевич II 187
 Бунич Павел Григорьевич I 222, 354
 Бурбулис Геннадий Эдуардович I 17, 225, 232, 233, 251, 308, 311, 328, 329, 483,
 503, 510, 603, 604, 617, 649, 650, 671—677, 700—702; II 23—25, 27, 28,
 35, 53, 55, 56, 61—63, 109, 111, 112, 128, 130, 172, 188—190, 220, 231,
 318, 367, 440, 498, 518, 646, 648
 Буркалева Ольга I 500
 Бурлацкий Федор Михайлович II 590, 653
 Буртин Юрий Григорьевич I 163, 165, 166, 169, 504, 682, 683; II 120, 121, 608,
 610, 611
 Буш Джордж (старший) I 482, 617; II 103, 721
 Бызов Леонтий Георгиевич II 136

 Ваксберг Аркадий Иосифович II 230
 Валенса Лех I 678
 Валлерстайн Иммануэль II 733
 Варга Евгений Самуилович I 58
 Варенников Валентин Иванович I 504, 537
 Варов Владимир Константинович I 613
 Васильев Иван Афанасьевич I 194
 Вахнина Людмила Всеволодовна I 215; II 671
 Вашингтон Джордж I 691

Вдовин Юрий Иннокентьевич II 680, 722
 Ведерников Николай Трофимович I 378
 Везиров Абдул-Рахман Халил оглы I 61
 Велихов Евгений Павлович I 195, 252
 Венгеров Анатолий Борисович II 420
 Вернер Манфред II 504
 Вешняков Александр Альбертович II 725
 Винников Александр Яковлевич II 577
 Виноградова Ирина Викторовна I 700; II 163
 Витрук Николай Васильевич II 264, 286
 Витте Сергей Юльевич I 21, 27, 40
 Владимов (Волосевич) Георгий Николаевич I 624
 Владиславлев Александр Павлович II 114, 444, 653
 Власов Александр Владимирович I 301, 303, 304, 309, 328, 355
 Власов Дмитрий Георгиевич I 272
 Власова Лидия Михайловна I 272; II 580, 594, 621
 Водолазов Григорий Григорьевич I 624; II 499, 522, 523
 Воевода Юрий Евгеньевич I 615
 Войнович Владимир Николаевич I 624
 Волков Борис А I 215
 Волков Вячеслав Васильевич I 700; II 209, 506, 570, 615
 Волков Дмитрий II 568
 Волков Леонид Борисович I 17, 107, 152, 308, 315, 317, 328—330, 376, 377, 510, 513, 575, 624; II 24, 35, 40, 114, 124, 130, 131, 230, 326, 579, 580
 Волков Михаил Иванович I 627
 Волконогов Дмитрий Антонович I 459, 619; II 114, 646
 Волконский Виктор Александрович II 285
 Вологодский Владимир Борисович I 216
 Володин Эдуард Федорович I 504
 Волькенштейн Михаил Владимирович I 219
 Волькенштейн (Аленикова) Стелла Иосифовна I 219
 Вольский Аркадий Иванович I 355, 460, 500, 698, 699; II 91, 114—116, 444, 575, 592, 653
 Воннегут Курт I 650
 Воронин Александр Геннадиевич II 390
 Воронин Юрий Михайлович I 410, 578; II 62, 170, 214, 231, 260, 271, 287, 437, 533, 536, 538, 551, 552, 560, 568, 569, 572—575
 Воронцов Николай Николаевич I 219, 269; II 113
 Воротников Виталий Иванович I 303, 317, 353
 Воцанов Павел Игоревич I 611; II 653
 Высоцкий Владимир Семенович II 127
 Вышинский Андрей Януарьевич II 426

 Газманов Олег Михайлович II 650
 Гайдар Егор Тимурович I 17, 99, 407, 574, 604, 614, 636—641, 643—650, 661—

663, 670, 671, 676, 682, 683, 698, 700, 701; II 19, 23, 25, 29, 30, 44, 53, 55, 56, 62, 63, 74, 100, 102, 105, 107—109, 111, 117, 123, 125, 129, 130, 132, 139, 141, 144, 147, 150, 152, 153, 163—167, 169, 176, 178—180, 183, 186, 188, 190—192, 274, 277, 285, 287, 288, 369, 433, 436, 440, 497, 498, 519, 536, 557, 559, 562, 568, 569, 573, 575, 645, 647, 648, 662, 674, 680, 683, 684, 697, 727

Галазов Асхарбек Хаджимурзаевич II 239

Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич I 425; II 194

Галушко Иван Васильевич I 516, 536; II 519

Гамсахурдия Звиад I 681

Гапонов-Грехов Андрей Викторович I 250

Гдлян Тельман Хоренович I 520; II 667

Гегель Георг Вильгельм Фридрих I 59, 62

Гейден Конрад II 138

Гейне Генрих I 423

Гельман Александр Исаакович I 228, 251, 355, 358

Гельман Эдуард Борисович II 185, 319, 724

Генералов Вячеслав Владимирович I 537

Герасимов Валерий Иванович I 700

Геращенко Виктор Владимирович I 654; II 110, 111, 244, 434

Гервер Михаил Львович I 216

Геремек Бронислав I 678

Герман Алексей Юрьевич II 650

Герман Михаил Юрьевич I 41, 44

Герценштейн Михаил Яковлевич I 21

Гете Иоганн Вольфганг I 65

Гефтер Михаил Яковлевич I 62, 119, 126, 127, 143, 146, 155, 227, 624, 629; II 564, 674

Гехт Юрий Григорьевич II 128, 164

Гидаспов Борис Вениаминович I 204, 205, 210, 249, 268, 370

Гинденбург Пауль фон II 360

Гинзбург Виталий Лазаревич I 222

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф I 90, 239; II 138, 360, 597

Глазьев Сергей Юрьевич II 536, 652

Глинский Дмитрий I 503, 537, 607, 618, 644, 662; II 492, 503, 576, 630

Глотов Сергей Александрович I 389; II 160

Говорухин Станислав Сергеевич I 615; II 652

Говырин Владимир Александрович I 220

Гозман Леонид Яковлевич I 272; II 680

Голдовская Марина I 110

Голль Шарль де II 358, 359, 420

Голов Анатолий Григорьевич II 667, 678

Головин Андрей Леонидович I 319, 576; II 169, 278, 279

Голушко Николай Михайлович II 519

Гонсалес Фелипе I 477

Горбачев Михаил Сергеевич I 30, 66, 91—94, 97—100, 104, 106, 108—111, 114—116, 125, 150—155, 162, 176, 186, 194, 195, 200—202, 205—210, 212, 221, 224, 225, 227, 230, 232—234, 236, 237, 239, 240, 242, 249, 251, 252, 253, 282, 295, 297, 301—305, 309, 311, 322, 323, 326—328, 330, 333, 334, 338, 340, 343, 346—350, 352—354, 356, 359—362, 368, 370, 371, 380, 392, 393, 396—403, 406—409, 411—417, 420—422, 427, 430, 431, 438—441, 447, 448, 452, 453, 455—468, 470, 472—478, 480—482, 484, 486, 490—493, 495, 497, 498, 500—502, 504, 505, 512, 517, 520—524, 528—530, 532, 536, 537, 559—561, 563, 593, 594, 598, 601—603, 605—607, 609, 611, 612, 616—618, 648, 666, 672, 679, 687; II 19, 73, 96, 101, 108, 140, 143, 305, 450, 497, 544, 562, 566, 627, 641, 651, 655, 656, 661

Гордон Леонид Абрамович I 18, 203, 211, 216, 248, 624, 655, 657, 664; II 122, 626

Горев Сергей Сергеевич I 272

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) I 143; II 733

Горячева Светлана Петровна I 468; II 101, 178

Гоцци Карло II 150

Гранберг Александр Григорьевич II 114, 185

Гранин (Герман) Даниил Александрович I 194; II 256, 722

Грачев Андрей Серафимович I 92, 151, 460, 464, 481, 500, 501, 503, 523, 536, 601, 617

Грачев Павел Сергеевич I 525; II 190, 439, 519, 561, 573, 576

Грибоедов Александр Сергеевич I 66

Гришин Виктор Васильевич I 112

Громов Борис Викторович I 504

Громыко Анатолий Андреевич I 91, 151

Громыко Андрей Андреевич I 91, 93, 97, 151

Гроссман Василий Семенович I 118, 228; II 193

Грушин Борис Андреевич I 624; II 318

Гулиев Владимир Евгеньевич II 328, 408

Гуревич Александр Викторович I 219

Гусев Георгий Георгиевич I 366

Гуслянников Василий Дмитриевич I 699; II 320

Гуськов Юрий Александрович II 190

Гутионтов Павел Семенович II 209

Гутник Владимир Петрович I 272

Гюго Виктор II 193, 230

Дабагян Эмиль Суренович I 216

Данилов Михаил Александрович II 715

Данилов-Данильян Виктор Иванович II 646

Даниэль Юлий Маркович I 624

Дашкевич Владимир Сергеевич II 646

Дементей Николай Иванович I 441

Денисенко Бэла Анатольевна I 535, 682; II 129, 239

Денисов Анатолий Алексеевич I 689; II 289, 654
 Джефферсон Томас II 129, 554
 Джилас Милован II 568
 Дзасохов Александр Сергеевич I 537
 Дзержинский Феликс Эдмундович II 638
 Дилигенский Герман Германович I 18, 627; II 626
 Догужиев Виталий Хуссейнович I 558
 Домнина Валентина Александровна II 551
 Дон Сергей Эдуардович I 402
 Доркин Виктор Иванович II 245, 247
 Достоевский Федор Михайлович I 144, 232, 248, 620, 691
 Доул Роберт I 422
 Дубчек Александр I 242
 Дудаев Джохар Мусаевич I 581, 583—588, 615; II 410
 Дудинцев Владимир Дмитриевич I 624
 Дунаев Андрей Федорович II 533 550
 Дювалье Франсуа («папа Док») II 597
 Дякин Валентин Семенович I 23, 40

 Евтушенко Евгений Александрович I 121
 Екатерина II Великая II 322
 Ельцин Борис Николаевич I 24, 26, 27, 30, 35, 39, 40, 71, 106—109, 114, 168, 206, 213, 218, 224, 228—233, 237, 247, 251, 253, 267—271, 284, 296, 301—308, 310, 311, 314, 315, 317, 320, 322, 325, 328, 344, 349, 351, 352, 357, 358, 363, 370, 371, 378, 381, 389, 394—400, 402, 404, 406, 407, 409, 411, 414, 416, 417, 419, 420, 422, 427, 436, 441, 442, 447, 448, 453—455, 459, 461, 462, 464—475, 480—486, 491, 492, 496, 498—500, 503—505, 508, 511, 514, 521, 524—527, 530, 531, 533, 534, 536, 537, 538, 540, 542, 546, 568, 569, 571—574, 576—580, 585, 586, 589, 593, 600—602, 604—606, 609, 610—614, 616, 617, 633, 643, 645, 648—651, 654, 663—666, 668—679, 681, 682, 685, 687, 693, 697—699, 701, 702; II 14, 18, 19, 21, 24, 25, 29, 30, 36, 43, 53, 55, 57—59, 62, 63, 69, 73, 96, 100, 102, 103, 106—111, 117, 120, 123—125, 127, 129, 130, 132, 140, 143, 150, 160—165, 167—173, 175, 176, 178, 180—184, 188—191, 199, 206, 211, 214, 221, 222, 224—229, 231, 233, 242, 243, 249, 251, 255—258, 260, 261, 265—267, 269—271, 273, 275, 276, 279, 281—283, 285—288, 292, 297, 299, 300, 305, 306, 310, 315, 320, 322, 324, 325, 329, 333, 340, 359, 360, 362, 366, 371—373, 375, 377—381, 385, 388—390, 392, 394, 395, 399, 406, 409—417, 427—434, 439, 441, 443—452, 460, 466—468, 492, 493, 497—499, 503, 515—522, 526—530, 532, 535, 538—541, 543—546, 549, 552, 556, 560—563, 566, 568—570, 573, 576, 577, 590, 618, 619, 623, 629—631, 633, 635—637, 639—641, 647, 649, 652, 654, 655, 658, 660, 665, 677, 682, 684, 691, 697, 699, 704, 711, 712, 715, 718, 720, 722—724, 730
 Ельцина Наина Иосифовна II 434
 Емельянов Алексей Михайлович I 179, 201, 234, 251

Еременко Степан Федорович I 237
Ерин Виктор Федорович II 320, 519
Ермаков Николай Спиридонович I 153
Ефимова Лариса Львовна I 279

Железняков (Железняк) Анатолий Григорьевич II 170
Жириновский Владимир Вольфович I 456; II 28, 290, 360, 391, 392, 415, 581,
614, 657, 660, 680, 681, 701, 702, 712, 716
Жуков Георгий Константинович I 151
Жуков Григорий Семенович II 593, 594
Журинская Марина Андреевна I 216

Завгаев Доку I 580—582
Заверюха Александр Харлампиевич II 657
Задонский Георгий Иванович II 113
Задорнов Михаил Михайлович I 402, 404, 662; II 285, 661, 673
Зайков Лев Николаевич I 204, 247
Зайцев Юрий Владимирович II 113, 506
Замятин Евгений Иванович I 255
Заславская Татьяна Ивановна I 100, 103, 152, 201, 212, 234
Заславский Илья Иосифович I 566
Затулин Константин Федорович II 651, 668, 669, 721
Захаров Алексей Константинович I 216; II 671
Захаров Геннадий Иванович II 576
Захаров Марк Анатольевич I 459; II 420, 494
Захаров Михаил Львович I 315; II 21, 27, 374
Зимянин Михаил Васильевич I 627
Зиновьев Александр Александрович I 624
Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Овсей — Герш Аронович) I 152
Золотоносов Михаил Нафталиевич II 595, 596, 598, 600—608, 627
Золотухин Борис Андреевич I 315, 613, 615; II 113, 159, 180, 284, 368, 410, 562,
580, 622, 646
Зоркальцев Виктор Ильич I 611; II 184
Зорькин Валерий Дмитриевич I 375, 376, 378, 388, 510; II 40, 172, 173, 219—
222, 233, 260, 263, 265—268, 270, 271, 275, 276, 300, 430, 488, 492, 539—
541, 563, 637, 711, 718, 720
Зыкина Людмила Георгиевна I 504
Зюганов Геннадий Андреевич I 224, 504; II 101, 219, 290, 452, 575, 601, 655,
683, 685
Зюкин Владимир Михайлович I 370

Иван IV Грозный I 629; II 286
Иваненко Сергей Викторович II 661, 673
Иванов Анатолий Степанович I 153
Иванов Вячеслав Всеволодович I 222

Иванов Сергей Николаевич I 613
 Иванов Юрий Борисович I 517
 Иванов Юрий Павлович I 656
 Ивашко Владимир Антонович I 194, 353, 354, 356, 371
 Игитян Генрих Суренович I 230, 232
 Игрунов Вячеслав Владимирович I 17, 121, 122; II 673—675, 721
 Изюмов Юрий Петрович I 123
 Илларионов Андрей Николаевич I 662; II 285
 Иловский Владимир Семенович I 36, 64
 Ильин Иван Александрович I 555, 691
 Ильюшенко Алексей Николаевич II 708
 Илюмжинов Кирсан Николаевич II 542, 543, 565
 Илюхин Виктор Иванович I 690; II 101, 656, 719
 Илюшин Виктор Васильевич II 559, 618
 Иноземцев Николай Николаевич I 625—627
 Ионеско Эжен I 90
 Исаев Борис Михайлович I 535
 Исаков Владимир Борисович I 285, 313—315, 320, 328, 329, 445, 468, 484, 501, 535, 547, 664, 695, 701, 703; II 65, 66, 101, 128, 129, 159—161, 169, 180, 189, 191, 231, 233, 272, 281, 288, 425, 427—431, 450, 458, 485, 496, 499, 518, 520, 526, 537, 565, 570, 572, 577, 657
 Искандер Фазиль Абдулович II 289
 Исправников Владимир Олегович II 21, 423, 575, 653

Кабаков Александр Абрамович I 438
 Кабанов Виктор Александрович I 220
 Каданников Владимир Васильевич II 179, 191, 256
 Казаков Василий Иванович I 284, 303
 Казанник Алексей Иванович II 636, 637, 708, 718
 Калинин Николай Васильевич I 513, 535
 Калмыков Юрий Хамзатович II 414, 626, 639, 650
 Калугин Олег Данилович I 224
 Каменев (Розенфельд) Лев Борисович I 152
 Капустин Борис Гурьевич II 499
 Караджич Радован II 321
 Карамзин Николай Михайлович I 146
 Кара-Мурза Алексей Алексеевич I 535
 Карпов Владимир Васильевич I 194
 Карпухин Виктор Федорович I 536
 Карпинский Лен Вячеславович I 371
 Карякин Юрий Федорович I 121, 222; II 256, 562
 Кастро Рус Фидель I 244; II 597
 Катаев Дмитрий Иванович I 685
 Катерли Нина Семеновна II 320
 Каутский Карл I 142—143

Каюнов Олег Николаевич II 319, 580, 594, 619, 621, 724
 Керенский Александр Федорович II 563
 Кесельман Леонид Евсеевич II 722
 Кивелиди Иван Харлампиевич I 698; II 453, 650
 Кикоть Виль Алексеевич I 378; II 129, 496, 580
 Ким Юлий Черсанович II 655
 Киплинг Редьярд II 445
 Кириченко Леонид Андреевич II 608, 610
 Киселев Евгений Алексеевич I 537; II 583
 Клопов Эдуард Викторович I 655, 657, 664
 Клушин Владимир I 109
 Клыков Вячеслав Михайлович I 504, 690, 692
 Клюев Николай Васильевич I 330
 Ключевский Василий Осипович I 665
 Клямкин Игорь Моисеевич I 308, 371
 Кобец Константин Иванович I 328, 509, 513, 535; II 439, 569
 Кобзон Иосиф Давыдович II 653
 Ковалев Валентин Алексеевич II 656
 Ковалев Сергей Адамович I 17, 315, 516, 621; II 27, 113, 124, 166, 172, 185, 256, 285, 286, 401, 426, 446, 453, 454, 499, 528, 577, 580, 618, 619, 622, 645, 648, 680
 Ковлягин Анатолий Федорович II 187
 Коган-Ясный Виктор Валентинович I 615; II 308, 320
 Кожокин Евгений Михайлович I 315; II 113, 185, 523, 580
 Козырев Андрей Владимирович I 412, 525, 603, 604, 617; II 189, 211, 231, 359, 519, 552, 646, 665
 Коковцов Владимир Николаевич I 27
 Колганов Андрей Иванович I 337, 347; II 577
 Колтон Т. Дж. II 503
 Колумб Христофор I 138
 Кольев А. (псевдоним) II 573
 Коновалов Александр Александрович I 38, 40
 Константинов Илья Владиславович I 577; II 101, 219, 556
 Копейка Александр Константинович II 231
 Копелев Лев Зиновьевич (Залманович) I 624
 Коптюг Валентин Афанасьевич I 221
 Коргунюк Юрий Григорьевич I 369; II 665, 659, 719, 721
 Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич I 368, 624; II 553, 666
 Коржаков Александр Васильевич II 233, 498, 559, 576
 Корнаи Янош I 102, 152, 636, 661
 Короленко Владимир Галактионович I 143
 Коротич Виталий Алексеевич I 263
 Корягина Татьяна Ивановна II 148
 Косова Лариса Борисовна I 271
 Косолапов Ричард Иванович I 338; II 101, 219

Костиков Вячеслав Васильевич II 63, 131, 175, 190, 191, 262, 280, 286, 287, 411, 715, 725
 Котенков Александр Алексеевич I 516; II 185, 270, 368, 619—623
 Кочеврин Юрий Бенцианович I 411
 Кочетов Всеволод Анисимович I 146
 Кравченко Леонид Петрович I 535
 Кравчук Леонид Макарович I 441, 524, 554, 562, 593, 616
 Крайко Александр Николаевич II 101
 Красавченко Сергей Николаевич II 27, 113, 306, 528
 Краснов Михаил Александрович II 580
 Краюшкин Анатолий Афанасьевич I 621
 Креймер Стенли I 148, 155
 Кромвель Оливер I 24, 608, 661
 Кручина Николай Ефимович I 355
 Крылов Иван Андреевич I 109
 Крючков Анатолий Викторович I 688
 Крючков Владимир Александрович I 122, 353, 399, 460, 461, 477, 479, 481, 498, 503, 531, 536, 537, 554, 623, 630
 Кувалдин Виктор Борисович II 192
 Кудимова Марина Владимировна II 320
 Кудрин Леонид Сергеевич I 232
 Кудрявцев Владимир Николаевич I 195, 217, 220, 492; II 387, 414
 Кудюкин Павел Михайлович I 625, 626, 630
 Кузнецов Феликс Феодосьевич I 267, 284
 Куликов Александр Николаевич II 555
 Кулиш Савва Яковлевич II 650
 Кунаев Динмухамед Ахмедович I 112
 Куняев Станислав Юрьевич II 89, 101
 Купцов Валентин Александрович I 474, 537
 Куранов Константин Васильевич I 216, 272
 Курбский Андрей Михайлович I 692
 Кургиян Сергей Ервандович II 128
 Курочкин Василий Степанович II 186, 187
 Куцылло Вероника Иосифовна II 556, 572, 574—576
 Кэрролл Льюис (Доджсон Чарлз Лютвидж) I 458

 Лавров Кирилл Юрьевич II 650
 Ладыгин В. И. I 348
 Ла Пергола Антонио II 501
 Лапин Николай Иванович I 212
 Лаптев Иван Дмитриевич I 194, 500, 558
 Лапшин Михаил Иванович II 184
 Лапшов Борис Михайлович I 228
 Ларошфуко Франсуа де II 195
 Лахова Екатерина Филипповна I 516; II 654

Лацис Отто Рудольфович I 100, 151, 354, 501, 502, 530, 535, 537; II 305, 435
 Ле Пэн Жан Мари II 658
 Лебедев-Кумач (Лебедев) Василий Иванович I 331
 Лебедь Александр Иванович I 525; II 127
 Левада Юрий Александрович I 43, 62, 367, 533, 537, 624, 660, 664; II 727
 Левашев Алексей Владимирович I 236
 Левин Илья Борисович I 18
 Левинсон Алексей Георгиевич I 272
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич I 27, 40, 109, 138, 152, 158, 248, 368, 380, 387, 512, 527, 591, 616, 688; II 88, 261, 262, 553, 616, 627, 637
 Ленчовский Роман Иванович II 32
 Леонов Дмитрий Николаевич I 121
 Лермонтов Михаил Юрьевич II 14
 Лесаж Мишель II 570
 Лец Ежи I 131; II 504
 Лжедмитрий I II 327
 Лигачев Егор Кузьмич I 91, 111, 120, 151—153, 177, 195, 209, 212, 304, 353, 354, 360, 369, 370, 475
 Лизичев Алексей Дмитриевич I 369
 Липицкий Василий Семенович II 117, 653
 Липсиц Игорь Владимирович II 285
 Лисин Владимир Павлович II 231, 307
 Лисичкин Геннадий Степанович I 100, 222, 401
 Лисов Евгений Кузьмич I 536, 537
 Лихачев Василий Николаевич II 390
 Лихачев Дмитрий Сергеевич I 214; II 722
 Лобков Павел Альбертович I 617
 Лобов Олег Иванович I 349, 370; II 437, 444
 Логунов Валентин Андреевич I 233
 Лопатин Владимир Николаевич I 363
 Лопухин Владимир Михайлович II 107, 108, 129
 Лубенченко Константин Дмитриевич II 653
 Лужков Юрий Михайлович I 334, 500; II 274, 279, 280, 320, 440, 549, 551, 552, 562, 573
 Лукин Владимир Петрович I 315, 508; II 114, 167, 171, 185, 430, 453, 575, 663, 665, 666, 677, 678, 681, 682, 720—722
 Лукьянов Анатолий Иванович I 114, 197, 233, 234, 282, 304, 305, 399, 460, 477, 511, 512, 523, 528, 537, 558, 559, 611; II 224, 238, 656, 715
 Лукьянова Елена Анатольевна II 428
 Лунин Валерий Васильевич II 185
 Луценко Владислав Игоревич II 580, 621
 Любарский Кронид Аркадьевич II 382, 412, 494, 650, 724
 Лысенко Владимир Николевич I 337, 347, 363; II 98, 113, 185, 453, 523, 590, 668, 721
 Лысенко Николай Николаевич I 693; II 102

Мазо Михаил Абрамович I 215
 Мазовецкий Тадеуш I 678
 Макаров Андрей Михайлович II 185, 220, 441, 528
 Макаров Николай Иванович II 423, 439, 440, 442, 498
 Макашов Альберт Михайлович I 338, 348, 688; II 101, 219, 533, 556, 575
 Максименко Владимир Ильич II 553
 Макфол Майкл I 19, 93, 151, 195, 248, 486, 503, 645, 663; II 493, 503, 641, 691, 718, 723
 Малкина Татьяна I 511
 Мамардашвили Мераб Константинович II 665
 Мамут Леонид Соломонович I 378
 Манохин Анатолий Николаевич I 514
 Марголис Леонид Максович II 722
 Маркс Карл I 19, 72, 130, 138, 158, 247; II 341, 409, 731, 733
 Мартиросян Вилен Арутюнович I 234
 Мартынов Владлен Аркадьевич I 509
 Марчук Гурий Иванович I 195, 220
 Мархашов Юрий Самойлович I 216
 Масарский Марк Вениаминович I 699; II 250, 501
 Мау Владимир Александрович I 654, 661, 664
 Махарадзе Валерий Антонович II 25
 Махкамов Кахар Махкамович I 441
 Медведев Вадим Андреевич I 17, 94, 120, 125, 151, 152, 154, 155, 195, 204, 207—210, 248, 249, 252, 304, 328, 336, 353, 356, 403, 420—422
 Медведев Николай Павлович I 516; II 495
 Медведев Павел Алексеевич I 315; II 167, 185
 Медведев Рой Александрович I 355, 612, 689; II 289, 654
 Меликьян Геннадий Георгиевич II 650, 651
 Мельников Александр Григорьевич I 162, 347
 Мельников Алексей Юрьевич II 661, 673
 Мельников Владимир Иванович I 161
 Менем Карлос Сауль I 213
 Меньшов Владимир Валентинович II 653
 Местр Жозеф де I 372
 Месяц Валентин Карпович I 161, 162, 370
 Мешков Александр Иванович I 499, 611; II 410
 Мидоуз Донелла I 329
 Мидоуз Дэннис I 329
 Милюков Павел Николаевич I 21, 40
 Мирабо Оноре Габриэль Рикети I 508
 Мироненко Виктор Иванович II 653
 Миронов Виктор Пименович II 16, 229, 245
 Мирский Георгий Ильич I 627
 Митрошилов Владимир Иванович (псевдоним) I 126, 127, 144, 149, 155
 Митюков Михаил Алексеевич I 516, 570; II 31, 159, 461, 495, 520

Михайлов Алексей Юрьевич I 402, 404, 662; II 661, 673
 Михайлов Сергей Андреевич II 102
 Михалевич Владимир Сергеевич I 219, 250
 Михалков Сергей Владимирович II 592
 Михник Адам I 248, 678
 Младич Ратко II 321
 Млечин Леонид Михайлович II 723
 Можаяев Борис Андреевич I 624
 Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович I 198
 Моммзен Маргарета I 19
 Монтень Мишель де I 156
 Монтескье Шарль Луи II 329, 330
 Морокин Владимир Иванович I 301, 305
 Морщакова Тамара Георгиевна II 264, 286, 401, 570, 571
 Москвич Юрий Николаевич II 368, 580
 Мощенков I 267
 Музыкантский Александр Ильич I 251
 Муравьев Игорь Владиславович II 56, 130, 185, 242, 245, 279
 Мурашев Аркадий Николаевич I 18, 201, 225, 230, 231, 233, 251; II 646, 648
 Муромцев Сергей Андреевич I 21
 Мухаметшин Фарид Хайруллович II 411
 Мушинский Виктор Оскарович II 390, 420
 Мэдисон Джеймс II 187
 Мэрфи II 629
 Мэтлок Джек Фауст (мл.) I 481, 482, 503
 Мягченкова Лидия Георгиевна I 216
 Мясников Алексей Павлович I 162

Назарбаев Нурсултан Абишевич I 112, 498, 560, 561, 563, 593, 603
 Назимова Алла Константиновна I 19, 63, 157, 247, 272, 276, 509, 513
 Наполеон I Бонапарт I 395, 527, 533; II 261, 358
 Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) II 409
 Нахапетов Марлен Александрович II 458, 472, 503
 Небылицкая Наталия Ильинична II 320
 Невзоров Александр Глебович II 680, 722
 Нежный Александр Иосифович I 515, 517
 Неизвестный Эрнст Иосифович II 666
 Некрич Александр Моисеевич I 624
 Неласов Николай Александрович I 515
 Нсмирович-Данченко Владимир Иванович II 674
 Немцов Борис Ефимович I 515; II 114, 232
 Ненашев Михаил Федорович I 355
 Нестеров Юрий Михайлович I 124; II 185, 285, 321, 420, 453, 680, 722
 Нечаев Андрей Алексеевич II 181, 369
 Нечаев Эдуард Александрович II 575

Нецадин Андрей Афанасьевич II 285
 Нибел Флетчер I 504
 Никитинский Леонид Васильевич II 502
 Николаев Михаил Ефимович II 190, 326, 451
 Николай II (Романов Николай Александрович) I 25, 27, 28, 137; II 492, 648
 Никологорский Д. II 285
 Никольский Борис Николаевич I 168
 Никонов Вячеслав Алексеевич II 341, 409, 626, 651
 Ницше Фридрих I 16
 Нишанов Рафик Нишанович I 558
 Ниязов Сапармурад Атаевич I 441
 Новиков Вячеслав Александрович II 240, 390
 Новодворская Валерия Ильинична I 685; II 636
 Носовец Сергей Анатольевич II 229
 Ноткина Татьяна Александровна I 119
 Нуждин Николай Иванович I 215
 Нуйкин Андрей Александрович II 226, 646

 Оболенский Александр Митрофанович I 230; II 595, 601, 603—605, 627
 Огородников Николай Дмитриевич II 558
 О'Доннел Гильермо I 666
 Окуджава Булат Шалвович I 121, 675; II 562
 Олейник Борис Ильич I 194, 248
 Ондар Чимит-Доржу Байырович II —187
 Ордешук Питер II 409
 Орлов Олег Петрович I 121
 Оруэлл Джордж I 62, 90, 129, 148; II 489, 575
 Осадчий Иван Павлович I 347
 Оскоцкий Валентин Дмитриевич II 562
 Охотин Никита Глебович I 121

 Павлов Валентин Сергеевич I 454, 457, 460, 461, 478—481, 498, 536, 558, 635; II 104, 575
 Павлов Иван Петрович I 143
 Павлов Николай Александрович I 692, 701; II 290
 Павлова-Сильванская Марина Павловна I 18
 Павловский Глеб Олегович II 553, 570, 573, 674
 Паин Эмиль Абрамович II 256
 Пальм Виктор Алексеевич I 229, 231, 232, 251, 417
 Пальме Улоф I 151
 Памфилова Элла Александровна I 201; II 645
 Пантин Игорь Константинович I 126; II 499
 Папен Франц фон II 197
 Паскаль Блез II 445
 Патон Борис Евгеньевич I 195

Пастернак Борис Леонидович I 143
 Перегудов Сергей Петрович I 18; II 580
 Перро Рос II 658
 Петр I Великий (Романов Петр Алексеевич) II 305
 Петраков Николай Яковлевич I 222, 407, 412, 421, 459
 Петров Николай Владимирович II 580
 Петров Юрий Владимирович I 671
 Петрук-Попик Г. М. I 613
 Пименов Револьт Иванович I 22, 40, 300, 313, 315, 328, 329, 376, 377, 389
 Пиночет Угарте Аугусто I 511; II 420
 Пирумова Наталья Михайловна II 232
 Пихоя Рудольф Германович I 536, 537, 616, 619
 Пияшева Лариса Ивановна I 100, 151
 Платонов (Климентев) Андрей Платонович I 635
 Плеханов Георгий Валентинович I 142, 368
 Плеханов Юрий Сергеевич I 537
 Плотников Владимир Константинович I 272
 Плотников Олег Витальевич II 189
 Плутарх I 538; II 234, 417
 Подопригора Владимир Николаевич II 113, 185
 Поликарпов Дмитрий Алексеевич II 536
 Полозков Иван Кузьмич I 209, 299, 301—305, 309, 348, 349, 354, 360, 370, 393, 428, 429, 445, 474, 475, 502, 537, 611
 Полторанин Михаил Никифорович II 25, 109, 189, 269, 439, 440, 499, 646
 Померанц Ленина I 19
 Пономарев Лев Александрович I 121, 263, 301, 504, 684; II 130, 181, 209, 446, 447, 646
 Попов Гавриил Харитонович I 100, 108, 151, 152, 200, 201, 214, 225—232, 235, 236, 250, 251, 307, 308, 337, 401, 417, 439, 481, 482, 500, 503, 530, 531, 537, 601, 609, 618, 637, 661, 684; II 127, 129, 181, 189, 220, 226, 232, 256, 274, 318, 453, 590, 592, 627, 649
 Попцов Олег Максимович I 199, 248, 503, 701; II 114, 175, 185, 285, 288, 434, 497, 568
 Пригарин Алексей Алексеевич I 337, 688
 Примаков Евгений Максимович I 91, 195, 220, 227, 228, 233, 234, 250, 509; II 129, 231, 575
 Прокопьев Л. П. II 498
 Прокофьев Юрий Анатольевич I 204, 249, 370, 529
 Проханов Александр Андреевич I 504; II 101
 Прошутинская Кира Александровна II 553, 662
 Прусак Михаил Михайлович I 225
 Пуго Борис Карлович I 460, 479, 481, 498, 536
 Путин Владимир Владимирович I 28, 40, 151, 537, 661; II 492, 493, 723
 Пушкин Александр Сергеевич I 66, 142, 176, 226, 247, 506

Радзиховский Леонид Александрович II 646
 Разгон Лев Эммануилович I 121, 123
 Разумовский Георгий Петрович I 194, 353
 Ракитов Анатолий Ильич II 222
 Рар Александр I 19
 Распутин Валентин Григорьевич I 504, 703; II 102, 219
 Рассел Бертран I 134
 Ребриков Владимир Андреевич II 189
 Ревенко Григорий Иванович I 492
 Реддевей Питер I 19, 503, 537, 607, 609, 618, 644, 662; II 492, 503, 563, 576, 630
 Рейган Рональд I 98, 151
 Ремингтон Томас I 19, 644, 663; II 492, 503
 Риббентроп Иоахим фон I 198
 Робеспьер Максимилиан I 24
 Рогинский Арсений Борисович I 121, 621
 Рогозин Дмитрий Олегович II 664, 720
 Розанов Василий Васильевич I 691
 Романов Григорий Васильевич I 112
 Романов Петр Васильевич II 708
 Ростропович Мстислав Леопольдович I 517; II 665
 Рохлин Лев Яковлевич I 690
 Рузвельт Франклин Делано I 411
 Румянцев Олег Германович I 316, 317, 329, 348, 377, 510, 588, 613; II 45, 98, 113, 160—162, 185, 187, 326, 327, 353, 372—375, 385, 409, 410, 413, 430, 496, 517, 518, 571, 575, 579, 589, 653, 700
 Руцкой Александр Владимирович I 472, 475, 483, 485, 500, 509, 512, 517, 553—555, 562, 585—587, 589, 671, 676, 690, 691—694, 699, 702; II 91, 111, 116, 117, 170, 172, 215, 260, 267, 268, 286, 298—300, 438—440, 442, 446, 498, 514, 520, 521, 523, 527, 530, 531, 533, 534, 537, 549, 552, 556, 557, 559, 563, 566, 569—571, 573, 575, 577, 639, 720
 Рыбкин Иван Петрович I 389, 689, 702; II 164, 167, 184, 287, 289, 654, 657, 708
 Рыжков Николай Иванович I 100, 152, 200, 212, 248, 304, 399, 403—405, 407, 408, 414, 420—422, 460, 635, 639; II 602
 Рыжов Юрий Александрович II 390
 Рыжов Юрий Алексеевич I 124, 168, 201, 230, 232, 459; II 163, 570
 Рэндерс Йорген I 329
 Рябов Николай Тимофеевич I 516; II 24, 159, 162, 189, 190, 214, 215, 224, 240, 241, 249, 268, 271, 371—373, 385, 413, 432, 442, 443, 518, 520, 582, 615, 618—623, 628, 649, 715
 Рябушинский Павел Павлович I 691

Сабуров Евгений Федорович I 649, 663; II 74
 Савостьянов Евгений Вадимович I 216—218
 Савченко Иван Сергеевич I 611; II 277
 Сагдеев Роальд Зиннурович I 214, 221, 222; II 682, 722

Саддам Хусейн I 385
 Саенко Геннадий Васильевич I 328; II 149, 219
 Сайкин Валерий Тимофеевич I 161
 Салмин Алексей Михайлович II 626
 Салье Марина Евгеньевна I 217, 682, 685; II 232, 368, 390, 415
 Самарин Владимир Иванович I 566
 Самодуров Юрий Вадимович I 121
 Самойлов (Кауфман) Давид Самойлович I 506, 511
 Самсонов Александр Сергеевич I 168
 Санько Николай Францевич I 217
 Сартр Жан Поль II 208
 Сатаров Георгий Александрович I 18; II 256, 394, 415, 497, 499, 528, 544
 Сахаров Андрей Дмитриевич I 60, 66, 70, 98, 119, 121, 149, 154, 157, 186, 199,
 213—216, 218—222, 229, 231—234, 236, 238—243, 247—252, 256, 301,
 374, 388, 417, 443, 444, 532, 624, 679; II 97
 Светов Феликс Григорьевич I 624
 Свифт Джонатан I 331
 Севастьянов Виталий Иванович II 495, 501, 656
 Севенард Юрий Константинович II 656
 Седов Леонид Александрович I 624
 Селезнев Геннадий Николаевич II 656
 Селунская Наталья Борисовна I 40
 Селюнин Василий Илларионович I 61, 100, 151, 401; II 121, 125, 226, 562, 646
 Семаго Владимир Владимирович II 656
 Семанов Сергей Николаевич I 624
 Сенокосов Юрий Петрович I 624
 Сергеев Алексей Алексеевич I 338, 475, 688
 Сергеев Юрий Самуилович I 263; II 206
 Сеславинский Михаил Вадимович II 185
 Сидоренко Юрий Сергеевич I 688; II 62, 102, 148, 149, 178
 Силаев Иван Степанович I 405—409, 411, 441, 512, 517, 635, 649, 672, 673; II
 439, 498, 661
 Сироткин Сергей Васильевич II 113
 Скоков Юрий Владимирович II 179, 260, 286, 300, 528, 575
 Скоринов Ю. I 611
 Скоробогатько Татьяна Георгиевна II 410
 Славгородский М. II 320
 Слива Анатолий Яковлевич II 651
 Слободкин Юрий Максимович I 319, 329, 389, 688; II 32, 42, 65, 74, 126, 184,
 325, 327, 372, 381
 Слюньков Николай Никитович I 353
 Смирнов Владимир Сергеевич I 504
 Смирнягин Леонид Викторович II 414—416, 450
 Смоктуновский Иннокентий Михайлович II 562
 Снегур Мирча Иванович I 441

Собчак Анатолий Александрович I 224, 232, 235, 251, 363, 460, 500, 604, 612, 684, 699; II 42, 65, 83, 126, 189, 220, 256, 281, 318, 324, 328—332, 339, 340, 347, 389, 393, 407, 408, 410, 474, 482, 500, 552, 649, 680
 Собянин Александр Александрович I 215, 250, 263, 271, 279, 281, 285, 315, 422, 502, 551, 611; II 52—54, 61, 136, 141, 149, 185, 319, 580, 597, 621, 671, 706, 713, 723, 724
 Соколов Вениамин Сергеевич II 443, 537, 549—551, 572, 575
 Соколов Михаил Владимирович I 507, 537
 Соколов Никита I 155
 Сократ II 608
 Солженицын Александр Исаевич I 624; II 256
 Соловьев Юрий Филиппович I 204
 Солон II 417
 Сорель Шарль I 143
 Сосковец Олег Николаевич II 444, 549, 560
 Соснин (Соскин) Анатолий Семенович I 62, 106
 Спиноза Бенедикт (Барух) I 89
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович I 45, 46, 58, 92, 110, 121, 122, 125, 152, 159, 239, 247, 284, 339, 356, 400, 520, 527, 528, 630, 641; II 88, 286, 327, 536, 640, 656, 729
 Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич II 674
 Станкевич Сергей Борисович I 201, 224, 229, 232, 234, 251, 337, 533, 534, 673; II 590
 Старков Владислав Андреевич II 185, 188, 262
 Старовойтова Галина Васильевна I 232, 234, 269, 502, 505, 673; II 181, 226, 590
 Стародубровская Ирина Викторовна I 661, 664
 Стародубцев Василий Александрович I 504
 Степанков Валентин Георгиевич I 536, 537, 585, 586; II 260, 636
 Степанов Виктор Николаевич II 175, 190, 267, 386, 410
 Степашин Сергей Вадимович I 516, 629
 Стерлигов Александр Николаевич I 694, 703; II 88, 101, 130, 262, 290, 554, 574, 601
 Столыпин Петр Аркадьевич I 21, 40, 137
 Страшун Борис Александрович I 378, 510; II 407, 580, 594
 Стреляный Анатолий Иванович I 110
 Строев Егор Семенович I 537
 Струве Петр Бернгардович I 368
 Струкова Елена Николаевна II 570
 Сулакшин Степан Степанович I 363, 699; II 646
 Сумин Петр Иванович II 245
 Сурдутович Григорий Иосифович I 217
 Сурков Алексей Порфирьевич II 718
 Суслов Михаил Александрович I 91
 Суханов Лев Евгеньевич II 269
 Суховольский Владислав Григорьевич II 723, 724

Сыроватко Виталий Григорьевич II 593

Табakov Олег Павлович II 562

Талейран-Перигор Шарль Морис II 283

Тамм Игорь Евгеньевич I 215

Тарасов Артем Михайлович II 676

Тарасов Евгений Александрович I 688

Таубмен Уильям I 19

Твардовский Александр Трифонович I 146

Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Ленгхорн) II 258

Темиров Умар Ереджибович II 164, 185

Терехов Станислав Николаевич II 102, 219, 514, 529, 536, 554

Тер-Петросян Левон Акопович I 441, 612

Тизяков Александр Иванович I 504, 536

Тимофеев Лев Михайлович I 121, 504

Тиунов Олег Иванович I 378

Тихонов Владимир Агеевич II 495

Тихонов Николай Александрович I 112

Тишков Валерий Александрович I 615; II 411

Токвиль Алексис де I 139

Толстой Алексей Константинович I 692, 702; II 729, 733

Толстой Лев Николаевич I 93

Топорнин Борис Николаевич I 492, 504; II 414

Торопов Владимир Иванович I 267

Травкин Николай Ильич I 234, 267, 269, 362, 554, 555, 565, 681, 698, 699; II 91, 98, 114, 115, 117, 190, 267, 293, 316, 319, 651, 652

Трапезников Сергей Павлович I 627

Третьяков Виталий Товиевич I 457, 458, 500, 617, 670, 701; II 261, 281, 286, 288, 382, 412, 415, 499, 545, 546, 572

Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович I 462

Трухан Андрей Васильевич I 272

Тулеев Аман-гельды Молдагазыевич I 203; II 102, 153, 268

Туманов Владимир Александрович II 129, 414, 651, 711

Турчин Валентин Федорович I 624

Тэтчер Маргарет II 442, 684

Тюлькин Виктор Аркадьевич I 347; II 654

Тяжлов Анатолий Степанович II 190, 410, 456

Улюкаев Алексей Валентинович I 662

Ульянов Михаил Александрович I 195, 355

Умалатова Сажи Зайндиновна I 415, 440; II 101, 219

Уражцев Виталий Георгиевич I 520

Урбан Джордж II 493, 503

Урусов Сергей Дмитриевич I 27

Уткин Иосиф Павлович II 674

Уэллс Герберт I 148

Фава Атос I 151

Фадин Андрей Васильевич I 625, 630

Фалин Валентин Михайлович I 355, 537, 559

Федоров Борис Григорьевич I 405, 407, 412, 420—422, 433, 521, 644, 662; II 435, 439, 443, 446, 704

Федоров Валентин Петрович I 703

Федоров Николай Васильевич I 585; II 249, 328, 408, 544

Федоров Святослав Николаевич II 649

Федорчук Виталий Васильевич I 627

Федосеев Иван Васильевич II 187, 371, 424

Федотов Михаил Александрович II 528

Федулова Алевтина Васильевна II 654

Фейербах Людвиг I 19

Фейхтвангер Лион I 95

Филатов Сергей Александрович I 18, 285, 301, 328, 329, 421, 515, 578, 586, 615, 700; II 21, 26, 28, 29, 115, 129, 167, 169, 188, 214, 232, 233, 260, 286, 305, 319, 369, 370, 377, 386, 387, 389, 410, 412, 430, 456, 458, 460, 461, 466, 483, 498—502, 518—520, 527, 528, 536, 549, 552, 557, 568, 570, 575, 615, 617, 621—623, 628, 637, 646, 649, 714, 718, 725

Филиппов Игорь Святославович II 626

Филиппов Петр Сергеевич I 655; II 55, 113

Фильшин Геннадий Иннокентьевич I 404, 408, 549; II 439

Фрей Герхард II 658

Хавкин Юрий Леонидович I 272

Хайдер Йорг II 658

Хакамада Ирина Муцуовна II 590

Ханин Григорий Исаакович I 41, 61, 151

Харитонов Николай Михайлович II 185

Харичев Игорь Александрович II 418, 494

Хасбулатов Руслан Имранович I 248, 314, 315, 329, 410, 468, 483—485, 503, 510, 511, 532, 535, 537, 543, 549, 560, 561, 570, 572, 576—579, 583, 585, 586, 589, 611, 613, 614, 671, 676, 685, 697; II 19, 22—24, 28, 29, 34, 36, 39, 41, 42, 45, 51, 58, 59, 61, 64—66, 104, 111, 115, 117, 124, 125, 132, 143, 151—153, 155, 159, 160, 162, 164, 168—172, 174, 176, 178, 180, 183, 185, 188—190, 206, 207, 213—215, 217, 218, 231, 232, 238, 241—245, 249, 251, 262, 266—273, 275, 282, 284, 285, 287, 288, 297, 300, 305, 306, 320, 353, 365, 371, 372, 374, 375, 380—385, 412, 413, 415, 423—427, 433, 442, 443, 453, 495, 496, 498, 514, 516, 519, 520, 522, 523, 527, 533, 536, 537—541, 549, 551, 556, 557, 559, 560, 566, 568—575, 577, 582, 588, 589, 593, 604, 700

Хаф Джерри I 19

Хелимский Евгений Арнольдович I 217, 262

Хижа Георгий Степанович II 55, 126, 179
 Холодковский Кирилл Георгиевич I 18; II 580, 626
 Холодова Валентина Павловна I 217
 Хорос Владимир Георгиевич I 271
 Хофман I 504
 Хрущев Никита Сергеевич I 46, 93, 210, 215
 Хубиев Владимир Исламович II 413
 Худоназаров Давлатназар I 612

Цалко Александр Валерьянович I 509
 Цанн-кай-си Федор Васильевич I 315, 319, 379, 380
 Цезарь Гай Юлий II 234, 283
 Целмс Георгий II 628
 Церетели Зураб Константинович II 650
 Ципко Александр Сергеевич II 653
 Цой Валентин Евгеньевич I 301
 Цыганков Андрей Павлович I 272

Чапек Карел II 67, 568
 Чеботаревский Равкат Загидуллович I 328; II 277
 Чебриков Виктор Михайлович I 122
 Челноков Михаил Борисович I 688; II 56, 102, 147, 268, 496
 Чемберлен Остин I 697
 Червонопиский Сергей Васильевич I 247
 Черкасов Петр Петрович I 630
 Чернавин Владимир Николаевич II 653
 Черненко Константин Устинович I 91, 360, 627; II 256
 Черниченко Юрий Дмитриевич I 201, 251, 500; II 131
 Чернов Владимир Васильевич II 164
 Черномырдин Виктор Степанович II 55, 107, 126, 179, 180, 183, 191, 192, 197, 211, 215, 229, 242—245, 260, 267, 271, 362, 377, 410, 412, 433, 434, 436, 437, 439, 456, 497, 498, 518, 519, 533, 543, 552, 718
 Черняев Анатолий Сергеевич I 18, 98, 113, 150, 151, 153, 154, 194, 247, 252, 327, 330, 358, 371, 421, 459, 461, 467, 500—503
 Черняк Владимир Кириллович I 232, 233
 Черчилль Уинстон Леонард Спенсер I 72; II 420, 472
 Чикин Валентин Васильевич I 266; II 102, 656
 Чубайс Анатолий Борисович I 683; II 110, 181, 191, 245, 255, 552, 557, 646, 671
 Чубайс Игорь Борисович I 337

Шабад Анатолий Ефимович I 215, 504; II 608, 609
 Шаблинский Илья Георгиевич II 303, 319, 351—354, 376, 400, 410, 416, 431, 501, 502
 Шаймиев Минтимер Шарипович I 493
 Шамфор Никола-Себастьян де I 286

Шанцев Валерий Павлинович I 334
 Шаповаленко Владислав Александрович I 229, 230
 Шапошников Евгений Иванович I 617; II 461, 501
 Шаталин Станислав Сергеевич I 220, 250, 354, 407, 408, 412, 421, 430, 431, 439, 459, 500; II 341, 409, 544
 Шатров Михаил Филиппович I 121, 500
 Шафаревич Игорь Ростиславович I 146, 690; II 102, 219
 Шафраник Юрий Константинович II 575
 Шахназаров Георгий Хосроевич I 459, 468, 476, 492, 500, 501
 Шахновский Василий Савельевич I 696
 Шахрай Сергей Михайлович I 18, 323, 330, 433, 502, 516, 585, 586, 588, 592, 599, 600, 603, 604, 617, 667; II 25, 34, 35, 38, 42—44, 65, 66, 114, 188, 190, 222, 233, 256, 260, 271, 278, 300, 324, 330, 331, 339, 340, 347, 357, 358, 366—368, 370, 371, 373, 377, 386, 390, 392, 393, 399, 404, 408—410, 412, 456, 457, 460, 467, 482, 519, 528, 542, 552, 572, 590, 623, 628, 650, 651, 667, 685, 699, 719, 720, 723
 Шварц Евгений Львович I 125, 154
 Ше Мидон I 217; II 671
 Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич I 98, 212, 353, 415, 416, 428, 431, 456, 459, 500; II 143
 Шевелуха Виктор Степанович II 656
 Шевцова Лилия Федоровна I 18, 39, 40, 663, 677, 694, 701, 703; II 30, 63, 122, 257, 286, 406, 416, 629, 702, 717, 723, 725
 Шекспир Вильям II 288
 Шелов-Коведяев Федор Вадимович I 315
 Шенин Олег Семенович I 529, 531, 537, 559; II 290
 Шиханович Юрий Александрович I 217
 Шкаратан Овсей Ирмович I 212
 Шмелев Николай Петрович I 100, 151, 200, 214, 221, 222, 401, 635, 636, 640, 641, 647, 654, 662, 663; II 420, 437, 453, 497, 650
 Шнейдер Михаил Яковлевич I 684
 Шорин Владимир Павлович II 190
 Шостаковский Вячеслав Николаевич I 337, 363, 366
 Шохин Александр Николаевич II 439, 498, 650, 667
 Шпенглер Освальд I 143, 631
 Шполянский Аминад Петрович (Дон Аминадо) I 20
 Штауффенберг Клаус фон I 90
 Штротас Александр Юргисович I 624
 Шуйков Валерий Аверкиевич II 276
 Шумейко Владимир Филиппович I 578; II 21, 27, 55, 62, 113—116, 126, 179, 222, 224, 233, 245, 410, 439, 440, 442, 450, 484, 499, 520, 552, 708, 709, 723
 Шустрова Нина Яковлевна I 62
 Щелканов Александр Александрович I 612
 Щелкин Александр Георгиевич II 208
 Щербак Владимир Николаевич II 657

Щербак Юрий Николаевич I 612
Щербаков Владимир Иванович I 558, 559

Эйдельман Натан Яковлевич I 155; II 454
Эйнштейн Альберт I 134, 239
Энгельс Фридрих I 19, 247; II 409, 733
Эренбург Илья Григорьевич II 573
Этингер Яков Яковлевич I 624

Юргенс Игорь Юрьевич II 653
Юрьев Дмитрий Александрович I 279, 285, 502, 611
Юшенков Сергей Николаевич I 515, 700; II 113, 181, 269, 369, 446, 499, 562, 646

Яблоков Алексей Владимирович I 230, 234, 673
Явлинский Григорий Алексеевич I 18, 402—412, 420—422, 433, 439, 459, 521, 638, 639, 641, 642, 648, 649, 662; II 74, 186, 453, 454, 503, 544, 547, 562, 576, 660—664, 666—675, 677, 679—684, 697, 719—722
Ядов Владимир Александрович I 469
Язов Дмитрий Тимофеевич I 343, 460, 461, 479, 498, 516, 527, 536
Яковенко Игорь Александрович I 685; II 672, 676, 677, 721
Яковлев Александр Максимович I 222; II 390, 391, 410, 414, 415, 457
Яковлев Александр Николаевич I 18, 41, 44, 61, 81, 83, 91—94, 110—112, 120, 150—153, 155, 177, 195, 205—207, 210, 234, 249, 252, 304, 340, 353, 356, 358, 369, 371, 422, 428, 431, 459—461, 482, 500, 503, 509, 528; II 562, 649, 680, 727, 728
Яковлев Егор Владимирович I 118; II 109
Якубовский Дмитрий Олегович II 440, 441, 498
Якунин Глеб Павлович I 684; II 226
Янаев Геннадий Иванович I 416, 422, 459, 461, 477, 480, 500, 522, 529; II 521
Янов Александр Львович I 624
Ярин Вениамин Александрович I 338
Яров Юрий Федорович I 578; II 169, 170, 190, 214, 231, 410, 646
Ярошенко Виктор Николаевич I 363; II 439
Ярузельский Войцех I 437, 465, 524
Ярыгина Татьяна Владимировна I 402; II 673
Ясин Евгений Григорьевич I 402, 403, 412, 420, 421, 644, 662, 664; II 130, 285, 436, 437, 497

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ

Таблица 1. Изменения в составе высших органов КПСС	I, 113
Таблица 2. Социально-профессиональный состав Верховного Совета СССР (1984 г.) и Съезда народных депутатов СССР (1989 г.)	I, 163—166
Таблица 3. Социально-профессиональный состав СНД СССР (1989 г.) и СНД РСФСР (1990 г.)	I, 274—276
Таблица 4. Политическая ориентация депутатов на I Съезде народных депутатов РСФСР	I, 277—279
Таблица 5. Этапы распада КПСС и СССР	I, 599
Таблица 6. Рубежи противостояния на VI СНД РФ. Распределение 1038 депутатов по их позициям	II, 54
Таблица 7. Итоги голосования на референдуме 25 апреля 1993 г.	II, 302
Таблица 8. Избирательные и депутатские объединения. Выборы 1993 г.	II, 692—695
Таблица 9. Социально-профессиональный состав Съезда народных депутатов и Федерального собрания РФ	II, 706
Таблица 10. Итоги голосования на референдумах 25 апреля и 12 декабря 1993 г.	II, 710

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия наук СССР
АПР	— Аграрная партия России
БРНИ	— «Будущее России — новые имена»
ВПК	— военно-промышленный комплекс
ВР	— «Выбор России»
ВС	— Верховный Совет
ВЦИОМ	— Всероссийский центр изучения общественного мнения, с 2003 г. — Аналитический центр Юрия Левады («Левада-центр»)
ГК	— городской комитет
ГПУ	— Государственное правовое управление Администрации президента
ГС	— Гражданский союз
ДДР	— Движение демократических реформ
ДП	— Демократическая платформа в КПСС
ДПР	— Демократическая партия России
ДР	— «Демократическая Россия»
ЖР	— «Женщины России»
ИГПИ	— Институт гуманитарно-политических исследований
ИМЭМО	— Институт мировой экономики и международных отношений АН-РАН
ИНДЕМ	— Фонд «Информатика для демократии»
ИСПИ	— Институт социально-политических исследований РАН
КИАН	— Клуб избирателей Академии наук
КОР	— Комитет оброны работников (Комитет защиты рабочих), Польша
КК	— Конституционная комиссия Съезда народных депутатов РСФСР — РФ
КПРФ	— Коммунистическая партия Российской Федерации

КС	— Конституционное совещание
ЛДПР	— Либерально-демократическая партия
ЛДС	— Либерально-демократический союз
МАИ	— Московский авиационный институт
МДГ	— Межрегиональная депутатская группа народных депутатов СССР
МТ	— Клуб «Московская трибуна»
НПСР	— Народная партия «Свободная Россия»
ОК	— областной комитет
ОКДОР	— Общественный комитет демократических организаций России
ОПНР	— Объединение предпринимателей за новую Россию
ОФТ	— Объединенный фронт трудящихся
ПВС	— Президиум Верховного Совета
ПРЕС	— Партия российского единства и согласия
РАН	— Российская академия наук
РДДР	— Российское движение демократических реформ
РКП	— Российская коммунистическая партия
РКРП	— Российская коммунистическая рабочая партия
РНС	— «Российское народное собрание»
РОМИР	— Исследовательский центр «Российское общественное мнение и исследование рынка»
РПРФ	— Республиканская партия Российской Федерации
РХДД	— Российское христианско-демократическое движение
РХДС-НД	— Российский христианско-демократический союз — Новая демократия
СА	— Советская армия
СДПР	— Социал-демократическая партия России

СНД	— Съезд народных депутатов
СП	— Совет представителей
СПТ	— Социалистическая партия трудящихся
СрП	— Фракция «Согласие ради прогресса»
УК	— Уголовный кодекс
ФИАН	— Физический институт Академии наук
ФНС	— Фронт национального спасения
ФОМ	— Фонд «Общественное мнение»
ЦДХ	— Центральный дом художника
ЦИК	— Центральная избирательная комиссия
ЧП	— чрезвычайное положение
ЭПИцентр	— Центр экономических и политических исследований

Summary

The primary themes of the book are the prerequisites for the reestablishment of parliamentarianism, the rise, transformation, life and times, and eventual fall of Russia's first post-communist parliament against the background of the great social changes in the USSR and Russia in the end of 1980s — beginning of 1990s.

The book combines three narrative planes. *First* — events as perceived at the time by the author who was a direct participant. The book features analytical, polemical and op-ed pieces written by the author immediately after the events, texts of his speeches made at various academic conferences and political meetings, journal entries, etc. *Second* — analysis of the same events from a historical perspective, with commentary and reevaluation of views held at the time, based on documents (both published and unpublished) from the author's archive, and scholarly and other relevant writings. *Third* — personal sketches and memoirs. This unconventional approach to historical and political research allows the author to bring together a very vivid and, at times, emotional reaction to the unfolding events and their interpretation, enriched by the experiences of recent years and retrospective knowledge of the outcome of the dramatic changes that occurred in Russia during this critical stage.

The main narrative is preceded by historical background — a brief analysis of the transformations sustained by Russian parliamen-

tarianism and parliaments in the twentieth century. Pre-Revolutionary Dumas, Soviet quasi-parliaments and the USSR's and Russia's Congresses of People's Deputies all faced complex, and in many ways, similar problems.

Mikhail Gorbachev's *perestroika* marks the starting point of modern Russian parliamentarianism. The book depicts how the process of change began, including the hardships and contradictions it faced from the outset, and how politicians and experts reacted and rationalized first the emerging and then the actually occurring historical shifts. The critical moment was introducing relatively free and competitive elections. The election campaigns of 1989 and 1990 saw the emergence of new political forces that undermined the monopoly of the administrative structures of the Communist Party. The Inter-Regional Deputy Group first manifested itself as opponent political force at the Congress of People's Deputies of the USSR. With extraordinary speed, society seized the opportunity to exercise some of the fundamental freedoms granted by the reformers in the party and State leadership. The emergence of the Congress of People's Deputies of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, which in its early days positioned itself as the alternative center of power, marked the crossing of a historical threshold. The «revolution from above» had come to an end. The political class had split irrevocably.

The book examines in great detail the course of events that followed: the vigorous campaign of democrats who joined with influential groups in the Russian bureaucracy, the standoff between Yeltsin and Gorbachev, the move by the Communist Party *nomenklatura* to adopt anti-reformist positions, the internal decomposition of the ruling party that was coming to an end of its century-long life. In 1990—1991 the battle focused on two problems: the path of further economic development (the transition to a market economy) and the fate of the USSR (1991 Referendum, development of a new Union Treaty, and attempts to preserve the Soviet Union by force). This battle, which took quite a few dramatic turns, ended with the total

---

defeat of the reactionary coup, the downfall of the Communist Party and the collapse of the Soviet Union.

In the last months of 1991 another historical threshold was crossed. The victory over the putschists cleared the way politically for economic reforms and strengthening of power in Russia itself at the expense of the center. Both had uneven consequences. The Russian model for transition to a market economy led to the drastic and uncompensated decline in living standards for millions of people and the growing exacerbation of social problems in the country. Reform of the state led to the strengthening of its executive branch, dissolution of the USSR parliament and the weakening of Russia's parliament. A new political configuration was taking shape. On the one side, the Russian parliament was gradually falling under the control of revanchist, nationalist-communist forces which reflected and perpetuated the social discontent in the country as a means of attempting to take over the power. On the other side stood the institution of the presidency. It represented a coalition of new-old bureaucrats and the democratic intelligentsia. The democrats, who ensured the communication between the president and supporters of reform in the country, played an auxiliary role from the beginning in this coalition.

In 1992—1993, earlier conflicts were pushed aside, the author shows, by new ones no less acute. Confrontation was mounting and became more severe. At every Congress, starting with the sixth, political battles unfolded. The president's influence on the parliament was weakening. The parliament itself was falling under the sway of irresponsible leaders, and instead of turning into a platform for reconciling the interests of the elites and society, it was drawn into their internecine battle and became the political stronghold of one side. Attempts to find a compromise that would help save parliament and strengthen parliamentarianism collapsed one after another. The «rules of the game» were violated by both sides.

The book pays special attention to the problems of Russia's new Constitution which took central place in the political struggle of 1993. The author examines the performance of the Constitutional

Commission of the Congress and the Constitutional Assembly instituted by the President, the competing drafts of the Constitution, the process of developing a single fundamental law and its fluctuations due to the shifts in the balance of forces.

In the autumn of 1993 the clash between opposing parties nearly spilled over into a civil war. In his fight against the forces controlling the parliament, the president stepped outside the framework of the Constitution. The author shows however that the resulting rebellion of the extreme revanchists, who were joined by a number of deputies, could have had much more grave, even catastrophic, consequences in the event of their success.

Genuine parliamentarianism, a democratic governmental structure, an electoral law that would pave the way to a modern party and political system, civil society institutions independent of the government — these were the goals declared by the nascent Russian democracy of 1985—1993. And some progress at that time was made in each of these areas. The decay of each of these institutions in the subsequent years, concludes the author, is self-evident. But what is highly unlikely is that anyone will succeed in expunging from the collective consciousness the memory of that dash to freedom which burst forth in late 1980s — early 1990s. That is the enduring significance of the stormy and discordant watershed years in Russia's history.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической

платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@ceip.org

<http://www.ceip.oig>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (095) 935-8904; Факс: +7 (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ)

История создания Фонда ИНДЕМ восходит к середине 70-х годов. Тогда руководители кафедры вычислительной математики и программирования и кафедры новой и новейшей истории МГПИ им. В. И. Ленина свели молодого ученого-математика Г. Сатарова и выпускника истфака С. Станкевича для совместной научной работы. Именно тогда они образовали долговременный исследовательский тандем и начали изучать расстановку политических сил в Конгрессе США, применяя математико-статистические методы для анализа результатов голосований. Симбиоз математики и истории удался. Тандем продержался более десяти лет и породил немало новых, интересных результатов и в истории, и в политологии, и в прикладной математической статистике.

В октябре 1990 года была зарегистрирована независимая общественная научно-исследовательская организация — Центр прикладных политических исследований «Информатика для демократии» (ИНДЕМ).

С момента своего образования Центр ИНДЕМ представлял собой коллектив высокопрофессиональных ученых, специализировавшихся в области социологии, политики, политической психологии, информатики и математического моделирования.

В конце 1997 года было принято решение создать Фонд ИНДЕМ, в который вошли и прежние учредители — активные участники Центра ИНДЕМ.

На сегодняшний день Фонд ИНДЕМ силен не только составом участников, но и широким кругом высокопрофессиональных экспертов, сотрудничающих с Фондом. Среди них — лучшие социологи, экономисты, политологи и юристы.

Главной целью деятельности Фонда ИНДЕМ с момента его создания является содействие становлению демократических институтов в России. Для достижения этой цели Фонд ИНДЕМ постоянно ведет работу по нескольким направлениям, а именно:

- изучение партий, общественных движений, их лидеров и программ;
- реализация крупных социологических программ по изучению социально-политической жизни России;
- осуществление исследовательских проектов по актуальным проблемам жизни страны (коррупции, политическому экстремизму, государственному устройству и т. п.);
- инициализация крупных проектов, связанных с развитием институтов гражданского общества;
- научно-консультационная и преподавательская деятельность, направленная на распространение информации и знаний, полученных Фондом «ИНДЕМ» в исследованиях политического процесса и функционирования демократических институтов;
- разработка новых исследовательских технологий и программного обеспечения;
- участие в гражданских коалициях разнопрофильных неправительственных организаций.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ИНФОРМАТИКА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ»
(ФОНД ИНДЕМ)

101000, Россия, Москва,

Б. Златоустинский пер., 8/7, офис 1

тел./факс: +7(095) 206-81-72

e-mail: fond@indem.ru

<http://www.indem.ru>

Шейнис Виктор Леонидович
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА
Переломные годы в российской политике (1985—1993)
Том 2

Редактор М. П. Павлова-Сильванская
Корректор А. И. Иоффе
Дизайн ЯKrasnovsky
Верстка Д. И. Карамышев

Подписано к печати 01.09.05
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Times CY.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 48,25
Тираж 1000 экз.

Издательство Р. Элинина (classick@mtu-net.ru),
127562, Москва, Проспект Мира, д. 36, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Гриф и К», г. Тула
Заказ № 216-07

Виктор Леонидович Шейнис всегда был необычным политиком. Его книге абсолютно не свойственна поверхностность романтического времени, как она не была свойственна автору и в то благословенное время. Поэтому ему не зазорно честно и подробно цитировать свои статьи прежних времен.

Я рад появлению этой книги. Ее не доставало. Ощущается явный дефицит работ, в которых включенность участника событий совмещается с глубоким аналитическим подходом. Историография Великой буржуазной революции конца XX века обогатилась важнейшим источником. С этим я поздравляю будущих читателей Виктора Леонидовича Шейниса.

Г. А. Сатаров, Президент Фонда «ИНДЕМ»

В. Шейнис прошел сложнейший и драматический путь депутата, одного из лидеров оппозиционной партии «Яблоко», создателя российского избирательного права. Наблюдения, анализ, оценки и выводы, просто размышления, которые стали канвой его книги, представляют собой неоценимый клад для любого исследователя новой российской истории. Эти размышления тем более важны, что они принадлежат человеку с уникальным исследовательским даром и, что не менее важно, а может, и более важно — участнику событий.

Эта книга — явление в российской политологической и мемуарной мысли.

Л. Ф. Шевцова, ведущий исследователь Фонда Карнеги

Виктор Леонидович Шейнис написал замечательную книгу. Это первый исчерпывающий и убедительный рассказ о взлете и падении парламента и более того — о переходе к демократии в последние годы существования Советского Союза и в первые годы новой России. Шейнис стоял в центре событий и был одним из тех, кто творил эту историю. В его книге читатель найдет не только личные впечатления и анализ, но и подлинные документы той эпохи. Среди работ, посвященных данному историческому периоду, книга эта сразу же займет одно из центральных мест. Она будет жить долго. С нею станут сверяться, ее будут цитировать и в следующие десятилетия историки всего мира, благодарные Виктору Леонидовичу за это мастерское исследование.

Майкл Макф
Гуверовского

ерситета